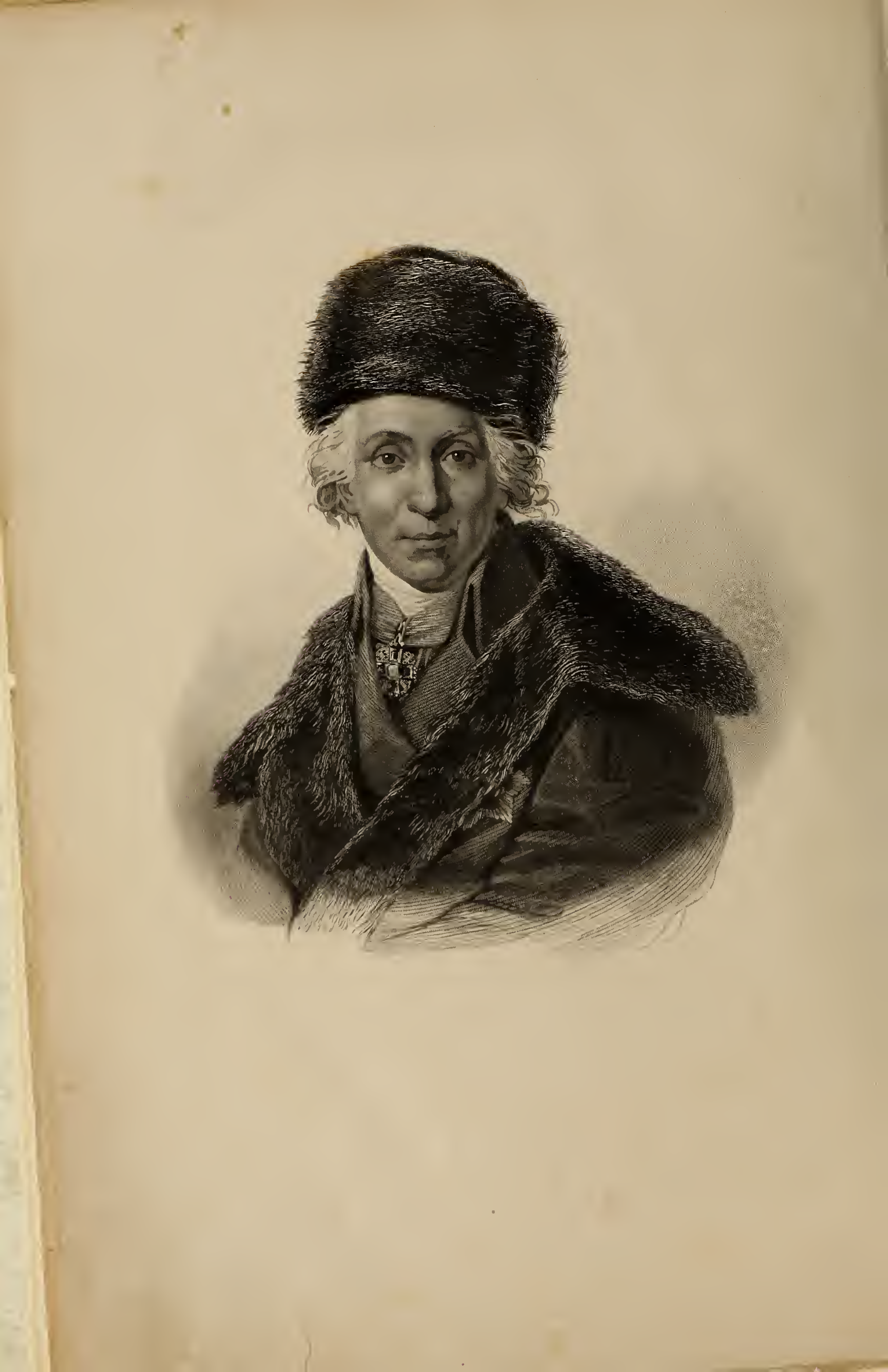
СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА.



СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный.
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ, весь я не умру, но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая....
Памятникъ.

Въ могилѣ буду я, но буду говорить!
Посвященіе Екатеринѣ.

БІОГРАФІЯ ПИСАНА Н. А. ПОЛЕВЫМЪ.

Изданіе Д. П. Штукина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНСТАНТИНА ЖЕРНАКОВА.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ
С. Петербургъ, 15-го Ноября 1844 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Желая издать Сочиненія великаго поэта Русскаго, въ видѣ, сколько возможность мнѣ дозволяла, достойномъ генія его, и благоговѣнія къ нему современниковъ и потомства, я прибѣгнулъ къ пособію опытныхъ литераторовъ и художниковъ. Почитатель памяти Державина, Н. А. Полевой, по просьбѣ моей, расположилъ въ новомъ порядкѣ всѣ его сочиненія, наблюдалъ за возможною полнотою ихъ въ моемъ изданіи, написалъ краткое изображеніе жизни, разборъ «Сочиненій Державина», и составилъ хронологическую роспись ихъ. Не осмѣливаясь объяснять достоинствъ моего изданія, могу сказать, что изъ всѣхъ донынѣ вышедшихъ оно *самое полное*, ибо въ немъ помѣщены, кромѣ всего, что находилось въ другихъ изданіяхъ, разсужденіе Державина о Лирической Поэзіи, и считавшіяся донынѣ потерянными Оды Читалигарскія. Не смотря на то, что желалъ сдѣлать мое изданіе сколько можно болѣе доступнымъ каждому по цѣнѣ, не жалѣлъ я однакожь издержекъ на художественныя украшенія. Портретъ Державина, вновь нарисованный извѣстнымъ художникомъ Р. К. Жуковскимъ, и имъ же рисованный заглавный листъ, гдѣ изображена гробница Державина, выгравированы въ Лондонѣ, на стали, однимъ изъ лучшихъ Англійскихъ граверовъ. Кромѣ того приложены, въ началѣ книги политипажная виньетка съ картины Рафаэля, и въ концѣ литографированное изображеніе памятника, воздвигаемаго Державину въ Казани. Наградою моею будетъ, если Русскіе читатели скажутъ, что не одно желаніе корысти руководствовало мною въ моемъ предпріятіи, и что оно, хотя отчасти, выполняетъ требованія просвѣщенныхъ любителей отечественной словесности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЭЛЕГИЧЕСКІЯ.

СКАЗКИ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

САТИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВАКХИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ.

ПОДРАЖАНІЯ АНАКРЕОНУ.

ПОДРАЖАНІЯ ГОРАЦІЮ.

ДЕРЖАВИНЪ

И

ЕГО ТВОРЕНІЯ.

I.

Шестдесятъ лѣтъ слишкомъ тому, въ 1782 году, Россія праздновала наступленіе *двадцать перваго года* царствованія императрицы Екатерины II. Уже двадцать лѣтъ владычествовала она надъ Русскою землею. Яркій рядъ дѣлъ и событій являли сіи двадцать лѣтъ, и еще болѣе обѣщали въ будущемъ. Крѣпко, сильно, роскошно, великолѣпно было царствованіе Екатерины. Дочь Прусскаго генералъ-майора, владѣтеля небольшаго Нѣмецкаго княжества, подвластнаго Пруссіи, соединенная съ наслѣдникомъ престола Россійскаго, четырнадцати лѣтъ явилась Екатерина въ Россіи. Красавица, живая, веселая, казалось, она думала только о наслажденіяхъ жизнью вступая въ супружество (Іюня 11-го 1744). Вскорѣ не узнавали Екатерины. Въ глубокое уединеніе сокрылась она, удаляясь отъ Двора. Изумлялись, когда появлялась она при Дворѣ, ея величественной красотѣ, замѣчали въ ней умъ обширный, знанія необыкновенныя, но все еще не могли вполнѣ постигнуть Екатерины, пока воля провидѣнія, черезъ восмнадцать лѣтъ по вступленіи въ супружество, не призвала ея на престолъ, въ 1762 году.

Въ первый разъ послѣ Петра Великаго увидѣли власть самодержавную въ рукахъ властительницы царства, власть сильную, ни чѣмъ не ослабляемую. Еще изумительнѣе было, когда Екатерина Алексѣевна, иноземка по рожденію, явилась вполнѣ Рускою, пламенно преданною вѣрѣ, славѣ, чести, правамъ, даже языку Русскому. Въ первыхъ распоряженіяхъ и дѣлахъ своихъ Екатерина показала твердую самобытность, силу воли, дальновидную политику. Мысль ея простиралась на всѣ части государственнаго правленія, и черезъ двадцать лѣтъ цари называли ее Сѣверною Семирамидою, народъ именовалъ Матушкою Царицею, и потомство подтвердило наименованіе *Великой*, данное Екатеринѣ современниками. Царствованіе ея было продолженіемъ царствованія Петра Великаго. Время, протекшее между ними, казалось временемъ какого-то смутнаго перехода.

Невозможно въ немногихъ чертахъ изобразить вполнѣ общности великихъ событій и дѣлъ, и измѣненій и слѣдствій, изъ того и другаго происшедшихъ, глубоко отразившихся въ государственномъ бытіи Россіи.

Первымъ подвигомъ Екатерины во внѣшней политикѣ была самостоятельность, показанная ею въ дѣлахъ съ Фридрихомъ Великимъ, думавшимъ увидѣть въ Русской Царицѣ легкое орудіе своихъ честолюбивыхъ плановъ. Воля Екатерины заставила его отказаться отъ горделиваго преобладанія въ Европѣ и заключить миръ. Екатерина умирила Европу. Такую же непобѣдимую, твердую волю явила она вскорѣ потомъ въ дѣлахъ съ Польшею, Швеціею, Турціею, не страшась союзовъ Франціи, Пруссіи и Австріи. Когда укрощеніе волненій Польши повело къ раздору съ Турціею, Екатерина приняла вызовъ на битву, выдержала тяжелую пятилѣтнюю войну, при внутреннихъ бѣдствіяхъ, непріязненныхъ отношеніяхъ Франціи, Австріи, Пруссіи, и многихъ военныхъ неудачахъ. Миръ съ Турціею, власть надъ Крымомъ, флотъ на черномъ морѣ, виды на обладаніе всѣми южными обла-

стями Черноморскими, первый раздѣлъ Польши, искусная система въ дѣлахъ Европы, планы о движеніи Русской власти за Кавказъ и въ Азію, преобладаніе надъ Польшею и Швеціею, союзъ Австріи, укрѣпленный дружбою Іосифа, и смѣлый вызовъ Оттомановъ на вторую войну—таковы были слѣдствія внѣшнихъ дѣлъ Екатерины. Европа боялась за Царьградъ, и предвидѣла полетъ Русскаго орла на стѣны Варшавы.

Не менѣе важны были внутреннія дѣла — устройство гражданское, новые законы, преобразованіе войскъ, усиленіе флота, заботы о просвѣщеніи и образованіи народа, здоровьи народномъ. Торговля и промышленность оживились новою дѣятельностію.

Удивительны были обширность мыслей Екатерины и постоянство въ достиженіи цѣли, но особеннымъ и отличительнымъ свойствомъ всѣхъ дѣлъ ея было умѣнье придавать величіе и блескъ всему, что она предпринимала, отъ великаго до малаго. Недовольно было ей побѣдъ—она посылала Русскій флотъ къ Царьграду, жгла Турецкіе корабли въ Архипелагѣ, закладывала великолѣпный дворецъ въ Кремлѣ во время тяжелой войны, ставила великолѣпные памятники побѣдамъ, съ именами *Задунайскаго*, *Чесменскаго Крымскаго*, *Таврическаго*, *Рымникскаго* сохраняя память великихъ подвиговъ. Сзывая все государство свое писать законы, она сама составляла свой безсмертный *Наказъ* депутатамъ, и являлась среди ихъ мудрою законодательницею. Щедро украшала Она столицу дворцами, храмами, памятниками. Женщина на тронѣ, она не могла оказывать лично дѣятельности Петра Великаго, но умѣла избирать себѣ помощниковъ, вельможъ, полководцовъ, министровъ, судей, умѣла понимать способности каждаго, умѣла мирить страсти ихъ, замѣнять одного другимъ, и сама являлась народу только въ величіи императрицы, въ раззолоченныхъ чертогахъ своихъ, или показывалась среди своего великолѣпнаго Двора. Не только повиновались ей — передъ ней благоговѣли. Отъ гнѣвнаго взора ея трепеталъ виновный, хотя милость всегда являлась въ дѣлахъ, и даже въ рѣчахъ и осанкѣ Екатерины.

Екатерина казалась народу божествомъ, и была называема Матерью, отвергнувъ титулъ *Великой*, поднесенный ей Россіею. Могла ли Екатерина, для которой благо Россіи и слава имени Ея были нераздѣльны, могла ли она не сознавать необходимости наукъ, искуствъ и литтературы для блага подданныхъ и для славы своего имени? Она сознавала сію необходимость, но кромѣ того любила ученіе, науку, искуство, литтературу, находя въ нихъ одно изъ услажденій жизни. Умная родительница дала ей превосходное образованіе и возбудила въ ней охоту къ чтенію. Скрываясь въ уединеніи во все время царствованія Елисаветы и супруга своего, въ наукахъ, искуствахъ и книгахъ находила Екатерина отраду, и не разставалась съ ними, когда взошла на тронъ, удѣляла имъ часы досуга, и допускала ихъ въ небольшой кругъ избранныхъ людей, гдѣ забывала величіе царицы и являлась доброю, привѣтливою хозяйкою. Попеченіе Екатерины о водвореніи въ Россіи просвѣщенія, образованія, наукъ и литтературы были обширны и безпрерывны, и вѣкъ Екатерины былъ временемъ блестящихъ явленій наукъ, искуствъ и литтературы Русской.

Новая жизнь дана была Екатериною народному воспитанію. Кадетскій Корпусъ, Смольный монастырь, Воспитательный Домъ, Горный Корпусъ, Коммиссія для учрежденія училищъ въ Россіи были ею посвящены воспитанію народному. Дѣятельность Академіи наукъ ознаменовалась систематическими путешествіями ученыхъ по Россіи, когда Чичаговъ, Лаксманъ, Биллингсъ совершали морскія путешествія, а Муловскій готовился въ путь кругомъ свѣта. Сокровища художествъ собирались въ Эрмитажѣ. Академія художествъ была преобразована. Экономическое Общество заботилось о сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Со временъ Екатерины просвѣщеніе не сосредоточивалось въ высшихъ званіяхъ и въ столицахъ, но разливалось всюду и между всѣми. Собственно на литтературу были обращены особыя попеченія Екатерины.

Великіе земли не создаютъ и не могутъ создать дарованій, но подобно солнцу, они могутъ споспѣшествовать преспѣянію ихъ своимъ вниманіемъ, почетомъ, уваженіемъ, въ какое ставятъ они дарованіе и науку. Екатерина вполнѣ постигала сію тайну. Она чтила дарованіе, согрѣвала его любовью, ободряла собственнымъ примѣромъ. Россійская Академія готовилась заняться правилами Русскаго языка. Особенный Переводный Департаментъ былъ учрежденъ для обогащенія Русской литтературы переводами, которые вмѣнялись кромѣ того въ обязанность Академіи наукъ. Ученое Общество при Московскомъ Университетѣ, открытіе архивовъ, позволеніе заводить частныя типографіи, умноженіе повременныхъ изданій, приближеніе къ особѣ Императрицы людей ученыхъ и писателей, личное вниманіе Императрицы къ каждому изъ нихъ, не смотря на званіе его въ обществѣ, наконецъ, Ея собственныя занятія литтературою—таковы были средства, коими возраждала и поощряла литтературу Екатерина. Другъ Императрицы, княгиня Е. Р. Дашкова была назначена президентомъ обѣихъ Академій. И. И. Шуваловъ, вельможа вѣка Елисаветы, являлся посредникомъ между престоломъ и литтераторами. Мелиссино, Безбородко, Завадовскій, Храповицкій, Львовъ, Троцинскій, близкіе люди Императрицы, предъявляли права на литтературныя заслуги. Первый изъ духовныхъ витій, архимандритъ (въ послѣдствіи знаменитый Московскій митрополитъ) Платонъ былъ наставникомъ Наслѣдника, и литтераторъ Муравьевъ назначенъ былъ воспитывать

внуковъ Императрицы. Сама Екатерина, переписываясь съ Вольтеромъ, призывала ко Двору своему Дидерота, писала Русскую Исторію, сочиняла драматическія пьесы, учебныя книги, сказки своимъ внукамъ, переводила въ своемъ обществѣ Мармонтелева Велизарія, печатала свои статьи въ журналахъ, дозволяла рѣзкіе, шутливые листочки Новикова, слушала чтеніе комедій Фонъ-Визина и сама отвѣчала на его смѣлые вопросы; посѣщала Ломоносова въ его смиренномъ домикѣ; прощала вздорливость нрава Сумарокову; велѣла воспитывать мѣщанина Мерзлякова, приславшаго ей оду, доносить ей объ успѣхахъ его ученія, и писала Брюсу, когда онъ остановилъ трагедію молодаго Николева, видя въ ней какое-то опасное изображеніе тирана: *Напрасно боитесь вы сходства въ портретѣ со мною. Авторъ изображаетъ тирана, а меня называютъ Матерью Отечества.* Повторяемъ: вѣкъ Екатерины былъ временемъ блестящихъ явленій науки, искуства, литтературы Русской, вѣкомъ развитія умственной жизни Россіи.

Повѣсть о *жизни и твореніяхъ Державина* надобно начать изображеніемъ *вѣка Екатерины*, ибо Державинъ и его творенія принадлежали сему вѣку, были его созданіемъ, остались его знаменіемъ, и отразили на себѣ всѣ его достоинства и всѣ недостатки его — недостатки, повторимъ, ибо на землѣ нѣтъ совершенства.

Явленія нравственной жизни Россіи, въ самомъ дѣлѣ, были блестящи. Остановимся на 1782 годѣ, и взглянемъ на тогдашнюю литтературу Русскую, ибо тогдашнее состояніе наукъ и искуствъ не принадлежитъ къ нашему обозрѣнію.

Переходъ въ двадцать лѣтъ, отъ времени Елисаветы, съ 1762 года, былъ изумительный. За двадцать лѣтъ въ Русской литтературѣ сиротѣли только *Кантемиръ* и *Ломоносовъ*, трагодѣйствовалъ *Сумароковъ*, и дикими гласами стихотворствовали *Буслаевъ* и *Тредьяковскій*. Въ 1782 году Русская литтература являла опыты созданій во всѣхъ родахъ литтературы. Множество переводовъ съ древнихъ и новыхъ языковъ было кончено и еще болѣе начато. Изданы важныя и обширныя ученыя сочиненія. *Шлецеръ*, *Миллеръ*, *Щербатовъ*, *Болтинъ*, *Голиковъ* работали надъ Русскою Исторіею. Самые живые двигатели литтературы, *журналъ* и *театръ*, были дѣятельнѣе, нежели когда либо, даже въ послѣдствіи. На сценѣ явились трагедіи и комедіи *Княжнина*, Бригадиръ и Недоросль *Фонъ-Визина*, Мѣльникъ *Аблесимова*, комедіи *Ефимьева*, *Клушина*, *Плавильщикова*, трагедіи и драмы *Хераскова*, трагедіи *Майкова*. Журналы обняли всѣ отрасли литтературы, отъ самыхъ высшихъ ученыхъ предметовъ до болтовни о правахъ и сатиры. Въ другихъ родахъ литтературы, Херасковъ оканчивалъ двѣ эпопеи и своего Кадма и Гармонію; *Петровъ* явился съ переводомъ Энеиды, а *Костровъ* съ переводомъ Иліады; *Хемницеръ* написалъ свои остроумныя притчи; *Богдановичъ* плѣнилъ читателей своею Душенькою. Юныя дарованія *Нелединскаго*, *Николева*, *Долгорукаго*, *Капниста*, *Дмитріева*, *Карамзина*, *Боброва*, *Муравьева* сказывались въ опытахъ, еще робкихъ, но уже показывавшихъ болѣе или менѣе обширное, но несомнѣнное дарованіе.

Будемъ признательны, но будемъ и безпристрастны. Во всемъ исчисленномъ нами было не много самобытнаго, и все носило слѣды подражанія, было сколкомъ съ чужаго и плодомъ скороспѣлой производительности, парниковымъ растеніемъ, пересаженнымъ изъ чужбины, а не прозябшимъ изъ нѣдръ Русской земли. Тутъ однакожь нельзя безотчетно винить нашихъ дѣдовъ: такова участь всѣхъ образованій, являющихся послѣ другихъ. Увлеченные превышающимъ образованіемъ предшественниковъ, невольно впадаютъ они въ подражаніе имъ, видятъ въ нихъ образцы, и думаютъ творить по чужимъ образцамъ, забывая самобытныя начала, которыя всегда и вездѣ предшествуютъ чуждому, перенимаемому въ послѣдствіи. Иныя образованія тѣмъ и кончатъ. Для другихъ наступаетъ потомъ второй періодъ — время возрожденія самобытнаго, сознанія родныхъ силъ, развитія народныхъ мыслей. Дѣды наши не избѣгли общей участи, но замѣтьте однакожь, что ихъ подражательность была разнообразна, труды, подъятые ими, были огромны. Соображая то и другое, мы не посмѣемъ ни гордиться передъ ними, ни упрекать ихъ. Посмотрите на переводы древнихъ и новыхъ классиковъ, на заимствованія изъ всѣхъ литтературъ, Нѣмецкой и Англійской, Французской и Италіянской, на многотомныя изданія книгъ, на дѣятельность Новикова, на смѣлость мысли создавать трагедію, комедію, эпопею, или составлять словарь Русскій. Все это было грубо, недостаточно, несовершенно — такъ, но *было*, и такимъ ли шагомъ шли послѣ того, и такъ ли идемъ даже *мы*, пережившіе послѣ того три четверти вѣка — и какого еще вѣка! Замѣтимъ наконецъ, что Екатерина видѣла далѣе своихъ современниковъ. Она чувствовала и понимала, что наши сценическіе Мстиславы и Владисаны были взяты съ Расиновыхъ и Вольтеровскихъ подлинниковъ; наши Андрюшки и Аксюшки были передѣтыя Финетты и Криспены; Россіяда была слѣплена по Генріадѣ; шутка Хемницера поживилась у Геллерта; Душенька была родня Лафонтеновой Психеѣ; ода пѣлась по старому, однажды настроенному, Ломоносовскому ладу, а журналисты остроумничали, заглядывая изподтишка въ листочки Аддисона и Стиля. Екатерина старалась раскрыть самобытныя народныя стихіи. Составляя словарь, она велѣла искать богатствъ Русскаго языка въ простонародьи и въ памятникахъ Славянскихъ, приказывала издавать лѣтописи, собирать и печатать сказки, пословицы, пѣсни Русскія, передѣлывала Русскія преданія въ разсказы, комедіи, оперы. Въ 1782 году княгиня Е. Р. Дашкова возвратилась изъ вторичнаго путешествія по Европѣ, не бывши въ Россіи двѣнад-

цать лѣтъ. Екатерина помирилась въ нею, забыла старыя досады, и отказавшись отъ прежнихъ честолюбивыхъ замысловъ своихъ, Дашкова хотѣла славиться только покровительствомъ образованію и просвѣщенію. Она возобновила свое старинное знакомство съ И. И. Шуваловымъ. Онъ также прожилъ за границею пятнадцать лѣтъ, и по возвращеніи своемъ, въ 1777 году, занимался только попеченіями о пользѣ наукъ и благѣ просвѣщенія. Обрадованная умною бесѣдою Шувалова, Екатерина осыпала старика Елисаветинскаго милостями, дала ему Андреевскую и Владимірскую звѣзды, и онъ казался патріархомъ въ Эрмитажной бесѣдѣ Императрицы. Дашкова и Шуваловъ были друзьями Императрицы, въ ея маленькомъ обществѣ забывавшей царское величіе. Знакомые съ образованіемъ Европы современной, Дашкова и Шуваловъ предлагали Императрицѣ многія новыя предположенія, и по ихъ мысли, въ 1782 году, была основана Россійская Академія. Дашкова пожалованная въ званіе президента Академіи наукъ, была также президентомъ и новой Академіи. Въ числѣ средствъ для успѣховъ литтературы поставила она изданіе сборника избранныхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ. Императрица одобрила мысль, хотѣла сама участвовать въ сборникѣ, который назвали *Собесѣдникомъ любителей Русскаго слова*. Въ домѣ Дашковой собирались ученые, художники, литтераторы; Львовъ читалъ своего Добрыню; Фонъ-Визинъ разсказывалъ планъ начатой имъ, послѣ двадцатилѣтняго молчанія, новой комедіи, Недоросль; Храповицкій, секретарь Екатерины по литтературнымъ дѣламъ, пересказывалъ о планахъ оперъ и комедій, которыя писалъ вмѣстѣ съ Императрицею; Богдановичъ и Хемницеръ, являясь среди другихъ, забавляли своимъ поэтическимъ добродушіемъ. Можетъ быть, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, гдѣ соединялись занятія литтературою и искуствами, Козодавлевъ (въ послѣдствіи знаменитый министръ, но тогда только секретарь Академіи), представилъ между прочимъ Дашковой стихотвореніе одного изъ своихъ знакомыхъ, чиновника, служившаго при генералъ прокурорѣ, князѣ Вяземскомъ: сей чиновникъ былъ *Державинъ*, а стихотвореніе его была *Фелица*. Изумленная смѣлостью мысли и новостью языка, Дашкова хотѣла немедленно показать стихи Императрицѣ. Козодавлевъ умолялъ ее, ради Бога не показывать, но хранить стихотвореніе въ глубокой тайнѣ. Онъ разсказывалъ, что Фелица и безъ того едва не надѣлала автору большихъ хлопотъ. Разсказъ Козодавлева былъ слѣдующій: нечаянно увидѣлъ онъ у Державина Фелицу, выпросилъ ее прочитать теткѣ своей, не вытерпѣлъ — списалъ и показалъ И. И. Шувалову, отъ коего авторъ хранилъ Фелицу подъ замкомъ тайны. Умные пріятели, съ коими совѣтовался авторъ, Львовъ, Хемницеръ и Капнистъ, совѣтовали ему не показывать никому Фелицы. Шуваловъ, восхищенный ею, выпросилъ у Козодавлева позволеніе списать. Черезъ нѣсколько дней у Шувалова обѣдали Безбородко, Завадовскій и многіе другіе. Говорили о словесности — тогда говаривали объ Русской словесности въ блестящихъ салонахъ, за гастрономическими пирами— жалѣли, что у Рускихъ нѣтъ такихъ пріятныхъ, легкихъ стихотвореній, какія есть у Французовъ, заспорили даже, будто по Русски нельзя писать ихъ, и Шуваловъ, разгоряченный споромъ, прочелъ Фелицу и восхитилъ всѣхъ собесѣдниковъ. О Фелицѣ заговорили, сказали даже о ней *Свѣтлѣйшему* (иначе не называли Потемкина, тогда великаго и могущаго). Онъ пожелалъ прочесть Фелицу. Испуганный его требованіемъ, Шуваловъ призвалъ автора Фелицы, покаялся ему въ нескромности и спрашивалъ: «Какъ намъ быть и что дѣлать?» Авторъ смутился, но рѣшилъ, что идти прямою дорогою всего вѣрнѣе, и — Фелицу послали къ Потемкину. Ничего не было послѣ того слышно. Не зная, гнѣвъ или благоволеніе означаетъ молчаніе Потемкина, рѣшились, на всякій случай, замолвить словцо за бѣднаго поэта Императрицѣ. «Будьте благонадежны!» отвѣчалъ Безбородко, какъ онъ всегда говаривалъ, и разумѣется, тѣмъ кончилъ. Вѣроятно, Потемкинъ пробѣжалъ Фелицу въ минуту досуга, между мыслью о завоеваніи Царяграда и выдумкою новаго кушанья. Фелица замолкла, и сочинитель ея былъ весьма радъ, что отдѣлался только страхомъ. Въ слѣдствіе всего Дашкова должна была дать Козодавлеву слово молчать о Фелицѣ, и Козодавлевъ, боявшійся непріятностей отъ вторичной нескромности своей, повѣрилъ обѣщанію.

Дашкова согласилась «молчать,» но не давала слова «не печатать» Фелицы. Зная умъ и сердце Екатерины, она поступила рѣшительно: напечатала Фелицу въ первомъ листѣ Собесѣдника, и не предваряя Императрицы, оставила у нея на столѣ свой докладъ съ Фелицею. На другой день явилась Дашкова и увидѣла Екатерину съ листочками Собесѣдника въ рукахъ. Екатерина читала ихъ и плакала. Дашкова смутилась и молчала. Императрица обратилась къ ней съ вопросомъ: «Гдѣ взяли вы, Екатерина Романовна, вотъ это сочиненіе?» Не зная что значитъ вопросъ, Дашкова не знала какъ и что отвѣчать. «Чего вы опасаетесь?» сказала ей Екатерина. «Хочу только слышать, кто такъ хорошо меня знаетъ и такъ вѣрно описываетъ, что — видите ли—я плачу!» Дашкова ободрилась, сказала имя автора, объяснила, кто онъ — можетъ быть, разсказала всѣ прежнія похожденія Фелицы. Императрица велѣла ей молчать. Вмѣстѣ расположили онѣ, чѣмъ можно было изъявить поэту *царскую* благодарность.

На другой день Державинъ, ничего не зная, находился у своего начальника, князя Вяземскаго, когда неожиданно сказали ему, что его кто-то спрашиваетъ. Онъ вышелъ и возвратился къ Вяземскому въ смущеніи, котораго нельзя даже было назвать радостью—такъ случай былъ страненъ и неожиданъ: Державина спрашивалъ почтальонъ и вручилъ ему пакетъ. На оберткѣ

пакета было написано: *Изъ Оренбурга, отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Фелицы, мурзѣ Державину*. Развернувъ пакетъ, Державинъ увидѣлъ золотую драгоцѣнную табакерку, осыпанную брильянтами и наполненную червонцами (въ ней было 500 червонцовъ). Съ благоговѣніемъ узналъ Державинъ почеркъ надписи пакета: то былъ *почеркъ Екатерины*.

Возвратясь къ Вяземскому, Державинъ показываетъ подарокъ и въ смятеніи спрашиваетъ: долженъ ли онъ принять? Грозно взглянулъ угрюмый вельможа, но увидѣвъ подарокъ, узнавъ надпись, измѣнилъ выраженіе, и улыбаясь сказалъ: «Вижу, братецъ, вижу! Почему же такого подарка не принять! Да, за что бы это?» прибавилъ онъ, *съ видомъ нѣкотораго неудовольствія*. Смущенный Державинъ отвѣчалъ, что вѣроятно, стихи, которые, ея сіятельство, Е. Р. Дашкова напечатала *безъ его вѣдома* (важное обстоятельство!) въ *новой книгѣ*, доставляютъ ему милость и благосклонность Императрицы. Державинъ поспѣшилъ къ Дашковой, и она восхитила его разсказомъ о благоволеніи Императрицы и позволеніи явиться ко Двору, благодарить *Фелицу* за награду. Въ первое воскресенье послѣ того, въ Кавалергардской залѣ Зимняго дворца, съ благоговѣйнымъ трепетомъ преклонился передъ Императрицею Державинъ. Она остановилась, посмотрѣла на него *особливымъ проницательнымъ видомъ, котораго не могли не замѣтить*, и подала ему поцѣловать руку. Ни слова не было сказано.

Черезъ нѣсколько дней Державину дали чинъ статскаго совѣтника, и онъ сдѣлался предметомъ общаго любопытства и разговора столицы. Кто никогда и ничего не читалъ, тотъ читалъ и списывалъ Фелицу. Не знали именъ многихъ знаменитыхъ людей и всѣ узнали имя Державина. Любимымъ гостемъ знатныхъ людей сдѣлался Державинъ. Его искали въ свѣтскихъ обществахъ. Поэты писали къ нему посланія. Толпа литтературная пустилась подражать ему. Говорили, что Императрица разсылаетъ его Фелицу ко многимъ, отмѣчая въ ней стихи карандашемъ.

Но кто такой былъ *Державинъ*, и что такое была *Фелица*, возбуждавшая сначала такое опасеніе, а потомъ обратившая на сочинителя ея такое вниманіе Императрицы, Двора, Петербурга?

II.

По преданіямъ, въ княженіе Василія Темнаго перешелъ въ службу къ нему и принялъ христіанскую вѣру Казанскій мурза Багримъ. Отъ младшаго изъ четырехъ сыновей Багрима, *Державы*, пошелъ родъ *Державиныхъ*, служившій вѣрно царямъ, но не отличенный ни богатствомъ, ни почестями, такъ, что отцу нашего поэта, *Роману Державину*, пришлось по раздѣлу съ братьями только десять душъ крестьянъ, а служба его въ арміи кончилась переводомъ за болѣзнью въ Оренбургскій корпусъ премьеръ-маіоромъ, съ опредѣленіемъ въ Пензенскій гарнизонный полкъ. Здѣсь женился Романъ Державинъ на дочери ротмистра, А. Ѳ. Козлова, получивъ за женою въ приданое 50 душъ. Въ 1743 году, Іюля 3-го, родился у него сынъ, *Гаврило*, ребенокъ слабый и хилый, до того, что по совѣту знахарокъ, для укрѣпленія силъ его, залѣпили его въ тѣсто. Съ лѣтами дитя укрѣплялось тѣломъ и умомъ. Нянька разсказывала матери, что первое слово, выговоренное Гаврилою, было: «*Богъ*.» Онъ указалъ при семъ словѣ пальчикомъ на небо, гдѣ тогда сіяла комета (въ 1744-мъ году). Мать, умная и набожная женщина, сама учила Гаврила и младшаго брата его читать, и особливо церковныя книги. Между тѣмъ семейство Державиныхъ, по обязанностямъ службы отца, кочевало изъ города въ городъ, жило въ Яранскѣ, Ставрополѣ, Оренбургѣ, и во всѣхъ мѣстахъ наставленія матери дѣтямъ Романа Державина дополняли ученые приходскіе дьячки. Въ Оренбургѣ, послѣ представленія малолѣтковъ Державиныхъ на смотръ И. И. Неплюеву, началось высшее образованіе: ихъ отдали обоихъ въ пансіонъ, заведенный какимъ-то ссыльнымъ иностранцомъ, Іосифомъ Розе. Строгій учитель, кромѣ Нѣмецкаго языка, ничего не зналъ, и по Нѣмецки худо ладилъ съ грамматикою. Гаврило Державинъ выучился однакожь читать и говорить по Нѣмецки, и въ часы досуга, коихъ было у него много, списывалъ Суздальскія картинки, раскрашивая ихъ чернилами и охрою. Въ 1754 году отецъ Державиныхъ вышелъ въ отставку полковникомъ, и больной неизцѣльною чахоткою, повезъ дѣтей въ Москву, гдѣ думалъ *пристроить* ихъ куда-нибудь посредствомъ *милостивцовъ*. Дворъ былъ тогда въ Москвѣ. Милостивцы сказали, что дѣтей надобно привезти въ Петербургъ. *Чѣмъ* и *какъ* привезти, никто не подумалъ и никто не спросилъ. Державины воротились кое-какъ въ деревнишку свою, и старикъ Державинъ умеръ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. На бѣдную мать напали сосѣди, завели съ нею тяжбу, оттягивали у ней послѣднія крохи. Съ дѣтьми своими ѣздила она просить судей, и горе ея сдѣлало столь сильное впечатлѣніе на 12-ти лѣтняго старшаго сына, что неправосудіе и ябеда были съ тѣхъ поръ всегда злѣйшими врагами его. Между тѣмъ онъ продолжалъ учиться не шутя: солдатскій сынъ Лебедевъ, а потомъ отставной артиллерійскій прапорщикъ Полетаевъ, учили его Ариѳметикѣ и Геометріи по методѣ Цыфиркина. Въ Казани открылась тогда Гимназія: программа гимназическаго ученія была огромная, хотя на дѣлѣ учили немногому. Директоръ, М. И. Веревкинъ, знаменитый острякъ и неутомимый переводчикъ «Исторіи о странствованіяхъ вообще,» принялъ Державиныхъ въ Гимназію, послѣ безуспѣшной поѣздки ихъ

съ матерью въ Москву, гдѣ едва, съ помощью небольшой денежной ссуды родственника своего, Н. М. Дятлева, она могла записать дѣтей въ Герольдію, съ оставленіемъ при ней *для продолженія наукъ.* Плохо было это *продолженіе*, ибо, хорошо умѣя шутить, Веревкинъ не былъ мастеромъ управлять Гимназіею. Учениковъ заставляли однакожь говорить торжественныя рѣчи и читать монологи изъ трагедій Сумарокова. Веревкинъ учредилъ даже театръ, ибо и самъ онъ былъ драматическій писатель, и заставлялъ хохотать своимъ «Такъ и должно,» не менѣе Филатокъ и Ревизоровъ нынѣшнихъ. Экзамены были блестящіе. Державинъ отличался рисованьемъ, такъ, что Веревкинъ повезъ даже рисунки его въ Петербургъ, желая похвастать передъ И. И. Шуваловымъ успѣхами Казанскихъ гимназистовъ. За *успѣхи въ черченіи* Шуваловъ записалъ Державина въ Инженерный Корпусъ кондукторомъ. Можно судить, каковы были ученики, потому что дѣлали ихъ учители. Веревкину поручено было осмотрѣть Чебоксары, гдѣ, какъ донесено правительству, многіе домы строятся «не въ указную мѣру улицъ.» Не имѣя астролябіи, и не зная, какъ узнать неправильность постройки домовъ, Веревкинъ сдѣлалъ раму «въ указную ширину улицъ» и велѣлъ носить ее по улицамъ; за который домъ цѣплялась рама, тотъ обрекали на неправильность. Не зная, какъ сократить планъ Чебоксаръ, составленный въ столь огромномъ размѣрѣ, что въ городѣ не могли найдти комнаты, гдѣ онъ могъ быть разложенъ, навьючили имъ цѣлую телѣгу, и повезли его въ Казань въ первобытной исполинской величинѣ. Въ концѣ 1761 года кончилось однакожь ученіе Державина; его потребовали въ Преображенскій полкъ, куда за успѣхи въ ученіи записалъ его И. И. Шуваловъ, основатель Московскаго Университета въ 1755-мъ году и Академіи художествъ въ 1758-мъ году, завѣдывавшій тогда всѣми учебными заведеніями, покровитель и другъ Ломоносова.

Державинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, явился въ полкъ, поступилъ въ дѣйствительную службу, и стоялъ на караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины. Онъ жилъ въ солдатской казармѣ, служилъ усердно, ходилъ съ Гвардіею въ Москву на коронацію, чуть не замерзъ тамъ, стоя въ караулѣ зимою, и получилъ капральскій чинъ по заступленію графа А. Г. Орлова (28-го Іюля, 1763 г.). Въ 1772-мъ году произвели его въ прапорщики, уже на 30-мъ году. Какъ отличный офицеръ, взятъ онъ былъ послѣ того А. И. Бибиковымъ, когда Императрица отправила Бибикова усмирять возмущеніе Пугачева. При отъѣздѣ изъ Петербурга Державина произвели подпоручикомъ. Работы было много, а работниковъ мало. Бибиковъ вскорѣ отличилъ дѣятельнаго подпоручика, ибо онъ умѣлъ *бойко писать и ловко говорить*, отважно усмирилъ негодяевъ на Иргизѣ и пожалованъ за то поручикомъ. Къ несчастью, Бибиковъ умеръ, и Державинъ не могъ ужиться съ другими, поссорился съ правителями Саратова, и едва не погибъ въ отважномъ нападеніи на Пугачева. По укрощеніи бунта Михельсономъ и Суворовымъ, Державинъ возвратился въ Петербургъ, получилъ, при торжествѣ мира съ Турціею (10-го Января, 1777 года), чинъ капитанъ-поручика бомбардирской роты, и Февраля 15-го чинъ полковника арміи. Къ счастью нашему, что нѣкоторая *особа недоброжелательствовала* Державину, желавшему продолжать военную службу. По навѣтамъ *особы*, его переименовали въ коллежскіе совѣтники, дали ему въ награду 300 душъ въ Бѣлоруссіи, и опредѣлили его экзекуторомъ въ Сенатъ, а въ 1780-мъ году, при открытіи Экспедиціи государственныхъ доходовъ, посадили туда совѣтникомъ.

Много было досадъ Державину по службѣ. Суровый начальникъ его, генералъ прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, не любилъ его за противорѣчіе и самобытность мнѣній. «Въ службѣ, сударь, должно не думать, а исполнять что велятъ,» говаривалъ онъ. Державинъ терпѣлъ, досадовалъ и утѣшался въ мирномъ кругѣ своего семейства. Въ 1778-мъ году женился онъ на *Плѣнирѣ*, какъ называлъ онъ свою первую, милую ему супругу, Е. Я. Бастидонову, и при небольшомъ состояніи, отдыхалъ душею въ небольшомъ кругѣ друзей, иногда являясь въ избранномъ обществѣ И. И. Шувалова, который ввелъ стараго знакомаго къ княгинѣ Е. Р. Дашковой, гдѣ почетными гостями бывали искренніе друзья его, И. И. Хемницеръ, Н. А. Львовъ, В. В. Капнистъ. Но *зачѣмъ* былъ тамъ и *для чего* попалъ туда Державинъ, бѣднякъ, и какъ мы видѣли по курсу ученія его, плохо образованный чиновникъ? Здѣсь другая исторія Державина—исторія Державина-поэта.

III.

Не знаемъ почему и для чего судьба не дѣлитъ небесныхъ даровъ своихъ по званіямъ и отношеніямъ общественнымъ, и не слушаетъ призыва людскаго на великое и прекрасное, а своевольно раздаетъ ихъ. Кажется, богачамъ и знатнымъ надлежало бъ быть счастливыми, ученымъ людямъ обладать знаніями, и дарованію являться тамъ, гдѣ готовятъ ему почетное мѣсто, приволье жизни и старательное воспитаніе. Бываетъ и такъ, но большею частью наоборотъ: счастье бѣжитъ изъ чертоговъ, какъ будто испуганное звономъ золота, и селится въ убогомъ домикѣ, рядомъ съ угрюмою нуждою; великія истины знанія открываются неучами, не бывавшими въ Академіяхъ. Такъ и святая Поэзія, своенравная пришелица съ неба, не терпитъ людскаго призыва, проходитъ мимо знатности и образованія, и

зажигаетъ огонь неугасимый въ душѣ — пусть бы человѣка образованнаго и породистаго, а то въ душѣ какого нибудь простаго мужика, невѣжды— по условіямъ человѣческимъ, прибавимъ, а не по тѣмъ законамъ, которые остаются донынѣ и навсегда останутся недовѣдомы намъ, и въ слѣдствіе коихъ наши условія падаютъ въ прахъ передъ силою *генія:* такъ назвали люди гостей на землѣ, которыхъ не они учатъ, которыхъ не они наставляютъ, у которыхъ нѣтъ предшественниковъ, не бываетъ преемниковъ. Таковъ былъ *Гаврило Романовичъ Державинъ*, сынъ отставнаго полковника гарнизоннаго полка, малограмотный ученикъ Казанской Гимназіи, солдатъ Преображенскаго полка, экзекуторъ Сената, совѣтникъ Экспедиціи государственныхъ доходовъ.

Онъ самъ себѣ не умѣлъ отдать отчета, ни въ томъ, какъ началось и образовалось у него непобѣдимое стремленіе выражаться гармоническими звуками, и ни въ томъ, какъ нашелъ умѣнье выражать ихъ, какъ пріобрѣлъ науку, необходимую ему для того. Изъ самыхъ искреннихъ разсказовъ его о томъ мы ничего не поймемъ.

Когда судьба въ дѣтствѣ гнела его тяжелою участью бѣдняка, вмѣстѣ съ желаніемъ марать картинки и скрыпѣть на плохой скрыпкѣ, явилось у Державина, страстнаго охотника читать, желаніе самому писать прозу и стихи. Читалъ онъ то, что успѣвалъ доставать — оды Ломоносова, казавшіяся тогда примѣромъ недостижимаго совершенства, трагедіи Сумарокова, другой недосягаемый образецъ изящества, Аргениду Барклаеву, въ безбожномъ *преложеніи* В. К. Тредьяковскаго, Телемака и Маркиза Глаголя — образцы романовъ, и уже въ Казанской Гимназіи писалъ *денно и нощно*, сочинялъ романы и сказки, стихи и прозу, дралъ и жегъ ихъ, чувствуя самъ, *что все писанье его было одно смѣшное маранье, хотя между соучениками славился онъ стихотворцомъ.* Замѣтимъ, что Веревкинъ, плохой директоръ Гимназіи, невольно споспѣшествовалъ развитію страсти Державина къ поэзіи, заставляя учениковъ читать и декламировать стихи. Сію страсть уберегъ Державинъ въ Преображенской казармѣ, гдѣ, проводя день на службѣ, ночи просиживалъ онъ за *мараньемъ стиховъ и чтеніемъ книгъ, такъ, что прослылъ грамотѣемъ между товарищами солдатами, которымъ угождалъ писаньемъ писемъ къ ихъ роднымъ.* Новое поощреніе почерпнулъ онъ въ представленіи своемъ И. И. Шувалову. Воображаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ Державинъ на него, благодѣтеля и друга Ломоносова. Шуваловъ удостоивалъ молодаго солдата такой благосклонности, и Державинъ уже такъ былъ увлеченъ своею страстью къ ученью, что узнавши объ отъѣздѣ Шувалова, удалившагося за границу при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины, рѣшился просить взять его съ собою. Шуваловъ поговорилъ съ нимъ и согласился было, но какая-то *тетушка* возопила, услышавъ о намѣреніи племянника ѣхать въ бусурманскія земли съ извѣстнымъ *фармазономъ.* Шуваловъ, какъ нѣкогда Брюсъ, слылъ поборникомъ Нѣмецкихъ ересей въ народѣ. Тетушка угрожала писать къ матери, и Державинъ отложилъ свое намѣреніе. Забавно, что въ то время явился онъ однажды съ полковымъ приказомъ къ прапорщику, князю Козловскому, остроумцу и плохому поэту, погибшему героемъ въ Чесменской битвѣ. У Козловскаго сидѣлъ Майковъ, также не великій поэтъ, славившійся своимъ *Елеською* (поэма: *Елисей или раздраженный Вакхъ* — читали ль вы ее? И. М. Дмитріевъ обѣщалъ за нее автору безсмертіе) и *Игроками ломбера*, и читалъ Козловскому новую трагедію (не своего ли *Фемиста и Іерониму*?) Отдавъ приказъ, Державинъ стоялъ у дверей и въ восторгѣ слушалъ чтеніе, пока не замѣтилъ молодаго солдата Козловскій. «Что ты тутъ зѣваешь, братъ? Ступай съ Богомъ! Вѣдь ты ничего не поймешь!» сказалъ ему ласково Козловскій, и бѣдный Державинъ пошелъ съ горемъ. «Да», можетъ быть, думалъ онъ дорогою, «да, вы ошибаетесь: я понимаю, но могу ли думать о подражаніи вамъ, великіе творцы, я, невѣжда безграмотный!» Но ничто, ни какія препятствія, не могли побѣдить страсти его, и въ 1770 году уже накопилась у него стиховъ и прозы огромная кипа, которую сжегъ онъ, возвращаясь тогда изъ Москвы, задержанный въ чумномъ карантинѣ. Надлежало окуривать бумаги, что могло продолжиться — Державинъ предпочелъ окуренію всесожженіе ихъ, и поэта пропустили безъ задержки послѣ гибели поэтической контрабанды его, ибо другаго имѣнія съ нимъ тогда *никакого не имѣлось.* Съ офицерскимъ чиномъ, давшимъ ему средство войдти въ лучшее общество, при большемъ просторѣ жизни, Державинъ имѣлъ болѣе досуга. — Ревностно продолжая занятія, началъ онъ переводить Нѣмцовъ, Клейста, Гагедорна, Захарію, Геснера, даже осмѣлился приняться за Мессіаду Клопштокову, даже перевелъ изъ нея двѣ пѣсни, и даже показалъ переводъ свой Домашневу, директору Академіи наукъ, памятному враждою противъ *еровъ.* Домашневъ взялъ переводъ и потерялъ его. Недовѣріе къ самому себѣ — признакъ истиннаго дарованія — было ангеломъ-хранителемъ Державина, не смотря на похвалы пріятелей, которые, не сказавши автору, напечатали въ журналѣ какомъ-то его переводъ *Ироиды изъ Овидія* (хоть Латинь была невѣдома Державину) и нѣсколько одъ. *Писать стихи* значило тогда *писать оды*, а «писать оды» значило *подражать Ломоносову.* Чтеніе Нѣмцовъ и Французовъ скоихъ, замѣтимъ мимоходомъ, Державинъ вѣдалъ довольно плохо, ибо и по Нѣмецки зналъ онъ весьма мало, а по Французски еще менѣе) также не могло подвинуть далеко. Но онъ писалъ, писалъ безпрестанно, писалъ даже въ походѣ на Пугачева, гдѣ случилось ему долго прожить подлѣ какой-то горы Читалагара. Возвратясь въ Петербургъ, онъ собралъ нѣсколько своихъ стихотвореній, и переводовъ, и скрывая имя, издалъ подъ именемъ *одъ Читалагарскихъ.* Кажется, они не обратили ни

на себя, ни на автора ихъ вниманія читателей, и тѣмъ лучше. Оживляемый любовью, ободряемый дружбою, хранимый недовѣрчивостью, Державинъ былъ недоволенъ всѣмъ что писалъ и печаталъ, и снова обласканный Шуваловымъ, возвратившимся въ Россію, познакомленный имъ съ Дашковою, уже смѣявшійся надъ Сумароковымъ, благоговѣвшій передъ Херасковымъ, печатая безъ имени стихи у Брайко, въ его *С. Петербургскомъ Вѣстникѣ*, съ 1771 года рѣшился онъ избрать «совершенно особый путь.» Какой былъ сей *совершенно особый путь*?

Немногое знаемъ мы изъ того, что писалъ до 1782 года Державинъ, и то что мы знаемъ, было въ послѣдствіи передѣлано имъ. Долго и тщетно старались мы сыскать его *Читалагарскія Оды*, пока нашли ихъ въ забытомъ сорѣ библіографическомъ, въ богатой библіотекѣ одного просвѣщеннаго любителя Русской литтературы и Русскихъ книгъ. Желали мы видѣть ихъ, не изъ библіографической копотливости, которая ищетъ каждой строчки автора, коимъ занимается, но хотѣли видѣть и разгадать въ нихъ первоначальный видъ того, что знаемъ передѣланное въ послѣдствіи. Въ нихъ была помѣщена первая корректура *Вельможи*, подъ именемъ *Оды на знатность*, были переводы изъ сочиненій Фридриха Великаго, и неизбѣжныя *оды* по образу и по подобію Ломоносовскихъ, гдѣ авторъ *хотѣлъ парить*, *но не могъ выдерживать свойственныхъ Россійскому Пиндару велелѣпія и пышности*.

Державинъ уже сознавалъ тогда, что онъ *поэтъ*. Сильная душа его сказалась самой себѣ. Несвязанное ни чѣмъ воображеніе не видѣло предѣловъ своей области, когда душа терзалась противоположностью вещественныхъ отношеній его съ идеальнымъ бытіемъ. Стоя на низкой ступени общества, онъ глядѣлъ въ высшіе слои его. Каждое чувство производило на него впечатлѣніе, и всякое впечатлѣніе было сильно и глубоко. Такъ религія, честь, слава Россіи, дѣла Екатерины возбуждали восторгъ въ душѣ его, вдохновляли его воображеніе. Но не менѣе сильнымъ вдохновителемъ было негодованіе противъ порока, и порокъ тѣмъ сильнѣе волновалъ его, чѣмъ выше стоялъ онъ на ступеняхъ общества. Державинъ избралъ уже тогда себѣ предметомъ *лирическую поэзію*, или лучше сказать, невольно былъ увлеченъ ею, ибо выбирать направленія нашему дарованію мы не можемъ. Изъ всего явилось въ душѣ Державина то сочетаніе идей, мыслей, выраженій, картинъ, въ коемъ нашелъ *свой особенный путь* и высказалъ себя Державинъ, и — первымъ полнымъ выраженіемъ его была *Фелица*.

Какое огромное разстояніе между всѣмъ окружавшимъ Державина и Державинымъ, если мы будемъ соображать даже созданное имъ до Фелицы. Сюда принадлежатъ его: *На смерть Мещерскаго*, *Первому Сосѣду*, мысль оды *Богъ*, мысль *Вельможи*. Но Фелица — вотъ шагъ исполина, вотъ мысль генія! Признаемся: немного знаемъ и находимъ мы въ лѣтописяхъ поэзіи всѣхъ народовъ мыслей столь самобытныхъ, столь смѣлыхъ, какъ мысль Фелицы. Она не ода, она и не сатира, — она голосъ поэта, угадавшаго великую душу Царицы, и смѣло подошедшаго къ ней съ словомъ истины, облеченной въ яркое разнообразіе поэтическихъ картинъ. Основаніе Фелицы было весьма простое. Екатерина писала аллегорическія сказочки для своихъ внуковъ. Въ одной изъ нихъ, *царевичу Хлору*, похищенному Киргизъ-Кайсацкимъ Ханомъ, велятъ отыскать *розу безъ шиповъ*. Дочь, хана, *царевна Фелица*, и сынъ ея, Разсудокъ, руководствуютъ Хлора въ поискахъ. Хлоръ идетъ мимо соблазновъ и находитъ розу безъ шиповъ. Принявъ въ основаніе, что онъ потомокъ *Татарскаго мурзы*, Державинъ пишетъ *Оду премудрой Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ, отъ нѣкотораго Татарскаго Мурзы, издавна въ Москвѣ поселившагося, а по дѣламъ живущаго въ Петербургѣ. Переводъ съ Арабскаго*. Не Державинъ *коллежскій совѣтникъ*, и не императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, но *Фелицѣ* хочетъ говорить *мурза*. О чемъ же говорить онъ хочетъ? Онъ проситъ ее показать ему науку *жить пышно и правдиво*, изображаетъ пороки *свои*, говоритъ, какъ трудно найдти *прямой путь добродѣтели между лѣнтяемъ и брюзгой*, *между тщеславьемъ и порокомъ*, изображаетъ добродѣтели Фелицы, какъ *человѣка*, какъ *царицы*, оцѣняющей достоинство человѣка, говоритъ о блаженствѣ ея подданныхъ. Но гдѣ же *царство Фелицы?* Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ? Мурза не хочетъ отъ нея наградъ: *сочувствовать добру — богатство паче Крезовыхъ*. Мурза желалъ бы только видѣть Фелицу, слышать божественныя слова ея. *Молю пророка*, заключаетъ онъ, *да осѣнитъ тебя сапфирными крыльями силы небесныя*, *и да заблестятъ въ потомствѣ звуки дѣлъ твоихъ, какъ звѣзды въ небѣ*.

Вотъ что былъ *Державинъ въ 1782 году*, и вотъ что была его *Фелица*, которую такъ боялись пустить въ свѣтъ.

Царица поняла *поэта*, и *Фелица* сознала своего *Мурзу*. Онъ видѣлъ свою *богоподобную царевну*. Теперь развязаны крылья его поэзіи, теперь встрѣтятъ его только счастье и слава, и вдохновеніе внушитъ ему безсмертныя пѣснопѣнія, и люди благоговѣйно преклонятся передъ нимъ. Да, развѣ онъ *не на землѣ*, гдѣ нѣтъ *свѣта безъ тѣни*, гдѣ улыбка выкупается только слезою, и гдѣ, если нѣтъ борьбы съ людьми, такъ человѣкъ борется съ самимъ собою? А впрочемъ и люди... Но они не виноваты: между небомъ и землей нѣтъ мира. Жизнь наша борьба безпрерывная.

—

IV.

Отселѣ жизнь Державина сливается съ его поэзіею, дѣлается представительницею вѣка своего, и начинаетъ борьбу, уже не съ тяжелою нуждою вещественнаго быта, но съ людьми, и сама съ собою.

Доказывать нечего, что двойственнымъ бытіемъ жить невозможно: или то, или другое—оба вмѣстѣ будутъ неполны. Положительный дѣятель жизни и мечтатель-поэтъ не уживутся въ одномъ человѣкѣ, поссорятся между собою, и либо погубятъ его, или погубятъ одинъ другаго. Державинъ хотѣлъ согласить въ себѣ два бытія — онъ ошибся, и вся остальная жизнь его была слѣдствіемъ сей ошибки. Одинъ ли онъ ошибся? Развѣ Байронъ не хотѣлъ быть ораторомъ парламента? Развѣ Данте не думалъ быть государственнымъ человѣкомъ? Развѣ Расинъ не подавалъ проектовъ о государственныхъ преобразованіяхъ? И въ наше время, одинъ изъ великихъ поэтовъ не промѣнялъ ли своей лиры на участіе въ мятежномъ волненіи отчизны? И Пушкинъ, не смѣнилъ ли поэзіи на прозу, не увлекся ли ничтожною свѣтскою жизнью? Блаженны Шекспиръ и Мольеръ, смѣло являвшіеся передъ царями и людьми подъ дурацкимъ колпакомъ шутовъ и скомороховъ, и не боявшіеся своихъ шутовскихъ и скоморошьихъ шапокъ!

Изъ всѣхъ отношеній Екатерины къ Державину видимъ, что она вполнѣ поняла его, и до конца жизни не измѣнила своей мысли: она видѣла въ немъ *поэта*, лелѣяла его, какъ поэта, знала, что поэтъ дитя, и что должно снисходить его дѣтскимъ прихотямъ. Одного требовала она отъ Державина – великихъ поэтическихъ созданій его, а онъ думалъ, что поэзія его игрушка! Вступивъ въ большой свѣтъ, онъ стыдился предстать *поэтомъ* передъ *дѣловыми людьми*, хотѣлъ увѣрить ихъ, что и самъ онъ хорошо *смыслитъ дѣло*. Видя неравенство званія и состоянія, но приведенный случайно ко Двору, онъ старался дополнить значеніемъ своимъ недостатки рода и богатства. Заглянемъ ли для оправданія Державина въ тайны души его: недовѣрчивый, какъ всегда недовѣрчивъ геній, недовольный различіемъ идеала съ осуществленіемъ его, умиряемый съ самимъ собою только въ минуту творенія, соображая недостатокъ своего образованія, видя свою неловкость въ свѣтѣ, онъ—поймете ли, что онъ только что не стыдился своей поэзіи, и ужь никакъ не болѣе? Что жь мѣшало ему бросить, забыть ее рѣшительно для дѣлъ? Да, развѣ это возможно? И развѣ, принимаясь *за дѣло*, онъ *переставалъ быть поэтомъ*, могъ не переносить своего восторга къ добру, своей ненависти къ злу въ жизнь вещественную, могъ и въ жизни вещественной отказаться отъ неисполнимыхъ идеаловъ?

Люди поступили съ нимъ, какъ люди всегда и обыкновенно поступаютъ. Изумленные появленіемъ его, сперва почтительно отступили они передъ нимъ и привѣтствовали его восторгомъ, а потомъ постарались осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, узнали его слабую сторону, и обратили ее для уравненія съ собою человѣка великаго. Свѣтъ не хуже Париса умѣетъ находить мѣсто, неомоченное водами Стикса, и какъ онъ поразилъ неуязвимаго Ахилла ядовитою стрѣлою, поражать роковое мѣсто божественнаго избранника. И изъ всѣхъ отношеній, въ теченіе остальныхъ тридцати четырехъ лѣтъ жизни Державина, произошла обыкновенная исторія, какая повторялась прежде него, и повторится еще много разъ — если не будетъ повторяться всегда.

Державинъ продолжалъ свою службу, и скоро замѣтилъ, что его отношенія во многомъ перемѣнились, но стали едвали не хуже прежняго. Ни званіе, ни состояніе, ни отношенія его въ свѣтѣ не позволяли Императрицѣ ввести его въ малый, избранный кругъ свой. Время придворныхъ шутовъ и менестрелей не могло возвратиться. И такъ Державинъ оставался *чиновникомъ*. Съ одной стороны онъ никакъ не могъ согласить занятій поэзіею съ дѣлами службы. Съ другой стороны не могъ онъ поладить съ людьми и свѣтомъ, и уже рѣшительно не могли поладить съ нимъ свѣтъ и люди. Державинъ-поэтъ и Державинъ-статскій совѣтникъ были противорѣчіе одинъ другому. Какъ поэтъ, онъ подходилъ къ трону Царицы съ громовымъ словомъ истины; какъ чиновникъ, онъ долженъ былъ подчиняться Директору Экспедиціи Государственныхъ доходовъ. Екатерина ожидала отъ Державина новыхъ пѣснопѣній—ихъ не было: Державинъ думалъ отличиться, какъ дѣловой человѣкъ. Дашкова совѣтовала ему *польстить* Потемкину. Онъ написалъ ему плохіе, холодные стихи (*Рѣшемыслъ*). Между тѣмъ Фелица, возбуждая восторженныя хвалы, возбудила и неумолкаемое шипѣніе зависти. Дивились, что дѣла поручаются *піитъ*, *стихоплету*, или, «какъ они себя великолѣпно называютъ,» говоритъ Кургановъ, въ своемъ *Письмовникѣ*, «*стихотворцу*,» и что *чины*, и *деньги* даютъ — *за стихи*. Одни злобно толковали каждую мысль, каждый стихъ Фелицы, кричали о *вольномысліи*, страшились *поэтическихъ доносовъ* Державина. Другіе досадовали, что ничтожность ихъ не возбуждаетъ негодованія поэта. Начальникъ его, не терпѣвшій стиховъ, досадовалъ и сердился — за что не сердятся люди! — сердился, что *не черезъ него Фелица была доведена до свѣдѣнія Императрицы*, какъ будто онъ не не ужаснулся бы читая ее, и какъ будто онъ не назвалъ бы сумасшеднимъ поэта, еслибы онъ осмѣлился представить ему Фелицу! Окончательное рѣшеніе было: сжить съ рукъ человѣка *дерзкаго* и *опаснаго*. Не хотѣли явно преслѣдовать Державина, сердили его и разсердили, такъ что онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Его отставили. Екатерина думала, что удаленіе и занятіе отдѣль-

нымъ дѣломъ примиритъ все, велѣла дать поэту слѣдующій чинъ, и опредѣлить его куда нибудь губернаторомъ: его опредѣлили—въ Олонецъ. Намѣстникомъ Олонецкимъ и Архангельскимъ былъ Н. А. Тутолминъ, человѣкъ гордый, суровый, и *врагъ всякой піитики и поэзіи*. Напрасно хотѣлъ Державинъ отличиться здѣсь усердіемъ по дѣламъ — слѣдствіемъ была ссора Тутолминъ послалъ Державина открывать уѣздный городъ Кемь, въ Лапландіи, гдѣ поэтъ едва не утонулъ въ бурю на Бѣломъ морѣ, и отомстилъ за то замѣчаніями на безпорядки въ канцеляріи Тутолмина. Императрица еще разъ не выдала своего поэта, прислала ему орденъ св. Владиміра 3-й степени, и перевела его губернаторомъ въ Тамбовъ, гдѣ Державинъ пробылъ недолго, былъ отрѣшенъ, отданъ подъ судъ, и три года прожилъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ *подъ отвѣтомъ*.

Что жь? Развѣ онъ неспособенъ былъ рѣшительно къ дѣламъ? Онъ былъ поэтъ, отвѣтимъ мы, единожды навсегда. И развѣ вы не знаете, что мало того, если мы *умѣемъ дѣлать что нибудь* — надобно еще *молчать, если другіе не такъ дѣлаютъ*, если *другіе ничего не дѣлаютъ*, а всего важнѣе, не надобно замѣчать, если дѣло *вовсе идетъ не такъ, какъ надобно*? Державинъ не молчалъ, сердился, мучился, предпринималъ исправленія и улучшенія. Императрица подумала наконецъ, что онъ *человѣкъ безпокойнаго характера*—названіе самое страшное, отъ коего скорѣе погибнешь, нежели отъ самаго строгаго уголовнаго суда! Противъ доноса и обвиненія можете оправдываться, а чѣмъ устранить страшное названіе: *человѣкъ безпокойный*? Такъ шли дѣла Державина. А что его *поэзія*? Заставимъ его говорить самого:

«Видя, что многіе знатные люди стихотворства моего не жалуютъ и меня гонятъ, рѣшился я на нѣсколько лѣтъ совсемъ поэзію оставить; когда же увидѣлъ, что все это не помогло, и меня все гонятъ и бранятъ, то по прибытіи изъ Тамбова, въ 1789 году, принялся паки за перо съ большею ревностью.» Такъ говоритъ Державинъ о самомъ себѣ, и ошибается, ибо онъ не оставлялъ *золотаго* пера своего. Въ 1783 году написано было его *Видѣніе мурзы*, гдѣ поэтъ оправдывался въ похвалахъ Екатеринѣ; въ 1784 году, удаляясь на нѣсколько дней въ Нарву, кончилъ онъ *Оду Богъ*; въ 1785 году началъ *Безсмертіе души* Въ Олонцѣ и въ Тамбовѣ передѣлывалъ онъ псалмы, направляя ихъ на Тутолмина, и Прологами открывалъ въ Тамбовѣ благородный театръ Въ 1787 году, негодованіе возбудило въ немъ преложеніе псалма: *Властителямъ и судіямъ*; въ 1789 году передѣлалъ онъ Оду *на знатность*, назвавши ее *Вельможа*, и написалъ *Изображеніе Фелицы*, а въ 1790-мъ году воспѣлъ *взятіе Измаила*, осмѣлившись препроводить свою оду Императрицѣ. Она отвѣчала присылкою драгоцѣнной табакерки. Державинъ ожилъ, явился въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ *великолѣпнаго Князя Тавриды*, въ послѣдній разъ пріѣхавшаго изумить современниковъ своимъ величіемъ. Державину поручено было описать его дивный праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, и въ Декабрѣ 1791-года велѣно прекратить вздорныя сплетни, отъ которыхъ страдалъ Державинъ. Любопытный разговоръ имѣла съ нимъ Императрица, когда явился онъ къ ней съ кипою оправдательныхъ бумагъ и проектовъ. «Скажите мнѣ откровенно,» говорила она, «нѣтъ ли у васъ въ нравѣ чего нибудь строптиваго? Для чего не ужился ты съ Тутолминымъ? Для чего разошелся съ Вяземскимъ? Для чего не поладилъ съ Г... ?» Державинъ оправдывался и просилъ удостоить вниманіемъ бумаги его. — «Хорошо, оставьте у меня ваши бумаги, а я сыщу вамъ мѣсто,» отвѣчала Императрица. Въ Декабрѣ 1791 года Державинъ опредѣленъ лично при ней статсъ-секретаремъ. Великая Царица въ послѣдній разъ хотѣла примирить въ Державинѣ чиновника и поэта, и еще разъ не понялъ ни себя, ни ея мысли Державинъ. Снова принялся онъ за «дѣла» и забывалъ свою лиру. Уже старость бременила Фелицу и пѣвца ея. Она видѣла неисправимость Державина, удивлялась его *Водопаду*, требовала отъ него стиховъ. Вдохновеніе не приходило по приказу, хотя и вспыхивало яркимъ огнемъ при *покореніи Варшавы* и *при взятіи Дербента*. Впрочемъ, Державинъ писалъ гораздо болѣе прежняго но уже пятдесятъ лѣтъ жизни тяготѣли на немъ. Онъ былъ, въ 1793 году, пожалованъ въ сенаторы, и отдалился отъ Двора. Вскорѣ лишился онъ супруги своей (15-го Іюля 1794 года). Не задолго до кончины Екатерины поднесъ онъ ей тетрадь стихотвореній своихъ, при безсмертномъ *посвященіи*, тогда написанномъ Императрица скончалась въ 1796-мъ году.

Сенаторъ, слѣдовательно, важный государственный чиновникъ былъ Державинъ, неутомимо занимался своею должностью, и иногда принимался за лиру слабѣющею рукою. Такъ прошла остальная жизнь его до отставки въ 1803 году. Ему было тогда шестдесятъ лѣтъ.

Для жизни Державина, какъ поэта, не почитаемъ важнымъ подробнаго исчисленія дѣлъ, какія поручались ему императоромъ Павломъ и императоромъ Александромъ. При вступленіи на престолъ императора Павла онъ былъ опредѣленъ правителемъ Канцеляріи Государственнаго Совѣта, учрежденнаго при особѣ Государя. Черезъ нѣсколько недѣль смѣнили его, хотя императоръ Павелъ оказывалъ къ нему благоволеніе, прислалъ ему перстень за оду *на рожденіе великаго князя Михаила Павловича* и табакерку за оду *на Мальтійскій орденъ*. Въ 1798 году данъ Державину орденъ св Анны 1-й степени. Въ 1799 году порученъ ему разборъ дѣлъ богача Зорича, и въ 1800 году данъ за то ор-

денъ св. Іоанна Іерусалимскаго, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и съ опредѣленіемъ въ президенты Коммерцъ Коллегіи, а черезъ два мѣсяца въ Государственные Казначеи. Привѣтствуя вступленіе на престолъ императора Александра, Державинъ получилъ драгоцѣнный перстень, видѣлъ милости юнаго монарха, въ день коронаціи получилъ орденъ св. Александра Невскаго, и уволенный отъ званія Государственнаго Казначея, назначенъ былъ при образованіи министерствъ Министромъ Юстиціи. Черезъ годъ былъ онъ уволенъ отъ службы вовсе, по прошенію его.

Вступивъ во второй разъ въ супружество (вторая супруга Державина была Дарья Алексѣевна Дьякова), еще тринадцать лѣтъ жилъ Державинъ, наслаждаясь семейнымъ спокойствіемъ, благоволеніемъ Монаршимъ, снисходительнымъ вниманіемъ современниковъ. Всѣ Русскіе университеты и ученыя общества почтили его поднесеніемъ ему титуловъ почетнаго члена. Большею частью жилъ онъ въ Званкѣ, деревнѣ своей на берегу Волхова, недалеко отъ Чудова, но на зиму пріѣзжалъ въ Петербургъ. Силы его постепенно истощались. Отправясь въ Званку весною 1816 года, тихо почилъ Державинъ ночью съ 8-го на 9-е Іюля, на 74-мъ году отъ рожденія. По завѣщанію Державина, бренные останки его преданы землѣ въ Хутынскомъ монастырѣ, находящемся въ 9-ти верстахъ отъ Новгорода, гдѣ часто посѣщалъ онъ друга своего, епископа Евгенія, жившаго въ семъ монастырѣ, и бывшаго тогда викаріемъ С. Петербургской митрополіи (въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій). «Здѣсь такъ хорошо», говаривалъ Державинъ, сидя на балконѣ кельи Евгенія, «что я хотѣлъ бы навсегда здѣсь остаться.» Желаніе Державина исполнилось. Огромный гранитъ лежитъ на могилѣ его. Урна и надпись указываютъ посѣтителю Хутынскаго монастыря мѣсто, гдѣ покоится— Державинъ.

Пѣвецъ Фелицы, оплакавшій смерть ея непритворными слезами, остался вѣренъ своему призванію въ теченіе двадцати лѣтъ, протекшихъ отъ смерти Екатерины до кончины его. Памятникъ другаго времени, уже чуждый новымъ поколѣніямъ, онъ оживлялся восторгомъ при каждомъ великомъ событіи, начиная съ побѣдъ Суворова до взятія Парижа, и славилъ дѣла *Порфиророднаго Отрока*, коего рожденіе воспѣлъ онъ, съ чувствомъ радости видя въ немъ побѣдителя Наполеонова и усмирителя Европы. Сердцу вдохновеннаго старца не чуждо было ни одно святое чувство человѣка. Онъ пѣлъ дружбу и любовь, стихами отвѣчалъ привѣтамъ, и сближаясь къ могилѣ, какъ будто тревожился какимъ-то безпокойнымъ желаніемъ пережить себя, испытывалъ угасающія силы свои во всѣхъ родахъ поэзіи. Стихотворенія его были разнообразны, начиная съ трагедіи до легкаго мадригала, съ духовныхъ пѣсень до подражаній Шиллеру и Горацію, и съ преложенія псалмовъ до перевода одъ Пиндара и Сафо.

Въ 1811 году, подъ предсѣдательствомъ его составилась Бесѣда любителей Русскаго слова, и Державинъ взялся писать разсужденіе о лирической поэзіи, гдѣ, среди схоластическихъ опредѣленій, высказывалась пламенная душа его. Такія замѣтки генія драгоцѣннѣе многихъ курсовъ словесности. Даже за нѣсколько дней до кончины, смотря на *Рѣку временъ*, извѣстную историческую карту, написалъ Державинъ на аспидной доскѣ нѣсколько строкъ. Вотъ сіи послѣдніе стихи Державина (они хранятся въ С. Петербургской Публичной Библіотекѣ):

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей,
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы....

Далѣе еще двѣ строки, но ихъ невозможно разобрать.

Съ Державинымъ кончился родъ его. У него не было дѣтей. Младшій братъ его скончался въ юныхъ лѣтахъ, въ 1770 году. Супруга Державина пережила его двадцатью шестью годами, и скончалась въ 1842 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, 80-ти лѣтъ отъ рожденія.

Смерть Державина отозвалась какимъ-то грустнымъ изумленіемъ въ цѣлой Россіи. Объ немъ говорили даже простолюдины, ибо всѣ *знали* и *читали* Державина. Поэты и прозаики Русскіе спѣшили почтить могилу его привѣтами.

Такова была жизнь Державина, *пѣвца Бога и Фелицы*, видѣвшаго *Ломоносова* и благословившаго *Пушкина*, современника Сумарокову и Озерову, воспѣвшаго *взятіе Очакова* и *взятіе Парижа*, прообразовавшаго собою вѣкъ Екатерины, и привѣтствовавшаго *вѣкъ новый* и *юнаго царя*, царственнаго внука ея.

V.

Пересказавши жизнь Державина, какъ *человѣка*, и какъ *поэта*, постараемся составить изобра-

женіе его въ обоихъ отношеніяхъ. Мы будемъ кратки, ибо жизнь Державина лучше всякихъ изображеній говоритъ объ немъ Представитель его поэзіи, *творенія Державина* передъ глазами читателей. Читайте ихъ и спрашивайте отвѣта у души вашей.

Державинъ, родившійся слабымъ и хилымъ, былъ крѣпкаго сложенія, высокаго роста, и въ молодости довольно строенъ и красивъ; взоръ его былъ свѣтлый и одушевлялся огнемъ. Съ лѣтами огонь взора погасъ, лицо сдѣлалось морщиноватымъ и суровымъ, глаза казались безжизненными, чело обнажилось отъ волосъ, тѣло согнулось. Никто не узналъ бы въ угрюмомъ сенаторѣ съ звѣздами Пѣвца Фелицы. Въ обществѣ Державинъ былъ разсѣянъ, молчаливъ, неловокъ, не любилъ говорить о своихъ сочиненіяхъ, читалъ ихъ дурно. Такъ бывало въ обыкновенныя минуты жизни, въ обществѣ чуждомъ, но среди родныхъ и друзей, въ маломъ кругѣ людей избранныхъ и близкихъ, Державинъ измѣнялся, былъ веселъ, добръ, ласковъ, гостепріименъ, разговорчивъ, говорилъ горячо и краснорѣчиво. Неровный, то вспыльчивый, то задумчивый, онъ былъ добродушенъ, не зналъ зависти, готовъ былъ на добро, и до того не самонадѣянъ, что радъ былъ слушать совѣты отъ молодыхъ людей, даже робѣлъ осужденія другихъ, не говоря уже о совѣтахъ друзей, какими были у него, сначала Капнистъ, Львовъ Н. А., Хемницеръ, потомъ Храповицкій, Нелединскій Ю. А., И. И. Дмитріевъ, Вельяминовъ, А. С. Хвостовъ, наконецъ Карамзинъ, Ѳ. П. Львовъ, А. Н. Оленинъ, А. Н. Ермолаевъ. Ласковымъ привѣтомъ отвѣчалъ Державинъ Озерову, когда онъ посвятилъ ему своего Эдипа въ Аѳинахъ. Въ домѣ Державина находили пріютъ всѣ юныя дарованія, каждый, въ комъ видѣлъ онъ охоту къ занятіямъ литтературою, искуствами и художествами. Онъ любилъ музыку. Любилъ роскошную, веселую трапезу съ друзьями и рюмку хорошаго вина въ бесѣдѣ искренней.

Не получивъ почти никакого воспитанія въ дѣтствѣ, Державинъ зналъ Нѣмецкій и Французскій языки довольно плохо, но обширнымъ чтеніемъ дополнилъ свое образованіе и ознакомился съ образцами всѣхъ литтературъ. Необыкновенная память давала ему для того средства, а пламенное воображеніе приводило все въ какую-то свою, особенную, поэтическую систему. Всегда религіозный, въ старости Державинъ сдѣлался особенно набожнымъ. Благородный въ душѣ, смѣлый въ правдѣ, онъ благоговѣлъ передъ священною властью Царей. Какъ судія, часто грѣшилъ онъ своею горячностью, своею довѣрчивостью къ другимъ, но ничто не могло уклонить его, если онъ былъ увѣренъ въ правотѣ дѣла. Все великое, все доброе, все прекрасное находило отзывы въ пламенной душѣ его, и тогда онъ не смотрѣлъ уже ни на какія отношенія. Такъ смѣло отвѣчалъ онъ Храповицкому на требованіе пѣсенъ (стр. 128), такъ пѣлъ Рѣпнина при Потемкинѣ, славя его Мачинскую побѣду, пѣлъ Потемкина по смерти его, Зубова и Орлова, когда они впали въ немилость, Суворова въ гробѣ, и удивляясь Потемкину, чтилъ хвалою героя Задунайскаго, врага его.

Державинъ не зналъ Русскаго языка схоластически, ошибался въ грамматическихъ кавыкахъ, но у него было геніяльное чувство языка, когда притомъ онъ изучалъ его въ чтеніи церковныхъ книгъ, въ казармѣ солдатъ, въ народѣ, среди коего провелъ полвѣка жизни, въ созданіяхъ народныхъ, Русской пѣснѣ, Русской сказкѣ, которыя страстно любилъ слушать и читать. Вотъ главное. Грамматика слѣдуетъ послѣ того, и не только у генія, но и у дарованія она не учитель, а ученица. Грамматика не могла подсказать Карамзину гармоническаго размѣра прозы его, Жуковскому мелодіи стиха его, Пушкину совершенства, до какого довелъ онъ Русскій стихъ. Такъ геній Державина могъ ему открывать тайны языка Русскаго, видимыя въ его твореніяхъ, и создавать языкъ Державинскій, яркій, какъ сѣверное сіяніе, могучій, какъ Русскій морозъ, многообразный, какъ Русская земля. Державинъ такъ мало былъ знакомъ съ ученымъ знаніемъ Русскаго языка, что даже писалъ стихи по слуху, и не могъ различить ни какихъ размѣровъ, кромѣ ямба и хорея, повѣряя мѣру стиховъ чтеніемъ ихъ въ слухъ. Онъ былъ поэтъ: гдѣ ученый достигаетъ изслѣдованіемъ, тамъ поэтъ угадываетъ; гдѣ наука выводитъ слѣдствія, тамъ поэтъ проникаетъ вдохновеніемъ. Потому не удивляемся мы безсознательному богатству и правильности разнообразнаго метра Державинскаго, когда, читая его рукописи, находимъ ошибки въ правописаніи.

Державинъ былъ плохой хозяинъ, и любя жить привольно, не былъ богачемъ, хотя и щедро награждаемый Императрицею и ея преемниками. Вторая супруга его взяла, еще при жизни его, на себя всѣ заботы хозяйственныя, и по кончинѣ своей оставила огромное состояніе. Удѣливъ часть его родственникамъ, она опредѣлила остальное на разныя благотворительныя учрежденія. Въ Званкѣ положила она основать особенный пріютъ для воспитанія молодыхъ дѣвицъ. Домъ Державина, находящійся на Фонтанкѣ, по завѣщанію ея, слѣдуетъ продать. Въ огромныхъ палатахъ *втораго сосѣда* Державинскаго помѣщаются нынѣ казармы. Не знаемъ, чѣмъ займется жилище Державина, что будетъ въ саду, гдѣ онъ самъ садилъ деревья и цвѣты и любилъ гулять, что будетъ въ комнатахъ, гдѣ читалъ онъ стихи свои среди избранныхъ людей. Библіотеку Державина и всѣ бумаги его завѣщала супруга его К. М. Бороздину. Въ числѣ бумагъ остается нѣсколько неизвѣстныхъ *драмъ* Державина и огромная тетрадь *Записокъ* его. Мы слышали, что благоговѣя къ памяти Дер-

жавина, К. М. Бороздинъ намѣренъ издать Записки. Отъ лица всѣхъ Рускихъ просимъ его о томъ, ибо онѣ дополнятъ и пояснятъ намъ жизнь Державина, столь тѣсно связанную съ его поэзіею. Сказать ли, что мы желали бы видѣть напечатаннымъ *все, что еще не напечатано* изъ сочиненій Державина? Конечно, славы Державину тѣмъ не прибавится, но можетъ прибавиться матеріялъ для исторіи Русской литтературы и *исторіи человѣка*, а такой прибавки уже слишкомъ много.

Первое изданіе *Сочиненій Державина*, въ одномъ томѣ, напечатано было по распоряженію И. И. Шувалова, подъ надзоромъ Карамзина, въ Москвѣ, въ 1798 году. До того, кромѣ *Читалагарскихъ одъ*, нынѣ весьма рѣдкихъ, напечатаны были отдѣльно и въ журналахъ разныя пьесы его, а потомъ книжкою изданы *Анакреонтическія оды* (въ 1804 году). Въ 1808 году Державинъ издалъ *Сочиненія* свои, въ 4 хъ томахъ, въ С. Петербургѣ. Первый томъ изданъ въ томъ видѣ, какъ поднесенъ онъ былъ Екатеринѣ, въ 1795 году, съ посвященіемъ ей. Въ 3-мъ томѣ помѣщены были *Анакреонтическія* сочиненія; во 2 мъ; всѣ другія стихотворенія, написанныя съ 1795 года, а въ 4-мъ *драматическія* сочиненія. *Иродъ и Маріамна*, трагедія, издана отдѣльно въ 1809 году. Въ 1816 году выданъ 5-й томъ *Сочиненій*, гдѣ помѣщено все, написанное послѣ 1808 года. Въ 1817 году изданъ былъ кѣмъ-то выборъ изъ Державина, въ одномъ томѣ, подъ названіемъ: *Лира*. Въ 1831 году, А. Ф. Смирдинъ напечаталъ *второе изданіе* Сочиненій Державина, въ 4-хъ томахъ, прибавя немногое, послѣ перваго помѣщенное въ разныхъ журналахъ, и расположивъ ихъ въ новомъ порядкѣ. Безъ перемѣны напечатано было имъ съ втораго *третье изданіе* въ 1833 году, также въ 4-хъ томахъ. Въ 1842 году, напечатано И. И. Глазуновымъ, вполнѣ съ Смирдинскаго, *четвертое изданіе*, гдѣ прибавлена только трагедія *Иродъ и Маріамна*. Предлагаемое нынѣ читателямъ *пятое изданіе* сочиненій Державина можетъ назваться *самымъ полнымъ* изъ всѣхъ, донынѣ изданныхъ. Здѣсь находятся, кромѣ всего того, что было въ изданіяхъ Гг. Смирдина и Глазунова, *Четалагарскія* (а не *Четалагайскія*, какъ ихъ называли) *Оды*, считавшіяся потерянными, разсказъ Терамена, Ода на смерть Кутузова, неизвѣстно почему пропущенныя въ другихъ изданіяхъ, и разсужденіе Державина о лирической поэзіи. Дабы не приписали намъ достоинствъ и недостатковъ изданія, намъ не принадлежащихъ, мы должны оговориться, что участіе наше въ немъ ограничено было *стараніемъ собрать по возможности все, что извѣстно донынѣ изъ сочиненій Державина*, и *новымъ распредѣленіемъ его сочиненій*, которое предпочли мы другимъ, чисто систематическимъ, или чисто хронологическимъ Многіе считаютъ хронологическія изданія самыми лучшими для твореній поэта. «Мы можемъ изучить въ его созданіяхъ его жизнь, и обратно въ его жизни его созданія,» говорятъ намъ. Но неполучите ли вы безобразнаго хаоса впечатлѣній изъ такого изученія, и не потеряете ли идеи поэта? Систематическое распредѣленіе, безспорно, представляетъ неудобства всякой системы—произволъ, руководствующій систематика. Стараясь примирить обѣ крайности, мы предоставили для любителей хронологическаго порядка отдѣльный списокъ, гдѣ по возможности указано время сочиненія каждой пьесы Державина, но въ самомъ расположеніи ихъ приняли слѣдующее раздѣленіе: стихотворенія *духовныя*, гдѣ вдохновляло поэта чувство вѣры и благочестіе христіанина. За ними, подъ именемъ *Поэтической лѣтописи*, слѣдуютъ Фелица, три другія, принадлежащія къ ней стихотворенія, и хронологически всѣ стихотворенія, внушенныя Державину современными событіями, отъ *рожденія Порфиророднаго Отрока* до взятія *Парижа*, и всѣ стихотворенія, писанныя къ разнымъ особамъ, изображающія частную жизнь и отношенія поэта. Потомъ слѣдуютъ отдѣленія: стихотворенія *элегическія* (сюда должно помѣстить элегію на смерть Нарышкина, ошибкою напечатанную на стр. 58), *сказки*, *поэтическія картины*, стихотворенія *сатирическія*, *антологическія*, *вакхическія*, переводы и подражанія. За ними, подъ именемъ *Поэтической автобіографіи*, собрали мы все, что сказалъ поэтъ о самомъ себѣ и жизни своей. Далѣе мѣлкія стихотворенія, три драматическія сочиненія, Прологи, описаніе праздника Потемкина, небольшая драматическая шутка. Все заключается разсужденіемъ о лирической поэзіи, двумя стихотвореніями, пропущенными въ другихъ изданіяхъ, и Читалагарскими Одами, напечатанными, безъ всякаго измѣненія съ изданія 1774 года. Желали бы мы, для того, чтобы передъ читателями было вполнѣ все, что относится къ Державину, жизни и твореніямъ его, прибавить подробныя замѣчанія и поясненія на каждое его сочиненіе отдѣльно, и дополнить описаніе жизни его подробностями изъ его записокъ. Но исполненіе того и другаго не было въ нашей власти. Предоставляемъ другимъ исполнить сію мысль. Такими изъясненіями на Державина могли бы у насъ начаться *классическія* изданія, и *классическое* изученіе нашихъ поэтовъ и замѣчательныхъ литтераторовъ. Скоро ли увидимъ ихъ? Отвѣчать трудно. Когда намъ! Мы такъ заняты, мы такъ привыкли судить не изучая, рѣшать съ чужаго голоса, по общимъ идеямъ, которыя мимолетомъ схватываемъ изъ чужихъ замѣтокъ и журнальныхъ статеекъ.

Для будущихъ историковъ Державина важны поясненія на сочиненія его, изданныя И. Ѳ. Остолоповымъ и Ѳ. П. Львовымъ (*Ключъ къ сочиненіямъ Державина*, С. Петербургъ 1821 года, и *Объясненія на сочиненія Державина*, С. Петербургъ, 1834 года).

Державинъ изображенъ былъ Тончіемъ. Остроумный художникъ изобразилъ его *бардомъ Сѣ-*

вера, въ шубѣ и мѣховой шапкѣ, и успѣлъ схватить лице поэта въ минуту вдохновенія. Съ портрета Тончи вылѣпленъ былъ бюстъ, а гравюра съ него помѣщена при Собраніи Русскихъ стихотвореній, изданномъ въ Москвѣ В. А. Жуковскимъ, въ 1811 году, и при изданіи г-на Глазунова. Другой бюстъ сдѣланъ былъ ваятелемъ Рашетомъ. Портретъ при изданіи Смирдина изображаетъ Державина въ старыхъ лѣтахъ, въ сенаторскомъ мундирѣ и орденахъ. При *Ключѣ* г-на Остолопова приложена литографія съ третьяго портрета, гдѣ Державинъ изображенъ старикомъ, въ халатѣ и калпакѣ.

Дорожа славою поэта, и смотря на него, какъ на вельможу, современники писали о Державинѣ много, писали въ стихахъ и прозѣ, но ограничивались только почтительными хвалами и безусловнымъ удивленіемъ, когда въ то же время безыменные ругатели изливали ядъ свой на него въ рукописныхъ стишенкахъ и письменныхъ клеветахъ. Самыми замѣчательными статьями о Державинѣ остаются донынѣ критическіе разборы нѣкоторыхъ твореній его А. Ѳ. Мерзлякова, который учился теоріи изящнаго у Баттё и Лагарпа, но былъ одаренъ врожденнымъ инстинктомъ вкуса и дарованія, превышавшимъ сію теорію.

Двѣнадцать лѣтъ тому, пишущій сіи строки, долго изучая жизнь и творенія Державина, сознавая высокое достоинство его, какъ человѣка и поэта, увѣренный, что безотчетными похвалами только унижается геній Державина, и что вполнѣ познаемъ мы его только при безпристрастномъ соображеніи его жизни и поэзіи, осмѣлился изложить свое воззрѣніе на Державина, опредѣляя значеніе его въ литтературѣ и поэзіи Русской. Онъ имѣлъ наслажденіе видѣть, что съ выводами его согласилось общее мнѣній, по крайней мѣрѣ, большинство мнѣній, имѣлъ счастіе слышать свое мнѣніе повтореннымъ другими, писавшими послѣ того о Державинѣ. Говоримъ здѣсь не изъ ничтожнаго тщеславія, но потому, что послѣ согласія другихъ, мы осмѣливаемся считать мнѣніе наше не вовсе ошибочнымъ, и потому, когда нынѣшнее наше изложеніе жизни Державина надобно заключить выводомъ объ немъ, какъ поэтѣ, и указать на мѣсто, какое занимаетъ онъ въ пантеонѣ Русской поэзіи, съ надеждою опираемся мы на прежнія соображенія наши. Двѣнадцать лѣтъ размышленія и опыта жизни послѣ того не измѣнили основной мысли нашей о Державинѣ: она прежняя, и мы повторимъ ее вкратцѣ, дополнивъ только нѣкоторыми новыми наблюденіями.

VI.

Державинъ принадлежитъ къ тѣмъ необыкновеннымъ явленіямъ, коими ознаменовываются юность народа, вѣка образованія. Самобытные, они не подлежатъ никакимъ общимъ для другихъ современниковъ законамъ; своеправные, они не имѣютъ предшественниковъ, не оставляютъ послѣдователей. Выражая собою свой вѣкъ, свое время, свою идею, они остаются ихъ вѣчнымъ памятникомъ.

Не знаемъ, что былъ бы Державинъ при другомъ образованіи, при другомъ жребіи. Можетъ быть, онъ погасъ бы, связанный правилами, наукою, условіями общественными. Можетъ быть, онъ составилъ бы эпоху въ образованіи, поколику поэтъ можетъ составить ее.

Державинъ былъ истиннымъ изображеніемъ вѣка Екатерины, времени, продолжившаго вѣкъ Петра Великаго, и соединившаго сей вѣкъ съ девятнадцатымъ, времени блеска и побѣдъ, соединенія учрежденій, необходимыхъ въ младенчествующемъ возрастѣ народовъ, и предпріятій, которыя можно было назвать роскошью образованія, вѣка, безпечно увлекаемаго порывомъ событій, безъ тревоги тѣми вопросами, которые томятъ и терзаютъ насъ, потомковъ его.

До появленія Державина у насъ не было истиннаго *поэта*, въ томъ новомъ обществѣ, которое создалось въ Россіи, и представило собою Россію съ начала XVIII-го вѣка (и послѣ Державина донынѣ былъ у насъ только одинъ поэтъ истинный, *Пушкинъ*). Не было созданій поэзіи въ обществѣ, которое думало быть ученымъ, перенимая науку у другихъ, хотѣло создавать, переодѣвая чужія творенія въ платье Русскаго издѣлья. Ломоносовъ, великій двигатель науки и образованія, дивный поэтъ въ душѣ и въ жизни, былъ стихотворецъ, *дѣлалъ стихи*, какъ дѣлалъ мозаику, машины, рѣчи, громовые отводы, грамматику, исторію, чувствуя умомъ, ведя вдохновеніе на помочахъ науки, и по заказу являясь химикомъ, физикомъ, ораторомъ, историкомъ и — поэтомъ.

Явился Державинъ, съ чувствомъ поэзіи истинной, съ словомъ самобытнымъ, съ душею, открытою на всѣ впечатлѣнія, и съ тѣмъ вмѣстѣ способною возсоздавать принятое ею впечатлѣніе съ изумительнымъ своеобразіемъ. Чувство поэзіи родилось съ нимъ вмѣстѣ, тревожило его и не умѣло высказаться. Жизнь принимаетъ его въ свои холодныя объятія. Державинъ борется съ нею— чиновникъ, семьянинъ, бѣднякъ, онъ недоволенъ тѣми звуками, которые отражаетъ душа его, онъ разувѣряется даже въ своемъ дарованіи, и уже сорока лѣтъ отъ роду слово истинной поэзіи, въ первый разъ и вполнѣ, излетаетъ изъ устъ его, вдохновенное величіемъ Царицы и негодованіемъ къ пороку. Оно услышано, сіе неподражаемое слово. «Ты поэтъ!» говоритъ ему Царица, великая душа коей все понимала. «Ты поэтъ!» повторя-

ютъ люди, съ той усмѣшкой, которая обращаетъ слово въ сатиру. Державинъ не вѣритъ, и увѣряетъ, что онъ дѣловой чиновникъ. Ему доказываютъ на дѣлѣ, что онъ поэтъ. «Да, восклицаетъ онъ» – «я поэтъ и не умру!» Едва произнесено сознаніе, едва свободные звуки выразили чувство души — новое сомнѣніе, новая борьба, новая улика, новое сознаніе, новое отрицаніе! Такъ проходитъ время поэзіи, проходитъ вѣкъ Фелицы. Державинъ, усталый отъ жизни, сознаетъ свою ошибку. Онъ видитъ, какъ благоговѣютъ люди передъ его поэтическими созданіями, чувствуетъ, что только они переживутъ его, хочетъ возвратить потерянное, хочетъ творить — поздно! Только по тому что создано, будетъ судить его потомство, и — довольно для Державина. Потомство видитъ въ немъ истиннаго, самобытнаго поэта, и въ жизни и въ твореніяхъ.

Державинъ оставилъ до трехъ сотъ пятидесяти пьесъ, и разсмотрѣніе ихъ показываетъ намъ, что Державинъ былъ поэтъ лирическій. Не ищите въ немъ сосредоточенной въ самой себѣ глубины мысли, какъ не ищете ее въ его вѣкѣ. Державинъ весь во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, весь зависитъ отъ окружающихъ его предметовъ: онъ весь въ практической жизни. онъ весь въ жизни природы, и потому онъ всегда самодоволенъ въ поэтическіи минуты своего бытія, какъ самодовольно окружающее его созданіе. Если душа его возвышается къ Богу, задумывается при видѣ могилы, утѣшается безсмертіемъ загробнымъ, пѣснь его изливается только благоговѣніемъ къ Творцу, скорбью о суетѣ и бренности жизни, живетъ упованіемъ, а не размышленіемъ, вѣрою сердца, а не убѣжденіемъ ума. Онъ весь чувство. Такъ любовь не заставляетъ его страдать, такъ дружба подноситъ ему полный кубокъ радости. Отвращеніе къ пороку вспыхиваетъ у него негодованіемъ, но оно, какъ порывъ вихря, взволновавшій свѣтлую поверхность, на которой отразилось темное облако. Такъ при кликахъ Русской побѣды, Державинъ весь восторгъ — въ Россіи для него вселенная, въ Екатеринѣ явленіе божества.

Другое свойство Державина происходитъ изъ перваго: живущій внѣшними впечатлѣніями, онъ возсоздаетъ ихъ образами, а не звуками. У него все олицетворено, все превращено въ картину — онъ мыслитъ образами, онъ говоритъ цвѣтами. Каждое впечатлѣніе отливается у него яркими радугами слова.

И слово Державина, самобытно созданное имъ въ изученіи языка церковнаго и въ знаніи языка народнаго, бурное, неровное, могучее, своенравное, могло повиноваться только ему одному. Языку другихъ подражали и можно подражать — языку Державина подражать нельзя, и всякое подражаніе ему будетъ смѣшно. Школьникъ на ученической лавкѣ укажетъ вамъ на ошибки, темноту, неправильности языка Державина. Но ни чей другой языкъ не представитъ вамъ такихъ сокровищъ, такого предмета для изученія богатствъ Русскаго слова, какъ языкъ Державина.

Мы не будемъ здѣсь разбирать сочиненій Державина, раскладывать ихъ по сортамъ, и какъ въ купеческихъ прейсъ-курантахъ подписывать: *хорошее, лучшее, самое лучшее*. Державина надобно читать, изучать и судить вполнѣ. Нѣтъ ни одного стихотворенія, гдѣ не отыскали бы вы недостатковъ, свойственныхъ Державину, и обратно, немного найдете стихотвореній, даже писанныхъ въ старости, гдѣ не отражалась бы его изумляющая сила, не слышно было его бурное дыханіе Изображая битвы Рускихъ, описывая роскошные пиры, поучая царей и сильныхъ земли, начертывая образъ «богоподобной» Фелицы, пируя за прадѣдовскою кружкою, скорбя на гробѣ друга, изображая пляску цыганки, поражая стрѣлами сатиры ничтожнаго вельможу, онъ самобытенъ, своеобразенъ, весь въ метафорахъ и въ картинахъ. Въ твореніяхъ Державина могутъ устарѣть выраженія, но языкъ его не старѣется, и потомство будетъ изучать его, какъ изучаетъ великіе историческіе памятники всѣхъ вѣковъ, творенія Данте, Саконталу, Нибелунгу, какъ изучаетъ оно зодчество Кельнскаго собора и Эллорскихъ капищъ.

Такое воззрѣніе долженъ обратить на Державина тотъ, кто захочетъ опредѣлять мѣсто его въ Русской литтературѣ, и съ сей точки зрѣнія надлежитъ указывать на него юнымъ сподвижникамъ слова, закаляя ихъ дарованіе въ изученіи великихъ образцовъ. Для Державина уже прошла молва современной извѣстности, но наступила слава потомства, передъ которою судъ нашъ долженъ быть произносимъ съ благоговѣніемъ, какое внушаетъ все великое и безсмертное. Къ сожалѣнію, многіе критики наши, не понимая Державина, говорятъ иначе. Какъ безусловно хвалили его въ старину, какъ по ложной мѣркѣ поддѣльнаго классицизма размѣривали прежде его творенія, такъ нынѣ, когда обязанностью критика многіе считаютъ непремѣнное *осужденіе*, когда каждый предметъ, подвергнутый критическому воззрѣнію, многіе почитаютъ чѣмъ-то въ родѣ обвиненнаго, призваннаго къ допросу передъ прокурора журнальнаго, и великая тѣнь Державина призывается къ пигмейскому суду, и осуждается по статьямъ мирмидонскаго журнальнаго уложенія. Примѣры недалеко. Не упоминая именъ, вспомнимъ о критикѣ, который, послѣ долгаго мудрованія, осудилъ Державина за недостатокъ *художественности*, стоя на колѣняхъ передъ жалкими произведеніями новѣйшихъ нашихъ романтиковъ, и съ восторгомъ разсматривая вонючую грязь какого нибудь малограмотнаго романиста.

Такія сужденія не стоили бы другаго отвѣта, кромѣ улыбки сожалѣнія, ибо время и безъ насъ смываетъ ихъ, какъ грязныя пятна, съ истинно великаго, но намъ жаль, если подобныя близорукія сужденія увлекаютъ юное поколѣніе. Другой примѣръ: какой-то критикъ объявилъ недавно — помнится, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ — что Россія вѣка Екатерины была Россія *пышная*, *роскошная*, *великолѣпная*, *убранная въ Азіятскіе жемчуги и камни*, *полудикая*, *полуварварская*, *полуграмотная*.» И «*такова поэзія Державина, во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ!*» горделиво прибавилъ велемудрый критикъ. Въ отвѣтъ, съ христіанскимъ смиреніемъ, можно послать критику отпущеніе въ невольномъ грѣхѣ его: «не вѣсть бо что творитъ.» Есть люди еще смѣлѣе критика Московскихъ Вѣдомостей. Какой-то литтературный судія сшилъ недавно «Русскую хрестоматію,» и подлѣ сора и грязи, выметенныхъ изъ современной литтературы, которые кажутся ему образцовыми, удостоилъ помѣстить нѣсколько стихотвореній Державина, отмѣтивъ ихъ, какъ *устарѣлыя*, звѣздочками За такой подвигъ стоило бы поставить для отличія звѣздочку на челѣ собирателя хрестоматіи. Разумѣется, что подобная смѣлость уже не подходитъ подъ судъ здраваго смысла, но грустно думать, если собиратель хрестоматіи назначалъ свою книгу для юныхъ читателей, и ему могутъ повѣрить не только они, но и учитель ихъ, не дерзающій сомнѣваться въ томъ что напечатано.

Н. ПОЛЕВОЙ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ

СОЧИНЕНІЙ ДЕРЖАВИНА,

СОСТАВЛЕННАЯ ПО ОТМѢТКАМЪ ЕГО САМОГО, Ѳ. П. ЛЬВОВА, Н. Ѳ. ОСТОЛОПОВА, И ПО ВРЕМЕНИ ВЫХОДА СОЧИНЕНІЙ.

1770 года.
Объявленіе любви.
Пламидѣ.
Нинѣ (изъ Клопштока).
Всемилѣ.
1772.
На побѣды Екатерины.
Пени.
1774.
На смерть Бибикова.
Монументъ Петру Великому.
Петру Великому.
Пикники.
1778.
На освященіе Каменно-Островскаго Инвалиднаго Дома.
Невѣстѣ.
Препятствіе къ свиданію съ супругою.
Успокоенное невѣріе.
Истина.
1779.
Ключъ.
1780.
Богъ (первая мысль).
Счастливое семейство.
На смерть Князя Мещерскаго.
Къ первому сосѣду.
На отсутствіе Екатерины II-й въ Бѣлоруссію.
На новый годъ.
На рожденіе Порфиророднаго Отрока.
Вѣеръ.
1781.
На выздоровленіе Мецената.
1782.
Фелица.
Рѣшемыслу.
1783.
Благодарность Фелицѣ.
Видѣніе мурзы.
1784.
На пріобрѣтеніе Крыма.
Окончаніе оды Богъ.
1785.
Безсмертіе души (первая мысль).
1786.
Уповающему на силу свою.
Торжество въ день восшествія на престолъ Екатерины II-й.
Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра.
1787.
Властителямъ и судіямъ.
На смерть Румянцовой.
Надежда на Бога.
1788.
Осень, во время осады Очакова.
1789.
Величество Божіе.
Праведный судія.
Истинное счастіе.
На счастье.
Изображеніе Фелицы.
Кантата.
Философы пьяный и трезвый.
1790.
На Шведскій миръ.
Хоръ на Шведскій миръ.
На взятіе Измаила.
На коварство Французскаго возмущенія.

1791.
Описаніе праздника Потемкина.
Анакреонъ въ собраніи.
Водопадъ.
Памятникъ герою.
Любителю художествъ.
Родственное празднество.
Прогулка въ Царскомъ Селѣ.
1792.
Колесница.
Къ второму сосѣду.
На рожденіе В. К. Ольги Павловны.
Калліопѣ.
Амуръ и Психея.
На умѣренность.
1793.
Помощь Божія.
Н. А. Львову.
Горѣлки.
Храповицкому.
На паннихиду Людовика XVI-го.
Пѣснь брачная Порфирородной четѣ.
Граціямъ.

1794.
На взятіе Варшавы.
Вельможа.
Радость о правосудіи.
Меркурію.
Къ лирѣ.
Провидѣніе.
Мой истуканъ.
Ласточка.
Соловей.
Буря.
Мечта
Анжеликѣ Кауфманнъ.
Призываніе Плѣниры.
Сафѣ.
Красавцу.
Новоселье молодыхъ.
1795.
На кончину В. К. Ольги Павловны.
На кончину благотворителя.
Заздравный орелъ.
Приглашеніе къ обѣду.
Павлинъ.
Богинѣ здравія.
Флотъ.
Хариты.
Спящій эротъ.
Къ Софіи.
Анакреонъ у печки.
Скромность.
Гостю.
Другу.
Стрѣлокъ.
1796.
Побѣда красоты.
На рожденіе царицы Гремиславы.
На покореніе Дербента.
На крещеніе *Вел. Князя* Николая Павловича.
Надгробная Екатеринѣ Великой.
Афинейскому витязю.
На кончину графа Орлова.
На тщету земной славы.
Желаніе въ горнихъ.
Правосудіе.
Потопленіе.
Крезовъ эротъ.
Пчела.
Бой.
Молитвы.
Надпись на гробницѣ Шелехова.
Памятникъ.
1797.
На новый 1797 годъ.
Урна.
Храповицкому.
Мужество.
Капнисту.
Музѣ
Къ лирѣ.
Люси.
Купидонъ
Горячій ключъ.
Женщинамъ.
Соловей во снѣ.
Венеринъ судъ.
Рожденіе красоты.
Портретъ
Цѣпи.
Сафо.
На возвращеніе Графа Зубова.
Пришествіе Феба.
Возвращеніе весны.
Праздникъ воспитанницъ Смольн. мон.
Прологъ на рожденіе любви.
Прологъ на рожденіе Порфиророднаго отрока.
1798.
На новый 1798 Годъ.
Побѣдителю.
Введеніе Соломона въ судилище.
Похвала за правосудіе.
На рожденіе В. К. Михаила Павловича.
На Мальтійскій орденъ.
Арфа.
Къ самому себѣ.
На бракосочетаніе Графа Литты.
Объ удовольствіи.
На ворожбу
Похвала сельской жизни.
Геркулесъ,
Парашѣ.
Богатство.
1799.
На кончину Екатерины II-й.
Орелъ.
На побѣды въ Италіи.
На переходъ Альпійскихъ горъ.
На смерть Нарышкина.
На брачныя торжества.
Рожденіе любви.
Братское согласіе.
Вишa.
Мельникъ.
Пѣночка.
Русскія дѣвушки.
Пѣснь Баярда.
Варюшка.
1800.
Утро.
Гимнъ Богу.
Снигирь.
Птицеловъ.
Гимнъ Венерѣ.
Гитара.
Первая пѣснь Пиндара Пиѳійская.
1801.
На восшествіе на престолъ Александра I-го.
На коронацію Александра I-го.
Хоръ на коронацію.
Другой хоръ.
Вѣнчаніе Леля.
Явленіе Аполлона и Дафны.
Гимнъ кротости.
Облако.
Громъ.

—

Стихотворенія, время сочиненія коихъ неизвѣстно.

—

БОГЪ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прешедшій мигъ!

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.

Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавшій все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь въ вѣкъ.

Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой,
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ.
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ!

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія,
Но что мной зримая вселенна
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты.
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ. разсуждаетъ.
Я есмь — конечно, есь и Ты!

Ты есь — природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ—
Ты есь! — и я ужь не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ.
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайняя степень вещества,
Я средоточіе живущихъ —
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю —
Я царь — я рабъ, — я червь — я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? — безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое!

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей,
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ни чѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И — благодарны слезы лить.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Умолкни, чернь непросвѣщенна,
Слѣпые міра мудрецы!
Небесна истина, священна,
Твою мнѣ тайну ты прорцы!
Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремитъ предвѣчно:
Живъ Богъ — жива душа твоя!

Жива душа моя — и вѣчно
Она жить будетъ безъ конца;
Сіянье длится безпресѣчно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны — вѣченъ духъ.

Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій,
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
Неосязаемый, незримый,
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ;

Духъ, чувствовать, внимать способный,
Все знать, судить и заключать,
Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
Вкругъ мѣрить, вѣсить, исчислять,
Ревущи отвращать перуны,
Чрезъ бездны преплывать морей,
Сквозь своды воздуха лазурны
Свѣтъ черпать солнечныхъ лучей;

Могущій время скоротечность,
Прошедше съ будущимъ вязать,
Воображать блаженство, вѣчность,
И съ мертвыми совѣтъ держать,
Плѣняться истинъ красотою,
Надѣяться безсмертнымъ быть —
Сей духъ возможетъ ли косою
Пресѣчься смерти и не жить?

Какъ можно, чтобы Царь всемірный,
Господь стихій и вещества—
Сей духъ, сей умъ, сей огнь эѳирный,
Сей истый образъ Божества —
Являлся съ славою такою,
Чтобъ только мигъ въ семъ свѣтѣ жить,
Потомъ покрылся бъ вѣчной тьмою?
Нѣтъ, нѣтъ! — сего не можетъ быть.

Не можетъ быть, чтобъ съ плотью тлѣнной,
Не чувствуя нетлѣнныхъ силъ,
Противу смерти разъяренной
Въ сраженье воинъ выходилъ;
Чтобъ властью Царь не ослѣплялся,
Судья противъ даровъ стоялъ,
И человѣкъ съ страстьми сражался,
Когда бы духъ не укрѣплялъ.

Сей духъ въ Пророкахъ предвѣщаетъ,
Паритъ въ Піитахъ въ высоту,
Въ Витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;
Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.

Премудрость вѣчная и сила,
Во знаменье чудесъ своихъ,
Въ персть земну душу, духъ вложила,
И такъ во мнѣ связала ихъ,
Что сдѣлались они причастны
Другъ друга свойствъ и естества:
Въ сей водворился міръ прекрасный
Безсмертный образъ Божества!

Безсмертенъ я! — и увѣряетъ
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ нёмъ;
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.

Сравнимъ ли и прошедши годы
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ Природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?
Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя.

Какъ тьма есть свѣта отлученье:
Такъ отлученье жизни — смерть.
Но коль лучей, во удаленьѣ,
Умершими не льзя почесть.
Такъ и души, отшедшей тѣла:
Она жива, какъ живъ и свѣтъ;
Превыше тлѣннаго предѣла
Въ своемъ источникѣ живетъ.

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мірѣ
Крылата мысль моя паритъ;
Я здѣсь умру, — но и въ эѳирѣ
Мой гласъ по смерти возгремитъ.
О! если бъ Стихотворство знало
Брать краску солнечныхъ лучей,
Какъ ночью бы луна сіяло
Безсмертіе души моей.

Но если нѣтъ души безсмертной:
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умретъ душа моя?
Мнѣ лучше, лучше быть злодѣемъ,
Попрать законъ, низвергнуть власть,
Когда по смерти мы имѣемъ,
И злой и добрый, равну часть.

Ахъ, нѣтъ! — коль плоть, разрушась, тлѣнна
Мертвила бъ нашъ и духъ съ собой,
Давно бы потряслась вселенна,
Земля покрылась кровью, мглой;
Упали бъ троны, царства, грады,
И все погибло бъ золъ въ борьбѣ;
Но духъ безсмертный ждетъ награды
Отъ правосудія себѣ.

Дѣла и сами наши страсти,
Безсмертья знаки нашихъ душъ:
Богатствъ алкаемъ, славы, власти;
Но всѣ ихъ получа, мы въ ту жъ
Минуту вновь — и близъ могилы —
Не престаемъ еще желать;
Такъ мыслей простираемъ крылы,
Какъ будто бъ ввѣкъ не умирать.

Нашъ прахъ слезами оросится,
Гробъ скоро мохомъ зарастетъ;
Но огнь отъ праха въ томъ родится,
Надгробну надпись кто прочтетъ:
Блеснетъ, — и вновь подъ небесами
Начнетъ свой фениксъ новый кругъ.
Все движется, живетъ дѣлами,
Душа безсмертна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
Въ мигъ возгарается огня,
Подобно мысли сообщеньемъ
Возможно вдругъ возжечь меня;
Во слѣдъ же моему примѣру
Пойдетъ отважно и другой:
Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
Мы простираемъ за собой!

И всяко сѣмя, роду сродно
Какъ своему приноситъ плодъ:
Такъ всяка мысль себѣ подобно
Дѣянье за собой ведетъ.
Благіе въ мірѣ духи, злые,
Суть вѣчны чада сихъ сѣменъ;
Отъ нихъ тѣ свѣтъ, а тьму другіе
Въ себя пріемлютъ, жизнь, иль тлѣнъ.

Бываю веселъ и спокоенъ,
Когда я сотворю добро;
Бываю скученъ и разстроенъ,
Когда содѣлаю я зло:
Отколь же разность чувствъ такая?
Отколь борьба и перевѣсъ?
Не то ль, что плоть есть персть земная,
А духъ — вліяніе небесъ?

Отколь и чувствъ по насыщеньѣ
Объемлетъ душу пустота,
Не отъ того ль что наслажденье
Для ней благъ здѣшнихъ — суета?
Что есть для насъ другой міръ краше,
Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
Безсмертіе — стихія наша,
Покой и верхъ желаніи — Богъ!

Болѣзнью изнуренна смертной,
Зрю мужа праведна въ одрѣ,
Покрытаго ужъ тѣнью мертвой;
Но, при возблещущей зарѣ
Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни,
Горѣ онъ взоръ возводитъ вдругъ;
Спѣша въ объятіе отчизны,
Съ улыбкой испускаетъ духъ.

Какъ червь, оставя паутину
И въ бабочкѣ взявъ новый видъ,
Въ лазурну воздуха равнину
На крыльяхъ блещущихъ летитъ,
Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
Съ цвѣтовъ садится на цвѣты:
Такъ и душа, небесъ въ пространствѣ,
Не будешь ли безсмертна ты?

О, нѣтъ! безсмертіе святое —
Въ единомъ Богѣ вѣчно жить;
Покой и счастіе прямое
Въ Его блаженномъ свѣтѣ чтить.
О радость! о восторгъ любезный!
Сіяй, надежда! лучъ лія,
Да на краю воскликну бездны:
Живъ Богъ — жива душа моя!

═

УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ.

—

Когда то правда, человѣкъ,
Что цѣпь печалей весь твой вѣкъ:
Поэто жъ намъ вѣкомъ долгимъ льститься?
На то ль, чтобъ плакать и крушиться,
И, мѣря жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?

Кончать день золъ днемъ золъ другихъ,
Страшиться радостей своихъ,
На счастья блескъ не полагаться,
И каждый мигъ того бояться:
Вотъ грусть, вотъ скорбь, вотъ смерть придетъ!
Начала всѣ конецъ сѣчетъ.

Младенецъ лишь родится въ свѣтъ,
»Увы! увы!« онъ вопіетъ;
Ужъ чувствуетъ свое онъ горе;
Низверженъ въ треволненно море,
Волной несется чрезъ волну,
Песчинка въ вѣчну глубину.

Се нашей жизни образецъ!
Се нашихъ всѣхъ суетъ вѣнецъ!
Что жизнь? — Жизнь смерти тлѣнно сѣмя.
Что жить? — Жить мигъ летяща время, —
Едва почувствовать, познать,
Познать ничтожество, — страдать.

Страдать, — и скорбно чувство мукъ
Умѣть еще сносить безъ скукъ.
На то ли создалъ Ты отъ вѣка,
О Боже! бренна человѣка?
Творецъ! Но на Тебя ль роптать?
Такъ что жъ осталося? — Страдать.

Такая жизнь — не жизнь, но ядъ:
Змѣя въ груди, геенна, адъ,
Живаго жретъ меня до гроба.
Ахъ! если самая та жъ злоба
По смерти мститъ намъ и въ гробахъ:
Кого жъ Творцемъ назвать? кто благъ?

Лишь Парки жизни нить прервутъ,
Ужъ въ встрѣчу Фуріи бѣгутъ:
Отсель изъемлетъ скоротечность;
А тамъ, а тамъ разверзта вѣчность!
Дрожу! — Ліется въ жилахъ хладъ.
О вѣчность, вѣчна мука, адъ!

Но что? — Зрю молніи кругомъ!
Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ!
Перунъ перуны прерываетъ,
Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ взываетъ
»Богъ благъ, отецъ Онъ твари всей;
»Ты золъ, — и адъ въ душѣ твоей!« —

Божественный сей, крѣпкій гласъ
Кичливый духъ во мнѣ потрясъ;

Вострепетала совѣсть черна,
Исчезла мысль неимовѣрна,
Прошли отчаянья мечты:
Всесильный! помоги мнѣ Ты!

Уйми страстей моихъ Ты шумъ,
И бурный обуздай мой умъ:
Чего понять онъ не возможетъ,
Да благость въ томъ Твоя поможетъ,
Чтобъ я средь золъ покоенъ былъ,
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызать,
Котора поднята карать;
Средь юности моей неспѣлой,
Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ, мірскихъ суетъ,
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорби ощущать,
Собою больше обладать,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты твари бѣдной, бренной,
Небесну помощь съ высоты:
Ты щедръ, щедротъ источникъ Ты!

Надъ безднами горящихъ тѣлъ,
Которыхъ лучъ не долетѣлъ
До насъ еще съ начала міра —
Отколь, среди зыбей эѳира,
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ,
Какъ злачный червь, во тьмѣ блеститъ —

Тамъ внемлетъ насѣкомымъ Богъ.
Достигъ мой вопль въ Его чертогъ.
Я зрю: избранна прежде вѣка
Грядетъ покоить человѣка;
Надежды вѣтвь въ рукѣ у ней: —
Ты Вѣра? — Миръ душѣ моей!

Ты мысли дерзкія плѣнишь,
Сердцамъ незлобіе даришь,
Терпѣньемъ души укрѣпляешь,
На подвигъ немощь ободряешь,
Ты кроткимъ свѣтъ и красота,
Ты гордымъ мракъ и суета!

Пристойно цѣль имѣть уму,
Куда паря лстѣть ему.
Пусть все подвержено сомнѣнью;
Но безъ Творца какъ быть творенью?
Его ты, Вѣра, учишь знать,
Любить, молить, — не постигать.

Непостижимый сей Творецъ
Да будетъ мой покровъ, отецъ!
Онъ взоромъ волны укрощаетъ,
Онъ всей Природой мнѣ вѣщаетъ:
»Испытывать судьбы забудь,
»Надѣйся, вѣрь — и счастливъ будь.«

О вы, что мысли остротой,
Разврата славитесь мечтой!
Послѣдуя сему примѣру,
Пріидите, обымите Вѣру:
Она одна спокоитъ васъ,
Утѣшитъ въ самый смертный часъ.

МОЛИТВА.

О Боже душъ Творецъ безсмертныхъ
И всѣхъ — гдѣ существуетъ кто!
О единица числъ несмѣтныхъ,
Безъ коей всѣ они ничто!
О средоточіе! согласье!
Все содержащая любовь!
Источникъ жизни, блага, счастья,
И малыхъ и большихъ міровъ!

Коль ты лишь духомъ наполняешь
Своимъ цѣвницы твари всей,
Органомъ симъ увеселяешь
Себя средь вѣчности Твоей,
И вкругъ отъ миріадовъ звѣздныхъ,
Піющихъ свѣтъ съ Твоихъ очесъ,
Самъ черплешь блескъ лучей любезныхъ
И льешь ихъ въ океанъ небесъ;

И мнѣ, по плоти праху тлѣнну,
Когда на тотъ одинъ конецъ
Ты вдунулъ душу толь священну,
Чтобы въ гармонію, Творецъ!
И я вошелъ Твою Святую:
О! ниспошли жъ мнѣ столько силъ,
Чтобъ развращенну волю злую
Твоей я волѣ покорилъ,

И такъ бы сдѣлалъ душу чисту,
Какъ водный ключь — сквозь блатъ гнилыхъ,
Какъ запахъ розъ — сквозь дебрь дымисту,
Какъ лучъ небесъ — сквозь безднъ ночныхъ,
Протекши, тѣми же бываютъ,
Что были въ существѣ своемъ,
Или свѣтлѣй еще сіяютъ,
Чѣмъ злато жженное огнемъ.

Подаждь, чтобъ все мое желанье,
Вся мысль моя единъ былъ Ты,
И истинъ бы Твоихъ алканье
Пожрало міра суеты;
Чтобъ правды, совѣсти, закона,
Которы мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
Изъ подлости, хотя бъ у трона,
Я ни на что не промѣнялъ;

Чтобъ, знавъ мое происхожденье
Моихъ достоинствъ я не тмилъ,
Твоей лишь волѣ въ угожденье
Въ лицѣ Царя Твой образъ чтилъ;

Чтобы, трудясь я безвозмездно,
Творилъ самимъ врагамъ добро,
И какъ Тебѣ добро любезно,
Такъ ненавидѣлъ бы я зло;

Несчастныхъ, утѣсненныхъ слезу
Чтобы спѣшилъ я отирать,
Сердца, подобныя желѣзу,
Моей горячностью смягчать;
Чтобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ,
На лонѣ нѣгъ не воздремалъ;
Но былъ душой Тебѣ подобенъ,
И всю ее съ Тобой сливалъ.

О сладка мысль и дерзновенна —
Желать съ Творцемъ сліянну быть!
Когда придетъ неизреченна
Мнѣ радость та, чтобъ въ Богѣ жить?
Когда съ Тобой соединюся?
Любви моей, желаній край!
Гдѣ предъ лицемъ Твоимъ явлюся,
Тамъ мрачный адъ мнѣ будетъ рай.

ТОСКА ДУШИ.

«Что такъ смущаешься, волнуешь,
Безсмертная душа моя?
Отколѣ пламенны желанья?
Отколь тоска и грусть твоя?
Се холмы синіе мерцаньемъ,
Лугъ запаховъ—спокойство льютъ,
Но, ахъ, ничто не утоляетъ
Унынья томна твоего!

«Иль дѣлъ, иль подвиговъ вновь жаждешь,
Чтобъ имя прозвучать свое?
Возстань, опрепояшься, дѣйствуй:
Обширно поприще твое!
Иль жжетъ алчба ничтожна злата?
Прости!—не вѣдалъ я того,
Безсмертная, сему кумиру
Чтобъ била ты когда челомъ.

«Ужели это тотъ избранный,
Снѣдаешься, крушишься кѣмъ,
Чѣмъ нощью спящіе во снѣ грезятъ
И грезятъ спящіе чѣмъ днемъ?
Нѣтъ! слабо праха воспаленье
Наполнить пустоту твою. —
Но что жъ? скажи скорѣй мнѣ средство,
Внутри чѣмъ жажду утолить?» —

Такъ воскликнулъ я, повергся долу·
Заглохнулъ стонъ болотна дна;
Замолкло лѣса бушеванье;
Затихла тише тишина,
Лежалъ простертъ я, чуть дыхая,
Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
Надъ коимъ мѣсяцъ серпозлатый
Блисталъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ,—исчезъ.

Ночная тьма темнѣе стала;
Вкругъ въ гибкомъ камышѣ, въ кустахъ
Чуть слышимо погодъ шептанье
Въ меня вливало нѣкій страхъ.
Во слухъ мой доходили звуки
Такъ нѣжны, сладки, какъ свирѣль.
Отколь они ко мнѣ неслися?—
Но въ сердцѣ такъ вѣщали мнѣ:

«Не драгоцѣнностей алканье,
Не слава, не хвала людей
И не предметъ, тобой избранный,
Волнуютъ во груди твоей;
Но Тотъ...—Прочь отъ очей повязка!
Запона и отъ слуха прочь!
Воззри, о робкій маловѣрный,
Вокругъ себя и въ небеса.

«Не зришь ли черпордяный пламень,
Зеленыхъ сумракъ средь лѣсовъ?
Не обоняешь ли цвѣтущихъ
Ты благовоніе цвѣтовъ?
Не внялъ ли крастелина треска,
И радостна въ травѣ, во мху
И въ воздухѣ жужжанья, шума
Большихъ и малыхъ жизней толпъ?

«О мрачный и оглохлый смертный!
Не образованы ль рукой
Они одной, изъ той же глины,
Изъ коей и составъ весь твой?
Не облаченъ ли плащаницей
Непроницаемой ты вкругъ?
Сотри скорѣй плену отъ взора,
И съ слуха перепонку сбрось.

«Тотъ, сердцемъ Кто не познаваемъ
Твоимъ, но пламенно искомъ,
Вблизи тебя, не подалеку,
И можетъ быть легко найденъ,
Его душей кто прямо ищетъ.
Онъ носится вокругъ тебя
Въ заряхъ и раннихъ и вечернихъ,
И на моряхъ и на земли.

«Такъ! Имъ ты, Имъ щедротодарнымъ,
Вся воспламененна Имъ однимъ;
По Немъ твоя тоска, томленье:
Зовешь Его, грустишь ты Имъ;
Твой къ току своему духъ рвется,
Страданья небрежа земны
И наслажденья презирая,
Свое блаженство въ Немъ лишь чтитъ.

«Онъ жаждъ твоихъ всѣхъ утоленье,
Онъ чуденъ именемъ Своимъ:
Любовь и свѣтъ Его есть сущность;
Его *когда?* всегда есть съ Нимъ;

Его *гдѣ?*—здѣсь и повсемѣстно;
Его *подобіе* есь ты;
Его отсвѣтъ въ тебѣ блистаетъ:—
Гордись, мой братъ, величьемъ симъ.»—

Такъ рекъ.—Завѣса и повязка
Съ меня ниспали. Я прозрѣлъ,
И видѣлъ вкругъ себя сіянье:
Трепещущи, чуть съ мѣста сшелъ,
И въ ужасѣ не смѣлъ быть дерзкимъ:
Еще разъ на Него взглянуть;

Но только гласъ Его я слышалъ
Въ вечернемъ вѣющъ вѣтеркѣ.

Склоня колѣна, въ слѣдъ молился
Ему, и радостенъ я былъ;
Пылалъ восторгомъ несказаннымъ:
Дрожалъ, не познавалъ себя:
Вся млѣла кровь..,—опомнясь, вскликнулъ:
»Нашелъ, о чудный! я Тебя;
Нашелъ,—не выпущу изъ сердца.
Благослови меня съ высотъ!»

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМОВЪ.

ИСТИННОЕ СЧАСТІЕ.

(Псал. 1.)

Блаженъ тотъ мужъ, кто ни въ совѣтъ,
Ни въ сонмъ губителей не сядетъ,
Ни грѣшниковъ на путь не станетъ,
Ни пойдетъ нечестивымъ въ слѣдъ,

Но будетъ нощію и днемъ
Въ законѣ Божьемъ поучаться,
И всею волею стараться,
Чтобъ только поступать по немъ.

Какъ при потокѣ чистыхъ водъ
Въ долинѣ древо насажденно,
Цвѣтами всюду окруженно,
Дающее во время плодъ,

Котораго зеленый листъ
Не падаетъ и не желтѣетъ:
Подобно онъ во всемъ успѣетъ,
Когда и что ни сотворитъ.

Но беззаконники не такъ:
Они съ лица земли стряхнутся,
Развѣются и разнесутся,
Какъ вѣтромъ возметенный прахъ.

Суда Всевидца не снесутъ
И не воскреснутъ нечестивы,
И грѣшники въ совѣтъ правдивый
Отнюдь явиться не дерзнутъ.

Господь съ превыспреннихъ Своихъ
Всѣхъ нашихъ помышленій зритель;
Онъ праведниковъ покровитель,
Каратель и губитель злыхъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТВОРЧЕСКАГО БЫТІЯ.

(Псал. 18.)

Небеса вѣщаютъ Божью славу;
Рукъ Его творенье твердь;
День за днемъ течетъ его уставу,
Нощи нощь приноситъ вѣсть.

Не суть рѣчи то, иль гласы лиры,
Не доходитъ всѣмъ чей звонъ;
Но во всѣ звучитъ глаголъ ихъ міры,
Въ безднахъ раздастся тонъ.

Се чертогъ горитъ въ зыбяхъ эѳира;
Солнце блещетъ какъ женихъ,
Какъ герой грядетъ къ побѣдамъ міра,
Мещетъ огнь очей своихъ;

Съ одного края небесъ лишь сходитъ,
Ужъ срѣтается въ другомъ:
Нѣтъ вертеповъ, онъ куда не вводитъ
Теплоты своимъ лучомъ.

Всѣмъ законъ природы зримый, ясный
Можетъ смертнымъ доказать:
Безъ Творца столь стройный міръ, прекрасный
Сей не можетъ пребывать.

УТѢШЕНІЕ ДОБРЫМЪ.

(Псал. 36.)

Не ревнуй отнюдь лукавымъ,
Беззаконнымъ не завидь:
Скоро смерть серпомъ кровавымъ
Ихъ пріидетъ поразить:
Упадутъ — и въ мигъ увянутъ,
Какъ подкошены цвѣты.

Положись во всемъ на Бога;
Землю населя, трудись;
Добръ будь, не желая многа,
Въ честь Господню насладись:
Онъ подастъ тебѣ, что сердце
Пожелаетъ лишь твое.

Вышнему во всемъ довѣрься,
Будь во всемъ Ему открытъ,
Крѣпко на Него надѣйся, —
Въ пользу все твою свершитъ:
Вознесетъ, какъ солнце, правду,
И невинность, яко день.

Посвятясь Творцу, мужайся,
Будь въ Его законѣ твердъ;
Счастьемъ злыхъ не ослѣпляйся,
Гордымъ не ходи во слѣдъ;
Не ходи, не раболѣпствуй,
Смертныхъ Богомъ не твори.

Не печалься, не сердися,
Не злословь и злыхъ глупцовъ;
Паче въ доблестяхъ крѣпися,
Умудряйся средь трудовъ.
Ты увидишь: зло поникнетъ,
Добродѣтель возлетитъ.

Подожди мигъ, и не будетъ
Самый вредъ тебѣ во вредъ;
Будто вѣтеръ пепелъ сдунетъ,
Такъ исчезнетъ злобы слѣдъ:
Кротость же наслѣдитъ землю,
И сладчайшій вкуситъ миръ.

Яры взоры грѣшникъ мещетъ,
И надъ праведникомъ бдитъ;
Зубомъ на него скрежещетъ,
Втаї вездѣ его слѣдитъ:
Но Господь врагу смѣется,
Близкій видя рокъ его.

Мечъ злодѣи извлекаютъ,
Лукъ натягиваютъ свой:
Низложить они алкаютъ
Правыхъ сердцемъ и душой;
Но ихъ луки сокрушатся;
Обратится мечъ имъ въ грудь.

Лучше малое стяжанье,
Нажитое все трудомъ,
Чѣмъ сокровищей собранье,
Скоро скопленно съ грѣхомъ:
Въ праведныхъ рукахъ все споро;
Грѣшниковъ скудѣетъ длань.

Добрыхъ Богъ благословляетъ:
Твердо въ вѣкъ наслѣдство ихъ;
Въ люты глада дни питаетъ
Отъ щедротъ Онъ ихъ Своихъ:
Мытари жъ, какъ овны, жирны;
Но изсохнетъ весь ихъ тукъ.

Грѣшникъ, взявъ, не возвращаетъ;
Праведникъ всегда даетъ;
Сѣмена ль кому ссужаетъ,
То земля приноситъ плодъ:
На кого жъ положитъ клятву,
Плодъ тѣхъ вѣрно погубленъ.

Богомъ человѣкъ крѣпится,
Коль на добромъ онъ пути;
Хоть падетъ, не сокрушится:
Встанетъ паки, чтобъ итти:
Вышняго рука поддержитъ
Во всѣхъ случаяхъ его.

Былъ я младъ — и состарѣлся:
Добрыхъ въ крайности не зрѣлъ,
Чтобъ въ забвеньи родъ ихъ зрѣлся,
Чтобы хлѣба не имѣлъ:
Сами всѣхъ они снабжаютъ,
И въ довольствѣ чада ихъ.

Уклонись отъ злодѣяній,
Дѣлай благо, — Богъ съ тобой;
Онъ судья — и воздаяньи
Держитъ всѣ Своей рукой:
Сѣмя даже зла погибнетъ;
Добродѣтель расцвѣтетъ.

Льетъ всегда благочестивый
Токи мудрости изъ устъ;

Мужъ человѣколюбивый
Изрекаетъ правый судъ:
Въ сердцѣ чистомъ Богъ правитель;
Тверды истинны стопы.

Ищетъ, ищетъ беззаконный,
Чтобъ невинность погубить;
Нѣтъ, онъ мнитъ, ей обороны,
А не видитъ: Богъ ей щитъ.
На судѣ ль ей быть случится,
Будетъ правою она.

Потерпи жъ еще немного,
Потерпи, храня законъ;
Какъ пріидетъ время строго,
И на злобу грянетъ громъ:
Вознесешься — и получишь
Достояніе твое.

Видѣлъ, видѣлъ нечестивыхъ,
Вознесенныхъ, яко кедръ;
Но по нѣкихъ дняхъ бурливыхъ,
Я ихъ мѣста не обрѣлъ;
Вопрошалъ ходящихъ мимо,
И никто не отвѣчалъ.

Вѣдай! честность и невинность
Увѣнчаются вѣнцемъ;
Злость, нечестье, горделивость
Кончатся своимъ концемъ:
Богъ помощникъ людямъ добрымъ
Воздаятель Онъ и злымъ.

НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ.

(Псал. 48.)

Услышьте всѣ, живущи въ мірѣ,
Убогихъ и богатыхъ сномъ,
Ходящи въ рубищѣ, въ порфирѣ,
Склонитеся ко мнѣ челомъ!
Языкъ мой истину вѣщаетъ,
Премудрость сердце говоритъ;
Что свыше Духъ Святый внушаетъ,
Моя то лира днесь звучитъ.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнать меня начнетъ,
Опершись на столпы златые,
Богатствъ пятой меня попретъ;
Въ день лютъ — братъ брату не спасенье,
Не замѣнитъ души душой:
У смерти тщетно искупленье:
Цѣны нѣтъ жизни никакой.

Пускай же Князи процвѣтаютъ,
Не чая гибели своей;
Но коль и мудры умираютъ
И погребаются землей
Равно съ безумцами вседневно:
За гробомъ долженъ всякъ своимъ
Свой санъ, сокровище безцѣнно,
Оставить по себѣ другимъ.

Ахъ! тщетно смертны мнятъ въ надменьѣ,
Что ввѣкъ ихъ зданья не падутъ;
Что титлъ и славы расширенье
Потомки въ надписяхъ почтутъ.
Увы! вся власть и честь земная
Минуетъ съ нами, будто тѣнь:
Затмитъ лишь солнце тьма нощная,
Гдѣ звукъ? гдѣ блескъ? гдѣ свѣтлый день?

Гдѣ скиптръ, — коль только добродѣтель
Не освѣщала жизни путь,
И хвалъ тщеславье лишь содѣтель,
По насъ которыя поютъ?
Ахъ! глупому равны мы стаду,
Косой что гонитъ къ гробу смерть:
Въ ней праведникъ одинъ въ награду
Удобенъ утро жизни зрѣть.

Не вѣчно бездна духъ обыметъ,
Но онъ ее переживетъ.
Господь мою какъ душу приметъ
И облечетъ безсмертья въ свѣтъ:
Воззритъ она на долгоденство
Тогда, безъ зависти, того,
Кто честь, богатство, благоденство
Умножилъ дому своего.

По смерти не возметъ съ собою
Никто вещей своихъ драгихъ:
Блаженный жизнью здѣсь святою,
Блажится межъ духовъ благихъ;
А если здѣсь не освятится
И въ злобѣ вѣкъ свой проведетъ:
Между благими не вселится;
Его не облистаетъ свѣтъ.

Отъ нашей воли то зависитъ,
Чтобъ здѣсь и тамъ блаженнымъ быть,
Себя унизить, иль возвысить,
Погребсть во тьмѣ, иль освѣтить.
На вышней степени мы власти
Свою теряемъ высоту:
Въ порочныя упадшій страсти
Подобенъ человѣкъ скоту.

РАДОСТЬ О ПРАВОСУДІИ.

(Псал. 74.)

—

Хвала Всевышнему Владыкѣ!
Великость Онъ явилъ Свою:
Вельможъ меня поставилъ въ ликѣ,
Да чудеса Его пою.

Пришли, пришли тѣ дни святые,
Да правый судъ я покажу,
Колеблемы столпы земные
Закономъ Божьимъ утвержу.

Скажу я грѣшнымъ: «не грѣшите;»
Надменнымъ — «не вздымайте рогъ;
Въ безуміи не клевещите,
Несправедливъ что будто Богъ.

«Отъ Запада и отъ Востока,
Отъ горъ, пустыней и морей,
Нѣтъ человѣка безъ порока,
Безъ слабостей и безъ страстей.

«Но Богъ есть Судія единый,
Владыка и Правитель всѣхъ;
Онъ сихъ возводитъ на вершины,
А понижаетъ долу тѣхъ.

«Вина багряна чаша цѣльна,
Изъ коей сладки перлы бьютъ,
Въ Его рукѣ всѣмъ растворенна;
Но дрожди грѣшники піютъ.»

Отъ арфы радость да прольется
Въ хваленіе Тебѣ, мой Богъ!
Неправыхъ выя да согнется,
А правыхъ вознесется рогъ!

=

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

(Псал. 81.)

—

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ,» рекъ: «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

«Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйствы землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И также смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

=

ЖЕЛАНІЕ ВЪ ГОРНЯЯ.

(Псал. 83.)

—

О коль возлюбленно селенье
Твое мнѣ, Боже, Боже силъ!
Душа въ восторгѣ, въ умиленьѣ,
На пламенномъ пареньи крылъ
Къ Тебѣ моя летитъ, стремится,
И жаждетъ Твой узрѣть чертогъ;
А плоть и сердце веселится,
Что царствуетъ мой въ Небѣ Богъ!
Какъ голубь храмину находитъ,
И ласточка гнѣздо себѣ,
И въ немъ дѣтей своихъ выводитъ:
Такъ я найду покой въ Тебѣ.

Блаженъ въ Дому Твоемъ живущій
И восхваляющій Тебя,
Защитникомъ Тебя имущій
Въ невинномъ сердцѣ у себя!
Долину можетъ онъ унылу
Въ луга и воды превратить,
Ненастье въ ведро, — духомъ въ силу
Пришедъ, въ Сіонѣ опочить.
Услышь, услышь мое моленье,
О Боже силъ, міровъ Господь!
Внуши сердечное прошенье,
И призри на меня съ высотъ.

Въ Твоемъ мнѣ Домѣ день милѣе,
Чѣмъ тысячи въ дому другихъ;
У прага Храма веселѣе,
Чѣмъ у вельможъ на пирѣ злыхъ:
Единъ даешь всѣ благи смертнымъ,
Великолѣпье, славу, Ты!
Не оставляешь непримѣтнымъ
Ты и меня въ моемъ пути.
Такъ Ты, Который управляетъ
Подсолнечной изъ вѣка въ вѣкъ!
Блаженъ, блаженъ, коль уповаетъ
На Бога токмо человѣкъ!

ПРАВЕДНЫЙ СУДІЯ.

(Псал. 100).

Я милость воспою и судъ,
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, трудъ,
Премудрость, добродѣтель строгу
И непорочность возлюблю.

Въ моемъ я домѣ буду жить
Въ согласьи, въ правдѣ, въ преподобьи;
Какъ чадъ, рабовъ моихъ любить,
И сердца моего въ незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленнымъ очамъ моимъ
Не предложу я дѣлъ преступныхъ;
Ничѣмъ не пріобщуся къ злымъ;
Возненавижу и распутныхъ,
И отвращуся отъ льстецовъ.

Отъ своенравныхъ уклонюсь,
Не прилѣплюсь въ совѣтъ коварныхъ;
Отъ порицаній устранюсь,
Навѣтовъ, наущеній тайныхъ,
И изгоню клеветниковъ.

За столъ съ собою не пущу
Надменныхъ, злыхъ, неблагодарныхъ;
Моей трапезой угощу
Правдивыхъ, честныхъ, благонравныхъ;
Къ благимъ и добрымъ буду добръ.

И гдѣ со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы,
Отвсюду мною изженутся
Въ дальнѣйшіе земны концы,
Иль казнь повергнетъ ихъ во гробъ.

ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ.

(Псал. 103.)

Благослови, душа моя,
Всесильнаго Творца и Бога!
Коль Онъ великъ! Коль мудрость многа
Въ твореньяхъ, Господи, Твоя!

Ты свѣтомъ, славой, красотой,
Какъ будто ризой облачился;
И какъ шатромъ, Ты осѣнился
Небесъ лазурной высотой.

Ты звѣздну твердь изъ водъ сложилъ,
И по зарямъ ступаешь;
На крыльяхъ вѣтренныхъ летаешь
Во сонмѣ свѣтоносныхъ силъ.

Послами Ангеловъ творишь.
Повелѣваешь ты духами;
Послушными Себѣ слугами
Огню и бурямъ быть велишь.

Поставилъ землю на зыбяхъ:
Во вѣкъ тверда она собою;
Объяты бездной, какъ пленою,
Стоятъ въ ней воды на горахъ.

Среди хранилища сего
Онѣ грозы Твоей боятся;
Речешь — ревутъ, бѣгутъ, стремятся
Отъ гласа грома Твоего;

Какъ горы, всходятъ къ облакамъ;
Какъ долы, внизъ клонясь, ложатся;
Какъ степи, разліясь, струятся
Къ показаннымъ Тобой мѣстамъ.

Предѣлъ Ты начерталъ имъ Твой,
И изъ него онѣ не выдутъ,
Не обратятся и не придутъ
Покрыть лице земли волной;

Велишь внутрь горъ ключемъ имъ бить;
Изъ дебрей рѣки проливаешь,
Звѣрямъ, онаграмъ посылаешь
Повсюду жажду утолить.

А тамъ по синевѣ небесъ,
Віясь, пернатыя летаютъ,
Изъ облакъ гласы испускаютъ
И свищутъ на вѣтвяхъ древесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ стремишь;
Какъ перла, росы разсыпаешь;
Туманомъ холмы осребряешь,
И плодоносными творишь;

Изъ нѣдръ земныхъ траву скотамъ
Произращаешь въ насыщенье;
На разное употребленье
Различный злакъ изводишь намъ:

На хлѣбъ — чтобъ укрѣплять сердца,
И на вино — чтобъ ободряться,
И на елей — чтобъ услаждаться
И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льетъ
Древамъ питательные соки;
Ливанскихъ кедровъ садъ высокій,
Тобою насажденъ, цвѣтетъ.

Ты мелкихъ птичекъ умудрилъ
Свои вить сокровенно гнѣзды;
Эродій же свое подъ звѣзды
Чтобы на соснахъ возносилъ.

По высотамъ крутыхъ холмовъ
Ты прядать научилъ еленей;
А заіцамъ средь кустовъ и тѣней
Ты далъ защиту и покровъ.

И блѣдная Луна Тобой
Своею чередой сіяетъ,
И лучезарно Солнце знаетъ
Во благовремя западъ свой.

Какъ день ты удалишь, и нощь
Покровъ свой разстилаетъ чорный, —
Лѣсные звѣри и дубровны,
И скимнъ выходитъ яръ и тощъ:

Выходятъ, рыщутъ и рычатъ,
И отъ Тебя всѣ пищи просятъ;
Что Ты даруешь имъ — уносятъ,
И свой тѣмъ утоляютъ гладъ.

Но лишь простретъ свой солнце взглядъ,
Они сбираются стадами,
И идутъ врозь между лѣсами,
И въ мрачныхъ логовищахъ спятъ.

Поутру человѣкъ встаетъ,
Идетъ на трудъ, на земледѣлье,
И солнечное захожденье
Ему спокойствіе даетъ.

По коль дѣла Твои, Творецъ!
Безчисленны и неизмѣрны!
Премудрости Твоей суть бездны,
Полна земля Твоихъ чудесъ!

Сіи моря, сей водный сонмъ,
Обширны хляби и бездонны,
Большихъ и малыхъ тварей полны
И чудъ, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ китъ, тамъ челнъ стремятъ свой бѣгъ,
И насмѣхаются надъ бездной;
И все сіе, о Царь вселенной!
Себѣ Ты создалъ для утѣхъ.

Къ Тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрятъ,
И на Тебя всѣ уповаютъ;
Къ Тебѣ всѣ руки простираютъ
И милостей Твоихъ хотятъ.

Даруешь имъ — и соберутъ:
Разверзешь длань — и разсыпаешь
Щедроту всѣмъ; Ты всѣхъ питаешь,
И всѣ они Тобой живутъ.

Но если отвратишь Свой зракъ —
Ихъ всюду ужасы смущаютъ;
Отымешь душу — исчезаютъ
И превращаются во прахъ.

А если духъ пошлешь Ты Свой —
Мгновенно вновь все сотворится;
Лице земное обновится,
Изъ тьмы возстанетъ свѣтъ другой.

И будетъ слава средь небесъ
Твоя, Создатель! продолжаться;
Ты вѣчно будешь утѣшаться
Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О, Ты! трясетъ чей землю взглядъ,
Коснешься ли горамъ — дымятся;
Дохнешь ли на моря — холмятся;
Въ рукѣ держащій твердь и адъ!

Тебя, Всесильный мой Творецъ!
Я вѣчно славословить стану
И пѣть Тебя я не престану
По самый дней моихъ конецъ.

Моя бесѣда предъ Тобой
И пѣснь угодны да явятся;
Тобой я буду восхищаться,
Дышать и жить, о Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ
Да истребитъ десница строга! —
Хвали, душа моя, ты Бога:
Сколь Онъ премудръ и сколь великъ!

ПОМОЩЬ БОЖІЯ.

(Псал. 120.)

Возвелъ я мысленные взоры
Въ небесны, лучезарны горы, —
И помощь мнѣ оттоль пришла.
Я помощь сильную пріемлю

От Сотворившаго всю землю
И въ небѣ звѣзды безъ числа.

Ноги моей въ поползновенье,
Ниже въ малѣйшее смятенье,
Онъ не допуститъ, и хранитъ.
Хранитъ меня, и не воздремлетъ,
И всѣмъ моимъ Онъ нуждамъ внемлетъ,
И свыше на меня глядитъ.

Господь, Господь — мой Покровитель,
Помощникъ, жезлъ и Подкрѣпитель,
И щитъ онъ на груди моей;
Ни солнце въ день не опаляетъ,
Ни лунный свѣтъ не ужасаетъ
Меня въ тьмѣ блѣдностью своей.

Вездѣ со мною пребываетъ,
Сопутствуетъ, остерегаетъ
Отъ всякаго меня Онъ зла;
Блюдетъ мой входъ и исхожденье;
Предупреждаетъ искушенье,
Чтобъ злость вредить мнѣ не могла.

БРАТСКОЕ СОГЛАСІЕ.

(Псал. 132.)

Коль красно зрѣлище, пріятно,
Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
Благоуханье ароматно
Какъ на браду съ главы течетъ,
Браду почтенну Аарона,
Струяся на ометы ризъ;
Или Синая и Эрмона
Когда верхи, преклоншись внизъ,
Багрянымъ серебромъ сверкаютъ,
И каплетъ на цвѣты роса:
Такъ въ вѣкъ на домъ ихъ низливаютъ
Благословенье Небеса.

УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ СИЛУ.

(Псал. 146.)

Хвалите Господа и пойте:
Коль сладко воспѣвать Его!
Ему единому вы стройте
Органы сердца своего.

Кѣмъ стѣны града вознесенны,
Не соберетъ ли тотъ гражданъ?
Кѣмъ скорби духа исцѣленны,
Плотскихъ не исцѣлитъ ли ранъ?

Создавый солнцы, круги звѣздны,
И имъ нарекшій имена,
Великъ Господь! великъ! и бездны
Его премудрости нѣтъ дна!

Онъ кроткихъ въ милость принимаетъ,
И праведнымъ даетъ покровъ;
Надменныхъ власть уничтожаетъ,
И грѣшнихъ низвергаетъ въ ровъ.

Начните жъ Бога вы, начните!
О горды, познавать, умы!
И, въ похвалу Ему, спѣшите
Устроить гусли и псалмы.

Онъ, небо мракомъ облекая,
Готовитъ въ тучахъ дождь браздамъ;
Росою горы проникая,
Изводитъ злакъ на службу намъ;

Даетъ звѣрямъ и птицамъ пищу,
И насѣкомымъ и червямъ:
Такъ рубище даруетъ нищу,
Какъ діадиму и Царямъ.

Не конскихъ крѣпкихъ мышцъ желаетъ,
Не къ мужеству благоволитъ;
Но на Него кто уповаетъ,
Онъ любящихъ Его хранитъ.

СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО.

(Псал. 147.)

Блаженъ, кто Господа боится
И по путямъ Его идетъ!
Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствѣ поживетъ.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата;
Но миръ, покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами жена.

Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ трапезы съ нимъ.

Такъ счастливъ, такъ благополученъ
И такъ блаженъ тотъ человѣкъ,

Кто съ честью, правдой неразлученъ,
И въ Божьемъ страхѣ велъ свой вѣкъ.

Благословится отъ Сіона,
Благая снидутъ вся тому,
Кто слезъ виновникомъ и стона
Въ сей жизни не былъ никому;

Кто не вредитъ и не обидитъ,
И зломъ не воздаетъ за зло:
Сыны сыновъ своихъ увидитъ
И въ жизни всякое добро.

Миръ въ жизни сей, и миръ въ дни оны,
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!

═

НАДЕЖДА НА БОГА.

(Псал. 45.)

—

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ въ скорбѣхъ, средь враговъ!
Хотя бъ вселенная грозила
И горы, двигнись съ береговъ,
Въ сердца морскія прелагались,
Не убоюсь — Защитникъ Онъ!

Пусть громъ гремитъ, бурюютъ бури,
И до небесъ восходитъ понтъ,
Сверкаютъ молньи средь лазури,
И рдѣетъ черный горизонтъ;
Но водъ кипящихъ устремленье
Увеселитъ лишь Божій градъ.

Богъ посреди — священны стѣны
Не двигнутся Его никѣмъ:
Со утромъ придутъ перемѣны;
Смятутся вражески тмы темъ;
Уклонятся престолы, царствы,
Дастъ Вышній гласъ — вздрогнетъ земля!

Господь помощникъ мой, спаситель, —
Придите, зрите, чудеса! —
Заступникъ, жезлъ и защититель,
Моя и слава и краса.
Онъ хощетъ, и — враждебны сонмы
Оцѣпенѣютъ вкругъ меня.

Съ концевъ земныхъ сохнутся брани,
Лукъ сокрушится, копіе;
Блаженныхъ, мирныхъ дней дѣяній
Исполнятъ наше житіе;
Мечи желѣзны переплавитъ
Въ плуги, серпы и косы Онъ, —
И упразднится злоба ада.
Да разумѣетъ человѣкъ,
Что Небо тѣмъ покровъ, отрада,
Кто въ правдѣ свой проводитъ вѣкъ.
Такъ! Богъ, Господь мой — мнѣ заступникъ,
И на него надѣюсь я!

═

УПОВАНІЕ НА ЗАЩИТУ БОЖІЮ.

—

Будь милостивъ ко мнѣ, мой Богъ!
Коль врагъ меня пожрать зіяетъ.
Всякъ день мнѣ бѣдства замышляетъ,
Всякъ день блюдетъ моихъ слѣдъ ногъ,
И злобно на меня враждуетъ.

Объемлетъ страхъ, — надежда Ты:
Тобой живу, Тобой хвалюся,
Ты щитъ, броня — и не боюся.
Мнѣ все, кромѣ Тебя, мечты, —
И что мнѣ человѣкъ возможетъ?

Пусть мыслятъ вредъ мнѣ всякой день,
Твердятъ слова мои съ гнушеньемъ,
Толпятся, ловятъ съ ухищреньемъ,
Мой слѣдъ стрегутъ и тѣнь;
Ихъ тщетенъ трудъ, — Тобой спасуся.

Твой, Боже! перстъ ихъ сломитъ рогъ;
Меня Ты скроешь милосердьемъ,
Слезъ сжалишься моихъ теченьемъ.
Тогда, никто какъ не помогъ,
Ты не забылъ Твоихъ обѣтовъ.

Убѣгнетъ врагъ, услышавъ то,
Что я Тобою защищаюсь,
Что на Тебя я полагаюсь,
Однимъ Тобой хвалюсь, — и что
Тогда злодѣйства мнѣ людскія?

Такъ, славлю я Тебя, Господь!
Лишь Ты отъ золъ меня избавилъ,
Стеръ слезный токъ, подъялъ, возставилъ
И продлилъ мой еще животъ. —
Тебѣ ль не благоугождаю?

═

СѢТОВАНІЕ.

(Псал. 101.)

—

Услыши, Творецъ, моленье
И вопль моей души;
Сердечно сокрушенье,
Воздыханія внуши,

И слезъ моихъ отъ тока
Не отврати лица.

Но въ день, въ который стражду,
Зову Тебя, стеня,
Твоихъ щедротъ какъ жажду,
Воззри Ты на меня,
И съ высоты небесной
Скорѣй меня услышь.

Ты видишь, исчезаютъ
Всѣ дни мои — какъ дымъ;
Всѣ силы умираютъ;
Какъ злакъ подъ зноемъ злымъ
Падетъ, блѣднѣетъ, вянетъ, —
Изныло сердце такъ;

Сожженна грудь слезами;
Хлѣбъ, соль, забвенъ покой;
Плоть ссохлася съ костями, —
Какъ остовъ образъ мой, —
И гласъ отъ воздыханій
Въ устахъ моихъ исчезъ.

Какъ птица, въ мглѣ уныввна,
Оставленна на здѣ, (*)
Иль схохленна, пустынна
Сѣдяща на гнѣздѣ
Въ нощи, въ лѣсу, въ трущобѣ,
Лію стенаньемъ гулъ.

Друзья днесь уклонились,
Враги меня тѣснятъ,
И тѣ, что мной хвалились,
Клянутъ меня, бранятъ
За то, что пища — пепелъ,
А слезы мнѣ — питье!

И все сіе отъ гнѣва,
Увы! Твоихъ очесъ,
Что Ты, Создатель Неба,
На высоту вознесъ,
И внизъ меня низвергнулъ, —
Увялъ, поблекъ мой цвѣтъ.

Воззри же на смиренну
Молитву Ты мою,
И жертву воскуренну
Не уничтожь сію:
Да въ роды возвѣстится
Твое спасенье мнѣ!

═

(*) На кровлѣ.

УМИЛЕНІЕ.

(Псал. 62).

—

Не Богу ль повинится
Во всемъ душа моя?
Не отъ Него ль струится
Спасеніе ея?
Такъ! Онъ одинъ Хранитель,
Защитникъ, Покровитель,
Броня моя и шлемъ:
Не двигнуся я въ немъ.

Доколѣ человѣки
Подобныхъ имъ гнетутъ,
Кровавыя льютъ рѣки,
Зорятъ жилища, жгутъ;
И стѣны хоть сотренны,
Ихъ кущи разрушенны,
Но въ сердцѣ звѣрску желчь
Несутъ огонь и мечъ,

И цѣну совѣщаютъ,
Меня, какъ свергнуть, чѣмъ;
Всѣ жаждутъ, всѣ алкаютъ
Знать о вредѣ моемъ;
Благословятъ устами,
Губятъ, клянутъ сердцами,
Измѣны строя ковъ;
Но Богъ мой Спасъ, Покровъ!

Такъ, Онъ Заступникъ, Слава,
Краса моя, вѣнецъ,
Надежда и избава,
Владыка и Отецъ. —
О, смертные! внимайте;
Предъ Нимъ лишь преклоняйте
И духъ вашъ и главы;
Но суетны суть вы!

Вы любите хищеньи,
Надѣетесь на ложь,
Живете въ подкрѣпленьи
Неправильныхъ Вельможъ;
Къ роскоши, къ богатству,
Корысти, святотатству
Летятъ духъ, умъ, сердца. —
Увы! — иль нѣтъ Творца?

Нѣтъ, есть! — Его держава,
Въ вселенной всей, и судъ
Всѣмъ, милость и управа
Его въ тотъ вѣкъ дадутъ
Намъ по дѣяньямъ долю. —
Блаженъ, Твою кто волю
Соблюсть въ сей жизни могъ,
О мой Творецъ и Богъ!

═

БЛАГОДАРНОСТЬ.

(Псал. 137).

—

Исповѣмся я душою,
Сердцемъ всѣмъ Тебѣ моимъ:
Средь поющихъ Ангелъ строю
Цитрой благодарный гимнъ
Возбрячу, что Ты глаголу,
Господи! внялъ устъ моихъ.

Храму Твоему Святому
Въ умиленьи поклонюсь;
Богу кроткому, благому
Слезъ рѣками пролiюсь,
Что вознесъ меня отъ долу
На чреду высотъ Своихъ.

Богъ и впредь меня услышитъ,
Какъ Его я призову;
Умъ и сердце мнѣ возвыситъ,
Крѣпость дастъ подобну льву,
И своей мнѣ силой душу
Расширитъ, наполнитъ грудь,

И услышатъ, и познаютъ
Власти и Цари земны,
Что тѣ ввѣкъ не погибаютъ,
Кто Творцемъ охранены. —
Я всѣ ужасы разрушу
Правды, славы въ путь пойду.

Издалече Богъ надменныхъ
Угнетаетъ бѣдъ ярмомъ,
А съ высотъ на униженныхъ
Призираетъ благъ лучомъ;
Тѣхъ низводитъ, сихъ возводитъ, —
Манiемъ весь правитъ свѣтъ.

О Всесильный! если скорбью
Я и впредь сражусь, стеня,
Оживляй Твоей любовью,
Провождай въ слезахъ меня,
И, какъ громъ на злыхъ нисходитъ,
Духъ Тебя мой да поетъ.

═

ВОЦАРЕНІЕ ПРАВДЫ.

(Псал. 96.)

—

Господь воцарился!
Земля веселись!
Мракъ тучъ разступися!
Холмъ въ свѣтъ облекись!
Правда и судъ утвердились
Вкругъ трона Его.

Предъ Нимъ огнь предъидетъ:
Враговъ попалитъ,
Вселенную двигнетъ;
Громъ мракъ освѣтитъ;
Горы, какъ воскъ, въ мигъ растаютъ
Предъ Божьимъ лицемъ.

И небо всѣмъ правду
Его возвѣститъ;
Народъ въ немъ отраду,
Честь, славу узритъ;
Тѣ же, что чтили кумировъ,
Поникнутъ съ стыдомъ.

Услыша съ весельемъ
Взыграетъ Сіонъ;
Сонмъ дѣвъ съ восхищеньемъ
Воскликнетъ о Немъ,
И возгласитъ, что правдивы
Господни судьбы!

Творецъ, — что всѣхъ высшій,
Надъ всѣми есть Богъ,
Кой, взоромъ проникши,
Унизилъ злыхъ рогъ, —
Души храня преподобныхъ
Лучемъ осіялъ.

Ликуйте жъ о Богѣ,
О добрые! днесь;
Хвалите въ восторгѣ
Царя вы небесъ!
Имя, и святость, и славу
Воспойте Его.

═

СОСТРАДАНІЕ.

(Псал. 40.)

—

Блаженъ, на нища и убога
Кто зритъ и въ лютый, скорбный день,
Отъ зноя, жажды, глада строга
Спасетъ, — и кущъ своихъ подъ тѣнь
Его привесть не постыдится:
Онъ Господомъ вознаградится.

Господь Самъ съ неба назидаетъ
Его въ сей жизни и хранитъ;
Блаженствомъ всякимъ угобжаетъ.
Жатвъ изобиліемъ даритъ
И, избавляя бѣдъ и скуки,
Не предастъ во вражьи руки.

Всегда ему воспомогаетъ,
Въ болѣзни даже, на одрѣ,
Когда вкругъ ложа ужъ сверкаетъ
Его серпъ смерти — и въ зарѣ
Онъ вѣчности, быть въ мглѣ ужъ мнится
Но вдругъ воспрянувшимъ здравъ зрится —

Такъ мнилъ, надѣясь я на Бога,
И сострадателенъ всѣмъ былъ;
На лица сира зрѣлъ, убога,
И Богъ стократъ мнѣ заплатилъ:
Когда мнѣ врагъ ковалъ напасти—
Сіялъ я паче въ славѣ, въ счастьи.

ПОКАЯНІЕ.

(Псал. 50.)

Помилуй мя, о Боже! по велицѣй
Мнѣ милости Твоей;
По множеству щедротъ, Твоей десницей
Сгладь грѣхъ съ души моей;
А паче тайныхъ беззаконій
Очисть;—ихъ знаю я,

Я знаю ихъ,—и зрю всѣхъ предъ собою
Моихъ пороковъ тму:
Се сокрушенной каюся душою
Тебѣ лишь одному;
Тебѣ, что быть дерзнулъ лукавымъ
И укрывалъ мой грѣхъ.

Но льзя ль кому передъ Тобой въ чемъ скрыться,
Коль все зришь, слышишь Ты?
Какъ можно на судѣ въ чемъ оправдиться
Предъ Тѣмъ, Кто и мечты
Душъ нашихъ и сердецъ всѣхъ знаетъ?
Онъ, вѣрно, побѣдитъ.

Такъ! знаетъ, что я зачатъ въ беззаконьи,—
Въ грѣхахъ родила мать;
Что внутрь меня коварство, а внѣ козни
Неправдой правду тмятъ,—
Ту правду, искру ту премудру,
Что Онъ во мнѣ возжегъ.

Ахъ! окропи жъ меня Ты звѣздъ уссопомъ
Водъ благости Твоей;
Омой, Творецъ! мнѣ грудь Ты слезъ потопомъ,
Внявъ вздохъ души моей:
Да сердцемъ уясняся чистымъ,
Бѣлъ буду я—какъ снѣгъ.

Даждь слуху моему веселье, радость,
Чтобы въ моихъ костяхъ
Смиренныхъ та вовѣкъ лилася сладость,
Пьютъ кою въ небесахъ.
Такъ, Боже! отврати взоръ грозный
Отъ слабостей моихъ.

Созиждь въ моей утробѣ сердце чисто;
Духъ правый обнови,
Который бы, какъ солнце въ мглѣ лучисто,
Сіялъ въ моей крови;
И лика Твоего Святаго
Съ меня не отврати.

Пошли мнѣ Твоего жаръ въ грудь спасенья,
И духомъ такъ Своимъ
Владычнимъ утверди путь для ученья
Заповѣдямъ Твоимъ,
Чтобы къ Тебѣ и нечестивыхъ
Я обратить всѣхъ могъ.

Уста мои, о Творче! мнѣ отверзи
На похвалу Твою,
Да холмы слышать, рѣки и безднъ брези,
Что я Тебя пою,
И никому не посвящаю
Я пѣсень, какъ Тебѣ.

Ахъ! жертвы бъ восхотѣлъ коль Ты какія,
Принесъ бы я давно;
Но не пріемлешь Ты мольбы иныя,
Вздыханье какъ одно:
Храмъ Богу—сердце сокрушенно,
Смиренный духъ—олтарь,

НА ПРЕОДОЛѢНІЕ ВРАГА.

(Псал. 65.)

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой

Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины?
Весь міръ Творцу поетъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Приди и обозри, о смертный!
Непостижимы чудеса:
На чемъ стоятъ столпы несмѣтны,
Держащи землю, небеса;
Зри, обращалъ какъ Богъ понтъ въ сушу,
Какъ хлябь разверзъ, простеръ въ ней путь,
И тамъ провелъ живую душу,
И вѣтръ не могъ никакъ гдѣ дуть!

(Хоръ.)

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой:
Рцы Богу: коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Его всевидящее око
Сквозь безднъ всѣхъ звѣздъ на міръ сей зритъ,
Что низко въ немъ и что высоко;
Надъ вражеской гордынею бдитъ,
И насъ ведетъ къ блаженной жизни,
Стопы склоняя на добро;
Чрезъ брани, бѣды и укоризны
Такъ чиститъ насъ, какъ огнь сребро.

(Хоръ.)

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой:
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Хотя вводилъ Онъ насъ въ напасти,
И посылалъ на насъ войны;
Но то Его былъ опытъ власти,
Чтобъ наши наказать вины.—
Благословите жъ всѣ языки
Днесь Бога нашего, и вы,
Зря чудеса Его велики,
Хвалите, преклоня главы.

(Хоръ.)

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой:
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Придите въ храмъ нашъ и внимайте
Душъ славословія трубу;
Но не на жертвы вы взирайте,
На искреннюю Творцу мольбу;
И ежели языкъ неправду
Какую нашъ въ сей часъ изрекъ,
Да удалитъ отъ насъ пощаду
И милость Онъ Свою на вѣкъ.

(Хоръ.)

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой:
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины!
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

ХРИСТОСЪ.

—

Никто же пріидетъ ко Отцу, токмо мною.
Іоан. гл. 14., ст. 6.

О Сый! (*) Котораго перомъ, [1]
Ни бреннымъ зрѣніемъ, ни слухомъ, [2]
Ниже витійства языкомъ
Не можно описать, — а духомъ [3]
И вѣрой пламенной молить!
Твоею благодатью плѣнный,
Какъ бы на Небо восхищенный, [4]
Тебя дерзаю я гласить. [5]

Тебя — Но кто же сущій Ты,
Что человѣкомъ чтимъ и Богомъ?
Лице — какъ солнца красоты! [6]
Хитонъ — какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!
Изъ ребръ нетлѣнныхъ — льется кровь! [7]
Лучи — всю плоть просіяваютъ!
Небесный взоръ, уста дыхаютъ
Сладчайшимъ благовѣстьемъ словъ!

Кто Ты? — что къ намъ сходилъ съ небесъ,
И паки въ нихъ вознесся въ славѣ, [8]
Во вѣкъ живый и тамъ и здѣсь,
Несмѣтныхъ Царствъ Своихъ въ державѣ, [9]
Въ округѣ и срединѣ сферъ;
Хлѣбъ жизни и животъ струй вѣчныхъ; [10]
Самъ Святъ, безгрѣшенъ; а всѣхъ грѣшныхъ
Единая къ спасенью дверь! [11]

Кто Ты? Кого изъ древнихъ лѣтъ
Сивиллы, Маги и Пророки [12]
Приходъ предвозвѣстили въ свѣтъ;
Полкъ горнихъ силъ сквозь блескъ далекій [13]
Дивился съ трепетомъ Кому,
Что Бога и Царя Небесна,
Безсмертна суща, безтѣлесна,
Сходяща видятъ смерти въ тьму!

(*) Всегда вездѣ пребывающій.

Кто Ты? — въ Которомъ сквозь эѳиръ [14]
Съ горы ниспадшій зрѣлся камень;
Кѣмъ міра сокрушенъ кумиръ;
Тотъ лѣпый юноша, что пламень [15]
Внутрь пещи въ росу претворилъ,
И прежде чѣмъ на свѣтъ явился,
Во тьмѣ чудесъ предобразился,
И чаяньемъ языкомъ былъ! [16]

Кто Ты? — Котораго звѣзда [17]
Часъ возвѣстила въ міръ явленья,
Казала путь, къ Кому ведя,
Царямъ, Волхвамъ для поклоненья;
Чей тронъ не въ златѣ средь порфиръ,
Но въ вертѣ (*), въ ясляхъ былъ возвышенъ; [18]
Надъ кѣмъ ликъ Ангеловъ былъ слышенъ:
Сошелъ во человѣки миръ!

Кто Ты? — вспять Іорданъ бѣжалъ [19]
Кого омыть съ стремленьемъ шумнымъ,
Въ пустынѣ свѣтъ осіявалъ;
Гласъ Агнцемъ проповѣдалъ чуднымъ, [20]
Могущимъ всѣхъ грѣхи подъять,
Таинственнымъ страша всѣхъ слухомъ,
Что не родясь водой и духомъ, [21]
Небесъ не можно достигать!

Кто Ты? — что отверзалъ слухъ, взоръ,
Глухимъ, слѣпымъ — прикосновеньемъ; [22]
Кротилъ свирѣпость бурь и морь [23]
Единымъ перста мановеньемъ!
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ [24]
Послушнымъ, всякая стихія?
И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывалъ утробы мертвецовъ? [25]

Не Ты ль, величественный Мужъ,
Во славѣ, въ блескѣ несказанномъ, [26]
Между живыхъ и мертвыхъ душъ [27]
На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный Властелинъ
И днешня и грядуща міра?
Надъ коимъ громъ гремѣлъ съ эмпира:
»Се Мой возлюбленнѣйшій Сынъ!« [28]

Какъ! Неба Сынъ Ты? — ужасъ, мракъ
Мои всѣ пробѣгаютъ кости!
Ты Богъ? но Твой поруганъ зракъ
Отъ человѣческія злости!
Окровавленны красоты!
Съ злодѣями на древѣ крестномъ [29]
Висишь въ томленьи скорбномъ, смертномъ,
Блѣднъ, бездыханенъ, мертвъ! — Кто жъ Ты?

Кто Ты! — и какъ изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣнье съ тлѣньемъ согласить,
Слить съ невозможностью возможность?

Ты Богъ; — но Ты страдалъ отъ мукъ! [30]
Ты человѣкъ; — но чуждъ былъ мести! [31]
Ты смертенъ; — но истнилъ скиптръ смерти! [32]
Ты вѣченъ; — но Твой издше духъ! [33]

О тайнѣ глубокихъ Океанъ!
Пучина дивъ противоборныхъ,
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ,
И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты — могъ все съ высоты;
Ты тварь — почто же трепетала [34]
Вся твердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Открой, открой Себя мнѣ Ты!

Открой Себя, открой — молюсь!
И се — гласъ слышу сердца въ дверяхъ:
Доколь воплю, доколь толкусь [35]
Воскреснуть въ хладныхъ маловѣрахъ?
О свѣта сынъ! о рабъ днесь тьмы!
Свлеки съ себя покровъ твой бренной,
И мыслью, вѣрой воскрыленной
Мой промыслъ о себѣ вонми:

Премудрость, Сила и Любовь,
Богъ духъ, въ трехъ свѣтахъ Свѣтъ ввѣкъ живый [36],
Единствомъ тройчнымъ до вѣковъ,
Въ своемъ Совѣтѣ положивый
Свою въ тьмѣ славу проявить,
Воззвать изъ безднъ созданье ново,
Послалъ единородно Слово, [37]
И — словомъ тьма вселенной бысть. [38]

Изобразилось естество,
Незримое всезримымъ стало,
И въ человѣкѣ Божество,
Какъ солнце въ морѣ, возсіяло!
Все покорилося ему, [39]
Что благъ былъ, кротокъ, чистъ, незлобенъ
И, во зерцалѣ какъ, подобенъ
Творцу безсмертну своему. [40]

Но послику созданъ онъ [41]
Съ свободною душей изъ персти:
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести: [42]
Онъ, въ красоту свою влюбясь,
Возмнилъ быть Богъ — и возгордился,
Отъ Единицы отклонился,
И отблескъ въ немъ Ея погасъ.

Погасъ, палъ въ тьму вселенной Царь,
Нетлѣнье превратилось въ тлѣнье; [43]
Ему совоздыхая тварь [44]
До днесь страстей своихъ въ бореньѣ —
Вѣкъ будетъ въ прѣ — не утолитъ,
Доколь гнѣвъ Отчь, сей низкой долей, [45]
Что волей палъ, и той же волей
Себя къ нему не возвратитъ, —

И плоти не отвергнетъ такъ, [47]
Ничто чтобъ духъ не отягчало;
Но палъ какъ — въ толь глубокій мракъ,
Что силъ его возстать не стало, [47]

(*) Въ вертепѣ.

То тутъ Любовь, временъ въ исходъ, [48]
Сошла смирить страстей злыхъ ревы:
Сый возсіялъ отъ чистой Дѣвы,
Какъ солнца лучъ отъ чистыхъ водъ!

Имъ пробудилось Божество,
Уснувше чувствъ отъ обольщенья,
Духовно свѣта существо,
Какъ искра камня отъ біенья,
Вспрянуло, — и явился Богъ,
Въ плоти Его страданьемъ Слова:
На свѣтъ Имъ Трисвятый зрѣть снова
Адамъ сподобиться возмогъ.

Адамъ бы, падши, не возсталъ,
Когда бъ въ Христѣ не воскресился,
Не воскресясь — не возсіялъ,
Не возсіявъ — не возродился
Въ блаженство первородно вновь.
Се, какъ смиреніемъ, терпѣньемъ,
Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
Возводитъ всѣхъ къ Себѣ Любовь!

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
Не могъ въ тлѣнъ пасть; безъ духа жъ силы
И плоть слаба духовъ втечь въ кругъ
Къ землѣ съ прикованными крылы:
То, по Совѣту Трисвяту,
Скудель въ санъ Серафимскъ возставить,
Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу.

И имъ со славой, съ торжествомъ
Явилась міру Божья сила:
Какъ, западъ, насъ златымъ лучомъ [49]
Святая кровь Его покрыла,
И освѣтила благодать,
Давъ область въ чадъ Его вчиняться, [50]
Младенцевъ смысломъ умудряться [51]
И разумъ Вѣрѣ покорять.

Чтобы, надѣясь на Его,
Одну мы благость, милосердья
Могли искать себѣ того
Наслѣдна, прежня озаревья,
Имъ все только можно зрѣть;
Святымъ внутрь Духомъ очищаясь,
Живясь, свѣтлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божеству горѣть.

Се что есть Сый, что есть Христосъ,
Что Богочеловѣкъ, что Слово:
Онъ Самый Тотъ, Который вознесъ
Духовно и тѣлесно въ ново
Тѣмъ бытіе, что страждя Самъ,
Всѣмъ подалъ ясные примѣры, [52]
Какъ силой доблести и Вѣры
Входить возможно къ Небесамъ!

Такъ! Онъ Единъ, никто другой
Слѣпца привесть не можетъ къ свѣту
Потерянному чувствъ стезей;
Лишь словомъ устъ Его согрѣту,
Внутрь скрыться могутъ очеса. —
Поитъ струей Онъ вѣчной жизни,
И сладость древнія отчизны
На землю сводитъ Небеса.

Онъ — сшедша Истина съ Небесъ,
Онъ — добродѣтель воплощенна,
Отерша токи смертныхъ слезъ.
Въ лицѣ подобострастна тлѣна
Сходилъ Онъ къ смертну естеству, [53]
Отъ узъ грѣховныхъ міръ избавить,
На прежней степени поставить
И уподобить Божеству.

Такъ! безъ Него никто къ Отцу [54]
Его приближиться не можетъ;
Безъ Сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не проторжетъ.
Живетъ въ Отцѣ, Отецъ же въ немъ; [55]
Безднъ, Неба и земли посредникъ,
Ходатай, Вождь, всѣхъ благъ Наслѣдникъ [56]
И Подвигоположникъ — Онъ.

Предвѣчной Правдѣ, Трисвятой,
Противно бъ было безконечно,
Чтобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчнымъ не былъ виненъ вѣчно;
Кто жъ Бога удовлетворитъ?
Лишь Сынъ Его, изъ милосердья
Взявъ на Себя всѣхъ преступленья, [57]
Возмогъ міръ миромъ примирить. [58]

Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благость сблизитъ съ правосудьемъ,
Да воцаритъ надъ тѣломъ духъ, —
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ
Онъ пребылъ Самъ, что Самъ страдалъ.
Онъ могъ призвать въ защиту громы;
Но, волею на казнь ведомый,
Своей Онъ смертью смерть попралъ.

И чрезъ примѣръ явилъ сей Свой,
Что не мірскія наказанья
На лобномъ насъ мрачатъ хулой, [59]
Равно и не коронъ сіянья
Богоподобными творятъ;
Но правда, Вѣра, добродѣтель
Ввѣкъ провозвѣстникъ и свидѣтель
И блескъ неложный Свѣта чадъ.

Се тако Іисусъ всѣхъ спасъ,
И познанъ Человѣко-Богомъ,
Что такъ ни чей покоитъ гласъ
И сладость въ насъ лить въ бѣдствѣ строгомъ
Не силенъ, какъ Его единъ.
Бывъ выше всѣхъ, — училъ быть низшимъ, [60]
Любить враговъ, и сердцемъ чистымъ [61]
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

Онъ Царь, Законодатель Тотъ,
Что устъ Своихъ однимъ глаголомъ
Ко благу общу всѣхъ ведетъ,
Равняетъ хижину съ Престоломъ:

«Просящему» — речетъ Онъ — «дай, [62]
«Болящаго призри въ больницѣ,
«Печальнаго утѣшь въ темницѣ,
«Голодна, жадна напитай!»

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ, [63]
Кой вѣрющимъ въ Него любовью
Себя далъ вѣры ихъ въ залогъ,
Запечатлѣвъ завѣтъ Свой кровью; [64]
И такъ его тѣмъ утвердилъ,
Что имъ обѣщанный, небесный
Въ языкахъ огненныхъ чудесный [65]
Излилъ Свой Духъ и научилъ:

Былинки злобно не сломить; [66]
Но быть всѣмъ кроткимъ, всѣмъ радушнымъ,
Лишь по себѣ другихъ судить, [67]
И не чрезъ рать себѣ послушнымъ
Быть міру, но чрезъ рыбъ-ловцовъ [68]
Простыхъ велѣлъ, — и Синагоги,
Ареопагъ, имъ палъ предъ ноги: [69]
Се силенъ какъ законъ Христовъ!

Христосъ — весь Благость, весь Любовь,
Блескъ свойствамъ даже Трисвященнымъ;
Весь кругъ бы безъ Него міровъ [70]
Неполнымъ былъ, несовершеннымъ.
Богъ Умъ — могъ все предначертать:
Богъ Мощь — все здать; Любви жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горѣ къ себѣ сердца воззвать?

Такъ! Богъ и дивенъ и великъ
Намъ паче воплощеньемъ Сына
Могъ плоть и духъ создать Онъ въ мигъ;
Но связь сихъ крайностей едина
Всѣхъ удивительнѣй чудесъ!
Адамъ пусть волею палъ злою,
Но взнесся плотью Онъ святою
Въ Христѣ, превыше всѣхъ небесъ.

Отецъ и Сынъ и Духъ Святый,
Незримый Свѣтъ Тріvпостасный;
Но въ плоти Сынъ пріявъ черты,
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ Себя и научилъ
Чтить Бога истиной и духомъ. [71]
Кумировъ свергъ Своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ. [72]

Христосъ — насъ Искупитель всѣхъ [73]
Отъ перворобнаго паденья.
Онъ — свѣтъ, тьмой необъемлемъ ввѣкъ; [74]
Но тмится внутрь сердецъ невѣрья, [75]
Свѣтясь на лонѣ у Отца. [76]
Христа нашедши, все находимъ, [77]
Эдемъ свой за собою водимъ,
И храмъ Его — святы сердца. [78]

О Всесвятый! Превѣчный Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей Свои, Христе! красы
На духъ, на сердце и на нравы,
И жить во мнѣ не преставай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ, и затемнюся,
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй! [79]

Услышь меня, о Богъ любви!
Отецъ щедротъ и милосердья!
Не презрь преклоньшейся главы,
И сердца грѣшна дерзновенья [80]
Мнѣ моего не ставь въ вину,
Что изъяснить Тебя я тщился, —
У ногъ Твоихъ коль умилился
Ты, зря съ мастикою жену. [81]

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

Ліющее златыя рѣки
Съ неизмѣримой высоты,
Неизсякаемыя въ вѣки
Непостижимы красоты,
О солнце! о душа вселенной!
О точный обликъ Божества!
Позволь, да мыслью восхищенный,
О благодѣтель вещества!
Дивящся лучамъ твоимъ,
Пою тебѣ священный гимнъ.

Услышь меня, Свѣтило міру!
И пламеннымъ съ высотъ лицемъ,
Богъ свѣта! преклонись на лиру,
И озари твоимъ лучемъ,
Да гласы съ струнъ ея прольются;
Какъ протяженны съ звѣздъ лучи,
Мои вѣщанья раздадутся
Глубокой вѣчности въ ночи,
И повторять твои хвалы
Земля, и вѣтры, и валы.

Какъ въ первый разъ на тронъ вступило
Ты, тихія зари въ вѣнцѣ,
Блистаньемъ холмы озлатило, —
Земное расцвѣло лице,
Ушли и бури и морозы,
Снеслись зефиръ и тишина,
Отверзлись благовонны розы,
И, улыбнувшися, Весна
Дохнула радость, торжество.
Всѣмъ благотворно Божество!

Носяся въ воздухѣ высоко,
Сквозь неизмѣрны бездны зришь;
Небесъ всевидящее око,
Собой все держишь и живишь;
Дѣлишь вселенну въ небосклоны,
Опредѣляешь времена;

Ты пишешь ей твои законы,
Кладешь предѣлы нощи, дня;
Льешь блескъ звѣздамъ, свѣтъ твари всей,
И учишь царствовать Царей.

Порфирою великолѣпной
Объявъ твоею шаръ земной,
Рукой даруешь непримѣтной
Обилье, жизнь, тепло, покой.
Орловъ лучами воскрыляешь,
На насѣкомыхъ въ тьмѣ блестишь,
Со влагой огнь свой возвращаешь
И несгараемо горишь.
Предвѣчно бытіе твое;
Съ тобой, Царь міра! и мое.

Такъ, свѣта океанъ чудесный!
Кто истины не видитъ сей,
Того ума предѣлы тѣсны,
Не знаетъ сущности твоей,
Не зритъ, чѣмъ больше раздѣляешь
Себя ты на другихъ тѣлахъ,
Любезнѣе очамъ сіяешь
На холмахъ, радугахъ, моряхъ.
Ты образъ добраго Царя:
Край ризы твоея — заря.

Любезно, тихо, постоянно,
Не воспящаяся ничѣмъ,
Блистательно и лучезарно
Вѣкъ шествуешь своимъ путемъ,
Надъ безднами и высотами
Безъ ужаса вознося свой зракъ,
Ты исполинскими шагами
Отвсюда прогоняешь мракъ:
Несовратимъ, непобѣдимъ
Природы сильный властелинъ!

Я истины ищу священной,
Блаженства, сердца чистоты,
Красы и доблести нетлѣнной: —
Мнѣ вкупѣ ихъ являешь ты.
Когда же ты благимъ и злобнымъ
Не престаешь во вѣкъ сіять,
Восторгомъ нѣкакимъ духовнымъ
Тебя стремлюсь я обожать:
Такъ! такъ! Кто больше благъ быть могъ?
Дивлюсь, една ли ты не Богъ!

О мудрыхъ цѣль ума и взора
Монаршей власти образецъ!
Средь звѣздъ блистающаго хора,
Какъ Царь, иль Вождь, или отецъ,
Сѣдящій на сапфирномъ тронѣ,
Свое сіяніе дѣлишь,
И самъ, ходя въ твоемъ законѣ,
Кругъ мірозданія крѣпишь:
Тамъ блещетъ каждый свѣтъ другимъ,
А все присутствіемъ твоимъ.

Величествъ и добротъ зерцало!
Безумію невѣждъ прости,
Тебя они коль знаютъ мало:
Твоимъ ихъ свѣтомъ просвѣти.
Наставь, чтобъ всякъ былъ меньше злобнымъ;
Въ твое подобье облачи;
Быть кроткимъ, свѣтлымъ, а не гордымъ,
Твоимъ примѣромъ научи:
Какъ ты, чтобъ жили для другихъ,
Не ради лишь себя одnихъ.

ИДОЛОПОКЛОНСТВО.

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ Бози инін....

Творцу я покланяюсь міра:
Въ лицѣ Его служу Царю;
Нигдѣ, ни въ комъ себѣ кумира
И не творилъ и не творю.
Почто жъ мнѣ, идолы безчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкругъ ползать вашихъ олтарей? —
Почто? коль въ хижинѣ безвѣстной
Доволенъ, подъ Рукой Небесной,
Я Долею моей.

Богатствъ, чиновъ, стяжатель власти,
Льстецъ, ищущій могущимъ быть,
Пусть лучшей достигаетъ части,
Стоитъ въ водѣ и — хочетъ пить;
Но пастырь добрый, вѣрный стаду,
Не перелазитъ чрезъ ограду,
За посохомъ нейдетъ безъ зва,
И пастырства не вымоляетъ;
А взявъ овецъ, ихъ соблюдаетъ
Отъ расхищенья льва;

Кладетъ за нихъ въ часъ лютый душу,
Не бѣгавъ, какъ наемникъ, прочь,
Но знавъ, что Тотъ, Кто море, сушу
И небо создалъ, — день и ночь
Такъ дланью бдитъ надъ нимъ Своею,
Какъ предначертанной стезею
Катитъ и міра колесо:
То полнъ сихъ чувствъ, и не крушится,
А подъ какимъ зубцомъ случится —
Смиренно сноситъ все,

И чтетъ терпѣнья въ добродѣтель,
Что смертнымъ нужно всѣмъ оно;
Что чрезъ него лишь насъ Содѣтель
Вчиняетъ звѣздъ Своихъ въ звено;
Что претъ Его за правду Царства
Возноситъ, низитъ за коварства
До предназначенна конца;
Царямъ — Вельможъ здѣсь въ возвышенье,
А тамъ даетъ во униженье
Ихъ власти и вѣнца.

Такъ Вышній таинства сердечны
И мысль всѣхъ видитъ съ горнихъ мѣстъ,
Мракъ ада проницаетъ вѣчный
И солнечныхъ пучины гнѣздъ.
Въ Его — снѣжинка въ морѣ пѣнномъ,
И искра въ пламени возженномъ,
И черна муравья путь во тьмѣ,
И въ небѣ слѣдъ орла паряща,
И туча стрѣлъ съ луковъ летяща —
Различены въ умѣ.

Различены; — но нѣтъ изъятья:
Міръ въ общей колеѣ течетъ;
Хоть въ томъ звенѣ, хоть въ томъ — участье
Несчастьемъ тотъ, сей счастьемъ чтетъ.
Къ чему жъ гордынеи надыматься,
Когда случится возвышаться?
Мы можемъ завтра внизъ упасть.
Но ползть почто и бѣдствъ въ юдолѣ?
Учиться лучше въ низкой долѣ:
Тщетна кумировъ власть.

Ахъ, нѣтъ! Кумиры сильны въ мірѣ:
Издревле имъ поклонникъ свѣтъ:
Здѣсь роскошь усыпляетъ въ пирѣ,
Тамъ красота ядъ въ сердце льетъ;
Здѣсь злато ослѣпляетъ блескомъ,
Тамъ слава оглушаетъ трескомъ, —
Все, все сочли за Бога мы!
Безчисленны суть наши страсти;
Крамольники мы Вышнеи власти.
О, Россъ! бѣги сей тьмы!

НА БЕЗБОЖНИКОВЪ.

Царствуетъ, вижу, всюду развратъ:
Къ правдѣ сокрыты путь и дорога;
Глупые, злые въ сердцѣ ихъ мнятъ:
«Гдѣ добродѣтель? — вѣрно нѣтъ Бога;
Случай все, случай творитъ!» —

Нѣтъ, нѣтъ, злодѣи! есть Богъ и зритъ
Вашу съ высотъ глупость и дерзость;
Видитъ сквозь самый мрачный зенитъ
Гнусны дѣянья, совѣстей мерзость;
Грозно вамъ въ громѣ гремитъ:

«Я ли забвеннымъ вами могъ быть,
Всюду блистая въ дивныхъ твореньяхъ?
Въ солнцѣ ль Меня не хощете чтить?
Звѣздъ въ милліонахъ, въ тваряхъ, въ растеньяхъ?
Вамъ ли Меня позабыть?

«Вы позабыли: зритъ ли тѣхъ свѣтъ,
Хлѣбъ Мой вкушая, кто бъ помнилъ Меня?
Страха боятся, страха гдѣ нѣтъ;
Тщетной надеждой духъ свой маня,
Тлѣнное вѣчнымъ всякъ чтитъ.» —

Сгибнутъ и кости съ тѣломъ душъ тѣхъ,
Кои безбожно рабствуютъ міру.
Духъ мой! кумировъ презри ты всѣхъ:
Звучну пріемля Царскую лиру,
Бога единаго пой!

ПРАВОСУДІЕ.

И такъ стоишь ты твердо въ томъ,
Что мертвые, что съ нами жили
И въ жизни сей несытымъ ртомъ
Благъ чашу незаконно пили,
По смерти могутъ избѣжать,
Чтобы предъ Божій судъ не стать?

Нѣтъ! Знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствуетъ межъ звѣздъ высоко,
Но отъ небесъ и въ бездны зритъ:
Тѣхъ милуетъ, а тѣхъ казнитъ,
И здѣсь въ сей жизни скоротечной,
И тамъ, и тамъ, по смерти, въ вѣчной.

Двоякъ за мрачнымъ гробомъ путь,
Которымъ злые и благіе
Предъ Вседержителя идутъ.
О! вѣрно такъ. А если бъ злые
И добрые всѣ равну часть
Могли въ награду принимать

И всѣхъ земное бъ заключало
Ихъ нѣдро въ равну, вѣчну тьму:
Ахъ! что бы, человѣкъ, мѣшало
Тогда злодѣйству твоему?
Грабь, разоряй, рѣжь, ставь правдивость
Въ ничто, и совѣсть и стыдливость!

Ты можешь все, вся тварь твоя...
Нѣтъ, стой! Есть Богъ, есть Вседержитель
Живыхъ и мертвыхъ есть Судья,
Есть нашихъ тайныхъ дѣлъ цѣнитель;
При имени Его одномъ
Трясетъ всю поднебесну громъ.

Боюся я ~~Его прещенья~~;
Благоговѣю передъ Нимъ:
Изъ одного долготерпѣнья
Онъ счастіе, славу днямъ твоимъ
И продолженіе даруетъ.
Страшись, когда вознегодуетъ!

ИСТИНА.

—

Источникъ всѣхъ началъ! зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ!
Среда и корень таинъ глубокихъ,
Отколь и кѣмъ все создано!
Числъ содержательница счета
Сосферeннаго въ твердь сію,
О Истина! о голосъ свѣта!
Тебя, безсмертная, пою.

Тебя! — Когда и червь, занявъ
Лучи отъ солнца, въ тьмѣ блистаетъ;
Ко свѣту очи обращаетъ
Безъ словъ младенецъ, лепетавъ: —
То я ль души моей пареньемъ
Не вознесуся въ Твой чертогъ?
Я ль не воскликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна Истина, — есть Богъ!

Есть Богъ! — я чувствую Его
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ, огромномъ,
Быть не возмогшемъ безъ Него. —
Есть Богъ! — я сердцемъ осязаю
Его присутствіе во мнѣ: —
Онъ въ Истинѣ, я увѣряю:
Онъ Совѣсть — внутрь, Онъ Правда — внѣ.

Такъ! Истина, сліясь изъ трехъ
Существъ, единства скрыта лономъ
Средь тѣлъ и душъ и въ Духѣономъ,
Кто создалъ все, Кто держитъ всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрится:
Лицемъ и свѣтомъ и тепломъ
Живя всю тварь, оно не тьмится:
Ключь жизней всѣхъ, ихъ образъ въ немъ.

Сильнѣе Истина всѣхъ силъ;
Рожденна Ею добродѣтель. —
Чрезъ духъ Свой зрѣть Ее Содѣтель
Въ безмѣрности чудесъ открылъ;
Ея никто не обымаетъ,
Окромѣ Бога Самого:
Полкъ тщетно Ангеловъ взлетаетъ
Прозрѣть кивотъ судебъ Его.

О Истина! трилучный свѣтъ
Сый: — бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ, едва ползущій,
Смѣлъ о Тебѣ вѣщать свой бредъ;
Но Ты, — коль солнцевъ всѣхъ лампада,
Міровъ начало и конецъ,
Отъ корней звѣздъ до корней ада
Объемлешь все, — всего Творецъ!

Творецъ всего, — и влилъ мнѣ духъ
Ты въ волѣ мудрой и въ желаньяхъ,
И неба и земли въ познаньяхъ
Парящій совершенства въ кругъ.
Такъ можно ль быть мнѣ въ томъ виновнымъ,
Что въ выспренность Твою лечу?
Блаженствомъ я Твоимъ верховнымъ, —
Тобой — насытиться хочу.

Тобой! — Ты перло думъ моихъ,
Отца наслѣдье, сота слаще.
Ахъ! скрытнѣй, далѣй чѣмъ, тѣмъ вяще
Я алчу зрѣть красотъ Твоихъ,
Младенцамъ лишь однимъ не тайныхъ.
Внемли жъ! — и мнѣ хоть удостой
Мелькнуть сквозь тучъ Тебя вкругъ зарныхъ,
И оттѣни мнѣ обликъ Твой.

Нѣтъ! буйство! какъ дерзну взирать
На Бога — облеченный въ бренья?
Томиться здѣсь, — тамъ наслажденья
Ждать — смертныхъ участь, и вздыхать.
О такъ! и то уже высоко,
Непостижимаго любить!
Небесной истиною око
Умѣть земное пламенить!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ!
Божественная лучезарность!
Пространствъ совокупленна дальность!
Всѣхъ единица единицъ!
О правость воль неколебимыхъ!
О мѣра, вѣсъ, число всего!
О красота красотъ всезримыхъ!
О сердце сердца моего!

Думъ прáвило, умовъ законъ!
Свѣтило всѣхъ народовъ, вѣковъ!
Чтó бъ было съ родомъ человѣковъ,
Когда бъ Тебя не вѣдалъ Онъ?
Когда бы совѣсти не знали
Всѣхъ неумытнаго Судьи,
Давно бъ звѣрями люди стали. —
Законы святы мнѣ Твои.

Пускай продерзкій мрака сынъ
Кощунствуетъ въ своей гордынѣ,
Что правда — слабость въ властелинѣ;
Что руль правленій — умъ одинъ;
Что златомъ тверды царства, грады;
Но, ахъ! сихъ правилъ тщетенъ блескъ:
Имперьи рушатся безъ правды....
Се внемлемъ мы престоловъ трескъ!

О, Истина, душевна жизнь!
Престолъ въ сердцахъ Небесна Царства!
Когда духъ лжи, неправдъ, коварства,
Не внявъ разсудка укоризнъ,
Къ добру препятствъ мнѣ вержетъ камень:
Ты, гласомъ Божескимъ Твоимъ,
Вжигай въ душѣ моей Твой пламень,
И будь свѣтильникомъ моимъ!

Ты жезлъ мой будь и вождь всегда,
Да токмо за Тобой стремлюся,
Твоимъ сіяньемъ предвожуся,
Не совращаясь никогда

Съ путей, Тобой мнѣ освѣщенныхъ;
Любя Тебя, да всѣхъ люблю;
Но отъ совѣтовъ, мнѣ внушенныхъ
Тобой, нигдѣ не отступлю.

Да буду провозвѣстникъ, другъ,
Поборникъ Твой, вездѣ щитъ правды;
Всѣ міра прелести, награды
Да не истлятъ во мнѣ Твой духъ;
Да оправдаю я невинность;
Да соблюду присягу, честь;
Да зла не скрою ковъ, безчинность,
И обличу предъ всѣми лесть.

Да буду сподвижникъ твердъ
Всѣхъ добродѣтелей съ Тобою,
Ходя заповѣдей стезёю
По правосудью милосердъ;
Да сущихъ посѣщу въ темницахъ,
Пить жаждущимъ, ѣсть гладнымъ дамъ,
Бальзамъ страдающимъ въ больницахъ
И отче лоно сиротамъ.

Да отвращу мой взоръ отъ тѣхъ,
Кто Твоего не любитъ свѣта,
Корысть и самолюбье мѣта
Единая чья дѣйствій всѣхъ;
Да отъ безвѣрныхъ удалюся,
Нейду съ лукавыми въ совѣтъ
И въ сонмъ льстецовъ, — а прилѣплюся
Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чтущимъ свѣтъ.

И Ты, о Истина! мой Богъ!
Моей и вѣры упованье!
За все мое Тебя желанье,
За мой къ Тебѣ въ любви восторгъ,
Когда сей плоти совлекуся,
Хоть былъ бы чистъ, какъ блескъ огня,
Но какъ къ Тебѣ на судъ явлюся,
Не отвратися отъ меня!

СЛАВА.

День дни отрыгаетъ глаголъ,
И нощь нощи возвѣщаетъ разумъ.

Еще ль Цари! вамъ имя громко
Быть мнится славою прямой?
Еще ль, мудрецъ! ее ты только
Чтешь дыма блещущей струей?
Признайтесь,—ваша мысль неправа,
Увѣрьтесь Истины въ словахъ:
Безсмертная, прямая Слава
Есть цѣпь цвѣтущихъ вѣчно благъ.

Что жъ хвалишься во злобѣ, сильный,
Внутрь беззаконіемъ и внѣ?
Коль ты чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ токи крови на войнѣ,
Чрезъ вѣроломства, бунты, яды,
Чрезъ святотатну неба честь,
Повергъ престолы, храмы, грады
И могъ Царей всѣхъ выше сѣсть.

Положимъ край твоихъ желаній:
Въ водахъ, въ земляхъ, внутрь дикихъ мѣстъ
Распространя завоеваньи,
Коснуться даже самыхъ звѣздъ.—
Се горъ и рѣкъ уже не стало;
Какъ вихрь, промчался на крылахъ,
И все передъ тобою пало;
Но что же славы въ томъ! — Ты прахъ!

Увы!—и каждую минуту
Питаючи въ себѣ змію,
Коль разжигаешь жажду люту
И жрешь тамъ внутренность свою:
Почто явишь въ себѣ Тантала
И ловишь мнимой Славы тѣнь!
На то ль, чтобъ о тебѣ сказала
Словъ нѣсколько Аѳинска чернь?

Безумецъ! знай, когда въ надменьѣ
Ты Богъ мечтаешь быть въ себѣ,
Лишь тиграмъ ты идешь въ сравненье
И въ сердцѣ томъ, кто льститъ тебѣ.
На погребенны пепломъ грады,
На кровь, на слезы зря людей,
Какихъ ждешь жертвъ, похвалъ, пощады
Отъ нашихъ и грядущихъ дней?

Виждь: тайно, мрачно днесь вздыханье
Въ слѣдъ ходитъ всюду за тобой;
А завтра клятвы, восклицанье,
На гробъ твой громъ повергнутъ свой.—
Кто жъ замыслы исполнитъ страшны,
Чѣмъ міръ поработить мнилъ весь?
Гдѣ блескъ? гдѣ звукъ? гдѣ пышны брашны?
Ты былъ—и нѣтъ: твой слухъ исчезъ!

Се громка Слава сильныхъ міра!
Се образецъ геройскихъ дѣлъ!
Во слѣдъ кроваваго имъ пира
Что видимъ мы?—не груды ль тѣлъ?
Не кости ль на поляхъ смердящи?
Не запустѣнье ль—нуждъ всѣхъ мать?—
Ахъ! можно ли столь злы губящи
Правдиво Славою назвать?

Но и хранящій строги правы,
Угрюмый доблестію мужъ,
Не отрѣвай совсѣмъ чувствъ Славы
И ты отъ любочестныхъ душъ.
Всѣмъ смертнымъ славолюбье сродно,
Различенъ путь лишь и предметъ:
И въ бочкѣ Циникъ благородно
Велѣлъ Царю не тмить свой свѣтъ.

Тому мила чрезъ то извѣстность,
Тотъ мнитъ инымъ быть имянитъ,
Но пользъ творцу чрезъ кротость, честность,
Звучнѣй всѣхъ плескъ принадлежитъ.
Отецъ семействъ, законодатель,
Забрало отъ татей, коварствъ
Сохи, серпа изобрѣтатель,—
Бича славнѣй по правдѣ царствъ.

Возьмемъ же, въ противоположность
Тирану, добраго Царя,
Всю истощившаго возможность,
Блаженство подданныхъ творя:
Не зримъ ли генія въ немъ неба
Блестяща радуги лучомъ,
Въ томъ—мрачна демона Эреба?
Тотъ сыплетъ свѣтъ—сей вержетъ громъ.

Гнусна убійцъ народовъ слава:
Я тихой дорожу молвой:
Той—мести нѣдрится отрава,
Сей—засѣвается покой.
Подрывъ и вражью съ трескомъ граду
Не радуетъ души моей;
Стихъ добрыхъ душъ одинъ въ награду
Жметъ сладки слезы изъ очей.

Какой восторгъ души блаженной!
Какая слава, вѣчна честь,
Какъ храмъ, для бѣдныхъ учрежденной,
Придешь, гдѣ воспитанье, зрѣть,
И въ скорбяхъ сущихъ врачеванье!
Тутъ Царь—отецъ, Царица—мать.
Умъ можетъ скиптровъ тамъ стяжанье,
Здѣсь будетъ сердце одобрять.

Но если больше обоженна
Гдѣ Слава долженствуетъ быть,
То въ образѣ щита священна,
Кто лавромъ могъ себя покрыть.
Во оборонѣ лишь отчизны
Вѣнчаетъ Славою война.—
Могилы—въ жертвенники тризны
Преобращаетъ намъ она.

Такъ, доблесть токмо превосходна
Должна по правдѣ славной быть;
Благотворителя народна
Долгъ сердцемъ и устами чтить.
Се солнце Творческой державы
Вѣщаетъ силу бездиъ сквозь тьму:
«Богъ благъ,—одинъ Онъ Царь есть славы,
И вся поклонится Ему.»

—

ПРЕДВѢСТІЕ.

О вечеряюще свѣтило!
Любезный, но багровый лучъ!
Что, солнце, тихо такъ, уныло
Ты сходишь въ лоно темныхъ тучъ,
И мглистымъ, потускнѣлымъ златомъ
Наводишь мракъ на свѣтлый день,
Печальнѣйшимъ твоимъ закатомъ
Всѣмъ разстилаешь гроба тѣнь?

Вкругъ осѣняюща природа
Даетъ унылы мысли мнѣ;
Холодная съ кладбищъ погода
Разноситъ хладъ по всей странѣ;
Поля злятыя опустѣли;
Вдаль птицы тянутся струей;
Древа пожелкли, покраснѣли,
И предвѣщаютъ рокъ всѣ злой.

Такъ, жребій всѣхъ гражданъ вселенной
Есть тотъ, чтобъ цвѣсть и отцвѣтать,
И кровью тигръ ненасыщенной
Не можетъ въ вѣкъ не умирать.
Родимся мы, растемъ и зрѣемъ;
Идемъ, идемъ, — куда, не знавъ;
Сѣдѣемъ, старѣемъ, дряхлѣемъ
И падаемъ въ ровъ тли стремглавъ.

Такъ! такъ! Кто вѣсть, что дубъ корнистый
Еще сей долго простоитъ?
Перунъ ли на него огнистый
Падетъ, иль вихрь его сразитъ?
Пусть всей земли онъ трепетанье
Принесъ, не нагибавъ чела;
Но рока злова скрежетанье
Придетъ — и будетъ онъ земля.

Ахъ, такъ! — и розы молодыя,
Лилеи, что предъ мной цвѣтутъ,
Отъ зноя ли, иль стужи злыя,
Но свянутъ скоро, опадутъ;
Румянецъ, бѣлизна сотрется
И разнесутся ихъ листы;
Пріятность, красота минется. —
Увы! въ семъ свѣтѣ все мечты.

Повѣренна моихъ печалей
И общница моихъ отрадъ!
Коль стали младости мы далѣй
И смерти намъ серпы грозятъ:
То крѣпче дружбой мы сопряжемся,
И такъ скрѣпимъ свои сердца,
Что рушься міръ, — не ужаснемся,
Дождавшись нашихъ дней конца.

Конецъ ристалища блистаетъ
Сей жизни пальмою для тѣхъ,
Кого смиренье провождаетъ
Въ блаженну вѣчность для утѣхъ

Рука мы объ руку съ тобою,
Христовой Вѣры подъ щитомъ,
Въ блестящихъ ризахъ бѣлизною,
Въ невѣстникъ Ангеломъ войдемъ.

═

ПРОБЛЕСКЪ.

—

Хранителя меня ты Ангела крылами,
О мысль безсмертія! пріосѣняй,
Да въ немъ, какъ въ зеркалѣ, души очами •
Я будущихъ блаженствъ увижу рай;
Подобно путникъ какъ сверхъ водъ, сквозь лѣсъ,
въ мракъ нощи,
Зритъ проблескъ отъ луны.

Коль не былъ гордъ и подлъ, и лишь изъ самолюбья
Пронырствомъ не пролѣзъ вельможъ я въ
сонмъ,
Но съ малыхъ должностей всегда орудье
Былъ Бога и Царя, ихъ чтя законъ:
Се зрю, се зрю себя сѣдящимъ выше неба
между Князей духовъ!

Когда грустилъ, вздыхалъ и проливалъ слезъ рѣки,
Что нравовъ простота и Вѣры лучъ
Въ вселенной погасалъ, и человѣки
Творились злѣй звѣрей средъ бранныхъ тучъ:
Утѣшеннымъ себя въ Едемскихъ вижу кущахъ
Средь праотцевъ моихъ!

Коль сердцемъ кротокъ, тихъ, благолюбивъ душею,
Не тягостенъ рабамъ, и добръ я былъ,
Доволенъ отческихъ полей землею,
И жатвой чуждой духъ мой не мутилъ:
Наслѣдіемъ себя взираю награжденна
Небеснаго Отца!

Когда не Царскія желалъ, искалъ награды,
И мзды чьей за труды, за подвигъ мой,
Но домогался лишь вездѣ единой правды,
Считая жребій всѣхъ за жребій свой:
Насыщеннымъ себя я вижу правосудьемъ
Отъ Истины святой!

Коль милостивымъ всѣмъ былъ, щедрымъ, мило-
сердымъ
И бѣднымъ завсегда желалъ помочь;
Стыдился къ страждущимъ глухимъ быть,
твердымъ,
Сиротъ и вдовъ не гналъ отъ дома прочь,
О диво! въ грозный день, въ судъ страшный,
неумытный:
Помилованнымъ зрюсь!

Когда былъ сердцемъ чистъ, чуждъ козней и
коварства,
Не ставилъ никому на ловъ сѣтей;
Но, искренной душой презря препятства,
Невинныхъ въ вредъ себѣ спасалъ людей:
О восхищеніе! зрю Бога лучезарна
Къ себѣ лицемъ къ лицу!

Не изъ корысти коль себѣ хвалы и славы,
Но изъ желанія лишь всѣмъ добра
Смиреньемъ укрощавъ враждебны нравы,
Судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря:
О несказанна честь! — за миротворство Божьимъ
Я сыновъ нареченъ!

Коль обносимымъ былъ и оклеветанъ лжами
За то, что истину и правду чтилъ;
Что Божьими блюдомъ, хранимъ судьбами
И ими весь мой вѣкъ поддержанъ былъ:
Весельемъ Ангельскимъ, небеснымъ наслаждаюсь
Въ бесѣдѣ я Святыхъ!

О радость! о восторгъ! толико быть блаженнымъ,
Что удостоиться взирать Творца.
И свѣтомъ окружась Его священнымъ,
Въ чертогѣ опочить всѣхъ благъ Отца,
Между своихъ друзей, родныхъ, поднесь что милы
Такъ сердцу моему!

Тогда-то тамъ, о тамъ! не здѣшне земно тлѣнье,
Не преходящи сны мірскихъ торжествъ,
Но съ ликомъ душъ во вѣкъ Творцу хваленье
На арфѣ возглашу въ кругу Божествъ,
И небо и земля, моря и преисподня
Послушаютъ меня!

Давидъ, Іоасафъ тогда свои псалтиры
Мнѣ съ радостью дадутъ, — да въ нихъ
брявцавъ,
Во гармоничныя созвучны лиры
Сольюся Ангеловъ, самъ Ангелъ ставъ;
Въ безсмертномъ превитать я буду озареньѣ,
Какъ ясный Божій лучъ!

Не оставляй же въ вѣкъ, не оставляй любезна,
О мысль безсмертія! меня всегда;
Будь стражъ средь поприща сего мятежна,
И не кидай меня ты никогда;
Но тѣшь меня, покой пріятнымъ воображеньемъ
Ты будущихъ блаженствъ.

Хотя болѣзнь когда, хоть смерть мнѣ приразится,
Не преставай елей свой въ грудь мнѣ лить,
И по послѣдній вздохъ въ умѣ твердиться,
Что въ гробъ иду не умирать, но жить;

Тѣхъ вѣчныхъ благъ вкушать, что въ небѣ при-
готовилъ
Богъ любящимъ Его.

═

ОБЛАКО

—

Изъ тонкой влаги и паровъ
Исшедъ невидимо, сгущенно,
По малу, тихо вознесенно
Лучемъ надъ высотой холмовъ,
Отливомъ свѣта освѣтяся,
По безднѣ голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой;

Или прозрачностью сквозясь
И въ разны виды премѣняясь,
Рубиномъ, златомъ испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, сбираясь въ сизы тучи,
И вдругъ сходмяся въ холмъ пловучій,
Застѣниваетъ солнца зракъ:
Забывъ свой долгъ и благодарность,
Его любезну свѣтозарность
Сокрывъ отъ всѣхъ — наводитъ мракъ;

Или не долго временщикъ
На свѣтлой высотѣ бываетъ,
Но вздувшись тукомъ, исчезаетъ
Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ;
Подъ лучезнойной тяготою
Разорванъ молніи стрѣлою,
Обрушась, каплями падетъ —
И ужъ его на небѣ нѣтъ!

Хотя жъ онъ въ чадахъ гдѣ своихъ,
Во мглахъ, въ туманахъ возродится,
И къ выспренностямъ вновь стремится,
Но рѣдко достигаетъ ихъ:
Давленьемъ воздуха гнетомый
И влагой внизъ своей влекомый,
На блата, тундры опустясь,
Ложится въ нихъ, и зрится — грязь.

Не видимъ ли вельможъ, Царей
Живаго здѣсь изображенья?
Одни — изъ праха, изъ презрѣнья
Пренизкихъ возводя людей
На степени первѣйшихъ сановъ,
Творятъ боговъ въ нихъ истукановъ,
Имъ вѣря власть и скипетръ свой;
Не видя, ихъ что ослѣпляютъ,
Любезной доброты лишаютъ,
Темня своею чернотой;

Другіе — счастья бывъ рабы,
Его рукою вознесенны,
Сіяньемъ ложнымъ украшенны,
Страстей не выдержавъ борьбы
И доблестей путь презря, правды,
Превѣсясь зломъ, какъ водопады,
Падутъ стремглавъ на низъ во мглахъ:
Бывъ идолы, бываютъ прахъ.

Но добродѣтель красотой
Своею собственной сіяетъ;
Пускай несчастье помрачаетъ, —
Свѣтла она сама собой.
Какъ Антонины на престолѣ,
Такъ Эпиктиты и въ неволѣ
Почтенны суть красой ихъ душъ. —
Пускай чей злобой блескъ затмится;
Но днесь, иль завтра прояснится
Безсмертной правды солнца лучъ.

О вы, имѣющи Боговъ
Въ рукахъ всю власть и всю возможность,
Въ себѣ же смертнаго ничтожность,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ,
Цари! Отъ васъ вашъ тронъ зависитъ
Унизить зломъ, добромъ возвысить;
Имѣйте вкругъ себя людей,
Незлобьемъ, мудростью младенцевъ;
Но бойтесь счастья возведенцевъ,
Ползущихъ пестрыхъ вкругъ васъ змѣй.

И вы, наперсники Царей,
Друзья, цвѣтущи ихъ красою!
Ихъ пишущи жизнь, смерть рукою
Поверхъ земель, поверхъ морей!
Познайте: съ вашимъ всѣмъ соборомъ
Вы съ тѣмъ равны лишь метеоромъ,
Который блещетъ отъ зари;
А сами по себѣ — пары.

И ты, кто потерялъ красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобенъ міръ сей колесу:
Се спица внизъ и вверхъ вратится,
Се капля мглой, иль тучей зрится:
Такъ что жъ снѣдаешься тоской?
Въ кругу твореній обращаясь,
Той внизъ, другою вверхъ вздымаясь,
Умѣй и въ прахѣ быть златой.

═

ГРОМЪ.

—

Въ тяжелой колесницѣ грома,
Гроза, на тмѣ воздушныхъ крылъ,
Какъ страшная гора несома,
Жметъ воздухъ подъ собой, — и пыль
И понтъ кипятъ, летятъ волнами,
Древа вверхъ вержутся корнями,
Ревутъ брега и воетъ лѣсъ;
Средь тучныхъ тучъ, раздранныхъ съ трескомъ,
Въ тьмѣ, молніи, багрянымъ блескомъ,
Чертятъ гремящихъ слѣдъ колесъ.

И се, какъ ночь осення, темна,
Нахмурясь надо мной челомъ,
Хлябь пламенемъ разсѣлась черна,
Сверкнулъ, взревѣлъ, ударилъ громъ, —
И своды потряслися звѣздны;
Стократно отгласились бездны;
Гулъ возшумѣлъ, и дождь и градъ;
Простерся синій дымъ полетомъ;
Дубъ вспыхнулъ, холмъ сталъ водометомъ,
И капли радугой блестятъ.

Утихло дуновенье бурно:
Чуть слышенъ шумъ и сѣрный смрадъ;
Пространство воздуха лазурно
И чела въ златѣ горъ горятъ.
Природѣ ужъ не страшны грозы,
Дыхаютъ ароматомъ розы,
Пернатыхъ раздается хоръ;
Зефиры легки, насѣкомы,
Цѣлуютъ злаковъ зыбки холмы,
И путникъ осклабляетъ взоръ.

Кто Сей, Который тучи гонитъ
По небу, какъ стада овновъ,
И перстомъ быстры рѣки водитъ
Между гористыхъ береговъ?
Кто море очертилъ въ предѣлы,
На шумны, яры волны бѣлы
Незримы наложилъ бразды?
Чьимъ маніемъ вѣтръ вземлетъ крыла,
Стихіевъ засыпаетъ сила,
Блескъ въ хаосѣ возникъ звѣзды?

И въ мигъ единый милліоны
Кто дланію возжегъ планетъ?
О Боже! — се Твои законы,
Твой взоръ міры творитъ, блюдетъ.
Какъ сталью камень сыплетъ искры,
Такъ отъ Твоей струятся митры
Въ мракъ солнцы, средь безмѣрныхъ мѣстъ.
Ты дхнешь: какъ прахъ, вновь сферы встанутъ;
Ты духъ прервешь: какъ злакъ, увянутъ;
Твои слѣды суть бездны звѣздъ.

О вы, безбожники, не чтущи
Всевышней власти надъ собой,
Въ развратныхъ мысляхъ тѣхъ живущи,
Что случай все творитъ слѣпой,
Что умъ лишь вашъ есть Царь вселенной!
Взгляните, въ буйности надменной,
На сей ревущій страшный мракъ,
На тѣ огнемъ блестящи рѣки, —
И вѣрьте, дерзки человѣки!
Что все величье ваше — прахъ.

Но если вы и впрямъ всемощны,
Почто жъ вамъ грома трепетать?
Нѣтъ! Гордости пути порочны
Богъ правды долженъ наказать,
Гдѣ ваша мощь тогда, коварства,
Вновь созданны Цари и царства,
Какъ рокъ на васъ свой склонитъ перстъ?
Огонь и воды съединятся,
Земля и небо ополчатся,
И мечъ и лукъ сотрется въ персть.

Но тотъ, кто почитаетъ Бога,
Надежду на Него кладетъ,
Сей не боится время строга;
Какъ холмъ средь волнъ, не упадетъ.
Пусть зѣльна буря устремится:
Душой всѣхъ превзойти онъ тщится,
Безстрашенъ, мужественъ средь бѣдъ;
И подъ всесильнымъ даже гнѣвомъ,
Подъ зыблющимъ, падущимъ небомъ, —
Благословя Творца, уснетъ.

Труба величья силъ верховныхъ,
Витія Бога и посолъ,
О громъ! гроза духовъ тѣхъ гордыхъ,
Кѣмъ колебался звѣздъ престолъ!
Земли ты чрево растворяешь
И плодородьемъ міръ вѣнчаешь;
Но твой же можетъ бросить тулъ
И жупловъ тмы на Князя ада,
Встань! грянь! — и въ слѣдъ его упада
По безднамъ возгрохочетъ гулъ.

Поэтическая летопись.

ПОСВЯЩЕНІЕ ЕКАТЕРИНѢ.

МОНАРХИНЯ!

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истину Фелицу, во плоти,
И добродѣтели Твои изображала,
Дерзаю къ Твоему престолу принести.
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ Тебѣ души моей,
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою Твоей,
Прими и освяти Твоимъ благоволеньемъ,
И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть Ты отъ клеветъ спасеньемъ.
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ
Пойдетъ сквозь тму временъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, Твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ,
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ:
Ты славою, — Твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и Пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

1796 годъ.

ФЕЛИЦА.

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай, найти ее, совѣтъ.

Подай, Фелица! наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;

Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра;

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ, и кофе пью;
Преображая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ;

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ;

Или средь рощицы прекрасной
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь, —
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь;

Или великолѣпнымъ цугомъ,
Въ каретѣ Англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой,
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ;

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ;

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ.
Но всякой человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣньтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ; но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ итти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды;
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого;
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь:
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,

Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь:
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только рифмы можетъ плесть;
А что сія ума забава
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь Ты на лирный ладъ:
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о Себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить;

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
И человѣковъ и Царей:
Когда Ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худова,
И самаго сатира злова
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.»

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой.
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава, слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ Свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ Своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ. —
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ? —
У трона развѣ Твоего!

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь!
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ! —
Послушай, гдѣ ты ни живешь:
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки, иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
Да словъ Твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я Силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо Тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦѢ.

Предшественница дня златаго,
Весення утрення заря,
Когда изъ понта голубаго
Ведетъ къ намъ звѣзднаго царя,
Румяный взоръ свой осклабляетъ
На чела горъ, на лоно водъ,
Багрянымъ златомъ покрываетъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылаты кони по эѳиру
Летятъ и разсѣкаютъ мракъ;
Любезное свѣтило міру
Пресвѣтлый свой возноситъ зракъ;
Бѣгутъ толпами тѣни черны:
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещетъ брегъ въ рѣкѣ зеленый;
Тамъ свѣтятъ перлы по лугамъ;

Тамъ степи, какъ моря, струятся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ тучи журавлей стадятся,
Волторнъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеститъ:
Мое такъ сердце благодарно,
Къ Тебѣ усердіемъ горитъ.

Къ Тебѣ усердіемъ, Фелица,
О кроткій Ангелъ во плоти!
Которой разумъ и десница
Намъ кажутъ къ счастію пути.
Когда Тебѣ въ нелицемѣрномъ
Угодна слогѣ простота,
Внемли..... Но въ чувствіи безмѣрномъ
Мои безмолвствуютъ уста.

Когда поверхъ струистой влаги
Благопріятный дунетъ вѣтръ,
Попутны вострепещутъ флаги
И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
За кораблемъ сребро грядою:
Тогда испустятъ гласъ пловцы,
И съ восхищенною душою
Вселенной полетятъ въ концы;

Когда небесный возгорится
Въ Піитѣ огнь, онъ будетъ пѣть;
Когда отъ бремя дѣлъ случится
И мнѣ свободный часъ имѣть:
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты
Тогда ко мнѣ пріидутъ Музы
И лирой возгласишься Ты!

ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕЛИЦЫ.

Рафаэль! живописецъ славный,
Творецъ искусствомъ естества!
Рафаэль чудный, безпримѣрный,
Изобразитель Божества!
Умѣлъ ты кистію свободной
Непостижимость написать:
Умѣй моей богоподобной
Царевны образъ начертать.

Изобрази Ея мнѣ точно
Осанку, возрастъ и черты,
Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
Ея и сердца красоты,
И духа чувствы возвышенны,
И разума Ея дѣла;
Фелица, Ангелъ воплощенный,
Въ твоей картинѣ бы жила!

Небесно-голубые взоры
И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, стихіевъ споры,
Блистали бы, какъ ясный день;
Какъ утрення заря весення,
Такъ улыбаясь бы Она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы, стройна.

Какъ пальма клонитъ благовонну
Вершину и лице свое,
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши Ее. —
Коричными чело власами,
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышутъ, изъясни.

Представь въ лицѣ Ея геройство,
Въ очахъ величіе души;
Премилосердо, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ правѣ
И кроткій гласъ Ея рѣчей;

Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей.

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы,
И въ мужество Ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ Ней главой крутился,
И бурно бразды опѣнялъ;
Чтобъ Нордъ сѣдый Ей удивился,
И обладать собой избралъ.

Избралъ — и, падши на колѣна,
Поднесъ бы скиптръ Ей и вѣнецъ;
Она, мольбой его смягчена
И ставъ владычицей сердецъ,
Безстрашно бъ узы разрѣшила
Издревле скованныхъ цѣпьми;
Свободой бы рабовъ плѣнила
И нарекла Себѣ дѣтьми.

Престолъ Ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на сорокъ двухъ столпахъ;
Какъ восемь бы зерцалъ стояли,
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога
И велелѣпной высоты
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога,
Ее изобрази мнѣ ты,
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ;
Чтобы вселенна принимала
Гласъ Божій, гласъ природы, въ нихъ;

Чтобъ дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися въ ея престолу
И, кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ;

Струили бъ слезы и, блаженство
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бъ свое равенство
И были всѣ подвластны Ей:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбивалъ бы кораблей,
И узкоглазый Гуннъ жалъ класы
Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей.

Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ Ея Ордамъ:
«Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла Я вамъ
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ Мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги Мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять
Читать и знать Мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать;

«Даю вамъ право собираться,
И въ думахъ золото копить,
Ко Мнѣ послами отправляться
И не всегда Меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и оканчать.

«Не воспрещу Я Стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но Я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить.»

Рекла, — и взоръ бы озарился
Величествомъ Ея души,
Хаосъ на сферы бъ раздѣлился
Ея рукою, — нанииш;
Чтобъ солнцы въ путь свой покатились,
И тысящи вкругъ нихъ планетъ;
Изъ праха грады возносились,
Возстали Царства, — и былъ свѣтъ.

Изобрази мнѣ міръ сей новый
Въ лицѣ младаго лѣтня дня;
Какъ рощи, холмы, башни, кровы,
Отъ горняго златясь огня,
Изъ мрака возстаютъ, блистаютъ
И смотрятся въ зерцало водъ;
Всѣ новы чувства получаютъ
И движется всѣхъ смертныхъ родъ.

Представь мнѣ лучезарны храмы
И Ангеловъ поющихъ ликъ,
И благовонны ѳиміамы
Какъ облака бъ носились въ нихъ;
И чтобъ Царевна умиленна,
Вперя Свой взоръ на небеса,
Слезами зрѣлась окропленна,
Блистающими какъ роса.

Какъ съ синей крутизны эѳира
Лучамъ случится ниспадать:
Отъ Вседержителя такъ міра
Чтобъ въ Ней сходила благодать,
И въ видѣ счастіи земнаго
Чтобъ сыпала предъ Ней цвѣты,

И купно вѣка бы драгаго
Катилися часы златы;

Чтобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ
Тамъ пастуховъ стада на лугъ;
На рощахъ липовыхъ, цвѣтущихъ,
Рои жужжащихъ пчелъ вокругъ;
Шумя, младыхъ бы класовъ волны
Переливались вѣтеркомъ,
Граненыхъ бриліантовъ холмы
Въ слѣдъ сыпались за кораблемъ;

Чтобы съ ристалища мнѣ громы
И плески доходили въ слухъ,
И вихремъ всадники несомы
Поспѣшно бъ натягали лукъ,
И стрѣлу, къ облакамъ пущенну,
Пересѣкали бы другой;
И всю въ стязаньѣ бы вселенну
Я предъ Фелицей зрѣлъ младой;

И зрѣлъ бы я Ее на тронѣ
Сѣдящу въ утваряхъ Царей,
Въ порфирѣ, бармахъ и коронѣ,
И взглядомъ вдругъ однимъ очей
Объемлющу моря и сушу,
Во всемъ владычествѣ своемъ,
Всему дающу жизнь и душу,
И управляющую всѣмъ;

Чтобъ свыше Ею вдохновенны
Мурзы, Паши и Визири,
Сѣдиной мудрости почтенны,
Въ диванѣ зрѣлись какъ Цари;
Законъ бы свято сохраняли,
И по стезямъ бы правды шли,
Носить ей скипетръ пособляли,
И пользу общую блюли;

Она бъ предъ ними предсѣдала,
Какъ всемогущій Царь Царей,
Свои наказы подтверждала
Для благоденствія людей;
Рекла бъ: — »Почто писать уставы,
Коль ихъ въ диванахъ не творятъ?
Развратные вельможей нравы —
Народа цѣлаго развратъ.

«Вашъ долгъ Монарху, Богу, Царству
Служить, и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ разбоя злѣе;
Судьи враги, гдѣ спитъ законъ:
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ оборонъ.»

Представь, чтобъ гласъ сей, свѣтозарный
Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
Извлекъ бы слезы благодарны,
И всѣ Монарха и Отца
И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
Который праведенъ и благъ;
Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
Которы у Пея въ рукахъ.

Содѣлай, чтобъ судебны храмы
Ея лугами обросли,
Вѣсы бы въ нихъ стояли прямы,
И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала
И обнимался съ ней законъ,
Чтобъ милость истину лобзала,
И миру поставляла тронъ.

Представь, чтобъ всѣ Царевна средства
Въ пособіе Себѣ брала,
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Чрезъ почту письма къ Ней писать;
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать;

Какъ молнія, Ея бы взоры
Сверкали быстро въ небесахъ,
Проникнуть мысли были скоры
И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ;
Чтобъ издалече познавала
Она невиннаго ни въ чемъ;
Какъ Ангелъ бы къ нему блистала
Благоволенія лицемъ.

Дерзни мнѣ кистію волшебной
Святилище изобразить,
Гдѣ взора смертныхъ удаленной
Благоволитъ Фелица быть;
Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ
И на уста кладетъ печать;
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ
И долгъ велитъ страстямъ молчать.

Представь Ее облокоченну
На Зороастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный океанъ,
Вѣщающу: »О Ты, Превѣчный,
Который волею Своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

Когда Ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
То Ты жъ, конечно, и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
Тобою Царства возрастаютъ,
Твое орудіе Цари;
Тобой они и померцаютъ —
Какъ блескъ вечерній зари.

Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель,
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ Мой на дѣла полезны
И славу ихъ Я посвящу,

Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу;

«Да удостоенна любови,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего, пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла,
И чувствъ души Моей сокрытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала.»

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры
Со отвращеніемъ Она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война,
Свинцова грифеля чертами,
И медленно бъ крѣпила ихъ, —
И тутъ же горькими слезами
Смывала бы слова всѣ съ нихъ;

Но милости бъ опредѣляла
Она съ смѣющимся лицомъ,
Златая бы струя бѣжала
За скоропишущимъ перомъ,
И проливала бы съ престолу
Въ несчетныхъ тысящахъ прохладъ,
Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу,
Лучистый съ шумомъ водопадъ;

Чтобъ сей рѣкой благодѣяній
Покрылась вся Ея страна;
Я зрѣлъ бы цѣпь пространныхъ зданій,
Гдѣ пользуетъ больныхъ Она,
Гдѣ бѣдныхъ пищей насыщаетъ,
Гдѣ брошенныхъ беретъ сиротъ,
Гдѣ ихъ лелѣетъ, возращаетъ,
Гдѣ просвѣщаетъ Свой народъ.

Представь мнѣ, въ мысли восхищенной
Сходила бы съ небесъ Она;
Какъ солнце грудь, въ ткани зеленой,
Рукой метала сѣмена;
Какъ искры огненны, дождились
Златыя бъ зерна въ снѣдь птенцамъ;
Орлы младые разбудились
И воскрылялись бы къ лучамъ.

Яви искусствомъ чудотворнымъ,
Чтобъ льды пріяли видъ лилей;
Весна дыханьемъ теплотворнымъ
Звала бы съ моря лебедей;
Летѣли бъ съ крикомъ вереницы,
Звучали бъ трубы съ облаковъ:
Такъ въ царство бы текли Фелицы
Народы изъ чужихъ краевъ.

Не позабудь Ее представить,
Какъ, вмѣсто олтарей, Себѣ
Царя великаго поставить
Велѣла на мольбу Ордѣ;
Какъ всюду раздалися клики
И громы свѣта по конецъ:
«Предсталъ намъ Зороастръ великій,
Воскресъ отечества Отецъ!»

Изобрази и то въ картинѣ,
Чтобъ сей подобный грому кликъ,
Въ безмѣрной времени долинѣ,
Какъ будто бы катясь, затихъ;
Фелицы жъ славою удвоенъ,
Громчай въ потомствѣ возгласилъ:
Великъ, кто олтарей достоинъ,
Но ихъ другому посвятилъ!»

Представь, сей славой возбужденны
Чтобъ зрѣть Ее Цари пришли,
И какъ-бы древле, удивленны,
Въ Ней Соломона вновь нашли;
Народъ счастливый и блаженный
Великой бы Ее нарекъ,
Поднесъ бы титлы Ей священны;
Она бъ рекла: «Я человѣкъ.»

Возвысь до облакъ лавръ зеленый
И чтобъ онъ на поляхъ стоялъ;
Подъ нимъ бы, тѣнью прохлажденный,
Спокойно Исполинъ дремалъ,
Какъ мраморъ бѣла бъ грудь блистала,
Ланиты бы цвѣли зарей:
Фелица такъ бы услаждала
Полсвѣта подъ Своей рукой;

И, здравіе его спасая,
Безъ ужаса пила бы ядъ;
Отъ твердости Ея смерть злая
Свой отвратила бъ смутный взглядъ;
Коса ея дала бы звуки,
Преткнувшись о великій духъ;
На небеса воздѣли бъ руки
Младенцовъ милліоны вдругъ;

Супруговъ чувства благодарны,
За оживленье ихъ дѣтей,
Какъ бы пылинки лучезарны
Огнистой отъ стекла струей
Отпрянувъ, въ воздухѣ сверкали,
Являли бъ пламень ихъ сердецъ:
«Мы зримъ въ Фелицѣ,» восклицали.
«Твое подобіе, Творецъ!»

Изобрази ты мнѣ Царевну
Еще и въ подвигахъ другихъ:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуріевъ съ земель Своихъ
Чтобы гнала Она геройски;
Какъ мать, своихъ спасала бъ чадъ;
Какъ Царь, на гордость двигла войски;
Какъ Богъ, свергала злобу въ адъ.

На сребролунно Государство
Простри крылатый, сизый громъ;
Въ желѣзнокаменное Царство
Брось молньи, — и поставь вверхъ дномъ;
Орелъ Царевнинъ бы ногою
Вверху рога луны сгибалъ;

Тогда жъ бы на землѣ другою
У гладна льва онъ зѣвъ сжималъ;

Чтобы Ея безстрашны войски,
Отъ колыбели до сѣдинъ,
Носили духъ въ себѣ геройскій,
И отрокъ, будто бъ исполинъ,
Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:
«Никто въ бою имъ не равнялся,
Кромѣ души великой ихъ;»

Чтобы вселенныя Владыки
И всякъ ту истину узналъ:
Гдѣ войски Зороастръ великій
Образовалъ и учреждалъ,
И гдѣ великую въ нихъ душу
Великая Фелица льетъ, —
Тѣ войски горы, море, сушу
Пройдутъ, — и имъ препоны нѣтъ;

Чтобъ грозный полкъ ихъ представлялся
Какъ страшна буря въ далекѣ,
И Миръ въ порфирѣ приближался
Тогда бъ къ Царевниной рукѣ;
Она бъ его облобызала
И вѣтвь его къ Себѣ взяла;
«Да будетъ тишина!» сказала, —
И къ намъ бы тишина пришла;

Какъ Ангелъ въ синевѣ эѳира
И Милосердія въ лицѣ,
Со кротостью въ душѣ Зефира,
Сіяньемъ тихимъ звѣздъ въ вѣнцѣ,
Благолюбивая бъ Царевна
Въ день зрѣлась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была дѣлами Божества;

Изъ устъ Ея текла бы сладость
И утишала стонъ вдовицъ;
Изъ глазъ Ея блистала бъ радость
И освѣщала мракъ темницъ;
Рука Ея бы награждала
Прямыхъ отечества сыновъ;
Душа Ея въ себѣ прощала
Неблагодарныхъ и враговъ;

Пріятность бы сопровождала
Ея бесѣду, дружбу, власть;
Привѣтливость Ея равняла
Съ Монархомъ подданнаго часть;
Повсюду Музы, въ восхищеньѣ,
Ей сыпали бъ цвѣты сердецъ,
И самое недоумѣнье
Ей плесковъ поднесло бъ вѣнецъ.

Черты одной красотъ Ей ложно
Блюдися приписать въ твой вѣкъ;
Представь, каковъ, коль только можно,
Богоподобный человѣкъ!
Исполнь Ее величествъ, власти,
Безсмертныхъ мудрости даровъ,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ея представь, какъ бы въ ночи
Возженну бриліантовъ гору,
Отъ коей бы лились лучи
И живо въ вѣчности играли:
На свѣтлу оной крутизну
Калифы многіе желали,
Ползли, скользили, — пали въ тьму;

Какъ огненъ столпъ на понтѣ, взорамъ
Къ горѣ сей колебался бъ путь;
Фелица бы внушала Хлорамъ:
«Тамъ розы безъ шиповъ растутъ;»
Мурза бъ въ восторгѣ, въ удивленьѣ,
Подъ золотымъ Ея щитомъ,
Въ Татарскомъ упражнялся пѣньѣ
И восклицалъ открытымъ ртомъ:

«Бросай, кто хочетъ: остры стрѣлы
Отъ чистой совѣсти скользятъ;
Имѣя сердце, руки бѣлы,
Мнѣ стыдно мстить, стыднѣе лгать;
Того стыднѣе — въ дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей Царевной восхищенный,
Я лишь Ея пою дѣла.»

Но что, Рафаэль! что ты пишешь?
Кого ты, гдѣ изобразилъ?
Не на холстѣ, не въ краскахъ дышешь,
И не металлъ ты оживилъ:
Я въ сердцѣ зрю алмазну гору:
На немъ божественны черты
Сіяютъ изступленну взору;
На немъ въ лучахъ — Фелица, Ты!

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ.

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ;

Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ, – и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ сogлася,
«Блаженъ» воспѣлъ я: «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды! –
Блаженъ и тотъ, кому Царевны,
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И серебророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальнихъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что нибудь,
Исподтишка драгіе дары,
И въ доскандахъ червонцы шлютъ;
Блаженъ....» Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молніи пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена;
Сошла, – и жрицей очутилась,
Или Богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча десныго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру;
Простертой на олтарь рукою
На жертвенномъ она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молніи торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ, иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла,
Пребудетъ образъ въ вѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла! —
«Мурза!» она вѣщала мнѣ:
«Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь Царямъ.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которымъ Стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ Боговъ: тогда
Сей даръ Боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же,
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ Поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели не строй;
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приносятъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ Піитовъ похвала. —
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ.» —
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
— «Кто ты? Богиня, или жрица?»
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: — «Я Фелица!»
Рекла — и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны Ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ Она явилась.
Мой Богъ! мой Ангелъ во плоти!...
Душа моя за Ней стремилась,
Но я за Ней не могъ итти:
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
— «Возможно ль, кроткая Царевна!
И Ты къ Мурзѣ чтобъ Своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И Ты, и Ты чтобы бросала,
И пламени души моей

Къ себѣ и Ты не одобряла?
Довольно безъ Тебя людей,
Довольно безъ Тебя Поэту;
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному — очень своевольно
Съ Тобой Мурза Твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, Вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты. —
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА.

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты,
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся Природа содрогала
Отъ лихова старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ Царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился, — и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ, — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ, — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ, — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки,
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки, —
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньѣ
Растворенъ Судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьѣ:
Знать, родился нѣкій Богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ; —
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ Художества, Науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
»Будь страстей твоихъ владѣтель;
Будь на тронѣ человѣкъ!«

Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
«Се божественный,» — вѣщали —
«Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ всему полезный міру!
Даръ добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!» —
«Будетъ,» — и Судьбы гласили:
«Онъ Монархамъ образецъ!»
Лѣсъ и горы повторили:
«Утѣшеніемъ сердецъ!» —
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна,
Въ руки Отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста;
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжогъ:
Возрастай, Дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты Родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты Матерью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ.

НА ПОБѢДЫ
ЕКАТЕРИНЫ II
НАДЪ ТУРКАМИ,
1772 ГОДА.

—

Со ужасомъ молвѣ вселенная внимаетъ,
Какъ падшу Грецію Минерва подымаетъ.
Не можетъ скрыться врагъ въ пустыняхъ и горахъ:
Побѣда на земли, побѣда на моряхъ!
Дрожитъ Дунайскій брегъ, трепещутъ Дарданеллы,
Колеблется Востокъ и Южные предѣлы.
Вездѣ Твои орлы, Монархиня, парятъ;
Вездѣ Твой громъ гремитъ и молніи горятъ;
Отвсюду Божій внукъ (*), бичъ Царствъ земныхъ темнѣетъ;
Отвсюду Мустафа въ Сералѣ цѣпенѣетъ:
Въ началѣ счастливыхъ, торжественныхъ судьбинъ,
Голицынъ утѣснивъ, повергъ Тебѣ Хотинъ;
Съ стремленьемъ сильный вихрь во слѣдъ его пустился:
Румянцевъ какъ перунъ, по Туркамъ разразился;
Какъ древле Юпитеръ гигантовъ поразилъ.
Такъ подъ Кагуломъ онъ Визиря разгромилъ.
Упадши гордыя предъ Панинымъ Бендеры
Сомнительнымъ вѣкамъ оставили примѣры:
Быть долженъ Геркулесъ, чтобъ стерть толь твердый градъ,
Который защищалъ всей злобой — злобный адъ.
Что сдѣлать грозные возмогутъ элементы?
Россійскимъ флотомъ вмигъ флотъ Агарянов стертый
Исчезнулъ при Чесмѣ, и свѣту показалъ,
Что влагой и огнемъ — Орловъ повелѣвалъ!
Вступилъ лишь въ Херсонесъ, пошелъ лишь Долгоруковъ,
Единой славою его гремящихъ звуковъ
Отверзлась Перекопь, пришелъ въ подданство Крымъ,
И вѣки что творятъ, то лѣтомъ онъ однимъ.
Екатеринѣ, знать, положено судьбами,
Чтобъ не стеналъ Босфоръ Мегмета предъ рабами!
Гряди, гряди, о рокъ! — и орлею рукой
Возстань Палеологъ, поверженный луной!

(*) Такъ называли себя нѣкоторые Султаны.

═

НА ОСВЯЩЕНІЕ КАМЕННООСТРОВСКАГО ИНВАЛИДНАГО ДОМА.

—

Воскликни, вдохновенна Богомъ,
Воскликни громку пѣснь, псалтырь,
И я святымъ твоимъ восторгомъ
Да приведу въ восторгъ весь міръ!

И ревность разожжетъ духовна
Благочестивыя сердца;
Какъ дымъ съ кадила благовонна,
Молитва взыдетъ предъ Творца.

Передъ Творца! — и Ты съ святыя,
О Творче! высоты въ сей храмъ
Воззри: се Павелъ и Марія
Тебѣ приносятъ ѳиміамъ!

Въ угодну жертву не кассію,
Не смирну, не ливанъ прими,
Но щедрить и хранить Россію —
Обѣтъ ихъ чистыхъ душъ внемли.

Внемли, и виждь: се показали
Они сердецъ Ихъ благость намъ;
Покой служившимъ воямъ дали,
И сей Тебѣ отверзли храмъ.

Колико вздоховъ, капель слезныхъ
Я вижу съ радостныхъ очей,

Продли Ты Имъ столь дней любезныхъ
Средь добродѣтели лучей!

Да Павлово одно воззрѣнье,
Какъ огнь изъ тучъ, враговъ сразитъ;
Языковъ многихъ покоренье
Вселенной буря возвѣститъ;

А кроткая душой Марія,
Улыбкой нѣжною Своей,
Наложитъ цѣпи золотыя
На тмы подвластныхъ Ей людей;

И процвѣтетъ, какъ вѣтвь Эдема
Въ минувшій годъ, Она плодомъ;
Еще носителя дастъ шлема,
И дщерьми Свой украситъ Домъ.

Рука Твоя на нихъ почіетъ;
Сойдетъ Твоя къ нимъ благодать;
Предъ ними счастіе предъидетъ,
И будетъ слава ихъ вѣнчать.

Посѣянны Петромъ съ начала
Блистательны Россіи дни,
Екатерина что сбирала,
Положатъ въ житницу они;

Положатъ, сохранятъ, прибавятъ
Ихъ свѣтлые плоды собой;
Потомству въ образецъ оставятъ
И Ихъ и Твой законъ святой,

А Ты, изъ свѣтлости подзвѣздной,
Отъ Нихъ Твой взоръ не отвращай;
Храни во вѣкъ Ихъ Домъ любезной;
Россію милуй и спасай!

НА ОТСУТСТВІЕ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ БѢЛОРУССІЮ.

Не бряцай, печальна лира,
Громкой пѣсни ты сей часъ:
Благодѣтельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музъ Богиня удалилась;
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ дѣтей:
Солнцу красному подобно,
Счастье, кажется, народно
Укатилося за Ней.

Пусты домы, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ;
Какъ среди глубокой нощи
Дремлетъ тишина въ лѣсахъ;
Вся природа унываетъ;
Мракъ боязни разсѣваетъ;
Ужасъ ходитъ по слѣдамъ;
Если бъ вѣтры не дышали
И потоки не журчали,
Образъ смерти зрѣлся бъ намъ.

Такъ, съ Тобою въ разлученьи,
Скорбью мы помрачены;
Лишь о насъ Твои раченьи —
Оживленье сей страны.
Мы уставы получаемъ:
Вновь блаженство почерпаемъ
Отъ премудрости Твоей;
Но оно съ Тобой намъ краше:
Возвратись, свѣтило наше!
Возвратися къ намъ скорѣй.

Человѣчество Тобою,
Истина и совѣсть въ судъ
Сей начальствовать страною
Въ велелѣпіи грядутъ;
Благодать на нихъ сіяетъ,
Памятникъ изображаетъ
Твой изъ радужныхъ лучей;
Злость поверженна скрежещетъ,
Въ узахъ ябеда трепещетъ;
Гласъ зоветъ Твоихъ людей.

Будь усердія свидѣтель!
Благодарность нашу зри!
Ежели за добродѣтель
Обожаемы Цари:
Зри Ты жертвы непорочны,
Олтари Тебѣ заочны
Въ сердцѣ тщимся созидать;
Въ души Твой законъ влагаемъ,
И въ восторгѣ восклицаемъ:
Возвратися, наша Мать!

Возвратися — и уставы
Ты Собою освяти,
Къ храму счастія и славы
Намъ являючи пути.
Возвратися! — Если жъ должно,
Продолжай путь неотложно
Къ утѣшенью странъ другихъ:
Пусть страны узрятъ иныя
Всѣ величества земныя
Въ добродѣтеляхъ Твоихъ;

Пусть и дальны зрятъ народы
Кротость Твоего лица,
Власть, пріятнѣйшу свободы,
Привлекающу сердца;
Пусть Цари Тебѣ дивятся,
Мирно царствовать учатся,
Мирный Твой храня завѣтъ;
И простря Европа длани,

Пусть Тебѣ: на мѣсто дани,
Благодарность принесетъ.

Намъ заря предвозвѣщаетъ
Съ утромъ солнца красоты:
Насъ надежда услаждаетъ:
Возвратишься скоро Ты;
Возвратишься, — и отраду
Принесешь Петрову граду,
И Твоимъ чертогамъ свѣтъ.
Простирая дѣтски руки,
Ждутъ Тебя младые внуки,
Сынъ Тебя съ супругой ждетъ.

Вспомни ихъ любезны взоры
И къ Тебѣ всѣ ласки ихъ,
Ихъ улыбку, разговоры
Во объятіяхъ Твоихъ.
По Тебѣ они скучаютъ;
«Гдѣ она? гдѣ?» вопрошаютъ:
«Возвратите намъ Ее.»
Ждутъ Тебя святые храмы,
И курятся ѳиміамы
Ужъ во срѣтенье Твое.

О пріятный вѣтръ полдневный!
Водъ прозрачныя струи!
Нивы злачны! лѣсъ зеленый!
Сладкопѣвны соловьи!
Дни веселы! воздухъ чистый!
Сельски Нимфы голосисты!
И пріятная весна! —
Долгъ Богинѣ отдавайте,
И мѣста тѣ украшайте,
Гдѣ грядетъ теперь Она.

═

НА ПРІОБРѢТЕНІЕ КРЫМА.

—

Летитъ — и воздухъ озаряетъ,
Какъ вешне утро тихій понтъ!
Летитъ, — и отъ его улыбки
Живая радость по лугамъ,
По рощамъ и полямъ ліется!
Златыя Петрополя башни
Блистаютъ, какъ свѣщи; и токъ
Шумливый, бурный, токъ Днѣпровскій
Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лице его.

Не слыша громоваго треска,
Не видя молненной зари,
Пастухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ
Средь хижинъ воспѣваютъ миръ.
Отъ удовольствія сердечна
Струятся по ланитамъ слезы
У нѣжныхъ матерей и женъ:
Прижавъ онѣ къ грудямъ вѣрнѣйшимъ
Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
Въ восторгѣ вопрошаютъ: «Кто?

«Который Богъ, который Ангелъ,
Который человѣковъ другъ,
Безкровнымъ увѣнчалъ васъ лавромъ,
Безъ брани вамъ трофеи далъ
И торжество?» — «Екатерина;
Та вѣнценосна добродѣтель,
То воплощенно божество,
Которое дождитъ блаженствы.» —
Они вѣщали такъ любезнымъ,
Повѣся громы на стѣнѣ.

Увидѣлъ Марсъ; нахмурилъ брови,
Скрежещетъ и кричитъ, ярясь:
«Какъ, миръ? — и безъ меня побѣды?
Я васъ...» — Но, будучи сраженъ
Вдругъ съ Сѣвера сіяньемъ кроткимъ,
Упалъ съ желѣзной колесницы;
Его паденье раздалося
Внутрь сердца Зависти, — и трость,
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась.

Россія наложила руку
На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ,
И, распустя въ Босфорѣ флаги,
Стамбулу флотами гремитъ;
Не подвиги Готфридовъ храбрыхъ,
И не Крестовски древни рати, —
Се мой теперь паритъ орелъ!
Магметъ, отъ ужаса блѣднѣя,
Заноситъ изъ Европы ногу —
И возрастаетъ Константинъ!

Цирцея отъ досады воетъ;
Волшебство все ея ничто;
Ахеянъ, въ тварей превращенныхъ,
Минерва вновь творитъ людьми;
Осклабясь, Пиѳагоръ дивится,
Что мнѣніе его сбылося,
Что зритъ онъ преселенье душъ:
Гомеръ изъ стрекозы исходитъ,
И громогласнымъ сладкимъ пѣньемъ
Не басню, по истину поетъ.

Какая незабвенна слава!
Какая звучная хвала!
Екатеринина Держава
И мудрыя Ея дѣла
Кого и гдѣ не удивили?
Которые Цари достигли
Величества Ея добротъ?
На Тронъ со кротостью вступила,
На Тронѣ кротость воцарила, —
Чудесъ источникъ и щедротъ!

═

ОСЕНЬ.

ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА.

—

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крылѣ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ, — и облака разсѣлись,
Пустился дождь и восшумѣлъ.

Уже румяна осень носитъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино;
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ;

Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Борей на Осень хмуритъ брови,
И Зиму съ Сѣвера зоветъ:
Идетъ сѣдая чаройдѣка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ;
Пустыни сѣтуютъ и долы,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ, и холмы голы,
И не пасется стадъ при нихъ.

Ушелъ олень на тундры мшисты,
И въ логовище легъ медвѣдь;
По селамъ Нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣть;
Дымятся сѣрымъ дымомъ домы,
Поспѣшно ѣдетъ путникъ въ путь,
Небесный Марсъ оставилъ громы,
И легъ въ туманы отдохнуть.

Россійскій только Марсъ, Потемкинъ,
Не ужасается зимы:
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимыхъ имъ, орелъ
Надъ древнимъ Царствомъ Митридата
Летаетъ и темнитъ луну;
Подъ звучнымъ крылъ его мельканьемъ
То чернъ, то блѣднъ, то рдянъ Эвксинъ.

Огонь, въ волнахъ неугасимый,
Очаковскія стѣны жретъ;
Предъ ними Россъ непобѣдимый
И въ мразъ зелены лавры жнетъ;
Сѣдыя бури презираетъ,
На льды, на рвы, на громъ летитъ,
Въ водахъ и въ пламѣ помышляетъ:
Иль умереть, иль побѣдить.

Мужайся, твердый Россъ и вѣрный,
Еще побѣдой возблистать!
Ты не наемникъ, — сынъ усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкинъ — Вождь, Богъ — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щитъ,
Честь — мзда твоя, вселенна — зритель,
Потомство плесками гремитъ.

Мужайтесь, Росски Ахиллесы,
Богини Сѣверной сыны!
Хотя вы въ Стиксъ не погружались,
Но вы безсмертны по дѣламъ.
На васъ всѣхъ мысль, на васъ всѣхъ взоры:
Дерзайте вашихъ въ слѣдъ отцевъ!
И ты спѣши скорѣй, Голицынъ!
Принесть въ твой домъ съ оливой лавръ.

Твоя супруга златовласа,
Плѣнира сердцемъ и лицомъ,
Давно желаннаго ждетъ гласа,
Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ;
Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ,
На матерь нѣжны взоры вскинешь,
И въ радости не сыщешь словъ.

Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь;
Геройскія дѣла разскажешь
Ея ты дяди и отца,
И духъ и умъ его докажешь,
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

Спѣши, супругъ, къ супругѣ вѣрной;
Обрадуй ты, утѣшь ее:
Она задумчива, печальна
Въ простой одеждѣ, и, власы
Разсыпавъ по челу нестройно,
Сидитъ за столикомъ въ софѣ;
И свѣтлоголубые взоры
Ея всечасно слезы льютъ.

Она къ тебѣ вседневно пишетъ:
Твердитъ то славу, то любовь,

То жалостью, то нѣгой дышетъ,
То страхъ ся смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви;
Мятется, борстся, вѣщаетъ:
«Коль долгъ велитъ, ты лавры рви!»

Въ чертогѣ, вкругъ ея безмолвномъ,
Не смѣютъ Нимфы пошептать;
Въ восторгѣ только Музы томномъ
Осмѣлились сей стихъ бряцать.
Румяна осень! радость міра!
Умножь, умножь еще твой плодъ!
Приди, желанна вѣсть! — и лира
Любовь и славу воспоетъ.

═

НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ.

—

Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ,
И лавры на главѣ несешь;
Ты провождаешься зефиромъ,
И Россамъ пальмы раздаешь.
Ты шествуешь! — Воззри, Царица!
На радостныя всюду лица,
На сонмы вкругъ Тебя людей:
Не такъ ли на Тебя взираютъ,
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?

Ты шествуешь, и осклабяешь
Твой взоръ на нихъ, какъ Божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ Ты нашъ и торжество:
Средь свѣтлаго Вельможей строя
Въ Тебѣ Царя, Вождя, Героя,
И Мироносицу мы зримъ;
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ Тебѣ читаютъ тѣ отрады,
Что миромъ мы получимъ симъ.

Какъ Царь, Ты наградишь заслуги;
Какъ Матерь, призришь Ты сиротъ;
Лишенные дѣтей супруги
Воскреснутъ отъ Твоихъ щедротъ;
Освободишь Ты заключенныхъ;
Обогатишь Ты разоренныхъ;
Незлобно винныхъ Ты простишь.
По нуждѣ Ты лила токъ крови,
Ты въ мирѣ будешь Богъ любови,
И счастье наше обновишь.

Продлишь златые наши годы,
Продлишь всеобщій нашъ покой;
Безчисленны Твои народы
Воздремлютъ подъ Твоей рукой.
Отъ хижинъ даже до престола,
На холмѣ и въ срединѣ дола
Почіетъ бранный Россовъ духъ;
Всѣ будутъ счастливы Тобою:
Законовъ подъ одной чертою
Равенъ Вельможа и пастухъ.

Прострешь Ты животворны длани
На тяжкій земледѣльцевъ трудъ;
Отпустишь неимущимъ дани,
Да нивы и луга цвѣтутъ;
Дохнешь въ вѣтрила корабельны,
Пошлешь избытки рукодѣльны,
И рѣки злата и сребра
Отъ Орма до Невы прольются;
Народы чужды къ намъ сберутся
Вкусить покоя и добра.

И се ужъ возвѣщаютъ громы
Событіе блаженныхъ дней;
По вѣтру трубный звукъ несомый
Сзываетъ тысящи людей:
Народъ колеблется, какъ волны;
Течетъ вездѣ, веселья полный;
Враговъ цѣлуетъ и друзей;
По стогнамъ гласы раздаются,
Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются,
Объемлютъ женъ, отцовъ, дѣтей.

О вы, носящи душу львину!
Герои, любящіе бои!
Воззрите на сію картину,
Сравните вы ее съ войной:
Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики:
Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
Тамъ смерть, болѣзнь; здѣсь жизнь любовь
Я вижу убіенныхъ тѣни,
И слышу вамъ ихъ грозны пени:
Вы пролили невинну кровь!

Но, Вѣнценосна добродѣтель!
О Ангелъ нашихъ тихихъ дней,
Екатерина! мы свидѣтель:
Не Ты виной была смертей;
Ты бранной не искала славы,
Ты наши просвѣщала нравы
И украшалась тишиной.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

═

ХОРЫ

НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ.

Орлы и львы соединились:
Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ;
Съ громами громы помирились:
Поцѣловался съ Шведомъ Россъ.

Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся!
Блистай, Петровъ и Карловъ Домъ!
Екатерина, утѣшайся,
Подъ лаврами, оливъ плодомъ!

Да будетъ днесь благословенна
Двухъ Сѣверныхъ Державъ чета,
Союзомъ вѣчнымъ сопряженна,
И дружба ихъ во вѣкъ свята.

Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся!
Блистай, Петровъ и Карловъ Домъ!
Екатерина, утѣшайся,
Подъ лаврами, оливъ плодомъ!

Раздоръ и злоба, удалися;
По браняхъ царствуй, тишина;
Съ геройствомъ нѣжность обоймися,
И водворись въ зимѣ весна!

Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся!
Блистай, Петровъ и Карловъ Домъ!
Екатерина, утѣшайся,
Подъ лаврами, оливъ плодомъ!

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

О коль Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ,
И всѣ сердца въ рукѣ имѣть.
Ода Ломоносова.

Везувій пламя изыграетъ;
Столпъ огненный во тьмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

О Россъ! о родъ великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполинъ, Царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?
Твои труды — тебѣ забавы;
Твои вѣнцы — вкругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань? ты тьмишь сводъ звѣздный
Въ моряхъ ли бой? ты пѣнишь бездны!
Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!

На подвигъ твой, Вождя велѣньемъ,
Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
Марсъ видитъ часто съ изумленьемъ,
Что и въ бѣдахъ твой веселъ зракъ:
Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали,
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дышали,
Ты тамъ прославился днесь вновь.
Вождь рекъ: «Се стѣны Измаила!
Да сокрушитъ твоя ихъ сила!»...
И воскипѣла бранна кровь.

Какъ воды съ ѓоръ весной въ долину
Низвержась, пѣнятся, ревутъ;
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ Россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ:
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ:
Идутъ — какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, — за ними дымъ.

Идутъ въ молчаніи глубокомъ,
Во мрачной, страшной тишинѣ;
Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, идутъ впередъ.

Не Бардъ ли древній, изступленный,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный
Предъ ними идетъ со крестомъ;
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ,
И кровь пролить благословляетъ
За честь, за Вѣру, за Царя;
За нимъ вождей рядъ предъ полками,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками,
Идетъ огнистая заря.

Идутъ. — Искусство зритъ заслугу,
И сколь ихъ духъ былъ тутъ великъ,
Вѣщаетъ слухъ земному кругу;
Но мнѣ ихъ раздается крикъ:
По лѣствицамъ на градъ, на стогны,
Какъ шумны волны черезъ волны,
Они возносятся челомъ;
Какъ угль, ихъ взоры раскаленны,

Какъ львы на тигровъ устремленны,
Бѣгутъ, стѣснясь, на огнь, на громъ.

О! что за зрѣлище предстало?
О пагубный, о страшный часъ!
Злодѣйство что ни вымышляло,
Повергло, Россы, все на васъ!
Зрю камни, ядра, варъ и бревны.
Но чѣмъ Герои устрашенны?
Чѣмъ можетъ отраженъ быть Россъ? —
Тотъ лѣзетъ по бревну на стѣну;
А тотъ летитъ съ стѣны въ геенну;
Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ!

Всякъ помнитъ должность, честь и Вѣру,
Всякъ душу и животъ кладетъ.
О Россы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру,
И смерть сама вамъ лавръ даетъ.
Тамъ въ грудь, въ сердца лежать пронзенны,
Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны;
Но мнятъ еще стерть вражій рогъ:
Иной движеньемъ ободряетъ,
А тотъ съ побѣдой восклицаетъ·
Екатерина! съ нами Богъ!

Какая въ войскахъ храбрость рьяна!
Какой великій духъ въ вождяхъ!
Въ однихъ душа разсудкомъ льдяна;
У тѣхъ пылаетъ огнь въ сердцахъ.
Въ зимѣ рожденны подъ снѣгами,
Подъ молніями, подъ громами,
Которыхъ съ самыхъ юныхъ дней
Питала слава, вѣрность, Вѣра:
Гдѣ можно вамъ сыскать примѣра?
Не посреди ль стихійныхъ прей?

Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ;
Какъ страшна нощь, надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листъ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями,
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ.

Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка;
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали,
Что мракъ лишь молньи освѣщали,
Что громъ потрясъ всемірну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се видъ, какъ внелъ въ Измаилъ Россъ!

Вошелъ! — не бойся, рекъ, — и всюды
Простеръ свой троегранный штыкъ:
Повергнись тѣлъ кровавы груды:
Напрасно слышанъ жалобъ крикъ;

Напрасно, бранны человѣки!
Вы льете крови вашей рѣки,
Котору должно бы беречь.
Но съ самаго вѣковъ начала
Война народы пожирала;
Священъ сталъ долгъ: рубить и жечь!

Тотъ мыслитъ овладѣть всѣмъ міромъ;
Тотъ не принятъ его оковъ;
Вселенной Царь сталъ врану пиромъ,
Герой — снѣдію волковъ.
Увы! палъ кринъ, и пали терны,
Почто жъ — Судьбы Небесны темны. —
Я здѣсь пою лишь бранеи честь.
Насъ горсть, — но полкъ лежитъ предъ нами;
Насъ полкъ, — но съ тысячьми и тмами
Мы низложили городъ въ персть.

И се уже, шумя, стремится
Кровавой пѣны полнъ Дунай;
Пучина черная багрится,
Сперпшись отъ труповъ, съ края въ край;
Уже блѣднѣюща Мармора
Дрожитъ пловуща къ ней позора,
Костры тѣлъ видя за костромъ!
Луна полна на башняхъ крови;
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбулъ склонился внизъ челомъ.

О! ежели издревле міру
Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремитъ,
И если приступъ славенъ къ Тиру:
Къ Измаилу больше знаменитъ.
Тамъ былъ вселенной покоритель
Машинъ и башень самъ строитель:
Горой онъ море запрудилъ;
А здѣсь Вождя одно велѣнье
Свершило храбрыхъ Россовъ рвенье;
Великій духъ былъ вмѣсто крылъ.

Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Побѣду смертныхъ выше силъ;
Внимай, Европа удивленна!
Каковъ сей Россовъ подвигъ былъ.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрогайтесь;
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ;
Увѣрьтесь, что Его рукою
Одинъ попретъ васъ Россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ!

Я вижу страшную годину:
Его три вѣка держитъ сонъ;
Простертую подъ нимъ долину
Покрылъ вездѣ колючій тернъ;
Лице туманъ подернулъ блѣдный;
Ослабли мышцы удрученны;
Скатились въ мракъ глаза его;
Разбойники вокругъ суровы
Взложили тяжкія оковы;
Змѣя на сердцѣ у него.

Онъ спитъ! — и насѣкомы, гады
Румяный потемняютъ зракъ;
Войны опустошаютъ грады,
Раздоры пожираютъ злакъ;
Чуть зрится блескъ его короны;
Страдаетъ Вѣра и законы,
И ты, къ отечеству любовь!
Какъ звѣрь, его Батый рветъ гладный;
Какъ змѣй, сосетъ лжецарь коварный:
Повсюду пролилася кровь!

Лежалъ онъ во своей печали,
Какъ темная въ пустынѣ ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Сосѣди грабежемъ алкали;
Князья, Бояре въ нѣгѣ спали
И ползали въ пыли, какъ червь:
Но Богъ, но духъ его великій
Сотрясъ съ него бѣды толики:
Расторгнулъ левъ желѣзну вервь!

Возсталъ! — какъ утромъ холмъ высокой
Встаетъ, подъемляся челомъ
Изъ мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкругъ его, — и громъ
Поверхъ главы въ ничто вмѣняя,
Ногами волны попирая,
Пошелъ: — и кто возмогъ противъ? —
Отъ шлема молніи скользили,
И океаны уступили,
Стопамъ его пути открывъ.

Онъ сильны Орды пхнулъ ногою:
Края Азійски потряслись;
Упали Царствы подъ рукою,
Цари, Царицы въ плѣнъ влеклись;
И побѣдителей разитель,
Монархій свѣта разрушитель
Простерся подъ его пятой:
Въ Европѣ грады бралъ, трясъ троны,
Свергалъ Царей, давалъ короны
Могущею своей душой.

Гдѣ есть народъ въ краяхъ вселенны,
Кто бъ столько силъ въ себѣ имѣлъ:
Безъ помощи, отъ всѣхъ стѣсненный,
Яремъ съ себя низвергнуть смѣлъ,
И, вырвавъ бы вѣнцы лавровы,
Возвергъ на тѣхъ самихъ оковы,
Кто столько свѣту страшенъ былъ?
О Россъ! твоя лишь добродѣтель
Такихъ великихъ дѣлъ содѣтель;
Лишь твой орелъ луну затмилъ.

Лишь ты, простря твои побѣды,
Умѣлъ щедроты расточать:
Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы
Тому примѣры могутъ дать.
На тѣхъ ты зришь спокойно стѣны,
Тѣмъ паки отдалъ грады плѣнны;
Тамъ унялъ прю, тутъ бунтъ смирилъ;
И сколь ты былъ ихъ побѣдитель,
Не меньше другъ, благотворитель:
Свое лишь только возвратилъ.

О кровь Славянъ! сынъ предковъ славныхъ!
Несокрушаемый колоссъ!
Кому въ величествѣ нѣтъ равныхъ,
Возросшій на полсвѣтѣ Россъ!
Твои коль славны древни слѣды!
Громчай суть нынѣшни побѣды:
Зрю вкругъ тебя лавровый лѣсъ;
Кавказъ и Тавръ ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досязаешь до небесъ.

Уже въ Эвксинѣ съ полунощи
Межъ водъ и звѣздъ лежитъ туманъ:
Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи;
Средь нихъ, какъ горъ отломокъ льдянъ,
Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ, очами озирая:
Какъ полный мѣсяцъ щитъ его,
Какъ сосна, рында, обожженна,
Глава до облакъ вознесенна, —
Орелъ надъ шлемомъ у него.

За нимъ златая колесница
По розовымъ летитъ зарямъ;
Сѣдящая на ней Царица,
Великимъ равная мужамъ,
Рукою держитъ крестъ одною,
Возженный пламенникъ другою,
И сыплетъ блески на Босфоръ;
Уже отъ сѣвернаго свѣта
Лице блѣднѣетъ Магомета,
И мрачный отвратилъ онъ взоръ.

Не вновь ли то Олегъ къ Востоку
Подъ парусами флотъ ведетъ,
И Ольга къ древнему потоку
Занятый ею свѣтъ ліетъ?
Иль Россовъ идетъ духъ военный,
Христовой Вѣрой провожденный,
Ахеянъ спасть, Агарянъ стерть?
Я слышу — громы ударяютъ,
Пророки, камни возглашаютъ:
То будетъ нынѣ, или впредь!

О вы, что въ мысляхъ суетитесь
Столь славный Россу путь претить,
Помочь врагу Христову тщитесь
И Вѣрѣ вашей измѣнить!
Чѣмъ столько поступать неправо,
Сперва изслѣдуйте вы здраво
Свой путь, цѣль Росса, судъ Небесъ;
Изслѣдуйте, и заключите:
Вы съ кѣмъ и на кого хотите?
И что вашъ Року перевѣсъ?

Ничто. Коль Россъ рожденъ Судьбою
Отъ варварскихъ хранить васъ узъ,
Темировъ попирать ногою,
Блюсть вашихъ отъ Омаровъ Музъ,

Отмстить Крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ Аѳету водворить.

Аѳету миръ? — О трудъ избранный,
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный!
Свершишься ль ты средь нашихъ дней?..
Доколь, Европа просвѣщенна!
Съ перуномъ будешь устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить,
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ сопостатъ твоихъ?

Дай руку и — пожди спокойно:
Сіе и Россъ одинъ свершитъ;
За безпрепятствіе достойно
Тебя трофеемъ наградитъ.
Дай руку, дай залогъ любови,
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всѣмъ въ грудь намъ не взойдетъ.
Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины;
А Россъ вселенной потрясетъ.

Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя Царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны!
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтить.

Война, какъ сѣверно сіянье,
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.
Что благовоннѣй аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоцѣннѣе порфиръ?
Не ты ль, котораго всѣмъ взгляды
Ліютъ обиліе прохлады,
Прекрасный и полезный миръ?

Приди, о кроткій житель Неба,
Эдемской гражданинъ страны!
Приди и, какъ сопутникъ Феба,
Духъ теплотворный, богъ весны,
Дохни вездѣ твоей душою!
Дохни, да разцвѣтетъ тобою
Рай сладости въ домахъ, въ сердцахъ!
Подъ сѣнію Екатерины
Вѣнчанны лавромъ исполины
Возлягутъ на своихъ громахъ.

Премудрость Царствы управляетъ;
Крѣпитъ ихъ: Вѣра, правый судъ;
Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ;
Любовію они цвѣтутъ.
О полъ прекрасный и почтенный,
Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!
И вамъ днесь предлежатъ вѣнцы.
Плоды побѣдъ суть звуки славы,
Побѣдъ основа тверды нравы,
А добрыхъ нравовъ вы творцы!

Когда на брани вы предметовъ
Лишилися любви своей,
И если безъ войны, навѣтовъ,
Полна жизнь наша слезъ, скорбей:
Утѣшьтесь! — Вѣтры въ вѣтры дуютъ,
Стихіи межъ собой воюютъ;
Сей свѣтъ — училище терпѣть;
И брань коль возстаетъ судьбою,
Сынъ Россіянки среди бою
Со славой долженъ умереть.

А слава тѣхъ не умираетъ,
Кто за отечество умретъ:
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

АНАКРЕОНЪ ВЪ СОБРАНІИ (НА ПРАЗДНИКЪ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА).

Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
О пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ,
Безъ вина бы и безъ хмѣлю
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился,
И въ мечтѣ, иль въ восхищеньѣ,
Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ:
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда, сюда летаетъ,
И садится онъ по Нимфамъ,
То на ту, то на другую,
Какъ садятся желты пчелы

На цвѣты въ поляхъ младые.
Онъ у той блисталъ во взглядахъ,
У иной блисталъ въ улыбкѣ,
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще;
Не пролетывали мимо,
Попадали прямо въ душу;
И душа бъ твоя томилась,
Уязвленная любовью;
Лишь Паллады щитъ небесной
Утолилъ твои бы вздохи.

═

КЪ КАЛЛІОПѢ (НА ПРІѢЗДЪ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ).

—

Сойди, безсмертная, съ небесъ
Царица пѣсней, Калліопа!
И громкую трубу твою,
Иль лучше лиру нѣжно звучну,
Иль, если хочешь, голосъ твой
Ты согласи со мной,

Ужъ, кажется, я слышу бѣгъ
Твоихъ по арфѣ рѣзвыхъ перстовъ,
Какъ гибкій при моряхъ тростникъ
Отъ порханья звенитъ зефировъ,
Далекимъ вторясь шумомъ волнъ:
Таковъ твоихъ струнъ звонъ.

Ужъ въ легкихъ сизыхъ облакахъ
Прекрасна дѣва съ неба сходитъ:
Смѣющійся въ очахъ сапфиръ,
Стыдливыя въ ланитахъ розы,
Багряную въ устахъ зарю,
Въ власахъ я злато зрю.

Во сладкомъ изступленьѣ семъ
Весь Сѣверъ зрится мнѣ Эдемомъ,
И осень кажется весной;
Въ кристальныхъ льдахъ зрю лѣсъ зеленый,
Въ тѣняхъ ночныхъ поля златы,
А по снѣгамъ цвѣты.

Во мглѣ темнозеленой, тамъ,
Я вижу, нѣкто древъ подъ сводомъ
Лѣпообразенъ, статенъ, младъ:
Вокругъ главы его сіяютъ
Струями межъ листовъ лучи;
У ногъ шумятъ ключи.

Кто сей, къ которому идетъ
Толь весело любезна дѣва,
Какъ къ брату своему сестра,
Какъ къ жениху въ чертогъ невѣста?
Зрю сходство въ ихъ очахъ, чертахъ,
Какъ будто въ близнецахъ.

Кто ты, божественна чета?
Какъ огнь со пламенемъ сближаясь,
Единъ составить хочешь лучъ!
Не ты ли свѣта Богъ прекрасный,
Пришелъ съ небесъ на землю вновь
Торжествовать любовь?

Уже согласіе сердецъ
На нѣжныхъ арфахъ раздается;
Безмолвно слушаетъ земля;
Склонились башни, рощи, горы,
Ревущій водометъ утихъ;
Стоитъ, — глядитъ на нихъ.

На мягкой шелковой травѣ,
Въ долинѣ, миромъ осѣненной,
Гдѣ шепчетъ съ розой чуть зефиръ,
Чуть синій ключъ, журча, віется,
Чуть дышетъ воздухъ ароматъ,
Возлюбленны сидятъ.

Вокругъ ихъ страстныхъ горлицъ вздохъ,
Пѣснь лебедей въ дали несется,
Обнявшися кусты стоятъ,
Роскошствуетъ во всемъ природа;
Все нѣжитъ, оживляетъ кровь,
Все чувствуетъ любовь.

Стрѣла ея средь ихъ сердецъ,
Какъ лучъ межъ двухъ холмовъ кристальныхъ,
По ихъ краямъ съ небесъ летя,
Сперва скользитъ, не проницаетъ;
Но отъ стекла въ стеклѣ блеститъ,
И роза въ нихъ горитъ.

Съ Олимпа множествомъ очесъ
Сквозь твердь на нихъ янтарну смотритъ
Безсмертныхъ ликъ и мать боговъ,
Какъ водъ въ струяхъ звѣзда вечерня,
Съ высотъ любуется собой,
Въ нихъ видя образъ свой.

Все улыбается на нихъ,
Все пламень чистый, непорочный,
Въ сердцахъ ихъ нѣжныхъ и младыхъ
Родящійся, благословляетъ.
Всѣмъ добродѣтель въ нихъ видна,
Какъ въ воздухѣ луна.

Въ златый, блаженный, древній вѣкъ,
Въ красы земли облекшись боги,
Являлися между людьми,
Чтобъ въ образѣ Царей, Героевъ,
Устроивать блаженство ихъ
Примѣромъ дѣлъ благихъ.

Такъ, кажется, и въ нихъ боговъ,
Ихъ чадъ, или Монарховъ племя

Мой восхищенный видитъ духъ:
Онъ бодръ, — и броситъ громы въ злобу;
Она нѣжна, — и сотворитъ
Въ себѣ невиннымъ щитъ.

О коль благословенъ тотъ вѣкъ,
Когда цвѣтущу, благовонну,
Подобны древу своему
Сіи младыя вѣтви будутъ!
Въ тѣняхъ ихъ опочіетъ миръ,
И гласъ раздастся лиръ.

Но не въ мечтѣ ль? иль въ явѣ я
Съ Діаной Аполлона вижу? —
Нѣтъ, нѣтъ! — Се тотъ младый Герой,
Тотъ отрокъ мой порфирородный,
Я чье рожденье воспѣвалъ,
Возросъ и возмужалъ.

Се онъ, которому дары
Сносили Геньи къ колыбели,
И надѣлили всѣмъ его,
Чтобъ быть на тронѣ человѣкомъ,
А въ человѣкѣ Божествомъ,
Всѣхъ согрѣвать лучомъ.

Се онъ съ избранною своей!
Гордись моя, гордися лира
Пророчествомъ теперь твоимъ,
Уже оно почти сбылося;
Мой полубогъ почти ужъ богъ;
Онъ всѣхъ сердца возжогъ.

Россія! радостный токъ слезъ
Пролей, и возведи вкругъ взоры,
И виждь въ трофеяхъ у тебя,
Какъ садъ, Екатерины племя
Цвѣтетъ! да поднебесной всей
Онъ дастъ Царицъ, Царей!

Премудрость возлелѣетъ Ихъ;
Народы, утомясь раздоромъ;
Упросятъ Ихъ собой владѣть. —
Пѣвица славы, Калліопа!
Останься въ звѣздной въ вѣкъ странѣ:
Они здѣсь Музы мнѣ.

═

АМУРЪ И ПСИХЕЯ (НА БАЛЕТЪ, ГДѢ УЧАСТВОВАЛИ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ И ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА).

—

Амуру вздумалось Психею,
Рѣзвяся, поймать,
Опутаться цвѣтами съ нею,
И узелъ завязать.

Прекрасна плѣнница краснѣетъ,
И рвется отъ него;
А онъ какъ будто бы робѣетъ
Отъ случая сего.

Она зоветъ своихъ подружекъ,
Чтобъ узелъ развязать;
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помочь имъ подать.

Пріятность, младость къ нимъ стремятся,
И имъ служить хотятъ;
Но узники не суетятся,
Какъ вкопаны стоятъ.

Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Психея ни бѣжитъ, ни стонетъ:
Свились какъ листъ съ травой.

Такъ будь, чета! вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

═

ПѢСНЬ БРАЧНАЯ ЧЕТѢ ПОРФИРОРОДНОЙ.

—

Высоку пѣснь я возглашаю;
Тебѣ, Господь мой, посвящаю
И лиру и перо мое!
Краснѣйшій всѣхъ сыновъ тѣлесныхъ!
Течетъ изъ устъ, очесъ небесныхъ,
Благоволенье всѣмъ Твое.

Самъ Богъ Тебя благословляетъ,
Величествомъ въ Тебѣ сіяетъ,
И при бедрѣ Твой сильный мечь:
Блеснешь Ты имъ — и ополчишься,
Въ защиту правды устремишься,
Невинныхъ стонъ и вопль пресѣчь.

Ты бросишь громы изъ десницы,
Отъ запада къ вратамъ денницы,
Покажешь чудеса, Герой!
Разсыплешь изощренны стрѣлы,
Распространишь Твои предѣлы,
Попрешь враговъ своей ногой.

Престолъ Твой Богомъ утвердится,
Щедротой скипетръ позлатится,
Явишься Ты Царемъ сердецъ;
Ты добродѣтельныхъ возлюбишь,
Злодѣя добрымъ быть принудишь,
И будешь вдовъ, сиротъ — отецъ.

Во славѣ Богъ Тебя покажетъ,
Елеемъ радости помажетъ
Всѣхъ паче сверстниковъ Твоихъ:
Алое, смирна и кассія
Отъ ризы Твоея драгія
Польютъ здѣсь ароматы ихъ;

И мамонта костей бѣлѣе,
Прозрачнѣй, чище и свѣтлѣе
Созиждется Тебѣ чертогъ.
Но что? — уже во храмъ священный
Вошелъ Богъ, въ младость облеченный!
Плѣняетъ всѣхъ сердца восторгъ.

Мы видимъ, Дщерь ему Царева
Предстала юна, лѣпа дѣва,
А съ Нею, какъ заря, любовь:
Въ монистахъ грудь Ея Офира
Дыханьемъ зыблется зефира
Во плѣнѣ золотыхъ оковъ.

Внемли, о Дщерь и вразумися,
Отъ странъ Твоихъ Ты отрекися,
Отеческой Твой домъ забудь:
Монархъ красы Твоей желаетъ,
Къ Тебѣ онъ руку простираетъ,
И Ты вѣрна ему пребудь.

Тогда Тебѣ дщерь Тирска длани
Простретъ со многоцѣнны дани;
Народы славные почтятъ
Въ душѣ сонмъ доблестей прекрасный;
Пшвенны на одеждахъ рясны
Красой вселенну удивятъ.

И се Чета въ лучахъ порфирныхъ
Грядетъ изъ храма въ звукахъ лирныхъ;
Вкругъ ближніе текутъ за Ней;
Идутъ въ чертогъ въ восклицновеньи,
Въ весельи, въ славѣ, въ восхищеньи
Къ Царицѣ, матери Своей.

Да будетъ Ей соборъ державныхъ
Чадъ Вашихъ, вмѣсто предковъ славныхъ,
Поставленъ править сей народъ!
Вашъ памятникъ да вознесется,
Звѣздъ Вашимъ именемъ коснется,
И Васъ прославитъ въ родъ и родъ!

═

НА РОЖДЕНІЕ
ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ.

—

Едва исчезла темнота,
Лучи златые ниспустились,
Багрянцемъ облака покрылись:
Родилась красота.

Въ лилеи облеклася кровь,
Душа небесная во младость,
Унылое молчанье въ радость:
Родилась любовь.

Любовь! — любовь или краса,
Иль Ольга къ намъ пришла вторая?
Минута свѣтлая, златая
Блаженнаго часа!

Какихъ не видимъ мы добротъ
Въ Твой славный вѣкъ, Екатерина?
Отъ Павла намъ — два исполина,
Маріи — сонмъ красотъ!

Какія громки имена
Въ задатокъ къ подвигамъ безсмертнымъ,
Къ побѣдамъ, милостямъ несчетнымъ
Въ грядущи времена!

Ужъ зрю я съ Сѣвера на Югъ
Свѣтильникъ Ольга возвращаетъ!
Какихъ чудесъ не обѣщаетъ,
Монархиня, Твой духъ?

Тамъ власть раздоръ Монаршу рветъ,
Тамъ Царь свободу угнетаетъ:
Тебя жъ народъ Твой обожаетъ
И матерью зоветъ.

Молитву шлемъ мы къ Небесамъ,
Да продолжать Твои намъ лѣта,
Къ отрадѣ и утѣхѣ свѣта
И въ образецъ Царямъ!

═

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ.

—

Ночь лишь седьмую
Мрачнаго трона
Степень прешла,
Съ Росска Сіона
Звѣзду златую
Смерть сорвала.
Лучъ, покатяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ!

Утрення, ясна,
Тѣнь золотая!
Кратокъ твой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь твой былъ вѣкъ.
Что твое утро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ!

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипокъ,
Вдругъ отъ мороза
Въ лонѣ уснула, —
Свянулъ цвѣтокъ:
Такъ и съ Царевной:
Нѣтъ ужъ въ ней жизни —
Смерть на челѣ!

Къ отчему лону,
Къ Матери нѣжной,
Къ Братьямъ, Сестрамъ,
Къ скипетру, трону,
Къ Бабкѣ любезной,
Къ вѣрнымъ рабамъ,
Милый младенецъ!
Ты ужъ съ улыбкой
Рукъ не прострешь.

Ликъ полутонный,
Тихое пѣнье,
Мрачность одеждъ,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
Въ дымѣ блескъ свѣчъ,
Норда Царицы
Блѣдность, безмолвье —
Страшный позоръ!

Гдѣ вы стѣснились?
Что окружили?
Чей видимъ трупъ?
Иль вы забылись,
Въ гробъ положили
Спящаго тутъ
Ангела въ тѣлѣ? —
Ольга прекрасна
Ангелъ былъ нашъ.

Вижу въ сіяньѣ
Грады эѳира,
Солнцы кругомъ!
Вижу собранье
Горняго міра:
Ангеловъ сонмъ,
Руки простерши,
Ольгу пріемлютъ
Въ свѣтлый свой полкъ.

Вижу блаженну
Чистую душу
Всю изъ огня,
Въ свѣтъ облеченну:
Въ райскую кущу
Идетъ дитя;
Зритъ на Россію,
Зритъ на Петрополь,
Зритъ на родныхъ.

Зритъ на Піиту,
Жизнь и успенье
Кто ея пѣлъ,
Чей въ умиленьѣ
Дождь на ланиту
Искрой летѣлъ;
Слышитъ звукъ лиры,
Томные гласы
Пѣсни моей.

Міра Содѣтель,
Святость и прочность
Царства суть чьи!
Коль добродѣтель
И непорочность
Слуги Твои,
Коихъ ко смертнымъ
Ты посылаешь
Стражами быть:

Даждь, да надъ нами
Ольги блаженной
Плаваетъ духъ;
Чтобъ, какъ очами,
Надъ полвселенной
Неба сей другъ
Зрѣлъ насъ звѣздами,
Дланью багряной
Сыпалъ къ намъ свѣтъ;

Племя Петрово,
Екатерины
Здравьемъ чело,
Сѣнь бы лаврова,
Мирные крины —
Все намъ цвѣло;
Дни бы златые,

Сребряны росы
Съ облакъ лились;

Не было бъ Царства
Въ свѣтѣ другаго
Счастливѣй насъ;
Яда коварства,
Равенства злаго,
Буйства заразъ,
Вольности мнимой,
Ангелъ хранитель,
Насъ ты избавь!

И средь эѳира,
Въ дебри тмозвѣздной,
Въ райской тиши,
Гдѣ днесь Плѣнира,
Другъ мой любезной,
Сердца, души
Въ ней половину,
Геній Россіи,
Призри мою!

Это ты, Петрово племя!
Вы, Екатерины Внуки,
Павла и Маріи Дщери,
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сестры:
Это вы, Княжны младыя!

Это вы, на коихъ нѣжно
Въ шлемѣ бранномъ зритъ Россія —
Подъ трофеями, какъ пальма,
На цвѣты склонясь, улыбкой
Мещетъ тѣнь Екатерина.

КЪ ГРАЦІЯМЪ (НА ПРИДВОРНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА 1793 года).

Что вы, Граціи, такое?
Красота ль вы, или младость?
Вы души, иль тѣла нѣжность?
Вы любви ли милы дщери,
Иль магнитъ, сердца влекущій?

На лугахъ ли вы зеленыхъ,
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы тѣнистыхъ,
И лѣса даютъ прохладу,
Освѣжаетъ воздухъ чувства.

Ахъ! не вы ли на помостѣ,
Средь столповъ и переходовъ,
Въ храмѣ Росскія Богини,
Какъ зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланитахъ
Усмѣхаются лилеи,
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки, —
Вкругъ ихъ звѣзды, солнцы въ персяхъ?

Ахъ! не вы ль, небесны Нимфы,
Воплощенными намъ зритесь,
И сафирными очами
Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца восторги?

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Пошелъ, — и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ.
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ — и Царство покорилъ!
О Россъ! о подвигъ Исполина!
О всемогущая Жена!
Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще? — Уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна,
Какъ ночью звѣздъ стезя, по небѣ протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ
И мудрыхъ удивитъ.
Ужъ ваши имена,
Тріумфъ, побѣды, трудъ не скроютъ времена;
Какъ молньи быстрыя вкругъ міра будутъ течь.
Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечъ;
И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ!
По бранямъ — Александръ, по доблести — Стоикъ,
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ, и въ обоихъ великъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла:
Вихръ полуночный летитъ — богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ;
Ляжетъ на воды — воды кипятъ;
Граду коснется — градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя, предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты ль, Геркулесъ нашъ, новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный?

Твой ли, Суворовъ! се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры твой слѣдъ!
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты, всегда, вездѣ превозмогъ!
Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ, —
Царь въ полону! — Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ Царицѣ твоей непокорнымъ.

И се въ небесномъ вертоградѣ
На злачныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ рощъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ, радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ вождей, Царей —
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ,
Сидитъ, и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ;
Поетъ безсмертныя дѣла.
Уже, какъ молнія, пронзаетъ
Ихъ свѣтлу грудь его хвала;
Златъ медъ блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
Зари играютъ на щекахъ;
На мягкихъ, зыблющихъ перловыхъ
Они, возлегши, облакахъ,
Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
Поющихъ тихострунный хоръ.
Въ безмолвьи сладко утопаютъ,
И, склабя восхищенный взоръ,
Взираютъ съ высоты небесной
На храбрый, вѣрный свой народъ,
Что доблестью, другимъ безвѣстной,
Еще себѣ вѣнцы беретъ,
Еще на высоту восходитъ,
Всевышняго водимъ рукой.
Великій Петръ къ нимъ взоръ низводитъ,
И въ ревности Своей святой,
Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ:
Герои Героямъ говоритъ:

«О вы, сѣдящи въ сѣни райской!
Одѣньтесь въ свѣтлы днесь зари.
Возстань, великій мужъ, Пожарской!
И на Россію посмотри:
Ты усмирилъ ея крамолу,
Избралъ преемника престолу,
Разсадникъ славы насадилъ;
И се — рукой Екатерины
Твои теперь пожаты крины,
Которы сжать я укосилъ.
Она нашъ Домъ распространила,
И славой всѣхъ насъ превзошла;
Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была.» —

Прорекъ Монархъ, и скрылся въ сѣнь.
Герои Росски всколебались;
Сѣдымъ челомъ приподнимались,
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ.

Лежитъ измѣнница, и взоры,
Потупя, обращаетъ вкругъ;
Терзаютъ грудь ея укоры,
Что раздражила кроткій духъ,
Склонилась на совѣтъ змѣиный,
Отвергла щитъ Екатерины,
Не могши дружбы къ Ней сберечь.
И се — днесь надъ Сарматомъ плѣннымъ,
Навѣсясь шлемомъ опереннымъ,
Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Сидитъ орелъ на гидрѣ злобной:
Подите, отнимите, львы!
Стремися съ фуріей, сонмъ грозной!
Герой, отъ Лены до Невы,
Возлегши на лавровомъ полѣ,
Ни съ кѣмъ не съединяясь болѣ,
Лишь мудрой правимый главой,
Щитомъ небеснымъ осѣняясь,
На Вѣру, вѣрность опираясь,
Одной васъ оттолкнетъ ногой.

О стыдъ! о срамъ неимовѣрный!
Быть Россу другомъ — и робѣть!
Пожаръ тушить стараться зѣльный,
И бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
Мнить защищать Монарши правы,
И за корысть лишь воевать;
Желать себѣ безсмертной славы,
И, не сражясь, отступать;
Слыть недругомъ коварству злому,
И чтить его внутрь сердца ядъ!

Но ты, народъ, подобно грому,
Котораго мечи въ дали звучатъ!
Доколѣ твердъ, единодушенъ,
Умѣешь смерть и скорби презирать,
Царю единому послушенъ,
И съ нимъ по Вѣрѣ поборать
По правдѣ будешь лишь войною:
Великій духъ! твой Богъ съ тобою!
На что тебѣ союзъ? — О Россъ!
Шагни — и вся твоя вселенна.

О Ты, Жена благословенна,
У Коей сынъ такой колоссъ!
Къ толикимъ скиптрамъ и коронамъ,
Странамъ, владѣемымъ Тобой,
Со звукомъ, громомъ и со звономъ
Еще одну его рукой
Пріими корону принесенну,
И грудь, во браняхъ утомленну,
Спѣши спокойствомъ врачевать.
Твое ему едино слово
Отраду, духъ, геройство ново
И счастье можетъ даровать.

А ты, кому и Музы внемлютъ,
Младый наперсникъ, чашникъ Кронъ,
Предъ кѣмъ орелъ и громы дремлютъ
И вседробящій молній огнь!
Налей мнѣ кубокъ твой сапфирный,
Звѣздами, перлами кипящъ,
Да нектаръ твой небесный, сильный
На лоно нѣжныхъ Музъ клонящъ,

На мѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
Воспѣть меня возбудитъ миръ.

И се — уже въ странахъ кристальныхъ
Несусь, оставя дольній міръ;
Огнистый солнца конь крылатый
Летитъ по воздуху и ржетъ.
Съ ноздрей дымъ пышетъ синеватый,
Со удилъ пѣна клубомъ бьетъ;
Струями искры сыплютъ взоры;
Какъ овны, убѣгаютъ горы,
И въ Божескомъ восторгѣ семъ
Я вижу въ тишинѣ полсвѣта!

Живи, цвѣти несмѣтны лѣта,
О Царствующая на немъ!
Кто лучшій столькихъ странъ владѣтель,
Какъ не въ коронѣ добродѣтель?

ХОРЪ.

Среди грому, среди звону
Торжествуй, прехрабрый Россъ!
Ты еще теперь корону
Въ даръ Монархинѣ принесъ.
Славься симъ, Екатерина,
О Великая жена!

Гдѣ народъ какой на свѣтѣ,
Кто видалъ и кто слыхалъ,
Что въ единомъ Царство лѣтѣ
И съ Царемъ завоевалъ?
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Чти вселенна, удивляйся
Нашихъ мужеству людей;
Злоба въ сердцѣ содрогайся,
Зря въ насъ твердый щитъ Царей.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Завись, дерзость и коварство
Преклонись, нашъ видя строй!
Безпримѣрно Русско Царство,
И младенецъ въ немъ Герой.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Царедворецъ, жившій нѣжно,
Просится на страшный бой;
Сноситъ трудъ и скорбь прилѣжно,
И на смерть идетъ стѣной.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Пули, ядра, раны смертны,
За Царя пріемлетъ въ даръ;
Награжденья намъ безсмертны
Слово Царско, слава, лавръ.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Я всему предпочитаю
За отечество лить кровь,
Я Плѣниру забываю,
И пою къ нему любовь.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Утѣшайся восхищеньемъ
Чадъ, о матерь, таковымъ!
Ихъ нелестнымъ поклоненьемъ
Добродѣтелямъ Твоимъ.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

ПРОВИДѢНІЕ.

Изъ сада, и зимой цвѣтуща,
Чертога вѣчныя весны,
Въ величествѣ земнаго Бога,
Екатерина, кинувъ взглядъ
На златобисерное небо,
На синюю Неву стоящу,
Готовую пуститься въ Бельтъ,
И обозрѣвъ вокругъ Петрополь,
Улыбкою, веснѣ подобной,
Даритъ отраду всѣмъ и жизнь;

И видя, что вдали, въ томленьѣ,
Со льдами бьется человѣкъ,
Всесильный перстъ къ нему простерши,
Велитъ его извлечь изъ волнъ.
Летятъ крылаты Серафимы,
Усердьемъ пламенные слуги,
И волю божества творятъ:
Едва прошло одно мгновенье,
Уже изъ бездны водной, темной,
Изъятъ, исторгнутъ, извлеченъ.

На твердомъ берегѣ, гранитномъ
Простертъ полмертвый, блѣдный трупъ,
Убогимъ рубищемъ одѣтый;
На посинѣлыхъ смерть устахъ,
И еле слышится дыханье:
Но, Провидѣніе и Благость!
Творите вы лишь чудеса.
Какъ отдыхаетъ злакъ отъ мраза,
Какъ изъ тумана всходитъ солнце,
Такъ возвращаете вы жизнь!

Ужъ теплота ліется въ жилахъ,
И внемлетъ ихъ біенье врачъ;
Ужъ по челу и по ланитамъ
Проникъ багряный огнь, — и грудь,
Какъ ссѣдшая морская пѣна,
Зефиромъ зыблется и дышетъ,

Являя чувствіе и жизнь:
Въ лицѣ прекрасномъ, юномъ, нѣжномъ,
Воскресли розы и лилеи,
И въ нихъ предстала дѣва намъ.

Ведутъ ее передъ чертоги,
И вопрошаютъ съ высоты:
«Кто ты? зачѣмъ вдалась въ опасность?» —
Она отвѣтствуетъ, склонясь
(Въ очахъ ея видна невинность):
— «Чтобъ искупить залогъ священный,
Родительскій послѣдній даръ.
Я шла, на Бога уповая;
Я сира: мать, отецъ оставилъ.»
— «Но Я тебя воспріиму,»

Возвысила Свой гласъ Царица,
И бросила Свой свѣтлый взоръ.
Уже хитонъ, бѣлѣйшій снѣга,
И ферези драгія ей
Несутъ, — и на челѣ высокомъ
Златая лента возблистала,
Монистомъ грудь, — и въ даръ еще
Готовятъ ей богато вѣно;
Въ дверяхъ женихъ, и смерть гдѣ злилась,
Тамъ торжествуетъ днесь любовь.

О Провидѣніе! коль чудны
И благи суть твои пути!
Кто звалъ Императрицу съ трона
И не велѣлъ смирять Ей Царствъ;
Взнесенны удержать перуны,
Вѣсы остановить Ѳемиды,
И, опустя правленья руль,
Въ часы работы черпать воздухъ,
Чтобъ дѣву спасть? — Ты, Провидѣнье!
Въ твоей рукѣ сердца Царей!

Ты возвратило мнѣ Плѣниру!
Тебя, всезряще око, чту:
Когда пути мои невинны,
Когда я сердцемъ, духомъ чистъ,
И соблюсти обѣтъ мой Богу
И вѣрность сохранить Монарху
Дерзаю, на извѣстный рокъ
Теку противъ стремленья бурна:
Ты въ сѣни смертной мнѣ подпора;
А Ты, Екатерина, щитъ!

О благодатная! коль можетъ
Творцу уподобляться тварь:
Всѣхъ болѣе имѣютъ право
Великіе на то Цари,
Когда они съ своихъ престоловъ
Громами ужасаютъ злобу,
Блаженствами дождятъ благихъ,
Отъ смерти къ животу возводятъ.
И Ты, днесь сироту ущедря,
Еще подобна Божеству.

═

ФЛОТЪ.

—

Онъ, бѣлыми взмахнувъ крылами
По зыблющей равнинѣ волнъ,
Пошелъ, — и слѣдомъ пѣна рвами,
И съ страшнымъ шумомъ искры, огнь,
Подъ нимъ въ пучинѣ загорѣлись:
Съ нимъ рядомъ тѣнь его бѣжитъ;
Ширинки съ шлемовъ распростерлись:
Горѣ предъ нимъ орелъ паритъ.

Водимъ Екатерины духомъ,
Побѣдъ и славы громкій сынъ,
Ступай еще, и землю слухомъ
Наполнь, о Россій исполинъ!
Ты смѣло Сциллы и Харибды
И свѣтъ весь прежде проходилъ:
То днесь препятствъ какіе виды?
И кто тебѣ ихъ положилъ?

Ступай — и стань средь Океана,
И брось твоихъ гортаней громъ:
Европа, злобой обуянна,
И гидръ лилейныхъ блѣдный сонмъ
Отъ грозъ твоихъ да потрясется:
Проснется Людвигъ звукомъ лиръ!
Та дщерью Божьей наречется,
Кто дастъ смущеннымъ Царствамъ миръ.

═

ХАРИТЫ (НА РУССКУЮ ПЛЯСКУ ВЕЛИКИХЪ КНЯЖЕНЪ АЛЕКСАНДРЫ И ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ).

—

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ, —
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
«Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочетъ смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?
Обнималъ ли бреннымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
Плясками онѣ своими
Восхищаютъ горній міръ;
Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ;

Какъ вокругъ онѣ спокойно
Величавый мещутъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣхъ движенья стройно
Взору, сердцу говорятъ?
Какъ хитоны ихъ эѳирны,
Льну подобные власы,
Очи свѣтлые, сафирны,
Помрачаютъ всѣхъ красы?
Какъ богини всѣмъ соборомъ
Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ,
И Минерва важнымъ взоромъ
Улыбается имъ въ слѣдъ?
Словомъ: видѣлъ ли картины,
Непостижныя уму?» —
«Видѣлъ внукъ Екатерины,»
Я отвѣтствовалъ ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся;
Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ.
Я струнамъ ея коснулся,
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

НА ПОКОРЕНІЕ ДЕРБЕНТА.

Герой, который мной воспѣтъ,
Что счастья надѣленъ рукою,
И храбростью, и красотою
Въ любви и брани для побѣдъ!
Уже ты днесь не по фортунѣ,
По подвигамъ твоимъ почтенъ.

Едва оставилъ ты гражданъ,
Привязанныхъ къ тебѣ любовью,
Ужъ мечъ твой обагрился кровью
Противныхъ Россамъ Персіянъ;
Но гордый врагъ простеръ лишь выю,
Ты подарилъ ему животъ!

Екатерины лучи
Умножилъ ты побѣдой новой;
Славнѣе тѣмъ вѣнецъ лавровой,
Что взялъ Петровы ты ключи.
Въ столѣтнемъ старцѣ Дарій зрится,
А юный Александръ — въ тебѣ!

О радость! се валятъ ужъ къ намъ
Слоны, богатствомъ нагруженны,
Коврами Инда покровенны!
Народъ по стогнамъ, по домамъ!
Сребро и золото ліется,
Какъ съ неба благотворный дождь!

Но знай: какъ свѣтлый метеоръ,
Такъ блескъ тріумфовъ пролетаетъ;
Почти тогда жъ и исчезаетъ,
Коль скоро удивитъ онъ взоръ;
А добродѣтели святыя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ

Но кто перунъ небесъ несетъ
И вдохновенъ душей Беллоны,
Кому чертежъ даютъ Платоны,
И кротости кто въ слѣдъ идетъ:
Тотъ можетъ многими путями
Войти безсмертія во храмъ.

НА КРЕЩЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ Небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освѣтися!

Се нынѣ духъ Господень
На Отрока сошелъ;
Прекрасенъ, благороденъ,
И какъ заря расцвѣлъ
Онъ въ пеленахъ лучами:
Дитя равняется съ Царями!

Родителямъ по крови,
По сану — исполинъ;
По благости, любови,
Полсвѣта Властелинъ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душей Екатеринѣ равенъ!

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛЪ.

По Сѣверу, по Югу,
Съ Москвы орелъ паритъ;
Всему земному кругу
Полетъ его звучитъ.

О! исполать, ребяты,
Вамъ, Русскіе солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никѣмъ непобѣдимы:
За здравье ваше пьемъ!

Орелъ бросаетъ взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Всѣ бьютъ челомъ ему.

О! исполать вамъ, вои,
Безсмертные Герои,
Румянцевъ и Суворовъ!
За столько славныхъ боевъ:
Мы въ память вашу пьемъ!

Орелъ глядитъ очами
На солнце съ высоты;
Герои подъ шлемами,
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вамъ, Росски Амазонки!
Вы въ мужествѣ почтенны,
Вы въ нѣжности любезны:
Здоровье ваше пьемъ!

ПОБѢДА КРАСОТЫ.

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ:
Притекъ къ Аѳинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.

Она копья непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.

Пошла, — и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней;
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

Левъ шелъ, — и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ;
Но, встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ, и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кротвія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣрпнаго Царя,

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть;
Цвѣточной цѣпью привязала,
И отдала любви во власть.

Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;
Красою мужество сражалось,
И побѣждала все любовь.

НА КОНЧИНУ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,
И ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ
ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

(Съ Еврейскаго.)

Простря крилѣ, Екатерина
Лишь вознеслася къ Богу въ свѣтъ,
Увы! упала съ насъ корона,
И Матери народовъ нѣтъ!
Защитницы нѣтъ, равной львицѣ,
И въ скорби лишь отрада намъ,

Что въ домъ Она Свой возвратилась,
Въ домъ Ангеловъ, вкусить Свой трудъ;
Что по Себѣ не только славу
Оставила, но Божіи даръ,
Отца отечества намъ — Павла:
Коль львица мать была, — сынъ левъ!

Богъ силъ въ Тебѣ! рожденъ Ты мудрымъ:
На правдѣ утвердилъ Свой тронъ;
Щедротъ и милостей льешь рѣки;
Твой домъ — домъ мира; садъ — Сыны;
Златый вѣнецъ — Супруга Дщери:
Се друга Божья, смертныхъ — часть!

На Тронъ вступилъ Ты, и мгновенно
Отеръ токъ слезъ со всѣхъ ланитъ;
Твой мечь въ полкахъ несчетныхъ блещетъ
Для мира больше и для благъ,
Которы не изсякнутъ вѣчно.
Ясна заря — и вечеръ свѣтлъ.

Какъ новая звѣзда, возникнувъ,
Лучи пріятны льетъ очамъ;
Живущи на нее всѣ смотрятъ:
Такъ на Тебя, всемощный Царь,
Зритъ міръ, напастьми угнетенный,
И ждетъ, что усмиришь Ты зло.

Престолъ Твой окруженъ морями;
Межъ нихъ — языковъ тмы: мольба

Звучнѣй возносится, чѣмъ волны;
Воззри! Израильтяновъ родъ
Свои колѣна преклоняетъ:
Ты жертву ихъ прими, какъ Богъ.

НА СМЕРТЬ НАРЫШКИНА.

Падущая съ небесъ рѣка!
Токъ свѣтлыхъ, безпрерывныхъ водъ!
Чья всемогущая рука,
О время! о минувшій годъ!
Твое теченье прекратила?
Какая мгла тебя сокрыла?
Гдѣ дѣлись дни, часы твои?
Гдѣ разновидныхъ дѣлъ струи?

Являло ль солнце красоту,
Блистало ль лаврами чело,
Когда побѣдъ на высоту
Всходилъ Алкидъ? — И все прошло!
Ужъ не на верхъ теперь Альпійскій
Орелъ склоняетъ свой полетъ,
Но въ долъ подъ сосны Боровицки: —
Все вѣчности жерло пожретъ.

Что было, то не придетъ вспять;
Проходитъ что, то въ мигъ пройдетъ;
Что будетъ впредь, — не можно знать;
И вотъ Нарышкина ужъ нѣтъ!
Нѣтъ въ домѣ семъ храмоподобномъ,
Веселомъ, свѣтломъ, благовонномъ,
Гдѣ жизнь цвѣла, довольствъ полна;
Но плачъ, и тьма, и тишина.

Увы! вотъ тотъ зеленый дубъ,
Вкругъ коего на дернѣ тѣнь,
Цвѣты и запахъ злачныхъ купъ
Гражданъ отвсюду въ ясный день,
Какъ птицъ, сзывали для витанья;
Гдѣ игры, шутки, рѣзвость, смѣхъ
И дружества рукоплесканье
Звучало по слѣдамъ утѣхъ.

Увы! вотъ тотъ чертогъ,
Гдѣ зодчества, убранства вкусъ
Вели всѣхъ зрителей въ восторгъ,
И гдѣ подъ сладкимъ пѣньемъ Музъ
Козловскаго плѣняли звуки;
Гдѣ ты гостей, простерши руки,
Безъ всякихъ сборовъ и суетъ,
За дружескій сажалъ обѣдъ.

Увы! вотъ тотъ изящный храмъ,
Гдѣ купольный, тмозвѣздный сводъ
Осіявалъ изъ разныхъ странъ
Сбиравшійся къ тебѣ народъ;
Гдѣ ты угощевалъ Фелицу,
И Лель своихъ во пляскахъ жертвъ
Въ цвѣточную вязалъ плѣницу,
Гдѣ ты... ахъ ты лежишь тутъ мертвъ!

Ты мертвъ! — и все прошло? Нѣтъ живъ,
Ты живъ въ сердцахъ твоихъ друзей.
Хотя печальный гробъ, сокрывъ,
Тебя лишилъ ихъ въ жизни сей;
Но ласкъ твоихъ и угощеній
Живутъ лучи въ воображеньи,
Живешь въ слезахъ блестящихъ ихъ
Ты въ вѣкъ. — Се бисеръ чадъ твоихъ!

Придите дѣвы юны, нѣжны,
Три Грацьи, отрасли его!
И трупъ облобызавъ священный,
Оставленное отъ него
Въ приданство перло вы возьмите:
Въ немъ кладъ блаженства вамъ сокрытъ;
Гласъ добродушія внемлите;
Се дѣдъ изъ гроба говоритъ:

«Дѣла великія дивятъ,
Но зависть ихъ вокругъ шипитъ,
И добродѣтели темнятъ
Прекрасный часто страсти видъ:
Но кто ни родомъ, ни богатствомъ,
Ни знатнымъ чиномъ, а пріятствомъ
Себѣ почтенье заслужилъ,
Тотъ въ жизни и по смерти милъ.»

Такъ, смертный! зиждетъ лишь отцовъ
Благословенье, чадъ ихъ домъ;
А матернихъ проклятье словъ
Преобращаетъ все вверхъ дномъ:
Не ставь слезъ сирыхъ за игрушку,
Чужихъ стяжаній не желай;
Брось бѣдному въ кошель полушку,
И отвори себѣ тѣмъ рай.

Проходитъ наша жизнь, какъ мигъ;
Но видны и по насъ слѣды
Дѣлъ нашихъ, добрыхъ или злыхъ,
Какъ въ морѣ за кормой бразды.
Поставимъ же себѣ предметомъ,
Чтобъ съ симъ разлука наша свѣтомъ
Какъ прямовидность средь садовъ,
Была наполнена цвѣтовъ.

КЪ МУЗѢ (НА КОРОНОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА).

—

Строй, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Какъ нѣжною она рукой
На небо, море, голубую,
На долы и вершины горъ
Зелену ризу надѣваетъ;
Вкругъ ароматы разливаетъ,
Всѣмъ осклабляетъ взоръ.

Смотри, какъ цѣпью птицъ станицы
Летятъ подъ небомъ и трубятъ;
Какъ жаворонки вверхъ парятъ:
Какъ гусли тихи, иль цѣвницы,
Звенятъ ихъ гласы съ облаковъ;
Какъ ключъ шумитъ, свирѣль взываетъ,
И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
Свистъ громкій соловьевъ.

Смотри: въ проталинахъ желтѣютъ,
Какъ звѣзды, межъ снѣговъ цвѣты;
Какъ распустившись розъ кусты
Смѣются въ люлькахъ и алѣютъ;
Сквозь мглу восходитъ злакъ челомъ,
Лѣса вѣтвями помаваютъ,
По рдяну водъ стеклу мелькаютъ
Вверхъ рыбы сребромъ.

Смотри, какъ солнце золотое
Днесь лучезарнѣе горитъ;
Небесное лице глядитъ
На всѣхъ, веселое, младое;
И будто вся играетъ тварь,
Природа блещетъ, восклицаетъ:
Или какой себя вѣнчаетъ,
Короной міра Царь?

═

ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА (НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ИЗЪ МОСКВЫ).

—

Тише, тише, вѣтры, вѣйте,
Благовоніемъ дыша;
Пурпуровымъ златомъ рдѣйте,
Воды, долы — и душа,
Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
Пробудися свѣтлымъ днёмъ:
Встань ты выше, выше, холмъ!

Въ лучезарной колесницѣ
Отъ Востока Фебъ идетъ:
Внизъ съ раменъ по багряницѣ
Въ кудряхъ золото течетъ;
А отъ лиры сладкострунной
Божій тихій гласъ перунной
Такъ рѣками въ долъ падетъ,
Какъ съ небесъ лазурный свѣтъ.

Утренней зари прекрасной,
Дней веселыхъ свѣтлый Царь!
Ты, который дланью властной
Сыплешь свѣтъ и жизнь на тварь,
Правя легкими вожжами,
Искрометными конями
Обтекаешь міръ кругомъ,
Стань предъ насъ своимъ лицемъ!

Возсіяй въ твоей коронѣ,
Давъ лунѣ и лику звѣздъ,
На твоемъ отдѣльномъ тронѣ,
Твой лучистый, милый свѣтъ!
Стань скорѣй предъ жадны взоры,
Да поютъ и наши хоры
Радостныхъ отца сыновъ
Славу, счастье и любовь.

═

НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ.

—

Занесъ послѣдній шагъ, и въ вѣчность
Ступя, сокрылся прошлый годъ;
Пожрала мрачна неизвѣстность
Его стремленье, быстрый ходъ.
Гдѣ ризы свѣтлы, златозарны?
Гдѣ взоры голубыхъ очесъ?
Гдѣ вѣкъ Екатерины славный?
Ужъ нѣтъ ихъ! — Въ высотѣ небесъ
Явился Новый годъ намъ въ мірѣ,
И Павелъ въ блещущей порфирѣ.

Онъ поднялъ скиптръ — и пробѣжала
Струя съ небесъ во мракъ темницъ;
Цѣпь звучно съ узниковъ упала,
И процвѣла ихъ блѣдность лицъ;
Въ объятьяхъ семьи восхищенныхъ
Облобызали возвращенныхъ
Сыновъ, и братьевъ, и мужей;
Плоды трудовъ, свой хлѣбъ насущный,
Узрѣлъ всякъ въ житницѣ своей.
Подобно, утра Царь воздушный,
Выходитъ солнце въ подвигъ свой:
Блеснетъ лишь посреди эфира,
Бываетъ благодѣтель міра
Отрадой, свѣтомъ, теплотой.

Онъ принялъ мечъ — и лучъ горящій
Въ рукѣ Его увидѣлъ врагъ;
Пронесся духъ животворящій
Въ градахъ, въ домахъ, въ полкахъ, въ судахъ.

Всѣхъ ранній пѣтелъ возбуждаетъ,
Отъ сна всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ,
И долгъ свой тщательно творитъ;
Всякъ движется, стремится, внемлетъ:
На стогнѣ крѣпко стражъ стоитъ,
Передъ зерцаломъ судъ не дремлетъ,
Скрываетъ злость главу свою
Подъ Царскимъ бдительнымъ призоромъ:
Орелъ съ высотъ такъ быстрымъ взоромъ
Шипящу въ мракѣ зритъ змію.

Возсѣлъ на тронъ — и освѣтилась
Душа Его огнемъ щедротъ:
Сѣдина почестьми покрылась;
Сбираютъ бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ,
Увѣчныхъ воевъ награждаютъ;
Прощенье недруги внимаютъ,
Заслуги получаютъ мзду.
Такъ Богъ въ величіи, во славѣ,
Во благовременну чреду,
Льетъ благодать Своей державѣ
Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
Всѣ руки къ небу воздѣваютъ,
И отъ Него всѣ ожидаютъ
Себѣ возможныхъ твари благъ.

Россія, лавромъ отягченну
Отъ браней вознеся главу,
Внимаетъ черезъ всю вселенну
Гремящую о Немъ молву:
Кто сей, щедрѣй Екатерины,
И ревностнѣй еще Петра?
Садитъ въ сердца блаженства крины,
Потоки злата и сребра
Воздержностью пролить желаетъ,
Собою роскошь истребляетъ?

Кто сей, по образу Атланта,
На рамена поднявшій свѣтъ,
Шагами твердыми гиганта
Неробко чести въ храмъ идетъ?
Грозитъ противнымъ не войною,
Но мирной, масличной лозою,
Нося при ней готовый громъ?
Онъ дерзкихъ взглядомъ усмиряетъ;
Христова церковь Павла въ нёмъ,
Избранный тотъ сосудъ встрѣчаетъ,
Который миръ, любовь и свѣтъ,
Всѣ добродѣтели во нравы
И жажду неземныя славы
Въ благочестивы души льетъ;

Кто мудръ ума по просвѣщенью,
А сердцемъ больше щедръ и благъ;
Аттиллѣ въ слѣдъ, къ распространенью
Границъ, не ступитъ ни на шагъ.
Въ той истинѣ увѣренъ твердо,
Что Царство не войной цвѣтетъ,
Онъ кровь народовъ милосердо
Своихъ и вражіихъ блюдетъ.
Водимый истиной святою,
Законовъ подъ одной чертою,
Полсвѣту скорый судъ даритъ;
Обогатитъ торговлей грады,
Плодомъ, стадами вертограды,
Людьми пустыни заселитъ;

По долгу строгъ и правосуденъ,
Но нѣженъ, милостивъ душей;
На казнь жестоку медленъ, труденъ:
Ждетъ исправленія людей;
Виновныхъ милуетъ, прощаетъ,
Несчастныхъ слезы отираетъ,
Покоемъ жертвуетъ драгимъ,
Участвовать въ трудахъ Супругѣ
И Сыновьямъ велитъ Своимъ;
Чистосердечья ищетъ въ другѣ,
Блаженствомъ общимъ дорожитъ;
Народной споспѣшая льготѣ,
По доблести и по щедротѣ
Аврелій зрится въ Немъ и Титъ.

Лети, о Новый годъ! ты смѣло
Съ сей вѣстью Россскихъ въ слухъ сыновъ;
Свершай предположенно дѣло
Судьбами искони вѣковъ;
Спѣши во древнюю Столицу,
Обрадуй тысячи сердецъ,
Надѣнь на Павла багряницу
И на главу Его вѣнецъ
Взложи отъ камени честнаго,
Въ залогъ намъ вѣка золотаго;

Спѣши, укрась Его супругу
Подобно почестью Царя,
Веселье лей земному кругу,
Какъ восходящая заря;
Вамъ будущихъ вѣковъ блаженныхъ,
Обильныхъ, мирныхъ, несравненныхъ.
Начальникъ красный будь и вождь!
Да съ твоего отнынь полета
Во благовременьи намъ дождь
Весной прольется и средь лѣта,
И нѣдра напоивъ земли,
Произраститъ златыя нивы;
А вѣтры, парусъ вздувъ игривый,
Поставятъ въ пристань корабли;

Да мы, подъ Павловымъ владѣньемъ,
Еще свѣтлѣе процвѣтемъ,
И вѣкъ Его безсмертнымъ пѣньемъ
На лирахъ сердца воспоемъ;
Побѣды громки позабудемъ,
И всѣхъ земныхъ народовъ будемъ
Счастливѣй внутрь, а внѣ сильнѣй;
О бывшемъ не вздохнемъ блаженствѣ,
Коль будетъ духъ нашъ благъ полнѣй,
Коль предуспѣемъ въ совершенствѣ,
Въ дѣлахъ и мира и войны;
Да здравье намъ цвѣтетъ Царево,
И Домъ Его, какъ райско древо,
Супруга, Дщери и Сыны!

А ты, о Вождь полковъ нетлѣнныхъ,
Летѣлъ что средь небесныхъ силъ

Ко дню твоихъ торжествъ священныхъ,
Какъ Павелъ на престолъ всходилъ!
Храня Его твоей рукою,
Временъ впредь цѣпью золотою
Крылаты годы сопряги;
Веди Ихъ всѣхъ цвѣтовъ стезями
И счастье Россовъ береги,
Да съ вѣрными Себѣ сынами
Отецъ нашъ въ вѣкъ не узритъ зла;
Но брань ли взникнетъ, иль коварство,
Вкругъ облесни мечемъ ты Царство, —
И ихъ слѣды покроетъ мгла!

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЕСНЫ (НА ПОСѢЩЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ).

Возвращается Весна,
И Хариты вкругъ блистаютъ,
Взоры смертныхъ привлекаютъ.
Гдѣ стоитъ, грядетъ она,
Воздухъ дышетъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешуятся рѣки златомъ;
Рощи, въ зеркалы смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качаютъ
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхаютъ,
Зелень всюду и цвѣтки
Стелютъ по землѣ коврами;
Рыбы мечутся изъ водъ;
Журавли, віясь кругами
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ валторны возглашаютъ;
Соловей гремитъ въ кустахъ;
Звѣри прыгаютъ, брыкаютъ;
Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ;
Горстью нахарь дождь на нивы
Сѣетъ вкругъ себя златой;
Бѣлы парусы игривы
Вздулись на морѣ горой;
Вся Природа торжествуетъ,
Празднуетъ Весны приходъ;
Все играетъ, все ликуетъ.
Нимфы! станьте въ хороводъ,
И въ бѣлѣйшия снѣга ткани
Облеченны, изо льну,
Простирайте нѣжны длани,
Принимайте вы Весну;
А въ цвѣтахъ ея щедроты,
А въ зефирахъ огнь сердцамъ.
Съ нею къ вамъ летятъ Эроты:
Безъ любви нельзя жить вамъ.

ПРАЗДНИКЪ ВОСПИТАННИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Если бъ умъ какой чудесный
Столь возвыситься возмогъ,
Чтобъ, проникнувъ сводъ небесный,
Въ горній возлетѣлъ чертогъ,
И средь тучъ тамъ бирюзовыхъ,
Будто множество зарницъ,
Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
Миріады свѣтлыхъ лицъ,
Въ ризахъ блещущихъ, эѳирныхъ,
Видѣлъ ангеловъ небесъ;
Съ ихъ агатныхъ, иль сафирныхъ
Черпалъ бы восторгъ очесъ;
Красоты ихъ лучъ небесной
Изумлялъ бы слабый взоръ;
Ихъ гармоніи прелестной
Тихій, умиленный хоръ,
Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
Нѣжно трогали бы слухъ;
Райскихъ древъ благоуханье
Сладко упояло духъ;
Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать,
И внималъ, что уши бренны
Неудобны въ слухъ внимать;
Слышалъ, Серафимовъ хоры
Какъ Царя Царей поютъ,
Какъ вперенные ихъ взоры
Свѣтъ съ Него и радость пьютъ:
Тотъ возмогъ бы, по сравненью
Сихъ божественныхъ чудесъ,
Живо описать, къ видѣнью
Россиихъ мысленныхъ очесъ,
Какъ полсвѣта Повелитель
И Его любезный Домъ,
Павелъ, посѣщалъ обитель,
Юныхъ дѣвъ священный сонмъ;
Какъ онѣ Его встрѣчали,
Будто Бога, иль отца;
Пѣньемъ души восхищали,
А красою всѣхъ сердца; —

Или, если бы рожденье
На водахъ кто зрѣлъ Весны
И ея въ лучахъ явленье
Изъ кристальныя волны;
Съ холма кинувъ быстро око
На прекрасный Волги брегъ,
Гдѣ, разлившися широко
И склоняя свѣтлый бѣгъ
На Каспійско море сткляно,
Злачныхъ горъ она въ тѣни,
Море гладко, златордяно,
Представляетъ въ ясны дни;
Тамъ бы на песчаныхъ стогнахъ
Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада,
Что, собравшись въ милліонахъ,

Какъ снѣговъ лежитъ гряда;
Кроткія межъ нихъ колпицы
Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
Сребророзовыя птицы
Лоснятся поверхъ зыбей,
И шурмуютъ, и играютъ
И трепещутся средь волнъ,
Съ перьевъ бисеръ отряхаютъ,
Разноцвѣтный влажный огнь;
Зрѣлъ бы, какъ, сплетясь крылами,
Ходятъ по мелямъ стѣной,
Вдаль расплывшися кругами,
Кличутся промежъ собой;
Громкій голосъ ихъ несется
По водамъ и по полямъ;
Гулъ отъ холмовъ раздается,
Изъ-за рощей тихій гамъ:
Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
Ту картину начертать,
Какъ Марію несравненну,
Нѣжную Россіи мать,
Юны дѣвы принимали
Во святилищѣ своемъ,
Благоговѣйно предстояли
Предъ Величества лицемъ;
Въ темной зеленью аллеѣ,
Древъ подровненныхъ въ тѣни,
Снѣга самаго бѣлѣе,
Легче воздуха въ ткани,
Передъ Ней онѣ играли
На помостѣ золотомъ,
Пѣли, прыгали, плясали
И рядами и кругомъ;
Въ даръ священный приносили
Рукъ издѣліе своихъ;
Не сокровища дарили,
Но сердецъ преданность ихъ;
Лишь того искали взоромъ
И желали всей душей,
Чтобъ почтила разговоромъ,
Иль улыбкой ихъ Своей;
А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто средн птицъ Весна,
Къ дѣтямъ взоръ бросая нѣжной,
Зрѣлась Божествомъ Она; —

Иль, когда бы къ баснословнымъ
Кто восхитясь временамъ,
Къ славнымъ, свѣтлымъ, благовоннымъ
На Олимпъ восшелъ пирамъ,
И увидѣлъ бы на онόмъ
Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
Подъ янтарнымъ небосклономъ
Въ хладную пещеру входъ,
И младыхъ къ ней Нимфъ прекрасныхъ,
Славнымъ пиромъ, на столахъ,
На узорчатыхъ, атласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скатертяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣтителей боговъ;
Какъ хитоны ихъ опрятно,
Въ узлы легкихъ облаковъ
Подобравъ онѣ пристойно
Лентами зарей цвѣтныхъ,
Сановито и спокойно
Ходятъ вкругъ гостей своихъ;
Какъ съ улыбкой благородной,
Съ наклоненіемъ чела,
Милой поступью, свободной
Къ гостю каждая пришла;
Принесли имъ: тѣ въ корзинахъ,
Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
Въ разноцвѣтныхъ тѣ кувшинахъ,
Въ блюдахъ сребряныхъ, златыхъ,
Сочножелтые, багряны,
Вкусноспѣлые плоды,
Въ хрусталяхъ напитки хладны,
Сладки, искрометны льды;
Какъ тамъ боги и богини,
Осклабляяся, глядятъ,
Со герои, съ героини
Яствы сахарны ядятъ;
Какъ амброзія небесна
Въ алыхъ таетъ ихъ устахъ,
Разсыпается чудесна
Пища райская въ рукахъ;
Льется въ медѣ благовонномъ
Всипламеняющій нектарь,
Въ сокѣ розовомъ, перловомъ
Мразъ, гасящій зноя жаръ:
Тотъ бы внятно могъ и живо
Описать сей праздникъ намъ,
Торжество то справедливо
И пріятное очамъ,
Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
Рукъ художествомъ, журчатъ,
Къ большей прелести природы,
На прекрасный Невскій брегъ
Льющіесь съ эѳира воды,
Для прохладъ и для утѣхъ;
Гдѣ усердіе являли,
И въ привѣтствіе гостямъ
Дѣвы славный полдникъ дали
И Царицамъ и Царямъ;
Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зрителей водили взоры
Межъ утѣхъ и межъ прохладъ; —

Иль, — когда уже Зефиры
Начинаютъ влажно дуть,
Боги въ мягкіе сафиры
Идутъ съ пиршествъ отдохнуть,
Какъ златыя Феба стрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользятъ,
Вечеръ потемняетъ селы,
Окна пламенемъ горятъ —
Если бъ смертный дерзновенный
Кто отважиться столь смѣлъ,
Чтобъ таинственны, священны
Игры древнія хотѣлъ
Зрѣть украдкой среди нощи,
И по спутаннымъ тропамъ
Проходя кедровой рощи,

Вдругъ увидѣлъ Весты храмъ;
Зрѣлъ вокругъ его, Весталей
Какъ прохаживаетъ строй;
Огнь виситъ внутри кристалей,
Во треножникѣ струей
Послѣ жертвы дымъ курится;
Предъ священнымъ олтарёмъ
Каждая дѣвица зрится
Съ преклонившимся челомъ,
Скромной блещущи красою,
Важности святой полна,
Подъ прозрачною фатою,
Будто сквозь туманъ луна:
Купно всѣ съ благоговѣньемъ
Жертвенникъ обходятъ вкругъ,
И съ тимпановъ удареньемъ
На колѣни падши вдругъ
Передъ образомъ Богини,
Славословіе поютъ;
За дары, за благостыни,
Въ жертву ей цвѣты кладутъ;
И гласятъ: »О, земнороднымъ
Божествамъ прекрасна Мать!
Если взоромъ благосклоннымъ
Соизволишь призирать
Дѣвъ, Тобою воскормленныхъ,
И прошенью внемлешь ихъ:
То внуши молитвъ усердныхъ
Гласъ воспитанницъ Твоихъ,
И даруй, да подъ покровомъ
Матерней руки Твоей,
Благоправья въ блескѣ новомъ,
Непорочности стезей,
Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою
И достойными Тебя
Будемъ жизнію святою,
Добродѣтель въ вѣкъ любя;»
Зрѣлъ потомъ бы ихъ въ гуляньѣ
Средь цвѣтущихъ красныхъ мѣстъ,
Въ разноцвѣтномъ гдѣ сіяньѣ
Лѣсъ блисталъ лучами звѣздъ;
Какъ съ невинностью, питая
Хладъ безстрастія въ крови,
Забавлялися, не зная
Сладостныхъ заразъ любви;
Какъ сокрывшись въ листья, въ гроты,
И облекшись въ темну ночь,
Мѣтятъ тщетно въ нихъ Эроты,
И летятъ съ досадой прочь;
Видѣлъ бы, и тайный зритель
Древнихъ праздниковъ святыхъ,
Игръ сихъ вѣрный былъ сравнитель
Русской Весты дѣвъ младыхъ,
Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
День рожденья ихъ Царицы
Проводили торжествомъ.
Вся Россія возставала
Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ;
Слезы радости роняла;
Такъ привѣтствовала ихъ:
«Я покоюсь послѣ боевъ, —
Процвѣтайте въ тишинѣ;
Будьте матери Героевъ,
И подпорой твердой мнѣ.»

КАНТАТА (ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ).

Щедротъ источникъ, Россовъ радость,
Посланница и другъ Небесъ!
Которой льютъ уста намъ сладость,
А взоры — жизнь и свѣтъ очесъ.
Тобой блаженство мы вкушаемъ,
Тобой мы дышемъ и живемъ;
Тебѣ сердца мы посвящаемъ,
И благодарну пѣснь поемъ.
О наша мать! сердецъ Царица!
О Ангелъ, а не человѣкъ!
О кротка Сѣвера денница!
Сіяй и озаряй насъ въ вѣкъ.

ВВЕДЕНІЕ СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ.

Восшелъ Давидъ въ сѣнь правды,
А съ нимъ и Соломонъ, —
Гдѣ казнь на злыхъ, благимъ награды,
Законы врѣзанны святымъ жезломъ
Въ скрижаль сапфирну, вкругъ златую,
Хранимы въ родъ и родъ, — восшелъ и сѣлъ на тронъ!
Велѣлъ съ собой возсѣсть и сыну одесную;
Старѣйшины предъ нимъ, склонившися челомъ,
По манію его возсѣли,
Въ молчаньи, на своихъ мѣстахъ.
Невидимо на высотахъ
Псалтири струны загремѣли.

«Боже! дай Царю Твой судъ
«И Цареву сыну правду,
«Да народу подадутъ
«И защиту и награду;

«Да на горы миръ сойдетъ,
«Правосудіе въ долины;
«Бѣдныхъ да спасетъ отъ бѣдъ,
«Плачущихъ отъ злой судьбины;

«Да смиритъ клеветниковъ,
«И, какъ солнце ввѣкъ сіяетъ
«И луна межъ облаковъ,
«Такъ блистать на тронѣ станетъ;

«Такъ сойдетъ онъ въ низкій домъ
«Съ высочайшаго престола,
«Какъ снисходитъ дождь на холмъ
«И роса на сушу дола;

«Истина во всѣхъ сердцахъ,
«Правда въ людяхъ поселится,
«И въ его блаженныхъ дняхъ
«Счастіе возобновится;

«Падши, пыль полижутъ ногъ
«Орды передъ нимъ Азійски,
«И безцѣнности въ залогъ
«Принесутъ Цари Ѳарсійски:

«Да помолятся уму
«Въ немъ подсолнечной владыки
«Поработаютъ ему,
«Подчинившися, языки;

«И покажутъ, что онъ былъ
«Щитъ отъ сильныхъ всѣмъ безсильнымъ,
«Вдовъ и сирыхъ прокормилъ
«Токомъ благости обильнымъ,

«Подданныхъ жалѣлъ лить кровь,
«Ограждалъ отъ лихвъ, неправды,
«И къ себѣ ихъ чтилъ любовь
«Выше всякія награды;

«Долги будутъ дни ему,
«Злато потечетъ рѣкою;
«Дань легко дадутъ тому,
«Кто любимъ отъ всѣхъ душою;

«Нивы на вершинахъ горъ,
«Садъ Ливанскій расплодится;
«Градъ, поля восхитятъ взоръ,
«Въ нихъ блаженство водворится;

«Пальма, лавръ увьютъ чело,
«Славою украсятъ вѣчной,
«Чтобы имя процвѣло
«Похвалой чистосердечной.»

Какъ лучъ, на верхъ Ерусалима
Снеслася благодать, — Израилъ зрѣлъ.
«Да будетъ ввѣкъ,« въ восторгѣ пѣлъ:
«Еговы длань благословима,
«Пріосѣняющая насъ!« —
За симъ умолкъ псалтири гласъ.

═

НА НОВЫЙ 1798 ГОДЪ.

—

Младой сынъ солнца на подлунный
Сей шаръ сошелъ небесъ тропой.
Кто вѣсть, какіе жребьи чудны,
Изъ урны вынувъ роковой,
Онъ броситъ по лицу земному?
Гдѣ повелитъ ударить грому?
Гдѣ радугѣ изъ тучъ блистать?

Кто вѣсть, что тайно злоба люта
Предпринимаетъ средь коварствъ?
И близъ-грядущая минута
Премѣной не чревата ль Царствъ?
Быть можетъ, горы провалятся,
На почвѣ ихъ моря явятся,
Для созерцанья новыхъ звѣздъ.

Кто вѣсть, что Галскій Витязь Риму
Словами только вольность давъ,
Надѣть боялся діадиму;
Но что, гордыней обуявъ,
Еще на шагъ рѣшится смѣлый,
И какъ Сампсонъ, столпы дебелы
Сломивъ, падетъ подъ ними самъ?

Мы видимъ троны сокрушенны
И падшихъ съ нихъ земныхъ боговъ.
На ихъ развалинахъ рожденны,
Не расцвѣтутъ ли Царства вновь?
Мы ведро зримъ по непогодѣ:
Блиставшій на своемъ восходѣ,
Не тмился ль часто въ полдень Фебъ?

Мы зрѣли подлость ко престолу
Ползущую въ подобьѣ змѣй,
Главу склоняющую долу,
Но жалющу въ сердца людей;
Баконовъ и Мазепъ видали,
Которые хулу сплетали
На благодѣтелей своихъ.

Но что! — Не такъ ли ввѣкъ вратится
Въ добрѣ и злѣ тревожный свѣтъ?
Здѣсь свѣтелъ океанъ сей зрится,
Тамъ мраченъ, яръ, исполненъ бѣдъ;
Струя, въ пучинѣ погруженна,
Взбѣжавъ сверхъ волнъ, и освѣщенна,
Блеститъ зарницей вдругъ, какъ лучъ!

Но тотъ блаженнѣе, кто въ тихомъ
Заливѣ совѣсти почивъ,
Не загруженъ добромъ, ни лихомъ,
Страстей вѣтрила опустивъ,
Ума на якорѣ глубокомъ
Сталъ въ челнѣ, и спокойнымъ окомъ
На суету мірскую зритъ;

Предавшися Всевышней волѣ
Свой вѣрно исполняя долгъ,

Славнѣйшей не завидитъ долѣ.
Онъ знаетъ, что даетъ то Богъ;
Что Богъ лишь свѣтомъ управляетъ:
Тѣхъ взводитъ, сихъ уничижаетъ;
Тѣхъ милуетъ, а сихъ казнитъ.

НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

Куда, силъ грозныхъ Воевода!
Надѣвъ огнепернатый шлемъ,
На бедро лучъ, съ небесна свода
Ты радужнымъ течешь путемъ?
Спустился, зрю, на полвселенну,
На Павловъ и Маріинъ Домъ,
И къ Отроку новорожденну
Осклабленнымъ приникъ лицомъ.

«Азъ есмь» — вѣщалъ — *«кто равенъ Богу!*
Дитя! симъ именемъ зовись;
Стань браней, мира на дорогу;
Въ доспѣхи правды облекись;
Прими духъ мужества, духъ силы,
Лучъ свѣта, званье, образъ мой,
И горняго паренья крилы:
Архангелъ я и пѣстунъ Твой.

«Избраньемъ древле Я корону
На Предка Твоего надѣлъ;
Недавно въ слѣдъ Отцу ко трону
Незримымъ спутникомъ летѣлъ;
Небесъ Имъ поборала сила:
Прими!» — И лишь свершилъ онъ рѣчь,
Порфира Отрока покрыла,
И препоясалъ молніи мечъ.

Едва почули Громовержца
Перуны Росски въ пеленахъ,
На нѣжный гласъ сего младенца
Въ трехъ-сотныхъ отдались громахъ;
Россія блескомъ озарилась,
Усердія къ Царямъ полна:
Такъ свѣтлымъ токомъ слезъ покрылась,
Какъ сребрянымъ дождемъ луна.

«Подаждь, вселенной Вседержитель!»
Взываетъ къ звѣздной вышинѣ:
«Да юный молніи носитель
Михаилъ древній будетъ мнѣ!
Пресѣкъ нестройство тотъ, крамолу,
Началомъ славы былъ моей,
А Сей, подпорой ставъ престолу,
Да царствуетъ въ сердцахъ людей!» —

Уже Хранителя небесна
Мой духъ вездѣ съ младенцемъ зритъ:
При люлькѣ, среди сна прелестна,
Надъ Нимъ, простря крилѣ, стоитъ;
Ѳирную приноситъ манну;
Играетъ солнечнымъ лучомъ,
И въ грудь, на подвиги избранну,
Вливаетъ Божій страхъ съ млекомъ:

То взводитъ онъ Его на гору,
То ходитъ съ Нимъ среди долинъ;
Его младому кажетъ взору
На высотѣ полетъ орлинъ:
Смотри, надъ доломъ какъ летая,
Онъ зритъ вкругъ змѣй, и вержетъ громъ,
А тамъ, любовью нѣжной тая,
Птенцевъ жметъ кокошь подъ крыломъ; —

Иль учитъ: «Ты порфиророденъ,
Прямой Твой долгъ есть долгъ Небесъ;
И міра Царь есть рабъ Господень:
Взыщи премудрости словесъ:
Священна доблесть — право къ власти;
Лишь правда — надъ вселенной Царь;
Благоволеньемъ къ смертнымъ части
Всевышній зиждетъ Свой олтарь.» —

Отца и Матери въ подобьи,
Бесѣдуетъ онъ часто съ Нимъ:
«Ищи» — твердитъ ему — «въ незлобьи
Ты образца дѣламъ Своимъ:
Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабовъ;
Но Богомъ на престолъ воззвану
Любить ихъ должно, какъ сыновъ.» —

Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ,
Отца и Матери рукой,
Расти, Дитя, расти прелестнымъ,
А возмужавъ, явись Герой!
Страна Твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить;
Нѣтъ въ мірѣ Царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить!

НА МАЛЬТІЙСКІЙ ОРДЕНЪ.

Звучитъ труба; окрестны горы
Передаютъ другъ другу громъ;
Какъ рѣки, Рыцарей соборы
Льются въ знаменитый сонмъ;
Шумитъ по шлемамъ лѣсъ пернатый,
Сребромъ и златомъ свѣтятъ латы,
Цвѣтъ радугъ въ мантіяхъ горитъ:
Хоръ свыше зритъ, какъ съ Геликона
Синклитъ, Царица, Царь, средь трона
Въ порфирѣ, въ славѣ предстоитъ.

Клейноды вкругъ: въ нихъ власть и сила:
Вдали Европы блещетъ строй;
Стрѣлъ тучи Азія пустила;
Идутъ Американцы въ бой;
Темнятъ крылами понтъ грифоны;
Льютъ огнь изъ мѣдныхъ жерлъ драконы;
Полканы вихремъ пыль крутятъ;
Безмѣрныя поля, долины,
Обсѣли вкругъ стада орлины,
И всѣ на Царскій смотрятъ взглядъ.

Міровъ Владыкѣ лучезарныхъ
Такъ внемлютъ всѣ стихіи, тварь:
Въ могуществѣ Ему нѣтъ равныхъ.
Властитель душъ, любимый Царь
Речетъ — и флотъ сквозь волнъ несется!
Велитъ — и громомъ твердь трясется!
Тма всадниковъ чрезъ степь летитъ!
И гнѣвъ Его есть гнѣвъ вселенной.
Но лишь съ улыбкою священной
Простретъ Онъ длань, — и все молчитъ.

Кто сей, предъ важнымъ симъ соборомъ,
Въ благоговѣйной тишинѣ,
Предсталъ съ унылымъ, кроткимъ взоромъ?
Сонмъ нѣкихъ воевъ зрится мнѣ:
На нихъ кресты, а не эгиды!
Ужъ не Геральды ль то, Готфриды?
Не тѣни ль Витязей святыхъ?
Ихъ знамя! — Ихъ остатокъ славный
Пришелъ къ Тебѣ, о Царь Державный!
И такъ вѣщалъ напасти ихъ:

«Безвѣрья гидра проявилась:
Родилъ ее, взлелѣялъ Галлъ;
Въ груди его, въ душѣ вселилась, —
И весь чудовищемъ онъ сталъ!
Растетъ — и тысячью главами
Съ несчетныхъ жалъ струитъ рѣками
Обманчивый по свѣту ядъ:
Народы, Царства заразились,
Развратомъ, буйствомъ помрачились,
И Бога быть уже не мнятъ.

«Нѣтъ добродѣтели священной,
Нѣтъ твердыхъ ей броней, щитовъ;
Не стало рыцарствъ во вселенной;
Присяжныхъ злобѣ нѣтъ враговъ;
Законы Царствъ, обряды Вѣры,
Святыня — почтены въ химеры;
Попранъ Христосъ и скиптръ Царей;
Европа вся полна разбоевъ;
Цареубійцъ святятъ въ Героевъ:
Ты, Павелъ, будь спаситель ей!

«Мы гробъ Святый освободили,
Гостепріимствъ отверзли дверь;
Но насъ наслѣдія лишили,
И мы изгнанники теперь!
Прими Ты насъ въ Твое храненье!»
Рекли: печать и жезлъ правленья
Царю, преклоньшись, поднесли.
Какъ лучъ сквозь мрака пробѣгаетъ,
Такъ рѣчь ихъ Царску грудь пронзаетъ:
Сердечны слезы потекли.

«Живъ Богъ!» Царь рекъ — и мечъ полсвѣта,
Какъ быстры молньи, обнажилъ;
Крестообразно, въ знакъ обѣта,
Къ челу вознесъ и преклонилъ;
Мечи несчетны обнажились,
Къ престолу правды преклонились;
Разверзлось небо, и средь тучъ
Петра Онъ, Павла, Іоанна
Узрѣлъ звѣздами увѣнчанна,
Дающихъ знамя, щитъ и ключъ!

Орелъ, судьбой рожденный къ славѣ,
Въ гнѣздѣ съ улыбкой молньи зряй,
Въ поляхъ какъ левъ, какъ агнецъ въ нравѣ,
Спокоенъ внутрь, внѣ все боряй,
Морей и бурей слышитъ свисты;
Онъ сноситъ зной и воздухъ льдистый,
Онъ выше всѣхъ себя вознесъ:
Такъ чьи жъ поддержатъ небо плечи?
Кто станетъ противъ адской сѣчи?
Одинъ безсмертный, твердый Россъ!

Одинъ! — твоя лишь доблесть строга,
Твой сильный Царь, твой духъ, твой Богъ
Отдать безвѣтнымъ могутъ Бога,
Христу олтарь, Царямъ чертогъ;
Во громы облеченный Ангелъ,
Во броню правды вѣрный Павелъ
И съ Нимъ Господня благодать
Удобны злобы стерть коварства,
Смятенны успокоить Царства,
И славный подвигъ твой вѣнчать.

Дерзай! — Ужъ, свыше вдохновенный,
Благословляетъ Сергій путь;
Стихіи спутствуютъ смиренны;
Планеты счастливо текутъ;
Сквозь говоръ птицъ, сквозь звѣрска рева,
На бракъ готовясь, плачетъ дѣва;
Сіяетъ крестъ средь облаковъ;
Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ,
На небѣ Бардъ въ звѣздахъ читаетъ:
«Симъ побѣдишь твоихъ враговъ!»

Не змѣй ли страшный, протяженный,
Какъ съ горъ на долъ, съ долинъ на холмъ
Сомкнуты изгибая члены,
Чешуйчатымъ блеститъ хребтомъ?
Нѣтъ! Полкъ твой такъ, сряженный къ бою,
Сверкающей вдали грядою
Пойдетъ чрезъ горы и лѣса;
Столпъ огненный предъ нимъ предъидетъ,
Пучина глубины раздвинетъ,
И обновятся чудеса.

Въ броню незриму облеченна,
Юдиѳь Олферна жнетъ главу;
Сампсона мышца напряженна
Деретъ зубасту челюсть льву;

Бѣгъ солнца Навинъ воспрещаетъ,
Трубъ гласомъ грады сокрушаетъ;
Багритъ станъ ночью Гедеонъ;
Давидъ изъ пращи мещетъ камень;
Трясяся, Голіаѳъ туманенъ
Падетъ предъ нимъ, какъ страшный холмъ;

Иль Пересвѣтъ съ Гигантомъ къ бою,
Какъ вихорь, на конѣ летитъ,
Крестъ въ лѣвой жметъ, копье десною,
И раздробляетъ вражій щитъ.
Вѣнцы нетлѣнные плетутся,
На челы вѣрныхъ воевъ вьются,
И райска ихъ кропитъ роса;
Отступники, скрыпя зубами,
Кровь блѣдными изъ ранъ руками,
Отчаясь, мещутъ въ небеса.

И се Маріи подъ покровомъ,
Архангельскихъ подъ блескомъ крылъ,
Нашъ флотъ въ стремленьѣ быстромъ, новомъ,
На гордый наступаетъ Нилъ.
Со именемъ Цирцей волшебнымъ
И съ скопищемъ, Христу враждебнымъ,
Противу насъ не устоялъ.
Луна съ Крестомъ соединилась!
Вселенна чуду удивилась:
Знать всѣхъ нечестій свыше Галлъ!

Денницу зрѣли: мудръ и славенъ
Въ сіяньѣ возносился онъ;
Рекъ: «Вышнему я буду равенъ,
На Западѣ воздвигну тронъ.» —
Но гибельны пути лукавы....
Кто свѣта Царь? кто есть Царь славы?
Кто велій Богъ? — «Единъ Трисвятъ!»
Воспѣла Херувимовъ сила,
И грозны громы Михаила
Стремглавъ коварство сверглп въ адъ.

Народы міра! вразумитесь,
Зря гордыхъ сокрушаемъ рогъ,
И властолюбія страшитесь;
Власть свыше посылаетъ Богъ.
Нѣтъ счастія въ семъ мірѣ чудномъ,
Прибыткомъ, любочестьемъ бурномъ,
Гдѣ вервь отъ якоря снята;
Въ одной лишь Вѣрѣ есть блаженство,
Въ законахъ — вольность и равенство,
А братство — во любви Христа.

Я рѣки обращу къ вершинамъ,
На крыльяхъ вѣтра вознесусь,
Велю молчать громамъ, пучинамъ,
Лучами съ солнцемъ подѣлюсь;
Но гдѣ предѣлъ ума паренью,
Пристанище къ отдохновенью?
Кто внелъ небесъ на вышину?
Никто, — лишь только Богомъ званный,
И я, чрезъ происки коварны,
Ни шага къ трону не шагну.

Довѣренность! ты столпъ правленья,
Ограда непорочныхъ душъ!
Съ тобой средь змѣй, стихіевъ пренья,
Покойно спитъ великій мужъ.
Снесись, о духъ, духъ благотворный!
Въ сердца людей, на Царски троны,
И воспрети лить смертныхъ кровь.
Скажи: «Народъ безглавно тѣло:
Пещись о немъ Царей есть дѣло:
Живитъ взаимна ихъ любовь.»

Но кто же сей любви нелестной,
Чтобъ всякъ другъ друга бремя нёсъ,
Научитъ насъ? Отецъ небесной,
Нашъ Богочеловѣкъ Христосъ.
Въ трудахъ Онъ сущихъ успокоитъ,
Заблуждшихся въ пути устроитъ,
Въ болѣзняхъ призритъ, исцѣлитъ,
Скорбящихъ посѣтитъ въ темницѣ,
Послѣдній лептъ отдастъ вдовицѣ:
Сіе сынъ Вѣры совершитъ.

Кто жъ горня Іерусалима
Наслѣдникъ сей и другъ Христовъ?
Во комъ доблесть благодати зрима,
И сподвижникъ кто Петровъ?
Не Тотъ ли, сердца нѣжна свойства,
И чувства жалости, геройства
Въ святой душѣ что совмѣстилъ;
Отверзъ отеческія длани,
Пріемлетъ странниковъ безъ дани,
И душу Рыцарствъ воскресилъ?

Да препояшетъ радость холмы,
Да процвѣтетъ лице морей,
Да водворится счастье въ домы
Тобой, избранный изъ Царей!
Да отдадутъ скалы кремнисты
Обратно пѣсни голосисты,
И лучъ, преломившись отъ стекла,
Какъ въ воздухѣ ярчѣй несется:
Такъ отъ избытка сердца льется
И благодарность и хвала.

ОРЕЛЪ.

Носитель молніи и грома
Всесильнаго Петрова Дома!
Куда несешься съ высоты?
Принявъ перуны въ когти мочны,
Куда паришь, Орелъ полночный!
И на кого ихъ бросишь ты?

Еще ль, по манію Беллоны,
Стремишься въ прахъ низвергнуть троны,

Брать Царства, Королей плѣнить? —
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ Росскими летишь полками
Престолы падши возносить.

Гряди спасать Царей, Суворовъ!
Избавить Царства отъ раздоровъ
И власть въ порфиру облещи;
Соименитому Герою
Подобно, ты рожденъ Судьбою
Коварства узелъ разсѣщи.

Гряди, Алкидъ! на гидру дерзку,
Смири ея ты лютость звѣрску,
Спаси отъ бѣдъ вселенну вновь:
Ужасно жалъ ея сверканье,
Тлетворно, пагубно дыханье,
И смертно-ядовита кровь.

Но ты одѣтъ въ броню нетлѣнну,
Въ Надежду, Вѣру несомнѣнну,
Любовью вышренней горишь;
Полкъ Ангелъ предъ тобой сомкнется —
И зло тебѣ не прикоснется;
Рога ты буйству сокрушишь.

Съ тобою Богъ идетъ — и Россы,
Во знаменье побѣдъ, колоссы
Воздвигнутъ по твоимъ слѣдамъ;
Слухъ пройдетъ въ позднее потомство:
«Тобой стеръ Павелъ вѣроломство
И скиптры возвратилъ Царямъ.»

═

НА ПОБѢДЫ ВЪ ИТАЛІИ.

—

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка! щитъ:
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ Бардовъ возшумитъ. —
Встаютъ. Сто арфъ звучатъ струнами;
Предъ ними сто дубовъ горятъ;
Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тьмѣ блестятъ.

Но кто тамъ бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ,
Подобно синя моря льдамъ?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушаетъ временъ? —
Не тотъ ли, древле что войною
Потрясъ Парижскихъ твердость стѣнъ?

Такъ! Онъ плѣняется пѣвцами,
Поющими его дѣла,
Смотря, какъ блещетъ битвъ лучами
Сквозь тьму временъ его хвала.
Такъ онъ! — Се Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ,
И перстомъ долу показуетъ
На Росса, что по немъ идетъ.

«Се мой,» — гласитъ онъ — «Воевода,
Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ въ морскихъ волнахъ,
Звѣзда прешедша міра тропы,
Которой слѣдъ огня черты,
Мечъ Павловъ, щитъ Царей Европы,
Князь славы!» — Се, Суворовъ, ты!

Се ты, вѣковъ явленье чуда!
Сбылось пророчество, сбылось!
Лучъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,
Герой мой, вновь свой лавръ вознесъ!
Уже вступилъ онъ въ славны слѣды,
Что древній витязь проложилъ;
Ужъ водитъ за собой побѣды
И лики сладкогласныхъ лиръ.

═

НА ПЕРЕХОДЪ АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРЪ.

—

Сквозь тучи вкругъ лежащи, черны,
Твой горній кроющій полетъ,
Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
Ты грянулъ наконецъ! — И свѣтъ,
Отъ молніи твоей горящій,
Сердца Альпійскихъ горъ потрясшій,
Струей вселенну пролетѣлъ;
Чрезъ неприступны переправы
На высотѣ ты новой славы
Явился, сѣверный Орелъ!

О радость! — Муза! дай мнѣ лиру,
Да вновь Суворова пою!
Какъ слышанъ громъ за громомъ міру,
Да слышитъ всякъ такъ пѣснь мою!
Побѣдъ его плѣненный слухомъ,
Лечу моимъ за нимъ я духомъ
Чрезъ долы, холмы и лѣса;
Зрю — близъ меня зіяютъ ады,
Надъ мной шумящи водопады,
Какъ бы склонились небеса.

Идетъ въ веселіи геройскомъ
И тихимъ маніемъ руки,
Повелѣвая сильнымъ войскомъ,
Сзываетъ вкругъ себя полки.
«Друзья!» — онъ говоритъ — «извѣстно,
Что Россамъ мужество совмѣстно;

Но нѣтъ теперь надежды вамъ.
Кто Вѣрѣ, чести другъ неложно,
Умреть иль побѣдить здѣсь должно.» —
«Умремъ!» — кликъ вторитъ по горамъ.

Идетъ, — о зрѣлище прекрасно,
Гдѣ прямо вѣрностью горя,
Готово войско въ брань безстрашно!
Встаетъ межъ нихъ любезна пря:
Всѣ движутся на смерть послушно,
Но не хотятъ, великодушно,
Итти за Вождемъ назади;
Сверкаютъ копьями, мечами:
Какъ холмъ объемлется волнами,
Идетъ онъ съ шумомъ — впереди.

Ведетъ въ пути непроходимомъ
По темнымъ дебрямъ, по тропамъ,
Подъ заревомъ, отъ молньи зримомъ,
И по бѣгущимъ облакамъ;
День — ночь ему среди тумановъ,
Ночь — день отъ громовыхъ пожаровъ;
Несется въ бездну по вервямъ,
По камнямъ лѣзетъ вверхъ изъ бездны;
Мосты ему — дубы зажжены;
Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

Ведетъ подъ снѣгомъ, вихремъ, градомъ,
Подъ ужасомъ природы всей;
Встрѣчается спреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тмой смертей;
Отвсюду окруженъ врагами,
Водой, горами, небесами
И воинствомъ противныхъ силъ.
Вблизи падутъ со трескомъ холмы,
Вдали тамъ гулы ропчутъ, громы,
Скрежещетъ блѣдный голодъ въ тылъ.

Ведетъ — и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ итти;
Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вкругъ волнующійся паръ;
Ничто его не потрясаетъ,
Онъ громъ и бури презираетъ;
Нахмурясь, смотритъ Сен-Готаръ.

А тамъ — волшебница сѣдая
Лежитъ на высотѣ холмовъ;
Дыханьемъ солнце отражая,
Блеститъ вдали огнями льдовъ,
Которыми одѣта зрится:
Она на всю природу злится,
И въ страшныхъ иглистыхъ скалахъ,
Нависнутыхъ снѣговъ слоями,
Готова задавить горами,
Иль въ хладныхъ задушить когтяхъ.

А тамъ — невидимой рукою
Простертое съ холма на холмъ
Чудовище, какъ мостъ длиною,
Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
Бездонну челюсть разверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ;
А тамъ — пещера черна спитъ
И смертнымъ мракомъ взоры кроетъ;
Какъ бурею, гортанью воетъ:
Предъ ней Отчаянье сидитъ.

Пришедши къ чудамъ симъ природы,
Что̀ бъ славный учинилъ Язонъ?
Составила бъ Медея воды,
А онъ на нихъ навелъ бы сонъ.
Но въ Россѣ нѣтъ коварствъ примѣра;
Крилѣ его суть должность, Вѣра
И исполинской славы трудъ.
Корабль на парусахъ какъ въ бурю
По черному средь волнъ лазурю,
Такъ онъ летитъ въ опасный путь.

Ужъ тучи сопостатъ засѣли
По высотамъ, въ ущельяхъ горъ,
Ужъ глыбы, громы полетѣли
И освѣтили молньи взоръ;
Власы у храбрыхъ встали дыбомъ,
И къ сей отвагѣ, страшной дивомъ,
Склонился въ помощь сводъ небесъ.
Съ него зря бѣдствія толики,
Трепещетъ въ скорби Петръ Великій:
Гдѣ Россъ мой? — слѣдъ и слухъ исчезъ.

Но что! не духъ ли Оссіана,
Пѣвца тумановъ и морей,
Мнѣ кажетъ подъ луной Морана,
Какъ шелъ онъ на Царя Царей?
Нѣтъ, зрю — Массена подъ землею
Съ Рымникскимъ въ тьмѣ сошлися къ бою:
Чело съ челомъ, глаза горятъ;
Не громы ль съ громами дерутся?
Мечами о мечи сѣкутся,
Вкругъ сыплютъ огнь, — хохочетъ адъ!

Ведетъ туда, гдѣ вѣтръ не дышетъ
И въ высотахъ и въ глубинахъ;
Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ,
Катящихся на крутизнахъ.
Ведетъ — и скрытъ ужъ въ мракѣ гроба,
Ужъ съ хладнымъ смѣхомъ шепчетъ злоба:
Погибъ средь дерзкихъ онъ путей!
Но Россу гдѣ и что преграда?
Съ тобою Богъ! — и горъ громада
Раздвиглась силою твоей.

Какъ левъ могучій, отлученный
Ловцевъ коварствомъ отъ дѣтей,
Забралъ препятствомъ раздраженный,
Бросая пламя изъ очей,
Вздымая страшну гриву гнѣвомъ,
Крутя хвостомъ, рыкая зѣвомъ,
И перескача преграды, вдругъ
Ломаетъ копья, луки, стрѣлы:
Чрезъ непроходны такъ предѣлы
Тебя, Герой! провелъ твой духъ.

Или Везувія въ утробѣ
Какъ споря океанъ съ огнемъ,
Спираютъ въ непрерывной злобѣ
Горящу лаву съ вѣчнымъ льдомъ,
Клокочутъ глухо въ мракѣ бездны;
Но хладъ прорветъ какъ сводъ желѣзный,
На воздухъ льется пламень, дымъ:
Таковъ и Россъ, средь горныхъ споровъ —
На Галла сталъ ногой Суворовъ,
И горы треснули подъ нимъ.

Дадите ль вѣру вы, потомки,
Толь страшныхъ одолѣнью силъ?
Дѣла Героевъ древнихъ громки,
До волнъ Средьземныхъ доходилъ
Алкидъ, и знакъ свой тамъ поставилъ
На то, чтобъ смертный трудъ оставилъ,
И далѣ не дерзалъ бы взоръ;
Но, сильный Геркулесъ Россійскій!
Тебѣ столпы его знать низки:
Шагаешь ты чрезъ цѣпи горъ.

Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ,
По безднамъ страшный исполинъ;
За нимъ летитъ въ доспѣхѣ рдяномъ
Во слѣдъ младой птенецъ Орлинъ.
Кто витязь сей багрянородный,
Соименитый и подобный
Владыкѣ Византійскихъ странъ?
Еще Россъ выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть Константинъ воинскій санъ.

Ужъ сыплются со скалъ безмѣрныхъ
Полки сквозь облаковъ, какъ дождь!
Ужъ мечутся въ враговъ надменныхъ:
Въ душахъ ихъ слава, Богъ и Вождь;
Къ Отечеству, къ Царю любовью,
Или врожденной бранной кровью,
Иль къ Вѣрѣ, Вѣрой всякъ крылатъ.
Не могутъ счесть мои ихъ взоры,
Ни всѣхъ наречь: — какъ молньи скоры:
Вокругъ я блескомъ ихъ объятъ.

Не Гозано ль тамъ, Богомъ данный,
Еще съ чудовищемъ въ рѣкѣ
На смертный бой, самоизбранный,
Плыветъ со знаменемъ въ рукѣ?
Копье и мечъ изъ твердой стали,
О чешую преломшись, пали;
Сталъ безоруженъ и одинъ.
Но, не уважа лютымъ жаломъ,
Разитъ онъ звѣря въ грудь кинжаломъ.
Нѣтъ, нѣтъ, се ты, Россіянинъ!

О сколько храбрости Россійской
Примѣровъ видѣлъ уже свѣтъ!
Европа и предѣлъ Азійской
Тому свидѣтельства даетъ.
Кто хочетъ, стань на холмъ высоко,
И кинь со мной въ долину око
На птицъ, на сей парящихъ станъ.
Зри: въ воздухѣ склубясь волнистомъ,
Какъ грудью бьетъ соколъ ихъ съ свистомъ:
Стремглавъ падетъ сраженный вранъ.

Такъ козни зла всѣ упадаютъ,
О Павелъ, подъ Твоей рукой!
Народы длани простираютъ,
Отъ бѣдъ спасенные Тобой.
Но были бъ счастливѣй стократно,
Коль знали бы цѣнить обратно
Твою къ нимъ милость, святость крылъ;
Во храмѣ жъ славы письменами
Златыми, чтимыми вѣками,
Всѣмъ правда скажетъ: «Царь Ты силъ!»

Изъ мраковъ возстаютъ Стигійскихъ
Евгеній, Цезарь, Ганнибалъ:
Проходъ чрезъ Альпы войскъ Россійскихъ
Ихъ души славой обуялъ.
«Кто, кто,» — вѣщаютъ съ удивленьемъ —
«Съ такою смѣлостью, стремленьемъ,
Прешелъ противъ природы силъ,
И вражьихъ тмы попралъ затворовъ?
Кто больше насъ? — Твой блескъ, Суворовъ!
Главы ихъ долу преклонилъ.»

Возьми кто лѣтопись вселенной,
Геройскія дѣла читай;
Цѣня ихъ истинной священной,
Съ Суворовымъ соображай:
Ты зришь: тѣхъ слабость, сихъ пороки
Поколебали духъ высокій;
Но онъ изъ младости спѣшилъ
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни посланъ былъ на брани,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

О ты, страна, гдѣ были правы,
Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ!
На поприще которой славы
Могущій Леопольдъ не могъ
Силъ капли поглотить силъ моремъ;
Гдѣ жизнь онъ кончилъ бѣдствомъ, горемъ!
Скажи, скажи вселенной ты,
Гельвеція! бывъ нашъ свидѣтель:
Чья Россовъ тверже добродѣтель?
Гдѣ больше духа высоты?

Промчи жъ, о Русса! ты Секванѣ,
Скорѣй духъ Русскій, Павла мочь,
Цареубійцъ въ вертепѣ, въ станѣ,
Ближайшу возвѣщая ночь.
Скажи: въ рукахъ съ перуномъ Павелъ,
Или хранитель міра, Ангелъ,
Гремитъ, являя власть свою;
Престаньте нарушать законы,
И не трясите больше трона,
Внемлите истину сію:

«Днесь звѣрство ваше стало наго.
Вы рветесь за прибытокъ свой, —
Воюетъ Россъ за обще благо,
За свой, за вашъ, за всѣхъ покой;

Вы жертва лжи и своевольства, —
Онъ жертва долга и геройства;
Въ васъ равенства мечта, — въ немъ чинъ;
Суля вы вольность, взяли дани, —
Въ защиту Царствъ простеръ онъ длани;
Вы чада тьмы, — онъ свѣта сынъ.»

Вамъ видимъ бѣгъ свѣтилъ небесныхъ:
Не правитъ ли ихъ умъ единъ?
Въ словесныхъ тваряхъ, безсловесныхъ,
У всѣхъ есть вождь, иль господинъ:
Стихіевъ разность, разнострастье,
Верховный умъ, ихъ всѣхъ согласье;
Монарша цѣпь есть цѣпь сердецъ.
Царь — мнѣній связь, всѣхъ дѣйствъ причина,
И кротка власть отца едина —
Живаго Бога образецъ.

Гдѣ жъ скрыта къ правдѣ сей дорога,
Гдѣ въ вольнодумномъ сердцѣ мнятъ:
«Нѣтъ Царской степени, нѣтъ Бога» —
Быть тщетно счастливы хотятъ.
Ищай себѣ въ народѣ власти,
Попри свои всѣхъ прежде страсти,
А бывъ глава, будь всѣмъ слугой.
Но гдѣ жъ, гдѣ наши Цинциннаты?
Вы мните только быть богаты:
Корысти чуждъ прямой герой.

О доблесть воиновъ избранныхъ,
Собравшихъ лавры съ тмы побѣдъ,
Безсмертной славой осіянныхъ,
Какой не видывалъ сей свѣтъ!
Вамъ предоставлено Судьбами
Рѣшить споръ ада съ небесами:
Собщать ли солнцу блескъ звѣздамъ,
Законамъ естества ль встать новымъ,
Стоять ли олтарямъ Христовымъ,
И быть, или не быть Царямъ?

По доблести — Царямъ сокровный;
По вѣрности — престоловъ щитъ;
По Вѣрѣ — камень Царствъ угольный;
Вождь — знаньемъ браннымъ знаменитъ.
Въ которомъ мудрость съ добротою,
Терпѣнье, храбрость съ быстротою
Вмѣстились всѣхъ изящныхъ душъ!
Сражаясь Вѣры со врагами,
И небо поддержавъ плечами,
Дерзай, великій Богомъ мужъ!

Дерзайте! вижу — съ вами ходитъ
Тотъ объ руку во всѣхъ путяхъ,
Что перстомъ круги звѣздны водитъ
И молнію на небесахъ.
Онъ рекъ — и тучи удалились;
Велѣлъ — и холмы уклонились;
Блеснулъ на вашихъ лучъ челахъ.
Пріятна смерть Христа въ любови,
И капли вашей святы крови:
Еще ударъ — и гдѣ нашъ врагъ?

Услышьте! вамъ соплещутъ други,
Поетъ Христова Церковь гимнъ;
За ваши для Царей заслуги,
Цари вамъ данники отнынь.
Доколь течетъ прозрачна Рона,
Потомство поздно безъ урона
Узритъ въ ней вашихъ битвъ зари:
Отнынѣ горы въ вѣкъ Альпійски
Пребудутъ Россовъ обелиски,
Дымящи холмы олтари.

РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ

(В. К. МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ).

Опоясанна цвѣтами
Сходитъ къ намъ съ небесъ Весна,
И младыми красотами
Улыбается она.
Улыбнулась, — и явились
Розы и лилеи въ свѣтъ;
Благовонья оживились;
Возблисталъ на листьяхъ медъ,
И по рощамъ разгласилось
Хохотаньемъ эхо вновь;
Радость, счастье водворилось:
Намъ родилася Любовь!

НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА

(В. К. АЛЕКСАНДРЫ И ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ).

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эротъ долину пролеталъ, —
Незапно во страну Рифейску
Вспорхнулъ, гдѣ Сѣверъ обиталъ.
Увидѣлъ иней, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя вседневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ отъ побѣдъ вкругъ звуки:
Тамъ злобѣ плѣнной вяжутъ руки,
Тамъ на мятежъ яремъ кладутъ;
Узрѣлъ, — и съ ужаса и хладу
Крылами въ трепетѣ взмахнулъ,
Хотѣлъ летѣть назадъ въ Элладу;
Но какъ-то факелъ свой стряхнулъ, —
И въ тьмѣ вдругъ искры покатились:

Расцвѣлъ весной полночный край;
Орлы двухъ Царствъ соединились;
Средь Гатчины открылся рай!
Плѣняетъ нѣжный громъ музыки,
Пылаютъ тысячи лампадъ,
Харитъ младыхъ прелестны лики
Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоятъ:
Тѣ пляшутъ, скачутъ, тѣ играютъ,
Тѣ скромныхъ взглядами очей
Сердца героевъ поражаютъ,
И въ плѣнъ влекутъ богатырей.
Эротъ, красами удивленный,
«Не царство ль,» рекъ: «я зрю мое?
Но кто на тронѣ, (дерзновенный!)
Отнявъ у Марса мечъ, копье,
Да и мои всесильны стрѣлы,
Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ?» —
«Маріи, Павла здѣсь предѣлы,»
Ему весь Сѣверъ отвѣчалъ:

Хоръ.

Кто храбростью и красотою
Умѣетъ купно обладать,
Тотъ можетъ миромъ и войною
И свѣтомъ всѣмъ повелѣвать.

Вздохнулъ Эротъ: «Такъ пусть ужъ боги
Не ждутъ меня въ Темпейскій долъ;
Мнѣ святы Павловы чертоги:
Я въ нихъ поставилъ мой престолъ.

Хоръ.

Ликуйте, Павелъ и Марія,
Любовь въ чертогахъ зря Своихъ!
Хоть Ваши дщери, днесь младыя,
Надѣли цѣпь Царей чужихъ,
Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
Вашъ разумъ, сердца доброту:
Гдѣ храбростью плѣнять не должно,
Туда Вы шлете красоту.

Такъ, Александра! не войною,
Но красотой плѣни Ты свѣтъ;
И ты, Елена! не виною
Будь Царскихъ распрь, народныхъ бѣдъ;
Но днесь, любви сопрягшись съ Богомъ,
Іосифъ, Павелъ, Фридерихъ!
Европѣ будьте вы залогомъ
Покоя, счастья, дней златыхъ!

ПОСВЯЩЕНІЕ

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Монархъ! Спокойствомъ Ты мою ущедрилъ лиру —
Я кринъ цвѣтовъ ея дерзнулъ принесть предъ тронъ:
Ты, обоняя ихъ, внушишь яснѣе міру,
Что и при бурныхъ дняхъ Ты Музамъ Аполлонъ.

1807 г.

НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

—

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ вѣютъ ароматъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ.

Желанный всѣми неба житель,
Ты, миръ! пришелъ къ намъ наконецъ;
Народовъ многихъ утѣшитель,
Отрада Царствъ, покой сердецъ,
Пришелъ къ намъ, Ангелъ благодатный!
Коль шествіе Твое красно!
Коль намъ лучи Твои пріятны!
Тобою все оживлено.
Се время намъ благопоспѣшно,
Се день спасенья и утѣхъ!

Уныла Муза, въ дни Борея
Дерзавшая вслухъ пѣсни пѣть,
Блаженству общему радѣя,
Уроки для Владыкъ гремѣть!
Передъ Царемъ, днесь благосклоннымъ,
Взявъ лиру, прахъ съ нея стряси,
И сердцемъ радостнымъ, свободнымъ
Вѣщай, греми, звучи, гласи
Того Ты на престолъ вступленье,
Кого воспѣлъ я въ пеленахъ.

Уже, какъ путникъ утомленный,
Прешедшій дальній, тѣсный путь,
На лугъ, древами осѣненный,
Возлегъ отъ зноя отдохнуть,
И внемля вѣтерковъ дыханье,
Шумъ быстрыхъ водъ, цвѣты вокругъ,
И Нимфъ и птицъ совосклицанье:
Такъ мой весельемъ полный духъ,
Подъ скипетромъ Твоимъ покоясь,
Прохладой дышетъ, и поетъ.

На темный, вижу, шаръ подлунный
Съ равнинъ небесныхъ горнихъ мѣстъ
Овенъ младый, золоторунный,
Незапно вшелъ, и сталъ средь звѣздъ.
Не кротости ль символъ въ немъ зрится?
Не возрожденье ль прежнихъ благъ?
Екатерина воскресится
Знать Александра въ временахъ:
Такъ, такъ! Она во Внукѣ будетъ
Надъ нами царствовать во вѣкъ.

Осанка, скромность и пріятность,
Ея въ Немъ виденъ духъ и умъ:
Усердье, ревность къ Нимъ и святость
Въ полсвѣтѣ воздвигаютъ шумъ.
«Смотри!» — другъ другу всякъ вѣщаетъ
«Не образъ ли Ея на Немъ?
Ужъ по законамъ обѣщаетъ
Онъ быть, по сердцу Ей, Царемъ.»
О радость! духъ восторгъ объемлетъ:
Се вижу — въ облакахъ Она!

Стоитъ въ порфирѣ, и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се Небо нынѣ посылаетъ
Вамъ Внука Моего въ Царя. —
Внимать вы прежде не хотѣли,
И презрили Мою любовь;
Вы сами отъ себя терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь.» —
Рекла, — и тѣнь Ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.

Но что? Во плескахъ, восклицаньяхъ
Ликующей толпы людей,
Духъ погружается въ стенаньяхъ,
На тлѣнность зря мірскихъ вещей!
Такъ что престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ права,
И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что полки и стѣны,
Коль насъ невинность не стрежетъ?

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій,
И заряжаютъ громъ средь тучъ:
Онъ вержется, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите — и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Нѣтъ, Ангелъ кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ Небесъ!
Ты не таковъ; Твоя порфира
Отъ благодарныхъ нашихъ слезъ,
Какъ роза, окропясь росою,
Прекраснѣйшій раскинетъ цвѣтъ;
Благоухающій Тобою,
Намъ въ чувства сладость принесетъ.
Эдемъ въ Твоей узримъ Супругѣ
И рай во Дщеряхъ и Сынахъ.

Не на словахъ Ты милосердье
Покажешь, на дѣлахъ Твоихъ;
Развратъ прогонишь, суевѣрье
Ты нравовъ чистотой святыхъ;
Посадишь мудрость Ты съ Собою,
Велишь ей научать Себя;
Пройдешь съ народною толпою, —
Проникнетъ правда до Тебя;

Ты въ мирѣ брань готовить станешь,
Войну обнимешь тишиной.

Твой домъ пребудетъ безопасенъ
И внѣ и внутрь отъ всякихъ золъ;
Не златомъ, — доблестью прекрасенъ,
И твердъ на вѣрности престолъ.
Въ чертогахъ ужасъ да не кажетъ
Мечъ нагъ и лукъ съ стрѣлой въ рукахъ;
Любовь народная возляжетъ
На стражѣ при Твоихъ вратахъ;
Спокойный сонъ Твой оградится
Незыблемой стѣной сердецъ.

Не смѣютъ хитрость, лесть касаться
И разстилать Тебѣ сѣтей;
Ихъ жены, дѣти ополчатся
Для безопасности Твоей;
Доброта платится добротой,
А злоба злобѣ воздаетъ.
Твоею милостью, щедротой
Любимецъ Твой весь будетъ свѣтъ.
Какъ солнце, тронъ Твой утвердится;
Какъ небо, будутъ дни Твои.

Какъ тихія рѣки токъ чистый,
Они предъ нами потекутъ;
Сверкающи струи сребристы,
Міръ въ удивленье приведутъ:
Блаженствомъ напоятся селы,
Богатствомъ — городовъ брега,
Въ далекіе пойдутъ предѣлы
Поля цвѣтущи и луга;
Любезно эхо пронесется
Въ неизмѣримости морей.

О Боже! Ты внушилъ рыданье
И бѣдства наши прекратилъ:
Днесь тѣхъ же слезъ Ты изліянье
Прими, какъ запахъ отъ кадилъ.
Отъ стоновъ — Ты велѣлъ быть грому,
Отъ радостей — лучи спусти,
И Августѣйшему Ты Дому
Печаль въ утѣхи обрати.
Какъ дождь сквозь солнце, да снисходитъ
Благословенье къ намъ Твое!

НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА.

Предвѣчный! силою Твоею
Да веселится Царь!
Да радостной Своей душею
Торжествъ ликуетъ среди зарь!
Желанія Его сердечны
Ты предварилъ и совершилъ;
Чело елеемъ благостыннымъ,
Главу сіяньемъ златовиднымъ
Монаршаго вѣнца покрылъ,
И ниспослалъ Ему дни здравы, долговѣчны.

Да распрострется громка слава
О Немъ вездѣ Тобой:
Порфира, скипетръ, мечъ, держава,
Вся Царска сила, власть, рукой
Твоей на Немъ взложенна,
Какъ на небѣ свѣтилъ, звѣздъ сонмъ,
Тобой свой блескъ да получаетъ;
Твой взоръ Его благословляетъ,
И на Тебя надеждъ Онъ полнъ,
Да не позыблется и вся подъ Нимъ вселенна!

Да срѣтитъ длань вооруженна
Мечемъ, кто на Него! —
Какъ сильнымъ пещь огнемъ разженна,
Такъ гнѣвъ отъ взора Твоего
На нихъ дохнетъ — и, скрывъ ихъ тьмою,
Такъ въ молніяхъ пожнетъ своихъ,
Что дымъ во слѣдъ лишь воскурится,
Потомство, племя истребится,
И память даже вся о нихъ
Сотрется въ мигъ съ лица земли Твоей рукою!

Пусть затѣваетъ брань сосѣдство,
А злоба — тайны ковъ;
Но не успѣетъ ихъ злодѣйство:
Когда Самъ Богъ Тебѣ покровъ,
Поставилъ Онъ Тебя предметомъ
И цѣлію Своихъ очесъ;
Не двигнется Твоя держава,
Но паче возсіяетъ слава
Всѣхъ надъ Тобой его чудесъ,
И воспоемъ въ Тебѣ Царя надъ всѣмъ мы свѣтомъ.

НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Что такъ Орлы высокопарны
Подъ небомъ вьются? — Плескъ и звонъ!
Во храмѣ Божьемъ лучезарный
Блескъ видимъ Царскихъ двухъ коронъ.
Луна ли съ солнцемъ совмѣстилась?
Въ плоти ль два Ангела явились?

Се Александръ, Елисавета, —
Красотъ возможныхъ образецъ!
Онъ обладатель душъ, полсвѣта,
Она владычица сердецъ.
Съ восторгомъ зритъ на нихъ Марія
И восхищенная Россія.

Съ восторгомъ зримъ и мы; сердечны
Молитвы льемъ предъ олтаремъ:
Да будутъ дни Ихъ свѣтлы, вѣчны,
И юнымъ славны мы Царемъ!
Какъ солнце, міръ обнявъ лучами,
Такъ Онъ, какъ Богъ, да правитъ нами!

═

ПОЛЬСКІЙ
НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ.

—

Россiйскими летитъ странами
На златыхъ крылахъ молва;
Солнца новаго лучами
Освѣщается Москва.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Облеченныхъ во порфиру,
Видя въ Царскихъ Васъ вѣнцахъ,
Радость нашу кажутъ міру
Наши души на очахъ.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Если бъ можно было взоры
Кинуть въ наши Вамъ сердца,
Вы бы зрѣли чадъ соборы
Окружавшихъ Мать, Отца.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Коль Россія вся дивится
Вашимъ нравамъ и красѣ;
Свѣтомъ всѣмъ боготворится
Должно Вамъ, коль любятъ всѣ.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

Видимъ мы уже породу
Божеску изъ Вашихъ дѣлъ:
Отдаете Вы свободу;
Страхъ и ужасъ отлетѣлъ,
Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ

Будьте, Ангелы, вѣкъ съ нами,
Знавъ сердцами обладать!
Ихъ обвивъ любви цвѣтами,
Вы могли насъ привязать.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете Вы насъ.

═

ВѢНЧАНІЕ ЛЕЛЯ (КОРОНОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА).

—

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ,
И Иванъ Великій громомъ
Въ полночь, освѣщенъ, дрожалъ;
Я, пріятнымъ сномъ объятый
Макова въ тѣни вѣнца,
Видѣлъ: теремы, палаты,
Площадь Краснаго Крыльца
Роемъ мальчиковъ летучимъ
Облелѣяна кругомъ!
Лѣсомъ — шлемы ихъ дремучимъ,
Латы — златомъ и сребромъ,
Копья — сталію блистали
И чуть видѣлись сквозь мглы;
Стаями сверхъ ихъ летали
Молненосные Орлы.
Но лишь солнце появилось
И затеплились кресты,
Море зыблюще открылось
Разныхъ лицъ и пестроты! —
Шумъ, съ высотъ ліясь рѣкою,
Всѣми чувствы овладѣлъ:
Своды храма предо мною
Я отверзтыми узрѣлъ.
Тамъ, въ волнахъ толпы стѣсненной,
Въ думѣ весь Синклитъ стоялъ;
Я въ душѣ моей смятенной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на тронѣ тамъ обширномъ,
Во священной темнотѣ,
Вдругъ въ сіяніи порфирномъ
Усмотрѣлъ на высотѣ
Двухъ я Геніевъ небесныхъ:
Коль безчисленны красы!
Сколько нѣжностей прелестныхъ!
Златоструйчаты власы,
Блескъ сапфира, розы рании
Ихъ устенъ, ланитъ, очесъ,
Улыбаясь, брали дани
Съ восхищенныхъ тмы сердецъ;
И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
Діадимою Царей,
Ей, четѣ своей, касаясь,
Удвоялся блескомъ въ ней.
Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ,
По сверкающимъ лучамъ,
Тѣни Самодержцевъ древнихъ,
Ниспустившися во храмъ,
Прежни лица ихъ пріяли,
И сквозь ликовъ торжества
Въ изумленьѣ вопрошали:
«Кто такія божества,
Что облекшись въ младость смертныхъ,
Съ кротостію скиптръ берутъ,
На обширность странъ несмѣтныхъ
Цѣпь цвѣточную кладутъ,
И весь Сѣверъ въ мигъ плѣнили

Именемъ однимъ Царя?»
Громы духъ мой пробудили:
Разглашалося ура!

Что такое сонъ сей значитъ?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуетъ, сердце скачетъ;
Отъ чего? я самъ не зналъ.
Кто на Царство такъ вѣнчался?
Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я столько восхищался,
Сладостныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣтомъ завладѣлъ:
«Царь сердецъ,» онѣ вѣщали:
«Богъ любви, всесильный Лель.»

=

ЯВЛЕНІЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ (НА ПРОГУЛКУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА И ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ).

—

По гранитному я берегу
Невскому гулять ходилъ,
Сладкую весенню нѣгу,
Благовонный воздухъ пилъ;
Видѣлъ, какъ народъ тѣснился
Вкругъ одной младой четы:
Лучъ съ нея, блистая, лился,
Какъ отъ солнца красоты.
Кто — я думалъ въ изумленьѣ —
Чудна двоица сія?
Не боговъ ли вновь схожденье
Вижу въ ней на землю я?
Вижу точно Аполлона!
Вижу Дафну предъ собой!
Знать, сошедши съ Геликона,
Тѣшатся они Невой.
Такъ, они пришли конечно,
Смертнымъ скрывъ себя лицомъ;
Трепетаніе сердечно
Увѣряло духъ мой въ томъ.
Такъ, — и въ лицахъ лучезарныхъ
И въ сапфирныхъ ихъ очахъ
Душъ пріятность свѣтодарныхъ
Вижу я боговъ въ людяхъ!
Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ
Просвѣщенье, кротость, вкусъ;
Какъ Хариты въ слѣдъ ихъ ходятъ,
И соборы нѣжныхъ Музъ,
Съ Нимфами поющи, пляшутъ;
Всплывъ Наяды сверхъ Невы,
Плещутъ воды; вѣтры машутъ
Ароматъ на ихъ главы.
Видѣлъ, Петрополь дивился
Какъ прекрасной сей четѣ;
Сѣверъ свѣтомъ озарился,
Всталъ, и, въ мглистой темнотѣ,
Обогрѣвъ браду замерзлу,
Тихимъ ихъ сіяньемъ кровь,
Знича чтилъ въ нихъ и Зимстерлу,
Возвращенныхъ вкупѣ вновь,
И, ликуя, увѣнчался
Перевязкой изъ цвѣтовъ.
Лель за дѣвою погнался,
А за юношей — Любовь.
Видѣлъ, видѣлъ Аполлона,
Видѣлъ съ нимъ и Дафну я!
Радостнаго звукомъ тона
Лира отдалась моя.

=

КЪ ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ.

—

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ Внукъ,
Сынъ матери премилосердной,
Сестеръ и братьевъ нѣжный другъ,
Супругъ супругѣ милой, вѣрной,
О Ты, чей ростъ, и взоръ, и станъ
Есть витязя, породы Царской,
Который больше другъ, чѣмъ Ханъ
Орды, страны своей Татарской!
Послушай, неба Серафимъ,
Ниспосланный счастливить смертныхъ,
Что пишетъ Солнцевъ сынъ, Браминъ,
Желая благъ Тебѣ несмѣтныхъ!

Достигъ незапно громкій слухъ
До насъ, живущихъ въ Кашемирѣ,
Что будто Зороастровъ духъ
Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ,
И воплотясь въ Тебѣ, о Хлоръ!
Возсѣлъ на нѣкоемъ престолѣ,
Дабы расцвѣлъ добротъ соборъ
На немъ, неслыханномъ дотолѣ.

Такъ точно, говорятъ: что Ты
Какой-то чудный есть владѣтель;
Души и тѣла красоты
Совокупя на добродѣтель,
Быть хочешь всѣхъ земныхъ Владыкъ
Страшнѣй, не страхомъ, но любовью;
Блаженствомъ подданныхъ великъ,
Не покореньемъ Царствъ и кровью.

Такъ шепчутъ: будто саму власть,
Въ Твоихъ рукахъ самодержавну,
Господства безпредѣльну страсть,
Ты чтишь за власть самоуправну;

Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ Тебѣ приходитъ,
Что Царь законовъ только стражъ,
Что Онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
И ставитъ въ томъ въ примѣръ себя;
Что Ты живешь лишь для народовъ,
А не народы для Тебя,
И что не свыше Ты законовъ;
А тѣхъ Пашей, Эмировъ, Мурзъ
Не любишь и не терпишь точно,
Что, сами ползая средь узъ,
Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
И бить себѣ велятъ челомъ;
Что Ты не кажешься имъ Богомъ,
Не ѣздя на царяхъ верхомъ;
Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ;
Что не стирая съ туфлей прахъ
У Муфтьевъ, Дервишей, Имановъ,
Въ сѣдыхъ считаешь бородахъ
Ихъ гласъ за гласъ ты Алкорановъ;
Что, чувствуя въ Себѣ одномъ,
Ты власть Небесъ, а слабость смертныхъ,
Имъ разбирать Себя судомъ
Велишь чрезъ гражданъ частныхъ, честныхъ;
Раздоры миромъ прекращать,
Закону съ совѣстью поладить,
И больше шерсть чтобъ не терять,
Овцамъ въ репейники не лазить.

Еще толкуютъ тожъ: что гласъ
Къ Тебѣ народа тайно входитъ;
Что тысячью Ты смотришь глазъ,
И въ шапкѣ невидимкѣ бродитъ
Вездѣ Твой духъ, — и на коврахъ
Летаетъ будто самолетахъ,
Въ чалмахъ, жупанахъ, чеботахъ,
А нужно гдѣ, то и въ жилетахъ,
Чтобъ какъ нибудь невинность спасть;
И словомъ: многими путями
Ты кротку простирая власть,
Какъ солнце! грѣешь міръ лучами;

И даже будто бы съ Собой
Даешь Ты случай всѣмъ встрѣчаться,
Писать на голубяхъ, съ тобой
Такъ-сякъ и лично объясняться;
И злость и глупость на позоръ
Печатавъ, выставлять листами;
Молоть языкомъ всякій вздоръ,
И въ лавкахъ торговать умами;
И будто Ты, увидя разъ
Лису, иль волка въ агничей кожѣ,
Въ мигъ отъ Своихъ сгоняешь глазъ,
Хотя бъ ихъ зрѣлъ въ какомъ вельможѣ.

А наконецъ, хотя и Ханъ,
Но такъ Ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на Себѣ кафтанъ
Народу подлежащимъ числишь;
Пировъ богатыхъ не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
Въ чертогахъ низменныхъ живешь,
Царицу четверней катаешь,
И ходя иногда пѣшкомъ,
Ты по садамъ цвѣты срываешь,
Но злата не соришь мѣшкомъ;
Торопишься въ дѣлахъ не скоро;
Такъ шьешь, чтобъ послѣ не пороть;
Мнишь, не доходомъ въ домѣ споро,
А гдѣ умѣренный расходъ.

И подлинно, весьма чудесный
Бывалъ ли гдѣ такой Султанъ?
Да Оромазъ блюдетъ небесный
Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ,
И всю Твою орду Татарску!
Да ангелъ самъ Инсфендармасъ,
Покрывъ главу крылами Ханску,
Съ своихъ Тебя не спуститъ глазъ,
И узелъ укрѣпитъ священный
На поясѣ Твоемъ всегда!
Да ароматомъ растворенный
Твой огнь не гаснетъ никогда,
И я дивлюсь и восхищаюсь
Лишь добродѣтелямъ Твоимъ,
Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь,
И коей подношу здѣсь гимнъ!
Въ хвалу Тебѣ, и въ присвоенье
Ея красотъ и всѣхъ потребъ,
Да имя, Хлоръ, Твое, правленье,
Напишется на дскѣ судебъ.

Когда же подлая и даже подкупная,
Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависть или злость,
На насъ прольетъ свой ядъ, — простимъ имъ грѣхъ, вздыхая:
Не прейдутъ бѣдные чрезъ Аримановъ мостъ.

МАНЕВРЫ.

Громовой упряжи, тучъ молненныхъ Правитель,
На ржущихъ бурями летающій коняхъ,
О Геній браней! богъ героевъ, покровитель,
Живущій мужества въ сердцахъ!
Изъ вьющихся круговъ съ жерлъ мѣдныхъ, дыма, треска,
Съ бѣгущаго струей по тыну ружей блеска,
Склони угрюмый, грозный взоръ
На лирный слабый голосъ мой.

Ты научилъ Петра потѣхами, въ дни млады,
Разсадникъ насадить перуновъ и побѣдъ;
Румянцева — въ степяхъ водить гремящи грады;
Суворова — во сердце вредъ
Врагу вносить, какъ громъ, какъ молнія, штыками.
Флотъ Чичагова спасть отъ трехъ силъ между льдами;
А Круза — паруса въ отпоръ
Поднять Петрополю стѣной,

Ты мужество вливалъ Герою молодому,
Безмѣрны высоты и бездны проходить;
Зрѣть съ скалъ на колыбель почіющаго грому
По молніямъ полки водить;
И грудь порфирну скрывъ, нетрепетно эгидомъ
Разить средь Альповъ змѣй, съ полуночнымъ Алкидомъ,
Чтобъ, браннымъ Святославомъ ставъ,
Свой взять соименитый градъ.

Монарху Сѣвера, давъ орлій духъ и смѣлость,
Какъ въ выспренность взлетать, какъ ниспускаться въ долъ,
Вдыхай, вдыхай Ему науки бранной зрѣлость,
Какъ охранять ей Царствъ престолъ.
Онъ, воевъ храбрыхъ грудь сплотя во тверды стѣны,
Искусствомъ кажетъ вмигъ волшебныя премѣны:
То ихъ дѣля, то ихъ смѣшавъ,
Зоветъ съ нихъ огнь, и смерть, и адъ.

Встань, Цезарь, Ганнибалъ, Карлъ, Фридрихъ, изъ могилы!
И изумленный взоръ изъ мрака бросьте свой
На движущіяся фаланговъ Росскихъ силы,
На сей блестящій, красный строй!
И въ томъ признайтесь вы безъ самолюбья страсти:
Чтобы вселенную своей подвергнуть власти,
То Діевъ только сынъ возмогъ,
И можетъ развѣ Русскій Царь.

Такъ Александромъ бывъ, будь побѣдитель свѣта,
О исполиновъ Вождь! Но не чрезъ брань и кровь,
А милосердіемъ и мудростью одѣта
Пусть будетъ мочь твоя — любовь.
Какъ Зевсъ, держи перунъ, и имъ сверкай по небу;
Но, благотворному подобясь больше Фебу,
Свѣти на свѣтъ, какъ свѣта Богъ,
Миря грозой мятежну тварь!

═

ГЛАСЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА.

—

Небесъ зерцало, въ коемъ ясный
Мы видимъ отблескъ Божества,
О Ангелъ нашихъ дней прекрасный!
Благаго образъ Существа!
Который, какъ весна, сапфиромъ
Глядитъ на насъ, дышитъ зефиромъ
И багряницей зарь, цвѣтовъ,
Отъ дальнихъ странъ благоухаетъ,
Насъ помнитъ, любитъ, утѣшаетъ,
Взаимну въ насъ родя любовь!

Любовь любимаго народа,
Се перло Царскаго вѣнца!
Не санъ, не клятва, не порода,
Творятъ отечества отца, —
Любовь, Она всѣ Царства зиждетъ:
Велитъ горѣ — и съ мѣста идетъ;
Речетъ — и тихнетъ шумъ морей.
Ты зришь днесь самъ на ратномъ полѣ,
Чѣмъ всѣхъ Царей Ты въ свѣтѣ болѣ
И чѣмъ народъ Твой всѣхъ храбрѣй?

Странъ чуждыхъ хвально чтить искусство,
И, ихъ любя, благотворить;
Но Росса сердце, сына чувство,
Отецъ! чѣмъ можешь замѣнить? —
Пусть предаютъ полки тамъ грады;
Но мы, мы всѣ Тебѣ ограды:
Ты только будь у насъ Главой.
Какъ Богъ, въ подобьи исполина,
Шагни, — и свѣта половина
Другая будетъ подъ Тобой.

Мы слышимъ, полнъ къ Тебѣ любовью,
Летитъ тамъ Россъ на трубный гласъ,
И увѣнчался уже кровью;
Но дѣти есть еще у насъ:
Возьми ихъ всѣхъ и насъ на жертву,
И прежде Ты Россію мертву
Узришь всю трупомъ предъ Собой,
Чѣмъ измѣнимъ Тебѣ и Вѣрѣ;
Смѣняемъ Ормъ, польстя химерѣ,
Отцевъ съ доскою гробовой.

Пусть вождь, тиранъ тамъ гордый, бранный,
Средь хитростей своихъ, коварствъ,
Куетъ мечи, и умыслъ тайный
Плететъ на плѣнъ сосѣднихъ Царствъ;
Но Ты, владѣтель бывъ полсвѣта,
Благотворящая планета
Обширныхъ странъ и тмы сердецъ,
Не посягнешь безъ нуждъ на брани:
Тебѣ пріятнѣе нѣтъ дани,
Какъ миротворческій вѣнецъ.

Коль подвигъ славенъ, благороденъ,
Чтобы враждующихъ смирять!
Но коль великъ, богоподобенъ,
Чтобъ Царства падши поднимать! —
Посредникъ плачущей Европы!
Отъ Чукчей въ знойны Еѳіопы,
Какъ огнь, сверкнетъ Твой славы громъ.
Мы видимъ: небо растворилось,
И надъ Петрополемъ явилось
Царей сословье, звѣздный сонмъ.

Межъ ними Петръ, Екатерина.
(О Россамъ радостный соборъ!)
«Благопріятна Намъ судьбина:» —
Петръ рекъ, къ нимъ осклабляя взоръ —
«Трудовъ Мы сколько прилагали,
Чтобъ Европейцы насъ узнали
И допускали въ ихъ союзъ:
Теперь Праправнукъ торжествуетъ,

Престоламъ равный вѣсъ даруетъ,
И бережетъ ихъ всѣхъ отъ узъ.»

Какъ святъ восторгъ душъ горнихъ, радость,
Что видятъ насъ на сей чредѣ!
Подруга истины есть храбрость;
Мзда добродѣтель по трудѣ.
Они насъ всѣ благословляютъ,
Во Александра духъ вливаютъ
Миръ общій, вѣчный міру дать.
Цари колѣна преклоняютъ,
Народы, Царства прибѣгаютъ
Стопы спасителя лобзать.

Россія нынѣ, какъ невѣста
Ждетъ съ брачнымъ жениха вѣнцемъ,
Повсюду ищетъ время, мѣста,
Чтобы навѣдаться о Немъ:
То клонитъ слухъ, то выситъ взоры,
То всходитъ на высоки горы
Зрѣть солнца своего восходъ.
Тебя такъ Сѣверъ ожидаетъ,
Твоей блескъ тѣни примѣчаетъ:
Приди Свой радовать народъ!

Предстань, Любезнѣйшій, народу,
Какъ рекъ, любезному Тебѣ;
Воздвигни къ торжеству Природу
Ты всю во срѣтенье Себѣ:
Ѳимьямы въ храмахъ воскурятся,
Чертоги славой озарятся,
И нашъ воспламенится духъ.
О если бъ въявь онъ засвѣтился!
Въ подобномъ блескѣ бъ Ты явился,
Какъ Тотъ, Кто правитъ солнцевъ кругъ.

ПОХОДЪ ОЗИРИДА.

Алое облако сходитъ,
Свѣтъ озлащающе весь;
Оку и слуху низводитъ
Блески и звуки небесъ.
Что за видѣнье?
Чувствъ упоенье
Душу влечётъ!
Новый ли идетъ на землю то годъ?

Или толь свѣтлаго вида
Духъ созерцательный мой
Юнаго вновь Озирида
Видитъ, какъ идетъ войной
Въ бой на гіенну,
Миромъ вселенну
Всю побѣдить,
Дней въ ней златыхъ сады насадить?

Въ слѣдъ его Музы
Идутъ, поютъ;
Вязь цвѣтовъ, узы,
Легку кладутъ
Цѣпь на народы,
Царствъ на главы.
Иней короводы
Кочки, совы
Вкругъ ихъ толпятся
Счастья въ залогъ;
Сонмомъ ложатся
Подлѣ у ногъ.

Или то Фивъ лучезарный,
Милый богъ свѣта идетъ?
Стрѣлъ за спиной быстропарный
Тулъ онъ гремящихъ несетъ:
Двурожецъ въ рукахъ,
Огнь быстрый въ очахъ,
Гнѣвъ на челѣ;
Ищетъ Тифона онъ страшнаго въ мглѣ,

Видитъ — и въ мигъ натягаетъ
Вервью кленову стрѣлу;
Вержетъ — и рогъ содрогаетъ,
Воетъ струна, и во мглу
Лучъ улетаетъ,
Свищетъ, сверкаетъ,
Съ трескомъ разитъ
Грудь остріемъ, — сталь чешуйна звенитъ.

Кровь по хрупчату
Вьется песку;
Злобу зубату,
Адску тоску
Льетъ Князь тьмы зѣвомъ;
Крылья и хвостъ
Бьетъ; — и пыль съ ревомъ
Когтьми деретъ;
Ядъ потаенно
Блещетъ, шипитъ.
Фивъ зритъ презрѣнно;
Лукъ лишь гремитъ.

Или то Царь златокудрый,
Доблій мой Вождь, полубогъ,
Родшись что — Сѣвера бури,
Въ люлькѣ, морозы возмогъ,
Дунувъ зефиромъ,
Воззря сапфиромъ,
Вмигъ укротить,
Красное солнце къ веснѣ возвратить?

Вѣрно онъ, съ Фивомъ толь схожій
Пурпуромъ, свѣтлымъ лицомъ,
Ростомъ, осанкой пригожій,
Бѣлымъ на шлемѣ перомъ, —
Онъ, кому геньи
Всѣ въ восхищеніи
Сплили дары,
Я кого пѣлъ, — днесь ставитъ шатры!

Даждь ему Небо
Злость побѣдить,
Дланями Феба
Міръ умирить,
Силы вѣсами
Царства сравнять,
Домъ свой лучами
Славы обнять!
Я Полимнію
Въ ликъ соглашу;
Пѣсньми Россію
Всю освѣщу.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА.

Прикованна цѣпьми къ утесистой скалѣ,
Огромной, каменной, досягшей тверди звѣздной,
Нахмуренной надъ бездной,
Средь яра рева волнъ, въ ночи, во тьмѣ, во мглѣ,
Напасти, Андромеда, жертва,
По вѣтру распустя власы,
Трепещуща, блѣдна, чуть дышуща, полмертва,
Лишенная красы
На небо тусклый взоръ вперя, ломая персты,
Себѣ ждетъ скорой смерти;
Лія потоки слезъ, въ рыданіи стенетъ,
И тако вопіетъ:

«Ахъ! кто спасетъ несчастну?
Кто гибель отвратитъ?
Прогонитъ смерть ужасну,
Которая грозитъ?

«Чье мужество, чья сила,
Чрезъ мечъ и крѣпкій лукъ,
Покой мнѣ возвратила
И оживила бъ духъ?

«Увы! мнѣ нѣтъ помоги,
Надеждъ, отрады нѣтъ;
Прогнѣвалися боги;
Скрежеща, рокъ идетъ.

«Чудовище..... Ахъ! вскорѣ
Сверкнетъ зубовъ коса.
О горе мнѣ! о горе!
Избавьте, Небеса!» —

Но Небеса къ ея моленію несклонны.
На скачущи вокругъ сѣдыя, шумны волны,
Змѣями молніи летя изъ мрачныхъ тучъ,
Жгутъ воздухъ, пламенемъ горючъ,
И рдянымъ заревомъ понтъ синій обагряютъ;
За громомъ громы ударяютъ,
Освѣчивая въ тьмѣ бездонну ада дверь,
Изъ коей дивій волъ, иль преисподній звѣрь
Стальночешуйчатый, крылатый,
Серпокогтистый, двурогатый,
Съ наполненнымъ зубовъ ножей, разверзтымъ ртомъ,
Стоящимъ на хребтѣ щетиннымъ тростниковъ,
Съ горящими, какъ угль, кровавыми глазами,
Отъ коихъ по водамъ огнь стелется струями,
Между раздавшихся воспѣненныхъ валовъ,
Какъ островъ между стѣнъ, межъ синихъ льда бугровъ
Возсталъ, плыветъ, на брегъ заноситъ лапы мшисты,
Колеблетъ холмъ кремнистый
Прикосновеніемъ однимъ.
Прочь ропчущи бѣгутъ гнетомы волны имъ.

Печальная страна
Вокругъ молчитъ;
Изъ облаковъ луна
Чуть-чуть глядитъ;
Чуть дышутъ вѣтерки;
Чуть слышанъ стонъ
Царевниной тоски
Сквозь смертный сонъ;
Никто ей не дерзаетъ
Защитой быть:
Чудовище зіяетъ,
Идетъ сглотить.

Но внемлетъ плачъ и стонъ Зевесъ
Вездѣ безъ помощи несчастныхъ.
Вскрылъ вѣжды онъ очесъ,
И всемогущій скиптръ судебъ всевластныхъ
Подъялъ. — И се Герой
Съ Олимпа на конѣ крылатомъ,
Какъ быстро облако, блестяще златомъ,
Летитъ на долъ, на бой,
Избавить страждущую дѣву.
Уже не внемлетъ онъ его гортани реву,
Ни свисту бурныхъ крылъ, ни зареву очей,
Ни ужасу роговъ, ни остротѣ когтей,
Ни жалу, издали смертельный ядъ точащу,
Все въ трепетъ приводящу;
Но свѣтлы звѣзды какъ чрезъ сине небо рѣя,
Такъ стрѣлы быстрыя, копье, стремитъ на змѣя.

Частая сѣча меча
Сильна могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща какъ свѣча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубятъ, звуча.

Ужъ чувствуетъ Драконъ, что силъ его превыше
Небесна воя мочь:
Онъ становится будто тише,
И удаляется коварно прочь:
Но, кольцами склубясь, вдругъ съ яростію злою,
О бездны опершись изгибистымъ хвостомъ,
До звѣздъ возставъ, какъ дубъ, вѣтвистою главою
Онъ сердце раздробить рогатымъ адскимъ лбомъ
У Витязя мечтаетъ;
Бросается, — и вспять отъ молній упадаетъ

Священнаго меча,
Чуть движа по землѣ свой трупъ, въ крови влача.
Отъ воя звѣря вкругъ вздрогнули черны враны:
Шумитъ ихъ въ дебряхъ крикъ; сокрыло море раны!
Но чермна кровь его по пѣннымъ водъ буграмъ,
Какъ рдяный блескъ видна пожара по снѣгамъ.

Вздохи и стоны Царевны
Сердца ужъ больше не жмутъ;
Трубятъ Тритоны, Сирены,
Музы и Нимфы поютъ;
Вольность поютъ Андромеды,
Храбрость Персея гласятъ;
Плескъ ихъ и звукъ про побѣды
Холмы и долы твердятъ:

«Побѣда! побѣда!
Жива Андромеда!
Живи, о Персей,
Вѣкъ славой твоей!» —

Не зримъ ли образа въ Европѣ Андромеды,
Во Россѣ бранный духъ, Персея славны слѣды,
Въ Губителѣ мы баснь живаго Саламандра,
Ненасытима кровью?
Во плоти божества — могуща Александра?
Полнъ милосердіемъ, къ отечеству любовью,
Онъ рекъ: «Когда еще злодѣю попущу,
Я Царства Моего пространна не сыщу,
И честолюбію вселенной не достанетъ.
Лети, Орелъ! да громъ Мой грянетъ!» —

Грянулъ межъ Бельта заливовъ,
Вислы и Шпреи бреговъ;
Галлы средь жаркихъ порывовъ
Зрѣли, духъ Русскихъ каковъ!
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Росса!

Весело Россъ проливаетъ
Кровь за законъ и Царя;
Страха въ бою онъ не знаетъ,
Къ нимъ лишь любовью горя.
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Росса!

Россъ добродѣтель и славу
Чтитъ лишь наградой своей;
Трудъ и походы въ забаву;
Ищетъ побѣдъ, иль смертей.
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Росса!

Жизнь тѣхъ прославимъ полезну,
Кто суть отчизны щитомъ:
Слава Монарху любезну!
Слава тебѣ, Бенингсонъ!
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами: чтите всѣ Росса!

Повѣся шлемъ на мечъ, имъ въ землю водруженной,
Предъ воинства лицемъ хвалу Творцу вселенной,
Колѣно преклоня, съ простертьемъ рукъ, воспѣлъ
На мѣстѣ брани Вождь: — въ Россіи громъ взгремѣлъ!

НА ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ АРМІЮ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО.

Ноября 1806 года.

Взлетѣлъ маститый Орлъ, паритъ,
Ширяется межъ звѣздъ крылами:
Свистъ бурь, блескъ молній подъ когтями, —
И змѣй, во мглѣ клубясь, шипитъ.
Оставшій мечъ Екатерины,
Булатъ, обдержанный въ бояхъ,
Каменскій! ты полки орлины
Ведешь на брань, — и Галлу страхъ.

Иди! иди! предходитъ Богъ
Передъ хоругвью Александра,
И пламень жруща Саламандра
Онъ въ прахъ твоихъ повергнетъ ногъ.
Суворовъ былъ водимъ тожъ Богомъ
И разжѣнялъ враговъ онъ тму:
Я, вдохновенный Музъ восторгомъ,
Побѣды предвѣщалъ ему.

Такъ, вышней силой я держусь:
Ты именемъ и духомъ камень,
Холодностью угасишь пламень;
Сразись! — и я не постыжусь.
Отечество стыдомъ не кроя,
(Нашъ Царь его не долженъ несть,)
Дерзай, мужъ, избранный въ Героя,
Ты Россъ! — побѣда, или смерть!

Побѣда! — лавръ твой съ сѣдиной
Младымъ птенцамъ явитъ путь къ славѣ,
Лучъ Александровой державѣ,
И дастъ Европѣ онъ покой.
О Россы! вы не посрамитесь:
Природный васъ днесь вождь ведетъ:
Во блескѣ новомъ вы явитесь:
Вѣнцы за правду Небо плетъ.

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ КОРПУСА ГВАРДІИ ВЪ ПОХОДЪ.

Громовая стрѣла,
Лучъ молньи быстропарной,
Подобіе орла —
О духъ Россіи бранной!
Простряся быстрыми крылами
Средь мразовъ, бурь, между снѣгами,
Лети предъ строемъ Александра,
Лети, и — грянь на Саламандра;

Греми, рази ехиднъ
Илектра на волнахъ;
Освободи Берлинъ,
Лежащій во зміяхъ,
Обвившихъ вкругъ его все тѣло.
Твое, тебя достойно дѣло
Плесть лавръ себѣ изъ новой славы,
Къ улыбкѣ Витязя Полтавы.

Такъ Петръ тронъ Прусскій взнесъ,
И Царствъ въ чреду поставилъ;
Знакъ перстомъ далъ съ небесъ,
Праправнукъ чтобъ избавилъ
Отъ жрущаго его дракона,
Открылъ въ немъ образъ Лаокона,
Но спасшаго стрѣлами Феба.
О Россъ! будь громъ, падущій съ неба!

Ступай и побѣди
Никѣмъ; непобѣдимыхъ
Обратно не ходи
Безъ звѣздъ, на персяхъ зримыхъ.
Ты храбрыхъ цвѣтъ, могущъ, прекрасенъ,
Быть долженъ славой міру гласенъ,
Что чтишь друзей своихъ союзы;
Полкъ Александра — щитъ Медузы.

МОЛИТВА.

По Высочайшемъ отсутствіи въ армію

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

(1807 года Марта 16 дня.)

Господи! возсылаютъ
Къ Тебѣ свои мольбы, —
Взоръ, длани простираютъ
Смиренные рабы:
Взгляни сквозь страшны бездны
Съ высотъ Твоихъ святыхъ
На вздохи, токи слезны,
На огнь ѳимьямовъ ихъ.
Взгляни и виждь — Россія,
Тмой душъ, какъ звѣздъ, горя,
Средь тверди голубыя,
Гласитъ: спаси Царя!

Храни Его на брани,
Покой въ пути, паси;
Твои незримы длани·
Вездѣ надъ Нимъ носи;
Будь твердый щитъ отъ злобы. —
Ты зришь, сколь врагъ Его
Геройскихъ душъ свелъ въ гробы
Средь звѣрства своего:
Тамъ мать лишилась сына;
Тамъ братъ палъ смерти въ долъ;
Четы здѣсь половина —
И Ты, Творецъ! доколь?...

Доколѣ токи крови
Велишь намъ, грѣшнымъ, лить?
Богъ благости, любови,
Жестокъ не можетъ быть:
Престани же отъ гнѣва,
Ревъ бури усмири;
Хлябь алчную Эрева
Перунами запри;
Ударь! — и съ крылъ Зефира
Снесется тихій день,
Благоуханну мира
Дастъ Александръ намъ сѣнь.

ПЛАЧЪ ЦАРИЦЫ.

Развернулась лишь лилея,
И на солнце стала зрѣть;
Улыбнулася, алѣя,
Только роза, — ссѣкла смерть.
Будто мраморна Царица
На супружней выѣ зрится,
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Плачетъ добрая Царица:
Рокъ у ней злой дщерь унесъ;
Какъ роса, огнемъ струится
На ланитахъ капля слезъ,
Скорбь души изображая.
Дщерь бездушну лобызая,
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Въ одиночествѣ, въ разлукѣ,
Какъ супруга нѣтъ со мной,

Кто мнѣ въ горести и скукѣ
Собесѣдникъ будетъ мой?
Чей мнѣ взоръ и лепетанье
Вспомнитъ Ангеловъ витанье? —
Стонетъ матерь стонетъ свѣтъ
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Кто Царя во дни унывны
Взглядомъ милымъ озаритъ:
Руки распростря невинны,
Взять на лоно приманитъ?
Ахъ! кто бранному Герою
Дѣтской честь отдастъ игрою?
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Тяжко бремя кто короны
Будетъ нашей облегчать?
Подъ порфирой духа стоны
Упованьемъ услаждать;
Безъ надежды наслажденья
Цѣлый свѣтъ не награжденье.
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Прочь и скипетръ, и держава,
И блестящіи дворскіи сонмъ!
Суета и Царска слава,
Если смерть грозитъ серпомъ.
Такъ Царица возглашала
И утѣхамъ не внимала.
Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Но межъ ей и межъ супруга
Стоя плачуща, Любовь
Лобызаніемъ другъ друга
Утоляетъ смутну кровь.
Весь народъ, имъ благъ радѣя,
Проситъ: кроткая лилея!
Райскій кринъ! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

На миръ 1807 года.

Государынямъ Императрицамъ (*).

Весна вѣнцемъ вѣнчалась лѣта;
Порхаетъ по цвѣтамъ зефиръ;
Сіяньемъ солнечнымъ нагрѣта,
Земля лобзаетъ сладкій миръ.

(*) Не была поднесена.

Кому жъ по Богѣ мы священный
Возжемъ благодаренья жаръ?
Не Вамъ ли, божества смиренны,
За сеі намъ столь безцѣнный даръ?

По громамъ бисеры драгіе,
Отъ радугъ какъ въ дождяхъ, блестятъ:
Елисавета и Марія
Такъ, кинувъ къ намъ веселый взглядъ,
Знать дали, что покой Европы
Возставилъ Александровъ мечъ.
Какъ лучъ отъ Норда въ южны тропы,
Ихъ пробѣжала мирна рѣчь.

Но, Муза! коль бываетъ сладость,
По горечи; вкуснѣй устамъ,
А по печалямъ, если радость
Цвѣтетъ, пріятнѣе сердцамъ:
То прежде дни представь бурливы,
Какъ въ бѣдствахъ подвизался Россъ:
Потомъ пой лавры и оливы,
Чѣмъ онъ главу свою вознесъ.

Корабль какъ въ пѣнномъ, шумномъ морѣ,
Подобно скорлупѣ въ волнахъ,
Носящійся стихіевъ въ спорѣ,
Топущихъ въ безднахъ, въ облакахъ,
Въ разверзты низвергаясь пасти,
Мракъ ада видитъ предъ собой,
Трескъ внемлетъ ребръ, дна, скрипы снасти
И съ мачтъ токъ молніевъ струей;

Иль какъ лѣсовъ въ трущобѣ львица,
Объемлема пожаромъ вкругъ,
Вздымая гриву, взоръ, чудится,
Внявъ древъ паденье, грохотъ, стукъ,
И что бѣжитъ къ ней ржущій пламень
На грудь, на чресла и на тылъ,
Стоитъ недвижима, какъ камень,
Но не теряетъ духа силъ:

Такъ въ тяжки оны дни Россія
Войной была окружена,
Какъ съ всей Европою Азія
Была на насъ ополчена:
Шли Галлы, Персы, Туркоманы,
Шелъ льстивый другъ, шелъ тайный врагъ,
Наполеономъ обаянный,
Къ намъ, вознесшимъ свой гигантскій шагъ.

И побѣдитель сей кичливый,
Какъ валъ, что изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой текъ строптивый,
Тѣмъ больше грознымъ становясь,
Такъ взросъ побочныхъ водъ приливомъ,
Что будто нѣкій странный холмъ
Подъ тѣни своея нагибомъ
Блескъ солнца затмѣвалъ челомъ,

Унизя Рима и Германіи
Такъ духъ, что, ими въявъ и втай
Господствуя, не сыты длани
Простеръ и на полночный край.

И зрѣлъ ли онъ себѣ препону,
Коль могъ бы Вѣру колебнуть,
Любовь къ отечеству и къ трону?
Но онъ ударилъ въ Русску грудь.

О Русска грудь неколебима,
Твердѣйшая горы стѣна!
Скорѣй ты ляжешь трупомъ зрима,
Чѣмъ будешь кѣмъ побѣждена!
Не разъ въ огняхъ, въ громахъ, средь бою
Въ крови тонувши ты своей,
Примѣры подала собою,
Что Россовъ въ свѣтѣ нѣтъ храбрѣй.

Врагъ, предъ собой скалу желѣзну
Узря, позналъ своихъ тлѣнъ силъ;
Вѣтвь дружбы мирную, зелену
Предъ Александромъ предложилъ.
Монархъ человѣколюбивый,
Чтобъ крови за корысть не лить,
На мѣсто лавровъ, взялъ оливы,
И повелѣлъ спокойству быть.

Простите жъ, кротости богини,
Что я смущалъ Вашъ громомъ слухъ;
Благодѣянья и святыни
Вашъ паче услаждаютъ духъ.
Се зрю, Вы обратили взоры
На вдовъ убитыхъ, на сиротъ,
И льете воиновъ на соборы
Увѣчныхъ — Вы дожди щедротъ.

Но Миротворецъ, Царь державный,
Какъ пальмъ Вамъ принесетъ вѣнецъ;
За даръ Его толико славный
Спокоивъ у Своихъ сердецъ,
Внушите мысль Ему охранну,
Къ геройству возбуждая духъ:
Врагъ примиренный, снесшій рану,
Не можетъ быть надежный другъ.

А вы, лишившіяся бранью
Отцевъ, супруговъ, братьевъ, чадъ!
Гордитесь той безцѣнной данью,
Что вамъ любезны кости спятъ
На полѣ незабвенныхъ боевъ.
Кто не умретъ? — смерть всѣхъ сразитъ;
Но Термопильскихъ духъ героевъ
Живетъ понынѣ — Леонидъ.

Пусть лесть гордыней ослѣпленна
Завоевателей трубитъ;
Но тихая свирѣль смиренна
Нравъ Ангельскій поетъ и чтитъ
Маріи днесь, Елисаветы,
И ждетъ, что ихъ Супругъ и Сынъ
Не будетъ въ громы ужъ одѣтый,
Но миромъ міра Властелинъ.

Какъ съ Божьяго лица отливы
Блистаютъ въ милліонахъ звѣздъ,
Такъ позлатитъ Онъ грады, нивы
Опустошенныхъ злобой мѣстъ.
Вездѣ Ему душъ восхищенье
Изъ чувства истинна добра
Въ слѣдъ воззвучитъ благословенье,
А не наемное — ура!

Поэзьи дальновидный Геній
Грядущу мнѣ предрекъ судьбу:
Падетъ Европа на колѣни
Предъ тѣмъ, кто прекратитъ борьбу,
И токъ прольетъ въ ней дней блаженныхъ.
Се ужъ паритъ Его Орелъ!
О радость! въ тулѣ дѣвъ священныхъ
Зрю тучи сладкихъ сердцу стрѣлъ!

ЭРОДІЙ НАДЪ ГРОБОМЪ ПРАВЕДНИЦЫ.

Въ далекой, но единовѣрной,
Паритъ Эродій мой странѣ;
Унылый, жалобный, плачевной
Его кликъ огнь льетъ въ сердце мнѣ
Что за восторгъ благочестивый,
О врагъ зміевъ храмолюбивый,
Вдыхаетъ мнѣ сей твой полетъ?
Я вижу за волнами волны,
Славяно-Россовъ родъ сокровный,
Какъ сонмы водъ, течетъ въ твой слѣдъ.

Я вижу нѣкую, простую
И неизвѣстну въ свѣтѣ вѣсь, —
Надъ малой церквью тѣнь густую,
Вокругъ навиcшій юный лѣсъ
Оливъ, миртъ, лавровъ благовонныхъ, —
И пѣсней сладостныхъ, духовныхъ
Тамъ тихій раздается стонъ;
Но златомъ не горда гробница.
Се что? — Не скрыта ль тутъ Царица,
Сіявшая въ лучахъ коронъ?

Нѣтъ! — Ангелъ тутъ уснулъ тѣлесный,
Сотрясшій тлѣна суеты,
Добротъ прозябшій кринъ небесный
Души и тѣла красоты,
Предъ коимъ всѣ сіянья міра,
Богатства, почести, порфира,
Какъ предъ луною мрачна дебрь.
Зри: блещетъ весь, цвѣтетъ пустыня;
Почіетъ въ Богѣ тутъ богиня,
Жена, Сестра Монарха, Дщерь!

И запахъ льетъ ужъ лавръ зеленый
Во знакъ побѣды красотой;
Оливы — нравы что смиренны;
А мирты — что любви душой
Къ супругу Своему горѣла,
Сердцами подданныхъ владѣла;

А тѣсный храмъ — чтобъ въ твердь неслись
Молитвы изъ него лишь вѣрныхъ,
Не слышались бы лицемѣрныхъ,
И волки съ агнцы не паслись.

Прочь, Фурья зависти, отъ гроба
Блаженной, и не смѣй взглянуть
Ты на него, когда внутрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!
Вижду: Ангелъ, въ небо возносяся,
Со облакъ долу преклоняся,
Простивъ тебя, благословитъ;
На Матерь склабясь, Сестръ и Братьевъ,
Средь Бабки и Отца объятьевъ,
Отмщать за грѣхъ твой не велитъ.

Теките жъ къ праведницы гробу,
О В..... и С...., близнецъ Славянъ!
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ Всемогущимъ Богомъ,
Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
Въ защиту Вѣры обнажится;
Чрезъ рвы и горы устремится
Васъ къ стаду нашему привлечь.

Какъ урны глиняны, скудельны,
На круговратной зиждясь дскѣ,
И зданья, буйно вознесенны
На рыхлосыпчатомъ пескѣ:
Такъ точно всѣ через коварства
Распространившіяся Царства
И козньми славныя страны
Въ коротко время разрушатся,
Страстьми своими сокрушатся,
И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тьмы.

Займутъ престолъ Цари другіе;
Ихъ скиптры къ ихъ врагамъ прейдутъ;
Замышленные ковы злые
На ихъ самихъ главы падутъ;
Расторгнется и возмутится,
Въ пустыняхъ дикихъ водворится
Обманчивый, невѣрный родъ;
Но честь и вѣрность сохраняяй,
По правдѣ, Вѣрѣ побораяй,
Великъ всегда, блаженъ народъ!

Великъ, кто на войнѣ кровавой
Стоялъ, неустрашимъ душой;
Одинъ противу тмы за славой
Летѣлъ — и умеръ, какъ герой!
Великъ, кто въ узахъ и въ неволѣ
Былъ столь же твердъ, какъ въ ратномъ полѣ,
И предъ тираномъ ницъ не лёгъ;
На даръ, на ласки негодуя,
Надъ гладомъ, жаждой торжествуя,
Отечеству быть вѣрнымъ могъ.

Вы видѣли при Остерлицахъ,
Въ чьихъ адъ и въ чьихъ былъ Богъ сердцахъ!
На вашихъ люта смерть границахъ,
Побѣду вѣся на вѣсахъ,
Едва ль кому вѣнецъ вручила;
Но Сѣвера не пала сила,
Ни Вѣра, ни любовь къ Царямъ;
Врожденно Русскимъ есть геройство,
И ваше намъ подобно свойство;
Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!

Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь, и умъ, и духъ одинъ:
Славяно-Русско-С..... Царство
Одинъ со В..... исполинъ;
И праведны ли тѣ уставы,
Чтобъ насъ лишать одной державы?
Межъ братьевъ нерушимъ союзъ:
Гробъ А....... вкругъ цвѣтами
Осыпавъ и оплакавъ съ нами,
Еще ли вы средь чуждыхъ узъ?

По утру сребряно-огнисты
Какъ блещутъ капли на цвѣтахъ,
Ея духъ въ радугахъ, зрю, чистый,
Сверкнувъ М...... на поляхъ,
Сраженья мѣсто посѣщаетъ,
Надъ Россовъ тѣхъ костьми вздыхаетъ,
Кто мужественно пролилъ кровь,
И, осыпая ихъ росами,
Зритъ свѣтлыми на васъ зарями,
Что вы являли къ намъ любовь.

Мы не забудемъ благодарность
И чувствъ нѣжнѣйшей дружбы къ вамъ;
Ни время не затмитъ, ни дальность,
Благодѣяній вашихъ намъ:
Извѣстны матери, какъ въ раны
Ихъ чадъ вы тщились лить бальзамы
И огнь устъ влагой утолять;
Отцы — какъ души ободряли
Младыхъ героевъ, и внушали
За славу бѣдства презирать.

Храмъ, твердымъ мужемъ сооруженный,
И благочестія олтарь,
Правдивой Вѣры озаренный!
Стой всѣхъ до померцанья зарь
Подобно неподвижну холму,
И къ святу Праведницы дому
Любящихъ святость собирай:
Ты жъ, стражъ его, Музъ другъ, М........!
О житель В...... и сынъ Россійі!
Единомысліе вперяй.

ГЕБА (ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ).

—

Изъ опаловаго неба,
Со Олимпа высоты,
Вижу, идетъ юна Геба,
Лучезарной красоты!
Изъ сосуда льетъ златаго
Въ чашу злату — снѣдь орлу.

Зоблетъ молній Царь пернатыхъ,
Пукъ держа въ когтяхъ громовъ;
Вѣтръ съ раменъ его крылатыхъ
Вкругъ шумитъ межъ облаковъ;
Чернопламенныя очи
Мещетъ Геба на него,

И улыбкою Авроры
Бранный умягчая духъ,
Музъ его клоня на хоры
Нѣжимый, палимый слухъ.
Вьетъ орелъ гнѣздо на лонѣ;
Оперяются птенцы!

Что таинственна картина?
Что явленьё дѣвы сей?
По челу — Екатерина;
По очамъ — огнь Павловъ въ Ней;
По душѣ Она — Марія,
Александръ, Елисаветъ.

Такъ! Она Ему Сестрою,
Искренній Ея бывъ другъ,
Будетъ вѣрности душою
То творить, что и Супругъ,
И, Царю служа полсвѣта,
Будетъ подданныхъ примѣръ.

О изящна добродѣтель!
О великихъ образъ женъ!
Кто быть могши самъ владѣтель,
Но, ставъ волей униженъ,
Явилъ выше Царской власти,
Духъ — Отечеству служить?

Симъ однимъ, Екатерина,
Именемъ Своимъ однимъ
Ты повергла исполина
Росса ко стопамъ Твоимъ.
Чѣмъ любовь Твою заплатимъ? —
Лишь любовію одной.

Со Георгіемъ на брани,
Въ поприщѣ съ Тобой Наукъ,
Мы сберемъ трофеевъ дани:
Грянетъ Александровъ звукъ!
Славься симъ Екатерина!
Славься Россіянкой быть!

═

ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ (ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ).

—

ПАЛЕМОНЪ.

Среди плетенныя, шиповыя ограды,
Подъ тѣнью липъ, дубовъ,
Между сиренъ и розовыхъ кустовъ
Домъ благодатныя, неблазныя Добрады,
Богини всякаго добра,
Царицы тмы щедротъ,
Въ полугорѣ стоитъ, и вдаль чрезъ долъ съ высотъ
Блеститъ изъ мрамора столпами;
А передъ ними, какъ сребра
Съ уступами гора,
Шумящій водоскатъ, жемчужными струями
Сверкая, сыплется въ рѣку,
И прогоняетъ дѣвъ задумчивыхъ тоску. —
Здѣсь возвышается олтарь Творцу вселенной,
И обелисковъ рядъ несется къ небесамъ,
Царямъ,
Вождямъ,
Друзьямъ,
Вкругъ благоговѣніемъ вседневно окуренный;
А тутъ пестрѣются различные цвѣты,
Для вящшей сада красоты
Въ узорчатыхъ грядахъ,
Какъ будто на коврахъ,
Между извилистыхъ, златыхъ, тропинъ, песчаныхъ,
По коимъ ходитъ ликъ небесныхъ Валкъ избранныхъ.
На мѣстѣ семъ
Добрада въ обществѣ своемъ,
Во сельской простотѣ, но божеству приличной, —
Во знойный день,
Въ вечерній часъ обычной,
Подъ солнцемъ рощи какъ кидаютъ длинну тѣнь,
И отъ очей за нимъ черепокожна чуда,
Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни откуда,
Алѣютъ воды, горы и лѣса,
И въ золотѣ горятъ багряномъ небеса,
Шумъ тварей тише становится,
И легкій порхаетъ Зефиръ,
Рой насѣкомыхъ, чуть вдали жужжа, толпится,
И клонится къ дремотѣ міръ, —
Возсѣвши на скамьѣ муравчатой, дернистой,
Богиня воздухъ черплетъ чистой,
И смотритъ на свои утучненны стада,
Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины;
Иль зритъ средь озера стеклянныя равнины,
Какъ тихо тянется за лебедемъ бразда;
Иль слушаетъ, склонясь, переливистыя трели,
Какъ изъ-за рощи къ ней
Доходятъ голоса пастушеской свирѣли;
Иль громкій соловей
Какъ торжество своей
Любови страстной воспѣваетъ,
Отрывисто звучитъ,
За громомъ громъ катитъ,
И всю себя внимать Природу заставляетъ;

Потомъ же, утомясь,
Свой тише, тише гласъ
Какъ бы степенно ниспускаетъ,
И сладостно стеня, въ восторгѣ умолкаетъ.
А иногда молву
Вкругъ слышитъ по лѣсамъ богиня птицъ безгнѣздныхъ,
Какъ чадъ своихъ любезныхъ,
Онѣ къ себѣ зовутъ: ау, ау, ау!
Отъ скучныхъ стоновъ сихъ склоня свою главу,
Подъ часъ задумчиво сидитъ,
Молчитъ;
А эхо тожъ· ау, ау!
Безперерывно повторяетъ,
Добрадѣ сердце раздираетъ.
Она вздыхаетъ,
Токъ слезный проливаетъ,
И бывши бѣдствія и Лизу вспоминаетъ,
Что въ Майскій свѣтлый, юный день
Недавно скрылася во смертну тѣнь,
Ее, отца и мать оставивши въ печали;
Или груститъ,
Печальный кажетъ видъ,
Отсутственну изъ дали
Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждетъ,
И заунывну пѣснь такъ про себя поетъ:

Арія.

Богиней я слыву;
Нейдутъ заботы прочь:
Тебя къ себѣ зову,
Приди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Весна цвѣтитъ траву,
Зимы исчезла мочь:
Тебя къ себѣ зову,
Приди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ таковыхъ умильныхъ насладится,
Объемлетъ на одрѣ богиню сладкій сонъ;
А Дажъ-богъ, сшедъ съ небесъ, къ ней стражемъ становится,
И осѣняетъ звѣздъ щитомъ.
Валкала ликъ тогда подъ арфой тихострунной,
Какъ шепчущій камышъ морской, или ручей
Въ вѣтреноватый часъ, часъ лунной,
Отвсюду ей
Во слухъ гармонію лiетъ,
Дреманье и покой, на вѣжды мглу ведетъ.

хоръ.

О духи всемірны!
Крилѣ вы эѳирны
Прострите надъ ней;
Струися, ручей,
Дремоты пріятной!
Душѣ благодатной
Чистой во всемъ,
Зрися рай сномъ.

ДАФНИСЪ.

Надъ злачнымъ садомъ симъ Добрады
Востока днесь златилась дверь:
Ужъ не предвѣстье ль то отрады?
Не возвратится ли къ ней дщерь
Изъ дальнихъ, чуждыхъ странъ, изъ области супруга?
Не скажешь ли о томъ, что Палемонъ намъ ты?

ДАФНА.

Я, я скажу: моя подруга,
Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣты
На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ сплетала,
Тихонько на ушко,
Чтобъ не подслушалъ кто,
Мнѣ такъ шептала:
«Сегодня праздникъ у Добрады, —
Пріѣхала къ ней дочь.»
Я вмигъ украдкой прочь
Убѣгла отъ сестеръ,
Чтобы и мнѣ, въ ея примѣръ,
Украсить мой нарядъ, и въ день такой пріятный,
Толь свѣтлый, милый, благодатный,
Усердья моего всѣхъ больше показать.
Какъ будутъ дочь и мать
Себя взаимно обнимать,
И сладку межъ собой семейну жизнь вкушать!

ДАФНИСЪ.

Какъ! ужъ пріѣхала къ намъ гостья ожиданна?
О радость сердцу несказанна!
О душъ ей преданныхъ восторгъ!
Здорову ли ее принесъ обратно Богъ?
Цвѣтетъ ли красота ея, цвѣла какъ прежде,
И вѣчно чтобъ съ ней жить, быть можемъ ли въ надеждѣ?

ПАЛЕМОНЪ.

Какъ на отечество свое она глядитъ,
На мать, на братьевъ, сестръ? Въ бесѣдахъ говоритъ
Своимъ ли языкомъ?

ДАФНИСЪ.

Спросила ли о комъ?
Узнала ли друзей, и тѣ мѣста природны,
Гдѣ развивалися красы порфирородны,
И улыбалась въ ней младенческа душа?

ДАФНА.

Все такъ же хороша:
Не разнится ни въ чемъ весеннихъ дней съ зарею;
Съ середнею своей и младшею сестрою
Привѣтлива, скромна и ласкова ко всѣмъ;
Всечасно мать лобзаетъ;

А мать ее
Объемлетъ, къ сердцу прижимаетъ,
И на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываетъ.
Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ,
И вкругъ торжественно сіяньемъ все блеститъ:
Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлетаютъ,
Сверкая перьемъ, чешуей;
Повсюду, словомъ, все восторгъ являетъ свой.
Прекрасны дѣвы хороводомъ
И пляшутъ и поютъ, ея живяся взоромъ.

Арія.

О какъ обитель
Добрады цвѣтетъ!
Всякой въ ней житель
Блаженно живетъ;
Счастливо, пріятно,
Зритъ какъ обратно
Прибывшу къ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь теперь!

ПАЛЕМОНЪ.

И о житьѣ она своемъ
За тридевять земель, заморскомъ, разсказала
Тебѣ и всѣмъ?

ДАФНА.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца,
Какъ встрѣчена была отъ матери, отца,
Супруга своего, и отъ всего народа;
И какъ отъ хоровода
Всѣхъ тамошнихъ, какихъ-то Музъ
По тамошнему пѣтъ ей былъ усердный Гимнъ
Я вытвердить его успѣла наизустъ,
И языкомъ своимъ —
Коль Дафнисъ согласится
Со мною потрудиться,
Всѣмъ сердцемъ порадѣть,
То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть.

ДАФНИСЪ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану,
И вторить стану.

Дуэтъ (*)

ДАФНА И ДАФНИСЪ.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Блескъ златымъ вѣнцемъ дающа,
Изъ чужаго небосклона
Пренесенна къ намъ на лоно,
И съ сладчайшими плодами
Зеленѣй всегда листами!»

Тріо.

ПАЛЕМОНЪ, ДАФНИСЪ И ДАФНА.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Къ небесамъ главу несуща!
И, дни бурные зимою,
Не касайтесь къ ней косою!»

ПАЛЕМОНЪ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народѣ,
То стыдно будетъ намъ,
Коль въ собственномъ своемъ отечествѣ и родѣ
Мы воли не дадимъ сердцамъ,
И чувствъ своихъ къ отрадѣ
Сегодня торжества не изъявимъ Добрадѣ.
Поди, о Дафнисъ! поскорѣй,
И предъ олтарь ты къ ней
Созови всѣхъ пастуховъ съ селеній окружныхъ,
Участниковъ ея щедротъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,
За всѣхъ ея родныхъ
Творцу моленье льётъ,
И восхищенныхъ чувствъ своихъ
Являетъ радость и прохлады.

МОЛИТВА НАРОДА.

О Боже! зри
Мольбы сердечны:
Съ высотъ простри
Дни счастья вѣчны,
И всякихъ золъ
Избавь Добраду;
Царя, престолъ
Прими въ ограду,
И насъ храни:
Дай свѣтлы дни.

ХОРЪ СИРОТЪ.

Ты отъ смерти воскресила,
И изъ праха насъ взяла,
Воспитала, воскормила,
Просвѣщеніе дала.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Сирыхъ благодарность зри.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ!

Ты нашъ разумъ озарила,
И украсила нашъ нравъ;
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ ставъ.

(*) *Дуэтъ* сей и *Тріо* переводъ изъ Шиллера.

О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Дѣвъ днесь благодарность зри

ХОРЪ ВДОВЪ.

Ты насъ дланію покрыла,
Даровала намъ покой,
Жизнь несчастну прекратила
Щедрою твоей рукой.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Вдовъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ РЕМЕСЛЪ.

Ты искусствомъ надѣлила,
Намъ познанія дала:
Прясть и ткать насъ научила,
Пользу общую ввела.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Музъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Ты намъ милости являешь,
И щедротами даришь;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,
По достоинствамъ насъ чтишь.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Общу благодарность зри.

ПАЛЕМОНЪ.

Но зрите, какъ сія божественна Царица
Скромна, и все добро лишь для добра творитъ;
Хотя сіяетъ всѣмъ, какъ бы небесъ зарница,
Но взоръ прозрачная тонкица (*)
Ея, какъ легкій облакъ, тмитъ,
Когда ей ароматъ съ полсвѣта душъ горитъ.

═

(*) Тонкое покрывало.

ШЕСТВІЕ ПО ВОЛХОВУ РОССІЙСКОЙ АМФИТРИТЫ (ВЕЛ. КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ).

—

Что сіяетъ отъ заката
Въ полночь полудневный свѣтъ?
Средь багряна, стекляна злата
Кто по Волхову плыветъ?
Полкъ Тритоновъ трубитъ въ трубы;
Рыбъ на днѣ сребрится бѣгъ;
Пляшутъ холмы, скачутъ дубы;
Съ плескомъ рукъ бѣжитъ въ слѣдъ брегъ,
И шумятъ струи жемчужны?

Посидонъ ли съ Амфитритой
Озираетъ ходъ-то рѣкъ,
Чтобъ, судами ставъ покрытой,
Онъ довольство всюду влекъ?
Иль Прекраса перевозитъ
Въ Выбутскъ Игоря въ ладьѣ,
Огнь къ себѣ любви въ немъ множитъ,
Жжетъ и сердце имъ свое?
Сколь красы съ геройствомъ дружны!

Нѣтъ! не древнихъ дивъ картина
Удивляетъ смертныхъ взглядъ;
Шествуетъ Екатерина
Со Георгомъ въ Петроградъ!
Ладогона зрю сурова:
Снѣго-блещущи власы
Онъ взбугря чела сѣдова,
Изъ-подъ длани на красы
Взоръ стремитъ звѣзды полночной.
«Какъ,» — гласитъ — «Екатерина!

Вновь мнѣ блещетъ Божество?
Имя, вѣсть о Ней едина
Мнѣ восторгъ и торжество!»
Рекъ — и взоръ къ прекрасной Дщери
Осклабляя, подалъ знакъ,
Чтобъ Ее весть понта въ двери, —
И Нева, преклонии зракъ,
Въ градъ ведетъ преузорочной.

Петрополь встаетъ на встрѣчу;
Башни всходятъ изъ-подъ волнъ.
Не Славянска внемлю вѣчу,
Слышу Музъ Аонскихъ звонъ.
Вижу — мраморы, граниты
Богу вносятся на храмъ;
За заслуги знамениты,
Въ память Вождямъ и Царямъ,
Зрю кумиры изваянны.

Вижу — Сѣвера столица,
Какъ цвѣтникъ межъ рѣкъ цвѣтетъ:
Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ Царица,
И Ея прекраснѣй нѣтъ!
Бельтъ въ безмолвіи зерцало
Держитъ предъ Ея лицемъ,

Чтобы прелестьми блистало
И вдали народамъ всѣмъ,
Какъ румяный отблескъ зарный.

Вижу — лентіи летучи
Разноцвѣтны по судамъ;
Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
Къ камнетесаннымъ брегамъ;
Вижу – пристаней, цѣпь зданій,
Торжищъ, стогновъ чистоту,
Злачныхъ рощъ, путей, гуляній,
Блескъ, богатство, красоту,
Красотѣ Царя подобну.

Межъ народа тамъ Онъ зрится,
Какъ отецъ между дѣтей;
Но здѣсь молнія стремится
Отъ Его въ строяхъ мечей, —
И отзывъ Его перуна
Ужъ трясетъ среду земну. —
Онъ, избравъ днесь Вождя сына
На рогатую луну,
Повелѣлъ вести брань злобну.

Фениксъ сей, изъ праха отча
Вставъ, паритъ во звѣздный кругъ;
Гордость, завпсть, злоба, молча,
Въ немъ признавъ воинскій духъ,
Защищать Стамбулъ престанутъ,
Въ Азію Махметъ уйдетъ;
Вновь Эллады лиры грянутъ,
И почтитъ тогда весь свѣтъ
Александра олтарями.

Но доколѣ совершится
Древній сей пророчій гласъ,
Норда Царь тѣмъ веселится,
Что межъ льдовъ растетъ Парнассъ;
Что Художества, Науки,
Расцвѣтавъ въ Его тѣни,
На Него простерши руки,
Славославятъ щедры дни,
И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

Но всѣхъ лучше украшеньевъ —
Милосердья олтари,
Духъ мой полнъ тамъ восхищеньевъ,
Гдѣ равны богамъ Цари:
Вижу — вдовъ, сиротъ притворы,
Рукодѣлья юношъ, дѣвъ,
За болящими призоры,
И всѣхъ нивъ благихъ посѣвъ
Зрю Маріиной рукою!

Вижу — Домъ весь благодатный,
Братьевъ, Сестръ — Божествъ соборъ;
Тихій правъ и, какъ пріятный
Лучъ, Елисаветинъ взоръ!
Поспѣшай къ намъ, Амфитрита!
Россовъ всѣхъ утѣшь сердца,
Да, душей орла, повита
Будетъ юна духъ птенца,
Намъ рожденнаго Тобою.

═

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА

КАЗАНСКІЯ БОГОРОДИЦЫ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

—

Ужъ не Ѳавора ль (*) я на рамѣ
По ребрамъ свѣтлыхъ тучъ хожу?
Иль Соломона въ дивномъ храмѣ
Вкругъ изумленный взоръ вожу
По злату, по мусіи, порфирамъ,
И къ звонкимъ Сіонитъ (**) псалтирамъ
Клоню вперенны ушеса?
Восторгъ всѣ наполняетъ чувства:
Богатство, красоту искусства,
Отверсты вижу небеса!

Ни бурь, ни морь, ни громовъ рева
Не внемлетъ, благовѣя, міръ.
Что се? — Святыхъ въ Святая Дѣва
Восходитъ, въ слѣдъ струя эѳиръ!
Глава увѣнчанна звѣздами,
Луна блистаетъ подъ ногами;
Какъ солнце, ясенъ взглядъ и тихъ;
Одѣта неба омофоромъ,
Предстала предъ Всевидца взоромъ,
И — слышу, свыше Дѣвы, ликъ:

«О вѣчный, Трисвятый
И непостижный Сый!
Вселенну наполняяй
И обитаяй въ храмахъ
Тобой живыхъ сердецъ!
Воззри на оны сонмы,
На чистый ѳиміамъ,
Тебѣ отъ нихъ куримый,
И на Царя, колѣна
Преклонша предъ Тобой,
Который храмъ сей создалъ
Въ земну обитель мнѣ;
И будь благопріятенъ
Народу и Ему,
Какъ въ мирѣ, такъ и въ брани,
Чтобъ угождалъ Тебѣ.»

(*) Гора.

(**) Синайскія или духвоныя Музы.

И се, въ подобьи голубинѣ,
Свѣтъ милый, радостный очамъ,
По синей низлетѣлъ равнинѣ,
Какъ алыхъ зарь отливъ, на храмъ!
Не Духъ ли то Святый съ горъ звѣдныхъ
Нисшелъ на домъ молитвы вѣрныхъ
Для проявленія чудесъ?
О знаменіе непостижно!
Россія будетъ неподвижно
Подъ кровомъ цвѣсть благихъ Небесъ!

Такъ, если силой теплой вѣры
Мы и невидимое зримъ:
Мой духъ сквозь недостижны сферы,
Какъ огнекрылый Серафимъ,
Паритъ въ обитель душъ блаженныхъ,
И въ чувствахъ тонкихъ, безмятежныхъ,
Молитвы слышитъ ихъ за насъ.
Передъ судебъ святымъ ковчегомъ
Давидъ по струнамъ перстовъ бѣгомъ
Отъ гуслей льетъ сладчайшій гласъ:

«О Боже! что есть тварь,
Какъ бренный человѣкъ?
Дни въ суетѣ проводитъ,
И, цвѣтъ какъ, увядаетъ:
Но помнишь Ты его,
И только отличаешь
Отъ Ангелъ мало тѣмъ,
Что мракъ земной онъ долженъ
Пройти стезею тернья,
И въ Твой одѣться свѣтъ. —
Пошли жъ на то Ты силы
Народу и Царю,
Кой въ храмѣ прибѣгаетъ
Семъ съ вѣрою къ Тебѣ:
Да благостію носитъ
Твой образъ на земли!»

═

НА ПАРЕНІЕ ОРЛА.

(Кутузову.)

—

Воанергесъ! (*) Орелъ, сынъ грома!
Не ты ль на высотахъ паришь,
И сновъ святыхъ Патмосска холма
Видѣнья бытіемъ рѣшишь?
О нѣтъ! Судебъ проречь не смѣя,
Что агнецъ одолѣетъ змѣя,
Въ тебѣ я зрю лишь духъ Петровъ.
Такъ! Онъ надъ Росскимъ войскомъ вьется;
Имъ громъ и лавръ Вождю несется.
Се знакъ: мы побѣдимъ враговъ!

Мужайся, бодрствуй, Князь Кутузовъ!
Коль надъ тобой былъ зримъ Орелъ:
Ты вѣрно побѣдишь Французовъ,
И Россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну.
Толь славой участь озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:
Смерть сквозь главу твою промчалась;
Но жизнь твоя цѣла осталась:
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ!

Въ покровъ Его предавшись сильный,
Тебѣ что можетъ Луциферъ? —
Ты шелъ, и пройдешь чрезъ ехидны,
Овномъ сбодется лютый звѣрь;
Нога наступитъ Александра
На жруща пламемъ Саламандра.
Стратигъ ты молньи Михаилъ!
Ты, подъ своимъ зря руководствомъ
Рать тверду духа превосходствомъ,
Сдхнешь Галловъ тмы; — съ тобой Богъ силъ!

═

ГИМНЪ ЛИРО-ЭПИЧЕСКІЙ

НА ПРОГНАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА.

Посвященъ во славу Всемогущаго Бога, Великаго Государя, вѣрнаго народа, мудраго Вождя и храбраго воинства Россійскаго.

—

Благословенъ Господь нашъ, Богъ,
На брань десницы ополчивый,
И подъ стопы намъ подклонивый
Враговъ надменныхъ дерзкій рогъ.
Возстань, Тимпанница Царева,
Священно-вдохновенна Дѣва! [1]
И гусли взявъ въ багряну длань,
Брось персты по струнамъ — и грянь,
И пой побѣды звучнымъ тономъ
Царя Славянъ надъ Аваддономъ. [2]

Что жъ въ сердцѣ чувствую тоску
И грусть въ душѣ моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Подъ пепломъ въ дымѣ зрю Москву.
О страхъ! о скорбь! Но свѣтъ съ эмпира
Объялъ мой духъ, — отблещетъ лира;
Восторгъ плѣнитъ, живитъ, бодритъ,
И тлѣнъ земной забыть велитъ.
«Пой!» міръ гласитъ мнѣ горній, дольній —
«И оправдай судьбы Господни.»

(*) Іоаннъ Богословъ.

Открылась таинъ священныхъ дверь!
Исшелъ изъ безднъ огромный звѣрь [5],
Драконъ, иль демонъ зміевидный [4]:
Вокругъ его ехидны
Со крыльевъ смерть и смрадъ трясутъ,
Ногами солнце прутъ;
Отенетяя вкругъ всю ошибами сферу,
Горящу въ воздухъ прыщутъ сѣру,
Холмятъ дыханьемъ понтъ,
Льютъ ночь на горизонтъ,
И движутъ ось всея вселенны.
Бѣгутъ всѣ смертные смятенны
Отъ князя тьмы и крокодильныхъ стадъ.
Они ревутъ, свистятъ и всѣхъ страшатъ;
А только Агнецъ [8] бѣлорунный,
Смиренный, кроткій, но челоперунный,
Возсталъ на Сѣверѣ одинъ, —
Исчезъ змѣй-исполинъ!

Что се! Стихіевъ ли борьба?
Брань съ свѣтомъ тьмы? добра со злобой?
Иль такъ рожденныя утробой
Коварствъ, крамола, лесть, татьба
Въ адъ сверглись громомъ съ княземъ бездны,
Которымъ трепеталъ сводъ звѣздный,
Лишались солнца ихъ лучей;
Отъ пламенныхъ его очей
Багрѣли горы, рдѣло море,
И слѣдъ его былъ плачъ, стонъ, горе?

Иль Галлъ творецъ то злыхъ чудесъ:
Похитившій у вѣтра крылы,
У доблести, у Вѣры силы,
Скиптръ у Царей, громъ у Небесъ;
У правосудія законы;
Убивъ народовъ милліоны,
Изгнавъ къ отечеству любовь,
Растлилъ всѣхъ духъ, оподлилъ кровь,
Ставъ хищна рабъ Наполеона, —
Возмнилъ быть Царь вселенной трона?

Такъ — онъ, то Галлъ, съ своимъ вождемъ
Навергнувъ на Царей яремъ,
И всю почти плѣня Европу,
Далъ страшному Атропу [6]
Не разъ ея же кровью пиръ;
Прервалъ звукъ нѣжныхъ лиръ;
Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ сельскій, мирный,
И, въ блескъ разбойника порфирный
Одѣвъ, возвелъ на тронъ, —
То былъ Наполеонъ.
Онъ вѣтви ссѣкъ лилеій несчастныхъ,
И въ замыслахъ своихъ ужасныхъ
Превозносясь, какъ нѣкій дивій Гогъ [7],
Въ гордынѣ мнилъ, что все творить возмогъ.
Но, на спокойну зря Россію,
Что передъ нимъ одна не клонитъ выю,
Вспылалъ, простеръ завистну длань —
И дхнулъ изъ зѣва брань.

Уже, какъ смрадныхъ тучи пругъ,
Его летящи легіоны
Затмили свѣтъ, иль быстры волны
Какъ рѣкъ пяти [8] шумящихъ вдругъ
Чрезъ Нѣманъ прорвались преградный.
Самъ онъ, какъ тигръ на трупы гладный,
Предспѣющій своей молвѣ,
Шагнулъ къ Днѣпру, шагнулъ къ Москвѣ.
Кровавы въ слѣдъ моря струились,
И заревы по небу рдились.

Въ стремленьѣ быстръ, въ бою жестокъ,
Уже своей побѣдой дмился,
Что мы (съ насмѣшкою хвалился)
Бѣжимъ его и праха ногъ [9]:
Что быстрый полкъ его, орлиный
На домъ Петра, Екатерины [10]
Возсядетъ скоро средь столицъ,
И вкуситъ онъ отъ Царскихъ лицъ
По жатвѣ звучной, громкой славы,
Въ Петрополѣ, въ Москвѣ забавы [11].

Уже блаженствъ своихъ съ одра
Россія внемлетъ гласъ Царя,
Зовущаго на ополченье [12].
О радостно видѣнье!
Такъ Маіі, блестя своимъ лицомъ,
Сквозь тучъ чрезъ тихій громъ
Скликаетъ сонмъ съ полей, съ лѣсовъ къ себѣ пернатый.
Различно племя, въ разны латы
Облекшись, Россків родъ
Какъ исполинъ встаетъ;
Идетъ на брань единодушно,
Монарху своему послушно,
За тронъ Его, за Вѣру умереть.
Нигдѣ сей ревности подобной нѣтъ!
И старцы, дѣти, жены, дѣвы,
Богатства всѣ свои въ сокровища Царевы
Отдавъ, идутъ въ Господень храмъ,
Взнесть душъ ихъ ѳиміамъ.

Держай твердь, море, землю, адъ
И равновѣсье межъ мірами,
Дышай зефирами, громами,
И все въ единъ вмѣщаяй взглядъ,
Воззрѣвъ на лесть Наполеона,
На святость Александра трона,
Въ ночь темныхъ тучъ себя облекъ,
И тихимъ гуломъ грома рекъ:
«Полна нечестья Галловъ мѣра,
Спасаетъ Россовъ тепла вѣра!»

И бысть! — Молебныхъ капля слезъ,
Упадши въ чашу правосудья,
Всей стратегистики [13] орудья,
Какъ прахъ, взметнула до небесъ. —
Раздвиглись чермна моря волны,
И Фараонъ, гордыней полный,
Ступилъ въ невлажный понтъ ногой.
Морскихъ звѣрей, чудовищъ строй
Хотя сей дерзости глумились;
Но будто бы боясь — страшились,

И отверзали сами путь;
А онъ, чтобъ паче страхъ вдохнуть,
Со всадники, со колесницы,
Какъ бы закрывъ зѣницы,
Безстрашно вшелъ во сердце водъ,
И гналъ Іаковль родъ,
Избранный искони и ввѣкъ хранимый Богомъ,
Тѣсня его поспѣшнымъ ходомъ;
Но Богъ воззрѣлъ на Нордъ:
Слился двухолмный понтъ —
И съ шумомъ поглотилъ тирана.
Слѣдъ сталъ его лишь влага слана;
Лишь выплывалъ тамъ щитъ, тамъ тулъ, тамъ бронь,
Тамъ съ всадникомъ выказывался конь,
Блестѣла чуть въ зыбяхъ порфира. —
Не честолюбья ли то образъ міра
И гибели надменныхъ силъ?
Се Богъ какъ ихъ казнилъ!

Но ужасъ духъ еще объялъ!
Царь Сиріи, властитель міра,
Явя въ себѣ торжествъ кумира,
Безумнымъ вдругъ животнымъ сталъ [14];
И на стѣнѣ предъ всѣхъ очами
Писала длань [15] огня чертами,
Что скоро власть Царя пройдетъ,
Который правды не блюдетъ.
Всевышній управляетъ Царства,
Дастъ [16], отъемлетъ за коварства.

Не видимъ ли и въ наши дни
Мы сихъ чудесъ въ Наполеонѣ?
На зыблемомъ возсѣдши тронѣ,
Не возлюбилъ онъ тишины;
Но злобу злобами умножа,
Спокойны Царства встревожа,
Во храмы запустѣнье внесъ,
Святыхъ не пощадилъ тѣлесъ [17],
Полъ нѣжный, посрамленный,
Заставилъ въ тайнѣ лить токъ слезный, —

И Богъ сорвалъ съ него Свой лучъ:
Тогда средь бурныхъ, мрачныхъ тучъ
Неистовой своей годыни,
И домы благостыни,
Смердя своими надписьми [18],
А олтари коньми [19]
Онъ поругалъ. — Тутъ всѣ въ немъ чувства закричали,
Огнями надписи вспылали,
Изслали храмы стонъ, —
И обезумѣлъ онъ.
Симъ предузнавъ свое онъ горе,
Что царство пройдетъ его вскорѣ,
Не могъ уже въ Москвѣ своихъ снесть золъ,
Рѣшился убѣжать, зажегъ, ушелъ, —
Вторымъ ставъ Навходоносоромъ,
Кровавы угли вкругъ бросая взоромъ,

Лилъ пѣну съ челюстей, какъ вепрь,
И ринулся въ мракъ дебрь.

Но, Муза! таинственный глаголъ
Оставь, — и возгреми трубою,
Какъ твердой грудью и душою
Россъ, ополчась, на Галла шелъ;
Какъ Западъ съ Сѣверомъ сражался,
И громъ о громы ударялся,
И молньи съ молньями сѣклись,
И небо и земля тряслись
На Бородинскомъ полѣ страшномъ,
На Малоярославскомъ, Красномъ [20].

Тамъ штыкъ съ штыкомъ, рой съ роемъ пуль,
Ядро съ ядромъ и бомба съ бомбой,
Жужжа, свища, сшибались съ злобой,
И мечъ о мечъ звуча, слалъ гулъ;
Тамъ всадники, какъ вихри бурны,
Темнили пылью сводъ лазурный;
Тамъ блѣдна смерть съ косой въ рукахъ
Скрежещуща, въ единый махъ
Полки, какъ класы, посѣкала,
И трупы по полямъ бросала;

Тамъ рвали другъ у друга громъ [21],
Осмкратъ спирали градъ челомъ,
И Царство поборали Царствомъ
Зла генія коварствомъ,
Который, такъ какъ жгущій Эвръ [22],
Смотря на древній кедръ,
Стоящій на челѣ святой горы Синайской,
Всѣхъ прохлаждавшій тѣнью райской;
Преклоншимся лицомъ
Надъ осмь морей стекломъ,
Простертъ бывъ на полсвѣтѣ корнемъ,
Цвѣлъ въ покровительствѣ Господнемъ;
Но Эвръ его давно сносить не могъ;
Рѣшился съ высоты низринуть въ логъ:
Напалъ, иглъ нѣсколько сшибъ зѣвомъ,
Но стебля сбить не могъ всѣхъ силъ набѣгомъ;
Вздохнулъ впервый на неуспѣхъ,
И съ срамомъ вспять побѣгъ.

Бѣжитъ; — и пламеннымъ мечемъ
Его въ тылъ Ангелъ погоняетъ,
Отвсюду ужасомъ смущаетъ,
Слѣдъ сѣетъ огненнымъ дождемъ.
Встревоженный, взъяренный, блѣдный
Онъ съ трескомъ въ воздухъ мещетъ стѣны,
Съ Кремлевскаго ихъ рвавъ холма;
Съ чела его въ мракъ искръ косма
Сквозь дыма сыплясь, какъ комета,
Окровавляла твердь полсвѣта.

Бѣжитъ, — и нѣсколько полковъ,
Летящихъ воздуха волнами.
Онъ видитъ тѣней предъ очами
Святыхъ и нашихъ праотцовъ,
Которы въ звѣздномъ челъ убранствѣ,
Безмѣрной высоты въ пространствѣ,
Какъ воющей погоды стонъ,
«Наполеонъ! Наполеонъ!»
Ліютъ въ слухъ жалобы—«изъ злости
Ты нашъ двигалъ прахъ и кости [23]!»

Бѣжитъ,—и зритъ себя вокругъ
Онъ тысячи невинныхъ вдругъ,
Замученныхъ и убіенныхъ,
Имъ не запечатлѣнныхъ [24],
Что полумертвымъ взоромъ зрятъ,
Съ устъ посинѣлыхъ хладъ
Дыхавъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ ему съ укорой:
«Ты, ты предвременной и скорой
Насъ смертію посѣкъ,
Когда на брани текъ.
И се,—наполненну слезами
Семействъ и нашими кровями,
Обвиту жалами шипящихъ змѣй,
Ту, чашу [25] смертну, въ жизни что своей
Ты наполнялъ безпрестанно,
Желалъ и требовалъ несыто, жадно
Еще, еще себѣ кровей,
Прими теперь—и пей!»—

Бѣжитъ,—себя самъ упреждавъ;
За скорыми его шагами
Лишь поспѣваетъ смерть прыжками,
Тѣлъ груды по странамъ бросавъ;
Тамъ мѣдные лежатъ драконы,
На кони наваленны кони
И колесницы другъ на другъ.
Великаго здѣсь вождя духъ,
Искусство, смѣльство видно бранно,
Что онъ бѣжитъ лишь безпрестанно!

Бѣжитъ,—хотя и жажды полнъ
Къ сокровищамъ неоцѣненнымъ;
Въ чертогахъ, въ храмахъ похищеннымъ;
Но ихъ, и всѣхъ кидаетъ онъ
Друзей, больныхъ безъ сожалѣнья.
Сей геній—ищетъ лишь спасенья!
Его страшитъ и вѣтровъ свистъ,
И скрипъ деревъ, и падшій листъ,
Въ сердечныхъ отзываясь нѣдрахъ,
Какъ страшный громъ во мрачныхъ дебряхъ.

Бѣжитъ,—и самъ себя внутрь рветъ,
Что сильно Россъ его женетъ;
Но кажетъ, будто бы безстрашно
Онъ шествуетъ обратно.
Такъ волкъ въ лѣса бѣжитъ назадъ,
Бывъ прогнанный отъ стадъ.
Оставя бобычу и рыщетъ хоть скочками,
Но въ задъ озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплетъ изъ очей;
Иль аспидъ, лютый змѣй,
Бѣжитъ такъ съ поль, коль Сѣверъ дуетъ
И Афра за собою чуетъ;
То вверхъ главу, то внизъ клоня, ползетъ,
Шипитъ, крутитъ хребетъ, хвостъ въ кольца вьетъ;
И сколько змѣй сей ни ужасенъ,
Но поползокъ его тѣмъ паче страшенъ,
Что дымъ струится въ немъ и смрадъ.
А воздухъ дышитъ ядъ!

Бѣжитъ,—и видитъ наконецъ,
Что за его всѣ злодѣянья
Готовитъ небо наказанья,
И падаетъ съ него вѣнецъ;
Что ставъ предъ собственнымъ ужъ взоромъ
Кладбищнымъ рать его позоромъ
Отъ глада, ранъ и мраза мретъ.
О ужасъ! Галлъ здѣсь Галла жретъ [26]!
Но съ сердцемъ Бонапартъ желѣзнымъ
И симъ смѣется бѣдствамъ слезнымъ [27]!

Бѣжитъ—но сорока двухъ лунъ
Ужъ данный срокъ на возвышенье,
Еще пяти—на оскверненье [28]
Ему прошелъ; уже перунъ
Предвѣчнаго виситъ закона
Поверхъ главы Наполеона:
Еще не много—онъ падетъ,
И сонмъ тѣхъ Царствъ, что съ нимъ идетъ,
Вдругъ на него весь обратится [29];
Содомъ, Гоморъ съ нимъ вспепелится.

О! такъ, таинственныхъ числъ звѣрь [30],
Въ плоти седьмглавый Люциферъ,
О десяти рогахъ вѣнчанный [31],
Дни кончитъ смрадны.
Сей мнимый геній, Царь Царей,
Падетъ злой вождь вождей.—
Судьбы Небесныя издревле непреложны:
Враги Христовы суть ничтожны.—
Отъ нихъ намъ Вѣра—щитъ;
Онъ праведныхъ хранитъ.—
Кто жъ щитъ даетъ сей Царствъ въ отпору?
Царь, не причастный Вельфегору [32].
Такъ! Александровъ гласъ нашъ духъ вознесъ:
Прибѣгъ Онъ въ храмъ—и сталъ безстрашнымъ Россъ,

Упала демонская сила
Рукой избранна Князя Михаила [33].
Сей мужъ лишь Гога могъ потрясть,
Россію Вѣрой спасть [34].

Какая честь изъ рода въ родъ
Россіи, слава незабвенна,
Что ей избавленна вселенна
Отъ новыхъ Тамерлана ордъ!—
Цари Европы и народы!
Какъ бурны вы стремились воды,
Чтобъ поглотить край Росса весь;
Но, буйные! гдѣ сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узналъ свои онъ силы?

Почто вмѣщались въ сонмъ вы злыхъ,
И съ нами разорвавъ союзы,
Грабителямъ подверглись въ узы
И сами укрѣпили ихъ?
Гдѣ царственны народны правы?
Гдѣ, гдѣ Германски честны нравы?
Друзья мы были вамъ всегда;
За васъ сражались иногда;
Но вы, забывъ и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О новый Вавилонъ [35], Парижъ!
О градъ мятежнічьихъ [36] жилищъ,
Гдѣ Бога нѣтъ, окромѣ злата,
Соблазновъ и разврата;
Гдѣ самолюбью на олтарь
Все, все приносятъ въ даръ!
Бывъ чуждыхъ Царствъ не сытъ, ты шелъ съ Наполеономъ,
Неизмѣримымъ небосклономъ
Россіи повратить,
Полсвѣта огорстить.
Хоть прелестей твоихъ уставы
Давно ужъ чли вѣнцемъ мы славы;
Но не довольствуясь слѣпить умомъ,
Ты мнилъ попрать насъ и мечемъ,
Забывъ, что Сѣверныя силы [37]
Всегда на Западъ ужасъ наносили;
Гдѣ жъ Мамелюкъ твой, гдѣ Элитъ?
О вѣчный Сенѣ стыдъ!

Такъ, дерзка Франція! и вы,
Съ ней шедшія на насъ Державы!
Нестрашенъ намъ вашъ ковъ коварный,
Коль члены мы одной Главы.
Отъ хижинъ, церкви до престола,
И дѣти всѣ до нѣжна пола [38]
Суть Царски витязи у насъ.
Вы сами видѣли не разъ,
Какъ велъ отецъ дѣтей ко брани [39],
Какъ сами шли безстрашно къ казни [40].

А ваша гдѣ надменность словъ
И похвальбы Наполеона,
Что къ обладанью Росска трона
Не мечъ онъ несъ, а пукъ оковъ?
Гдѣ на монетѣ, имъ тисненной [41]
Тотъ царь Москвы, тотъ царь вселенной,
Кто произнесъ толь дерзку рѣчь,
Что онъ, поколь на верхъ свой мечъ
Петрова не положитъ гроба,
Не дастъ покою намъ [42]? . . . . О злоба!

По духъ Петровъ, сквозь звѣздну мглу
Съ улыбкой внявъ сію хулу,
Геройской кротости въ незлобьѣ
Вспарилъ орла въ подобьѣ [43],
И грянулъ Бородинскій громъ.
Съ тѣхъ поръ Наполеонъ
Упалъ въ душѣ своей, какъ духъ Сатанаила,
Что древле молньей Михаила
Палъ въ озеро огня,
И тамъ стеня,
Мертвъ въ помыслахъ лежитъ ужасныхъ
Подъ ревомъ волнъ, искръ смрадныхъ, страшныхъ;
А если онъ когда еще и живъ,
То только тѣмъ, что, взоры искосивъ
На Сѣверъ съ зависти и злости,
Грызетъ свои, бѣснуясь, ссохши когти,
На славу Александра зря,
Всѣмъ милаго Царя.

Лежитъ! о радость! о восторгъ!
Кавказъ и Тавръ встаютъ мнѣ выше,
Евксинъ и Бельтъ шумятъ мнѣ тише:
Мы побѣдили! Съ нами Богъ!
Вселенна знай, и всѣ языки,
Коль благъ Богъ въ браняхъ намъ Великій!
Внемли, врагъ скрытый, намъ хвалу;
Гладь, змѣй, языкъ свой о пилу [44];
Кричи: что Рейнски страшны силы;
Ихъ съ Нѣмана по Обь—могилы [45]!

Такъ, щитъ намъ Богъ: мы страшны имъ;
Его мы волей торжествуемъ;
Ему побѣды вописуемъ:
Имъ Русскій Царь непобѣдимъ,—
Будь одного Его держава;
Славянъ всегда наслѣдье—слава.
Не блещутъ доблести безъ бѣдъ,
И превосходствъ нѣтъ безъ побѣдъ.
Богъ посѣтилъ насъ,—Богъ прославилъ,
Всѣхъ выше Царствъ земныхъ поставилъ.

Хвала Ему! Хвала, Творецъ,
Тебѣ! Изъ глубины сердецъ
Благодареніе приносимъ;
Молебны чувства взносимъ
Тебѣ въ пространны небеса
За явны чудеса,
Которыми Ты насъ возвысилъ непостижно,
Изъ всѣхъ земныхъ Державъ такъ дивно.
Что честью превознесъ
И славой до небесъ:
Отечество мы оградили,
Царя и Вѣру защитили
Отъ угрожавшихъ рабственныхъ оковъ;
Не зря на лесть и на соблазнъ даровъ,
На ужасы и самой смерти,
Галлъ не возмогъ насъ предъ собой простерти;
И симъ ужаснымъ бѣдствомъ Россъ
Еще превыше взросъ.

О Россъ! о доблественный народъ,
Единственный, великодушный,
Великій, сильный, славой звучный
Изящностью своихъ добротъ!
По мышцамъ ты неутомимый,
По духу ты непобѣдимый,
По сердцу простъ, по чувству бодръ,
Ты въ счастьѣ тихъ, въ несчастьѣ добръ;
Царю радушенъ, благороденъ;
Въ терпѣньѣ лишь себѣ подобенъ.

Красуйся жъ и ликуй, Герой,
Что въ нынѣшнемъ ты страшномъ бѣдствѣ
Въ себѣ и всемъ твоемъ наслѣдствѣ
Далъ свѣту духъ твой знать прямой!
Лобзайте родини чадъ, ихъ—чада,
Что въ васъ отечеству ограда
Была взаимна отъ враговъ;
Цѣлуйте дѣвы жениховъ,
Мужей супруги, сестры братья,
Что былъ всякъ твердъ среди несчастья.

И вы! Гесперья, Альбіонъ [46],

Внемлите: палъ Наполеонъ!—
Безъ насъ вы рано, или поздно,
Но понесли бы грозно,
Какъ всѣ несутъ, его ярмо,—
Ужъ близилось оно;
Но мы, какъ холмы, бывъ внутрь жупломъ наполненны,
На насъ налегшій облакъ черный
Сдержавъ на раменахъ,
Огнь дунули, – палъ онъ въ прахъ.
Съ Гиганта ребръ съ Версальи трески,
А съ нашихъ рукъ вамъ слышны плески:
То въ общемъ, славномъ торжествѣ такомъ
Не должны ли и общихъ хвалъ вѣнцовъ
Мы чтить Героевъ превосходныхъ,
Душею Россовъ твердыхъ, благородныхъ?
О какъ мнѣ милъ ихъ взоръ, ихъ слухъ!
Плѣненъ мой ими духъ!

И се, какъ въ явѣ вижу сонъ,
Ношуся внѣ предѣловъ міра,
Гдѣ въ голубыхъ поляхъ эѳира
Витаетъ Вождей Росскихъ сонмъ.
Межъ ими тамъ въ бесѣдѣ райской,
Рымникскій, Таврскій, Задунайской
Между собою говорятъ:
«О какъ вѣнецъ свѣтлѣй стократъ,
Что данъ не Царствъ за расширенье,
А за отечества спасенье.

«Мамай, Желковскій, Карлъ, путь святъ
Къ безсмертью подали прямому:
Петру, Пожарскому, Донскому,
Кутузову днесь—Бонапартъ.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будутъ, ихъ не умретъ слава.—
Какъ воинъ, что въ бою не палъ,
Еще хвалъ вѣчныхъ не стяжалъ;
Такъ громокъ странъ пусть покоритель,
Но лишь великъ ихъ святъ спаситель.»

По правдѣ, вѣчности лучей
Достойны войны нашихъ дней.
Смоленскій Князь, Вождь дальновидный [47],
Не зря на толкъ обидный,
Великій умъ въ себѣ являлъ,
Безъ крови поражалъ,
И въ бранной хитрости противника безъ лести
Превысилъ, — Фабія, — онъ въ чести.
Витгенштейнъ легче бить [48]
Умѣлъ, чѣмъ отходить
Средь самыхъ пылкихъ, бранныхъ споровъ.
Бывъ смѣлъ какъ левъ, быстръ какъ Суворовъ.
Вождь не предзримый,—громъ какъ съ облаковъ
Слеталъ на вражій станъ, на тылъ — Платовъ [49].
Но какъ исчислить всѣхъ Героевъ,
Живыхъ и падшихъ съ славою средь боевъ?
Почтимъ Багратіоновъ прахъ [50], —
Онъ живъ у насъ въ сердцахъ!

Се бранныхъ подвиговъ вѣнецъ!
И разность межъ Багратіономъ
По смерти въ чемъ съ Наполеономъ?
Не въ чувствѣ ль праведныхъ сердецъ?
Для нихъ не больше ль знаменитый
Слезой, чѣмъ клятвами покрытый:
Такъ! мѣрилъ мѣрой кто какой,
И самъ возмѣренъ будетъ той.
Намъ правда Божія явила,
Какая Галловъ казнь постигла.

О полный чудесами вѣкъ!
О міра колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На насъ со всей Европой текъ!
Но гдѣ днесь добычи богаты?
Гдѣ мудрые вожди, трисстаты?
Гдѣ побѣдитель въ торжествахъ?
Гдѣ геній блещущій въ лучахъ?
Не здѣсь ли имъ урокъ въ ученье,
Чтобъ Царствъ не льститься на хищенье?

О такъ! блаженство смертныхъ въ томъ,
Чтобъ дѣйствовать всегда во всемъ
Лишь съ справедливостью согласно,
Такъ мыслить безпристрастно,
Что мы чего себѣ хотимъ,
Того желать другимъ.
Судьбы Всевышняго отнявъ скиптръ у Бурбоновъ,
По чертежу своихъ законовъ
Взявъ червя изъ червей,
Въ санъ облекли Царей.
Долгъ былъ его — къ чему былъ званный;
Но онъ, нечестьемъ обуянный,
Дерзнулъ Господню волю пренебречь,
Не стерть токъ слезъ, судъ правый нѣ изречь,
И быть отрекся миролюбнымъ,
Великимъ; но склоня свой слухъ ко трубнымъ
Онъ гласамъ, мнилъ быть и судьбѣ
Царь, Богъ, — и се не бѣ!

Не бѣ! – Но ты, Монархъ, блистай
Твоей небесной красотою;
То кротостью, то правотою
Владѣй, плѣняй и успѣвай
Лукъ налящать Твой крѣпкій, сильный,
Чрезъ всѣ Твои страны обширны
Ко ужасу Твоихъ враговъ,
И грозный строй твоихъ полковъ,
Какъ туча молньями чревата,
Кругомъ возляжетъ Царства свята.

Югъ, Западъ, Сѣверъ и Востокъ
Подъ Твой покровъ прострутъ ихъ длани,
Уйдетъ вражда, умолкнутъ брани,
Въ пшеницѣ не взростетъ порокъ;
Цари придутъ къ Тебѣ на сонмы,
Чтобъ миромъ умирить ихъ громы.
И скромну власть Твою почтутъ;
Обыметъ совѣсть — правый судъ;
Всѣмъ чувство въ грудь вольется ново,
И Царство снидетъ къ намъ Христово.

Печалью мрачныя главы
Лучемъ возблещутъ вновь Москвы,
Вновь внидетъ благолѣпье въ храмы,

Съ обѣтомъ ѳиміамы
Возжгутся наши и сердца,
Не забывать Творца —
Отца отечества несмѣтны попеченьи
Скорбей прогонятъ нашихъ тѣни;
Художествъ сонмъ, наукъ,
Торговъ, лиръ громкихъ звукъ,
Всѣ возвратятся въ ихъ жилищи;
Свое и чуждо племя пищи
Придутъ, какъ подъ смоковницей искать,
И словомъ: бывъ градовъ всѣхъ Русскихъ мать,
Москва по прежнему возстанетъ,
Изъ пепла зданьемъ великолѣпнымъ станетъ,
Какъ Финиксъ, снова процвѣтать,
Вѣнцемъ средь звѣздъ блистать.

И сей прелестный градъ Петровъ
Отъ удовольствіевъ сердечныхъ,
Отъ радостей невинныхъ, честныхъ,
Да съ тѣмъ сравнится, съ облаковъ
Что снидетъ душъ святыхъ въ ограду,
Въ блаженство, въ сладость и въ прохладу,
Гдѣ съ камней, стѣнъ драгихъ лучи
Подъ гусльми взблещутъ и въ ночи;
Зной вздремлетъ древъ подъ осѣненьемъ, —
Освѣтитъ Царь Своимъ все зрѣньемъ,

И изъ страны Россійской всей
Печаль и скорби изженутся,
Въ ней токи крови не прольются,
Не канутъ слезы изъ очей;
Отъ солнца пахарь не сожжется,
Отъ мраза бѣдный не согнется;
Сады и нивы плодъ дадутъ,
Моря чрезъ горы длань прострутъ,
Ключи съ ключами сожурчатся;
По рощамъ пѣсни отгласятся.

Но, солнце! мой вечерній лучъ!
Уже за холмы синихъ тучъ
Спускаешься ты въ темны бездны,
Твой тускнетъ блескъ любезный,
Среди лиловыхъ мглистыхъ зарь —
И мой ужъ гаснетъ жаръ;
Холодна старость—духъ, у лиры — гласъ отъемлетъ,
Екатерины Муза дремлетъ:
То юнаго Царя,
Днесь въ слѣдъ орловъ паря,
Предшествующихъ благъ видѣнья,
Что мною въ день Его рожденья
Предречено, достойно пѣть
Я не могу; младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны,
Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ Царей

═

НА ОТЪѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА.

7 Декабря 1812.

—

Сбылись моихъ надеждъ пророчественны сны:
Россія Францію, а съ ней Европу побѣдила.—
На верхъ какой теперь мы славы взнесены!
Спокойство можетъ дать вселенной наша сила.
Пусть Грецій Александръ великъ слыветъ войной;
Но міръ кто умиритъ, тотъ болѣе душой!

═

НА ПОБѢДУ АЛЕКСАНДРОМЪ I НАПОЛЕОНА

подъ Люценомъ.

—

Впервый изъ пращи вергнулъ громъ
Ты собственной Твоей рукою,
На Голіаѳа шлемъ кичливый,
О кроткій, Сѣверный Давидъ! —
И Филистимлянинъ туманный
На прахѣ блѣдный, обуянный,
Средь войскъ, какъ дубъ въ лѣсу, лежитъ.

Взноси скорѣе шагъ другой,
И, мечъ твой изъ ноженъ извлекши,
Взмахни, да отъ него отблещетъ
По небосклону молній свѣтъ,
И трупъ безглавый, отдѣленный
Въ крови Гиганта погруженный,
Какъ островъ въ море поплыветъ;

Да, зря чудовище у ногъ
Поверженно Твоихъ, воскликнетъ
Побѣдну пѣснь Тебѣ Европа,
Спасенная отъ узъ Тобой,
И дерзки Наполеониты
Отъ золъ — къ Тебѣ, Твоей защиты
Придутъ искать, младый герой!

═

НА ПОБѢДУ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ

—

Твоя побѣдная десница
Высоко славой вознеслась!
Надменный запада денница,
Тобой змѣй раненый, віясь
Въ ужасныхъ кольцахъ пресмыкаетъ,

За Рейнъ путь кровью уливаетъ,
И зѣвомъ міръ еще страшитъ.
Но кто Богъ велій, какъ Богъ неба,
Главу во правду, шлемъ въ блескъ Феба,
Облекъ Тебя Онъ вѣры въ щитъ.

И сталъ Ты бичъ непобѣдимыхъ,
Какъ Богъ величія въ лучахъ!
Нѣтъ стѣнъ неизложимыхъ;
На мѣсто страха — всѣмъ Ты благъ,
И сердца кротость, добродѣтель
Твоя — такихъ чудесъ содѣтель,
Не видывалъ сей міръ какихъ!
Враги безъ бою отдаются;
Силъ горсть Твоихъ — врагъ съ тмой дерутся:
Подъ Кульномъ мы плѣнили ихъ.

Такъ, Ты днесь въ образецъ вселенны
Творишь, Избранникъ! чудеса:
Монархъ, въ невинность облеченный,
Къ Себѣ склоняетъ Небеса. —
Мужайся! и ревнуй Ихъ волѣ:
Не будетъ съ дней Твоихъ ужъ болѣ
Персъ, Грекъ и Римъ великимъ чтимъ
За покореніе вселенны;
Корсъ зломъ затмится погребенный,
Какъ солнцемъ ночь, лучемъ Твоимъ!

═

НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ОТБЫТІЕ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ
КЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВЪ ЗАГРАНИЧНУЮ АРМІЮ,
20 Декабря 1813.

—

Ужъ двадцать лѣтъ, какъ украшаешь
Ты Росска трона вышину,
Ужъ двадцать лѣтъ изображаешь
Щедроту, кротость, тишину.
Кто зрѣлъ лице Твое сурово?
Кому рекла обидно слово?
Виною чьихъ была Ты слезъ?
Во храмѣ ль Ты — благочестива,
Въ чертогахъ ли — ласкорѣчива.
Твой свѣтлый взглядъ есть взглядъ Небесъ.

Но днесь отъ насъ Ты отъѣзжаешь,
Все наше сердце рвешь съ Собой;
Такъ въ слѣдъ Свой души увлекаешь,
Какъ солнце птицъ парящихъ рой,
Въ иной предѣлъ катяся свѣта. —
Нашъ духъ тамъ, гдѣ Елисавета!
И чѣмъ воздать за цѣпь цвѣтовъ,
Твоимъ Супругомъ намъ сплетенну,
Владѣньемъ кроткимъ наложенну,
Какъ не любовью за любовь?

Гряди жъ, Жена благословенна!
Воззванна нѣжностію въ путь,
Усердіемъ препровожденна,
Обнять героя бранну грудь,
И подъ трудомъ главу склоненну,
Безсмертнымъ лавромъ осѣненну,
На лонѣ нѣги умасти.
Согласье Ваше намъ пріятно;
Но возвратись скорѣй обратно,
И намъ на Сѣверѣ свѣти.

Такъ, если Мать, родство драгое
Спѣшишь зрѣть душъ восторгъ Ты ихъ,
То вспомнь и божество другое,
Другую Мать, другихъ родныхъ,
Тебя любящу полвселенну.
Ты, кою жизнь намъ дать блаженну
Въ залогъ низслали Небеса,
Явись скорѣй съ Своимъ Супругомъ,
За миръ земнымъ воспѣта кругомъ,
Желанный плодъ намъ принеся,

Да, видя странъ другихъ народы
Въ Васъ благотворну имъ Чету,
Передадутъ изъ рода въ роды
Монарховъ Россиихъ красоту,
И возгремятъ ихъ всюду клики,
Что только таковы Владыки
Царствъ могутъ счастье созидать,
Что благостью, умомъ, геройствомъ,
Любовью, правотой, спокойствомъ
Умѣютъ подданныхъ плѣнять.

═

НА ОТБЫТІЕ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ
ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ,
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА
И
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА,
изъ Петербурга къ арміи, 5 Февраля 1814.

—

Птенцы, спорхнувшіе съ гнѣзда
Полсвѣтнаго Петрова Дома,

Орлы младые, Вожди грома!
Ужель пришла и Вамъ череда
Парить, ширяться въ поднебесной,
И молніей дракона жечь?

Но вы едва суть оперенны,
Съ крылъ льетъ чуть лоскъ на ременахъ:
Почто же, въ бурю устремленны,
Вы рѣете на явный страхъ,
Оставя блещущихъ слезами
Нѣжнѣйшу Матерь и Сестру,

И домъ любящій Васъ, и слугъ,
Усердьемъ коихъ и раченьемъ,
Примѣромъ родшей и ученьемъ
Вы Свой питали юный духъ,
Чтить добродѣтель навыкая
И бремена какъ Царствъ носить?

Постойте! — Иль породѣ сроку
Боговъ для возмужанья нѣтъ? —
Коль такъ, не устрашаясь року,
На исполинскій мчитесь слѣдъ,
Да будетъ Братъ Вашъ въ томъ свидѣтель,
Колико Вамъ любезна честь!

Летите подъ Его надзоръ,
И, славными Его путями
Обвивъ челъ Вашихъ верхъ звѣздами,
Дивите тожъ Царей соборъ,
Какъ Онъ, дивя, исторгъ Европу
И всю подсолнечну отъ узъ.

Летите и съ Невы до Сены
На поприще толь многихъ Царствъ,
Окинувъ окомъ перемѣны
Боренья правды и коварствъ,
Воспользуйтесь урокомъ рѣдкимъ,
Нужнѣйшимъ для Владыкъ земныхъ,

Что тотъ, кто не позналъ правдиво
На самыхъ опытахъ дѣла,
Не можетъ править Царствъ счастливо,
Не знавъ цѣны добра и зла;
Путь демона и генья видя,
Познайте, Богу какъ служить.

И будутъ всѣ благословенны
Шаги стопъ Вашихъ въ семъ пути:
Мольбой Маріи споспѣшенны,
Колико славны, столь святы!
Да Вы, Небесъ намъ подъ покровомъ,
Во здравьи возвратитесь вспять.

НА ПОКОРЕНІЕ ПАРИЖА.

Сердце плѣняюща лира!
Геній восторга! взносись,
И обтекая вкругъ міра,
Свѣтлый твой голосъ возвысь.
Пой Того крѣпость, мощь львину,
Агнца Кто кротость явилъ,
И другую половину
Свѣта — Парижъ покорилъ!

Милостью больше, чѣмъ гнѣвомъ,
Въ славѣ блестящъ тамъ, какъ Богъ,
Препровожденный вшелъ Небомъ
Въ древній Бурбоновъ чертогъ;
Духъ къ нимъ народа любовью
Возжегши, ихъ воскресилъ;
Бѣдства Московски не кровью,
Благомъ злодѣямъ отмстилъ.

Здравъ Александръ,
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо герой!
Славься симъ днесь! (*)

Слава Тебѣ днесь какая
Въ мірѣ обширномъ звучитъ,
Счастьемъ что, сладостьми рая
Вкругъ доблесть духъ Твой поитъ:
Взглянешь на грады, — спасенны;
Храмы ль зришь, — жертвы курятъ;
Дѣти ль отцамъ возвращенны, —
Всѣ ихъ Спасителя чтятъ.

Сколько жъ отрадно, пріятно
Быть Россіяниномъ днесь!
Что Ты насъ такъ благодатно
Славой и честью вознесъ.
Вся насъ теперя вселенна
Своей ужъ защитой чтетъ;
Европа узъ свобожденна
Хвальными пѣсньми поетъ.

Здравъ, Александръ,
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо Герой!
Славься симъ днесь!

Сладкія слезы восторга
Съ радостныхъ льются очесъ:
Ангела ль кротка, иль Бога,
Сына ль, любимца ль Небесъ
Зримъ въ Тебѣ, иль Исполина,
Маньемъ смирилъ что руки
Міръ весь? — Петръ, Екатерина
Столько ль, какъ Ты, велики?

(*) Подобные стихи пѣты были въ Парижѣ Французами въ честь нашего Государя, при вступленіи Его въ сію Столицу.

Мудростью, правдой, геройствомъ
Чудный стяжалъ Ты вѣнецъ.
Съ богоподобнымъ къ намъ свойствомъ,
Царь возвратись и Отецъ!
Къ Матери нѣжной скорѣе
Въ славѣ побѣдныхъ лучей;
Солнце весной какъ свѣтлѣе,
Дай жизнь Россіи такъ всей.

Здравъ, Александръ
Царь будь Царей,
Что безъ наградъ
Твердой Твоей
Свергъ злость Ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо Герой!
Славься симъ днесь!

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ПОЛКОВЪ ГВАРДІИ.

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ! вамъ, Герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать Царя,

Ура! ура! ура!

Вы, ваше твердое геройство
И грудь, не зыблему ничѣмъ,
Не зря на вражье превосходство,
На мѣсто поставляли стѣнъ,
И бывъ какъ холмы неподвижны,
Во браняхъ клали души львины.
Побѣдна рать Царя!

Ура! ура! ура!

Гордитесь сладостной молвою,
Неложной честью таковой,
Что такъ служа Царя Герою,
Какъ вы, сталъ всякъ изъ васъ Герой.
Мы подвиги чтя ваши бранны,
Цѣлуемъ ихъ, цѣлуемъ раны.
Побѣдна рать Царя!

Ура! ура! ура!

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ

30 Нобяря 1815.

Небесъ благихъ планета,
О Ангелъ, тихихъ дней!
О солнце, кѣмъ нагрѣта
Грудь у Россіи всей!
Сіяніемъ честей
И славою одѣта!
Всечтимая душей,

Хвала Тебѣ, Елисавета!

И ты, внемля съ полсвѣта
Подвластныхъ гласъ людей,
Какъ въ гимнахъ Царствъ днесь пѣта,
О нѣжныхъ Мать дѣтей!
Зри, что ихъ всѣхъ очей
Ты съ Александромъ мѣта
Въ гармоніи лучей.

Хвала Тебѣ, Елисавета!

Такъ, Ты въ дни золь навѣта,
Какъ дождь лила огней
Съ небесъ на насъ комета,
И ползъ какъ страшный змѣй,
Всѣмъ твердостью Твоей
Была лучемъ совѣта
И дивомъ для мужей.

Хвала Тебѣ, Елисавета!

И впредь, о цвѣтъ лилей!
Будь утѣшеньемъ свѣта
Намъ доблестью Своей.

Хвала Тебѣ, Елисавета!

ХОРЫ,

ПѢТЫЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ БЕСѢДЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВА,

30 Декабря 1815.

—

Начальный.

Взведи окрестъ твой взоръ, Россія,
И виждь среди твоихъ трофей —
Твой Царь, смиря страны чужія,
Приноситъ миръ душѣ твоей,
И хочетъ *благомъ Онъ заняться*
Своихъ дѣтей, Своимъ добромъ (*).
О радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

Какъ въ небѣ свѣтится планета,
Съ сіяніемъ сліясь зарницъ,
Такъ славой многихъ Царствъ одѣта,
Въ кругу родныхъ Царей, Царицъ
Не можетъ Мать налюбоваться
На сынѣ доблестей вѣнцемъ.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

Зря Мать, Царицу и Супругу
И благодатнаго Царя,
Да прозвучитъ земному кругу
Хоръ Музъ нашъ, ревностью горя,
Что къ намъ благоволятъ склоняться
Они, какъ Фебъ съ небесъ, лицемъ.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы Отцемъ!

Окончательный.

Внуши, Творецъ! моленье
Душъ Росскихъ и сердецъ;
Пошли благословенье
На насъ, щедротъ Отецъ!
Чтобъ здравье, дни и слава
Того Царя цвѣли,
Чья мудрость, мечъ, держава
Отечество спасли;
Да Матерь и Супруга,
Весь Домъ Его и родъ,
Какъ солнце, жизнь намъ льетъ
И въ Новый годъ съ Небесна круга.

═

(*) Подлинная слава Государей.

НА ТОРЖЕСТВО,

БЫВШЕЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

19 Марта 1816:

НА ПАМЯТЬ ВЗЯТІЯ ПАРИЖА.

—

Воспоминаніе Парижскаго плѣненья
Представя Александръ на Невскихъ берегахъ,
Неизреченный духъ влилъ въ Россовъ восхищенья,
Что далъ имъ торжество незримо зрѣть въ вѣкахъ

Казалось, неба сводъ, полкъ Ангеловъ склонились,
Чтобъ зрѣть Царей, Царицъ, ликъ Пастырей, войскъ строй;
Но паче красотѣ души Того дивились,
Кто въ благочестьи семъ былъ истинный Герой.

За зло не воздалъ зломъ, не мстилъ страдальца кровью;
Но прахъ его почтя, платилъ врагамъ любовью.

Се образъ доблестей, который какъ гора,
Вѣкъ будетъ славой рость, какъ звѣзды, не увянетъ. —
Ничто такъ радовать Тебя, Монархъ! не станетъ,
Какъ память сладкая содѣланна добра.

═

ГОЛУБКА.

(ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.)

—

Отколь, голубка мила,
Летишь такъ рѣзво ты?
Откуда, бѣлокрыла,
На воздухъ льешь цвѣты,
И сладкій запахъ въ чувства?
Кто, съ чѣмъ послалъ тебя?

Голубка.

Богъ свѣта и искусства
Послалъ съ письмомъ меня
Къ красавцу молодому,

Къ Владыкѣ всѣхъ сердецъ,
Къ тому божку земному,
Кто подданнымъ отецъ,
Кому меня Фелица
Въ наслѣдье отдала:
«Будь Хлорова ты птица,» —
Съ усмѣшкою рекла —
«Носи ему съ небесной
Ты пѣсни вышины;
Какъ славой мнѣ, всемѣстной
Наполнь его страны.» —
И я съ тѣхъ поръ, какъ должно,
Ему, какъ ей, служу;
Пріятную, сколь можно,
Гармонію ношу;
А онъ за то златую
Мнѣ хочетъ вольность дать,
Но дастъ, иль нѣтъ, какую,
Мнѣ нечего желать.
Какая это воля,
Летала чтобъ одна;
Была бъ безвѣстна доля,
Была бы холодна?
Коль днесь пшеницей Хлоромъ
Изъ устъ его кормлюсь,
Его питаясь взоромъ,
Счастливою зовусь:
На лонѣ, иль на шлемѣ
Кружусь, воркую я,
И въ сладкомъ этомъ плѣнѣ
Мила всѣмъ пѣснь моя.
Прости жъ меня, прохожій!
Не будь къ болтанью строгъ:
Сей день была похожей
Голубка на сорокъ.

=

ГИМНЪ КРОТОСТИ.

—

Сіянье радужныхъ небесъ!
Души чистѣйшее спокойство!
Блескъ тихихъ водъ! Едемъ очесъ!
О Кротость! ангельское свойство!
Отливъ отъ Бога Самого!
Тебѣ, тобою восхищенный,
Настроиваю, вдохновенный,
Я струны сердца моего.

Когда, среди усердна жара;
Другихъ піитовъ лирный звукъ
Царя земнаго полушара
Гремитъ, — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
Имъ сыплетъ бисеръ многоцѣнный:
Его наградъ я не прошу;
Но послѣ всѣхъ, лептъ чувствіи бренный,
Тебѣ я, Кротость! приношу.

Тебѣ! и ты того достойна:
Ты ожерелье красоты,
Ты сану мудрости пристойна,
Все лучшимъ сотворяешь ты;
И добродѣтели святыя
Усовершаются тобой;
У зависти и стрѣлы злыя
Отъемлетъ милый образъ твой.

Подруга ль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ? —
Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердецъ.
Наперсница ль въ любви женъ страстныхъ? —
Въ семействахъ — счастья ты вѣнецъ.
Идутъ ли за твоей рукою
Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ? —
Плѣняютъ и враговъ тобою
Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

А если Царская порфира
И скиптръ украсятся тобой,
Монархъ тотъ благодѣтель міра.
Не солнцу ль равенъ онъ красой?
На высотѣ блистая трона,
Онъ освѣщаетъ и живитъ;
Въ предѣлахъ своего закона
Течетъ — и всѣмъ благотворитъ.

Не совмѣщаяся съ звѣздами,
Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
По равными для всѣхъ лучами
Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.
Проходитъ взоръ его сквозь бездны —
И чела узниковъ златитъ;
Чертоги наполняя звѣздны,
Сіяньемъ въ хижины летитъ.

Куда свой путь ни обращаетъ,
Въ село, обитель, или градъ:
Народъ его волной встрѣчаетъ,
И дѣти на него такъ зрятъ,
Какъ бы на Бога лучезарна.
Преклоншись старцы на клюкахъ,
Движеньемъ сердца благодарна,
Сверкаютъ радостью въ очахъ.

Такъ, Кротость! такъ ты привлекаешь
Народныя къ себѣ сердца;
Всѣхъ паче качествъ составляешь
Въ Царѣ отечества отца.
Ты милосерда и снисходишь
Въ людскія страсти, суеты;
Надломленныя не преломишь
Былинки, по неправдѣ, ты.

Сквозь вратъ проходитъ сокровенныхъ
Всеобщая къ тебѣ любовь;
Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
Пролитую слезу и кровь;
И какъ елень въ жаръ къ току водну
Стремится жажду утолять,
Такъ человѣчества ты къ стону
Спѣшишь, чтобъ ихъ скорѣй унять.

Ты не тщеславна, не спѣсива,
Пріятельница тихихъ Музъ,
Привѣтлива и молчалива;
Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
Нигдѣ, никакъ и никого:
О! если бъ я тебя не видѣлъ,
Не написалъ бы́ я сего.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Орудье благости и силъ,
Господня дщерь, Его подобье,
Въ которой мудро совмѣстилъ
Онъ твердость, кротость, умъ, незлобье
И къ благу общему любовь,
О доблесть смертныхъ, Добродѣтель!
О соль земли! — хоть сонмъ духовъ
Разврату нравственну радѣтель
И смѣетъ звать тебя мечтой;
Но Богъ (я мню) ты воплощенный

Такъ! ты намѣстница Творца,
Его зиждительница воли;
Въ Его селеньяхъ безъ конца,
И въ сей боренія юдоли
Добра и зла ты вождь единъ,
Къ высокой той чредѣ ведущій,
Къ которой избранъ Свѣта сынъ. —
О Ангелъ въ человѣкѣ сущій!
О человѣкъ лицемъ, душой
На небеса взирать рожденный!

Ты, доблесть, мужества примѣръ,
Ты цѣломудрія зерцало,
Незыблема подпора вѣръ,
Несокрушимо странъ забрало;
Ты въ узахъ, въ бѣдствахъ присный другъ,
Клевретъ въ трудахъ, товарищъ въ бдѣньѣ,
Вождямъ и пастырямъ ты духъ
Даешь, ихъ паствъ и царствъ въ храненьѣ,
Плодъ ратаямъ, талантамъ блескъ,
Вѣнецъ — всѣхъ нуждъ превозможеньямъ.

Ты, Добродѣтель, образецъ
Благодѣяній всѣхъ возможныхъ,
Гармонія благихъ сердецъ,
Источникъ сладостей неложныхъ.
Ты если царствуешь съ Царемъ,
Съ судомъ онъ милость сочетаетъ,
Зло облиставъ своимъ лицемъ,
Отъ сильныхъ слабыхъ защищаетъ;
Покровъ Наукъ и Музъ ты плескъ,
Мать сирыхъ, врачь изнеможеньямъ.

Кто разъ узрѣлъ твои черты,
Твоей плѣнился красотою,
Вкусилъ священныхъ устъ соты,
И весь слился съ тобой душою,
Тому другихъ красотъ ужъ нѣтъ:
Прахъ — безъ тебя ему богатство,
Корона — въ терніяхъ цвѣтетъ;
Но гдѣ узритъ тебя — препятство
И смерть ему уже ничто:
Летитъ тобою насладиться.

Тогда ему и злой тиранъ
И всѣ его прещенья, муки,
Какъ будто знакъ къ побѣдѣ данъ;
Всѣ ужасы, торжествъ какъ звуки
Манятъ на лобно мѣсто течь.
На пиръ, на бракъ, какъ бы съ невѣстой,
Съ улыбкою идетъ подъ мечь.
Такъ Михаилъ шелъ въ гробъ (*) отверзтой,
Чтя Ханску ярость ни во что,
Чтобъ идоламъ не поклониться.

Тогда, какъ страстны мы тобой,
Какихъ свойствъ милосердья чужды?
Смягчаемся сиротъ слезой,
Не сносимъ хладно нищихъ нужды,
Воспитывать дѣтей рачимъ,
Болѣзнь и старость облегчаемъ,
Цвѣтъ цѣломудрія хранимъ,
Умъ слѣпо Вѣрою плѣняемъ.
Скорѣй Царь бѣдность посѣтитъ,
Любя тебя, — чѣмъ домъ богатый.

Тогда въ судилищахъ и судъ
Даютъ Бояре безпристрастно;
Отечество, Царя блюдутъ
И правду говорятъ безстрашно.
Тогда, о сладостный восторгъ!
Царицы — вѣрныхъ женъ примѣры:
Вершитъ свой Евпраксія рокъ! (**)
Лелеетъ составъ Царевна Вѣры,
Сама дѣвъ сонму предсѣдитъ, (***)
И въ души льетъ ихъ нравы святы!

Но льзя ль исчислить лѣпоты
Твои, о доблесть всеблаженна!
Ты все вчиняешь въ красоты,
Что тронетъ длань твоя священна;
Ты доблишь чувства, мысли, трудъ,
Какъ соль творитъ вкуснѣй всѣ явства;
Тобой геройствомъ храбрость чтутъ,
Щедротою — уронъ богатства;
Прощеньемъ ты караешь месть;
Ты ненавидима — а любишь.

(*) Великій Князь Михаилъ не поклонился идоламъ Батыя, и пострадалъ.

(**) Евпраксія, Великая Княгиня Рязанская, чтобь не достаться въ руки влюбленнаго въ нее Батыя, бросилась съ башни.

(***) Дочь Ярослава.

И, Добродѣтель, посему
Добротой Богу ты подобна,
Что доброхотствуя всему,
Ты благородствомъ превосходна:
Твой правда трудъ; твой польза плодъ;
Ты не себѣ, но всѣмъ радѣешь;
Ко всѣмъ добра ты — для добротъ;
Просить награды — не умѣешь;
Всему предпочитаешь — честь,
И о дѣлахъ своихъ не трубишь.

Величія и славы цвѣтъ
Небесъ, о безпорочна Дѣва!
Тобой стоитъ сей только цвѣтъ
Среди страстей кипящихъ рева.
Коль не было бъ въ немъ чадъ твоихъ,
Орловъ, сквозь бурь летать рожденныхъ,
И голубицъ, отъ чреслъ святыхъ
Твоихъ на свѣтъ произведенныхъ,
Чтобъ зло кротить и побѣждать, —
Міръ палъ давно бы въ преисподню.

Цвѣти жъ сильнѣй, Едемскій кринъ!
Средь дебръ терновыхъ здѣшня міра,
Да благовоніемъ твоимъ
Моя всѣхъ услаждаетъ лира;
Или во мнѣ твоихъ добротъ
Лицемъ благоволи явиться:
Тогда и солнца отъ красотъ
Не усомнюся отвратиться,
Твою чтобъ только пальму взять
И къ лону принести Господню

═

ЯВЛЕНІЕ.

—

Лежалъ я на травномъ коврѣ, зеленомъ,
На берегу шумящаго ручья,
Подъ тѣнносвѣсистымъ, лапистымъ кленомъ;
Отъ зноя не пеклася грудь моя,
И мня о сихъ, о тѣхъ дѣлахъ отчизны,
Я въ сладостномъ уныніи дремалъ,
Припомня все, что претерпѣлъ въ сей жизни,
Хотя и правъ бывалъ.

И се, съ страны изъ рощи вылетаетъ
Жена мнѣ юна солнечной красы!
Какъ снѣгъ, тонкица бѣла обвѣваетъ
Ея орѣхокурчаты власы;
Съ очей ея блестяща отливалась
Эѳира чистаго лазурна даль;
Среди ланитъ лилѣйныхъ расширялась
Заря, сквозясь въ кристаль;

Вкругъ устъ ея видна была червленыхъ
Усмѣшка, ласка искренней любви;
Блистали капли росъ съ рѣсницъ чуть смежныхъ;
Въ очахъ щедрота, тихій нравъ въ крови,
Показывали мнѣ ее въ печали.—
Я зрѣлъ, иль мнилъ такъ быть въ мечтаньи ей.
Но кто блаженнѣе, кого видали,
Какъ я мечтой былъ сей?

Возсталъ,—и къ ней объятья простираю;
Она же отъ меня уходитъ прочь!
Я блѣдность на лицѣ ея встрѣчаю;
Она померкла такъ какъ лунна ночь;
Но съ чувствомъ на меня взглянувъ усердно,
Взоръ важный и глубокомудрый свой
Съ десницею взведя на небо звѣздно,
Исчезла предо мной!

«Гряди въ свой путь,» я рекъ, «небесъ явленье!
Гряди,—довольно я позналъ тебя,
И ясно все твое мнѣ мановенье!
Я понялъ, какъ впередъ вести себя:
Не стоитъ хвалъ, любви, но паче слезно
Само-блестяще на землѣ житье;
Но тамъ, но тамъ съ тобой цвѣтетъ любезно
Отечество мое!»

═

МУЖЕСТВО.

—

Что привлекательнѣй очамъ,
Какъ не огня во тьмѣ блистанье?
Что восхитительнѣе намъ,
Когда не солнечно сіянье?
Что драгоцѣннѣй злата есть
Средь всѣхъ сокровищъ нашихъ тлѣнныхъ?
Межъ добродѣтелей отмѣнныхъ
Чья мужества превыше честь?

Въ лучахъ занятыхъ отъ порфиръ,
Видалъ наперсниковъ я счастья;
Зрѣлъ удивляющія міръ
Могущество и самовластье;
Сребра зрѣлъ горы на столахъ,
Вельможъ надменность, роскошь пышность,
Прельщающую сердце лишность;
Но умъ прямыхъ не зрѣлъ въ нихъ благъ.

При улыбаньи красоты,
Подъ сладкогласіемъ музыки,
Волшебныхъ игръ и дивъ мечты
Меня плѣняли пляски, лики;
Но посреди утѣхъ такихъ,
Какъ чувства въ нѣгѣ утопали,
Мои желанія искали
Какихъ-то общихъ благъ—моихъ.

Пальмиры пышной и Аѳинъ
Гдѣ были празднества, позоры,
Тамъ нынѣ средь могилъ, пустынь,
Слѣды звѣрей встрѣчаютъ взоры.
Увы! въ мѣста унынья, скукъ,
Что красны зданья превратило?
Уединенье водворило
Что въ храмахъ вкуса и Наукъ?

Не злымъ ли зубомъ стеръ ихъ Кронъ?
Не хищны ль варваровъ набѣги?
Нѣтъ, нѣтъ! Великихъ душъ уронъ
Когда въ объятья вверглись нѣги,
Ко злату въ цѣпи отдались:
Вмигъ доблести презрѣнны стали,
Подъ тяжестью пороковъ пали,
Имперьи въ прахѣ погреблись.

О если бъ храбрый Леонидъ
Поднесь и Зиновія жили,
Не премѣнился бъ Царствъ ихъ видъ;
Величія бъ примѣромъ были.
Но жаръ какъ духа потушенъ,
Какъ бѣдность пресмыкаться стала,
Увидѣли Сарданапала
На тронѣ съ прялицей межъ женъ.

Италъи честь, Художествъ цвѣтъ,
Остатки древностей безцѣнны!
Безъ Римлянъ, побѣждавшихъ свѣтъ,
Гдѣ вы? гдѣ?—Галломъ похищенны!
Безъ бодрственной одной главы,
Чѣмъ вознеслась Собійсковъ слава,
Ставъ женъ Цитерою, Варшава
Ужъ не соперница Москвы.

Укрась чело кто звѣздъ вѣнцемъ,
И обладателемъ будь міра,
Какъ радуга сіяй на немъ
Багряновидная порфира;
Но если духъ въ немъ слабъ,—полковъ,
Когортъ его всѣ громы мертвы;
Вожди безъ духа—страховъ жертвы,
И суть рабы своихъ рабовъ.

Такъ доблесть, сердца правота,
Огонь души небесъ священный,
Простѣйшихъ нравовъ высота,
Духъ крѣпкій, сильный, но смиренный,
Творецъ величествъ на земли!
Тобою вои побѣждаютъ,
Судьи законы сохраняютъ,
Счастливо царствуютъ Цари.

Тобой преславный родъ Славянъ
Владыкой сдѣлался полсвѣта,
Господь осьми морей, тмы странъ;
Душа его, тобой нагрѣта,
Какихъ вновь дивъ не сотворитъ?
Тамъ Гермогенъ, какъ Регулъ, страждетъ;
Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждетъ;
Рязановъ Гаму замѣнитъ.

Одушевляй Россійску грудь
Всегда, о мужество священно!
Присутственно и впредь намъ будь
Во время скромно, время гнѣвно.
Взлетимъ коль оперенны мы
Твоими страшными крылами:
Кто встанетъ противъ насъ?—Богъ съ нами!
Мы вспѣнимъ понтъ, тряхнемъ холмы.

═

МОНУМЕНТЪ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

—

Хотя смерть косу поднимаетъ
Равно и на Владыкъ земныхъ;
Но вѣчно память пребываетъ
Въ сердцахъ людскихъ Царей благихъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Неронъ, Калигула, Коммоды,
Когда на тронахъ гдѣ сидятъ,
Хоть поздніе ихъ помнятъ роды,
Но помнятъ такъ, какъ моръ и гладъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Когда Царя народъ прославитъ,
Вселенна подтверждаетъ то жъ;
Когда Царя ласкатель хвалитъ,
Потомство презираетъ ложь.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Во вѣкъ, во вѣкъ вы незабвенны,
Петра Великаго дѣла!
Петромъ бесѣды украшенны!
Петру дѣла Его хвала.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Кто былъ въ трудахъ неутомленный,
Прямой отечества Отецъ?
Великіе Цари вселенны!
Въ Петрѣ вашъ зрите образецъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ,
Онъ все Собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все Собою исполнялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Прошелъ землями и морями,
Учился Самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ Царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ Онъ сѣкирой ударялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества Отецъ,

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Лучи величества скрывая,
Простымъ Онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ Онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ Онъ плѣненныхъ угощалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ Своихъ дѣлахъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Вѣнцы тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ;
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Былъ въ Вѣрѣ твердъ и ей послушенъ;
Пѣвецъ онъ самъ былъ олтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлатъ милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады посадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы
Ко благоденствію ведутъ

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

О Россы, славой лучезарны!
О родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны;
Да въ вѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

КОЛЕСНИЦА.

Течетъ златая колесница
По разцвѣтающимъ полямъ;
Сѣдящій, правящій возница,
По конскимъ натянувъ хребтамъ
Блестящи вожжи, держитъ стройно,
Искуствомъ сравнивая ихъ,
И въ дальнемъ поприщѣ спокойно
Осаживая скокъ однихъ,
Другихъ же къ бѣгу побуждая,
Прилѣжно взорами блюдетъ;
Къ одной метѣ ихъ направляя,
Грозитъ бичемъ, иль имъ ихъ бьетъ.
Животныя, отважны, горды,
Подъ хитрой ѣздока уздой
Лишены дикія свободы
И сопряжены межъ собой,
Едину волю составляютъ,
Взаимной силою везутъ;
Хоть подъ ярмомъ себя считаютъ,
Но ставя славой общій трудъ,
Дугой нагнувъ волнисты гривы,
Бодрятся, рѣзвятся, бѣгутъ,
Великолѣпный и красивый
Видъ колесницѣ придаютъ.
Возница вожжи ослабляетъ,
Смиренствомъ коней убѣдясь;
Вздремалъ, — и тутъ въ расплохъ мелькаетъ
Надъ ними черна тѣнь, віясь,
Коварныхъ врановъ, своевольныхъ
Кричатъ и, потемняя путь,
Пужаютъ коней толь покойныхъ.—
Дрожатъ, храпятъ, ушьми прядутъ,
И стиснувъ сталь во рту зубами,
Изъ рукъ возницы вожжи рвутъ,
Бросаются, и прахъ ногами
Какъ вихорь подъ собою вьютъ;
Какъ стрѣлы, изъ лука пущенны,
Летятъ они во весь опоръ.
Отъ сна возница возбужденный
Поспѣшно открываетъ взоръ...
Уже колеса позлащенны
Какъ огнь, сквозь пыль кружась, гремятъ:
Ѣздокъ, ихъ шумомъ устрашенный,
Вращая поблѣднѣлый взглядъ,
Хватаетъ вожжи, но ужъ поздно:
Зоветъ по именамъ коней,
Кричитъ ихъ и смиряетъ грозно;
Но ужъ они его рѣчей
Не слушаютъ, не понимаютъ,
Не знаютъ голоса того,
Кто ихъ любилъ, кормилъ, — пыхаютъ
И звѣрски взоры на него
Бросаютъ страшными огнями.
Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ,
Со ребръ ліется потъ рѣками,
Со спинъ паръ облакомъ летитъ,
Со броздъ кровава пѣна клубомъ
И волны отъ копытъ текутъ.
Уже, въ жару ярясь сугубомъ,
Другъ друга жмутъ, кусаютъ, бьютъ,
И по распутьямъ мчась въ разстройствѣ,
Какъ бы волшебствомъ обуявъ,
Рвутъ збрую въ злобномъ своевольствѣ,
И цѣли своея не знавъ,
Крушатъ подножье, ось, колеса·
Возница падаетъ подъ нихъ.
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница въ мигъ,
Какъ лодка, бурей устремленна
Безъ кормщика, снастей, средь волнъ,
Разломана и раздробленна
Въ ровъ мрачный вержется вверхъ дномъ.

Раззбруенные Буцефалы,
Томясь отъ жажды, отъ алчбы,
Чрезъ камни, пни, бугры, забралы
Несутся, скачутъ на дыбы
И, что ни встрѣтятъ, сокрушаютъ.
Отвсюду слышанъ вопль и стонъ;
Кровавы рѣки протекаютъ;
По стогнамъ мертвыхъ милліонъ!
И въ толь остервенѣньѣ лютомъ,
Всѣ силы сами потерявъ,
Падутъ стремглавъ смердящимъ трупомъ,
Безумной воли жертвой ставъ.

Народъ устроенный, блаженный
Подъ Царскимъ нѣкогда вѣнцемъ,
Чей вкусъ и разумъ просвѣщенный
Европѣ были образцемъ;
По легкости своей извѣстный,
По остротѣ своей любимъ,
Бывъ добрый, вѣрный, нѣжный, честный
И преданный Царямъ своимъ —
Не ты ли въ страшной сей картинѣ
Мнѣ представляешься теперь,
Химеръ опутанъ въ паутинѣ,
Изъ человѣка лютый звѣрь?
Такъ! ты, о Франція несчастна,
Примѣръ безвѣрья, безначальствъ,
Вертепъ убійства преужасна,
Гнѣздо безнравья и нахальствъ.
Такъ! ты,на коей тяжку руку
Мы зримъ разгнѣванныхъ небесъ,
Урокъ печальный и науку,
Свѣтъ изумляющія весь.
Отъ Философовъ просвѣщенья,
Отъ лишней Царской доброты,
Ты пала въ хаосъ развращенья
И въ бездну вѣчной срамоты.

Увы! доколѣ слышны стоны
И во крови земля кипитъ?
Ревутъ пожара страшны волны?
Или предѣлъ ихъ Небомъ скрытъ?

НА КОВАРСТВО ФРАНЦУЗСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ И ВЪ ЧЕСТЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО.

Доколь владычество и славу,
Коварство будешь присвоять;
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
Доколь ловитвой ухищренной
Яремъ накладывать вселенной
Тебѣ чрезъ наглость и чрезъ лесть?
За святотатственны обманы,
Доколѣ стяжутъ власть тираны,
Кумиры Божескую честь?

Кто возвращать возможетъ вѣки,
И зритъ дѣянья древнихъ лѣтъ,
Тотъ знаетъ, сколько человѣки
Тобою претерпѣли бѣдъ!
Лишь праотецъ въ Эдемъ явился,
Твоимъ пронырствомъ искусился, —
Исчезъ его блаженства садъ;
Сокрылося златое время
Съ тѣхъ поръ, какъ земнородныхъ племя
Вкусило твой тлетворный ядъ.

Лежатъ поверженныя Царства
Мятежною твоей рукой;
Чужія троны и начальства
Не разъ похищены тобой;
Не разъ народнымъ кровопійцамъ
И цѣлыхъ областей убійцамъ
Ты отверзало славы храмъ;
И Небу щедрому, благому,
Не разъ, въ покровъ ты дѣлу злому,
Курить дерзало ѳиміамъ.

Для властолюбія, богатства,
Для пагубныхъ твоихъ страстей,
Не разъ, преодолѣвъ препятства,
Достигло цѣли ты своей;
Не разъ ты честность очерняло;
Не разъ ты святость порицало,
И высило чрезъ нихъ твой рогъ;
Не уважаешь узъ ты крови,
Не чтишь ни дружбы, ни любви;
Корысть одна и ты — твой богъ!

Предусмотря свою выгоду,
И сдѣлать нужнымъ чтобъ себя,
Невинность, равенство, свободу,
Покой и счастье истребя,
Ты влило въ насъ свою отраву;
Любить прельстило злую славу
И буйную господства страсть;
Разбой вмѣняютъ тамъ въ геройство,
Жизнь безначальную въ спокойство,
Насиліе въ священну власть.

Твоя ужасна дальновидность,
И скрытый, мрачный твой совѣтъ:
Тамъ ставятъ сѣти на невинность,
И слуха о тебѣ гдѣ нѣтъ.
Для бѣдныхъ слабыхъ обороны
Уставлены суды, законы,
Взаимность, должность, клятвы, бракъ;
Но коль сорвать съ тебя личину,
Въ сію священну паутину
Лишь вязнетъ червь, а ты? — никакъ!

Возьмемъ же истины зерцало,
Посмотримъ въ немъ твоихъ путей;
Эхиднино раскроемъ жало,
Сокрытое въ груди твоей:
Изслѣдуемъ твои дѣянья,
Всѣ виды, козни и желанья,
И обнажимъ тебя всего:
Уже я зрю хамелеона,
Для пользъ твоихъ, для ближнихъ стона,
Въ изгибахъ сердца твоего.

Когда смѣешься, ты сирена;
Когда ты плачешь, — крокодилъ;
Когда молчишь, тогда геенна
Кипитъ въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ.
Чудовище! пороки злые

За добродѣтели святыя
Умѣешь въ міръ ты выдавать;
Велишь слова твои лукавы
Небесной правды за уставы
Вселенной слѣпо обожать.

Велишь—и въ нѣдрѣ кроткой Вѣры,
На мѣсто агнца въ алтаряхъ,
Съ мольбой и пѣньемъ изувѣры
Свою собратью жгутъ въ кострахъ.
Велишь—и бредни лжепророка
Повергли знатну часть Востока
Подъ любострастный алкоранъ.
Европа ужаснулась кову,
Что за любовь открылъ Христову,
Въ Варѳоломеевъ день тиранъ.

Велишь—и Цезарь, прослезяся,
Знамена бунта развернулъ;
Велишь—и Неронъ, притворяся,
Смиренствомъ трона досягнулъ.
Исчадья гордости, распутства,
Посредствомъ твоего искусства,
Даютъ себѣ нерѣдко блескъ.
Тотъ тмы гражданъ повергъ ко гробу,
Сей матерню пронзилъ утробу;
Но имъ гремитъ народовъ плескъ.

Разстриги, Кромвели, Надиры,
Вельможи злые и Цари,
Для хвалъ своихъ имѣютъ лиры,
Для обожанья олтари;
Чрезъ происки твои хвастливы,
Велики, мудры, справедливы
Являются вселенной всей;
Но гдѣ имъ истина коснется,
Завѣса лести раздерется,
Изъ бога вскроется — злодѣй.

Какъ острой сталью горорытство
Металловъ ищетъ въ нѣдрѣ горъ:
Такъ разумъ, людскость, любопытство
И любомудрый тонкій взоръ
Коварно сердце проницаетъ;
Его всѣ бездны разверзаетъ
И тайны явными творитъ,
А время на вѣсы все точно,
Что хвально вѣситъ, что порочно,
И безпристрастно насъ цѣнитъ.

О ты, который властью, саномъ
Себя желаешь отличить,
И изъ пигмея великаномъ
Безсмертно въ лѣтописяхъ жить!
Хотя дѣла твои днесь громки,
Но если поздніе потомки
Путей въ нихъ правыхъ не найдутъ,
Не будешь помѣщенъ ты въ Боги:
Несправедливыя дороги
Въ храмъ вѣчной славы не ведутъ.

Ведутъ не въ храмъ,—на мѣсто лобно
Онѣ содѣтелей неправдъ;
Души коварной чувство злобно
Здѣсь дыба, а по смерти адъ.
Насильственно рѣки стремленье,
Войною странъ опустошенье,
Неправый судъ, огнь, гладъ, бунтъ, моръ!
Что слѣдъ вашъ? – плачъ и скорбь сердечна.
Что ваша слава?—клятва вѣчна.
Вы смрадный естества позоръ!

Обширный разумъ и надменный,
Могущій власть себѣ стяжать,
Могущій Царствамъ дни блаженны
И злополучны даровать;
Могущій утѣснить природу,
Иль ей отдать ея свободу,—
Ты можешь самъ себя рѣшить:
Почтенну ль быть тебѣ съ Сократомъ,
Или презрѣнну съ Геростратомъ?
Героемъ, иль злодѣемъ слыть?

Когда бы бурный Нилъ волною
Своихъ бреговъ не утучнялъ,
Благотворящею рѣкою
Его бы свѣтъ не нарицалъ;
Когда бъ Октавій козни злыя
Не премѣнилъ въ дѣла благія,
Поднесь бы Августомъ не слылъ;
И Петръ не назвался бъ Великимъ,
Когда бъ по подвигамъ толикимъ
Онъ свой народъ не просвѣтилъ.

Доколь сіяніе короны
Страстямъ мрачить не возбранишь,
Священну Вѣру и законы
И правый судъ не сохранишь;
Доколь не удалишь безчинность,
Доколь не защитишь невинность,
И съ лихвой мзду не пресѣчешь
Доколѣ роскошь и пороки,
Какъ быстрые съ горы потоки,
Своимъ примѣромъ не прервешь;

Доколь, драконовъ сѣя зубы,
Ты будешь новыхъ змѣй раждать,
И ложной славы громки трубы
Въ свирѣльный гласъ не премѣнять;
Доколь моря, страны и грады,
Разбойничей алчбы награды,
Чужое злато и сребро,
И лавръ не претворишь въ оливы;
Доколѣ не удобришь нивы
И міра не пожнешь добро;

Доколѣ не возлюбишь правды,
Сѣдинъ геройскихъ не почтишь,
Народу не подашь отрады,
И сирыхъ гласу не внушишь:
Дотоль, о смертный! сколь ни звученъ,
И сколь ты ни благополученъ,
Хоть славой до небесъ возникъ,
Хоть сѣлъ на тронѣ превысокомъ,—
Предъ любомудрымъ, строгимъ окомъ,
Еще, еще ты не великъ.

Не тронъ, но духа благородство
Даетъ велики имена;
Прямое духа превосходство
Лишь къ истинѣ любовь одна:
О ней лишь можетъ быть рачитель,
О благѣ общемъ попечитель,
Отцемъ отечества Монархъ;
Лишь ею Вождь-героемъ чтится,
И богомъ—судія намъ зрится,
И солнцемъ міра—Іерархъ.

Пусть позлащенна мѣдь блистаетъ,
Но блещетъ ли она собой?
Пусть ухищреніе прельщаетъ;
Но чѣмъ?—лишь истины корой.
Повергни испытать въ горнило,—
Померкнетъ въ мигъ сіе свѣтило;
А злато завсегда равно.
И истина во вѣкъ сіяетъ:
Она едина составляетъ
Всѣхъ добродѣтелей зерно,—

Зерно безсмертія и корень,
Величія, добротъ вѣнецъ;
Природой храмъ ея построенъ
У насъ во глубинѣ сердецъ.
Когда есть долгъ у человѣка,
Ея въ немъ слышанъ гласъ отъ вѣка:
«Тебѣ данъ умъ—меня познать;
Словесность — разсказать другому;
Безсмертный духъ—коварству злому
Безъ ужаса противостать».

О коль видѣніе прекрасно!—
Блаженъ, кто идетъ правдѣ въ слѣдъ!
Ничто ему, ничто не страшно,
И никакой не смертенъ вредъ.
Стремится ль злость съ остервенѣньемъ,—
Онъ ограждается терпѣньемъ,
И непорочности щитомъ
Сжимаетъ зѣвъ ея кровавый;
Поносна смерть короной славы
Бываетъ въ подвигѣ такомъ.

Когда жъ въ сіи златые годы,
Въ сіи блаженны, рѣдки дни,
Какъ мыслить, говорить, свободы
Законной мы не лишены;
Какъ разумъ съ истиной святою
Насъ милосердія стезею
Стремятся къ просвѣщенью весть;
Какъ всѣмъ оно не воспрещенно:—
Паукъ дерзаетъ ухищренно
Вкругъ солнца паутину плесть!

Увы! когда жъ, въ которы вѣки
Добра не угнетало зло?
Гдѣ тѣ велики человѣки,
Которыхъ сердце бы могло
Предусмотрѣть страстей всѣ виды?
Гдѣ Леониды, Аристиды?
Гдѣ тѣ Эпаминонды днесь?
Гдѣ тѣ Катоны, Сципіоны,
Которыхъ чрезъ временъ запоны,
Какъ огнь насъ, озаряетъ честь?

Гдѣ толь простыя, непритворны,
Прямыя, чистыя сердца,
Толь души тверды, благородны,
Достойныя изъ звѣздъ вѣнца?—
Средь славныхъ подвиговъ и боевъ
Мы зримъ полки у насъ героевъ;
Но чтитъ ли ихъ взоръ мудреца?
Онъ ищетъ Росса справедлива,
Благочестива, терпѣлива,
Мужей великихъ образца,

Который бы въ бояхъ сражался,
Лишь спасть народъ, Царя отъ бѣдъ;
Перунами не возвышался,
Отнесъ къ другимъ весь звукъ побѣдъ;
Красой и златомъ не былъ плѣннымъ,
Простилъ убійцамъ обличеннымъ;
Сокрыту зависть наградилъ;
Не внявъ къ себѣ народа клику,
Избралъ достойнаго Владыку
И надъ собою воцарилъ.

Который, бывъ покоренъ волѣ
Избраннаго собой Царя,
Не возроптал и въ низкой долѣ,
Его велѣнія творя,
Стократъ излилъ своей токъ крови,
Изсякъ къ отечеству въ любови,
Доволенъ безъ наградъ, собой;
Царя творецъ и рабъ послушный,
Не ты ль, герой великодушный,
Пожарскій, мужъ великій мой?

Ты спасъ отъ расхищенья Царство,
Ты власть Монарху утвердилъ,
Ты свергъ любоначальствъ коварство,
Ты честь свою въ себѣ сокрылъ;
Ни колесницъ ты, ни трофеевъ,
Ни громкихъ хвалъ, ни мавзолеевъ
Во мзду не получилъ заслугъ;
Одна лишь персть твоя осталась,
Въ ней искра славы сохранялась,
Которая возжгла мой духъ.

Возстань, возстань на голосъ лиры,
Великая изъ мрака тѣнь!
И ночь когда скрываетъ міры,
Или когда сіяетъ день,
Носись надъ нашими главами,
Умъ гордый поражай громами,
Учи къ Царямъ брагоговѣть,
Подпорой будь въ Европѣ троновъ:
Твой сильный гласъ, какъ Цицероновъ,
Заставитъ злобу оробѣть.

Возстань! мечтайся въ воображеньи,
Живи въ умѣ, теки въ крови,
Живи и дѣлай наставленьи
Въ прямой къ отечеству любви;
Въ любви,—что сваръ нейдетъ въ дорогу,

Вѣрна Царю, народу, Богу,
Готова все сама терпѣть,
Готова въ бѣдствіяхъ мужаться,
Нарсесовъ славѣ удивляться,
О Велизаріяхъ жалѣть.

Пусть Катилины, Бедемары,
И Мирабо и Лафайетъ,
Готовя скрытые удары,
Крамолами колеблютъ свѣтъ;
Пускай коварство Годунову
Возноситъ въ память башню нову
За тысячу его заслугъ;
А на твоей покрышкѣ гроба
Простую надпись лишь: *прочь злоба!*
Отечества напишетъ другъ.

НА ПАНИХИДУ ЛЮДОВИКА XVI.

Звукъ слышу мусикійскій въ стонѣ,
Во мракѣ громъ, во блескѣ ликъ.
Здѣсь къ небу вознесенъ на тронѣ,
А тамъ — на плахѣ Людовикъ!
О ужасъ! о превратность міра!
О оборотъ стыда, честей!
Попранна тамъ въ крови порфира,
А здѣсь приносятъ жертву ей! —
Кто жъ славы намъ прямой содѣтель?
Никто, никто, — лишь добродѣтель.

Лишь добродѣтель есть любезна
Плѣненнымъ истинной сердцамъ;
Въ чертогѣ, въ хижинѣ почтенна
Она вездѣ, по всѣмъ странамъ.
На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ,
Какъ праведникъ всегда почтенъ.
Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ,
Какъ извергъ, завсегда презрѣнъ.
Не тронъ, не подвиги чьи громки,
Чтутъ безпристрастные потомки, —

Лишь добродѣтель. Ей священный
Повѣренъ ключъ весть чести въ храмъ.
О палачи Царя презрѣнны!
Отвѣтствуйте теперь вы намъ,
Отвѣтствуйте намъ Петіоны:
Почто Монарха и отца,
Заслуги, Вѣру и законы,
Попрали вы, о злы сердца?
Почто невиннаго убили,
И вѣкъ пятномъ нашъ обагрили?

«Любовь къ отечеству велѣла,»
Вы ищете отвѣтъ намъ дать.
Она вдохнуть вамъ въ грудь умѣла,
Чтобъ руки на Царя поднять?
О ухищренье! о коварство!
Любовь къ отечеству кротка;
Она не разрушаетъ Царство,
И нѣжная ея рука
Всегда гражданъ щадить умѣла:
Главу ль ей отдѣлять отъ тѣла?

Давно надменья, властолюбья,
Сію личину знаемъ мы;
Ее и Кромвель бралъ въ орудья,
И ею Брутъ слѣпилъ умы.
Открыта днесь сердецъ ихъ склонность
И мнимыхъ цѣль геройскихъ дѣлъ;
Но пусть тотъ Вѣру, сей же вольность
Какъ будто защищать хотѣлъ;
А вашей лютости звѣриной,
Цареубійцы! что причиной?

Тѣнь Людовика зрю стоящу,
Окровавленную средь васъ,
На лобномъ мѣстѣ возносящу
Послѣдній вамъ свой скорбный гласъ:
«Что, дѣти! что, народъ мой славный!
Что вамъ такое сдѣлалъ я?
Вы скиптръ вручили мнѣ державный:
Чѣмъ постыдилась власть моя?
Вы имя мнѣ Благаго дали,
Вы благости мои вкушали.

«Не я ли дверь отверзъ темницы,
Гдѣ васъ томила строга власть?
Не я ли слезы стеръ вдовицы,
И сирыхъ успокоилъ часть?
Не я ль не пролилъ капли крови
Во все владычество мое;
Но какъ отецъ, весь полнъ любови,
Всю жизнь мою, все бытіе
На ваши посвятивъ блаженства,
Искалъ вамъ благъ всѣхъ совершенства?

«Желали вы имѣть свободу,
Чтобы законы написать?
Я отдалъ всѣ права народу
И всю мою вамъ царску власть.
Желали, чтобъ я, снявъ корону,
Со всѣми вами равенъ былъ?
Ни слезъ не испустивъ, ни стону,
Я съ вами гражданиномъ слылъ.
Желали вы, чтобъ я судился?
И я предъ вами правъ явился.

«Желали вы.»... Но, тѣнь святая,
Довольно! скройся въ облакахъ!
Души нашихъ больше не смущая,
Живи, ликуй на небесахъ!
Твою невинность всякой знаетъ,
Вселенною оправданъ ты;
Потомство руки простираетъ
На гробъ; на образъ твой цвѣты

И мы съ слезами разсыпаемъ;
Твоихъ тирановъ проклинаемъ.

Греми, проклятіе всемѣстно
И своды храма потряси,
И правосудіе Небесно
Скорѣй на злобу ниспроси!
Греми, о Муза! и искусствомъ
Подвигни къ жалости сердца,
Наполнь однимъ Европу чувствомъ
Къ отмщенью Царскаго вѣнца!
Греми! — Но се ревутъ ужъ громы
На крыліяхъ орловъ несомы.

ПОБѢДИТЕЛЮ.

—

Въ Всевышней помощи живущій,
Въ покровѣ Бога водворенъ,
Заступникомъ Его зовущій,
Прибѣжищемъ своимъ, и въ немъ
Надежду кто свою кладетъ въ свой вѣкъ,
Великъ, великъ тотъ въ свѣтѣ человѣкъ!

Господь его отъ сокровенныхъ,
Отъ хитрыхъ сохранитъ сѣтей;
Спасетъ его отъ дерзновенныхъ
И отъ зломышленныхъ людей;
Избавитъ отъ клеветъ, отъ лести злой,
Покроетъ твердою Своей броней.

Хоть полкъ предъ нимъ враговъ предъидетъ,
И окружитъ отвсюду тьма, —
Оружіемъ его обыдетъ.
Небесна истина сама.
На крылахъ черныхъ тучъ пусть громъ летитъ,—
Освѣтитъ лишь его и осѣнитъ.

Отъ стрѣлъ, какъ градъ, съ высотъ шумящихъ,
Отнюдь не устрашится онъ;
Отъ вихрей, съ жупломъ преходящихъ,
И все огнемъ ядущихъ волнъ
Не удалится прочь, — и завсегда,
Какъ твердый Тавръ, душа его тверда.

Тамъ тысящи падутъ ошую,
Кровавая горитъ заря;
Тамъ милліоны одесную, —
Покрыты трупами моря:
Къ нему же съ роковой косою смерть
Не смѣетъ хищныхъ рукъ своихъ простерть.

Но ты смотри и виждь, о смертный!
И Божьи разумѣй дѣла:
Враговъ твоихъ полки несмѣтны
Однимъ смерть взмахомъ посѣкла!
Невѣрныхъ сокрушилъ ты гордый рогъ;
Но симъ лишь чрезъ тебя казнилъ ихъ Богъ.

Казнилъ ихъ Богъ; — а ты средь бою
Остался живъ! — И для чего?
Что возлюбилъ его душою;
Что всю надежду на Него
Не усомнился ты предположить:
Тебя Онъ предъизбралъ Свой судъ свершить.

Тебя, — и зло къ тебѣ не придетъ,
Ни рана къ тѣлу твоему;
На сердцѣ здравіе почіетъ,
Веселье сердцу и уму
Пойдетъ со плесками тебѣ во слѣдъ:
По торжествамъ тебя познаетъ свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ, безплотныхъ силъ,
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ Ангеловъ, чтобъ цѣлъ ты былъ:
Сафирныя свои они крыла,
Расширя надъ тобой, блюдутъ отъ зла.

Блюдутъ тебя и сохраняютъ
Они во всѣхъ путяхъ твоихъ,
Повсюду вкругъ тебя летаютъ,
И носятъ на рукахъ своихъ,
И вѣтру на тебя претятъ порхнуть,
Въ пыли твоихъ о камень ногъ преткнуть.

На аспидовъ, на василисковъ,
На тигровъ, на эхиднъ, на львовъ,
Вдали рыкающихъ, и близко
На пресмыкающихъ гадовъ,
Шипящихъ вкругъ тебя ужей и змѣй,
Ты ступишь и попрешь ногой твоей.

Надеждъ твоихъ и всѣхъ желаній
Ты никому не объявилъ;
На небо воздѣвая длани,
Ты втайнѣ Бога лишь молилъ;
Его превѣчное ты имя звалъ,
Его изъ устъ твоихъ не испускалъ.

Господь отъ звѣздъ тебя услышалъ.
Твою мольбу проразумѣлъ;
Изъ пренебесной бездны вышелъ,
Невидимую длань простеръ.
Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тьма и мгла:
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
Сіянье Онъ Своихъ лучей;
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ пробавилъ дней;
Спасеніе людямъ Своимъ явилъ,
Величіе Свое въ тебѣ открылъ.

Но кто ты, Вождь, кѣмъ стѣны пали,
Кѣмъ твердь Очаковска взята?
Чья вѣра, чьи уста взывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?
Чей духъ, чья грудь несла Монаршій ликъ? —
Потемкинъ ты! — Съ тобой, знать, Богъ великъ!

РѢШЕМЫСЛУ

Веселонравная, младая,
Нелицемѣрная, простая,
Подруга Флаккова и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь,
О Муза! славить Рѣшемысла.

Приди, иль въ облакѣ спустися,
Или хоть въ санкахъ прикатися
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестернѣй,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ:
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ Сибирскихъ, хладомъ строгихъ.

Приди, и на своей свирѣлѣ
Не онаго пой мужа, древле
Служившаго Царицѣ той,
Которая въ здоровьѣ маломъ,
Блистала славой и красой
Подъ соболиньимъ одѣяломъ;

Но пой, ты пой здѣсь Рѣшемысла,
Великаго Вельможу смысла,
Наперсника Царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей,
И спать въ полудни не ложится;

Которая законы пишетъ,
Любовію къ народу дышетъ,
Плѣнитъ сосѣдей безъ оковъ,
Военны отвращая звуки;
Даритъ и счастье и покровъ,
И не сидитъ поджавши руки.

Сея Царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной,
Сотрудниковъ достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ея Вельможъ превозносить,
И осыпать ихъ вкругъ цвѣтами.

Ты, Муза! съ самыхъ древнихъ вѣковъ,
Великихъ сильныхъ человѣковъ
Всегда умѣла поласкать;
Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ,
И въ басняхъ правду представлять:
Представь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ.

Скажи, скажи о семъ Героѣ:
Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,
Каковъ умомъ, каковъ душой,
Каковъ и всякими дѣлами? —
Скажи, и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, такъ стихами.

Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшилися близъ трона быть,
Любимцевъ Царскихъ убѣгали,
И не могли тѣхъ змѣй любить,
Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ, хоть выше всѣхъ главою,
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
Но всюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:
Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы не былъ онъ полезенъ

Иной ползетъ, какъ черепаха,
Другому милъ топоръ да плаха;
А онъ паритъ какъ бы орелъ,
И все съ высотъ далече видитъ;
Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ,
И даже мухи не обидитъ.

Онъ сердцемъ Царскій тронъ объемлетъ,
Душой народнымъ нуждамъ внемлетъ,
И правду между ихъ хранитъ;
Отечеству онъ вѣрно служитъ,
Монаршу волю свято чтитъ,
А о себѣ никакъ не тужитъ;

Не ищетъ почестей лукавствомъ,
Мздоимнымъ не прельщенъ богатствомъ,
Не жаждетъ тщетно санъ носить,
Но тщится тѣмъ себя лишь славить,
Что любитъ онъ добро творить,
И можетъ счастіе доставить.

Закону Божію послушенъ,
Чувствителенъ, великодушенъ,

Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
Къ себѣ строжае, чѣмъ къ другому,
Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
Идетъ лишь по пути прямому;

Не праздненъ, не лѣнивъ, а точенъ;
Въ дѣлахъ и скоръ и безпороченъ,
И не кубаритъ кубарей;
Но столько же великъ и дома,
Въ деревнѣ, хижинѣ своей,
Какъ былъ когда метатель грома.

Глубокъ, и быстръ, и тихъ и смѣтливъ,
При всей онъ важности привѣтливъ,
При всей онъ скромности шутливъ;
Въ миру онъ кажется роскошенъ;
Но въ самой роскоши ретивъ,
И никогда онъ не оплошенъ.

Хотя бы возлежалъ на розахъ,
Но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ
Готовъ онъ съ лона нѣги встать;
Готовъ среди своей забавы
Внимать, судить, повелѣвать,
И молніей летѣть въ храмъ славы;

Другъ честности и другъ Минервы,
Восшедъ на степень къ трону первый,
И безъ подпоръ собою твердъ;
Ходить умѣетъ по паркету,
И, устремяся славѣ въ слѣдъ,
Готовитъ миръ и громы свѣту;

Безъ битвъ, безъ браней побѣждаетъ,
Искусство уловлять онъ знаетъ;
Своихъ, чужихъ сердца плѣнитъ.
Я слышу плескъ ему сугубый:
Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шьетъ коты да шубы.

Но, Муза! вижу ты лукава;
Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права;
Ты Рѣшемысловымъ лицемъ
Вельможей должность представляешь:
Конечно ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь.

ПАМЯТНИКЪ ГЕРОЮ.

(Князю Н. В. Рѣпнину.)

Всегда разборчива, правдива,
Нигдѣ и никому нельстива,
О! строгаго Кунгдзея Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нѣжномъ звонкомъ кинѣ,
И трогать поученьемъ сердце!

Приди, и зря текущи годы,
Обратность вѣчную Природы,
Что всходитъ и заходитъ солнце,
Что лѣто, осень придутъ паки;
А только къ намъ не возвратятся
Дѣла, содѣянныя нами.

Вождя при памятникѣ дивномъ
Возсядь, и въ пѣніи уныломъ
Вѣщай: сей столпъ повергнетъ время,
Разрушитъ. — Кто жъ былъ Полководецъ?
Куда его прошли побѣды?
Гдѣ мечъ его? гдѣ шлемъ? гдѣ образъ?

Увы! и честь сія Героевъ,
Приступовъ монументы, боевъ,
Не суть ли знаки ихъ свирѣпства?
Развалины, могилы, пепелъ,
Черепья, кости имъ подобныхъ,
Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава?

Ахъ, нѣтъ! средь всѣхъ народовъ, вѣковъ,
Друзья Герои человѣковъ
Суть соль земли, во мракѣ звѣзды;
Чрезъ нихъ извѣстна добродѣтель;
Они великія зерцалы
Богоподобныхъ слабымъ смертнымъ.

Прямой Герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не приверженъ;
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣньи твердъ, и мудръ въ напасти,
Не рабствуетъ блестящей части;
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ:
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!

Вѣсами ль гдѣ, мечемъ ли правитъ,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ,
Его Царь — долгъ; его Богъ — правда;
Лишь Имъ онъ жертвуетъ собою;
Искусенъ, остороженъ, точенъ,
Рачителенъ, небыстръ ко славѣ;

Дѣлами исполнитель Вѣры:
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ,
И Богъ его благословляетъ
Побѣдою почти безъ крови,
Который миръ даруетъ Царствамъ

Такого мужа обелиски
Не тѣмъ славны, что къ небу близки
Не мраморомъ, не мѣдью тверды:
Пускай ихъ разрушаетъ время,

Но вовсе истребить не можетъ·
Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

Строй, Муза, памятникъ Герою,
Кто мужественъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
Далъ малой тратой много пользы.
Благословенъ, Рѣпнинъ, потомствомъ!

МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ.

(Е. А. Наумову.)

Блажени милостивы, яко тіи помилованы будутъ.

—

Слетаетъ съ неба лучъ въ полнощи;
На гробѣ теплится свѣча;
Благоухаютъ мирроой рощи;
Ліется съ горъ ручей, журча;
Зефиры шепчутся съ цвѣтами;
Колеблется луна водами;
Со перепеломъ крастель въ ладъ,
Чуть соловей въ дали мнѣ слышенъ:
Кому тутъ монументъ возвышенъ? —
Миръ праху твоему, мужъ святъ!

Не праведника ль спятъ тутъ кости,
Который сердоболенъ былъ,
Изъ зѣва ослѣпленной злости
Исторгъ невинность и сразилъ
Чудовище, алкавше крови?
Далъ къ человѣчеству въ любви
Примѣръ, — и жизнь его сберегъ?
Сію вѣтвь миртову Царица,
Какъ древле кротка голубица,
Законовъ принесла въ ковчегъ.

Но что по мраку за картина
Въ эѳирѣ развилася вкругъ?
Безмѣрна разныхъ лицъ долина,
Какъ звѣздъ, насѣялася вдругъ!
Тутъ, облеченное лучами,
Явилось Божество съ вѣсами,
И, мечь и вѣтвь держа рукой,
Рекло: — гласъ громы повторили —
«Блажени милостивы были:
Помилованы будутъ Мной!»

Не страшный ль, грозный, неумытный,
Нелицемѣрный вижу судъ,
Предъ коимъ днешни, первобытны,
Отчетъ дать смертные идутъ?
Такъ! Вижу я Царей съ рабами:
Равно стоятъ передъ вѣсами;
Раскрыты совѣсти лежатъ.
И се зрю: Петръ, Елисавета
Съ Екатериной, въ облескѣ свѣта,
Грядутъ съ улыбкой пальму взять;

Идутъ и обращаютъ взоры
На тѣхъ Вельможъ, Вождей, судей,
Бесѣды коихъ, разговоры
Ко сожалѣнію людей,
На милосердье Ихъ склоняли;
Которы Имъ совѣтъ давали:
Тотъ казнь, тотъ пытки истребить,
Тотъ тайны расклепать затворы,
Н......! и тебя въ ихъ хоры
Велѣла Милость помѣстить.

Почто жъ гремѣвшіе столь браньми
Вожди за облакомъ стоятъ?
Лице свое скрывая дланьми,
Глядѣть на лавры не хотятъ?
Почто вселенной побѣдитель,
Народовъ многихъ покоритель,
Отъ чашъ, наполненныхъ кровей,
Ему тѣнями подносимыхъ,
Съ стенаніемъ вокругъ ходимыхъ.
Отворотился, слыша: «пей!

«Пей, пей! ты налилъ ихъ,» вѣщали
Увы! почто же на гробахъ
Вождей мы зданья созидали,
Коль память золъ тягчитъ ихъ прахъ?
Не глупости ли знакъ тщеславной
И самый мавзолей тотъ славной,
Который обагренъ въ крови?
У вѣчности свои суть правы.
Ахъ! такъ: Богъ истинныя славы —
Богъ милосердья и любви.

Прейдутъ куренія святыни,
И дни и времена пройдутъ,
Разрушатся столпы, твердыни,
На Царства Царства упадутъ;
Поищутъ дивной пирамиды,
И не найдутъ, а развѣ виды,
Иль мрачный въ ней звѣриный логъ.
Перунъ небесъ чему коснется, —
И мѣдь и мраморъ расплывется:
Противится гордыни Богъ.

Такъ, вѣтви кротости святыя,
Врата отверзшія темницъ,
Прогнавшія тѣнь Гарпіи злыя,
Спокоившія вдовъ, дѣвицъ!
Что суть бичи предъ вами міра,
Коль ваша свѣтлая порфира,
Какъ теплотворный лучъ весны,
Полсвѣта миромъ оживляетъ,

Наукъ цвѣтами украшаетъ?
Тріумфъ вашъ — неба вышины!

Но если злоба ополчится
Нарушитъ сладкій нашъ покой
Вовставъ, Россія окружится,
Какъ тучей, чадъ своихъ стѣной
Богъ милости предъ ней предъидетъ:
Онъ выше облакъ воды вздыметъ,
И съ шумомъ ихъ со всѣхъ сторонъ
Громъ броситъ на чело возницы,
На всадника, на колесницы:
И гдѣ грозившій Фараонъ?

ПРОПОВѢДЬ.

Благо проповѣдать Бога
И всегда вѣщать о Немъ,
Что премудрость, сила многа,
Истина и благость всѣмъ
Зрится во вселенной чудной!
Ночью славенъ Онъ и днемъ, —
И ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Возвеличилъ меня сильно
Во твореньяхъ Онъ Своихъ.
Въ краткій вѣкъ мой изобильно
Насладяся я благихъ,
Веселюся въ вечеръ лунной
Чудныхъ дѣлъ Его умомъ, —
И ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Мужъ безумный благъ не знаетъ,
Дивъ не разумѣетъ сихъ,
И, трава какъ, увядаетъ
Въ мрачныхъ помыслахъ своихъ;
Но я вѣрю въ Промыслъ чудный:
Былъ моимъ Онъ ввѣкъ щитомъ, —
И ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Всѣ враги мои погибнутъ,
Господи! Твои враги.
Злы дѣла ихъ въ ровъ низринутъ,
Вознесутся же благи.
Въ старости маститой, мудрой,
Правда возблеститъ челомъ, —
И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Я взгляну презрѣннымъ окомъ
На противниковъ моихъ.
Какъ въ лукавствіи глубокомъ,
Во глумленьи скажутъ ихъ:
«Фениксъ, праведникъ подспудной,
«Кедръ изъ праха взросшій холмъ,» —
И тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

Насажденны въ дому Бога
Доблести изъ тли взойдутъ:
Честность, мудрость, вѣра строга,
Въ Царствѣ Россскомъ процвѣтутъ,
И промчится гласъ повсюдной:
Правъ Богъ! — нѣтъ неправды въ Немъ! —
И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ!

ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДІЕ.

(Князю И. А. Шаховскому.)

Кто сей изъ смертныхъ дерзновенной,
За правый судъ что возжелалъ
Вѣнца отъ Истины священной
И лиры моея похвалъ?
Кто сей, стяжалъ который право
Людей сердечны сгибы знать:
Что свято въ нихъ, и что лукаво,
Во внутренности ихъ читать?
Кто думаетъ на лица сильныхъ
Не зрѣть, и на мольбы друзей?
Отъ красоты очесъ умильныхъ
Щитится должности броней?
Кто блескомъ не прельстился злата,
Въ груди сіяющей звѣздой?
Кому взглядъ Царскій, ихъ палата,
Магнитной не были стрѣлой?
Кто забывалъ враговъ обиды,
Отъ мести отвращалъ свой взоръ?
Противны, благосклонны виды,
Кому не вкрались въ приговоръ?
Кто хладно зрѣлъ на пиръ, забаву,
Подъ сѣнью роскоши не млѣлъ,
Заслуживать мірскую славу
И презирать ее умѣлъ;
Здоровья не щадя, сквозь ночи
Просиживалъ за грудой книгъ;
Отеръ невинныхъ слезны очи,
И путь пересѣкъ ко злобѣ злыхъ?
Кто, слабость смертныхъ ощущая,

Соблюлъ законовъ строгій долгъ,
Себя во ближнемъ осуждая,
Былъ вкупѣ человѣкъ и Богъ?
Не онъ ли есть зерцало чести?
Не онъ ли образецъ судей?
Премудръ и глухъ ко гласу лести,
Не проситъ похвалы ни чьей —
Такъ, Князь! держись сихъ правилъ,
И вѣрь, что похвала — мечта:
Счастливъ, коль отличаетъ Павелъ,
И совѣсть у тебя чиста!

АѲИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ.

(Графу А. Г. Орлову.)

Сидѣвша объ руку Царя
Чрезъ поприще на колесницѣ,
Державшаго въ своей десницѣ
Съ оливой громъ, иль чрезъ моря
Протекшаго въ вѣнцѣ Нептуна;
Иль съ улыбкою Фортуна
Кому жемчужный нектаръ свой
Носила въ чашѣ золотой —
Блаженъ! кто путь усталъ цвѣтами
И окурилъ алоемъ вкругъ,
И лиры громкими струнами
Утѣшилъ, бранный славя духъ.

Испытывалъ своихъ я силъ
И пѣлъ могущихъ человѣковъ;
А чтобъ вдали грядущихъ вѣковъ
Ярчѣй ихъ въ мракѣ блескъ свѣтилъ,
И я не осуждался бъ въ лести,
Для прочности, къ ихъ громкой чести
Примѣшивалъ я правды гласъ;
Звучалъ моей трубой Парнассъ.
Но ахъ! позналъ, позналъ я смертныхъ,
Что и великіе изъ нихъ
Не могутъ снесть лучей небесныхъ:
Мрачитъ богъ свѣта очи ихъ.

Такъ пусть Фортуны чада,
Возлегши на цвѣтахъ,
Среди обилій сада,
Куреній въ облакахъ,
На мѣсто чиста злата,
Шумихи любятъ блескъ;
Пусть лира торовата
Ихъ умножаетъ плескъ:
Я руки умываю
И лести не коснусь;
Власть сильныхъ почитаю, —
Боговъ въ нихъ чтить боюсь.

Я славить мужа днесь избралъ,
Который сшелъ съ театра славы,
Который удержалъ тѣ нравы,
Какими древній вѣкъ блисталъ;
Не гордъ — и жизнь ведетъ простую,
Не лживъ — и истину святую,
Внимая, исполняетъ самъ;
Почтенъ отъ всѣхъ не по чинамъ;
Честь, въ службѣ снискану свободой,
Не расточилъ, а пріобрѣлъ;
Онъ взглядомъ, мужествомъ, породой,
Заслугой, силою — Орелъ.

Снискать я отъ него
Не льщусь ни хвалъ, ни уваженья;
Изъ одного благодаренья,
По чувству сердца моего,
Я пѣснь ему пою простую,
Ту вспоминая быль святую,
Въ его какъ богатырски дни,
Лѣтъ нѣсколько назадъ, въ тѣни
Премудрой той Жены небесной,
Которой бодрый духъ, младой,
Садилъ въ Аѳинахъ садъ прелестной,
И вѣкъ катился золотой, —

Какъ мысль моя подобно
Пчелѣ, полна отрадъ,
Шумливо, но не злобно
Облетывала садъ
Предметовъ ей любезныхъ
И, взявъ съ нихъ сокъ и цвѣтъ,
Искуствомъ струнъ священныхъ
Преобращала въ медъ:
Текли восторговъ рѣки
Изъ чувствъ души моей;
Всѣ были человѣки
Въ странѣ счастливой сей:

На бурномъ видѣлъ я конѣ
Въ ристаньѣ моего Героя;
Съ нимъ братъ его, вся Троя,
Полкъ Витязей явились мнѣ!
Ихъ брони, шлемы позлащенны,
Какъ лѣсомъ, перьемъ осѣненны
Мнѣ тмили взоръ; а съ копій ихъ, съ мечей,
Сквозь пыль сверкалъ пожаръ лучей;
Прекрасныхъ въ слѣдъ Пентезилеѣ
Строй дѣвъ ихъ украшали чинъ;
Вѣнцы, Ахилла мой бодрѣе
Низалъ на дротикъ Исполинъ.

Я зрѣлъ, какъ жилистой рукой
Онъ шесть коней на иподромѣ
Вмигъ осаждалъ въ бѣгу; какъ въ громѣ
Онъ колесницы съ горъ, бедрой
Своей преппувъ склоненье,
Минерву удержалъ въ паденьѣ;
Я зрѣлъ, какъ въ дымѣ предъ полкомъ
Онъ въ ранахъ свѣтелъ, бодръ лицомъ,
Въ единоборствѣ хитръ, проворенъ,
На огнескачущихъ волнахъ

Былъ въ мрачной бурѣ тихъ спокоенъ, —
Горѣла молнія въ очахъ.

Его покой — движенье,
Игра – борьба и бѣгъ;
Забавы – пляска, пѣнье,
И сельскихъ тма утѣхъ,
Для укрѣпленья тѣла.
Его былъ домъ — друзей:
Кто приходилъ для дѣла, —
Не запиралъ дверей;
Души и сердца пища
Его — несчастнымъ щитъ;
Не пышныя жилища:
Въ нихъ онъ былъ знаменитъ.

Я зрѣлъ въ Ареопагѣ сонмъ
Богатырей, ему подобныхъ,
Сѣдыхъ, правдивыхъ, благородныхъ,
Вѣсы державшихъ, пальму, громъ.
Они, возсѣдши за зерцаломъ,
Въ великомъ дѣлѣ, или маломъ,
Не зря на власть, богатствъ покровъ,
Произрекали судъ Боговъ;
А гдѣ рукой и руку мыли,
Желая сильному помочь, —
Дьяки, взявъ шапку, выходили
Съ поклономъ отъ неправды прочь.

Тогда не прихоть чли, — законъ;
Лишь благу общему радѣли;
Той подлой мысли не имѣли,
Чтобъ только свой набить мамонъ.
Вѣнцы стяжали, звуки славы,
А деньги берегли и нравы,
И всякую свою ступень
Не оцѣняли всякій день;
Хоть былъ и недругъ кто другъ другу, —
Усердіе вело, не месть:
Умѣли чтить въ врагахъ заслугу,
И отдавать достойнымъ честь.

Тогда по счетамъ знали,
Что десять и что ноль;
Піявицъ унимали,
На нихъ посыпавъ соль;
Въ день ясный не сердились,
Зря на небѣ пятно;
Съ ладьи лишь торопились
Снять вздуто полотно;
Кубарить не любили
Дѣлъ со дня на другой;
Что можно, въ мигъ творили,
Оставя свой покой.

Тогда Кулибинскій фонарь,
Что свѣтелъ издали, близъ теменъ,
Былъ не во всѣхъ мѣстахъ потребенъ;
Горѣлъ кристаллъ, горѣлъ отъ зарь;
Стоялъ въ столпахъ гранитъ средь дома:
Оприсъ на нихъ, и — не солома.
Въ Спартанской кожѣ Персовъ духъ
Не обаялъ сердца и слухъ;

Не по опушкѣ добродѣтель,
Не по ходулямъ великанъ:
Такъ мой Герой былъ благодѣтель
Не по улыбкѣ, по дѣламъ.

О Ты, что правишь небесами,
И маніемъ колеблешь міръ,
Подъемлешь скиптръ на злыхъ съ громами,
А добрымъ припасаешь пиръ,
Юпитеръ! О Нептунъ, что бурнымъ,
Какъ скатертямъ, морямъ лазурнымъ
Разлиться по землѣ велѣлъ,
Брега поставивъ имъ въ предѣлъ!
И ты Вулканъ, что предъ горнами
Въ днѣ ада молнію куешь!
И ты, о Фебъ, что намъ стрѣлами
Златыми свѣтъ и жизнь ліешь!

Внемлите всѣ молитву,
О боги! вы мою:
Звѣрей, рыбъ, птицъ ловитву
И благодать свою
На нивы тамъ пошлите,
Гдѣ отставной Герой
Мой будетъ жить. — Продлите
Вѣкъ здравья и покой
Ему вы безмятежной.
И ты, о милый Вакхъ!
Подъ часъ у Нимфы нѣжной
Позволь спать на грудяхъ.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗЪ ПЕРСІИ.

Цѣль нашей жизни — цѣль къ покою:
Проходимъ для того сей путь,
Чтобы отъ мраза, иль отъ зною
Подъ кровомъ ночи отдохнуть.
Здѣсь намъ встрѣчаются стремнины,
Тамъ терны, тамъ ручьи въ тѣни;
Тамъ мягкіе луга, равнины,
Тамъ пасмурны, тамъ ясны дни;
Сей съ холма въ пропасть упадаетъ,
А тотъ взойти спѣшитъ на холмъ.

Кого же разумъ почитаетъ
Изъ всѣхъ, идущихъ симъ путемъ,
По самой истинѣ счастливымъ?
Не тѣхъ ли что челомъ къ звѣздамъ
Превознесяся горделивымъ,
Мечтаютъ быть равны богамъ;
Что въ пурпурѣ и на престолѣ

Превыше смертныхъ возсѣдятъ?
Иль тѣхъ, что въ хижинѣ, въ юдоли,
Смиренно на соломѣ спятъ?

Ахъ, нѣтъ! Не тѣ и не другіе
Любимцы прямо суть Небесъ,
Которыхъ мучатъ страхи злые,
Прельщаютъ сны пріятныхъ грезъ;
Но тотъ блаженъ, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идетъ середнею стезей,
И слѣдъ во всякомъ состояньи
Цвѣтами усыпаетъ свой;

Кто при концѣ своихъ ристаній
Вдали зрѣть можетъ за собой
Аллею подвиговъ прекрасныхъ;
Давъ совѣсти своей отчетъ
Въ минутахъ свѣтлыхъ и ненастныхъ,
Съ улыбкою часы тѣ чтетъ,
Какъ самъ благими насладился,
Какъ спасъ другихъ отъ бѣдъ, отъ нуждъ,
Какъ быть всѣмъ добрымъ торопился,
Раскаянья и вздоховъ чуждъ.

О юный вождь! Сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ лiясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны въ низъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ.

Ты зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ,, тонкій дождь горитъ;
Какъ глыба тамъ сизоянтарна,
Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ,
А тамъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Ты видѣлъ, Каспій, протягаясь,
Какъ въ камышахъ, въ пескахъ лежитъ,
Лицомъ веселымъ осклабляясь,
Пловцевъ ко плаванью манитъ;
И вдругъ какъ буреи разсердяся,
Встаетъ въ упоръ ея крыламъ,
То скачетъ въ твердь, то въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ:
Столбомъ власы сѣдые вьются,
И гласъ его гремитъ въ горахъ.

Ты видѣлъ, какъ во тьмѣ сѣкутся
Съ громами громы въ облакахъ,
Какъ бездны пламень извергаютъ,
Какъ въ тучахъ роетъ огнь бразды,
Какъ въ воздухѣ пары сгараютъ,
Какъ свѣтятъ свѣчъ въ лѣсахъ ряды.
Ты видѣлъ, какъ въ степи средь зною
Огромныхъ змѣй стога кишатъ,
Какъ блещутъ чешуею
И льютъ, шипя, другъ въ друга ядъ.

Ты домы зрѣлъ Царей, вселенну,
Въ низу, въ верху, ты видѣлъ все;
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще міра колесо.
Ты зрѣлъ — и какъ въ Вратахъ Желѣзныхъ,
(О! вспомни ты о семъ часѣ!)
По духу воискъ, тобой веденныхъ,
По младости твоей, красѣ,
По быстромъ Персовъ покореньѣ
Въ тебѣ я Александра чтилъ!

О! вспомни, какъ въ томъ восхищеньѣ,
Пророча, я тебя хвалилъ:
«Смотри,» — я рекъ — «тріумфъ минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.»
Сбылось! — Игру днесь счастья люту,
И какъ оно къ тебѣ хребетъ
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
Ты видишь; видишь, какъ мечты
Сіянье вкругъ тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

Остался ты! — и та прекрасна
Душа почтенна будетъ въ вѣкъ,
Съ которой ты внималъ несчастна
И былъ въ вельможѣ человѣкъ,
Который съ сердцемъ откровеннымъ
Своихъ и чуждыхъ принималъ,
Старѣйшихъ вкругъ себя надменнымъ
Воззрѣніемъ не огорчалъ.
Ты былъ что есть, — и не страшися
Объятія друзей своихъ.

Приди ты къ нимъ! иль уклонися
Познать премудрость Царствъ иныхъ
Учиться никогда не поздно:
Исправь поступки юныхъ лѣтъ;
То сердце прямо благородно,
Что ищетъ надъ собой побѣдъ.
Смотри, какъ въ ясный день, какъ въ бурѣ
Суворовъ твердъ, великъ всегда!
Ступай за нимъ! — Небесъ въ лазурѣ
Еще горитъ его звѣзда.

Кто былъ на тысячѣ сраженьяхъ
Непобѣдимъ. а побѣдилъ;
Нѣтъ нужды въ блескахъ, въ украшеньяхъ
Тому кто Царство покорилъ!
Умѣй лишь сдѣлаться извѣстнымъ
По добродѣтелямъ своимъ,
И не тужи по снамъ прелестнымъ,
Мечтавшимся очамъ твоимъ:
Они прошли и возвратятся;
Пройти вновь могутъ, и прійти.

Какъ страннику въ пути встрѣчаться

Со многимъ должно, и итти,
И на горахъ и подъ горами
Роскошничать и гладъ терпѣть:
Бываетъ такъ со всѣми нами:
Премѣны рока долгъ нашъ зрѣть.
Но кто былъ мужественъ душою,
Шелъ равнодушнѣй симъ путемъ,
Тотъ ближе былъ къ тому покою,
Къ которому мы всѣ идемъ.

═

НА РОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ.

(Л. А. НАРЫШКИНУ.)

—

Живи, и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:
Вотъ правило, стезя прямая,
Для счастья каждаго и всѣхъ!

Нарышкинъ! Коль и ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ средствомъ
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ:
Прехвальна жизнь твоя такая.
Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ!

Пускай богачъ тамъ по разсчету
Назнача день, зоветъ гостей;
Златой родни, кліентовъ роту
Прибавитъ къ пышности своей;
Пускай они, предъ нимъ ставъ строемъ,
Кадятъ, вздыхаютъ — и молчатъ;

Но мнѣ пріятно тамъ откушать,
Гдѣ дружескій, незваный столъ;
Гдѣ можно говорить и слушать
Тара-бара, про хлѣбъ и соль;
Гдѣ гость хозяина покоемъ,
Хозяинъ гостемъ дорожатъ;

Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна;
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угождать.

Что нужды мнѣ, кто по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ;
Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту,
Народны мысли замѣчалъ,
И могъ при случаѣ посольствомъ,
Перомъ и шпагою блистать!

Что нужды мнѣ, кто все, зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя;
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ;

Всегда жилъ весело, пріятно,
И не гонялся за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой:
Хвалю тебя, ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

Какой театръ, какъ всю вселенну,
Ядущихъ и ядому тварь,
За твой я вижу столъ вмѣщенну!
И ты сидишь, какъ Сирскій Царь,
Въ соборѣ цѣлыя Природы;
Въ семьѣ твоей — какъ Авраамъ!

Оставя Короли престолы
И Ханы — у тебя гостятъ:
Киргизцы, Нѣмчики, Моголы
Салму и соусы ѣдятъ:
Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!

Какой предметъ, какъ на качеляхъ
Предъ домъ твой соберется чернь,
На свѣтлыхъ праздничныхъ недѣляхъ,
Вертится въ воздухѣ весь день!
Покрыта площадь пестротою!
Чепцевъ и шапокъ милліонъ!

Какой восторгъ! Какъ все играетъ,
Все скачетъ, пляшетъ и поетъ;
Все въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣется, ѣстъ и пьетъ!
И ты, народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Соломонъ!

Блаженъ и мудръ, кто въ ближнихъ ставитъ
Блаженство купно и свое,
Свою по вѣтру лодку правитъ,
И непорочно житіе
О камень золъ не разбиваетъ,
И къ пристани безъ бурь плыветъ!

Левъ именемъ — звѣриный Царь,
Ты родомъ — богатырь, сынъ Барской;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбодаръ;
Ты должностью конюшій Царской;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться;
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ: радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.

Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить въ своемъ раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходятъ въ храмину твою:
О! если бъ ты и Гремиславу
Къ себѣ Царицу заманилъ,

И ей въ забаву, хоть тихонько,
Осмѣлился въ ушко сказать:
«Кто вѣкъ провелъ столь славно громко,
Тотъ можетъ въ праздникъ погулять,
И зрѣть людей блаженныхъ чувство
Въ Ея пресвѣтло рождество!»

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ:
Такой Царицы міръ не зритъ!
Любовь и власть въ Ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшитъ.
Такъ знаетъ царствовать искусство
Лишь въ Гремиславѣ — Божество.

ПИРРѢ.

(Бракосочетаніе Графини Литта.)

Какой тамъ молодецъ проворный,
Прекрасный, статный, вспрысканъ весь
Водой душистой благовонной,
Въ саду, въ цвѣтахъ между древесъ,
Тебя въ бесѣдкѣ обнимаетъ;
Толь страстно къ сердцу прижимаетъ,
И огнь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры нѣжно
Спустила прядь златыхъ волосъ?

Увы! онъ сколько разъ слезами
Омочитъ страстную любовь,
Какъ вдругъ межъ черными волнами,
Отплывъ далеко отъ бреговъ,
Себя увидитъ проклиная....
Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

О злополучна и несчастна,
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если бъ что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесь, въ знакъ моего спасенья,
Виситъ ужъ опущенъ мой флагъ.

КЪ КРАСАВЦУ.

(Валеріану Александровичу Зубову.)

Фортуна, властною рукою
Бросая жребіи людей,
Души и тѣла красотою
И прелестьми тебя честей
И сердцемъ добрымъ наградила,
Въ любви и въ брани для побѣдъ:
Но тутъ же въ младости судила
Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ.

Увы! добра и зла смѣшенье
Нераздѣлимо въ жизни сей.
Коль часто скорби и терпѣнье
Есть участь самыхъ и Царей!
Что жъ въ свѣтѣ есть славнѣй сей доли,
Какъ кровь по должности пролить?
Теперь и завистъ противъ воли
Должна въ тебѣ Героя чтить.

КЪ ЛИРѢ.

(Платону Александровичу Зубову.)

Звонкопріятная лира!
Въ древни златые дни міра
Сладкою силою твоей
Ты и боговъ и Царей,

Ты и народы плѣняла.

Гласъ тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающи тоны,
Съ дебрей, вертеповъ, степей
Птицъ созывали, звѣрей,

Холмы и дубы склоняли.

Нынѣ желѣзные ль вѣки!
Тверже ль кремней человѣки?
Сами не знаясь съ тобой,
Свѣтъ не плѣняютъ игрой,

Чужды красотъ доброгласья;

Доблестью чужды плѣняться,
Къ злату, къ сребру лишь стремятся,
Помнятъ себя лишь однихъ;
Слезы не трогаютъ ихъ,

Вопли сердецъ не доходятъ;

Души всѣ льда холоднѣе.
Въ комъ же я вижу Орфея?
Кто Аристонъ сей младой?
Нѣженъ лицемъ и душой,

Нравовъ благихъ преисполненъ?

Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли счастья;
Скромный смиритель ли злыхъ?
Дней гражданинъ золотыхъ,

Истый любимецъ Астреи?

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ МЕЦЕНАТА.

(И. И. Шувалову.)

—

Кровавая луна блистала
Чрезъ покровенный ночью лѣсъ,
На морѣ мрачномъ простирала
Столбомъ багровый свѣтъ съ небесъ,
По огненнымъ зыбямъ мелькая.
Я видѣлъ, въ лодкѣ нѣкто плылъ:
Тутъ вѣтеръ, страшно завывая,
Ударилъ въ лѣсъ — и лѣсъ завылъ;
Изъ безднъ возстали пѣнны горы,
Брега пустили томный стонъ;
Сквозь бурные стихіевъ споры
Зіяла тьма со всѣхъ сторонъ.

Ко брегу лодка приплывала;
Приблизилась она ко мнѣ;
Тѣнь бѣлая на ней мелькала,
Какъ образъ мраморный во тьмѣ.
Утихъ шумъ рощъ, умолкъ ревъ водный:
Лишь стонутъ въ тишинѣ часы;
Стремится потъ по мнѣ холодный,
И дыбомъ возстаютъ власы;
На брегъ изъ лодки вылѣзаетъ
Старикъ угрюмый и сѣдой,
И, озираясь, подпираетъ
Себя ужасною косой.

Тогда по брегу раздался
Надгробный плачъ и вой людей;
Отвсюду къ старику сошлися
Безчисленны толпы тѣней;
Прискорбны, блѣдны и безгласны,
Онѣ, потупя взоры, шли;
Цѣпями Фуріи ужасны
Къ морскому брегу ихъ вели.
Старикъ кровавыми когтями
Къ себѣ на лодку ихъ влечетъ:
Богачъ и нищъ, рабы съ Царями,
Всѣ равно оставляютъ свѣтъ.

Ужъ въ лодкѣ многія мечтались
Знакомыя и мнѣ черты;
Другія къ оной приближались:
Межъ ихъ, Шуваловъ! былъ и ты.
И ты, другъ Музъ, другъ смертныхъ роду,
Фаросъ младыхъ Вельможъ и мой!
И ты Коцита зрѣлъ ужъ воду;
Коса смертельна надъ тобой,
Разсѣкши макъ густой, сверкала;
Подобно какъ перунъ съ небесъ;
Эреба бездна ужъ зіяла,
И ногу въ вѣчность ты занесъ.

Болѣзнь и страхъ неизреченный
Тогда стѣснили грудь мою:
«Кѣмъ добродѣтели почтенны,
Кто родъ и санъ и жизнь свою
Старался тѣмъ единымъ славить,
Чтобъ ближнему благотворить,
Потомству храмъ Наукъ оставить,
Тому ли вѣкъ толь краткій жить?
Ужель врагъ чести и пороку,
И злой и добрый человѣкъ,
Единому подвластны року?
О Боже праведный!» — я рекъ.

Но вдругъ средь облака златаго,
На крыльяхъ утренней зари,
Во зракѣ божества младаго,
Котораго рабы, Цари,
Всѣ люди равномѣрно любятъ,
Но всѣ не равно берегутъ;
Котораго лѣнь, роскошь губятъ,
Крѣпятъ умѣренность и трудъ —
Здоровье, даръ Небесъ безцѣнный,
Слетѣло въ твой чертогъ, и взявъ
Въ златомъ сосудѣ сокъ врачебный,
Кропя тебя, рекло: «будь здравъ!»

Ты здравъ! Хоръ музъ, тебѣ любезныхъ,
Драгую жизнь твою любя,
На мѣсто кипарисовъ слезныхъ,
Вѣнчаютъ лаврами тебя.
Пріявъ одна трубу златую,
Другая строя лирный гласъ,
Та арфу, та свирѣль простую,
Воспѣли — и воспѣлъ Парнасъ:
«Живи, Наукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь въ вѣкъ цвѣсти должна!
Не умираетъ добродѣтель:
Безсмертна Музами она.»

Безсмертны Музами Периклы,
И Меценаты въ вѣкъ живутъ.

Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Подобно память, слава, титлы
Великій Петръ къ намъ ввелъ Науки,
А Дщерь Его ввела къ намъ вкусъ;
Ты, къ знаньямъ простирая руки,
У ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Иліадѣ
О Несторахъ, Улиссахъ громъ:
Равно безсмертенъ въ Петріадѣ
Ты Ломоносовымъ перомъ.

═

АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ.

Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно,
Что силъ Донскихъ ты страшный Вождь.
Въ расплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
Падешь какъ снѣгъ ты съ тучъ, иль дождь;
По черныхъ вороновъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью, видя мѣту,
Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ,
И зря на тускъ, на блескъ червонца,
По солнцу, иль противу солнца,
Свой учреждаешь артаулъ,
И тайный ставишь караулъ.

Въ травѣ идешь — съ травою равенъ;
Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой;
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь — и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день — лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной —
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И брося петли округъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей.

Разилъ ты льва, лунѣ гнулъ роги,
Ходилъ противу солнца въ бой;
Медвѣдей, тигровъ, средь берлоги
Могучей задушалъ рукой:
Почто жъ вепря щетиночерна,
Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ,
Съ клыковъ котораго кровь, пѣна
Течетъ, зловоніе и ядъ, —
Отъ рыла взрыты вкругъ могилы,
Отъ взоровъ пламенны свѣтилы
Край заревомъ покрыли весь —
Арканомъ не схватилъ поднесь?

Что жъ сталъ? — Борза ль коня не стало?
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой — лѣсъ падетъ.
Запаса ли не видишь хлѣбна?
Гложи желѣзны просфиры.
Жупанъ ли, епанча ль потребна?
Самъ невидимкой все бери.
Сапогъ нѣтъ? Ступни самоходны,
Надѣнь перчатки самородны,
И дуй на огнь, на мразъ, на гладъ:
Россійской силѣ нѣтъ преградъ.

Бывало вѣдь и въ прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей палогомъ узъ.
Былъ грѣхъ: отъ сваръ кряхтѣли,
Теряли янствомъ и главы;
Но лишь на Бога мы воззрѣли,
Отъ сна вспрянули будто львы.
Былъ врагъ Чипчакъ — и гдѣ Чипчаки?
Былъ недругъ Ляхъ — и гдѣ тѣ Ляхи?
Былъ сей, былъ тотъ: ихъ нѣтъ; а Русь?...
Всякъ знай, мотай себѣ на усъ.

Да какъ же это такъ случалось?
Заботились, какъ днесь, Цари;
Премудро все распоряжалось,
Водили рать богатыри:
При Святославичѣ Добрыня
Убилъ дракона въ облакахъ;
Чернецъ Донскаго — исполина
Татарскаго повергъ во прахъ;
Голицынъ, Шереметевъ, Львовы
Крушили зубы въ дни Петровы;
Побѣдъ Екатерины лавръ:
Чесма, Кагулъ, Крымъ, Римникъ, Тавръ.

Не ужъ-то Альпы въ мірѣ шашка?
Тамъ молньи Павла видѣлъ Галлъ:
На клячѣ бѣлая рубашка
Не разъ его въ усы щелкалъ;
Или теперь у Александра
При войскѣ нѣту молодца?
Съ крестомъ на адска Саламандра
Уже ль не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
Въ четыре стороны поклонъ —
И изъ ноженъ булатъ ты вонъ!...

И съ свистомъ звонкимъ, молодецкимъ,
Разбойника сбрось соловья
Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ,
И будь у насъ второй Илья;
И запери въ желѣзной клѣткѣ,
Какъ желтоглазаго сыча,
Уранга, сфинкса на веревкѣ
Примчи, за плечьми второчà;
Иль двадцать молодцевъ отборныхъ,
Лицемъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,
Пошли ты за себя за злымъ;
Двадцатый хоть пріѣдетъ съ нимъ.

Для лучшей храбрыхъ душъ поджоги,
Ты разскажи имъ Русску быль,
Что старики, бывъ въ службѣ строги,
Всѣ невозможности чли въ пыль;
Сжигали грады воробьями,
Ходили въ лодкахъ по землѣ,

Топили вражій станъ прудами,
Имѣли пищу въ киселѣ,
Спускались въ мрачны подземелья,
Животъ считали за бездѣлья;
Къ отчизнѣ ревностью горя,
За вѣру мерли и Царя.

Однако жъ, чтобъ не быть и жертвой,
Ты мечъ имъ кладенецъ отдай,
Живой водой ихъ спрысни, мертвой,
И горы злата обѣщай;
Черкешенокъ, Грузинокъ милыхъ,
У коихъ зарныя уста,
Бровь черна, жилъ по тѣлу синихъ
Сквозь виденъ огнь и красота,
А на грудяхъ, какъ пухъ зыбучихъ,
Лилей кусты и розъ пахучихъ,
Манятъ къ себѣ и старцевъ длань:
Ты, словомъ, все сули имъ въ дань.

Я дочь свою и самъ крестову,
Красотку юную, во бракъ
Отдамъ тому, кто грудь орлову
На славный сей отважитъ шагъ;
Денисовымъ и Краснощокимъ,
Орловымъ, Иловайскимъ въ слѣдъ,
По безднамъ, по горамъ высокимъ
Въ домъ отчій лавръ кто принесетъ:
Дѣвицы, барыни Донскія,
Вздѣвъ платья Русскія, златыя,
Введутъ его въ крестовъ чертогъ
И воспоютъ: великъ нашъ Богъ!

Подъ вечеръ, утромъ, на зарянкѣ,
Сей радостный услыша гласъ,
Живя уединеннымъ въ Званкѣ,
Такъ сякъ взберду я на Парнассъ
И пѣсню войску тамъ Донскому,
Тебѣ, на гусляхъ пробренчу,
Да бѣлому Царю, младому,
Въ вѣнцѣ алмазы разцвѣчу.
Пусть звукъ ужасныхъ днешнихъ боевъ
Сподвижниковъ Его Героевъ
Мой повторяетъ холмъ и лѣсъ,
И гулъ шумитъ, какъ громъ небесъ!

НА ДОМОВУЮ ЦЕРКОВЬ

КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Суетъ мірскихъ во удаленьи,
Во сумракѣ и тишинѣ,
Лишь солнца ярка въ озареньи
Молебный храмъ открылся мнѣ.
Ликъ Ангельскій доходитъ слуху;
Небесну манну въ пищу духу
Мнѣ каплетъ съ высоты Сіонъ.
Что се! — не свѣтла ль сѣнь Ѳавора,
Иль храмина тѣхъ лицъ собора,
На челахъ чьихъ сіялъ огонь?

Иль первой Христіанъ то Церкви
Укровъ благочестивыхъ душъ,
Гдѣ съ псалмами свершалъ втай жертвы
Носившій въ сердцѣ Бога мужъ? —
Ущелья, мраки подземельны
Ему казались рощи сельны,
И окрестъ бури — тишиной.
Голицынъ! Вѣра движетъ холмы,
Спасаетъ, отвращаетъ громы
Отъ царствъ единою слезой.

Блаженъ, кто можетъ въ ней
Свои утѣхи находить,
Быть здателемъ церквей
И души жизнію поить,
Сводя на землю небеса!
Се блескъ! се слава! се краса!

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЪ.

(Графу А. С. Строганову.)

Сойди, любезная Эрата!
Съ горы зеленой, двухолмистой,
Въ одеждѣ бѣлой, серебристой,
Украшена вѣнцемъ и поясомъ изъ злата,
Съ твоею арфой сладкогласной! —
Сойди, утѣхъ соборъ,
И брось къ намъ нѣжнострастной
Съ улыбкою твой взоръ,
И царствуй вѣчно въ домѣ семъ
На берегахъ Невы прекрасныхъ!
Любителю Наукъ изящныхъ,
Мы пѣснь съ тобою воспоемъ:

»Небеса внемлите
Чистый сердца жаръ,
И съ высотъ пошлите
Пѣсень сладкій даръ.
О! мольба прилѣжна,
Какъ роса взнесись:
Къ намъ ты, Муза нѣжна,
Какъ Зефиръ, спустись!«
Какъ легкая серна
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ
Перебѣгаетъ;

Какъ бѣлый голубокъ, она
То внизъ, то вверхъ, подъ облачкомъ
Перелетаетъ;
Съ небесныхъ, свѣтлыхъ горъ дорогу голубую
Ко мнѣ въ минуту перешла,
И арфу золотую
Съ собою принесла;
Рѣзвилась вкругъ меня, ласкалася, смотрѣла
И, будто вѣтерочекъ, сѣла
На лонѣ у меня.
Тутъ вдругъ, веселый видъ на важный премѣня,
Небеснымъ жаромъ воспылала,
На арфѣ заиграла.

Ея бѣлорумяны персты
По звучнымъ бѣгаютъ струнамъ;
Взоръ черноогненный, отверстый,
Какъ молнія во слѣдъ громамъ,
Блистаетъ, жжетъ и поражаетъ
Всю внутренность души моей;
Томитъ, мертвитъ и оживляетъ
Меня пріятностью своей:

«Боги взоръ свой отвращаютъ
Отъ нелюбящаго Музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце черство грубый вкусъ.
Жажду злата и сребра.
Врагъ онъ общаго добра!

«Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ:
Пусть въ крови вселенна тонетъ,
Былъ бы счастливъ только онъ;
Больше бъ собралъ серебра.
Врагъ онъ общаго добра!

«Напротивъ того взираютъ
Боги на любимца Музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный нѣжный вкусъ:
Всѣмъ душа его щедра.
Другъ онъ общаго добра!

«Отираетъ токи слезны,
Унимаетъ скорбный стонъ;
Сиротамъ отецъ любезный,
Покровитель Музамъ онъ;
Всѣмъ душа его щедра.
Другъ онъ общаго добра!» —

О день! о день благопріятный!
Несутся вѣтромъ голоса,
Курятся крины ароматны,
Склонились долу небеса;
Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубиномъ сквозь,
Какъ испещренный флотъ, богатый,
Стремятся по эѳиру вкось;
И плавая туда,
Сюда,
Спускаются предъ нами.
На нихъ сидитъ небесныхъ Музъ соборъ,
Вкругъ Геніевъ крылатыхъ хоръ,
Летятъ, въ слѣдъ тянутся цѣпями,
Какъ бы весной
Разноперистыхъ птичекъ рой
Вьетъ воздухъ за собою
Кристальною струёю,
И провождаетъ къ намъ дѣвъ горнихъ красный ликъ!
Я слышу вдалекѣ тамъ рѣзкій трубный зыкъ;
Тамъ бубновъ громъ,
Тамъ стонъ
Волторнъ
Созвучно въ воздухъ ударяетъ;
Тамъ гласъ свирѣлей
И звонкихъ трелей
Сквозь ихъ изрѣдка пробѣгаетъ,
Какъ соловьиный свистъ, сквозь шумъ падущихъ водъ.
Отъ звука разныхъ голосовъ,
Встрѣчающихъ полубоговъ
На землю сходъ,
По рощамъ эхо, какъ хохочетъ,
По мрачнымъ, горнымъ дебрямъ ропчетъ,
И гулъ глухой въ глуши гудетъ.
Я слышу сонмъ небесныхъ дѣвъ поетъ:

«Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ,
И къ вѣчной славѣ ихъ ведутъ.
Благополучны тѣ народы,
Которы красотамъ Природы
Искусствомъ могутъ подражать,
Какъ пчелы медъ съ цвѣтовъ сбирать!
Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ стократно,
Кто покровительствуетъ имъ!
Вознаградятъ его обратно
Они безсмертіемъ своимъ.» —

Наполнилъ грудь восторгъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ потаенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ весельѣ сердце утопаетъ,
Какъ будто Бога ощущаетъ
Присутствующаго со мной!
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Тифона
Божественной своей стрѣлой:
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный лукъ;
Ужасная змія зіяетъ
И въ мигъ свой испущаетъ духъ,

Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая,
И черну кровь ручьемъ изъ раны испуская.
Я зрю сіе, и въ мигъ себѣ представить могъ,
Что такъ невѣжество сражаетъ свѣта Богъ.

Полкъ блѣдныхъ тѣней окружаетъ
И ужасаетъ духъ того,
Кто кровью руки умываетъ
Для властолюбья своего;

И черный змѣй то сердце гложетъ,
Въ комъ зависть, злость и лесть живетъ,
И кто своимъ добромъ жить можетъ,
Но для богатства мзду беретъ.
Порокъ спокоенъ не бываетъ;
Нравъ варварскій его мятетъ,
Наукъ, художествъ не ласкаетъ,
И свѣта свѣтъ ему не льетъ.
Какъ звѣрь, онъ ищетъ мѣста темна;
Какъ змѣй, онъ ползая шипитъ;
Душа коварствомъ напоенна
Глазами прямо не гладитъ.

«Черные мраки,
Злые призраки
Ужасныхъ страстей!
Бѣгите изъ града,
Скройтесь въ дно ада
Отъ нашихъ вы дней!
Свѣта перуны,
Лирныя струны,
Минервинъ эгидъ!
Сыпьте въ злость стрѣлы:
Брань за предѣлы
Отъ насъ да бѣжитъ!» —

Какъ солнце гонитъ ночи мракъ,
И отъ его червлена злата
Румянится Природы зракъ, —
Веселорѣзвая Эрата!
Ты ходишь по лугамъ зеленымъ,
И рвешь тогда себѣ цвѣты,
Свободнымъ духомъ, восхищеннымъ,
Поешь свои утѣхи ты;
Во слѣдъ тебѣ забавъ соборъ,
Пѣвицъ пріятныхъ хоръ,
Наяды пляшутъ и Фауны:
Составь же ты, прелестно божество!
И намъ теперя торжество,
Да сладкогласной лиры струны,
Твоею движимы рукой,

Возбудятъ всѣхъ ко пляскамъ предъ тобой.
«Радостно, весело въ день сей
Вмѣстѣ сбирайтеся, други!
Бросьте свои недосуги,
Скачите, пляшите смѣлѣй!
Бейте въ ладоши руками,
Щелкайте громко перстами,
Черны глаза поводите,
Станомъ вы всѣмъ говорите!
Фертикомъ руки вы въ боки,
Дѣлайте легкіе скоки;
Чоботъ о чоботъ стучите,
Съ наступью смѣлой свищите,
Молвьте: спасибо душею!
Мужу тому, что снисходитъ
Лаской, любовью своею,
Всѣмъ намъ веселье находитъ.
Здравствуй же, Музъ днесь любитель!
Здравствуй ихъ всѣхъ покровитель!»

═

НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ.

(Дмитрію Львовичу Нарышкину.)

—

Дафнисъ.

Днесь, Дафна! радость намъ, веселье;
Родителей твоихъ, моихъ,
Мы позовемъ на новоселье,
И праздникъ сдѣлаемъ для нихъ.

Дафна.

Изрядно, Дафнисъ! — Я съ цвѣтами
Для нихъ корзинку припасу;
Весь домикъ окурю духами,
И сыръ и масло принесу.

Дафнисъ.

Надѣнь сорочку бѣлоснѣжну;
На грудь двѣ розы приколи,
И ферязь поясомъ зелену,
Подбравъ немного отъ земли,
Устрой такъ къ пляскѣ ножки милы,
Чтобы, подъ пѣсней, козелка
Такъ проплясать тебѣ, какъ крины
Порхаютъ вешня вѣтерка.

Дафна.

Все будетъ, Дафнисъ. — Ты жъ скорѣе
Воздвигнь алтарь, и тѣ на немъ
Цвѣты, плоды, что есть спѣлѣе,
Поставь, да ихъ мы принесемъ
На жертву подъ свирѣльми Пану
За нашихъ здравіе гостей,
И что съ родительми я стану
Вкушать тобой златыхъ токъ дней.

Дафнисъ.

О Дафна милая, драгая,
Другъ сердца, свѣтъ моихъ очей!
Лишь ты, хозяйка молодая,
Моихъ пребудешь счастьемъ дней.

Дафна.

Нѣтъ, ты. — Ахъ, гости дорогіе!
Вы здѣсь? Родитель нѣжный, мать!
Какія жертвы вамъ другія?
Мы можемъ лишь сердца отдать,
За хлѣбъ и соль намъ принесенны,
За курицу и пѣтуха.

Дафнисъ.

Мы всѣмъ отъ васъ благословенны:
Я вѣрный сынъ вашъ!

Дафна.

Я сноха!

Дафнисъ.

Вы жизнь мнѣ даровали!

Дафна.

Вы въ дочь меня избрали!

Дафнисъ.

Питали близъ своихъ сердецъ!

Дафна.

Вы счастья нашего вѣнецъ!

Оба.

Примите же благодаренье
Усердныхъ вамъ своихъ дѣтей:
Сей праздникъ, пиръ и новоселье
Вы все, вы все намъ въ жизни сей.

═

ХРАПОВИЦКОМУ.

—

Товарищъ давній, вновь сосѣдъ,
Пріятный, острый Храповицкой!
Ты умный мнѣ даешь совѣтъ,
Чтобы владычицѣ Киргизской

Я пѣсни пѣлъ,
И лирой ей хвалы гремѣлъ.

Такъ, такъ! за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Безцѣнны перстни, камешки
Я бралъ съ нея бы за бездѣлья,

И былъ гудкомъ,
Давно Мурза съ большимъ усомъ.

Но ежели наложенъ долгъ
Мнѣ отъ судебъ и вышня трона,
Чтобъ не лучистый милый богъ
Съ высотъ лазурна Геликона

Меня внушалъ,
Но я экстракты бъ сочинялъ;

Былъ чтецъ и пономарь Ѳемиды,
И ей служилъ предъ олтаремъ, —
Какъ омофоромъ отъ обиды
Однихъ покрывъ, другихъ мечемъ

Своимъ страшитъ,
И счастье всѣмъ она даритъ:

То какъ Я. . . . оставить,
Котораго весь міръ тѣснитъ?
Какъ Л. . . . . дать оправить,
Который золотомъ гремитъ?

Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ.

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый ѳиміамъ;
За правду жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ

Въ ея вѣнцѣ
Свѣтлѣетъ Царское лице.

═

ХРАПОВИЦКОМУ.

—

Храповицкій! Дружбы знаки
Вижу я къ себѣ твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;
Но съ тобой не соглашуся
Я лишь въ томъ, что я орелъ.

А по твоему коль станетъ,
Ты мнѣ путы развяжи;
Гдѣ свободно громъ мой грянетъ,
Ты мнѣ небо покажи;
Гдѣ я въ поприще пущуся
И препонъ бы не имѣлъ?

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тьмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды
Хоть близъ трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали
И любили бы ее.

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,

Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали, —
Чувствуемъ ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ покланяться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить.

Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я воспѣвалъ.
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

НАДЕЖДА.

КЪ ѲЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ЛЬВОВУ,

у коего первая супруга была Надежда.

—

Лучъ, отъ Свѣта отдѣленный
Льющаго всѣмъ солнцамъ свѣтъ,
Прежде въ духъ мой впечатлѣнный,
Чѣмъ онъ прахомъ сталъ одѣтъ,
Безпрестанно въ выспрь парящій
И съ собой меня манящій
Къ Океану своему!
Хоть претитъ земли одежда,
Но несешь меня къ нему
Ты желаній на крылахъ,
О безсмертная Надежда,
Обѣщательница благъ!

Глупые мечтаютъ смертны
О какихъ-то дняхъ златыхъ:
Суеты ихъ неисчетны:
Ищетъ цѣлей всякъ своихъ.
Я премѣны вижу свѣта:
Зрю зимы, весны дни, лѣта
И осеннихъ дней возвратъ:
Старѣютъ, юнѣютъ роды.
Зрю всему свой кругъ, свой рядъ;
Но довольнымъ не хощу
Быть теченьемъ симъ природы, —
Все чего-то вновь ищу.

Вѣкъ меня Надежда льстила:
Утѣшала дѣтски дни,
Храбрость мужеству дарила,
Умащала сѣдины,
И предъ близкой днесь могилой,
Укрѣпя своею силой,
Сыплетъ предо мной цвѣты:
Вѣчности на прагѣ стоя,
Жизнь люблю и суеты;
Славы мню стяжать вѣнецъ;
Безпокоюсь средь покоя, —
И еще ль я не глупецъ?

Такъ кажусь пусть я безумнымъ,
Пусть Надежда бредъ глупцовъ;
Но какъ моремъ жизни шумнымъ
Утопаю средь валовъ,
Чѣмъ-то духъ мой все бодрится; —
Должно, должно мнѣ родиться
Къ лучшему чему ни есть.
Ахъ! коль чувство что внушаетъ,
Умъ даетъ и сердце вѣсть, —
Истины то знакъ для насъ;
Духъ никакъ не облыгаетъ.
Гласъ Надежды — Божій гласъ.

Гласъ Надежды — сердца сладость,
Восхищеніе ума,
О добрѣ грядущемъ радость.
Хоть невидима сама,
Но вездѣ со мною ходитъ,
Время весело проводитъ
И въ забавахъ и въ бѣдахъ. —
На нее зря улыбаться
Буду въ смертныхъ я часахъ, —
И какъ хладъ польетъ въ крови,
Буду ризъ ея держаться
До объятія Любви.

Такъ Надежды пресѣкаетъ
Лишь одна Любовь полетъ,
Какъ во солнцѣ утонаетъ
Лучезарномъ искры свѣтъ.
Съ Богомъ какъ соединимся,
Въ свѣтѣ вѣчномъ погрузимся
Пламенемъ любви своей,
Смертная спадетъ одежда:
Мы въ блистаніи лучей
Жизнью будемъ жить духовъ. —
Вѣрь, жива твоя Надежда,
Ты ее увидишь, Львовъ!

ГРАФУ СТЕЙНБОКУ.

—

Кого на брегѣ моря бурна
Близъ ветхихъ града стѣнъ, въ тѣни,
Жизнь не богата, но не скудна

Течетъ, и онъ пріятно дни
Проводитъ, избѣжавъ столицы,
Желаніевъ своихъ въ границы
Умѣренность постановивъ,
А малый домикъ окруживъ
Свой садомъ, нивами, стадами,
Въ семьѣ, съ супругой и друзьями,
Ничѣмъ внутрь сердца не смущенъ·
Тотъ мудръ, и истинно блаженъ!

Такъ, милый Графъ! волненье Бельта —
Быстротекущихъ образъ лѣтъ;
Видъ Гапсаля — видъ тлѣнна свѣта,
Что скоро рушится, падетъ;
Древесны тѣни, птичекъ пѣнья —
Спокойной совѣсти, смиренья
И добродѣтели удѣлъ.
Когда твой трудъ плодомъ поспѣлъ
И нивъ колосья золотые
Возблещутъ въ полѣ, и младые
Взыграютъ агнцы на лугу:
Что знатныхъ блескъ сихъ благъ въ кругу?

Ничто. — И такъ наскучатъ грады
И ихъ когда забавы намъ,
Пойдемъ искать утѣхъ, прохлады
Мы къ злачнымъ Волхова брегамъ,
Или въ твоемъ помѣстьѣ новомъ,
Во храмѣ возсѣдя Петровомъ,
Что въ честь ему ты мнишь вознесть,
Велимъ хоръ Музъ къ себѣ привесть,
И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ,
Что пламенной ихъ пляской сгладимъ
Съ сѣдыхъ морщины нашихъ лбовъ,
Обрѣзавъ крылья у годовъ.

Часы веселія суть кратки;
Минута скуки — цѣлый вѣкъ:
Ахъ! для чего же люди падки
Къ заботамъ? — Страждетъ человѣкъ
Не для того ль, что ищетъ части
Своей всякъ въ гордости и власти;
Самъ мучась, мучитъ и другихъ
На счетъ крылатыхъ дней своихъ?
Престанемъ же къ звѣздамъ моститься;
А лучше съ серпомъ льву рѣзвиться,
Съ державой яхонту играть:
Придетъ къ намъ зависть танцовать.

ДРУГУ.

(Николаю Алексѣевичу Львову.)

—

Пойдемъ севодни благовонный
Мы черпать воздухъ, другъ мой, въ садъ,
Гдѣ вязы свѣтлы, сосны темны,
Густыми купами стоятъ;
Который съ милыми друзьями,
Съ подругами сердецъ своихъ,
Садили мы, растили сами;
Ужъ нынѣ тѣнь пріятна въ нихъ.

Пусть Даша статна, черноока,
И круглолицая, своимъ
Взмахнувъ челомъ, тамъ у потока,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза какъ, зефиръ, порханьемъ,
Пропляшутъ вмѣстѣ козачка,
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подастъ рука.

Мы, сидя тамъ въ тѣни древесной,
За здравье выпьемъ всѣхъ людей:
Сперва за женской полъ прелестной,
За искреннихъ своихъ друзей;
Потомъ за тѣхъ, кто намъ злодѣи: —
Съ одними намъ пріятно быть;
Другіе же, какъ скрыты змѣи,
Насъ учатъ осторожно жить.

КЪ Н. А. ЛЬВОВУ.

—

Стократъ благословенъ тотъ смертный,
Кого не тяготитъ печаль,
Ни зависть потаеннымъ вздохомъ,
Ни гордость громогласнымъ смѣхомъ
Не жмутъ, не гонятъ отъ Двора.

Сокрыта жизнь твоя въ деревнѣ
Течетъ теперь, о милый Львовъ!
Какъ свѣтлый межъ цвѣтовъ источникъ
Въ лѣсу дремучемъ.—Пусть другіе,
Взмостясь, изъ терема глядятъ,

Какъ на златыя колесницы
Зѣваетъ чернь, какъ ратный строй
Въ глаза ей мещетъ блескъ отъ ружей,
И какъ она, волнамъ подобно,
Отъ бурь, отъ всадниковъ бѣжитъ;

Какъ витязи въ рѣкахъ позднѣйшихъ
Въ мѣди, иль въ мраморѣ себя
Со удивленьемъ созерцаютъ,
И плещутъ ужъ заранѣ въ длани,
Что ихъ народъ боготворитъ.

Но ты уменъ; ты постигаешь,
Что тотъ любимецъ лишь Небесъ,

Который подъ шумкомъ потока
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богѣ, дружбѣ и любви.

Востокъ и западъ разстилаютъ
Ему свой пурпуръ по путямъ;
Ему благоухаютъ травы,
Древесны помаваютъ вѣтви,
И свищетъ громко соловей.

За нимъ раскаянье не ходитъ
Ни между нивъ, ни по садамъ,
Ни по холмамъ покрытымъ стадомъ,
Ни межъ озеръ и кущъ пріятныхъ;
Но всюду радость и восторгъ.

Труды крѣпятъ его здоровье;
Какъ воздухъ, кровь его легка;
Поутру, какъ зефиръ, летаетъ
Веселы обозрѣть работы,
А завтракать спѣшитъ въ свой домъ.

Тутъ нѣжна, милая супруга—
Какъ ленъ пушистъ, ея власы—
Снѣгоподобною рукою
Взявъ шито, брано полотенцо,
Стираетъ потъ съ его чела;

Цѣлуя раскраснѣвши щеки,
На пяльцы посмотрѣть велитъ,
Гдѣ по соломѣ разной шерстью
Луга, цвѣты, пруды и рощи
Градской своей подругѣ шьетъ.

«О если бы»—она вѣщаетъ—
«Могло искусство, какъ Природа,
Вливать въ сердца свою пріятность:
Сіи картины наши сельски
Къ намъ нашихъ созвали бъ друзей!

«Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивахъ златомъ здѣсь плѣнившись,
Престала бъ наряжать въ шумиху
Свой въ градѣ храмовидный домъ.»

«Ахъ милая!»—онъ отвѣчаетъ
Съ улыбкой и со вздохомъ ей—
«Уже ль тебѣ то не извѣстно,
Что ослѣпленнымъ жизнью дворской
Природа самая мертва?»

ЭХО.

(Евгенію.)

Касаюсь струнъ, — и громъ за громомъ
Отъ перстовъ съ арфы въ слухъ летитъ,
Шумитъ, бушуетъ, доломъ, боромъ,
Въ мглѣ шепчетъ съ тишиной и спитъ;
Но вдругъ отдавшися отъ холма,
Возвратнымъ грохотаньемъ грома
Гремитъ и удивляетъ міръ:
Такъ въ вѣкъ безсмертно эхо лиръ.

О мой Евгеній! коль Нарцисомъ
Тобой я чтусь, — скалой мнѣ будь;
И какъ покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ твердить не позабудь.
Пусть лирой я, а ты трубою,
Играя, будемъ жить съ тобою,
На Волховѣ, какъ чудный шумъ
Тмой гуловъ удивляетъ умъ.

Увы! лишь въ свѣтѣ вспоминаньемъ
Безсмертенъ смертный человѣкъ:
Нарцисъ жилъ Нимфы отвѣчаньемъ;
Чрезъ Музъ живутъ Піиты въ вѣкъ.
Пусть въ персть тѣла ихъ обратятся,
Но вновь изъ персти возродятся,
Какъ ожилъ Пиндаръ и Омиръ
Отъ Данта и Петрарка лиръ.

Такъ, знатна честь за гробомъ мрачнымъ
Останется еще отъ насъ,
А паче свиткомъ безпристрастнымъ
О комъ воскликнетъ Кліинъ гласъ:
Тогда и Ѳивовъ разоритель
Той самой Званки былъ бы чтитель,
Гдѣ Фебъ бесѣдовалъ со мной.
Потомство воззвучитъ — съ тобой.

ВРЕМЯ.

(И. И. Дмитріеву.)

О Д. . . . . . . ! Д. . . . . . . ! какъ время
Быстро въ вѣчность все несетъ!
Будто море, смертныхъ племя —
За волной волна течетъ.
Ни поклоновъ счетъ молебныхъ,
Ни посты, ни тяжкій трудъ,
Старостью напечатлѣнныхъ
Лба морщинъ ужъ не сотрутъ,
Не удержатъ дней летящихъ,
Люту смерть не воспятятъ.

Такъ, мой другъ! — Хотя адепты
Пьютъ безсмертья эликсиръ;
Въ ризы воздуха одѣты

Ангельскій составятъ міръ;
Но до онаго мы время
Всѣ подъ плотію живемъ,
Носимъ разрушенья бремя
И конечно всѣ помремъ;
Лишь божественная искра
Вѣчно будетъ жить — нашъ духъ.

Духъ! — и тѣ дѣла не умрутъ,
Производятъ что добро:
Жить они за гробомъ будутъ,
Лавромъ намъ увьютъ чело.
Что жъ въ сей жизни потеряемъ,
Что намъ сдѣлаютъ бѣды,
Если мы награды чаемъ
Тамъ за здѣшніе труды?
Только нужно запастися
Котомою добрыхъ дѣлъ.

Такъ! едина добродѣтель
Здѣсь и тамъ счастливитъ насъ,
Если совѣсть нашъ свидѣтель,
Не ужасенъ смертный часъ:
Не ужасенъ ревъ гоненья,
И коварство не хитро.
Длинно время для терпѣнья,
Для веселія быстро;
Но премудрый проживаетъ
Равнодушно весь свой вѣкъ.

Имъ ни время не владѣетъ,
Ниже злато, ни сребро;
Онъ порядку дѣлъ радѣетъ,
Любитъ общее добро;
Убѣгая пышныхъ вздоровъ
И блестящихъ мелочей,
Онъ во санѣ прокуроровъ,
Всѣхъ Вельможъ, судей, Царей
Чтитъ лишь только человѣка,
И желаетъ самъ имъ быть.

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
Ускорилъ коль правый судъ,
Коль отеръ сиротски слезы,
Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
Дѣлалъ то, что дѣлать должно:
И безъ чина ты почтенъ.
Напротивъ, живя безбожно,
Всѣми временщикъ презрѣнъ:
Утѣсняя добродѣтель,
Самъ онъ тмитъ свой свѣтлый санъ.

═

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

(Отвѣтъ И. И. Дмитріеву.)

—

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай въ сердца
От смуглаго лица.

Неистовство, роскошно чувство,
Нервъ трепетъ, млѣніе любви,
Волшебное заразъ искуство
Вакханокъ древнихъ оживи.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Какъ ночь, — съ ланитъ сверкай зарями,
Какъ вихорь, — прахъ плащемъ сметай,
Какъ птица, — подлетай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ нощію сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица,

Да вопль твой, Эвоа! ужасный,
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ,
Ліетъ повсюду гулы страшны,
А сластолюбіе любовь.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Нѣтъ, стой, прелестница! довольно:
Музъ скромныхъ больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ Русска дѣва, пропляши.
Жги души, огнь бросай въ сердца,
И въ нѣжнаго пѣвца.

═

ТОНЧІЮ.

—

Безсмертный Тончи! Ты мое
Лице въ томъ, слышу, пишешь видѣ,
Въ какомъ бы мастерство твое
Въ Омирѣ древнемъ, Аристидѣ,
Сократѣ и Катонѣ, въ вѣкъ
Потомковъ позднихъ удивляло;
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся человѣкъ.

Но лысина ль, или парикъ,
Но тога ль, иль мундиръ кургузый

Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! Философія и Музы:
Онѣ насъ славными творятъ.
О! если бъ осѣнялъ духъ правый
И освѣщалъ меня лучъ славы,
Присталъ бы всякой мнѣ нарядъ.

Такъ, Живописецъ-Философъ!
Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
Какъ знаешь ты; но лишь любовь
Увѣковѣчь ко мнѣ премудрыхъ.
А если слабости самимъ
И величайшимъ людямъ сродны,
Не позабудь во мнѣ подобны,
Чтобъ зависть улыбалась имъ.

Иль нѣтъ, ты лучше напиши
Меня натурой самой грубой:
Въ жестокій мразъ съ огнемъ души,
Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой;
Чтобъ шелъ природой лишь водимъ,
Противъ погодъ, волнъ, горъ кремистыхъ,
Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льдистыхъ;
Что былъ прапращуръ мой Багримъ.

Не испугай жены, друзей;
Придай мнѣ нѣжности немного:
Чтобъ былъ я ласковъ для дѣтей,
Лишь въ должности бъ судилъ всѣхъ строго;
Чтобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мнѣ вздыхали,
Хоть въ Платонической любви.

═

ВИША.

(Жуковскому.)

—

Сей день усыпали цвѣтами
Младыя дѣвы ложе мнѣ,
И тихихъ пѣсень голосами
Восхитили мой духъ во снѣ.
Казалося, за ними слѣдомъ
Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ,
И съ липъ златымъ питаясь медомъ,
Благоуханный воздухъ пилъ;
Близъ водъ жилъ въ полѣ Елисейскомъ,
Веселостей вкушая тму;
Но вставъ, увидѣлъ: въ миломъ, сельскомъ
Твоемъ, Жуковскій, я дому.

═

МЕЛЬНИКЪ.

(Ѳ. М. Колокольцову.)

—

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
«Вѣдь расклюютъ же даромъ птицы:
Возьми, старинушка, смели.»
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я пу молоть всѣмъ животомъ.
Мололъ я пристально, трудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но что жъ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
Не раскололъ я ни зерна.
Смѣясь, мнѣ дѣвушки въ назолу,
Пеняли: — «Что жъ не мелешь, дѣдъ? —
«А вы,» сказалъ я: для помолу
Пришли, какъ жерновъ не беретъ.»

═

СТРѢЛОКЪ.

(Кн. А В. Щербатову.)

—

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гулять:
Меду сладкаго не нада,
Лишь бы въ полѣ пострѣлять.

На лету я птицъ пернатыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ;
Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ,
Лишь прицѣлилъ, попадалъ.

Но вечоръ вдругъ повстрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной,
Вмигъ крылами размахалась,
И пошла ко мнѣ на бой.

Хвать въ колчанъ, . . . анъ стрѣлъ ужъ нѣту:
Лукъ опущенъ; сталъ я въ пень.
Ахъ! беречь было монету
Бѣлую на черный день.

═

ГОСТЮ.

(П. Л. Вельяминову.)

—

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягомъ, отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть:
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

Любовью распаленный страстной,
Съ младой веселою, прекрасной
И нѣжной Нимфой ты сидишь:
Она поетъ, — ты страстью таешь.
То съ ней въ весельѣ утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Ты спишь—и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что въ вѣкъ блатополученъ ты;
Что само Небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что Парка дней твоихъ не коситъ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь златый къ тебѣ лiется.
Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды,
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли;
Но вихремъ пораженны, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ;
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать;

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ:—береги себя!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

═

КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ.

(М. С. Голикову.)

—

Кого роскошными пирами
На влажныхъ Невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ Персидскихъ, златошвенныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ Вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И Аліатико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,

═

КО ВТОРОМУ СОСѢДУ,

(Гарновскому.)

—

Не кость рѣзная Колмогоръ,
Не мраморъ Тифды и Рифея,

Не Невски зеркала, фарфоръ,
Не шелкъ Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей дѣлаютъ извѣстность,
Но нѣкій твердый духъ и честность,

А паче Музъ дары.

Почто же, мой второй Сосѣдъ,
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ,
Мнѣ солнца застѣняя свѣтъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дому моего заборъ?
Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ,
Тмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ

Твой не насытятъ взоръ?

Въ тотъ мигъ, какъ съ пошвы до конька
И около, презрѣннымъ взглядомъ,
Мое строеніе слегка
Съ своимъ обозрѣвая рядомъ,
Ты въ гордости своей съ высотъ
На низменны мои, мнишь, кровы
Навѣсить темный садъ кедровый

И шумны токи водъ:

Кто вѣсть, что Рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенны тобой Царямъ,
Жестоки времена и строги
Во стойлы конски обратятъ.
За счастіе поруки нѣту,
И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту,

Не бейся объ закладъ.

Такъ, такъ! — но примѣчай, какъ день,
Увы! ночь темна затмѣваетъ;
Луну скрываетъ облакъ, тѣнь;
Она растетъ, иль убываетъ:
Съ сумой не ссорься и тюрьмой.
Хоть днесь къ звѣздамъ ты высишь стѣны,
Но знай: ты прахъ одушевленный,

И скроешься землёй.

Надежнѣй гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ отверстъ и бѣднымъ;
И Царь и рабъ въ него придетъ:
Къ чему жъ съ столь рвеньемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоялый строишь дворъ,
И, ахъ! сокровища Тавриды
На баркахъ свозишь въ пирамиды

Средь полицейскихъ ссоръ?

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны домы:
Они, подобно небесамъ,
Стоятъ и презираютъ громы.
Зри, хижина Петра доднесь,
Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы!
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы

Матвѣеву принесъ!

Рабочихъ въ шумѣ голосовъ,
Машинъ во скрипѣ, во стенаньи,
Средь громкихъ пѣсень и пировъ
Трудись сосѣдъ, и строй ты зданьи;
Но мой не отнимай лишь свѣтъ,
А то оставь молвѣ правдивой
Рѣшить: чей домъ скорѣй крапивой,

Иль плющемъ зарастетъ?

ПИКНИКИ.

(А. П. Мельгунову.)

Оставя безпокойство въ градѣ
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой, пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы

Невинной красоты Природы
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды —
Пріятная забава намъ.

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранить;
Богатствомъ, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если веселъ кто, забавенъ,
Любезнѣе другихъ тотъ намъ;
А если скроменъ, благонравенъ,
Мы чтимъ того не по чинамъ.

Насъ не касаются раздоры,
Обидамъ мѣста не даемъ;
Но души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и Герою
Повиноватся красотамъ;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ.

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цвѣты срывать.

Кто ищетъ общества, согласья,
Приди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятенъ часъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ.

(И. И. Шувалову.)

—

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ крафинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола вкругъ ожидая
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодѣтель давный,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Приди, — и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый, мой нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность
На Русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ, — одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, Ангелъ мой, благотворитель!
Приди, и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ — тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ:
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда грустить и Царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но, ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы, —
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться, —
По платью ноги протягать.

А если ты, иль кто другіе
Изъ званныхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны Царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать:
Извольте мой вы толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ.

КЛЮЧЪ.

(Мих. Матв. Хераскову.)

—

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ
Прекрасный вижу я источникъ.

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горной высоты,
Луга поящій, долы злачны,
Кропящій перлами цвѣты,
О коль ты мнѣ пріятенъ зришься!

Ты чистъ—и восхищаешь взоры,
Ты быстръ—и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
Желаньемъ пѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
Глядится красная заря;
Какіе пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся!

Гора въ день стадомъ покровенну,
Себя въ тебѣ, любуясь, зритъ;
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дубраву вѣтерокъ струитъ,
Волнуетъ жатву золотую.

Багрянымъ брегъ твой становится,
Какъ солнце катится въ небесъ;
Лучемъ кристаллъ твой загорится,
Въ дали начнетъ синѣться лѣсъ,
Тумановъ море разольется.

О! коль ночною темнотою
Пріятенъ видъ твой при лунѣ,
Какъ блѣдны холмы надъ тобою
И рощи дремлютъ въ тишинѣ,
А ты одинъ, шумя сверкаешь!

Сгарая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу, ручей!
Завидую Піита счастью,
Вкусившему воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанну.

Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И съ чистою твоей струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ;

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучъ:
Творца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій ключъ,
Поилъ водой ты стихотворства.

Г. ОЗЕРОВУ,

На приписание Эдипа.

Витія! кому Мельпомена,
Надѣвъ котурнъ, дала кинжалъ,
А Сѣверъ, какъ лавромъ, изъ клена
Вѣнцомъ зеленымъ увѣнчалъ

Блестяще чело!

О ты, что собою представилъ
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ,
Въ Эдипѣ, намъ въ Бардахъ прославилъ
Расиновъ, Кребильйоновъ духъ,

Дѣвъ слезъ ремесло!

Коль жалость и ужасъ вдыхаешь
И жжешь ты хладныя сердца;
Съ глазъ токи, съ душъ вздохи сзываешь,
Напрасно чтишь во мнѣ Пѣвца:

Но демственникъ ты.

Ты Музъ олтарей тѣхъ служитель,
Которыхъ чудотворный гласъ
Народной толпы просвѣтитель
Скорѣй театромъ, чѣмъ Парнассъ:

Ты огнь съ высоты,—

Огонь, что изъ мрака сверкая,
Змiями рѣжетъ сквозь эѳиръ.
Но Лель съ струнъ Тiискихъ порхая,
Мой чуть звеня, какъ въ зной зефиръ,

На вѣжди сонъ льетъ.

Иль могъ коль съ Пиндаромъ геройство,
Съ Гораціемъ я сладость лить:
То можетъ во гробѣ потомство
И блескъ Вельможъ мнѣ удѣлить.

Тамъ лавръ мой взрастетъ.

ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ.

(Н. М. Карамзину.)

Въ прекрасный Майскій день,
Въ часъ ясныя погоды,
Какъ всюду длинна тѣнь,
Ложась въ стеклянны воды,
Въ ихъ зеркалѣ бреговъ
Изображала виды,
И какъ между столповъ
И зданіевъ Ѳемиды,
Сооруженныхъ ей
Героевъ Росскихъ въ славу,
При гласѣ лебедей,
Въ прохладу и забаву,
Вечернею порой
Отъ всѣхъ уединяясь,

Съ Плѣнирою младой
Мы, въ лодочкѣ катаясь,
Гуляли въ озеркѣ:
Она въ кормѣ сидѣла,
А по срединѣ я.
За нами въ слѣдъ летѣла
Жемчужная струя;
Кристаллъ шумѣлъ отъ веселъ:
О сколько съ нею я
Въ прогулкѣ сей былъ веселъ!
«Любезная моя!» —
Я тутъ сказалъ — «Плѣнира!
Тобой плѣненъ мой духъ:
Ты даръ всего мнѣ міра.
Взгляни, взгляни вокругъ
И виждь: красы природы
Какъ бы стеклись къ намъ вдругъ:
Сребромъ сверкаютъ воды,
Рубиномъ облака,
Багрянымъ златомъ кровы;
Какъ огненна рѣка,
Свѣтъ ясный, пурпуровый
Объялъ всѣ воды вкругъ;
Смотри въ нихъ: рыбъ плесканье,
Плывущихъ птицъ на лугъ
И крылъ ихъ трепетанье.

«Весна во всѣхъ мѣстахъ
Намъ взоръ свой осклабляетъ,
Въ зеленыхъ муравахъ
Ковры намъ подстилаетъ.
Послушай рога ревъ,
Тамъ эха хохотанье,
Тутъ шопоты ручьевъ,
Здѣсь розы воздыханье!
Се вѣтеръ помавалъ
Крылами тихо слуху.

«Какая пища духу!» —
Въ восторгѣ я сказалъ —
«Коль красенъ взоръ Природы
И памятниковъ видъ,
Они гдѣ зрятся въ воды,
И соловей сидитъ
Гдѣ близъ и воспѣваетъ,
Зря розу, иль зарю!
Онъ будто изъявляетъ
И Богу и Царю
Свое благодаренье:
Царю — за память слугъ;
Творцу — что влилъ стремленье
Къ любви всѣмъ тварямъ въ духъ.
И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пой, Карамзинъ! — И въ прозѣ
Гласъ слышанъ соловьинъ.

ВОЛХОВЪ КУБРѢ.

(Д. И. Хвостову.)

—

Напрасно, Кубра дорогая,
Поешь о славѣ ты моей;
Прелестна дѣвушка, младая!
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.

Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ
И сѣдина на волосахъ,
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушую я лѣсахъ.

Я мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ;
За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ;

Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,
Я Русскихъ пѣсень голосами
Увеселяю слухъ лишь свой.

Межъ холмиковъ, дубковъ саженыхъ,
Ведетъ полога мурава
Моихъ въ снѣ путниковъ наемныхъ,
Плывущихъ спустя рукава;

Иль видятъ золототыя нивы
То пестроту цвѣтовъ въ лугахъ;
То лучъ съ серповъ и косъ игривый
Въ муравленыхъ горитъ водахъ.

Шумящи перловы пороги
Имъ слабо преграждаютъ путь:
Премудро, справедливо боги
Богатство за труды даютъ.

И Бардъ мой съ арфой ветхострунной
Хоть, сидя на холму, поетъ,
Но, представляя вечеръ лунной,
Онъ тихій голосъ издаетъ.

Увы! сколь парусомъ пробѣгшихъ,
На лямкахъ шедшихъ зрѣлъ ладей!
И сколько подъ луной умершихъ
Онъ духомъ зритъ своихъ друзей!

Уже и вождь, ногой желѣзной
Ступавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный человѣкъ, любезной,
Лучъ бѣдныхъ—блещетъ между звѣздъ.

И ты въ Наядахъ бывъ извѣстной,
Не завсегда волной шуми;
Но розовой рукой, прелестной,
Вздохнувъ, Мсталка обойми.

Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ,
Потомства поздняго въ умѣ
Твердясь пастушьимъ, сельскимъ тономъ,
Съ кузнечикомъ свѣтись во тьмѣ.

Пусть духъ Поэта сотворяетъ,
Вливаетъ живописецъ жизнь,
А чувства музыкантъ вдыхаетъ
Къ образованью ихъ отчизнъ;
И насъ коль Геніи вдыхаютъ,
Отъ сна съ зарею возбуждаютъ,
Не стыдно ль нѣгу обнимать?
Пойдемъ Сатурна побѣждать.

ОЛЕНИНУ

Обычьевъ Русскихъ, вида, чувства,
Моей поэзьи Изографъ,
Чьего и славный Бритъ искуства
Не снесъ, красѣ возревновавъ;
Въ чьемъ рашкулѣ, мѣлу, чернилахъ
Видна такъ жизнь, какъ въ пантомимахъ,
Оленинъ милый! вспомяни
Твое мнѣ слово и — черкни.

Представь мнѣ воина, идуща
Съ прямымъ безстрашіемъ души
На явну смерть, и смерть несуща,
И словомъ, Росса напиши:
Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый,
Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
За нимъ — скрылъ мракъ его стопы —
Лежатъ Иракловы столпы!

Тебѣ.... такъ! Россу только можно
Отечества представить духъ;
Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
И впрямь, огромность Исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына
Его, и тѣломъ и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Когда Наука, иль Природа
Дадутъ и духъ и умъ и вкусъ,
Ни чинъ, ни должность, ни порода
Быть не претятъ друзьями Музъ.
И только ль въ полѣ на сраженьѣ,
И за зерцаломъ дѣлъ въ вершеньѣ
Сыновній нуженъ Царству жаръ? —
Нѣтъ! проклятъ всякъ сокрывшій даръ.

Три дщери своего рожденья
Судили Небеса послать,
Чтобъ свѣтъ, красу и утѣшенье
На землю мрачну проливать.
Схватясь красавицы руками,
Съ улыбкой, тихими стопами
Проходятъ міръ... и се въ нашъ вѣкъ
Пришли въ полночь, какъ Петръ предрекъ.

ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПѢСНЕЙ

(А. Я. Лабзину.)

Пѣсней моихъ Издаватель!
Другъ Сіонидъ и пѣвецъ!
Въ храмѣ Искусствъ обитатель!
Если ихъ кисть и рѣзецъ
Тѣнь хоть едину въ картинѣ
Бога Творца изразятъ;
Въ мраморѣ ль, мѣди, холстинѣ
Хлора, Фелицу явятъ:
Сгложутъ ли, Л. . . . ! черви въ могилѣ
Со мною тебя?

Сгложутъ, коль самыя Музы
Только мечтаній рабы:—
Тлѣна носящее узы
Смерти не уйдетъ татьбы.
Гдѣ, ахъ! завѣса Апелла?
Фидія Діи?—Прахъ и персть.
Гдѣ Иліонъ, Тиръ и Пелла?
Развѣ убѣгли сихъ мѣстъ?
Нѣтъ! тамъ, гдѣ башни неба касались,
Обломки лежатъ.

Но Меонидъ въ кругѣ міра
Въ словѣ безсмертномъ живетъ:
Громкая правдою лира
Духа печать,—не умретъ.
Геніи въ мракѣ такъ зримы,
Нощью какъ въ небѣ огни;
Памятны будутъ Зосимы:
Въ духѣ Евгенья они
Прейдутъ къ потомству.—Солнце лучами
Проходитъ сквозь мракъ.

Такъ чрезъ тебя я прольюся
Цѣлаго свѣта вокругъ,
Въ книгахъ, какъ въ стеклахъ, возжгуся:
Узрятъ далече мой духъ:
Что жъ воспрещалъ ты Брамину
Сѣять въ Лапландцахъ лучи?
Жегъ онміамъ, иль лучину,

Свѣтъ проливалъ онъ въ ночи.—
Долгъ Саламандра жечь: долгъ Поэта

Въ міръ правду вѣщать.

Шествуй со мною безстрашно
Ты въ проповѣдничій путь;
Бога вѣщай велегласно,
Въ пѣсняхъ созвучникъ мнѣ будь;
Всюду хвали добродѣтель,
Святость и истину славь;
Доблестей Россовъ свидѣтель,
Памятникъ вѣчный оставь
Въ звукахъ Багрима: то и во гробѣ

Насъ червь не сгрызетъ.

═

СПЯЩІЙ ЭРОТЪ.

(Княг. Т. В. Юсуповой.)

—

Ходя въ рощицѣ тѣнистой,
Видѣлъ тамъ Эрота я:
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ прекрасное дитя;
Сквозь пріятный сонъ, умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его:
Будто яблоки наливны
Рдѣлись щеки у него.
Почивая бозоружнымъ
Снѣжной грудью онъ блестѣлъ;
По вѣтвямъ, надъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, тулъ висѣлъ.
Пчелы вкругъ его летали,
Какъ на розъ шумящій кустъ;
Капли меду собирали
Съ благовонныхъ сладкихъ устъ.
Въ рощу Граціи вбѣжали,
И нашедъ Эрота въ ней,
Потихоньку привязали
Къ красотѣ его своей;
Разбудя жъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ въ нихъ оковъ:
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали—
Гдѣ пріятность, тутъ любовь.

═

КЪ СОФІИ.

(Граф. С. В. Строгановой.)

—

О сколь, Софія, ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей!
Какъ чистая вода прозрачна,
Блистая розовой зарей.

═

КЪ ЭВТЕРПѢ.

(М. А. Нарышкиной.)

—

Пой, Эвтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой пляши и восклицай.
Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ шлемомъ покровенный
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ;
Рано ль, поздно ль, побѣжденный
Голіаѳъ предъ нимъ падетъ;
Вскинетъ тусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочетъ, да отдастъ.

Пусть придворный суетится
За фортуною своей,
Если быть ему случится
И наперсникомъ у ней:
Рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ;
Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ быть богатыремъ.

Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;
Идетъ осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды:

Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды.

Марсъ устанетъ,—и любимецъ
Счастья возметъ свой покой;
У твоихъ воротъ и крылецъ
Цередворецъ и Герой
Брякнутъ въ кольца золотыя:
Ты съ согласія отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ,
Сына нѣги онъ поборетъ
И понравится тебѣ;
Качества твои любезны
Всей душею полюбя,
Оперпись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близъ тебя.

Пой, Эвтерпа молодая!
Прелестью своей плѣни;
Бога браней усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми.
Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ склонится твоимъ,
И должна тебѣ вселенна
Будетъ вѣкомъ золотымъ.

АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ.

(М. А. Нарышкиной.)

Случись Анакреону
Марію посѣщать;
Межъ ними Купидону,
Какъ бабочкѣ, летать.

Леталъ божокъ крылатый
Красавицы вокругъ.
И стрѣлы онъ пернаты
Накладывалъ на лукъ;

Стрѣлялъ съ ея небесныхъ
И голубыхъ, очей,
И съ розъ въ устахъ прелестныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла,
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала:

Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣе богъ,
Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жегъ.

Анакреонъ у печки
Вздохнулъ тогда сидя;
«Какъ бабочка отъ свѣчки,
Сгорю»—сказалъ—«и я.»

ПАРАШѢ.

(П. М. Бакуниной.)

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ!

Ты, которой повторяетъ
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ Параша ударяетъ
Въ струны, утѣшая насъ.

Встань, пойдемъ на лугъ широкой,
Мягкой, скатистой, къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣнью древъ далекой
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:

Какъ скользя по нихъ сверкаетъ
Лучъ отъ царскихъ теремовъ,
Звѣзды, солнцы разсыпаетъ
По тѣнямъ между кустовъ.

Какъ за сребряной плотицей
Линь златой по дну бѣжитъ:
За прекрасною дѣвицей,
За тобой, Амуръ летитъ.

ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ.

(В. М. Бакуниной.)

Милая заря весенна,
Алымъ блескомъ покровенна,

Какъ встаетъ съ кристальныхъ водъ,
И въ небесный идетъ сводъ,
Мещетъ яхонтные взоры;
Тихій свѣтъ и огнь живой
Проницаетъ тверды горы:
Такъ Варюша образъ твой.

═

ГОРЫ.

(Графинѣ Соллогубъ, переодѣтой Жидовкою.)

—

Желалъ бы вѣкъ я быть съ Жидовочкой прекрасной,
Чтобъ въ Горкахъ и Горахъ съ ней время проводить;
Но вмѣсто я того, по волѣ Царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставя арфы звукъ, гитары, фортопьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску козачка,
Я долженъ розыскать, какъ чернь была вся пьяна,
Какъ Земскому Суду угладила бока;
И словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты Жидовочкины зрѣть;
Талантовъ тысячью и прелестьми плѣняясь,
Бекасами ея лишь — сыту быть умѣть.

═

ГОРКИ.

(Графу Соллогубу.)

—

Сегодня мы твое рожденье
Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ;
За здравье пьемъ, и въ восхищеньѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ;
А то жъ и твоему супругу,
Чтобъ долго и пріятно жить,
И недругу давать и другу
Пиры, забавы, — ѣсть и пить.

═

ВАРЮШКѢ.

(В. М. Бакуниной.)

—

Какъ, Варюша, ты прекрасна!
Если не изъ сердца страства,
А изъ дружбы лишь одной,
Я, писавши образъ твой,
Написалъ тебя зарею:
То моложе если бъ былъ,
Я бы съ пламенной душею
Въ тебѣ солнце находилъ.

Написалъ бы, какъ въ диванѣ
Въ голубомъ твоемъ тюрбанѣ,
Ты сидишь, и для красы,
На чело спустя власы,
Всѣхъ улыбкою любезной
Вмигъ умѣешь полонить:
Должно быть душѣ желѣзной,
Чтобъ, взглянувъ, не полюбить.

Гдѣ сокровище такое,
Толь прелестное, драгое,
Толь блистающій алмазъ
Былъ ты скрытъ отъ жадныхъ глазъ
Бриліянтщика младаго,
Что купить тебя не могъ?
Онъ отъ глазъ бы свѣта злаго
Спряталъ, заперъ на замокъ.

Не продажный, но завѣтной
Ты жемчугъ, цѣны несмѣтной,
И нельзя тебя купить,
Кучей злата замѣнить;
А чтобъ нравиться прекрасной
И плѣнить тебя кто могъ,
Нуженъ мальчикъ нѣжный, страстной,
Взглядъ любви—крылатый богъ.

═

НА РАЗЛУКУ.

(П. М. Бакуниной.)

—

Не раздаются больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ тобой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу отъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной.
Когда жъ назадъ ты возвратишься,

Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою навѣкъ простишься,
Съ Мурзой, Милордомъ и котомъ?
Пожалуй, возвратись скорѣе,
Пріятны возврати часы,
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почеши Мурзѣ усы.

=

ЦѢПИ.

(А. М. Бакуниной.)

—

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя они златыя.

Такъ наслаждайся жъ здѣсь ты вольностью святой,
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рощамъ пролетай, кропися водъ струей,
И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

А если и тебѣ подъ бремя чьихъ оковъ
Подвергнуться велитъ когда либо природа:
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Пріятнѣй этотъ плѣнъ, чѣмъ самая свобода.

=

ЛИЗѢ.

Похвала розѣ.

(Е. Н. Львовой.)

—

Я воспѣлъ весну прекрасну,
Нынѣ розу я пою;
Всѣхъ цвѣтовъ пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! другъ мой милый, юной!
Розѣ гласъ свой посвящай,
На гитарѣ тихострунной
Пѣснь мою сопровождай.
Роза зрѣнію любезна,
Обонянію мила,
Здравью, разуму полезна,
И невинностью свѣтла.
Роза пѣнія достойна,
Даръ священный олтарей;
Царствъ Владычицамъ подобна,
Въ одѣяніи Царей.
Роза, если устрашаетъ,
Тернъ свой ставя чести въ щитъ:
Во цвѣтахъ благоухаетъ,
Очи, души веселитъ;
Розовы уста прекрасны:
На ланитахъ милъ ихъ смѣхъ;
На грудяхъ лилейныхъ ясны,
Любы Лелю для утѣхъ.
Розы старцамъ утѣшенье:
Святъ вѣнецъ ихъ мудрецамъ;
Розы дѣвамъ украшенье,
Восхищенье молодцамъ.
Розы лучшее убранство
И пріятностей младыхъ;
Розы красотѣ въ подданство
Клонятъ и владыкъ земныхъ.
Розы въ пиршествахъ утѣха, —
На гостяхъ, какъ огнь, цвѣтутъ;
Розы въ скукѣ не помѣха,
Услаждаютъ скорбь и трудъ.
Розовы листы нагрѣты
Вздохомъ устъ, ударомъ рукъ,
Счастливой любви обѣты —
Громкій производятъ звукъ.
Розы тожъ намъ помогаютъ,
Какъ и стрѣлы, побѣждать;
Коль красу гдѣ выхваляютъ,
Льзя ли розой не назвать?
Роза другъ зари румяной,
Дщерь весны и кринъ небесъ;
Миръ даетъ душѣ печальной,
Изсушаетъ токи слезъ.
Розу въ лучшіе дни года
Прославляетъ соловей;
Зефиръ вѣетъ, и Природа
Улыбается вся ей.
Розы въ жизни насъ прельщаютъ,
Намъ по смерти розы честь;
Стихотворцы воспѣваютъ
Розовой Авроры перстъ.
Роза всѣмъ кустамъ царица,
Ароматовъ сладкихъ мать;
Биссеромъ своимъ зарница
Розу любитъ окроплять.
Роза міру покрывало,
Образъ солнца красоты;
Розу похвалить чѣмъ, мало:
Будь мнѣ Лиза, сю — ты!

=

ГРАФИНѢ ОРЛОВОЙ.

—

Ты взорами орлица,
Достойная отца;
Душею голубица,
Достойная вѣнца.
Пріятности дивятся
Уму и красотамъ,
И въ плaскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Петрополѣ,
Побѣды поженешь:
Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь.

═

ГИТАРА.

(Авд. Сем. Ершовой.)

—

Шестиструнная гитара
У красавицы въ рукахъ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ,

Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ,
Пѣть велитъ любовь.

Я пою подъ миртой мирной,
На красы ея смотря,
Не завидую обширной
Власти самого Царя;

Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть Вожди въ бояхъ дерутся,
Въ думахъ баре брань ведутъ;
Алыхъ устъ ея коснуться,
Вся моя побѣда тутъ:

Поцѣлуй ея мнѣ нѣжный
Выше всѣхъ даровъ.

Пусть Герой свой блескъ сугубитъ,
Ждетъ безсмертія отликъ;
Милая меня коль любитъ,
Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ, —

И ея объятья нѣжны
Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

═

КЪ МАТЕРИ,

КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ.

(Княг. Т. В Юсуповой.)

—

Иныхъ веселье убѣгаетъ,
Съ тобой оно живетъ всегда:
Гдѣ разумъ съ красотой блистаетъ,
Не скучно тамо никогда.

Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людскихъ;
Обнявъ науки и Искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.

Въ такомъ уединеньѣ скромномъ
Ты такъ добротами блестишь;
Какъ Ангелъ въ храмѣ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

═

ДѢТЯМЪ,

НА КОМЕДІЮ ИХЪ И МАСКЕРАДЪ

(Ѳ. П. Львову.)

—

Являлъ недавно сладкій сонъ
Пепея мнѣ долину злачну;

Я зрѣлъ сквозь дебрь древесъ прозрачну:
Игралъ на скрипкѣ Аполлонъ.
Вблизи его Эротовъ тма,
Все дутики, всѣ краснощоки,
Крылаты, бѣлы, черноoки,
И Нимфъ прекрасныхъ кутерьма
Плясала подъ свирѣльми ихъ;
Всѣ обнимались другъ со другомъ,
И всѣ, рѣзвясь, вертѣлись кругомъ:
Въ восторгѣ былъ я, зря на нихъ!
Хотѣлъ, чтобъ сихъ любви божковъ,
Харитъ толь милыхъ видѣть въ явѣ:
Но что? — въ твоей простой забавѣ,
Съ семьей твоей, я зрю ихъ, Львовъ.

МОИ ГРАЦІИ.

(Е. и П. Н. Львовымъ.)

Се дѣвы милыя, что мой склоняютъ духъ
Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспитаньемъ:
Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любишь вдругъ
Подъ добродѣтели святымъ сіяньемъ.

Важна и весела улыбкой та своей,
Другая кроткихъ чувствъ и въ робости любима,
Плѣняетъ третія огнемъ своихъ очей:
Отъ Ангеловъ стрѣла неизбѣжима.

Златое яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ
Бывъ долженъ подарить, я бъ раздѣлилъ на части,
Иль старшая возьми: увѣренъ, что одпихъ
Ревнивыхъ склоненъ духъ отмщенья къ страсти.

Взоръ Лизы, какъ эѳиръ: свѣтла ея душа.
Взоръ Вѣры, Паши черенъ, какъ скромна ночь съ звѣздами.
Амуръ и Гименей! бѣгите къ нимъ спѣша:
Пріятности во вѣкъ жить будутъ съ вами.

БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ.

(К. А. Штенбокъ.)

Блаженна та жена, которая изъ круга
Уклонщись роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
Въ содружествѣ сестры, въ объятіи супруга,
Проводитъ въ тишинѣ благословенны дни!
Подъ сѣверомъ сѣдымъ ни мразъ, ни вихрь, ни вьюга
Не ужасаютъ ихъ; но, лиліямъ они
Подобно сплетшимся среди тѣниста луга
Лишь непорочности своей цвѣтутъ въ сѣни.
Не въ снахъ возмутить спокойства ихъ шумъ града,
Ни прихоти богатствъ, ни зависть, ни досада;
Но, бывъ довольными они своей судьбой,
Не ищутъ на землѣ благъ рая, Альдорада;
Но совѣсть чистая и Небо имъ награда.
Почтенная Ш....! Ты зришь здѣсь образъ свой.

АЛЬБАУМЪ.

(Н. А. Козловской.)

Когда земны оставишь Царства,
Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
Харонъ вопроситъ, иль мытарства,
Изъ жизни, подорожной, сей:
Поэтовъ можешь одобренья
Въ альбаумѣ твоемъ явить;
Духамъ отдавъ ихъ для прочтенья,
Пашпортъ твой ими замѣнить.
По нихъ тебя узнаютъ тѣни,
Кто ты, и въ свѣтѣ какъ жила;
Твои всѣ чувства, помышленьи
Раскроются, какъ солнцемъ мгла.
Тогда ты можешь оправдаться,
И, ахъ! иль обвиненной быть,
Въ путь правый, лѣвый провождаться,
Святой, иль окаянной слыть.
Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово
Сей книги записной въ листахъ
Духовно примутъ тѣло ново,
И обличатъ тебя въ дѣлахъ
Во всѣхъ часахъ твоихъ, мгновеньяхъ;
Ты станешь на судѣ нагой:
Въ поступкахъ, мысляхъ и движеньяхъ
Мракъ самый будетъ послухъ твой.
Поэтъ, тебя превозносившій,
Прямымъ заговоритъ лицомъ,
Порокъ, иль добродѣтель чтившей
Своимъ возопіетъ листомъ.
Листъ желтый, напримѣръ, надменность
Явитъ, что гордо ты жила;
На синемъ, скупость вскрикнетъ, ревность,
Что ты соперницъ врагъ была;
На сребряномъ, вструбитъ богатство,
Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;
На темномъ, зашипитъ лукавство,
Что въ грудь впілась друзьямъ твоимъ;

На аломъ, засмѣется радость,
Что весело любила жить;
На розовомъ воспляшетъ младость,
Что съ ней хотѣла вѣкъ свой длить;
На глянцоватомъ, самолюбье
Улыбкою своей дастъ знать,
Что было зеркало орудье
Красотъ твоихъ, дабы прельщать;
Надежда на листкахъ зеленыхъ
Шепнетъ о всѣхъ твоихъ мечтахъ;
На сѣренькихъ листкахъ смиренныхъ
Печаль завоетъ во слезахъ.
Но Генiй, благъ твоихъ свидѣтель,
На бѣлыхъ листьяхъ въ блескѣ словъ
Покажетъ вѣру, добродѣтель
И безпорочную любовь.

═

АСПАЗIИ.

(М. А. Нарышкиной.)

—

Блещетъ Аттика женами;
Всѣхъ Аспазiя милѣй:
Черными очей огнями,
Грудью пѣнною своей
Удивляючи Аѳины.
Превосходитъ всѣхъ собой:
Взоры орли, души львины
Жжетъ, какъ солнце, красотой.

Рѣзвятся вокругъ утѣхи,
Улыбается любовь,
Нѣги, радости и смѣхи,
Плетеницы изъ цвѣтовъ
На героевъ налагаютъ,
И влекутъ сердца къ ней въ плѣнъ;
Мудрецы по ней вздыхаютъ,
И Периклъ въ нее влюбленъ.

Угождаютъ ей Науки,
Дань Художества даютъ;
Мусикiйски сладки звуки
Въ взгляды томность ей лiютъ.
Она чувствуетъ, вздыхаетъ,—
Нѣжная видна душа,—
А сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ больше хороша.

Зависть съ злобой, содружася,
Смотрятъ косо на нее;
Съ черной клеветой свiяся,
Уподобяся змѣѣ,
Тонкiя кидаютъ жалы,
И винятъ въ хулѣ боговъ.
Ужъ Перикла силы малы
Быть щитомъ ей отъ враговъ;

Ужъ ведется всенародно
Предъ судей она на судъ;
Злы молвы о ней свободно
Ужъ не шепчутъ,—вопiютъ;
Ужъ собранье засѣдало;
Ужъ Архонты всѣ въ очкахъ;
Но сняла лишь покрывало —
Палъ предъ ней Ареопагъ!

═

АРФА.

(П. М. Бакуниной.)

—

Не въ лѣтнiй ль знойный день прохладный вѣтерокъ
Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою прiятно дуетъ?
Не въ злакѣ ли журчитъ хрустальный ручеекъ?
Иль милая въ тѣни древесъ меня цѣлуетъ?

Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,
На розахъ дремлющiй, согласьемъ тихострунымъ,
Какъ эхо мнѣ вдали щекочетъ нѣжно слухъ,
Иль шумомъ будитъ вдругъ вблизи меня перунымъ.

Такъ! ты, подруга Музъ, лiешь мнѣ твой восторгъ,
Подъ быстрою рукой играющей Хариты,
Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ,
И улыбаются любовiю ланиты.

Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое!

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
И твой по прежнему всегдашнiй буду житель?

Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ, дубы Камскiе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть,
И гробы обнимать родителей священны?

Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ!
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ!
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и прiятенъ.

═

СТИХОТВОРЕНІЯ ЭЛЕГИЧЕСКІЯ.

НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ . . . . и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали;
Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ. . . .

Глядитъ на всѣхъ, — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И . . . точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли, —
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ:
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье,
Богатствъ стяжаніе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья, прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны —
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

ВОДОПАДЪ.

(На кончину Потемкина.)

—

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ, — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ буграми въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны пораженны? —
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ? —
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя, и страхъ
Въ ничто вмѣняя становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится:
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ:
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ;
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу — нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.

Копье, и мечъ, и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной, —

Сидитъ, и взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ? —
Онъ также блескомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.

Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?

Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ,
Гласъ смерти, двери скрипъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола Царь и другъ Царевъ?

Падутъ, — и Вождь непобѣдимый,
Въ Сенатѣ Цезарь средь похвалъ,
Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
Закрывъ лице плащемъ, упалъ;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды

Падутъ, — и несравненный мужъ
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
Презрѣвшій прелесть багряницы,
Плѣнившій Велизаръ Царей,
Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.

Падутъ. — И не мечты прельщали,
Когда меня, въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали,
Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ?
Давно ль? — Но ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!

Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила.
Онъ рекъ, — и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ.

Сошла Октябрска нощь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны,
О камни съ высоты дробимой,
И снѣжною горою зримой.

Пустыня, взоръ насупя свой,
Утесы и скалы — дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Глядѣла, и едва блистала,
Предъ старцемъ преклонивъ рога,
Какъ бы съ почтеньемъ познавала
Въ немъ своего того врага,
Котораго она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Онъ спалъ, — и чудотворный сонъ
Мечты ему являлъ геройски:
Казалося ему, что онъ
Непобѣдимы водитъ войски;
Что вдругъ его перунъ молчитъ,
Его лишь мановенья зритъ;

Что огнедышущи за перстомъ
Ограды въ слѣдъ его идутъ;
Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ отверстомъ,
По слову одному растутъ
Полки его изъ скрытыхъ становъ,
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ;

Что только по травѣ росистой
Ночные знать его шаги;
Что утромъ пыль, подъ твердью чистой,
Ужъ поздно зрятъ его враги:
Что остротой своихъ зѣницъ
Блюдетъ онъ ихъ, какъ ястребъ птицъ;

Что положа чертежъ и мѣры,
Какъ волхвъ невидимый, въ шатрѣ,
Тѣмъ кажетъ онъ въ долу химеры,
Тѣмъ въ тиграхъ агнцевъ на горѣ,
И вдругъ рѣшительнымъ умомъ
На тысячи бросаетъ громъ;

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черныхъ и янтарныхъ волнъ,
Смирилъ Колхиду златорунну,
И бѣлаго Царя уронъ
Рая вечерня предъ границей
Отмстилъ побѣдами сторицей;

Что, какъ румяной лучъ зари,
Страну его покрыла слава;
Чужіе Вожди и Цари,
Своя Владычица, держава,
И всѣ вездѣ его почли,
Тріумфами превознесли;

Что образъ, имя и дѣла
Цвѣтутъ его средь разныхъ глянцевъ;
Что вверхъ сребристаго чела
Въ вѣнцѣ изъ молненныхъ румянцевъ
Блистаетъ въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваяся въ сердцахъ;

Что зависть отъ его сіянья
Свой блѣдный потупляетъ взоръ,
Среди безмолвнаго стенанья
Ползетъ и ищетъ токмо норъ,
Куда бы отъ него сокрыться,
И что никто съ нимъ не сравнится.

Онъ спитъ, — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ
Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрипъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала;
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Онъ зритъ одѣту въ ризы черны
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу распущенны,
Какъ смертну вѣсть, или войну,
Съ косой въ рукахъ, съ трубой стоящу,
И слышитъ онъ: «проснисъ!» гласящу.

На шлемѣ у нея орелъ
Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ,
Въ немъ гербъ отечества онъ зрѣлъ;
И, бывъ мечтой сей возбужденнымъ,
Вздохнулъ, и испустя слезъ дождь,
Вѣщалъ: «знать умеръ нѣкій Вождь!

«Блаженъ, когда стремясь за славой,
Онъ пользу общую хранилъ,
Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
Благословенъ средь позднихъ вѣковъ,
Да будетъ другъ сей человѣковъ!

«Благословенна похвала
Надгробная его да будетъ,
Когда всякъ жизнь его, дѣла,
По пользамъ только помнить будетъ;
Когда не блескъ его прельщалъ
И славы ложной не искалъ!

«О слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
Ты точно есть сей водопадъ.
Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
И шумомъ льющихся прохладъ
Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;

«Дивиться вкругъ себя людей
Всегда толпами собираетъ;
Но если онъ водой своей
Удобно всѣхъ не напояетъ,
Коль рветъ брега, и въ быстротахъ
Его нѣтъ выгодъ смертнымъ: — ахъ!

«Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе полезнымъ быть;
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить,
И тихимъ въ далекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?

«Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ,
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
«Не только славный лишь войной,
«Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.»

«О! будь безсмертенъ, Витязь бранный,
Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!» —
Вѣщалъ сѣдиной мужъ вѣнчанный,
И въ небеса воззрѣвъ, умолкъ.
Умолкъ, — и гласъ его промчался,
Гласъ мудрый всюду раздавался.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища, горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесной духъ крылами
Отъ Сѣвера паритъ на Югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лептѣ покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровь — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ Музъ, другъ Аполлона;
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который Орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ,—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный Вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли,
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

Се ты, небеснаго плодъ дара,
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила.
Воспѣлъ. . . . Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился,
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ. —
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за Ней
Незапной смертію твоей!

Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны,
И Музъ Ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается:
Маронъ по Меценатѣ рвется,

Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій Царь, какъ бы на тронѣ,
На сребророзовыхъ коняхъ,
На златозарномъ фаэтонѣ,
Во сонмѣ всадниковъ блисталъ,
И въ смертный, черный одръ упалъ!

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль нѣтъ!—тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны Царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ?—Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ.

Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя—храмъ;
Рука съ вѣнцомъ—Екатерина;
Гремяща слава—ѳиміамъ;
Жизнь—жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница ужаса, любови.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи
Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
И слышанъ стонъ: что Турокъ мнитъ?

Дрожитъ,—и во очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ;
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И Россъ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожитъ,—и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды:
Столпы на небесахъ горятъ
По сушѣ, по морямъ Тавриды!
И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
Течетъ его и мерзнетъ кровь.

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ,
И вьются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Въ дали бѣлѣетъ на Лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?

Восторгъ, восторгъ они, а страхъ
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы разцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у Вождей,
Властителей земель, морей.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво Любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віется,
Пришедши старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»

Алцибіадовъ прахъ!—И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ?—Увы!
И плоть, и трудъ коль истлѣваетъ:
Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ!
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ.

Услышьте жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи!—и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ въ близи, въ дали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка на Сѣверѣ гремяща,
О Суна! коль съ высотъ блистать
Ты можешь,—и отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ бреги.
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги:
Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

СНИГИРЬ.

(На кончину Суворова.)

Что ты заводишь пѣсню военну
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на Гіенну?
Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать?

Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ;
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ;
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для Царей, себя изнурять?

Нѣтъ теперь мужа въ свѣтѣ столь славна:
Полно пѣть пѣсню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна:
Слышанъ отвсюду томный вой лиръ;
Львинова сердца, крыльевъ орлиныхъ
Нѣтъ уже съ нами! Что воевать?

ТЛѢНІЕ и НЕТЛѢНІЕ.

(На кончину Кутузова.)

Прекрасный, лѣпый, лучезарный,
Кругомъ обтекшій витязь міръ.
Лучи метавшій жизнодарны
На понтъ, на землю, на эѳиръ,
О дивный побѣдитель мрака
Всѣхъ смертныхъ ужасовъ и страха, —
Что, солнце! видъ твой поблѣднѣлъ?
Во мглу златыя скрылись латы,
За облакъ шлемъ огневласатый,
И нѣтъ въ твоемъ ужъ тулѣ стрѣлъ!

Лѣса и холмы отдаленны
Одѣлись темной синевой;
Долины злачны, холмъ зеленый
Подернулися блѣдной мглой;
Цвѣты въ безмолвьи преклоненны
Росою плачутъ окропленны;
Сверкаютъ молніи вдали;
Ревъ слышенъ громовъ, вѣтровъ свисты.
Уже ль природы осѣнистый
Сей образъ смерти, образъ тли?

Уже ль и въ гробѣ созерцанный
Отечества спаситель, Вождь,
Герой въ блескъ лавровъ увѣнчанный —
Картина тлѣнія того жъ?
И добродѣтель просвѣщенна,
И службой честь пріобрѣтенна,
И слава, позднихъ гулъ временъ,
И уваженье Царска рода,
И благодарность отъ народа,
И память вѣчная — все тлѣнъ?

Сей плачъ, сей стонъ и воздыханье
Толь множества печальныхъ лицъ,
Прощальныхъ гимновъ отпѣванье
И возведеніе зѣницъ
Къ Творцу со пламенной мольбою,
Просящею душамъ покою
(Чрезъ что суть мертвы и живы
Въ вѣкъ, небо и земля въ сношеньѣ
Межъ собой), ужели тлѣнье?
И нѣтъ безсмертія? — Увы!

Нѣтъ! Есть благій Богъ и безсмертный,
Есть правда, и безсмертье есть.
Чрезъ промыслъ Свой Онъ неизслѣдный
Въ свой вѣчный свѣтъ возводитъ персть.
Добро отъ злобы отдѣляя,
То въ тьму, то въ солнцы помѣщая —
Всѣхъ зиждетъ Царствіе Небесъ.
Порокъ изъ праха не воспрянетъ,
А добродѣтель вѣчно станетъ
Пить свѣтъ и жизнь Творца съ очесъ.

Се тлѣнье есть въ чемъ и нетлѣнье.
Отверсты вижу небеса:
Въ лазурномъ блещетъ отдаленьѣ
Непостижимая краса!
Не тамъ ли Божеска держава,
Жизнь вѣчная, блаженство, слава?
Восторгъ объемлетъ умъ и духъ!
Зрю невечерне солнце ново!
Гармоньи тихой внемлю слово, —
Вселенна преклонила слухъ:

»Гряди, о добрый, доблій воинъ!
На вѣчно свѣтло торжество;
Ты Царства *Моего* достоинъ,
Ты чтилъ и вѣрилъ въ Божество.
Полнъ къ человѣчеству любовью,
Не славился его ты кровью;
Разилъ враговъ, въ слезахъ лілсь.
Спасавъ отечество и Вѣру,
Къ Царю блюлъ долгъ, себѣ зналъ мѣру:
Въ безсмертье внидь, Смоленскій Князь!«

НА КОНЧИНУ ГР. ОРЛОВА.

Что слышу я? Орелъ изъ стаи той высокой,

Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла,—
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,
Внезапно роковой стрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесь паренье?

Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?
Гдѣ быстрыя всезрящи очи
И грудь, отважности полна?
Все, все, сокрылъ мракъ вѣчной ночи,
Осталась слава лишь одна!

НА КОНЧИНУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ.

(И. И. Бецкаго.)

Прежде неже умреши ты, добро твори другу.... и освяти душу твою, яко нѣсть во адѣ взыскати сладости.

Сирах. гл. 14, ст. 13, 16, 17.

И ты, нашъ Несторъ долголѣтный!
Нить прервалъ нѣжныхъ чувствъ своихъ;
Сто лѣтъ прошли — и не примѣтны;
Погасло солнце дней твоихъ!
Глава сребрится сѣдинами,
И грудь хотя горитъ звѣздами,
Но протекла Невы струя:
Пресѣклась, Бецкой! жизнь твоя.

Пресѣклась жизнь, но справедлива
Хвала твоя не умерла:
Тѣхъ гробъ, тѣхъ персть краснорѣчива,
О коихъ говорятъ дѣла
Воззримъ ли зданій на громады,
На храмы Музъ, на храмъ Паллады,
На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
И камни о тебѣ гласятъ!

Но коль живые монументы,
Краснѣйши памятниковъ сихъ,
Которыхъ сгладить элементы
Не могутъ дланью силъ своихъ,
Я вижу! Вижу въ человѣкахъ,
Въ различныхъ состояньяхъ, лѣтахъ,
Ты сколько обязалъ сердецъ!
Коликихъ счастья былъ творецъ!

Тамъ зодчій зиждетъ храмъ молитвы.
Каменосѣчецъ — царскій зракъ,
Геройски живописецъ битвы
Одушевляетъ на стѣнахъ;
Тамъ жены, дѣвы благонравны,
Одежды въ даръ шьютъ домотканны
Мужьямъ и женихамъ своимъ,
И вѣрностью гордятся къ нимъ.

А тамъ, изъ праха извлеченный,
Чужую грудь младенецъ пьетъ;
Убогій, нуждами стѣсненный,
Открытую казну беретъ!
Согбенны старцы и вдовицы,
Питаясь отъ твоей десницы,
Отцемъ своимъ тебя зовутъ,
И слезы о тебѣ всѣ льютъ.

Льютъ огнь сердецъ, и ты достоинъ,
Другъ человѣковъ, жертвы сей!
Мой лирный гласъ тебѣ настроенъ,
Чтобъ доблести воздать твоей:
Да имя, столь намъ драгоцѣнно,
Пребудетъ въ вѣкъ благословенно,
И въ Россахъ да не умрешь ты. —
Еще произрастишь цвѣты,

И болѣе плоды прекрасны
Чѣмъ тѣ, ты кои самъ вкушалъ,
Когда Художества изящны
И воспитанье насаждалъ;
Чтобъ въ родъ великія картины
Петровыхъ дѣлъ, Екатерины,
Отъ мраморовъ пускали шумъ,
И двигли къ размышленью умъ!

На колесницѣ лучезарной
Когда надменный Фаэтонтъ,
Летя стезей небесъ янтарной,
На землю сыплетъ и на понтъ
Кровавы искры по аэру,
Гремитъ, трясетъ возженну сферу,
И звучнымъ буйствомъ таковымъ
Вьетъ вихремъ за собою дымъ:

Тогда мужъ мудрый, благотворный,
Кротчайшу славу возлюбя,
На трудъ полезный, благородный
Свою всю жизнь употребя,
Сиротъ, Науки лобызаетъ,
Приличнѣй жертвы посвящаетъ,
Чѣмъ горды божеству мечты:
Лучъ милости былъ, Бецкой, ты!

Кто въ браняхъ лилъ потоки крови,
Кто грады въ прахъ преобращалъ, —
Ты милосердья полнъ, любови,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ, — ты устранялся;
Кто богатѣлъ, — ты ущедрялся;
Кто расточалъ, — ты жизнь берегъ;
Кто для себя, — ты жилъ для всѣхъ.

Сіе сравненье безпристрастно
Пускай прочтетъ твой самый врагъ. —
Увидитъ зрѣлище прекрасно
Въ твоихъ преклонныхъ даже дняхъ:
Какъ огнь лампады ароматный,
Горѣлъ, погасъ, пустилъ пріятный
Вкругъ запахъ ты. Послѣдній вздохъ
И мысль твоя — щедротъ былъ Богъ.

Но коль несчастны человѣки!
Неблагодаренъ смертныхъ родъ!
То всѣ доказываютъ вѣки,
Что лишь за громомъ громъ идетъ.
Увы! когда въ предѣлахъ свѣта
Убійцъ бываетъ слава пѣта,
Тогда забытъ отецъ семействъ!
Исторія есть цѣпь злодѣйствъ.

Почій покойно, персть почтенна!
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
«О смертные! добро творите,
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ!»

УРНА.

(На кончину И. И. Шувалова.)

Сраженнаго косой Сатурна,
Кого средь воющихъ здѣсь рощъ
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну нощь?
Кому на ней чудесъ картина
Во мраморѣ изражена?
Крылатый жезлъ, котурнъ, личина,
Рѣзецъ и съ лирой кисть видна!

Надъ кѣмъ сей мавзолей священный
Вкругъ отѣняетъ кипарисъ,
И лира гласы шлетъ плачевны?
Кто? Меценатъ, иль Медицисъ
Тутъ орошается слезами?
Чьи блѣдныя лица черты
Луной блистаютъ межъ вѣтвями?
Кто зрится мнѣ? — Шуваловъ, ты!

Ахъ, ты! — Могу ль тебя оставить
Безъ благодарной пѣсни я?
Тебя ли мнѣ, тебя ль не славить?
Я твой питомецъ и — судья
О нѣтъ! — ужъ Муза возлетаетъ
Моя ко облакамъ златымъ,
Въ слѣдъ выспреннихъ Пѣвцевъ дерзаетъ
Воспѣть тебѣ надгробный гимнъ.

Смерть мужа праведна прекрасна!
Какъ умолкающій органъ,
Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
Блистаетъ, тонетъ въ океанъ:
Подобно въ неизмѣрны бездны,
Отъ міра тлѣннаго спѣша,
Летитъ сквозь миріады звѣздны
Блаженная твоя душа;

Или, какъ странникъ, путь опасный
Прошедшій межъ стремнинъ и горъ,

Змѣй слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
Позадь себя во тьмѣ, и взоръ
Отъ зубъ ихъ отвратя, взбѣгаетъ
Съ весельемъ на высокій холмъ:
Отъ міра духъ твой возлетаетъ
Такъ вѣчности въ прекрасный домъ.

Коль тѣнь и прообразованье
Небеснаго сей дольній міръ,
Съ высотъ лазурныхъ восклицанье
И сладкое согласье лиръ
Я слышу; вижу: душъ блаженныхъ
Полки встрѣчать тебя идутъ!
Въ эѳирныхъ ризахъ, позлащенныхъ,
Торжественную пѣснь поютъ:

«Гряди къ намъ, новый неба житель!
И, отрясая прахъ земной,
Войди въ нетлѣнную обитель,
И съ высоты ея святой
Воззри на долъ твой смертный, слезный,
На жизнь твою, и наконецъ
За подвиги твои полезны
Прими возмездія вѣнецъ!

«Ты бѣдныхъ былъ благотворитель,
И — вѣчныхъ насладися благъ;
Ты просвѣщенья былъ любитель,
И — Божества сіяй въ лучахъ;
Ты поощрялъ пѣть славу Россовъ,
Ты чтилъ Петра, Елисаветъ:
Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
Здѣсь славу вѣчную поетъ!

Поэзіи безсмертно пѣнье
На небесахъ и на земли;
Тотъ будетъ гробъ у всѣхъ въ почтеньѣ,
Надъ коимъ лавры расцвѣли.
Науки сѣялъ благотворной
Рукой, и возращалъ, любя.
Свѣтъ отъ лампады благовонной
Возблещетъ вѣчно чрезъ тебя.

Планета ты, что съ солнца міра
Лучи бросала на другихъ;
Ты въ славѣ не являлъ кумира;
Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ.
Картина ты, которой тѣни
Не рама въ золотѣ — хвала;
Великолѣпіе — для черни;
Для благородныхъ душъ — дѣла.

Но мраченъ, теменъ сердца свитокъ:
Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черты;
Оселокъ честности — прибытокъ:
На немъ блисталъ, какъ злато, ты.
Какъ полное мастикъ кадило;
Горя, другимъ ты запахъ далъ;
Какъ полное лучей свѣтило,
Ты дарованья озарялъ.

О сколько юношей тобою
Познанія пріяли свѣтъ!
Какою пламенной струею
Сей свѣтъ въ потомство протечетъ!
Надъ царедворцевой могилой,
Надъ вождемъ молненосныхъ грозъ,
Когда раздастся вздохъ унылой —
Сверкнетъ здѣсь искра нѣжныхъ слезъ.

Стой, урна, вѣчно невредима,
Шувалова являя видъ!
Будь лирами Піитовъ чтима:
Въ тебѣ предстатель ихъ сокрытъ.
Внуши, тверди его доброты
Сей надписью Вельможамъ въ слухъ:
«Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства Наукъ»

НА СМЕРТЬ БИБИКОВА.

Тебя ль оплакивать я долженъ,
О Бибиковъ! Какой ударъ!
Тебѣ ли кипарисны лозы
И муро я на гробъ несу?
Едва успѣлъ тобой быть знаемъ,
Лишенъ тебя я рокомъ лютымъ,
Погибъ съ печали разумъ мой!
Твои достоинства лишь вспомню,
Сердечны разверзаю раны,
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье
Отъ всей къ тебѣ твоей страны
Уже столь громки и велики,
Что время ихъ не можетъ скрыть.
У всѣхъ, кто любитъ добродѣтель,
Въ сердцахъ твой образъ будетъ вѣченъ.
Внемли! — Тамъ Музъ несется стонъ;
На щитъ облекшися Беллона,
На лаврахъ Россъ, Минерва плачутъ,
На блеклыхъ миртахъ Гименей.

Не показать мое искусство,
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И риѳмъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ,
По благодарности лишь знакъ,
Усердное мое почтенье
И воздыханій чувство нѣжно
Я здѣсь изобразить хочу:
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ,
Что, вмѣсто мавзолея вѣчна,
Я пролилъ слезы надъ тобой.

Иные чтутъ одну фортуну,
Смотря на выгоды свои,

И даръ Поэзіи священный
Приносятъ только ей одной;
Но я предъ сей царицей міра
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
А сыплю ихъ на пепелъ твой;
Желаю только, чтобъ сказали:
«Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи.»

Но чтобъ мнѣ смерть твою прехвальну,
Герой! печальнѣе воспѣть,
Оттоль я собралъ черны тѣни,
Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ.
Не лавръ исторгшихъ у Прусаковъ,
Не побѣждающи Сарматъ;
Но ставъ отечества щитомъ,
Крамолу ты разя, скончался.
О коль такой конецъ прекрасенъ!
Онъ всѣхъ другихъ славнѣй побѣдъ.

Ты, зря на предстоящихъ слезныхъ,
Рекъ: «жаль отца, жену и чадъ,
Но награждающа заслуги
Екатерина призритъ ихъ;
Отечества жалѣю больше!» —
И съ словомъ симъ сомкнулъ вздыханье;
Но твой и мертвый вскрытый взоръ
Еще показывалъ Героя,
И молніей грозилъ ехиднѣ, —
И тутъ раздался страшный гулъ!

Пустыни вретищемъ покрылись,
Весна уныла на цвѣтахъ;
Казань вострепетала въ сердцѣ;
Потухъ горящій воевъ духъ;
Спѣшатъ писать увѣщеванья:
— Мужайтесь, бодрствуйте, — вѣщаютъ.
Но тщетно!.. Нѣтъ уже тебя!
Разстроилось побѣдъ начало:
Сильнѣе разлилася язва;
Скрѣпился въ злобѣ лютый тигръ.

Тогда цѣна твоя познялась
Рыданьемъ согражданъ твоихъ,
Успѣхомъ бунта и крамолы,
Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
«Блаженъ!» — рекли Россійски Вожди —
«Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ.» —
Славнѣйшій странъ опустошитель
Ведетъ проклятье за собою:
Защитникъ — славу и любовь.

О ты, отечества ревнитель,
Ему до гроба вѣрный сынъ!
Прости, прости, что оставляю,
Воспѣть тебѣ я Россамъ гимнъ.
Они, проливъ потоки слезны,
Поставятъ въ честь того трофей,
Кого желали зрѣть Цари.
Ихъ нѣкогда потомокъ поздній
Прочтетъ на мраморной гробницѣ
Сіи нелестныя слова:

«Онъ былъ искусный Вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель Музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель Вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя.
Стой, путникъ! стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ!» —

НА СМЕРТЬ Л. А. НАРЫШКИНА.

Падущая съ небесъ рѣка!
Токъ свѣтлыхъ, безпрерывныхъ водъ!
Чья всемогущая рука,
О время! о минувшій годъ!
Твое теченье прекратила?
Какая мгла тебя сокрыла?
Гдѣ дѣлись дни, часы твои?
Гдѣ разновидныхъ дѣлъ струи?

Являло ль солнце красоту,
Блистало ль лаврами чело,
Когда побѣдъ на высоту
Всходилъ Алкидъ? — и все прошло!
Ужъ не на верхъ теперь Альпійскій
Орелъ склоняетъ свой полетъ,
Но въ долъ, подъ сосны Боровицки: —
Все вѣчности жерло пожретъ.

Что было, то не придетъ вспятъ;
Проходитъ что, то въ мигъ пройдетъ;
Что будетъ впредь, — не можно знать;
И вотъ Нарышкина ужъ нѣтъ!
Нѣтъ въ домѣ семъ храмоподобномъ,
Веселомъ, свѣтломъ, благовонномъ,
Гдѣ жизнь цвѣла, довольствъ полна;
Но плачъ, и тьма, и тишина.

Увы! вотъ тотъ зеленый дубъ,
Вкругъ коего на дернѣ тѣнь,
Цвѣты и запахъ злачныхъ купъ
Гражданъ отвсюду въ ясный день,
Какъ птицъ, сзывали для витанья;
Гдѣ игры, шутки, рѣзвость, смѣхъ
И дружества рукоплесканье
Звучало по слѣдамъ утѣхъ.

Увы! вотъ тотъ чертогъ,
Гдѣ зодчества, убранства вкусъ

Вели всѣхъ зрителей въ восторгъ,
И гдѣ подъ сладкимъ пѣньемъ Музъ
Козловскаго плѣняли звуки;
Гдѣ ты гостей, простерши руки,
Безъ всякихъ сборовъ и суетъ,
За дружескій сажалъ обѣдъ.

Увы! вотъ тотъ изящный храмъ,
Гдѣ купольный, тмозвѣздный сводъ
Осіявалъ изъ разныхъ странъ
Сбиравшійся къ тебѣ народъ;
Гдѣ ты угощевалъ Фелицу,
И Лель своихъ во плясках жертвъ
Въ цтѣточную вязалъ плѣницу,
Гдѣ ты... ахъ! ты лежишь тутъ мертвъ!

Ты мертвъ! — и все прошло? Нѣтъ живъ,
Ты живъ въ сердцахъ твоихъ друзей.
Хотя печальный гробъ, сокрывъ,
Тебя лишилъ ихъ въ жизни сей;
Но ласкъ твоихъ и угощеній
Живутъ лучи въ воображеньи,
Живешь въ слезахъ блестящихъ ихъ
Ты въ вѣкъ. — Се бисеръ чадъ твоихъ!

Придите дѣвы юны, нѣжны,
Три Грацьи, отрасли его!
И трупъ облобызавъ священный,
Оставленное отъ него
Въ приданство перло вы возьмите:
Въ немъ кладъ блаженства вамъ сокрытъ;
Гласъ добродушія внемлите;
Се дѣдъ изъ гроба говоритъ:

«Дѣла великія дивятъ,
Но зависть ихъ вокругъ шипитъ,
И добродѣтели темнятъ
Прекрасный часто страсти видъ;
Но кто ни родомъ, ни богатствомъ,
Ни знатнымъ чиномъ, а пріятствомъ
Себѣ почтенье заслужилъ,
Тотъ въ жизни и по смерти милъ,»

Такъ, смертный! зиждетъ лишь отцовъ
Благословенье, чадъ ихъ домъ;
А материхъ проклятье словъ
Преобращаетъ все вверхъ дномъ:
Не ставь слезъ сирыхъ за игрушку,
И отвори себѣ тѣмъ рай.

Проходитъ наша жизнь, какъ мигъ;
Но видны и по насъ слѣды
Дѣлъ нашихъ, добрыхъ или злыхъ,
Какъ въ морѣ за кормой бразды.
Поставимъ же себѣ предметомъ,
Чтобъ съ симъ разлука наша свѣтомъ,
Какъ прямовидность средь садовъ,
Была наполнена цвѣтовъ.

═

НА СМЕРТЬ
ГРАФИНИ РУМЯНЦЕВОЙ.

(Е. Р. Дашковой.)

—

Не безпрестанно дождь стремится
На класы съ черныхъ облаковъ,
И море не всегда струится
Отъ премѣняемыхъ вѣтровъ;
Не круглый годъ во льду спятъ воды,
Не всякій день бурь слышанъ свистъ,
И съ скучной не всегда природы
Падетъ на землю желтый листь.

Подобно и тебѣ крушиться
Не должно, Дашкова, всегда, —
Готово ль солнце въ бездну скрыться,
Иль паки утру быть чреда.
Ты жизнь свою въ тоскѣ проводишь,
По Англійскимъ твоимъ коврамъ,
Уединясь, въ смущеньи ходишь,
И волю течь даешь слезамъ.

Престань! и равнодушнымъ окомъ
Воззри на оный кипарисъ,
Который на брегу высокомъ
На Невскія струи нависъ,
И мрачной тѣни подъ ковромъ,
Во дремлющихъ своихъ вѣтвяхъ,
Сокрылъ недавно въ гробѣ новомъ
Румянцевой почтенный прахъ.

Румянцевой!—Она блистала
Умомъ, породой, красотой,
И въ старости любовь снискала
У всѣхъ любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружній взоръ, друзей, дѣтей;
Монархамъ осмерымъ служила,
Носила знаки Ихъ честей,

И зрѣла въ торжествѣ и славѣ
И въ лаврахъ сына своего;
Не измѣнялась въ сердцѣ, нравѣ,
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала все,
И какъ вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

Воззри на памятникъ сей вѣчной
Ты современницы твоей,
Въ отраду горести сердечной,
Къ спокойствію души своей,
Прочти: «Сія гробница скрыла
Затмившаго мать лунный свѣтъ.
Смерть добродѣтели щадила:
Она жила почти сто лѣтъ.»

Какъ солнце тускло ниспущаетъ
Послѣдніе свои лучи;
По небу, по водамъ блистаетъ
Румяною зарей въ ночи:
Такъ съ тихимъ вздохомъ, взоромъ яснымъ
Она оставила сей свѣтъ,
Но именемъ твоимъ прекраснымъ
Еще, еще она живетъ.

И ты, коль побѣдила страсти,
Которы трудно побѣдить;
Когда не ищешь вышшей власти
И первою въ вельможахъ быть;
Когда не мстишь, и совѣсть права,
Не алчешь злата и сребра:
Какого же, коль тѣломъ здрава,
Еще желаешь ты добра?

Одно лишь въ насъ добро прямое,
А прочее все въ свѣтѣ тлѣнъ;
Почіетъ чья душа въ покоѣ,
Поистинѣ тотъ есть блаженъ.
Престань же ты умомъ крылатымъ
По треволненію летать!
Съ убогимъ грузомъ, иль богатымъ,
Всякъ долженъ къ вѣчности пристать.

Пожди,—и сынъ твой съ страшна бою
Иль на щитѣ, иль со щитомъ,
Съ побѣдой, съ славою, съ женою,
Съ трофеями пріѣдетъ въ домъ;
И если знатности и злата
Невѣстка въ даръ не принесетъ,
Благими правами богата,
Прекрасныхъ внучатъ приведетъ.

Утѣшься,—и въ объятьи нѣжномъ
Облобызай своихъ ты чадъ;
Въ семействѣ тихомъ, безмятежномъ,
Ѳессальскій насаждая садъ,
Живи и распложай науки!
Живи и обезсмертвь себя,
Да громогласной лиры звуки
И Музы воспоютъ тебя.

Сѣдый соборъ Ареопага,
На истину смотря въ очки,
На счетъ общественнаго блага
Не рѣдко сій давалъ щелчки;
Но въ вѣкъ тотъ Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть.
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и намъ терпѣть?

Терпи!—Самсонъ сотретъ льву зубы,
А Павинъ потемнитъ луну;
Румянцевъ молньи дхнетъ сугубы,
Екатерина—тишину;
Меня жъ ничто вредить не можетъ
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ;
А я Пінтъ—и не умру.

═

ВЪ ПАМЯТЬ

ДАВЫДОВА и ХВОСТОВА.

—

Вдыхавшая Героямъ
Россійскимъ къ славѣ духъ!
Склони днесь къ струнамъ томнымъ,
О Муза! ихъ твоимъ,
И юныхъ двухъ, отважныхъ,
Сподвижниковъ оплачь,
Что сквозь стихіевъ грозныхъ
И Океанскихъ берднъ
Свирѣпыхъ и бездонныхъ,
Колумбу подражая,
Два разъ Титана въ слѣдъ
Прошли къ противоножнымъ.

Межъ горъ лазурныхъ, льдистыхъ,
Носящихся въ волнахъ,
И въ ночь, подъ влагой звѣздной,
По райнамъ, парусамъ
Блестящей, солнца тропы
Преплывъ сквозь мразъ и жаръ,
Они какъ воскрыленны
Два орлія птенца
Пущенные Зевесомъ,
Чтобъ, облетѣвъ вселенну,
Узнать ея среду,
Три удивляли свѣта.

Тамъ на летучихъ Этнахъ,
Иль въ челнахъ, морь средь нѣдръ;
Тамъ въ нарахъ, на еленяхъ,
Въ степяхъ на коняхъ, псахъ,
То всадниковъ, то пѣшихъ
Зимой средь дебръ и тундръ
Однихъ между злодѣевъ;
Ужъ ихъ погибшихъ чтутъ
Безъ пищи, безъ одежды
Въ темницахъ уморенныхъ;
Но вдругъ воскресшихъ зрятъ
Вездѣ, какъ бы безсмертныхъ.

И Финнъ и Галлъ былъ зритель
Безстрашья ихъ въ бояхъ,
Когда они сражались
За Вѣру, за Царя,
За отчество любезно;
Но благоговѣнью въ нихъ
Всякъ къ родшимъ удивлялся,
Коріолановъ зрѣвъ;
Всякъ ждалъ: насъ вновь прославятъ
Грейгъ, Чичаговъ, Синявинъ,
Крузъ, Сакенъ, Ушаковъ
Въ моряхъ великимъ духомъ.

Но мудрыхъ разсужденье,
Коль справедливо то,

Что блескъ столицъ и прелесть
Достоинствамъ прямымъ
Опаснѣй, чѣмъ пучины
И камни подъ водой:
Такъ, красны струи Невски,
Средь тихихъ вашихъ нѣдръ,
Въ насмѣшку бурямъ грознымъ
И страшнымъ океанамъ,
Пожрать не могшимъ ихъ,
Вы, вы ихъ поглотили!

Увы! въ семъ мірѣ чудномъ
Одинъ небрежный шагъ
И твердые колоссы
Преобращаетъ въ персть.
Родители! ахъ, вы,
Внуша гласъ скучной лиры,
Не рвитеся безъ мѣръ;
Но будьте, какъ прохожій,
Что на цвѣтахъ блескъ росъ
Погасшимъ зрѣлъ, — и ихъ
Въ слѣдъ запахъ обоняйте.

Жизнь наша — жизни вѣчной
Есть искра, иль струя;
Но тѣмъ она ввѣкъ длится,
Коль благовонье льетъ
За добрыми дѣлами.
О такъ! — исполнимъ долгъ,
И похвалы за гробомъ
Услышимъ коль своимъ,
Чего желать намъ больше?
Въ пыли и на престолѣ
Прославленный Герой
Главъ злыхъ вѣнчанныхъ выше.

Хвостовъ, Давыдовъ! будьте
Въ вѣкъ славными и вы.
Межъ нами ваша память,
Какъ гулъ, не пройдетъ въ мигъ.
Хоть рокомъ своенравнымъ
Вы сѣсть и не могли
На колесницу счастья;
Но вашихъ похожденій звукъ,
Духъ Куковъ и Нельсоновъ
И умъ Невтона звѣздна,
Какъ Александровъ вѣкъ,
Не позабудутъ Россы.

═

ПАМЯТЬ ДРУГУ.

(Н. А. Львову.)

—

Плакущія березы воютъ,
На черну наклоняся тѣнь;
Унылы вѣтры воздухъ роютъ;
Встаетъ туманъ по всякій день—
Надъ кѣмъ? кого сія могила,
Обросши павеликой вкругъ,
Подъ мѣдною доской сокрыла?
Кто тутъ? Не музъ ли, вкуса другъ?

Другъ мой! Увы! озлобясь, Время
Его спѣшило въ гробъ сокрыть,
Что сѣя онъ познаній сѣмя,
Мнилъ вѣки пользой пережить;
Воздвигнувъ изъ земли громады
И зодчества блестя челомъ,
Трудился, чтобъ Полнощи чады
Искусствъ покрылися вѣнцемъ.

Встань, духъ Поэзьи Русской древней,
Съ кѣмъ вторя, онъ Добрыню пѣлъ,
Межъ завтреней и межъ обѣдней,
Взмахнувъ крыла, въ свирѣль гремѣлъ, —
И лебедь солнца какъ при всходѣ,
Подъ красный вечеръ на водахъ,
Раздавшись кликами въ природѣ,
Вѣщай, тверди: тутъ Львова прахъ.

Довольны ль эхомъ симъ, Хариты,
Чтобъ персть вамъ милую найти?
Таланты рѣдки знамениты,
Вокругъ пестрѣютъ ихъ цвѣты:
Облаговоньте жъ возліяньемъ
Сердецъ вы друга своего;
Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ
Теките, Музы! въ слѣдъ его.

Но кто жъ моей гитары струны
На нѣжный будетъ тонъ спущать,
Ѳивейски молньи и перуны
Росой Тіиской упоять?
Кто памятникъ надъ мной поставитъ,
Подъ дубомъ тотъ сумрачный сводъ,
Въ которомъ могъ меня бы славить,
Играя съ громами, Эротъ?

Ужъ нѣтъ тебя! ужъ нѣтъ!—Придите
Сюда вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Гдѣ скрытъ подъ пеленою Львовъ.
Ахъ! плачьте, чада! плачьте, други!
Цѣлуй послѣдній разъ, краса!
Ужъ слезы Лизы и супруги,
Какъ пламенна горитъ роса.

═

ПОТОПЛЕНІЕ.

(На смерть Ѳ. Д. Дубенскаго.)

—

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ:

Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ;
Онъ гребетъ сквозь волнъ и тьму;
Мысль веселье воображаетъ;
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился:
Путникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ ни льсти;
Всѣ потонемъ въ безднѣ вѣчной....
Дружба и любовь, прости!

═

ПОМИНКИ.

(М. А. Львовой.)

—

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣть
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну,—смерть.
Возрыдали вкругъ Эроты,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны ноты,
Пѣли гимнъ ей, и моя
Горесть повторяла лира.
Убѣжала радость прочь;
Прелести сокрылись міра;
Тишина и черна ночь
Скутали мой домъ въ запоны;
Отъ земли и отъ небесъ
Слышны эха только стоны;
Плачемъ мы,—и плачетъ лѣсъ;
Воемъ мы,—и воютъ горы.
Плачъ сей былъ бы безъ конца,
Если бъ алый лучъ Авроры,
Богъ, что свѣтитъ Музъ въ сердца,
Не предсталъ, и мнѣ сіяньемъ
Не вліялъ утѣхи въ грудь.
«Помяни,»—рекъ:—«возліяньемъ
Доблесть, и покоенъ будь.»
Взялъ я урну, и росами
Чистыми, будто кристаллъ,
Полну наточилъ слезами;
Гробъ обливъ, поцѣловалъ,—
И изъ праха возникаютъ
Се три розы, сплетшись въ кустъ,
Веселятъ, благоухаютъ,
Разгоняютъ мрачну грусть.

═

РАЗВАЛИНЫ.

(Царское Село.)

—

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ:
Столпы, подзоры, пирамиды
И куполъ золотомъ сіялъ.
Вотъ здѣсь, дубами осѣненна,
Рѣзная дверь въ него была,
Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Во внутрь святилища вела.
Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой олтари,
Сбирались на молитву міры,
И били ей челомъ Цари,
Вотъ тутъ была уединенной
Поутру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣть вселенной,
И какъ сердца плѣнить людей.
Тутъ поставлялася трапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ, и сонмъ жрецовъ;
Богатство разливалось Креза,
Сребро и злато средь столовъ;
Тутъ арфы звучныя гремѣли,
И повторялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо тутъ Сирены пѣли,
И гласовъ сладостью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали;
Тутъ нектаръ изъ сосудовъ билъ,
Курильницы благоухали,
Зной лѣтній провѣвалъ Зефиръ;
А тутъ крылатые служили
Полки прекрасныхъ, мѣткихъ слугъ,
И отъ богининой носили
Руки амврозію вокругъ.
Она, тутъ сидя, обращалась,
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца,
Возставши, тихо поклонялась,
Блистая щедростью лица.
Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты,
Покоилась прохладъ въ тѣни;
А тутъ Амуры и Эроты
Уединялись съ ней одни.
Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ куниъ цвѣтовъ;
Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ;
Здѣсь былъ театръ, а тутъ качели,

Тутъ Азіатскихъ домикъ нѣгъ;
Тутъ, на Парнассѣ, Музы пѣли;
Тутъ звѣри жили для утѣхъ;
Здѣсь въ разны игры забавлялась,
А тутъ прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ,
Подъ вечеръ красный собиралась
Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ;
Ходила по лугамъ, долинамъ,
По мягкой муравѣ, близъ водъ,
По желтымъ среди розъ тропинамъ;
А тутъ, затѣя хороводъ,
Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ
Играть, плясать между собой
По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
Вдали музыки роговой.
Они, кружась, рѣзвясь, летали,
Шумѣли, говорили вздоръ;
Въ зерцалѣ водъ себя казали,
Всѣмъ тѣшили богининъ взоръ;
А тутъ, оставя хороводы,
Верхомъ скакали на конькахъ;
Иль въ лодкахъ разсѣкая воды,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.
Киприда тутъ средь миртъ сидѣла,
Смѣялась, глядя на дѣтей;
На восклицающихъ смотрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей,
Иль на станицу сребробокихъ
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
Или на пестрыхъ, красноокихъ
Ходящихъ рыбъ среди прудовъ,
Иль на собачекъ, ей любимыхъ,
Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
Другъ другомъ съ лаяньемъ гонимыхъ,
Мелькающихъ между лѣскомъ.
А здѣсь, исполнясь важна вида,
На памятникъ своихъ побѣдъ
Она смотрѣла на Алкида,
Какъ гидру палицей онъ бьетъ;
Какъ прочіе ея Герои,
По манію ея очесъ,
Въ ужасные вступали бои,
И тмы подѣлали чудесъ;
Приступомъ грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, Царства покоряли,
И въ плѣнъ водили къ ней Царей.
Здѣсь въ внутренни она чертоги
По лѣстницѣ отлогой шла,
Куда гостить ходили боги,
И гдѣ она всегда стрегла
Тотъ поясъ, въ небѣ ей истканный,
На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
Тотъ хитрый Геній, изваянный,
Который счастье ей дарилъ,
Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
Трофеи мира и войны,
Здоровье, радости и смѣхи
И легкіе пріятны сны.
Въ семъ теремѣ, Олимпу равномъ,
Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ,
Художествомъ различнымъ славномъ,
Горѣли ночью тучи звѣздъ,
Красу богини умножали,
И такъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
Ее, какъ солнце, представляли.....

Но здѣсь ея ужъ нынѣ нѣтъ:
Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ;
Все тьмой покрылось, запустѣло;
Все въ прахъ упало, помертвѣло;
Отъ ужаса вся стынетъ кровь: —
Лишь плачетъ сирая Любовь.

СКАЗКИ.

ЖИЛИЩЕ БОГИНИ ФРИГГИ (*).

(ХОРЪ).

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

(ПѢВЕЦЪ).

Брагге, (*) духъ Поэзіи незримый,
Скальда (**), за руку схватя, повелъ
Чрезъ дремучій лѣсъ, непроходимый,
Въ хладны тундры (***), Сѣвера въ предѣлъ.
Сосны вкругъ его стояли снѣжны;
Висли вѣтви и листы предъ нимъ;
Заграждали стези, виды смежны,
И онъ небомъ видѣнъ былъ однимъ.
Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —

(*) Фриггія, Скандинавская богиня премудрости, Царица неба и матерь всѣхъ боговъ.

(*) Брагге, Геній Поэтовъ, или Аполлонъ.
(**) Скальдъ, Поэтъ.
(***) Тундры, трясины, или зыбучія болота.

Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Брагге Скальда мчалъ сквозь дебри темны:
Въ ужасѣ безъ чуствъ Скальдъ трепеталъ,
Вои слыша волчьи, врановъ, стоны,
И зря древъ съ вершинъ какъ огнь сверкалъ
Въ взорахъ синихъ рысей, пестроблѣдныхъ,
Злящихся втаі на него напасть,
И медвѣдей изъ берлоговъ земныхъ
Разѣвавшихъ въявь кровавую пасть.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ, —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Но коль паче Скальдъ тѣмъ устрашился,
Что бывъ вихремъ въ облакѣ несенъ;
Въ мигъ изъ лѣса въ замкѣ очутился,
Башнями, стѣнами окруженъ,
Гдѣ, чугунными драконы ртами
Огнь и громъ бросая, воздухъ жгли,
Скрежеталъ морозъ, стуча зубами,
И пустынный градъ сей стерегли.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Ужъ не въ станѣ ль древнихъ Скандинавовъ,
Въ области Варяговъ, — думалъ Скальдъ, —
Бранныхъ средь племенъ Свиоо-Славяновъ,
Гдѣ, о Скада! (*) высился твой градъ,
И твои молніеносны руки
Всей землѣ отколь бросали брань,
Рюрику сбирали славы звуки,
Кости царствъ и кровь Одину (**) въ дань.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Идетъ въ темные Пѣвецъ проходы
Сквозь кругловерхихъ вратъ, межъ столповъ
Подъ гранитны, мшисты, древни своды,
За скрыпучихъ ста дверей, замковъ!
За желѣзныя рѣшетки ржавы,
Дня гдѣ свѣтъ, ни солнца не блеститъ. —
»Ахъ! не Локке ль (***) подъ землей кровавый
Здѣсь свое оружіе хранитъ?«

Боги любятъ добродѣтель
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

(*) *Скада, богиня вреда, молніи и грома.*

(**) *Одинъ, главный богъ Скандинавовъ (Юпитеръ).*

(***) *Локке, богъ ада, или Плутонъ.*

»Не Тевтоновъ ли тамъ зрятся гряды
По стѣнамъ мечей, щитовъ, кольчугъ,
Ратоборны страшные наряды
Потрясающіе умъ и духъ?« —
Возстаютъ ужъ быстрые Полканы,
Пѣши въ бубны рыцари стучатъ,
Копьями, сѣкирами въ грудь раны
Дать ему, главу срубить грозятъ! . . .

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Скальдъ упалъ полмертвымъ; но незапно
Въ мрачный взоръ его проникнулъ лучъ:
Возвратился духъ его обратно.
Онъ взглянулъ, и межъ полночныхъ тучъ
Зрѣлъ сіянье неизреченно
Неисчетныхъ тысящей лампадъ. —
»Зришь ли Царство« — Брагге рекъ — »священно
Доблестей священныхъ вертоградъ?

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель
За терпѣніе наградъ.

»Травы, купины, древа пахучи,
И зимою здѣсь цвѣты цвѣтутъ;
Птицы райски день и ночь поющи,
Тоны мусикійски слухъ влекутъ
Къ чувствамъ кроткимъ, тихимъ, безмятежнымъ
Витязей младыхъ и юныхъ дѣвъ,
Къ подвигамъ клоня ихъ славнымъ, нѣжнымъ.
Здѣсь витаютъ съ агнцемъ въ купѣ левъ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

»Подъ небесъ здѣсь вкругъ саффирнымъ сводомъ
Горы, зрѣлища, сады видны;
Сельски дѣвы часто хороводомъ
Съ Валками (*) златы проводятъ дни,
Важность съединяя съ утѣшеньемъ;
Словомъ: здѣсь всѣ счастливо живутъ, —
И цвѣты, какъ солнца свѣтлымъ зрѣньемъ,
Фриггіей, животворясь, растутъ.«

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

— »Кто жъ та Фригге? гдѣ ея владѣнье,
Брагге?« Скальдъ спросилъ. — »Здѣсь она живетъ

(*) *Валки, Музы.*

Мудрость царствуетъ въ уединеньѣ,
Образуетъ душъ изящныхъ въ свѣтѣ,»
Такъ, во старца превратясь, съ смиреньемъ,
Скальду Стихотворства богъ сказалъ:
«Чрезъ путь трудный опытомъ, терпѣньемъ
Входятъ только смертные въ Валкалъ.» (*)

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

НОВОГОРОДСКІЙ ВОЛХВЪ ЗЛОГОРЪ (**).

ХОРЪ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ поздным въ удивленья,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тьмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

СКАЛЬДЪ.

Внемлите! Съ южныя отчизны
Оденъ пришелъ на край нощной.
Съ нимъ Велесъ, Волхвъ Злогоръ, и тризны
Вѣкъ въ память сдѣлавшись рѣкой,
Сталъ Волховомъ съ временъ тѣхъ зваться,
Могильны холмы омывать,
Сребристымъ зміемъ изгибаться,
Вкругъ враномъ и сычемъ летать.

Такъ онъ, изверженецъ изъ ада,
Всѣхъ козней демонскихъ соборъ,
Славяновъ сынъ, Славяна града
Колдунъ, слѣпившій черни взоръ
Очарованьями, мечтами,
Во громы, въ молньи, въ вихри, въ дождь
Преображавшійся, часами,
Былъ крокодилъ, волхвъ, князь, жрецъ, вождь.

Онъ невѣгласовъ вмѣсто Бога
Принудилъ силой, страхомъ чтить
Кумиръ Перуна Чернорога,
И кровь ему съ мольбой ихъ лить.
Но жертвъ ему не приносившихъ,
Самъ и чрезъ чадъ своихъ губилъ:
Невой, Ильменемъ, Мшагой плывшихъ (*)
Шелонью, Ладогомъ топилъ.

ХОРЪ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ поздным въ удивленья,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тьмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

СКАЛЬДЪ.

Злогора душу взяли черти;
Но слухъ такъ страшенъ былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти,
Въ гробъ положивши ницъ лицемъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вреденъ былъ тиранъ;
Осиновъ колъ ему вбивъ съ тылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.

Но онъ и по своей кончинѣ
Творилъ премножество проказъ,
Какъ переносится донынѣ
О немъ старухъ и бабъ разсказъ:
Плелъ басни, смуты, сѣялъ шашни,
Былъ женъ Посадничьихъ дружокъ,
Леталъ въ повалуши ихъ, въ башни,
И внизъ и вверхъ, какъ голубокъ.

Въ куту кикиморой незримой
Сидѣлъ онъ часто на печи;
Весь ужинъ, къ вечеру хранимой,
Съѣдалъ, зубами скрипучи;
А по ночамъ, къ хозяйску диву,
Скакалъ на клячахъ по сту верстъ;
Коню жъ любимому плелъ гриву
И какъ трубу волнистый хвостъ.

ХОРЪ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ лѣнивомъ
Возсядь, — и въ гулѣ горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ поздным въ удивленья,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тьмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

СКАЛЬДЪ.

Вадима въ бунтъ на Гостомысла,
Всю чернь сей поджигалъ Злогоръ,
Вперяя противъ здрава смысла
Въ Варяговъ и въ Славянъ раздоръ;

(*) Валкъ, чертогъ блаженствъ, или рай храбрыхъ.

(**) Взято изъ Новгороскаго баснословія.

(*) Рѣки и озеро Новгородской губерніи.

Онъ тожъ не допущалъ Добрыню
Новогорцдоевъ окрестить,
На холмахъ водружать святыню
И идоловъ въ рѣкахъ топить:

Противился и Ярославу
Въ суды онъ Правду Руску ввесть,
И бабу злу, ягу лукаву,
Посадницу всѣмъ Марѳу въ честь
На колымагѣ вскачь съ желѣзнымъ
Пестомъ велѣлъ возить на Вѣчь;
На Хутынѣ жъ огнемъ подземнымъ
Царя бѣгъ Грознаго сожечь.

И днесь на Званкѣ онъ проказитъ,
Тмы ночью дѣлая чудесъ:
Златой луной на Волховъ слазитъ,
Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсъ,
И лоснясь съ колкунами длинной
Какъ снѣгъ брадой, склонясь челомъ,
Дрожитъ въ струяхъ, иль въ холмъ могильной
Залегшій въ мракъ храпитъ какъ громъ.

=

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

—

Царь жила была Дѣвица,
— Шепчетъ Русска старина —
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна;

Очи свѣтлы, голубыя;
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной;

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эѳиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася любовь.

Родилась она въ сорочкѣ,
Самой счастливой порой,
Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.

Кочетъ хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
«Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.»

Маковка злата церковна
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно —
Съ страхомъ чтить ее, дивясь;
Къ ней прійти необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли
И великіе Цари:
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри;

И Полканы всюду чудны
Домъ стрегли ея и тронъ;
Съ колоколень самогудный
Слышался и ночью звонъ;

Теремъ былъ ея украшенъ
Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ;
Отливались блески съ башенъ
Во осьми ея моряхъ;

Въ рощахъ злачныхъ, въ лукоморьѣ
Въявъ гуляла и въ саду,
Лѣтомъ въ лодочкѣ на взморьѣ,
На саняхъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился,
Чувъ Дѣвицу ѣздока;
Полкъ за нею Нимфъ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ
Страсть была ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ,
И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мѣшали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали,
Чтобъ ее лишь обвѣвать.

И по вѣткамъ птички райски,
Скакивалъ заморскій котъ,
Пѣли соловьи Китайски
И жужукалъ водометъ.

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смѣли чуть дышать,
И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допущать.

Съ ними такъ она вѣщала,
Какъ изъ облакъ Божество;
Лежа, Царствомъ управляла,
Ихъ журя за шаловство.

Иногда же и тазала
Не однимъ ужъ язычкомъ:
Если больно разсерчала,
То по кудрямъ башмачкомъ.

Всѣ они Царя-Дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня;
Крыли, прятали ихъ лицы
Отъ малѣйшаго пятна,

И безъ памяти любили,
Что безхитростна была;
Ей неправдъ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ;
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всѣмъ въ раздольѣ:
Плавали, какъ въ маслѣ сыръ;
Ѣздила на богомолье, —
Божествомъ ее всякъ чтилъ.

Всѣ поля ея златились
И шумѣли подъ серпомъ,
Тучныя стада водились,
Горы капали сребромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.

Стиходѣи ту жъ бряцали
И на гусляхъ милу ложь;
Въ царствахъ инишихъ повторяли
О Царѣ-Дѣвицѣ тожъ.

И отъ этого-то грому
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаньи пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя,
Вымышляли, какъ хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной дары ей шлетъ,
Подъ ковромъ на Хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самосвѣтъ;

Тотъ Эдемскаго индея,
Гребень — звѣздъ на немъ наростъ,
Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный — зобъ и хвостъ;

Колпицъ алы черевички
Несъ — съ бандорой тотъ плясать;
Горлицъ нѣжныя яички, —
Нѣжно пѣть и воздыхать.

Но она имъ не склонялась;
Набожна была чрезчуръ:
Только въ шуткахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь

Иль велѣла имъ трудиться:
Яблокъ райскихъ ей искать,
Хохликъ солнцевъ, чтобъ свѣтиться,
Въ тьмѣ вѣкъ младостью блистать.

Но они понадорвали
Свой животъ, и стали въ пень;
Что искали, — не сыскали,
И исчезли будто тѣнь.

Тутъ откуда ни явился
Царь, Царевичъ, или Круль;
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ;

По бедру коня хлесть заднюю,
И въ тотъ мигъ невидимъ сталъ, —
Шасть къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню
И ее поцѣловалъ.

Хоронилася платочкомъ
И ворчала хоть въ сердцахъ;
Но какъ въ слѣдъ его окошкомъ
Хлопнула, — вскричала: ахъ!

Конь къ тому жъ въ пути обратномъ
Тронулъ сѣть садовыхъ струнъ:
Градъ познаъ въ семъ звукѣ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ.

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ,
Ревъ завылъ и по церквамъ.

Кличъ прокликали въ столицѣ,
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-Дѣвицѣ,
И, служа ей, мстить за честь.

Заскрипѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣтъ;
Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя,
И булатъ и сталь острятъ;
Старые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой летятъ;

И свирѣпы кони въ стойлахъ
Топаютъ, хрипятъ и ржутъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымаютъ, пѣну льютъ;

Въ слухъ пищали стѣно-бойны,
Растворя чугунны рты:
Воютъ въ часъ полночный, сонный,
Чтобъ скорѣй въ походъ итти.

Идетъ въ шкурахъ рать звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ кистенемъ;
Въ перьяхъ птичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ течетъ чрезъ холмъ;

Занимаетъ степи, луги
И насадами моря,
И кричитъ: «Помрем-те, други,
За дѣвицу и Царя!

«Не плѣнила златомъ, сбойствомъ
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройствомъ,
Здравымъ и простымъ умомъ.»

И такъ сими Вождь рѣчами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что поднявъ бугры плечами,
Растрепали Круля въ пухъ;

И еще въ его бы царствѣ
Только разъ одинъ шагнуть,
Свѣта бъ не было въ пространствѣ,
Чѣмъ его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;
Онъ дрожалъ ея перуна
И въ своемъ ужъ чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-Дѣвицы
Нѣжный нравъ довольно зналъ;
Сталъ пастухъ — и гласъ цѣвницы
Часто ей своей внушалъ.

«Виноватъ,» пѣлъ: «предъ тобою,
Что прекрасна ты, мила.
Сердце тронь мое рукою.»
— «Сядь со мной!» она рекла. . . .

Такъ и всѣ красотки славны
Дерзостей не могутъ несть;
Всѣ бываютъ своенравны,
Любятъ жены, дѣвы честь.

ЛУЧЪ.

Князь-Громъ имѣлъ Умилу,
Прекрасну, нѣжну дочь:
Очей прелестныхъ силу
Кто зрѣлъ, тлѣлъ день и ночь.
У этого жъ Князь-Грома
Былъ щитоносецъ, Лучъ:
Съ геройствомъ грудь знакома
Не ужасалась тучъ;
Ко Князю онъ услуженъ,
Въ опасностяхъ съ нимъ былъ,
И Князь, ему тожъ друженъ,
Его за сына чтилъ.

Сосѣдъ тогда Княжною
Плѣнился Вѣтеръ-Ханъ,
Съ влюбленною душою
Простеръ ко браку длань.
Нужна была Князь-Грому
Сосѣда Вѣтра мочь:
Любовнику такому
И обѣщалъ онъ дочь.
Нельзя было тутъ силѣ
Противиться никакъ:
Пришло сказать Умилѣ,
Хоть не по сердцу, — такъ!

Души волненья страстной
Не могъ тутъ Лучъ сносить;
За сердце онъ прекрасной
Умилы хочетъ мстить.
Но въ рыцари какъ небомъ
Онъ не былъ посвященъ.
Сражаться Вѣтра съ ревомъ
Природой не рожденъ:
То, чтобъ отцу любезной
Ничѣмъ не согрубить,
Рѣшился огнь свой нѣжной
Въ туманахъ, въ мракахъ скрыть.

РОЖДЕНІЕ КРАСОТЫ.

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ по лицамъ огнь,
Благовоній мгла летала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
Раздавались пѣсень хоры
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ,
И увидя царства, грады,
Что погибли отъ боевъ;
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ;
Распалился столько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей.
Въ мигъ сокрылся блескъ лазуря:
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его, и буря
Воспумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны, будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;

Въ растворенны безднъ утробы
Тартаръ искры извергалъ;
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянулъ громъ, —
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, знать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щеки и уста,
Небо въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь, — и Красота
Въ мигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась,
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя табуномъ,
На свои ее взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись;
И летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ;
Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.
Боги, молча, удивлялись,
На красу разинувъ ротъ,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани — отъ красотъ.

ПТИЦЕЛОВЪ.

—

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
Казаться, гуню вздѣлъ худую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ;
Пошелъ въ лѣсу ловить дичину,
И тамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣсть, какъ паутину:
А нужно гдѣ, то и златой
Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы,
Чтобы приманкою такой
Скорѣе побуждались птицы
Слетаться въ потаенну сѣть.
Лишь столъ увидѣли богатый,
Не позамедлили летѣть
Къ нему различныя пернаты,
И носиками ну клевать,
Ну зоблить зерна золотыя, —
А тутъ же въ сѣти попадать
И путаться, какъ бы слѣпыя.
Эротъ, смѣкнувъ, что у одной
Голубки хвостикъ увязился
Во ячею и съ головой,
Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился,
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,
И въ сердце вмигъ ея вонзился:
Ручьемъ кровь ала потекла.
Ахъ! не клевать было пшеницы
Вамъ бѣднымъ пташкамъ золотой!
Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впредь и бородѣ сѣдой.

ПОЭТИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

ЛАСТОЧКА.

—

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, косаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ, сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся,, плывешь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;

Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной,
Тамъ мошки толкутся столпомъ;
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ. —
Всю прелесть ты видишь Природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приходъ,
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна; —
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встанешь, откроешь зѣницы —
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сія? —
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я;
Возстану — и въ безднѣ эѳира
Увижу ль тебя я, Плѣнира?

═

СОЛОВЕЙ.

—

На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
При блескѣ свѣтлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой Майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По вѣтрамъ легкимъ, благовоннымъ,
То свистъ его, то звонъ летитъ;
То шумомъ заглушаемъ воднымъ,
Вздыханьемъ сладостнымъ томитъ.

Пѣвецъ весеннихъ дней пернатый,
Любви, свободы и утѣхъ.!
Твой гласъ отрывный, перекаты
Отъ грома къ нѣжности, отъ нѣгъ
Ко плескамъ, трескамъ и перунамъ,
Средь позднихъ, раннихъ красныхъ зарь;
Раздавшись неба по лазурямъ,
Въ безмолвіе приводятъ тварь.

Молчитъ пустыня, изумленна,
И ловитъ громъ твой жадный слухъ;
На крыльяхъ эха раздробленна
Плѣняетъ пѣснь твоя всѣхъ духъ.

Тобой цвѣтущій долъ смѣется,
Дремучій лѣсъ пускаетъ гулъ,
Рѣка бѣгущая чуть льется,
Стоящій холмъ чело нагнулъ,

И, свѣсясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель,
Напѣвъ твой яркій, голосистой
И разсыпную, звонку трель,
Какъ очарованна, внимаетъ.
Не смѣетъ двинуться луна,
И свѣтъ свой слабо испускаетъ:
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
Въ созвучномъ пѣніи твоемъ,
Стремительность, пріятность, каткость
Между колѣнъ и перемѣнъ!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь въ голосахъ;
Въ забвенье души ты приводишь,
И отзываешься въ сердцахъ.

О если бы одну Природу
Съ тобою взялъ я въ образецъ,
Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу:
Какой бы славный былъ пѣвецъ!
Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
И чувства были, вмѣсто словъ;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармонія моихъ стиховъ.

Тогда бъ, подобно Тимотею,
Въ шатрѣ Персидскомъ я возлёгъ,
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать могъ:
То, вспламеня любовной страстью,
Къ Таисѣ бы его склонялъ;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручалъ.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву возсѣлъ,
И арфы съ тихими струнами
Пріятность сельской жизни пѣлъ;
Тогда бы Нимфа мнѣ внимала,
Боясь въ зерцало водъ взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ея высока, нѣжна грудь;

Иль храбрыхъ Россіянъ дѣлами
Плѣнясь бы, духомъ возлеталъ,
Героевъ полкъ надъ облаками
Въ сіяньѣ звѣздъ я созерцалъ
О коль бы ихъ воспѣлъ я сладко,
Гремя поэзіей моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Какъ ты, о дивный соловей!

═

ПАВЛИНЪ.

—

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждаго концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонитъ — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горятъ!

Не то ли славный Царь пернатый?
Не то ли райска птица Жаръ,
Которой столь уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье тварь?
Гдѣ ступитъ — радуги играютъ!
Гдѣ станетъ — тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ;
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ;
А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ. —
О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

=

ПѢНОЧКА.

—

Пѣночка! какъ ты проснешься,
Вспрянешь, взглянешь, встрепенешься,
Носикъ, шейку оботрешь:
Про кого ты запоешь?

Запоешь про солнце красно,
Запоешь ты про зарю,
И какъ вѣрно, нѣжно, страстно
Мной ты, я тобой горю.

Пой, созданіе любезно!
Какъ взаимно страстью нѣжно
Млѣетъ сердце, чувства, кровь,
Какъ сладка, сладка любовь!

Какъ отрадно утѣшенье,
Съ тѣмъ, кто милъ, всечасно быть;
Какъ пріятно восхищенье
Быть любиму и любить!

=

ЧЕЧОТКА.

—

На розу сѣвъ, уснула
Чечотка подъ цвѣткомъ;
Едва заря сверкнула
Румянымъ огонькомъ,
Проснулась, встрепенулась:
Жемчужинки лежатъ,
Скорлупка развернулась:
Вкругъ желты крошки спятъ,
Глядятъ и ожидаютъ
Капль сребряной росы,
Что имъ съ листковъ стекаютъ,
Какъ солнечны красы.
Самецъ, прижмясь у вѣтки,
Тихохонько глядитъ.
«Ты милъ, а больше дѣтки,»
Чечотка говоритъ:
«Лети и попекися
Сыскать имъ червячковъ.»
Съ тѣхъ поръ, покой, простися!
Онъ рѣдко межъ цвѣтовъ.

=

РАДУГА.

—

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса!
Въ сумрачномъ облакѣ тамъ,
Видишь, какая изъ лентъ полоса,
Огненна ткань блещетъ очамъ,
Склонясь надъ твоею главою
Дугою!

Пурпуръ, лазурь, злато, багрянецъ,
Съ зеленью тѣнь, сліясь съ серебромъ,
Чудный, отливный, блещущій глянецъ
Сыплютъ вокругъ, тихимъ лучемъ
Зѣницъ къ утѣшенью сіяютъ,
Плѣняютъ!

Гдѣ красота, блескъ разноцвѣтныхъ
Камней драгихъ, свѣтлость порфиръ,
Прелести красокъ яркихъ, несмѣтныхъ,
Чѣмъ завсегда славится міръ,
Чѣмъ могутъ Монархи хвалиться, —
Свѣтиться?

О Апеллесъ! взявши орудье,
Кисти свои, — дерзкой рукой
Съ разныхъ цвѣтовъ вмигъ полукружье
Сдѣлай, составь твердой чертой, —
Составь, и сзови зрѣть Аѳины
Картины.

Нѣтъ, Изографъ! Хоть превосходишь
Всѣхъ мастерствомъ дивнымъ твоимъ;
Вижу, что средствъ ты не находишь
Съ Мастеромъ въ томъ спорить такимъ,
Чей взглядъ все одинъ образуетъ, —
Рисуетъ.

Только одно солнце лучами
Въ капляхъ дождя, въ долъ отразясь,
Можетъ писать сими цвѣтами
Въ мракѣ и мглѣ, вѣчно свѣтясь.
Умѣй подражать ты Ему:
Лей свѣтъ въ тьму.

Зри, какъ оно лишь отвращаетъ
Свѣтлый свой взоръ съ облака вспять, —
Живость цвѣтовъ вмигъ исчезаетъ,
Краски картинъ тмятся опять:
Бѣги ты такого труда
Отъ стыда.

Можетъ ли кто въ свѣтѣ небесномъ
Чтиться равно солнцу тому,
Въ сердцѣ моемъ мрачномъ, тѣлесномъ,
Что озаривъ тяжкую тьму,
Творитъ его радугой мира?
Пой лира! —

Бога воспой, — смѣлымъ пареньемъ
Чистаго внутрь сердца взноси
Духъ мой къ Нему, утреннимъ пѣньемъ,
Чтобы Творецъ, внявъ съ небеси,
Вліялъ чувствъ моихъ въ глубину
Тишину.

Свѣтлая чтобъ радуга мира,
Въ небѣ явясь въ цвѣтѣ зарей,
Стала въ залогъ тихихъ дней міра,
Къ счастію всѣхъ Царствъ и Царей.
Онъ всѣхъ ихъ одинъ просвѣтитъ,
Примиритъ.

═

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА.

—

Какъ свѣтятся блески
На розѣ росы:
Такъ милы усмѣшки
Невинной красы.
Младенческій образъ
Видъ въ каплѣ зари.

А быстро журчащій
Межъ розъ и лилей,
Какъ перломъ блестящій
По лугу ручей:
Такъ юности утро,
Играя, течетъ.

Рѣка жъ, или взморье
Полдневной порой
Какъ въ долъ, иль на взгорье
Несется волной:
Такъ мужество бурно
Страстями блеститъ.

Но озеро сткляно,
Утихнувъ отъ бурь,
Какъ тихо и важно
Чуть кажетъ лазурь:
Такъ старость подъ вечеръ
Стоитъ на клюкѣ.

Сколь счастливъ, кто въ жизни
Всѣ возрасты вёлъ,
Страшась укоризны,
Внутрь совѣсти золъ!
На западъ свой ясный
Онъ весело зритъ.

═

ВЕСНА.

—

Таетъ зима дыханьемъ Фавона,
Взгляда бѣжитъ прекрасной Весны;
Мчится Нева къ Бельту на лоно;
Съ брега суда спущены.

Снѣгомъ лѣса не блещутъ, ни горы;
Стогновъ согрѣть не пышетъ огонь;
Ломятъ стада, играя, затворы;
Рыща, ржетъ на полѣ конь.

Нимфы въ лугу, подъ луннымъ сіяньемъ,
Ставъ въ хороводъ, вечерней зарёй,
Въ пѣсняхъ поютъ весну съ восклицаньемъ;
Пляшутъ, топочутъ стопой.

Солнце лучемъ лиловымъ на взморье
Броситъ какъ огнь, Петрополь вкушать
Свѣжій зефиръ валитъ въ лукоморье:
Ѣдешь и ты тамъ гулять.

Ѣдешь, — и зришь злакъ, небо, лѣсъ, воды,
Милу жену, вкругъ рощу сыновъ;
Прелесть всю зришь съ собой ты Природы,
Счастливъ симъ, счастливъ ты, Л.... !

Что жъ ты стоишь, такъ мало утѣшенъ?
Плюнь на твоихъ лихихъ сопостатъ!
Если прибытокъ оный безгрѣшенъ,
Ревель что далъ и Кронштадтъ:

Выкати дай, ты дай непремѣнно
Бочку скорѣй намъ устрицъ на столъ;
Портеръ, вино, что искрами пѣнно,
Каплетъ что златомъ, какъ смоль;

Въ толстомъ стеклѣ что выжимки силы,
Въ сверткахъ травы, что слаще сота;
Сокъ намъ подай, что молнiей въ жилы,
Быстро летитъ въ уста!

Выставь намъ все. — Такъ, время прiятно:
Должно твоихъ друзей угощать.
Дышутъ пока сады ароматно,
Розы спѣши собирать.

Видишь, мой другъ, и самъ ты вседневно,
Мигъ что одинъ не сходенъ съ другимъ;
Въ мiрѣ земномъ все, видишь, премѣнно:
Гладкiй понтъ часто холмимъ.

Самый твой торгъ — имперiй цвѣтъ, слава,
Первый къ вреду, растлѣнiю шагъ;
Блага лишь суть: здоровье, забава,
Честность; все прочее прахъ.

ЛѢТО.

Знойное Лѣто весна увѣнчала
Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцемъ;
Липова роща, какъ жаръ, возблистала
Вкругъ меда листомъ.

Желтые грозды, сквозь листъ продираясь,
Запахомъ, рдянцемъ Нимфъ сельскихъ манятъ;
Травы и нивы, косой озаряясь,
Какъ волны шумятъ.

Стклянныя рѣки лучемъ полудневнымъ
Жидкому злату подобно текутъ;
Кравы и овцы, съ млекомъ накопленнымъ,
Подъ кущи бѣгутъ.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, подъ хврастомъ сидятъ;
Тучная роскошь въ тѣни сокъ прохладный
Пьетъ, ищетъ отрадъ.

Видишь ли, Дмитрiевъ! всего изобилье?
Самое благо быть можетъ намъ зломъ;
Счастье и нѣга разума крылья
Сплошь давятъ ярмомъ.

Въ домѣ живъ лѣтомъ, въ раю ты небесномъ,
Въ славномъ помѣстьѣ Сызранскомъ съ отцемъ,
Мышлю, лѣнишься пѣть въ хорѣ прелестномъ,
Цвѣсть Музъ подъ вѣнцемъ.

ОСЕНЬ.

На скирдахъ молодыхъ сидючи Осень,
И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносенъ,
Съ улыбкой свои всѣмъ дары даетъ,
Пестротой по лѣсамъ живо цвѣтетъ,
Взоръ мой дивитъ!

Разныхъ птицъ голоса, вьющихся тучи,
Шумъ споповъ, бѣгъ телѣгъ, оси скрыпучи,
Стукъ цѣповъ по токамъ, въ рощахъ лай псовъ,
Жницъ съ знаменъ идущихъ гулъ голосовъ
Слухъ мой плѣнитъ.

Какъ милъ сей Природы радостный образъ!
Какъ тварей довольныхъ сладостенъ возгласъ!
Гдѣ Осень обилье рукою ведетъ;
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даетъ
Общiй Отецъ.

Но что же вдругъ, Я. . . . ! черныя бури,
Грохоча такъ, кроютъ неба лазури?
Здѣсь тихiй токъ съ ревомъ роетъ волна,
Тамъ въ блѣдныхъ туманахъ ржетъ намъ война:
Благъ ли Творецъ?

Ахъ! благъ всѣхъ Зиждитель, я слышу, ты рекъ:
«Невѣжда продерзкiй лишь ты, человѣкъ,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Самъ часто своихъ ты ищешь сѣтей:
Хранитъ только Богъ.»

О! правда то, правда!—Смиримъ же предъ Нимъ
Нашъ глупый мы ропотъ, и волю дадимъ
Всемощной десницѣ солнце водить;
Бѣгъ мiра превратна станемъ сносить,
Чтящи свой рокъ.

Такъ если съ Урала златые ключи
Въ Царскiй лилъ кладязь, ихъ самъ не пьючи,
Я дни мнилъ Астреи, миръ и покой
Ввесть распрей въ вертепъ,—и съ чистой душой
Благъ всѣмъ желалъ;

Но то коль не надо, — оставимъ судьбамъ
Премудрымъ—дать лучшiй здѣсь жребiй людямъ;
Сѣвъ, сами прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ,
Осени доброй намъ дать по трудѣ
Счастья покалъ.

ПОЛДЕНЬ

—

Едва Кармилъ и Амморей,
Съ багряною зарей
Изъ утренній мглы, какъ острова, взносились,
И розовымъ огнемъ ихъ чела золотились,
Рубинные ковры, восточный горизонтъ,
И искросребра ткань струила черный понтъ, —
Великолѣпный флотъ Хирамовъ изъ Офира
И чудный кораблецъ въ немъ краше, легче всѣхъ
На поднятыхъ крылахъ дыханіемъ зефира —
Къ Юдейскимъ берегамъ притекъ; —
Никавля въ немъ была, владычица Сидона,
Желавша видѣть Соломона!

Но солнце восходить какъ стало на зенитъ;
Ковыль вдали, пески и воздухъ зарябѣли,
Подзвѣздные орлы почить подъ хламомъ сѣли,
И въ глубину спустился китъ
На зыбкой отдыхать бездонной колыбели;
Въ коральныхъ теремахъ Сирены усмирѣли,
Пернаты онѣмѣли,
Прижалися, среди ихъ гнѣздъ,
Не могши жара снесть:
Лишь изъ лѣсныхъ трущобъ, чрезъ холмы, степи, логи,

Вскачь серны и единороги
Ихъ жажду утолить,
И вѣтвеглавые олени табунами
Къ потокамъ, къ студенцамъ, пробитыми тропами,
Бѣжали вереницей пить:
Тогда поморье Іоффійско
На разстояніе не близко
И Іорданскій брегъ покрытъ —
Сталъ дивнымъ поѣздомъ сей южныя Царицы:
Тма темъ кипитъ, блеститъ,
И всадникъ и пѣшецъ, и конникъ и возницы,
Въ путь движась, не щадятъ ни силы, ни труда.
Но часъ когда
Пришелъ полдневный,
Палъ прямостойно лучъ въ долъ, съ неба распаленный,
И все лице земли какъ угль разжегъ,
Никто ступить не могъ:
Змѣй вихрепламенный летѣлъ, и близкимъ ревомъ
Ужъ всѣхъ грозилъ истлить тлетворнымъ зѣвомъ;
Изъ пыли облако, какъ черна дыма сѣть,
Столбясь, крутясь, весь затѣняла свѣтъ.
Подъ кедры Божіи, Ливанскіе, подзвѣздны,
Царица скрылася въ Сіонскій садъ,
Съ святилище прохладъ,
Спокойства, тишины,
Гдѣ въ страшны глубины,
Средь высочайшихъ скалъ, нависнувшихъ надъ бездны,
Изъ древъ сплетенна сѣнь, иль нѣкій дивный сводъ,
Ущельемъ на гору всѣмъ отверзаетъ всходъ:
Куда ни вѣтръ не провѣваетъ,
Ни свѣта лучъ не проницаетъ;
Гдѣ вѣчно дерева, какъ дремлющи, стоятъ:
Въ потокѣ Кедрскомъ — тамъ свѣтило міра зрятъ,
Какъ блюдо круглое, пловущее, златое,
И синю, какъ въ окно, чуть-чуть, небесъ лазурь:
Во время громовъ гдѣ и въ ужасъ бурь
Какъ дубы вержутся, бушуя пальмы гнутся,
Стократно гулы вкругъ глухіе раздаются;

А въ тишину, какъ нѣкій шопотъ, стонъ,
Отъ горлицъ воркованья;
То отъ долбленья жолнъ,
Отъ соловьевъ свистанья,
То отъ различныхъ голосовъ,
Звучащихъ средь лѣсовъ;
Какъ проѣзжаютъ тамъ мостъ каменнометалльный
Тмой отголосковъ, эхъ, грохочутъ дебри дальны.

Порфироносица, проѣхавъ оный лѣсъ,
Или дремучихъ рощъ злачно-зелено море,
Главу взносящихъ до небесъ,
Пальмъ, пардовъ, кипарисовъ, певговъ,
Алоевъ, теревинѳовъ, кедровъ,
Носящихъ гроздъ и льющихъароматъ,

Узрѣла предъ собою вскорѣ —
Давидовъ градъ,
Который облакомъ со ската,
Отъ разноцвѣтныхъ плинѳъ стеклистыхъ, и отъ злата,
На кровы съ крововъ, льющихъ блескъ,
Сіялъ — какъ бы пожаръ средь рѣкъ!

САТИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СЧАСТІЕ.

(Писана на масляницѣ.)

—

Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожделѣнное отъ всѣхъ,
О ты, великомощно Счастье!
Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
Кому и въ ведро и въ ненастье,
Мавръ, Лопарь, пастыри, Цари,
Моляся въ кущахъ и на тронѣ,
Въ восклиновеніяхъ и стонѣ,
Въ сердцахъ ихъ зиждутъ олтари!

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины!
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей денницѣ
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною ширинкой машешь,
И производишь чудеса.

Куда хребетъ свой обращаешь,
Тамъ въ пепелъ грады претворяешь,
Приводишь въ страхъ богатырей;
Султановъ заключаешь въ клѣтку,
На казнь выводишь Королей;
Но если ты жъ, хотя въ издѣвку,
Осклабишь взоръ свой на кого:
Раба творишь Владыкой міру,
На мѣсто рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья,
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь:
Дѣвицъ и дамъ магнизируешь,
Изъ камней золото варишь,
Въ глаза патріотизма плюешь,
Катаешь кубаремъ весь міръ;
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся Кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталъ Бригадиръ;

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ Русскимъ ты бѣжишь народомъ,
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь Голландцамъ колбасы;

Въ тѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь носъ,
На Копенгагенъ иней сѣешь,
Пучокъ подносишь Гданску розъ,
Венецьи, Мальтѣ не радѣешь,
А Греціи велишь зѣвать,
И Риму, ноги чтобъ не пухли,
Святыя оставляя туфли,
Царямъ претишь ихъ цѣловать;

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И Логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, Музы, боги — пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтятъ фонари,
Витійствуютъ уранги въ школахъ,
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные Цари;

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди троновъ
Одна не мѣситъ макароновъ,
Не ходитъ въ кузницу ковать,
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволитъ Музъ къ себѣ пускать,
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссорясь никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы,
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ!

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна
Она съ тобою сопряженна,
— Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво, —
Изволитъ милость проливать,
Изволитъ царствовать правдиво,
Не жжетъ, не рубитъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ Вельможи,
И такъ и сякъ, нахмуря рожи,
Тузятъ инова иногда;

Въ тѣ дни, какъ мещетъ всюду взоры
Она вселенной на ресоры,
И вѣситъ скипетры Царей
Слѣды орловъ парящихъ видитъ
И пресмыкающихся змѣй;
Разя враговъ, не ненавидитъ:
А только пресѣкаетъ зло;
Безъ латъ богатырямъ и въ латахъ
Претитъ давить лимоны въ лапахъ,
А хочетъ, чтобы все цвѣло;

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ
И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство,
И бомбы сыплетъ будто хмѣль;
Свое же ублажая Царство,
Покоитъ, грѣетъ и живитъ;
Въ морозъ камины возжигаетъ,
Дрова и сѣно запасаетъ,
Боярь и чернь благотворитъ;

Въ тѣ дни и времена чудесны
Твой взоръ и на меня всемѣстный
Прости, о надъ Царями царь!
Простри, и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И, если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ.
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня къ Боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры,
И жаждутъ слова моего:
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого.

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ,
Иль съ бѣленькой, сидя со мной,
Ты въ шашки, то въ картежъ играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечной твой тѣмъ кажешь взглядъ;
Я къ кралѣ короля бросаю,
И ферзь къ ладьѣ я придвигаю,
Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

Бывало, милыя Науки
И Музы, простирая руки,
Позавтракать ко мнѣ придутъ,
И все мое усядутъ ложе;
А я, свирѣль настроя тутъ,
Съ ихъ каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась игралъ.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторгъ всѣхъ чувствъ! За васъ короны
Тогда бы взять не пожелалъ.

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било;
Полетъ свой счастье премѣнило;
Безъ латъ я горе-богатырь;
Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ, и носъ повѣситъ.
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, Музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;
Отъ божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы,
И вьется локономъ хохолъ.

Но, ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
Иль легкій шаръ Монгольфіера,
Блистая въ воздухѣ, летишь;
Вселенна длани простираетъ,
Зоветъ тебя — ты не глядишь;
Но шаръ твой часто упадаетъ,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
Я храмъ тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
Твоимъ разсыплю я цвѣты;
Возжгу коренья благовонны,
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты;

Жить буду въ теремѣ богатомъ,
Возвышусь въ чинъ, и знатнымъ бракомъ
Горацію въ родню причтусь;
Перомъ моимъ славно-школярнымъ
Разсудка выше вознесусь

И, ставъ тебѣ неблагодарнымъ,
«*Беатусъ* — братъ мой на волахъ
Собою самъ поля орющій,
Или стада свои пасущій!»
Я буду восклицать въ пирахъ.

Увы! еще ты не внимаешь,
О Счастіе! моей мольбѣ,
Мои обѣты презираешь:
Знать, не угоденъ я тебѣ.
Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
Въ тѣняхъ ли миртовыхъ, лавровыхъ,
Иль въ золотой живешь странѣ:
Внемли, шепни твоимъ любимцамъ,
Вельможамъ, Королямъ и Принцамъ:
Спокойствіе мое во мнѣ!

ВЕЛЬМОЖА.

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь Муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ Вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Сей образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, Вельможи, таковы?

Не перлы Перскія на васъ,
И не Бразильски звѣзды, ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ Сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться;
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ Царскихъ, сопостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ,
Въ Марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ Герой!
Екатерина, въ низкой долѣ,
И не на Царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я Князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, Церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани;
Токай густое льетъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ,,
И съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ;
Средь радостей казался скучнымъ,
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія Цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней покойно спишь,... а тамъ?

А тамъ — израненный Герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ,
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ.
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, Сибаритъ! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ Исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!» —
Злодѣй, увы!... и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой Вѣры къ Богу,
Хранитъ Царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство.
Во правосудіи — равенство,
Свободу — во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ Царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилѣжно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума,
И силъ у рукъ не отнимаетъ,
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль Царство лишь живетъ счастливымъ, —
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, Царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О Россійскій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ Вельможей нѣтъ? —
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ;
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла,
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, Герой! желаній мужъ!
Не роскошью Вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, масличной вѣнчанный!
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносясь орелъ.

Пари — и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей;
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще Царя. —
Простри твой позднiй блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря.

═

ФОНАРЬ.

—

Гремитъ органъ на стогнѣ трубный,
Пронзаетъ нощь и тишину;
Очаровательный огнь чудный
Малюетъ на стѣнѣ луну:
Въ ней ходятъ тѣни разнородны.
Волшебникъ мудрый, чудотворный,
Жезла движеньемъ, устъ, очесъ,
То ихъ творитъ, то истребляетъ;
Народъ толпами поспѣшаетъ
Смотрѣть къ нему такихъ чудесъ.

Явись!
И бысть.
Пещеры обитатель дикій,
Изъ тьмы ужасной, превеликій
Выходитъ левъ;
Стоитъ, по гривѣ лапой кудри
Златыя чешетъ, вьетъ хвостомъ;
И ревъ
И взоръ его, какъ въ мракѣ бури,
Какъ яры молніи, какъ громъ,
Сверкая по лѣсамъ грохочетъ
Онъ рыщетъ, скачетъ, пищи хочетъ,
И межъ древесъ
Озѣтя агницу смиренну,
Прыгнувъ, разверзъ ужъ челюсть гнѣвну..
Изчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Средь гладкихъ океана стклянныхъ,
Зарею утренней румяныхъ,
Спокойныхъ нѣдръ,
Голубосизый, солнцеокой
Усатый, тучный, рыбій князь,
Осетръ,
Изъ влаги появясь глубокой,
Перпатой лыстью вкругъ струясь,
Сквозь водну дверь глядитъ, гуляетъ ..
Но тутъ ужасный звѣрь всплываетъ
Къ нему изъ бездиъ:
Стремитъ въ свои водъ рѣки трубы,
И какъ серпы занесъ ужъ зубы...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Съ долины мирныя, зелены
Въ полудни лебедь, вознесенный
Подъ облака,
Веселый гласъ свой испускаетъ:
Его долина, роща, холмъ,
Рѣка
Стократно эхомъ повторяетъ...
Но тутъ, какъ быстрый съ свистомъ громъ,
На рамена его сребристы
Орелъ прожорливый, когтистый
Упалъ съ небесъ: [4]
Клюетъ, терзаетъ, бьетъ крылами,
И пухъ летитъ какъ снѣгъ полями:..
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Спустилось солнце; вечеръ темный
Открылъ на небѣ милліоны
Горящихъ звѣздъ.
Огнисты, легки метеоры
Слетаютъ блещущимъ клубкомъ
Отъ мѣстъ
Превыспреннихъ, — и въ мракѣ взоры,
Какъ искры, веселятъ огнемъ:
Одна на домъ тутъ упадаетъ,
Раздута вѣтромъ, зажигаетъ,
И въ пламѣ городъ весь!
Столбомъ дымъ, жупелъ въ воздухъ вьется,
Пожаръ, какъ рдяны волны, льется...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Торговый гость, смотря на счеты,
Отъ жажды къ злату и заботы
Хотя дрожитъ
Товарищей надъ барышами,
Въ паи дѣля товары ихъ;
Но бдитъ
И ползаетъ надъ чертежами
Всечасно странствіевъ морскихъ.
Въ очкахъ его всезряще око
Ужъ судно зритъ въ моряхъ далеко
Сквозь сладкихъ слезъ:
На немъ вздутъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень,
Близъ пристани подводный камень...
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Оратай нивъ трудолюбивый,
Богобоязный, терпѣливый,
Проливъ свой потъ,
Ходя подъ зноемъ за сохою,
И тукомъ угобзя бразды,
Ждетъ годъ
Отъ брошенныхъ его рукою
Сѣмянъ собрать себѣ плоды.
Златымъ колосья сокомъ полны,
Уже колеблются, какъ волны,
И тѣнь небесъ
Его трудъ правый осѣняетъ;
Но градъ изъ тучи упадаетъ.
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Чета младая новобрачныхъ —
Въ златыхъ, блистающихъ, безмрачныхъ
Цѣпяхъ своихъ —
Любви въ блаженствѣ утопаетъ;

Преодолѣвъ препятства всѣ,
Женихъ
Отъ радости въ восторгѣ таетъ,
И въ плѣнъ отдавшися красѣ,
Забывъ на ложѣ прежни скуки,
Въ уста ее цѣлуетъ, въ руки,
И средь завѣсъ
Коснулся ужъ забавъ рукою;
Но блещетъ смерть надъ нимъ косою. .
Исчезнь! исчезъ.

Явись!
И бысть.
Отважный, дерзкій вождь, счастливый,
Чрезъ свой пронырливый, кичливый
И твердый духъ
Противны разметавъ знамены,
И на чело свое собравъ
Вокругъ
Съ народовъ многихъ лавръ зеленый,
И царскія права поправъ,
Въ чаду властолюбивой страсти
У всей народной силы, власти
Взялъ перевѣсъ;
Гражданъ не внемлетъ добрыхъ стону,
Простеръ десницу на корону...
Исчезнь! исчезъ.

Не обавательный ль, волшебный,
Магическій, сей міръ, фонарь,
Гдѣ видны тѣни перемѣнны;
Гдѣ веселяся ими Царь,
Иль Магъ какой, волхвъ непостижный,
Въ своихъ намѣреньяхъ обширный,
Планетъ кругъ тайно съ высоты
Единымъ перстомъ обращаетъ,
И земнородныхъ призываетъ
Мечтами быть, иль зрѣть мечты?

Почто жъ, о смертный дерзновенный,
Невѣжда средь своихъ наукъ,
Летая мыслями надменный,
Иль ползая въ пыли, какъ жукъ,
Бѣжишь ты счастья за мечтами,
Толь преходящими предъ нами,
Бывъ гостемъ, позваннымъ на пиръ?
Не лучше ль блескомъ ихъ не льститься;
Но Зодчему Тому дивиться,
Кто создалъ столь прекрасный міръ?

Такъ будемъ, будемъ равнодушно
Мы зрительми Его чудесъ,
Что рокъ велитъ, творить послушно,
Забавой бывъ другихъ очесъ.
Пускай тотъ управляетъ нами,
Кто движетъ солнцами, звѣздами:
Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!
Велитъ — я возвышаюсь;
Речетъ — я понижаюсь.
Сей міръ мечты: ихъ Богъ творецъ!

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ.

Вамъ, красавицы младыя,
И супругѣ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золотыя
Подношу я въ книжкѣ сей.
Нравиться ужъ я безсиленъ
И копьемъ и сайдакомъ,
Дуренъ, старъ и не умиленъ:
Бью стихами вамъ челомъ;
Бью челомъ, — и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ,
Лѣтомъ ходите по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ;
Чувства тѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень,
Въ душу силу влилъ огня:
Сыплютъ искры — снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня.

КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ.

Я у Креза зрѣлъ Эрота:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ.

Пустъ колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна тетива,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.

Что, сказалъ я, такъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?

Иль его безсиленъ пламень?
Тщетенъ токъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Геркулесъ пришелъ Данаю
Мимоходомъ навѣстить:
Я, сказалъ, тобой пылаю
(Онъ хотѣлъ съ ней пошутить).
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ,
Пламени въ лицѣ полна,
Вздумала съ Героемъ сильнымъ
Также пошутить она.
Начала съ нимъ разговоры;
Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ;
Какъ-то встрѣтились ихъ взоры;
Нечувствительно, онъ сѣлъ;
И межъ тѣмъ, какъ занялися
Такъ они шутя собой,
Гдѣ откуда ни взялися
Мальчиковъ крылатыхъ строй;
Вкругъ летали, шурмовали,
Надъ главами ихъ паря,
И подкравшись, тихо крали
Все вокругъ богатыря:
Тотъ унесъ, кряхтя, дубину;
Тотъ саіідакъ, тотъ страшный мечъ;
Стеребили кожу львину
Тѣ съ его могущихъ плечъ.
Не могла не улыбнуться
Красота, какъ шлемъ сняла:
Не успѣлъ онъ оглянуться —
Въ шлемѣ страсть гнѣздо свила.

ПЧЕЛА.

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЪ.

Подъ свѣсомъ шумныхъ тополовыхъ
Кустовъ, въ тѣни, Киприднинъ сынъ
Покоился у водъ перловыхъ,
Біющихъ съ горъ и факелъ съ нимъ
Лежалъ въ травѣ, чуть чуть куряся.
Пришли тутъ Нимфы, и дивяся,
«Что намъ!» — сказали — «Какъ съ нимъ быть?
Дай въ воду, въ воду потопить,
А съ нимъ и огнь, чѣмъ всѣ сгараютъ!»
И вотъ! — кипитъ ключъ пѣной весь;
Съ купающихся Нимфъ стекаютъ
Горящія струи поднесь.

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Если бъ милыя дѣвицы
Такъ могли летать, какъ птицы,
И садились на сучкахъ:
Я желалъ бы быть сучочкомъ,
Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили и птенцовъ;
Никогда бъ я не сгибался, —

Вѣчно ими любовался.
Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

═

БАБОЧКА.

—

На цвѣты съ цвѣтовъ летая,
Въ полѣ бабочка живетъ;
Не тоскуя, не вздыхая,
Сладкій медъ одинъ съ нихъ пьетъ.
Что счастливѣе сей доли,
Какъ бы бабочкою быть,
На своей всегда жить волѣ,
И любви лишь сладость пить?
Я бы пилъ, — и, вновь влюбляясь,
Лишь въ весельѣ дни провелъ,
А съ духами сочетаясь,
Былъ нетлѣнія символъ.

═

СТАРИКЪ.

—

Мнѣ дѣвушки шептали:
«Ты старъ, и сѣдъ и лысъ;
Вотъ зеркало,» сказали:
«Возьми и посмотрись.»

— «Что нужды мнѣ, не знаю,
Я старъ,» — сказалъ — «иль нѣтъ;
Я только увѣряю,
Что я душой не сѣдъ,

И старику нужнѣе
Въ веселіи пожить,
Приходитъ чѣмъ скорѣе
Меня похоронить.»

═

ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ.

—

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу въ избѣ повалкой
Спать на сѣнѣ улеглись.
Въ полночь, самой той порою,
Какъ заснула тишина,
Сребряной на насъ рукою
Сыпала свой свѣтъ луна:
Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
Въѣхалъ на лучѣ верхомъ,
И меня нашедъ межъ спящихъ,
Тихо въ бокъ толкнулъ крыломъ.
«Ну,» — сказалъ онъ — «на охоту
Если хочешь, такъ пойдемъ;
Мнѣ оставь стрѣлять заботу,
Ты иди за мной съ мѣшкомъ.»
Всталъ я, и, держась за стѣнку,
Шелъ на цыпкахъ, чуть дышалъ;
За спиной онъ въ тулѣ стрѣлку,
Палецъ на устахъ — держалъ.
Тихой выступкой такою,
Мнилъ онъ, лучше дичь найти;
Мнѣ жъ, съ плѣшивой головою,
Какъ слѣпцу, велѣлъ итти:
Шли, — и только наклонились
На гнѣздо младыхъ куницъ;
Молодежъ вкругъ засмѣялись, —
Насъ схватили у дѣвицъ.
Испугавшися смертельно,
Камнемъ сталъ мой Купидонъ:
Я проснулся, — радъ безмѣрно,
Что то былъ одинъ лишь сонъ.
Сна однако столь живаго
Голова моя полна;
Вижу въ мраморѣ такаго
Точно Купидона я.
«Не шути, имѣвъ грудь цѣлу,»
Улыбаясь, онъ грозитъ:
«Вмигъ изъ тула выну стрѣлу,»
Слышу, будто говоритъ.

═

СВОБОДА.

—

Теплой осени дыханье,
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шептанье,
Восклицанье голосовъ

Мнѣ лежащему въ долинѣ
Наводили сладкій сонъ.

Видѣлъ я себя стоящимъ
На высокомъ вдругъ холму,
На плоды вдали глядящимъ,
На шумящу близъ волну, —

И какъ будто въ важномъ чинѣ
Я носилъ на плечахъ холмъ.

Дальше — Власти мнѣ Святыя
Иго то велѣли несть,
Всѣ вѣнцы суля земные,
Титла, золото и честь.

«Нѣтъ!» — возставъ отъ сна глубока,
Я сказалъ имъ: — «не хочу;

«Не хочу моей свободы,
Совѣсть на мечты мѣнять,
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могутъ колебать:

Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу.

ВѢЕРЪ.

Когда бъ владѣлъ я цѣлымъ міромъ,
Хотѣлъ бы вѣеромъ симъ быть:
Всѣхъ прохлаждалъ бы я зефиромъ,
И былъ бы всей вселенной щитъ;
А ты, махаясь, Хлоя, мною,
Отъ жара сильнаго дыша.
Какъ солнце бы цвѣла красою,
Моей бывъ тѣнью хороша.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Тѣлесна красота, душевна добродѣтель,
Являютъ мудрому единую мѣту.
Коль зритъ у первой онъ согласіе въ чертахъ,
А правду у другой и въ мысляхъ и въ дѣлахъ:
То видитъ въ двухъ одну прямую красоту,
Иль, лучше, образецъ тѣхъ вышнихъ совершенствъ,
По коимъ красоты и благости Содѣтель,
Для наслажденія блаженствъ
И плоти и духовъ,
Образовалъ боговъ.
Они красотъ и благъ прямыхъ другъ въ другѣ зрѣньемъ
И вѣчнымъ ихъ собой взаимнымъ наслажденьемъ
Произвели любовь.
Сіи же существа, прекрасныя, благія,
Коль суть не вымыслы и не мечты пустыя:
То ужъ конечно ты
Одна изъ Геніевъ, иль Ангельскихъ міровъ,
Таланты чьи, дѣла, умъ, тѣла красоты
Приводятъ духъ въ восторгъ, во нѣжны чувства кровь,
И въ Философію и въ старость льютъ любовь.

ПЕНИ.

Достигнулъ страшный слухъ ко мнѣ,
Что сталъ ты лживъ и лицемѣренъ;
Въ твоей отеческой странѣ,
О льстецъ! мнѣ сдѣлался невѣренъ.
Тѣ нѣжности, которы мнѣ
Являлъ любви твоей въ огнѣ,
Во страсти новой погружаешь;
О мнѣ не мнишь, не говоришь,
Другой любовь свою даришь,
Меня совсѣмъ позабываешь.

Тѣ рѣчи, тѣ слова въ устахъ,
Меня которыя ласкали;
Тѣ тайны взгляды во очахъ,
Которые меня искали;
Тѣ вздохи пламенной любви,
Тѣ нѣжны чувствія въ крови,
То сердце, что меня любило,
Душа, которая жила,
Чтобъ я душей ея была:
Ахъ! все, все, все мнѣ измѣнило!

Кого жъ на свѣтѣ почитать
За справедливаго возможно,
Когда и ты ужъ увѣрять
Меня не постыдился ложно?
Ты богъ мой былъ, ты клятву далъ,
Ты нынѣ клятву ту попралъ. —
О льстецъ, въ злыхъ хитростяхъ отмѣнной!
Но, нѣтъ! не клятвѣ сей
Я вѣрила, — душѣ твоей,
Судивши по своей влюбленной.

Къ несчастію тому, что мнѣ
Ты сталъ только вѣроломенъ,
Любви неистовой въ огнѣ,
Я слышу, до того нескромень,
Что клятвы, славу, честь,
На жертву не страшась принесть,
Все — говорятъ — сказалъ подробно,
Какъ мной любимъ ты страстно былъ.
Любя, любви кто измѣнилъ,
Въ томъ сердце все на злость способно.

А кто одинъ хоть только разъ
Безсовѣстенъ быть смѣлъ душею,
Тотъ всякой день, тотъ всякой часъ
Быть можетъ вѣчно вреденъ ею.
Такъ ты, такъ ты таковъ-то лютъ! —
Ахъ нѣтъ! — Средь самыхъ тѣхъ минутъ,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобою скорбь терплю,
Съ тобой я твой порокъ люблю;
Въ тебѣ еще все прелесть вижу.

Мой свѣтъ! коль ты ко мнѣ простылъ,
Когда тебѣ угодно стало,
Чтобъ сердце, кое ты любилъ,
Тебя ужъ больше не прельщало:
Такъ въ тѣ мнѣ скучные часы,
Какъ зришь ужъ не во мнѣ красы,
Не мнѣ пріятностьми лаская,
Сидишь съ прелестницей своей:
Отраду дай душѣ моей,
Меня хоть въ мысляхъ вображая.

Представь уста, отколь любовь
Любовными ты пилъ устами;
Представь глаза, мигъ каждый вновь,
Отколь мой жаръ ты зрѣлъ очами;
Вообрази тотъ видъ лица,
Что всѣхъ тебѣ Царей вѣнца
И всей пріятнѣй былъ вселенной. —
Ахъ! видъ, тотъ видъ уже не сей:
Лишенная любви твоей,
Я зрю себя всего лишенной.

Жалѣй о мнѣ, — и за любовь
Оставленной твоей любезной,
Прошу, не проливай ты кровь, —
Одной пожертвуй каплей слезной,
Поплачь и потужи, стеня;
Иль хоть обманывай меня:
Скажи, что ты нелицемѣренъ,
Скажи, — и прекрати злой слухъ.
Дражайшій мой любовникъ, другъ!
Коль можно, сдѣлайся мнѣ вѣренъ.

ВОДОМЕТЪ.

Лучъ шумящій водометный!
Свыше сыплюща роса!
Гдѣ въ тѣни въ день знойный, лѣтній,
Совершенная краса,
Раскидавъ по дерну члены,
И сквозясь межъ струй, вѣтвей,
Сномъ объята, въ видѣ пѣны,
Взглядъ влекла души моей;
Гдѣ на зыблющу склонялись
Лиліи блестящу грудь,
Зарь ихъ розы устъ касались,
И желали къ нимъ прильнуть;
Воздухъ свѣжестью своею
Ей спѣшилъ благоухать:
Травки, смятыя подъ нею,
Не хотѣли возставать;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ,
Съ коихъ стрѣлы огневыя
Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель.
О мѣста, мѣста священны!
Хоть лишенъ я васъ судьбой;
Но прелестны вы, волшебны,
И столь милы мнѣ собой,
Что понынѣ о васъ вздыхаю
И забыть никакъ не могъ;
Съ жалобой напоминаю:
Мой послѣдній слышьте вздохъ.

НЕЗАБУДОЧКА.

Милый незабудка цвѣтикъ,
Видишь, другъ мой, я, стеня,
Ѣду отъ тебя, мой свѣтикъ,
Не забудь меня.

Встрѣтишься ль гдѣ съ розой нѣжной,
Иль лилеей взоръ плѣня,
Въ самой страсти неизбѣжной
Не забудь меня.

Ручейкомъ ли гдѣ журчащимъ
Зной омоешь лѣтня дня,
И въ жемчугѣ водъ шумящихъ
Не забудь меня.

Вѣтерокъ ли гдѣ порханьемъ
Кликнетъ, въ тѣнь тебя маня;
И подъ устъ его дыханьемъ
Не забудь меня.

СИНИЧКА.

Синичка весення!
Тиликать престань:
Во время осенне
Зябляку дань
Ты платишь, и таешь,
Вздыхаешь.

Любить всѣмъ въ Природѣ
Судьбой суждено,
Но въ птичьемъ народѣ,
Ахъ! нужно одно,
Что если пылаешь,
Вздыхаешь.

То помни, что лѣто
Тотчасъ протечетъ;
Что сердце нагрѣто
Лишь страстью постъ;
Но хладъ какъ встрѣчаешь,
Вздыхаешь.

Такъ выбери жъ птичку
Такую себѣ,
И въ осень синичку
Чтобъ жала къ себѣ
И хладу не знала,
Вздыхала, вздыхала, вздыхала.

ОКОВЫ.

—

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Вырвавъ волосъ, привязала
Къ красотамъ меня своимъ.
Ставъ сей скованъ цѣпью нѣжной,
Я прервать ее хотѣлъ;
Но чрезъ опытъ, и желѣзной
Тверже цѣпи я нашелъ.
Съ самой той поры я въ скукѣ,
Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь,
Не могу съ ней быть въ разлукѣ,
Волосомъ за ней влекусь.
Тѣмъ лишь только облегчаюсь,
Что къ ней ближе приближаюсь
И касаюсь сладкихъ устъ.

═

ОХОТНИКЪ.

—

За охотой ты на Званку
Птицъ поѣхалъ пострѣлять;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, сталъ вздыхать.

Что такое это значитъ,
Миленькой охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачетъ:
Птицы ль не убилъ какой?

Дѣвъ ли остренькіе глазки
Понадѣлали хлопотъ?
Съ ихъ ланитъ, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эротъ.

Какъ же быть? и чѣмъ лечиться?,
Птичекъ ты багрилъ въ крови:
И тебѣ пришло томиться
Отъ смертельныя любви.

═

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ.

—

Хоть вся теперь Природа дремлетъ,
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенья, вздохи внемлетъ,
И только на тебя глядитъ.

Примѣть мои ты разговоры,
Помысль о мнѣ на единѣ;
Брось на меня пріятны взоры,
И нѣжностью отвѣтствуй мнѣ.

Единымъ отвѣчай воззрѣньемъ,
И мысль свою мнѣ сообщи:
Что съ тѣмъ сравнится восхищеньемъ,
Какъ двѣ сольются въ насъ души?

Представь въ умѣ сіе блаженство,
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь съ божествомъ равенство
Намъ можетъ въ жизни подарить.

═

ВНИМАНІЕ.

—

Тебя какъ Музы слышутъ
И какъ ты слышишь ихъ,
Пріятностію дышутъ
Въ пріятностяхъ твоихъ.

Эротъ, смотря тихонько,
Сказалъ: »какъ ты мила!«
Будь счастлива имъ столько,
Какъ Музами была.

Любовью ты владѣя,
Прикуй ее къ себѣ,
Чтобы, летать не смѣя,
Привыкнула къ тебѣ;

Привыкла бъ жить съ тобою,
И такъ бы вы сжились,
Какъ бабочка свѣчою,
Собою вы сожглись;

Красавицы, вздыхая,
Завидовали бъ вамъ;
Я пѣсни вамъ слагая,
Слагалъ бы красотамъ, —

Красамъ, хвалу что трубятъ,
И мнѣ, какъ ты, льстя Музъ:
А тѣмъ, что насъ не любятъ,
Пѣть пѣсень не берусь.

═

ПЛАМИДѢ.

—

Не сожигай меня Пламида,
Ты тихимъ голубымъ огнемъ

Очей твоихъ; отъ нихъ я вида
Не защищусь теперь ничѣмъ.

Хоть былъ бы я Царемъ вселенной,
Иль самымъ строгимъ мудрецомъ:
Пріятностью, красой сраженной,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

Все — мудрость, скипетръ и державу
Я отдалъ бы любви въ залогъ,
Причесъ тебѣ на жертву славу,
И у твоихъ бы умеръ ногъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задатокъ нѣсколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида;
Погасъ огонь въ душѣ моей.

═

ВСЕМИЛѢ.

—

Какая непонятна сила
Изъ устъ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красота владѣетъ міромъ;
Сердца ей тронъ и олтари;
Ее чтутъ мудрые кумиромъ,
И покланяются Цари.

Прочти дѣянія великихъ:
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ толикихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкій духъ.

Почто жъ, о милое творенье!
Грустишь и топешь такъ въ слезахъ,
Когда Царей и Царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаетъ;
Въ слезахъ твердишь ты: »все мечта!«
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота.

═

ЛЮБУШКѢ.

—

Не хочу я быть Протеемъ,
Чтобы оборотнемъ стать;
Невидимкой или змѣемъ,
Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;
Но желалъ бы я тихонько,
Безъ огласки отъ людей,
Зеркаломъ въ уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ
Обращалася ко мнѣ,
Станомъ, поступью, уборомъ,
Любовалася во мнѣ;
Иль бы, сдѣлавшись водою,
Я ей тѣло омывалъ;
Вкругъ монистой золотою
Руки блескомъ украшалъ;
Въ видѣ благовонной мази
Умащалъ бы ей власы,
На грудяхъ въ цвѣточной вязи
Отѣнялъ ея красы;
Иль, обнявши бѣлу шею,
Былъ жемчугъ ея драгой:
Ставъ хоть обувью твоею,
Жала бъ ты меня ногой.

═

НА ПАСТУШІЙ БАЛЕТЪ.

—

На дерну лежа зеленомъ,
Я въ свирѣль мою игралъ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ,
Я любви еще не зналъ.
Но, откуда ни возьмися,
Подбѣжалъ ко мнѣ дитя:
»Дай свирѣлку, потрудися,
Поучи,« сказалъ, шутя.
Отдалъ я ему свирѣлку,
Началъ онъ въ нее играть:
Поигравъ, мнѣ кинулъ стрѣлку,
Сталъ я съ стрѣлкой той плясать;
И со стрѣлкой таковою
Шестьдесятъ ужъ лѣтъ пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь въ душѣ ношу.

═

НА БАЛЕТЪ

Зефиръ и Флора.

—

Что за призраки прелестны,
Легки, свѣтлы существа,
Сонмъ эѳирный, сонмъ небесный,
Тѣни, лица божества,
Въ неописанномъ восторгѣ
Мой лелѣютъ, нѣжатъ духъ?

Не боговъ ли я въ чертогѣ? —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Вижу холмъ подъ облаками
Озлащаемый лучемъ,
Осѣняемый древами,
Ожурчаемый ключемъ;
Средь сребристыхъ водъ и брегу
Лебедей, дѣтей зрю вдругъ;
Вижу всю Эдемску нѣгу. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Слышу: дышетъ повсемѣстно,
Порхаетъ вкругъ розъ Зефиръ,
Улыбается прелестно
Красота отъ звуковъ лиръ;
Душъ невинныхъ разговоры
Какъ гармонія вокругъ,
Какъ зари ихъ свѣтятъ взоры. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ,
Спитъ, нахмурясь, бранный жаръ;
Миръ, объемляся съ спокойствомъ,
Пьютъ божественный нектаръ;
Духи вверхъ и внизъ шурмуютъ,
Хороводы вьются вкругъ;
Съ дружбою любовь ликуютъ. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Правъ ты, что воображеньемъ
Могъ сихъ таинствъ доходить,
Что мы плоти съ отверженьемъ
Будемъ съ Ангелами жить.
Ахъ! коль ложно это чувство,
Нашъ безсиленъ, смертенъ духъ:
Те творило бъ дивъ искусство. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Не могли бъ мы возвышаться
И къ понятію духовъ,
Ихъ блаженствомъ утѣшаться
На земли, средь облаковъ;
Днесь ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ:
Будемъ, будемъ мы богами!
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

РУССКІЯ ДѢВУШКИ.

—

Зрѣлъ ли ты, Пѣвецъ Тіиской,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмаками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ,
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь?
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бъ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

ВѢНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ.

—

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ
Въ пріятномъ я недавно снѣ,
Подъ жаркимъ, свѣтлымъ небосклономъ,
Въ тѣни онъ пальмъ явился мнѣ.

Хариты, вкругъ его, Эроты,
Съ братиною златою Вакхъ,
Ваѳилъ прекрасный, въ рощи, гроты
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ.

Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся,
Тряхнувъ подъ часъ самъ сѣдиной,
На бѣлы груди любовался,
На взоръ металъ ихъ пламень свой;

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхалъ;
Огнистыми склонясь устами,
Изъ кубка медъ златый вкушалъ;

Иль сидя съ юнымъ другомъ, нѣжнымъ,
Потрепывалъ его рукой,
А взоромъ вкругъ себя прилѣжнымъ
Искалъ красавицы какой.

Цари къ себѣ его просили,
Поѣсть, попить и погостить,

Таланты злата подносили,
Хотѣли съ нимъ друзьями быть;

Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богатству предпочелъ;
Средь игръ, веселій, хороводу,
Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйтесь, красоты Россійски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ Тійскій,
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

ВАКХИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗНЫЯ ВИНА:

Вотъ красно-розово вино:
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!
Ты тожъ румяна, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ черно-тинтово вино:
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ лиловыхъ!
Ты тожъ, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ злато-Кипрское вино:
За здравье выпьемъ свѣтловласыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!
Ты тожъ, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ слезы Ангельски вино:
За здравье выпьемъ женъ мы нѣжныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ любезныхъ!
Ты тожъ нѣжна и хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ.

Пьяный.

Сосѣдъ! на свѣтѣ все пустое
Богатство слава и чины,
А если за добро прямое
Мечты быть могутъ почтены:
То здраво и покойно жить,
Съ друзьями время проводить,
Красотъ любить, любимымъ быть,
И съ ними сладко ѣсть и пить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Сосѣдъ! на свѣтѣ не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщемъ въ нихъ прямое,
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любить,
Умѣренно въ довольствѣ жить,
По самой нуждѣ ѣсть и пить:
То можемъ всѣ счастливы быть.

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Пьяный.

Гонялся я за звучной славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ отравой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза страшнымъ быть,
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ убійствѣ время проводить?
Безумно на убой ходить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Гоняться на войнѣ за славой,
И съ ядрами встрѣчаться лбомъ
Велитъ тому разсудокъ здравой,
Кто лишь рожденъ не дуракомъ:
Царю, отечеству служить,
Чадъ, женъ, родителей хранить,
Себя отъ плѣна боронить —
Священна должность храбрымъ быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Пьяный.

Хотѣлъ я сдѣлаться судьею,
Законы свято наблюдать:
Увидѣлъ, что кривятъ душею,
Гдѣ должно сильныхъ осуждать.
Какая польза такъ судить?
Однихъ щадить, другихъ казнить,
И совѣстью своей шутить?
Смѣшно въ тенета мухъ ловить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Когда судьба тебѣ судьею
Въ судахъ велѣла засѣдать.
Вертѣться нужды нѣтъ душею,
Когда не хочешь взятокъ брать.
Какъ можно такъ и сякъ судить,
Закономъ правду тенетитъ,
И покупать себя пустить?
Судьѣ злодѣемъ страшно быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

МОРЕХОДЕЦЪ.

Что вѣтры мнѣ и сине море?
Что громъ, и штормъ, и океанъ?
Гдѣ ужасы, и гдѣ тутъ горе,
Когда въ рукахъ съ виномъ стаканъ?
Спасетъ ли насъ компасъ, руль, снасти?
Нѣтъ! сила въ томъ, чтобъ духъ пылалъ.
Я пью, и не боюсь напасти:
Приди хотя девятый валъ!
Приди, и волнъ зіяй утроба!
Мнѣ лучше пьянымъ утонуть,
Чѣмъ трезвымъ доживать до гроба,
И съ плачемъ плыть въ толь дальній путь.

МАХІАВЕЛЬ.

Царей насмѣшникъ, иль учитель
Великихъ, иль постыдныхъ дѣлъ!
Душъ слабыхъ, мелкихъ обольститель,
Поди отъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ твоихъ замашекъ,
Обмановъ тонкихъ, хитростей:
Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для счастія честныхъ людей;
Довольно видѣть сквозь покалы
Всю нашихъ внутренность сердецъ,
На бой насъ посылать, на балы,
Изъ лавровъ плесть и розъ вѣнецъ.

КРУЖКА.

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая сребряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить:
Ура! ура! ура!

Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора
Счастливымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало старики въ винѣ
Свое все потопляли горе;
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣна море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діетъ не наблюдали;
Былъ здравъ и счастливъ человѣкъ,
Какъ только пили, да гуляли.
Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало — пляска, рѣзвость, смѣхъ,
Въ хмѣлю другъ друга обнимаютъ;
Теперь, на мѣсто сихъ утѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.
Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликаютъ;
А нынѣ клубъ да маскерадъ
И женъ ужъ съ нами разлучаютъ.
Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего,
Теперь карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ, да банкъ, да макао,
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.
На карты намъ плевать пора,
А скромно жить
И пить:
Ура! ура! ура!

О сладкій дружества союзъ,
Съ грѣнками пивомъ пѣнна кружка!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила тамъ, весела пирушка.
Пребудь ты къ намъ всегда добра:
Мы станемъ жить
И пить:
Ура! ура! ура!

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ.

ЦѢЛЕНІЕ САУЛА.

(Ораторія Брауна.)

—

Саулъ, Сіона Царь, сынъ Кисовъ, волю Бога,
Взгордясь, презрѣлъ: тѣмъ власть Его уничижилъ.
Господь, средь гнѣва яра, строга,
Блестящее лице съ Саула отвратилъ,
И рекъ. «Поди, злой духъ, круши его!»
Глаголомъ симъ вострепетали бездны;
Сквозь пропасти подземны,
Со огненна одра, покоя своего,
Возстала злая месть, и идетъ на Саула.
Пукъ лютыхъ стрѣлъ на ней за плечьми среди тула,
Вися, гремитъ, какъ громъ вдали, — и передъ ней
Отверзлись ржавыя со скрипомъ ада двери,
Изъ конхъ зависти и злобы блѣдны дщери:
Боязнь, и грусть, и скорбь, и скука, и тоска,
Змѣистыхъ клочья власъ вкругъ ней, какъ облака,
Пустивъ на вѣтръ, летятъ въ призракахъ чернымъ роемъ:
Тѣ съ скрежетомъ зубовъ, тѣ съ хохотомъ, тѣ съ воемъ,
Какъ враны, волки какъ на трупъ съ лѣсовъ, степей
Стадами гладными на казнь бѣгутъ Цареву.
Средь крику ихъ и реву
Унынье дикое, безмолвно, тяжело,
Густой подобно мглѣ — на грудь, на очи, на чело,
На духъ преступника, на сердце палегло,
Огнемъ всю внутренность, тоской смертельной жгло,
И ночь и день его, терзая, угнетало,
Мечтами ужасало.
Почувствовалъ, почулъ
Еговы гнѣвъ Саулъ.

Веселья отъ него повсюду удалились,
И утучняющій спорхнулъ отъ вѣждей сонъ;
По ссохшимся щекамъ потоки слезъ катились —
И былъ какъ тѣнь, какъ остовъ онъ.
Въ размученномъ такомъ, тревожномъ состояньи,
Друзья вокругъ его, во плачѣ, во стенаньи,
Вѣщаютъ, что пастухъ, по имени Давидъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ струнъ цѣлитъ;
Что арфы громкіе и тихозвучны тоны
Волшебствомъ нѣкакимъ обворожаютъ слухъ,
Покоятъ, веселятъ, лелѣютъ, нѣжатъ духъ
И прогоняютъ грусть, задумчивость и стоны,
И, словомъ, мочной что гармоньи сладка власть
Удобна исцѣлять болѣзнь и всяку страсть.
Поспѣшно повелѣлъ звать сына Іессея.

Пѣвецъ пришелъ и хоръ съ нимъ предъ него,
И — зря, что на одрѣ Царь, взоромъ пламенѣя,
Лежитъ и день клянетъ рожденья своего, —
Съ созвучностію струнъ, касаясь чуть ушесъ,
Двугласну тихо пѣснь вознесъ:
«О Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ;
Скорбь Царску утиши,
Отри потоки съ глазъ,
И просвѣти Твое лице
На блещущемъ его вѣнцѣ.
«Виждь, стрѣлы, Судія,
Твои его разятъ;

Какъ лютая змія,
Ліютъ во сердце ядъ.
О Боже! поспѣши,
Скорбь Царску утиши.» —
Внимаетъ пѣснь Монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучъ отъ холма льдяна;
Снѣдаетъ грусть его, мысль черная, печальна.
Пѣвецъ то зритъ—и, взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всѣмъ, но сонно, полутонно,
Смятенью тартара, душѣ смятенной сходно:

«На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тьмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой, внутрь и внѣ, безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близь оглушали;
Бездны безднъ, хляби хлябь, колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.» —
Подъ томной пѣснью сей Царя тягчайшій сонъ
Давилъ, что больше мертвъ, чѣмъ живъ казался онъ.

Былъ сходенъ хаосу, въ сонъ вѣчный погруженну,
Въ себѣ самомъ смятенну.
«Но гласъ взгремѣлъ:
Стихіевъ бездны раздѣлились;
Огнь, съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ,
Земля съ водою внизъ спустились:
Бысть свѣтъ!
Чертежъ, въ умѣ Творца предвѣчно изложенный,
Напечатлѣлся всей природы на росткахъ,
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ Его отсвѣтъ,
Отъ слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевленный,
И въ родѣ всяка тварь своемъ,
Къ чему назначенна, явилась точно тѣмъ.
Какъ искра, отъ кремня и изъ стали вспрянувъ,
Такъ солнце излилось изъ мрака, возблеснувъ.
«Прекрасное Свѣтило
Грядетъ среди небесъ!
Величіе открыло
Тмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря,
Румянилась заря;
Въ безмолвномъ утра меракѣ
Сіяетъ Оріонъ,
Но звѣздъ Царя при зракѣ
Блѣднѣетъ, меркнетъ онъ.
На Сѣверѣ въ полнощи льетъ
Свой Арктусъ яркій свѣтъ.

«И ты, о милая лампада,
Луна!» такъ воспѣвалъ пастухъ:
«Средь звѣздъ въ дали блестяща стада
Свой тихо совершаешь кругъ.
Сумрачны тучи удивились
Задумчивой красѣ твоей,
Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣтлости твоихъ лучей,
И ты царицей нощи стала —
Оспоривая день блистала.

«Такъ тмы планетъ, въ молчаньи, путь
Проходятъ свой благоговѣйно
Стремяще неотложный трудъ
Къ мѣтѣ всеобщей, стройно, вѣрно.
О коль сей дивенъ тихогромъ (*)
И льетъ гармонію какую!
Какъ свѣтлыхъ Серафимовъ сонмъ
Крылами пѣснь на немъ святую,
Порхавъ, по сферамъ издаютъ:
Созвучно всѣ Творца поютъ.
Воскликни хоръ, воскликни вдругъ,
И ты Творца, съ тмой звѣздъ согласно,
Пой съ Серафимы велегласно;
И ты, Его творенье рукъ,
Веселой, трепетной душой
Хвалу Его любовью пой!» —

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго Владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику.
Оцѣпенѣлый взоръ вкругъ дико водитъ онъ,
И чудесамъ небесъ дивится, мыслей полнъ.
Но ново пѣніе возстало,
И вновь Царя слухъ обуяло:
Онъ слышитъ, Океанъ, возставъ, съ челъ звѣздъ потекъ,
Шумяще, въ свой предѣлъ, во глубины безмѣрны;
Возникли горъ хребты мгновенно изъ средь бездны,
И межъ себя пути отверзли бѣгу рѣкъ;
А тамъ, нагнувшися, скалы круты, кремнисты
Низвергнули съ себя журчащій, чистый ключъ,
Который, какъ жемчугъ пересыпаясь чистый,
Катитъ по муравѣ потокъ свой въ понтъ зыбучъ.

«Вивдь, пестрѣетъ стадомъ холмъ:
Агнцы по лугамъ рѣзвятся;
Тонкимъ скрыты облачкомъ,
Пѣсни жаворонковъ гласятся;
А какъ солнца лучъ багряный
Загорится средь ручья,
Отдаются рощи дальны
Свистомъ громкимъ соловья.
Съ неба Ангелы нисходятъ,
Пѣсни Ангельски поя,
И блаженство ихъ низводятъ
Въ тѣни злачныя Рая.
Миръ ликуетъ и спокойство,
Подъ смоковницей сидя,
Цвѣтъ вдругъ, запахъ и довольство
Къ ихъ желаніямъ ведя.
Непорочность и веселья

(*) Фортепіано.

Рука объ руку идутъ;
Тамъ не знаютъ лицемѣрья,
А всѣ въ радости живутъ.
Будь, чета, благословенна!
Вѣкъ невинностью сопряженна;
Ублажайся счастьемъ вновь,
Чистая сердецъ любовь!» —

Хоръ смолкъ. Монархъ челомъ своимъ съ одра склонился,
И, благовѣнья полнъ, во помыслахъ молился
Толикихъ множества Создателю чудесъ.

Но злобы духъ въ немъ вновь воскресъ,
И чернымъ жегъ огнемъ его съ сугубой силой.
Царь бьетъ себя во грудь съ душей унылой:
Почто веселье и покой,
Рекъ, въ хижинахъ живутъ, а домъ забыли мой!

«Быстрые гласы, теките:
Духа печальна будите,
Коль не почувствуетъ самъ,
Грѣхъ что его есть тиранъ.» —

Стени и жалуйся, о арфа! скорбнымъ тономъ,
Стени и наполняй весь свѣтъ его урономъ.
Несется, слышу, вопль, и стонъ, и плачъ, и вой.
Какое зрѣлище я вижу предъ собой!
Увы! напрасны суть твои ужъ слезъ потоки,
Преступная чета! ты пала въ грѣхъ жестокій.
Съ невинностью твоей веселость протекла,
Смерть косу на тебя, яряся, занесла,
И Херувима мечъ огнемъ вокругъ сверкаетъ;
Отчаянье въ очахъ вездѣ тебя пужаетъ:
Возненавиженна сама собою ставъ,
Куда сокроешься, себя собой терзавъ?
Несчастная чета, оставленная Богомъ!
Въ лѣсахъ ли будешь жить, съ звѣрьми подъ листьевъ кровомъ? —
Но ты жалка, твое плачевно состоянье!
Подвиглись небеса; всѣ Ангели въ рыданьѣ;
Долъ плачетъ, плачетъ холмъ, гулъ вкругъ твердитъ: увы!
О, коль несчастливы, сердца порочны, вы!

«Быстрые гласы, теките:
Души преступны разите,
Правдъ не познаютъ коль сихъ,
Что грѣхъ мучитель есть ихъ.» —

Кичливу грудь Царя и страхъ и стыдъ бунтуютъ,
Въ надменномъ гнѣвѣ лицѣ и злость изобразуютъ:
Кровавы, выпуклы глаза его свирѣпо зрятъ.
Но юноша хоть то и примѣчаетъ,
Безъ робости играетъ —
Ланиты правдою горятъ —
И смотритъ такъ на злость тирана онъ спокойно,
Какъ добродѣтели смотрѣть на злобу сродно.
Подъ взоромъ блещущимъ въ слѣдъ скачущимъ перстамъ
По арфѣ огнь бѣжитъ, сверкая по струнамъ,
И, возбуждаючи высоки страшны тоны,
Грѣхъ въ бѣдствіи поетъ, и казнь его и стоны:

«Громы въ громы ударяютъ;
Гулъ за гулами реветъ;
Смерть и ужасы летаютъ;
Молнія вселенну жжетъ;
Бездны разверзаютъ зѣвы:
Богъ преступниковъ казнитъ.
Князь и Царь, рабы Царевы,
Кто отъ Бога убѣжитъ?
Родъ Іаковлевъ! веси, грады,
Брось и кущи ты свои:
Ты умрешь — и нѣтъ пощады
За злодѣйствія твои.
Ты умрешь — и я ужъ внемлю
Шумъ вокругъ небесныхъ стрѣлъ:
Трупы смрадны кроютъ землю
И Солима пустъ предѣлъ.» —

Внемли! се крикъ и вопль изъ бездны выникаетъ;
Се слабо до ушей доходитъ онъ моихъ;
Се тише отчасу, все тише, — исчезаетъ.
Погибли навсегда, хулители Господни,
Землей поглощены, низверглись въ преисподни,
Пропалъ ихъ слѣдъ —
И слуху нѣтъ.
Но, ахъ! возмогутъ ли мои плачевны струны
Тѣ живо описать и молньи и перуны,
Какіе Праведный опредѣлилъ Судья
Въ казнь вѣчную злодѣямъ — Увы! ужъ вижу я:

«Грядетъ, грядетъ свирѣпо мщенье
Вкругъ въ бурю, въ мракъ облечено.
Низвергнуло скалы трясенье;
Понтъ, небо въ кровь превращено;
Міръ дрогнетъ, вѣетъ знамя гнѣва.
Возстань, хлябь водъ, возстань —
Гласъ рѣкъ и изъ твоихъ безднъ чрева
Потопомъ съ неба шумнымъ грянь,
И погреби въ волнахъ вселенну,
Нечестьемъ, злобой оскверненну:
Пусть знаетъ свѣтъ мой правый судъ,
Изъ сна грѣховъ себя возбудитъ.
Возстань! да воды не придутъ
Въ свой паки одръ почить покойно,
Но да стремятся всюду грозно,
Поколь заклеповъ не прорвутъ,
Сквозь горъ каменистыхъ не пройдутъ,
И сушей Океанъ не будетъ.

«Съ гласу Господня
Въ мигъ преисподня
И звѣздна хлябь водъ
На землю течетъ.
Море волнами,
Небо дождями
Шумитъ и реветъ,
Міръ топитъ и жретъ.»

Богъ правъ, и судъ Его есть правда,
И праха сынъ всегда зрѣть слабъ ея лучи.
Ненависть съ завистью покрыла ярыхъ волнъ громада:
Тамъ сластолюбіе, тамъ роскошь, мракъ нощи,
Съ развратомъ, съ лѣностью погрязли безднъ въ стремленьѣ,

И тщетно о своемъ мнятъ смертные спасеньѣ,

«Скалъ прорванъ сводъ;
Всталъ къ небу понтъ;
Нѣтъ больше въ спорѣ
Съ брегами волнъ;
На морѣ море
Кидаетъ чолнъ
По всей вселенной
Опустошенной.

«Но гласы, пламенѣя,
Возвысьтеся пѣвцовъ!
Воскликни, хоръ, живѣе,
Спокойныхъ пастуховъ,
Чтобъ огненныя стрѣлы
Струнъ ихъ и пѣсней вдругъ
Пронзали онѣмѣлы
Цареву грудь и духъ,
И онъ бы, правды самъ ставъ зритель,
Позналъ, что грѣхъ его мучитель.»

Межъ тѣмъ, какъ пѣлъ Давидъ такъ пѣснь, восторга полнъ,
И сильный арфы гласъ чертожны двигалъ стѣны, —
Саулъ въ отчаяньи, пуская дикій стонъ,
Зубами скрежеталъ, терзалъ власы смятенны
И рдѣлъ въ жару какъ угль, и мерзъ въ хладу какъ ледъ;
По блѣдному лицу катился градомъ потъ,
И съ пѣною изъ устъ клубилась желчь черна.
Въ неистовствѣ его, схвативъ рука кинжалъ,
Взнесла на грудь свою; но бывъ остановленна
Отъ сущихъ близъ его, вдругъ острый сей металлъ
Повергла на Давида. — Давидъ отсторонился,
И дѣйствующій зря
Страхъ Божій на Царя,
И что спасенъ былъ самъ, восторгомъ оживился,
И сталъ пріятно съ струнъ, какъ вѣтерокъ, дышать,
Помалу духъ Царя къ спокойству пріучать;
Но тщетнымъ зря и то, что скорбь хотя тѣлесну
И рану облегчить возможно намъ извѣстну;
Но слабы всѣ бальзамы суть
Цѣлить и утолять душевную въ насъ грусть,
Сердечны скрыты раны,
Терзающія тайны,—
»Приди жъ, раскаянье,« онъ рекъ, »скорѣй съ небесъ,
О ты, что тусклый взоръ возводишь къ милосердью
И полно чувствъ живыхъ судебъ колеблешь твердью!
Приди, къ святынѣ, вождь, въ лицѣ печали, слезъ,
И милость приведи Творца со умиленьемъ,
Чтобъ сердце Царское предъ нимъ съ благоговѣньемъ
Содѣлалось тобой способнымъ къ чувству благъ,
И отъ него бъ ушли уныніе и страхъ.

Раскаяніе приходитъ:
Внемли его, Монархъ!
Оно покой приводитъ
И сладость во слезахъ;
Печаль имъ радостью бываетъ,
Коль все желанье обитаетъ
И мысль твоя на небесахъ:
Оно къ блаженству первый шагъ.
И се раскаянье уже прогнало ярость.
Царь смотритъ на кинжалъ, являя трепетъ, жалость,
И тихій на пѣвцовъ кидаетъ съ вздохомъ взглядъ.
Зѣницы, пламенно вращаясь, не горятъ,
Въ которыхъ передъ симъ отчаянность грозила:
Небесная печаль грусть ада заступила.

«О! какъ милость есть любезна!
Всѣхъ она славнѣй добротъ!
Плачетъ Царь — и струйка слезна
По ланитѣ его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ,
Не пустя упасть во тьму,
Милосердью посвящаетъ:
Жертвъ пріятнѣй всѣхъ ему.»

Еще, еще, — но, ахъ! болѣзнь приходитъ снова:
Біенье сердца, грусть видна въ очахъ Царя сурова.
Возвысьте, пастыри, вашъ выспреннѣе гласъ,
Покудова недугъ въ немъ въ корнѣ не погасъ,
Поколь обильный токъ съ очей не устремился,
И мукъ съ души его яремъ не низложился.

«Всемогущій! пріими
Вздохъ раскаянья Царева;
Искушенія изми,
И надежду среди гнѣва
Брось ему Твоимъ лучемъ,
Чтобъ онъ, сердца сокрушенье
Слезъ изливъ Тебѣ дождемъ,
Зрѣлъ въ Тебѣ свое цѣленье.»

Спустись теперь въ юдоль съ холмовъ, парящій хоръ
И къ пѣнью вышнему не напрягайтесь струны:
Тріумфъ явили свой гармоніи перуны;
Монархъ ихъ чувствуетъ, его свѣтлѣетъ взоръ,
Ланиты блѣдныя румянятся зарею, —
Блаженъ! ужъ отъ него бѣжитъ унынье прочь;
Не мучится уже онъ совѣстью своею.
Раскаянной душѣ спѣшитъ Самъ Богъ помочь,
И черна скорбь къ нему ужъ вспять не возвратится.
Пѣснь ваша, пастыри, ему да усладится,
И арфы тихія пріятный сердцу звукъ
Надеждою Небесъ его да тѣшатъ духъ:
Забавы сельскія, невинность и свобода!
Да обольститъ его вашъ пѣніемъ предѣлъ,
Чтобъ гордость позабылъ, чтобъ нравилась свобода,
И онъ богатству бы спокойство предпочелъ.

»Поля, лѣса, пустыни дики,
Сквозь дебръ журчащіе ручьи,
Пастушьи громки слышьте клики,
Поющи свѣтлы дни свои.

»Межъ скалъ отъ рѣзвыхъ стадъ брыканья
Хохочетъ эхо вкругъ его,
И онъ, священна полнъ вниманья,
То зритъ, другой не зритъ чего.

»Подъ тихія вечерни сѣни,
Идетъ къ нему покой съ небесъ;
Любовь, невинность въ восхищеньи
Въ цвѣтахъ сидятъ съ нимъ межъ древесъ;

»Вокругъ чела его довольна
Звѣздъ зрится блескъ, льетъ съ ризы свѣтъ;
Вся жизнь его покрова пальмъ достойна,
Шалашъ его — покой даетъ.

»Да въ вѣкъ, о Ангелъ! ощущаетъ
Твою бесѣду грудь моя:
Спѣсь, зависть при Дворахъ блистаетъ:
Пастушья — хижина твоя.« —

»Тише, о пѣсни! теперь вы звучите;
Скорбному духу дремоту внушите;
Лей на него свой ароматъ, сонъ, вкругъ;
Сладко спокойство, лелѣй его духъ!«

Слетайте на него, о воины небесны!
Стрегущи Божій градъ, и маніемъ своимъ его
Владѣющіе сномъ, чѣмъ вы, мечты прелестны,
Грядуща время видъ являете того,
Гдѣ приготовлена душамъ благимъ награда,
А злобы извергамъ грозящи страхи ада,
Слетите, и его восхитя духъ съ собой,
Представя передъ нимъ небесный садъ, златой,
Къ превыспренности той взнесите свѣтлой, звѣздной,
Гдѣ о безсмертьи лишь звучитъ безсмертный хоръ;
Гдѣ, кромѣ радости, ничто не существуетъ,
И новой вѣчностью жизнь вѣчна торжествуетъ.

»Арфъ своихъ тономъ,
Божественнымъ звономъ
Стрясите съ него
Скорбь люту его;
Плачъ будетъ въ радость,
Стонъ его въ сладость.«

И се уже его гармонія живитъ:
Потокомъ сладкихъ слезъ кропитъ отрадный видъ;
Бѣжитъ уныньe, проходитъ безпокойство.
Согласье новое, яви твое устройство.

» Греми струнъ новый громъ
Созвучно съ голосами,
Подвигни небесами,
Кличь радость въ Царскій домъ.«

Какая сильна мощь томитъ души волненье?
Какая возбуждать въ ней можетъ бурну страсть?
Твое, гармонія, волшебное велѣнье
И надъ природой всей твоя чудесна власть.
Ты, дщерь небесъ!
Вселенной зримой сей съ тѣхъ поръ извѣстна стала,
Какъ съ трона вѣчнаго Премудрость гласъ снизслала,
Который міръ вознесъ.
Явилась ты, — и твердь усѣялась звѣздами,
По звуку твоему потекъ сей красный, свѣтлый строй!
Полкъ Ангельскъ, поразясь согласіемъ его, красой,
»Великъ,« воспѣлъ, »великъ Творецъ нашъ чудесами!«
И въ изумленіи съ тѣхъ поръ съ высотъ глядитъ
На сей лучистый сонмъ, въ его заряся токѣ,
И совокупно съ нимъ гласитъ
Пѣснь первую звѣзды, возникшей на Востокѣ,
Котору сферы всѣ и вблизь и вдаль твердятъ
Едиными устами: »Осана! святъ, святъ, святъ!«

СТРѢТЕНІЕ ОРФЕЕМЪ СОЛНЦА.

—

ГИМНЪ.

Оставь багряный одръ, гряди,
О златокудрый, вѣчно-юный
Богъ свѣта, дѣвъ Парнасскихъ вождь!
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни
И цвѣто-благовонну Флору,
И въ класахъ блещущу Цереру
И Вакха, гроздовъ подъ вѣнцомъ,
Да, въ стрѣтенье Тебѣ исшедши,
Воскликнемъ гимнъ.

Вспылалъ румяный огнь въ водахъ;
Вздымились горы, засверкали!
Се зрю, се зрю, — грядетъ, грядетъ
И свѣтлое чело возноситъ
Изъ синихъ волнъ на небеса!
Ужъ тихой арфы тихи звуки
Бѣгутъ со струнъ лучами въ долъ;
Безмолвны наклонились кедры, —
Внимаетъ тварь!

Пришелъ, пришелъ любитель Музъ,
Олимпа Царь, источникъ знаній:
Сердецъ ему несемъ
Благоуханну дань.
Прими и озари съ престола
Тебя поющихъ Піеридъ.

ДИѲИРАМБЪ.

Тяжелой съ неба стопой
Мракъ отступаетъ,
Тонетъ, блѣднѣетъ во мглѣ,
И съ роскошью лѣнь,
Тучныя вѣжди подъемля,
Вставъ, идутъ къ трудамъ,

Зрятъ честью плѣнны умы
Къ лаврамъ и славѣ.

Слава! что зрю въ восхищеньѣ?
Боги, богини и Фивъ!
Се они! — Сердце трепещетъ!
Очи летятъ на красы!
Льются съ раменъ волны златы
Розы средь устъ и ланитъ!
Голуби, лебеди, пава,
Вѣщая птица при нихъ:
Слава! зрѣлъ свѣтлаго Фива!
Видѣлъ! — вѣрь мнѣ потомство.

Слава! слава! Музы скорѣе
Теките, бѣгите ко мнѣ
Фива воспѣть. — Холмы и рощи,
Рѣки шумящи съ горъ слышу:
Прядаютъ звѣзды, громы гремятъ;
Пестрые тигры, львы желтогривы
Кротко у ногъ Фива легли;
Вьются орлы. Фиву въ вѣкъ слава!

═

УТРО.

—

Огнистый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;
Лежала на холмахъ вкругъ нощь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна;
А только вѣтровъ свистъ, лѣсовъ листы шептали;
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ потоковъ ревъ,
И изрѣдка вдали рычащій левъ,
Молчанье прерывали.
Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, всталъ
И свѣта дожидался;
Но говоръ птицъ едва помалу слышанъ сталъ,
Вкругъ по брегамъ раздался,
И вскликнулъ соловей;
Тумана, свѣта сѣть по небу распростерлась,
Сокрылся Сиріусъ за ней,
И нощь бѣгущая чуть зрѣлась.
Мудрецъ восшелъ на вышній холмъ,
И тамъ, сѣдымъ склонясь челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнымъ,
И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ
На море, на лѣса, на синн цѣпи горъ,
И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на возстающій міръ.
Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
Открылся всей ему Природы!
Онъ видѣлъ землю вдругъ, и небеса, и воды,
И блескъ планетъ,
Тонущій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.
Онъ зрѣлъ: какъ солнцу путь заря уготовляла,
Лиловые ковры съ улыбкой разстилала,
Врата Востока отперла,
Крылатыхъ коней запрягла,
И звѣздъ Царя, сего вѣнчаннаго возницу,
Румяною рукой взвела на колесницу;
Какъ хоромъ утреннихъ часовъ окружена,
Подвигнулась въ свой путь она,
И восшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна;
Багряны вожжи напряглися
По конскимъ блещущимъ хребтамъ:
Летятъ, вверхъ пышутъ огнь, свѣтъ мещутъ по странамъ,
И мглы подъ ними улеглися;
Тумановъ рѣки разлилися,
Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ,
Челомъ сверкая золотымъ,
Возстали горы изъ долинъ,
И воскурился сверхъ ихъ тонкій дымъ.
Онъ зрѣлъ: какъ свѣта богъ съ морями лишь сравнялся,
То алый лучъ по нихъ восколебался;
Посыпались со скалъ
Рубины, яхонты, кристалъ,
И бисеры перловы
Зажглися на вѣтвяхъ;
Багряны тѣни, бирюзовы,
Слилися съ златомъ въ облакахъ;
И все — сіяніе покрыло!
Онъ видѣлъ: какъ сіе божественно свѣтило
На высоту небесъ взнесло свое чело,
И пропастей лице лучами расцвѣло:
Открылося морей огнисто протяженье:
Тамъ съ холма внизъ глядитъ, навѣсясь, темный кедръ;
Тамъ съ шумомъ вержетъ китъ на воздухъ рѣкъ стремленье;
Тамъ челнъ на парусахъ бѣжитъ средь водныхъ нѣдръ;
Тамъ выплывъ изъ пучины,
Играютъ, рѣзвятся дельфины,
И рыбъ стада сверкаютъ чешуей,
И блещутъ чуды чрева бѣлизной;
А тамъ среди лѣсовъ гора переступаетъ,
Подъемлетъ хоботъ слонъ, и съ древъ плоды снимаетъ;
Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюдѣ поднялись;
Тамъ конь, пустя по вѣтру гриву,
Бѣжитъ и мнетъ волнисту ниву;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежитъ,
Глазами красными блеститъ;
Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ стрѣлами,
Стоятъ на крутизнахъ, висятъ подъ облаками;
Тутъ взоры пламенны вверхъ устремляя къ нимъ,
На лапахъ жилистыхъ сидитъ зубастый скимнъ;
Здѣсь пестрый, алчный тигръ, въ лѣсъ крадется дебристый,
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговѣтвистый;
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый, мягкій логъ
Стремится въ жаждѣ пить единорогъ;
А здѣсь по воздуху витаетъ
Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой,

Лѣса, поля, моря и холмы населяетъ
Чудесной пестротой:
Тѣ въ златѣ, тѣ въ сребрѣ, тѣ въ розахъ, тѣ въ багрянцахъ,
Тѣ въ свѣтлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ сизыхъ глянцахъ,
Гуляютъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вкругъ озеръ;
Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ!
А тамъ съ пологихъ горъ, селъ кровы, башень спицы,
Лучами отразясь, мелькаютъ на водахъ;
Тутъ слышанъ рога зовъ, тамъ эхо отъ цѣвницы,
Блеянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ;
А здѣсь сквозь птичій хоръ и шумъ отъ водопада
Несутся громы въ слухъ съ великолѣпна града,
И изъявляютъ зодчихъ трудъ;
Тамъ поселяне плугъ влекутъ;
Здѣсь сѣти рыболовъ кидаетъ,
На удѣ блещетъ серебро;
Тамъ огнь съ оружья войскъ сверкаетъ. —
И все то благо, все добро!

Клеантъ, на все сіе взирая,
Былъ внѣ себя Природы отъ чудесъ;
Верховный умъ Творца воображая,
Излилъ потоки сладкихъ слезъ. —
«Все дѣло рукъ Твоихъ!» вскричалъ во умиленьѣ,
И арфу въ восхищеньѣ
Пріявъ, благоговѣнья полнъ,
Въ Фригическій настроя тонъ,
Умолкъ. — Но лишь съ небесъ сквозь дуба сводъ лиственый
Проникнувъ, на него палъ свѣтъ багряный, —
Брада сребристая, чело,
Зардѣвшися, какъ солнце, расцвѣло:
Ударилъ по струнамъ и — отъ холма съ вершинъ
Какъ искръ струи въ долъ быстро покатились;
Далеко звуки разгласились:
Воспѣлъ онъ Богу гимнъ.

ГИМНЪ БОГУ.

(Подражание Греческому.)

«О Ты, всесый, многоименный,
Но тотъ же и вездѣ единъ!
Премудрый, вѣчный, несозданный,
Благій творецъ и Властелинъ!
Что солнце подъ Собою трономъ,
Въ подножье звѣзды положилъ,
Единымъ правишь все закономъ
Своихъ неизмѣримыхъ силъ!

«Коль не возбранно тварямъ смертнымъ
Къ Тебѣ взывать: Тебя пою!
Все, что ни вижу окомъ бреннымъ,
Все чтитъ Тебя въ вину свою.
Я самъ, я самъ Твое творенье,
Подобье слабое, Твой сынъ,
Души моей вседневно пѣнье,
Тебѣ сей посвящаю гимнъ.

«Сводъ неба, надъ моей главою
Что съ сонмомъ многихъ звѣздъ виситъ,
Вращаясь вкругъ земли, собою
Твое велѣніе творитъ;
Въ молчаньи движась, исполняетъ
Земля вся маніе Твое,
И вся Природа совершаетъ
Тобой теченіе свое.

«Перунъ, посолъ Твоихъ законовъ,
Въ Твоей всесильной длани спитъ:
Взгорясь безсмертной жизнью громовъ,
Страшитъ всю тварь, грясетъ, мертвитъ;
Но Ты жъ духъ жизни посылаешь,
И всѣ онъ существа живитъ;
Все имъ содержишь, оживляешь,
Твоя же власть Природы щитъ.

«Что въ небѣ, морѣ, сушѣ зрится,
Твое что бездна обняла,
Все зиждется и все родится
Лишь отъ Тебя, — окромѣ зла:
Оно одно, изъ душъ порочныхъ
Возникнувъ, возмущаетъ свѣтъ;
Но мышцей силъ Твоихъ всемощныхъ
Въ порядокъ паки все идетъ.

«Борьбу стихій и разногласье
Въ согласіе приводишь Ты;
Творишь изъ распрь покой и счастье,
Изъ зла и блага красоты.
Міры Тобою пребываютъ,
Въ тебѣ союзъ ихъ свѣта, тьмы,
Который лишь разстроеваютъ
Одни порочные умы.

«О бѣдные! найти мня счастье,
Закона общаго не чтутъ,
Кой, просвѣтивъ, привелъ въ согласье
И къ счастью всѣмъ отверзъ бы путь.
Такъ, такъ, они его не знаютъ,
Бѣгутъ отъ правды, красоты;
Свое лишь благо почитаютъ,
А благо обще за мечты.

«Спѣшатъ, летятъ ко громкой славѣ,
Къ богатствамъ, власти и чинамъ,
Къ великолѣпію, забавѣ,
Всѣхъ низкихъ слабостей къ сластямъ,
Которы льстятъ ихъ, обаваютъ
И въ сѣть обманами влекутъ;
Но лишь уловятъ, — исчезаютъ,
Оставя въ слѣдъ имъ скорбь и студъ.

«Но Ты, о Боже! благъ Содѣтель!
Богъ молній, грома, свѣта, тьмы!
Вдохни въ нихъ душу добродѣтель;
Блесни и разжени ихъ мглы;
Возвысь ихъ умъ къ уму нетлѣнну,
Къ тому ихъ разуму взнеси,
Которымъ правишь Ты вселенну
И на земли и въ небеси,

«Почтилъ Ты коимъ человѣка,
Чтобъ разумѣлъ Твои дѣла,
И чрезъ него отъ всѣхъ до вѣка
Гремѣла бы Твоя хвала:
Такъ должно, праведно, прекрасно,
Творенію Творца хвалить;
Въ восликновеніяхъ всечасно
Его Святое Имя чтить.

«Никто, никто изъ всѣхъ живущихъ
Среди земли, среди небесъ,
Не обрѣтетъ изъ тварей сущихъ
Столь удивительныхъ чудесъ,
Великихъ, славныхъ, непостижныхъ,
Каковъ великій разумъ тотъ,
Что въ маніяхъ своихъ обширныхъ
Природѣ всей законъ даетъ.» —

Онъ пѣлъ — и къ гласу столь священну
Главу, казалось, вознесенну
Вкругъ холмы, горы и лѣса,
И сами вышни небеса
Съ благоговѣніемъ склонили;
Всѣ тщилися ему внимать;
Присутствіе Господне чтили:
Его могъ праведникъ призвать.

═

АРИСТИППОВА БАНЯ.

—

Что вы, Аркадскія утѣхи,
Темпейскій долъ, Гесперскій садъ,
Цитерски рѣзвости и смѣхи
И скрытыхъ тысячи прохладъ
Средь рощъ и средь пещеръ тѣнистыхъ,
Между цвѣтовъ и токовъ чистыхъ, —
Предъ тѣмъ, гдѣ Аристиппъ (*) живетъ? —
Что вы? — Домъ полнъ его довольствомъ,
Свободой, тишиной, спокойствомъ,
И всѣхъ блаженствъ онъ чашу пьетъ!

Жизнь мудраго — жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, Природа что даетъ.
Не спать въ свой вѣкъ, и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно,
Жить съ беззаконными законно;
Чтить доблесть, не любить порокъ;
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Взгляните жъ на него. — Онъ въ банѣ! —
Се роскоши и вкуса храмъ!
Цвѣтъ розъ разсыпанъ на диванѣ;

(*) Греческій Философъ, жившій за 400 лѣтъ до Рождества Христова.

Какъ тонка мгла, иль ѳиміамъ,
Завѣса вкругъ его сквозится;
Взоръ всюду изъ нея стремится,
Въ нее жъ чуть дуетъ вѣтерокъ;
Льетъ чрезъ каминъ, сквозь сводъ, въ купальню,
Въ книгохранилище и спальню,
Огнистый съ шумомъ ручеекъ.

Онъ нѣжится, — и Апеллеса
Картины вкругъ его стоятъ:
Сверкаютъ битвы Геркулеса;
Сократъ съ улыбкою пьетъ ядъ;
Звучатъ пиры Анакреона;
Видна и ссылка Аполлона,
Стада пасетъ какъ по землѣ,
Какъ съ Музами свирѣлку ладитъ,
Въ румянецъ розъ пастушекъ рядитъ:
Цвѣтетъ спокойство на челѣ;

Иль миртъ подъ тѣнью, подъ луною,
Онъ зритъ, на чистомъ ручейкѣ
Наяды плещутся водою,
Шумятъ: ихъ хохотъ вдалекѣ
Погодкою повсюду мчится;
Отъ тѣлъ златыхъ кристаллъ златится,
И прелесть свѣтится сквозь мракъ. —
Все старцу изъ окна то видно;
Но Нимфъ невинности не стыдно,
Что скрытый съ нихъ не сходитъ зракъ.

А здѣсь, въ сосѣдственномъ покоѣ,
Въ очкахъ друзей его соборъ,
Надъ книгой, видной на налоѣ,
Сидитъ, склоня думъ полный взоръ,
Стиховъ его занявшись чтеніемъ;
Младая дщерь на цитрѣ пѣніемъ
Между фіаловъ вторитъ ихъ. —
Гласъ мудрости живѣй несется,
Какъ дѣвъ онъ съ розовыхъ устъ льется,
Подобно медъ съ сотовъ златыхъ.

»О смертные!« — поетъ Арета (*) —
»Коль странники страны вы сей,
Вкушать спѣшите благи свѣта:
Теченье кратко вашихъ дней. —
Блаженство намъ даруетъ время;
Бываетъ и порфира бремя,
И не прекрасна красота.
Едино счастье въ томъ неложно,
Коль услаждать духъ съ чувствомъ можно,
А все другое — суета.

»Не въ томъ бѣда, чтобъ чѣмъ прельщаться;
Бѣда пороку сдаться въ плѣнъ.
Не долженъ мудрымъ называться,
Кто духа твердости лишенъ.
Но если тѣло услаждаемъ
И душу благостью питаемъ,
Почто съ небесъ перуна ждать?
Для жизни человѣкъ родится;

(*) Дочь его, имъ воспитанная, была дивомъ красоты и добродѣтели своего времени.

Его стихія — веселиться;
Лишь нужно страсти побѣждать,

»И въ счастіи не забываться,
Въ довольствѣ помнить о другихъ;
Добро творить не собираться,
А должно дѣлать, дѣлать въ мигъ.
Вотъ мудра мужа въ чемъ отличность!
И будетъ ли вредна тутъ пышность,
Коль муро на браду занесъ,
И часъ въ домъ царскій призываетъ;
Но сирота пришелъ, рыдаетъ:
Онъ всталъ, — отеръ его токъ слезъ?

»Порочно ль и столовъ обилье,
Блескъ блюдъ, винъ запахъ, сладость ѣствъ,
Коль гонятъ прочь они унынье,
Крѣпятъ здоровье, и пріятствъ
Живутъ душей друзьямъ въ досугахъ;
Коль тучный полкъ стоитъ въ прислугахъ,
И съ гладу вкругъ не воютъ псы!
Себя лишь мудрый умѣряетъ,
И смерть, какъ гостью, ожидаетъ, —
Крутя задумавшись, усы.»

Но вдругъ вошли, пресѣкли пѣнье
Отъ Діонисья три жены,
Мужамъ рожденны на прельщенье:
Какъ нощь — власы, лицемъ — луны,
Какъ небо — голубые взоры;
Блескъ устъ, ланитъ ихъ — блескъ Авроры,
И холмы — въ даръ ему плодовъ
При персяхъ отдаютъ въ прохладу.
»Хвала Царю« — рекъ — »за награду;
Но выдьте вонъ: я Философъ « (*)

Какъ? — Нѣтъ, мудрецъ! скорѣй винися,
Что ты лишь слабостью не слабъ:
Безъ зубъ воздержностью не дмися:
Всякъ смертный искушенья рабъ.
Блаженъ, и въ средственной кто долѣ
Возмогъ обуздывать по волѣ
Своихъ стремленье прихотей!
Но быть богатымъ, купно святу,
Такъ трудно, какъ орлу крылату
Иглы сквозь пролетѣть ушей.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ ПИНДАРА ПИѲИЧЕСКАЯ.

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчанье звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья, пляска, ликъ:

Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ, —
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій,
Ты можешь молньи потушить!

Спитъ на скипетрѣ Зевеса
Орелъ, пернатыхъ Царь, и внизъ
Спустя высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньѣ спитъ.
Пріятна мгла, смежая вѣжди,
Главу его на перси гнетъ;
Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
Чуть зыблется хребетъ его.

Свирѣпый Марсъ склоняетъ долу
Свое кроваво остріе;
Утѣшай сердце упоенно,
Смягчась, плѣняется его.
И самые безсмертны боги
Забавъ сражаются отъ стрѣлъ,
Какія персты Феба мещутъ
И нѣжны груди Піеридъ.

Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсенъ Музъ;
Трепещетъ на землѣ и морѣ
Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
Трепещетъ и Тифей стоглавый,
Воитель бывый на боговъ:
Наверженъ страшною горою,
Онъ въ мрачномъ тартарѣ лежитъ.

Кильківской оглашенной бездной
Онъ нѣкогда воспитанъ былъ;
Вокругъ его каменно-морскій
Днесъ Кумскій и Сицильскій брегъ
Космату грудь отягощаетъ;
Столпомъ, досягшимъ до небесъ,
Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
Прижатъ, придавленъ Этной онъ.

Изъ челюстей своихъ изверженъ
Потоками всежрущій огнь,
Который днемъ сквозь тучи дыма
Сверкаетъ искрами въ аэръ,
А ночью, вихрями крутяся,
Горящимъ каменнымъ дождемъ,
Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
Въ морскую глубину падетъ

Не только зрѣть его ужасно,
Какъ жупелъ онъ Вулкановъ вверхъ
Горящими струитъ рѣками, —
О немъ ужасенъ даже слухъ;
Какъ Этной къ листомрачну верху
И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
Изъязвленнымъ хребтомъ простершись,
На терновыхъ лежитъ буграхъ.

О Зевсъ, горы сея Властитель!
Помилуй и спаси чело
Страны богатыя плодами,
Близъ коей соименный градъ

(*) Діонисій, Царь Сиракузскій, подарилъ Аристиппу трехъ красавицъ. Онъ привелъ ихъ къ себѣ, и отпустилъ назадъ, не прикасаясь къ нимъ.

Воздвигъ народовъ поселитель,
И гдѣ въ ристалищѣ Герольдъ
Пиѳійскомъ славу колесницы
Хироновой провозгласилъ!

Какъ въ понтъ пловцы пустясь, ликуютъ,
Зря вздуты вѣтромъ паруса,
Надеждою ихъ сердце льстится,
Что счастливо свой путь свершатъ:
Такъ сихъ торжествъ начало кажетъ,
Что градъ украсясь сей, и впредъ
Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
Возликовствуетъ на пирахъ.

О Фебъ! Ликея Повелитель,
Делоса свѣтлый Царь, и другъ
Любимаго тобой потока
Кастальскихъ водъ, съ Парнасскихъ горъ
Текущихъ, о, услышь желанье!
Сей гласъ мой! — и страну сію,
Героями превознесенну,
На сердцѣ напиши твоемъ!

Такъ милостью боговъ единыхъ
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
Блаженство лишь они дождятъ;
Чрезъ нихъ премудрые — премудрость;
Краснорѣчивы — сладость устъ;
Могущіе — ихъ силу стяжутъ,
И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ восторгомъ,
Вожделѣвая мужа пѣть,
Да брошу сильною рукою
Мое выспрь мѣдное копье,
Которое прямымъ полетомъ
Межъ соподвижниковъ моихъ,
Всѣхъ далѣй, всѣхъ быстрѣй промчася,
Со звукомъ въ мѣту попадетъ.

О! да всегда къ нему снисходитъ
И впредь веселье такъ, какъ днесь!
Осыпанъ счастія дарами,
Да забываетъ скорбь свою,
А помнитъ брани и побѣды,
Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣтъ боговъ,
Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона,
Благъ выше не снискалъ коронъ.

Но не тому ли ужъ подобенъ
Онъ древню Филоктеку днесь,
На брань готову, снаряженну
По изволенію судебъ,
Котораго изъ славныхъ воевъ
Первѣйшій мужествомъ Герой
Толь рѣдкимъ посѣтя привѣтствомъ,
И дружбою почтилъ своей?

Тогда, Вожди какъ приходили
Съ собой его подъ Трою звать,
Лежалъ, страдая въ Лемнѣ язвой,
Снабженный лукомъ Фисовъ сынъ;
Хоть былъ безсильнымъ, слабымъ, тощимъ,
Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ,
И подвигъ совершилъ Данаевъ:
Угодно было такъ богамъ.

Возставь, о Боже! и Хирона
Ты такъ съ болѣзненна одра,
И въ временахъ ему грядущихъ
Во всѣхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!
А ты, о Муза! колесницы
Четвероконной торжествомъ
Восхити духъ и Диноменовъ:
Не чужда сыну честь отца.

Ему ужъ скоро возгласится
И самому мной также пѣснь,
Какъ оному державцу Этны,
Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ
Златой свободы на твердынѣ,
По чертежу Хилійскихъ правъ;
И Гераклидовъ родъ, Памфила,
Пребывъ Дорійцами доднесь,

Хранитъ Эгимовы завѣты
Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда съ холмовъ
Тагета, двигнись, взялъ приступомъ,
Отторгнувъ отъ Амеклы, Пиндъ,
Счастливо ею завладѣвши,
И днесь почтеннѣйшій сосѣдъ
Сталъ бѣлоконнымъ Тиндаридамъ,
И копій звуками цвѣтетъ.

Продли, продли, Зевесъ! то жъ счастье
И на Аменовыхъ водахъ,
Да о Князьяхъ и о народѣ
Молва правдивая гремитъ!
Отцемъ возвышенна младаго
Ты самъ Царя сего води,
И старца умудряй мастита
Въ согласьѣ царства содержать.

Молю тебя, молю, сынъ Хроновъ!
Да страшный ревъ военныхъ трубъ
Спокойства больше не смущаетъ,
Ни Тирянъ, ни Финикьянъ днесь,
Ты самъ, Зевесъ! при Кумѣ видѣлъ
Кораблегибельный позоръ,
И оному ударъ подобный,
Имъ данный Княземъ Сиракузъ;

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою
Съ смятенныхъ бѣгствомъ кораблей
Свергалъ цвѣтущи войски въ море
И Грецію отъ рабства спасъ!
Пѣснь благодарная Аѳинамъ
Принадлежитъ за Саламинъ
И я хвалю, не умолкая,
Спартанъ за Киферонскій бой

О, какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сраженьяхъ
Стрѣлами ополченны тмы
Надменныхъ Персовъ упадали!
Какъ на смѣющихся брегахъ

Водами свѣтлыми Химеры
Звукъ Диноменовыхъ сыновъ
Гласится мной, достойно стершихъ
Геройской мышцей полкъ враговъ.

Пѣснь краткую, но содержащу
Въ себѣ дѣлъ болѣе, чѣмъ словъ,
Не столь хулители дерзаютъ;
Но нагруженна черезъ край
Воображенье утомляетъ;
И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жметъ тайно сердце:
Коль паче чужеземныхъ честь!

Межъ тѣмъ раждать пріятнѣй зависть,
Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
Не преставай итти въ слѣдъ славѣ:
Рулемъ довѣрья правь народъ,
Судъ искушай въ горнилѣ правды,
Малѣйшу искру отъ Царя
Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ;
Тмы вкругъ свидѣтелей тебя.

Ревнуешь ли потомства къ чести?
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ,
И щедрымъ быть не отрекайся;
Но паче, вѣтромъ парусъ твой
Вздувай, подобно мореходцамъ;
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ.

Единъ гласъ памяти блаженной
Звучитъ за гробомъ, — и дѣла
Мужей великихъ воскрешаетъ
Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
Не умретъ Креза добродѣтель;
Но лютый, злобный Фаларисъ,
Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
Не вспоминается добромъ.

Нигдѣ о немъ не звукнетъ арфа;
Ея не вторитъ юныхъ пѣснь:
О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ,
Второй же даръ благая слава:
А кто стяжалъ ихъ обоихъ,
Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

═

ПИНДАРОВА

(Олимпическая первая пѣснь.)

—

Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй,
Злато богатствъ среди пышныхъ, вельможныхъ,
Какъ между всѣхъ преизящнѣе блескомъ,
Пышущу пламени нощью подобно,
Хочешь ли, Муза, побѣды возвысить, —
Звѣздъ не ищи, свѣтозарнѣе тихихъ
Солнца полдневна лучей теплотворныхъ,
Кои, пустыню воздушну протекши,
Міръ освѣщаютъ вокругъ, — и славнѣйшихъ
Ты не ищи же торжествъ Олимпійскихъ.

Душу Поэтовъ они
Пламенемъ всю наполняютъ,
Кронова сына когда,
Сидя Гирона въ чертогахъ,
Счастьемъ, богатствомъ цвѣтущихъ,
Звучно возносятъ, поютъ.

Скиптръ правосудья вращаетъ
Онъ въ многостадной Тринарѣ,
Доблестей цвѣтъ всѣхъ сбирая,
Блещетъ, красой озаряясь
Пѣсень согласныхъ съ музыкой,
Кои мы дружески часто,
Сидя съ нимъ вкругъ за трапезой,
Въ славу ему восклицаемъ.

Снемли съ стѣны сей Дорійскую цитру,
Коль Олимпійскій конь побѣдоносный,
Нынѣ на рыцарскихъ играхъ риставшій,
Сладостнымъ духъ твой плѣняетъ восторгомъ.
О! какъ онъ берегомъ быстро Алфея
Безъ подстреканія гордо, красиво,
Мчалъ Сиракузска Царя конелюбна,
Къ цѣли летя по всему Ипподрому,
Громкой побѣдой межъ всѣми блистая,
Честь своему пріобрѣлъ тѣмъ владыкѣ.

Слава донынѣ о немъ
Селы, града пролетаетъ,
Рождшимъ толь много вождей
Лидскимъ Пелопсомъ селенны;
Богъ, препоясавый моремъ
Землю, его возлюбилъ

Мощный Нептунъ, какъ изъяла
Врѣюща свѣтла коноба
Клота его, и ему тутъ
Кости слоновой вложила
Снѣга бѣлѣйшее рамо.
Вѣрь, что чудесность бываетъ:
Сплошь, пестро сказокъ убранство
Нравится болѣе правды.

Прелесть Поэзьи, волшебная сила,
Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнитъ, услаждая;
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто дастъ вѣроятность,
Лучшій свидѣтель грядущее время;
Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принадлежность,
Чтобъ съ умиленьемъ въ сердцѣ глубокимъ
Провозглашать всѣмъ боговъ благостыню.
Если не будетъ кто виннымъ въ чемъ много,
Тотъ и отвѣту подвергнется мало.

Сыне Танталовъ! тебя
Нынѣ воспѣть я намѣренъ,

Прежде не пѣта никѣмъ, —
Твой какъ отецъ на трапезу
Звалъ всѣхъ боговъ въ свой любимый
Градъ, Сицилію, къ себѣ:

Скиптра трезубна Державецъ,
Страстью къ тебѣ вспламеняся,
Взявши тебя, какъ добычу,
Зевсу всечтиму далече
На огнеконномъ снарядѣ
Въ свѣтлы взнесъ неба чертоги;
Но для услуги сей самой
Былъ Ганимедъ тамъ ужъ прежде.

Бывшу жъ тебѣ отъ всѣхъ смертныхъ сокрыту,
Какъ отыскать и посланцамъ родившей
Было тебя уже больше не можно:
Завистью мрачною, злой, воушенны
Тайны сосѣды всѣмъ слухъ распустили,
Будто бы тѣло твое все на части
Было прерублено острой сѣкирой
И во кипящей водѣ разваренно,
Ночью богамъ въ кругу пира носимо;
Сладостно ими, какъ снѣдно, пожерто.

Но возвѣщать мнѣ о томъ,
Будто безсмертные алчны,
Дерзко, безумно, грѣшно; —
Сильно того я страшуся.
Коль богохульниковъ часто
Ярый сражаетъ перунъ!

Чтили ль кого земнородныхъ
Неба блюстители, боги, —
Былъ то Танталъ. — Но, увы! онъ,
Чашей блаженствъ упоенный,
Много собою кичася,
Гнѣвной свелъ мщенье, десницы;
Камень надъ нимъ преужасный
Зевесъ, яко гору, навѣсилъ.

Вѣчно съ главы его отрѣваетъ,
Вѣчно бѣжитъ отъ него и спокойство:
Жалкій страдалецъ, межъ трехъ онъ четвертый,
Жизнь провождаетъ свою всю въ мученьѣ,
Сколь въ безполезномъ, столь горькомъ рыданьѣ,
Что у боговъ, даровавшихъ безсмертье,
Тайно священный похитилъ онъ нектаръ,
Также унесъ и амброзію сладку
Для угощенія смертныхъ клевретовъ.
О суета, сокрываться отъ Вышнихъ!

Въ кару за тяжкій толь грѣхъ
Боги обратно сослали
Сына въ родъ смертныхъ его,
Столь увядающій скоро.
Юность же розоцвѣтуща
Чернымъ лишь власомъ вокругъ

Щеки его отѣнила,
Сердце прельстилось мгновенно
Бракомъ ему обѣщаннымъ
Со Ипподаміей милой,
Дщерью владѣльца Олимпій.
Къ пѣнну онъ ночью шедъ морю,
Трезубодержца водхолмна
Вызвалъ, — и богъ лишь явился:

«Сильный Царь водъ!» — рекъ онъ, — «ежели дары
Благоугодны тебѣ суть Венеры,
Мѣдно копье удержи Аэммона,
Скрой въ Элизей и меня ты съ собою
На колесницѣ твоей быстротечной.
Тамъ съ нимъ сразяся, побѣду обрящу.
Тридцать ужъ имъ жениховъ перебито;
Дочь же его и понынѣ въ невѣстахъ.
Такъ! — лишь опасностей тѣ не встрѣчаютъ,
Коихъ вся въ нѣжности жизнь протекаетъ.

Мнѣ же коль рокъ ужъ судилъ,
Чтобъ умереть неизбѣжно,
Вѣкъ свой безславно почто
Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
Дѣлъ уклоняться геройскихъ,
Жизнь всю влачить со стыдомъ?

Нѣтъ нѣтъ!—иду я сражаться!
Путь лишь открой мнѣ счастливый.» —
Тако вѣщая,—и спѣшно
Душу онъ бога восхитилъ,
Кой, озаряя въ немъ сердце,
Пролилъ сіянье на взоры,
Давъ ему неутомимыхъ
Коней златыхъ съ колесницей.

Отъ Аэммонова гнѣва избѣгши,
Дѣву исторгъ онъ со славой ко браку,
Седмь воевождей ему породившу;
Тщилися чтить всѣ они добродѣтель.
Днесь ему жертвы курятся надгробны,
Кои на брегѣ онъ злачномъ Алфея
Во благолѣпіи внемля, почіетъ.
Холмъ его вкругъ какъ могильный обходятъ,
Тожъ и алтарь его въ праздничныхъ играхъ,
Гдѣ собирается сонмъ чужестранцовъ.

Блещетъ далеко Пелопсъ
Славой торжествъ Олимпійскихъ
Со ипподромовъ своихъ;
Сила гдѣ, быстрость ногъ гибкихъ,
Мышцы и жилы напрягшись,
Рьяно вдругъ спорятъ съ собой.

Лучъ отъ побѣды награда,
Витязей въ вѣкъ услаждаетъ,
Слаще златаго сота.
Да и кому чѣмъ сей вящше
Радостью льзя наслаждаться,
Какъ не тому, гдѣ вседневно
Съ блескомъ она вспять струится,
И утѣшаетъ насъ снова?
Пѣснью Эольской и мнѣ днесь надлежитъ
Витязя игръ увѣнчать бранноносна,

Конна ристанья по праву извѣстну.
Кто межъ гостей здѣсь есть изъ иностранныхъ,
Иль изъ живыхъ гдѣ суть люди на свѣтѣ,
Царствъ что въ правленьѣ, Наукъ и Художествъ,
Во превосходствѣ съ нимъ могъ бы поспорить!
Нѣтъ! не дерзнетъ ужъ никто, какъ онъ только,
Быть возвеличенъ подвижниковъ въ ликѣ
Благозвучащими пѣсньми достойно.

Богъ твой покровъ, о Хиронъ!
Нѣжно онъ бдигъ надъ тобою,
Коль онъ не сниметъ впредь длань,
Взыду на красный холмъ Кроновъ
И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляетъ,
Какъ быстролетную стрѣлу;
Взнеся тотъ симъ, а сей онымъ:
Ты же надъ всѣми вершина.
Шествуй же, въ долъ не взирая,
Сей и всегда высотою:
Благо съ тобой жить мнѣ, Витязь!
Грецію пѣсни освѣтятъ.

ГИМНЪ САФЫ

Венерѣ.

Безсмертная Венера!
Всечтимая богиня,
Юпитерова дщерь,
Которая прельщаешь
Сердца всѣхъ земнородныхъ!
Не мучь души моей
Скукъ бременемъ печалей, —
Тебя въ томъ заклинаю;
Но пріиди ко мнѣ,
Какъ приходила прежде,
И именемъ Амура
Услышь мольбу мою,
И будь благопріятна,
И будь мнѣ милосерда,
Какъ нѣкогда была,
Когда ты оставляла
Домъ отчій позлащенный
И на твоей ко мнѣ
Роскошной колесницѣ
Съ Олимпа низлетала.
Легко съ высотъ ее
По воздуху носили
На рѣзвыхъ, быстрыхъ крыльяхъ,
Порхая, воробьи, —
И кончивъ быстротечно
Свое они рыстанье,
Съ ней возвращались вспять,
Тогда ты, всеблагая!
Своимъ лицемъ небеснымъ,
Осклабясь на меня,
Умильно вопрошала.
О чемъ я такъ тоскую?
Зачѣмъ звала тебя?
И коимъ средствомъ можно
Тревожный, заблужденный
Спокоить разумъ мой?
Кого я, бывъ влюбленна,
Желала бы увѣрить,
Разжалобить, смягчить,
И удержать въ оковахъ?
«Кто тотъ неблагодарный,» —
Ты такъ вѣщала мнѣ: —
«Любезнѣйшая Сафа,
Тебя что презираетъ?
Тебѣ не внемлетъ кто?
Онъ ежели безчувственъ,
Не нѣженъ, не привѣтливъ,
И отъ тебя бѣжитъ:
Самъ бѣгать за тобою,
Искать тебя онъ станетъ;
Когда отвергъ твой даръ,
Пришлетъ тебѣ самъ дары;
Когда тебя не любитъ,
Полюбитъ столько вмигъ,
Сколь ты сама захочешь.» —
И такъ приди, Венера!
Приди ко мнѣ, спаси,
Освободи жестокихъ
Томленій, грусти, муки!
Сверши и увѣнчай
Руки своей ты дѣло!
И все, чего желаетъ,
Дай сердцу моему.
Приди, возьмись, богиня!
Ты заступить собою
И защитить меня.

САФО.

Блаженъ подобится богамъ
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ!

Увижу ль я сіе, — и въ мигъ
Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ,
И молнія по мнѣ стремится.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю;
Дрожу, блѣднѣю, — и какъ злакъ
Упадшій, вяну, умираю.

САФЫ

ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ.

—

Счастливъ, подобится въ блаженствѣ тотъ богамъ,
Кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
Съ тобой бесѣдуетъ, тебѣ внимаетъ самъ,
И сладкою твоей улыбкой тайно таетъ.

Я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя съ нимъ зрю,
Тончайшій огнь и мразъ изъ жилъ текущій въ жилы;
Въ восторгахъ сладостныхъ вся млѣю, вся горю.
Ни словъ не нахожу, ни голоса, ни силы;

Густая темна мгла мой взоръ объемлетъ вкругъ;
Не слышу ничего, не вижу и не знаю:
Въ оцѣпенѣніи едва дышу, — и вдругъ,
Лишенна чувствъ, дрожу, блѣднѣю,....умираю.

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

КУЗНЕЧИКЪ.

—

Счастливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточной сѣвъ лужечикъ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
Всѣмъ любуяся на волѣ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
Взглянешь лишь на что ты въ полѣ,
Всѣмъ доволенъ, все съ тобой;
Земледѣльцевъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ;
Ни къ чьему не льнешь наслѣдству,
Самъ богатъ собою всѣмъ.
Пѣснопѣвецъ тепла лѣта!
Аполлона нѣжный сынъ!
Честный обитатель свѣта,
Всѣми Музами любимъ!
Вдохновенный гласомъ звонкимъ,
На землѣ ты знаменитъ;
Чтутъ живые и потомки:
Ты Философъ! ты Піитъ!
Чистъ въ душѣ своей, не злобенъ,
Удивленіе ты намъ:
О! едва ли не подобенъ,
Мой кузнечикъ, ты богамъ!

═

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВІЕ.

—

Почто Витіевъ правилъ
Мнѣ вьючить бремена?
Премудрость я оставилъ:
Не надо мнѣ она.
Вы лучше поучите,
Какъ сокъ мнѣ Вакховъ пить;
Съ прекрасной помогите
Венерой пошутить.
Ужъ нѣтъ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣть;
Подай мнѣ, мальчикъ милый,
Вина хоть поглядѣть;
Авось еще немного
Мой разумъ усыплю:
Приходитъ время строго,
Покину, что люблю.

═

ХМѢЛЬ.

—

Хмѣль какъ въ голову залѣзетъ,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь:
Крезъ съ богатствами исчезнетъ;
Пью! — и всѣмъ вамъ добра ночь.
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь ставлю свѣтъ;
Въ бой идетъ пускай мужъ бранный, —
У меня охоты нѣтъ.
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Поспѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ, лежать.

═

КЪ ЛИРѢ.

—

Пѣть Румянцева сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;

Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ...
Но завистливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тьмою,
Какъ неславный человѣкъ.
Что жъ? Пріятна ли имъ будетъ,
Лира! днесь твоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся Героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

ПЛѢННИКЪ.

Опутавъ Леля Музы
Въ цвѣточномъ тенетѣ,
Стеречь, повергши въ узы,
Вручили красотѣ.

Ужъ Лада ходитъ, проситъ,
Чтобъ ей сыскать его,
И выкупъ знатный носитъ
Съ собою за него.

Но плѣнника пусть долю
Хоть выкупъ сей прерветъ,
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтетъ.

ЛЮСИ.

О ты, Люсинька любезна!
Не бѣги меня, мой свѣтъ,
Что млада ты и прелестна,
А я дуренъ, старъ и сѣдъ.
Взглянь на розы и лилеи:
Лель изъ нихъ вѣнки плететъ.
Вкругъ твоей пріятенъ шеи
Розовый и бѣлый цвѣтъ.

БОЙ.

Предо мной хотѣлъ горою
Хладной Сѣверъ въ боѣ стать,
Если мнѣ любовь свѣчою
Придетъ душу зажигать.
Въ мигъ съ перомъ сѣдымъ, кудрявымъ,
На меня надѣлъ шеломъ,
Вооружилъ лицомъ багрянымъ
И съ морщинами челомъ;
Далъ копье мнѣ ледяное,
Препоясалъ вкругъ мечемъ:
Сердце мнѣ вложилъ такое,
Что смотрѣлъ я Сентябремъ.
На доспѣхи положася,
И что весь я ледяной,
Я красавицъ не страшася,
Звалъ любовь съ собою въ бой.
Тутъ откуда ни возмися,
Предо мною Лель предсталъ,
Красной дѣвой нарядился;
Перевѣдайся, сказалъ.
Выступилъ я смѣло къ бою,
Наложа на сердце щитъ;
Мечъ рукой, копье другою
Я поднявъ, хотѣлъ разить.
Началъ Лель перить въ щитъ стрѣлы,
А доспѣхи жечь свѣчой;
Стрѣлы, падая, шипѣли,
Шлемъ блисталъ на мнѣ зарей.
Я ужъ думалъ, бой свершился,
И что я-то былъ Герой.
Лель упорствомъ разсердился,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь стрѣлой:
Въ части мелкія кольчуга
Разлетѣлась, — я сталъ нагъ.
Ахъ! тщетна защита друга,
Если въ сердце впился врагъ

КУПИДОНЪ.

Подъ медвѣдицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Какъ на міръ сей сонъ всемѣстной
Сыпалъ маковы цвѣты;
Какъ спокойно всѣ ужъ спали
Отягченные трудомъ,
Слышу въ двери застучали
Кто-то громко вдругъ кольцомъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
И тревожитъ сладкой сонъ?
«Отвори: чего страшиться?» —
Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ, —
«Я ребенокъ: какъ-то сбился
Въ ночь безлунную съ пути;
Весь дождемъ я замочился:
Не найду, куда итти.»
Жаль его мнѣ очень стало;
Всталъ, и высѣкъ я огня:
Отворилъ лишь двери мало, —
Прыгъ дитя передъ меня.
Въ тулѣ лукъ, на немъ и стрѣлы;
Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
Теръ руками руки мерзлы,

Кудри влажныя сушилъ.
Онъ успѣлъ лишь обогрѣться,
«Ну, посмотримъ-ка» — сказалъ —
«Хорошо ли лукъ мой гнется?
Не испорченъ ли чѣмъ сталъ?»
Молвилъ, и стрѣлу мгновенно
Острую въ меня пустилъ;
Ранилъ сердце мнѣ смертельно,
И смѣяся, говорилъ:
«Не тужи: мой лукъ годится,
Тетива еще цѣла.»
Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться,
Какъ любви во мнѣ стрѣла.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы львамъ;
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнитъ?
Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь и мечъ и щитъ
Красавица сражаетъ.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ.

На розѣ опочила
Въ листахъ пчела сидя,
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дитя:
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами,
И къ матери бѣжитъ;
Облившися слезами,
Пропалъ, умру, кричитъ:
Ужаленъ небольшою
Крылатой я змѣей,
Которая пчелою
Зовется у людей,
Богиня отвѣчала:
Суди жъ: коль такъ пчелы
Тебя терзаетъ жало,
Что жъ твой ударъ стрѣлы?

БОГАТСТВО.

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
Копилъ бы для того я злато,
Чтобы, какъ придетъ смерть сражать,
Тряхнуть карманомъ таровато,
И жизнь у ней на откупъ взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата намъ алчбою
Такъ много нашъ смущать покой?
Не лучше ль въ пиршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводить;
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ;
Младымъ красавицамъ служить?

ПОДРАЖАНІЯ ГОРАЦІЮ.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Сабинскаго вина, простаго,
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесь выпьешь у меня, Меценъ!
Что самъ на Греческихъ винъ гнѣзда
Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день,
Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
Со плескомъ рукъ, и громъ отъ хвалъ
Твоихъ съ бреговъ родимыхъ Тибра
Звучалъ, сверхъ Ватиканскихъ горъ.

Ты у себя вино Секубско
И сладки пьешь Калесски соки;
Но у меня ихъ нѣтъ, — и гроздъ

Ни Форміанскій, ни Фалернскій
Мопхъ не благовонитъ чашъ.

═

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

—

Блаженъ, кто, удалясь отъ дѣлъ,
Подобно смертнымъ первороднымъ,
Оретъ отеческій удѣлъ
Не откупнымъ трудомъ, свободнымъ,
На собственныхъ своихъ волахъ;

Кого ужасный гласъ, отъ сна
На брань, трубы не возбуждаетъ,
Морская не страшитъ волна,
Въ судъ ябеда не призываетъ,
И господамъ не бьетъ челомъ;

Но садитъ онъ въ саду своемъ
Кусты и овощи цвѣтущи,
Иль дикихъ древъ, кривымъ ножемъ,
Обрѣзавъ пни, и плодъ дающи
Черенья прививаетъ къ нимъ;

Иль зритъ вдали ходящій скотъ,
Рычащій въ вьющихся долинахъ;
Иль перечищенную льетъ
И прячетъ патоку въ кувшинахъ,
Или стрижетъ своихъ овецъ;

Но осень, какъ главу въ поляхъ,
Гордясь, съ плодами возвышаетъ,
Какъ радъ, что рветъ ихъ на вѣтвяхъ,
Привитыхъ имъ, — и посвящаетъ
Даръ Богу, пурпура краснѣй.

На брегѣ ли въ травѣ густой,
Подъ дубъ ли древній онъ ложится:
Въ лѣсу гамъ птицъ, съ скалы крутой,
Журча, къ нему ручей стремится,
И все наводитъ сладкій сонъ.

Когда жъ гремящій въ тучахъ Богъ
Покроетъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонитъ, травитъ псами,
Здѣсь ловитъ волка въ тенета;

Иль тонкіе въ гумнахъ силки
На куропатокъ разставляетъ,
На рябчиковъ въ кустахъ пружки:
О коль пріятну получаетъ
Награду за свои труды!

Но будетъ ли любовь притомъ
Со прелестьми ея забыта,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его дѣтяхъ?

Какъ ею, Русскихъ честныхъ женъ
По древнему обыкновенью,
Весь бытъ хозяйской снаряженъ!
Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ, и къ возвращенью
Съ охоты мужа столъ накрытъ:

Бутылка добраго вина,
Въ прокъ пива Русскаго варена,
Съ грѣнками коновка полна,
Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна,
И столъ обѣденный готовъ.

Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченой окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моей,
Средь коей самъ я господиномъ,
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!

А какъ жаркой еще баранъ
Младой, къ Петрову дню блюденный,
Капусты сочныя качанъ,
Пирогъ, груздями начиненный,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ.

Тогда-то устрицы, го-гу,
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы,
И ужъ ничто невкусно мнѣ.

Межъ тѣмъ пріятно изъ окна
Зрѣть карду съ тучными волами:
Кобылъ, коровъ, овецъ полна;
Дворъ рѣзвыми кипитъ рабами:
Какъ веселъ таковый обѣдъ! —

Такъ откупщикъ вчерась судилъ,
Сбираясь быть поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
Остался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ.

═

РИМСКОМУ НАРОДУ.

—

Куда, куда еще, мечи, едва вложенны
Въ ножны, вы, обнажа, стремитесь вновь ярясь?
Поля ль отъ васъ, моря ль не много обагренны,
И мало ль ваша кровь лилась?

Нѣтъ, нѣтъ! Не Римъ, — ему враждебный и надменный
Низвергъ и превратилъ въ персть пламень Кароагенъ;
Ни вольный Бритовъ родъ, цѣпями отягченный,
Сквозь вратъ торжествъ веденный въ плѣнъ.

Такъ, такъ! Не отъ Парѳянъ, но собственной враждою
Своей, крамолою падетъ вашъ славный градъ.
Ни волкъ, ни левъ, какъ вы, съ столь яростію злою
Своихъ собратьевъ не губятъ.

Что жъ за слѣпая месть, и что за вышня сила,
Иль грѣхъ какой стремитъ васъ? Дайте мнѣ отвѣть. —
Но вы молчите, блѣдность зракъ покрыла!
Иль молній ужаснулъ васъ свѣтъ?

Се строгій Рима рокъ, се злоба звѣровидна,
Какъ заглушаетъ вашъ братоубійствомъ гласъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ Ремова кровь пролита невинна,
Лежитъ проклятіе на васъ.

=

КЪ МЕРКУРІЮ.

—

Краснорѣчивый внукъ Атланта,
Меркурій! дикій нравъ смягчившій грубыхъ смертныхъ
И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
По правиламъ Палестры!

Тебя, боговъ и Дія вѣстникъ,
Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шуткахъ
Похитить, скрыть что хочешь.

Обманомъ нѣкогда изъ стада,
Бывъ юнъ еще, воловъ ты свелъ у Аполлона;
И онъ, коль не отдашь, грозилъ, но, стрѣлъ въ мигъ въ тулѣ
Не взвидѣвъ, разсмѣялся.

Ты щедраго въ пути Пріама
Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ, и сквозь станицъ
Прошедъ враговъ, избѣгнулъ лютыхъ стражей
Ѳесальскихъ и Атридовъ.

Вчиняя души благочестны
Въ селеньяхъ радости, и легкія ихъ стаи
Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятенъ
Богамъ небесъ и ада.

=

КЪ КАЛЛІОПѢ.

—

Сойди ко мнѣ съ небесъ, Царица Калліопа!
И громкою трубой, иль нѣжнымъ звономъ струнъ
Отъ цитры Феба, иль когда предпочитаешь
Ты голосъ свой всему, — воспой безсмертну пѣснь.

Уже мнѣ слышится, или я, обаяясь
Прелестною мечтой, брожу въ густой чащи
Священныхъ рощъ, и шумъ прохладнаго зефира
И тихій внемлю токъ журчащаго ручья?

Такъ на горѣ, Вилькуръ, еще въ младенствѣ сущій,
За рубежемъ родной Апуліи моей,
Игрою утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный
Таинственно вѣтвьми я былъ отъ голубей.

Всѣмъ населяющимъ вершины Ахероній,
Нависисты скалы лѣсныхъ Бантискихъ дебрь,
И тучны пажити долинъ Низкофеенскихъ,
Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, что

Не уязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ,
Ни черноядныхъ змѣй, подъ злачнымъ лавромъ я
И миртовой въ тѣни почилъ священной рощи. —
Не безъ покрова, знать, боговъ былъ отрокъ смѣлъ.

Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,
Ни съ Филиппинскихъ рать бѣжавшая полей,
Ни древо адское, ни волны Палинура
Не погубили морь Сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ.

Я вашъ, Камены, вашъ. — На холмы ли Сабински,
Въ прохладный ли Пренестъ, въ пологій ли Тибуръ,
Или въ приморскіе вхожу вертепы Байски,
Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.

Доколѣ вы со мной, пловцемъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески Ливійски пѣшъ.
Британовъ къ странникамъ и Коноканъ свирѣпыхъ
Піющихъ конску кровь, Донъ Скиѳскій посѣщу.

Вы, подвигъ Цезаря великаго окончить,
Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Піеридъ,
И воинство свое шлетъ въ браняхъ утомленно
Во грады на покой, прохладой щедрите.

И днесь, блаженные ему совѣты, кротки
Вдохнувъ, ликуете. — Мы знаемъ, страшный громъ
Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ бурнымъ
Кто правитъ, Царствами и смертныхъ и боговъ.

Не малымъ ужасомъ Юпитера смутила
Самонадѣйная та буйна, юна рать,
Что силясь мышцами, подъявъ братосодружно,
Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Пеліонъ.

Но что возмогъ Пиѳей? что Мимъ ужасномочный?
Что съ грознымъ станомъ могъ Гигантскимъ Порфирьенъ?

Что Редъ и Энцеладъ, надменно съ корней рвавши
И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

Противъ эгида что гремящаго Паллады?
И пламенный Вулканъ, Царица и Небесъ
Стояла Хера гдѣ, и не слагавшій ввѣкъ
Съ раменъ своихъ стрѣлогремящій свѣтлый тулъ,

И моющій власы разсыпанны, златые,
Струящихся въ ключахъ Кастальскихъ чистыхъ водъ
И въ отчихъ родшися витающій дубравахъ
Ликійскихъ, Патернскій и Дельфскій Аполлонъ?

Лишена падаетъ благоразумья сила
Подъ бременемъ своимъ; благоразумьемъ же
Мощь размѣряему возводятъ боги выше, —
Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ сторукій
И непорочныя Діаны Оріонъ
Помысля на соблазнъ. Онъ скоро укрощеннымъ
Сталъ въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.

На собственныхъ своихъ низверженна чудовищъ,
Земля, стеня, скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,
Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада,
И Этна, брошенна на нихъ, еще горитъ.

Нечестіе стрещи опредѣленна птица
Рвать невоздержнаго не престаетъ доднесь
Титія печени, и влюбчива связуютъ
Пиритоя еще трехъ- сотныхъ склепы узъ.

═

КЪ БАХУСУ.

—

Вакха вдали (вѣрь мнѣ потомство!) я видѣлъ:
Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть училъ пѣсни
Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его, — и вверхъ
Завостренныхъ ушьми козлоногихъ Сатировъ.

Эвоа! дрожитъ еще сердце отъ страха:
Ужасомъ бога исполнено скачетъ оно
Съ радости дикой.—Эванъ! щади, о щади!
Отъ грознаго Тирса я трясусь, цѣпенѣя!

Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ,
О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ,
И медъ какъ изъ утлыхъ, древесныхъ, дуплистыхъ
Иней каплетъ на землю, извиваясь струями.

Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ вѣнцѣ,
Блестящемъ межъ звѣздъ, твоей блаженной супруги,
О страшномъ паденьѣ жилища Пентея
И о Ѳракійска Ликурга пагубѣ лютой.

Ты волны далекихъ кротишь океановъ,
И, шумный вкругъ холмовъ обтекая пустынныхъ,
Женъ Бостонискихъ переплетше безвредно,
Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

Ты, буйна Гигантовъ вдругъ крамола когда
Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ взмостяся,
Къ отчему Царству взнеслась, съ зѣвомъ ужаснымъ
И съ львиными Рета когтями, вспять ниспровергъ.

Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный плясавецъ,
Въ шуткахъ и играхъ любви способнымъ былъ признанъ;
Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ далъ собой,
И великъ ты равно, какъ въ бояхъ, такъ и въ мирѣ.

Церберъ, въ рогахъ золотыхъ, зрѣлъ тебя тихо
И ни чуть не взревѣвъ, лишь хвостомъ обвивая,
Съ кротостью ластясь, трехъ языками зѣвовъ
Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедры.

═

НА УМѢРЕННОСТЬ.

—

Благополучнѣе мы будемъ,
Коль не дерзнемъ въ стремленье волнъ,
Ни въ вихрь, робѣя, не припудимъ
Близъ берега держать нашъ челнъ.
Завиденъ тотъ лишь состояньемъ,
Кто среднею стезей идетъ,
Ни благъ не восхищенъ мечтаньемъ,
Ни тмой не ужасаемъ бѣдъ;
Умѣренъ въ хижинѣ, чертогѣ,
Равенъ въ покоѣ и тревогѣ.

Собрать не алчетъ милліоновъ;
Не скалится на жирный столъ;
Не требуетъ ни чьихъ поклоновъ,
И не лощитъ ни чей самъ полъ;
Не вьется въ душу къ Царску другу,
Не ловитъ таинствъ и не льститъ;
Готовъ на трудъ и на услугу,
И добродѣтель токмо чтитъ.
Хотя и Царь его ласкаетъ,
Онъ носа вверхъ не подымаетъ.

Онъ видитъ, что и дубы мшисты
Кряхтятъ, падутъ съ вершины горъ;
Перунъ дробитъ бугры кремнисты,
И пожигаетъ влажный боръ;

Онъ видитъ, съ бѣлыми горами
Вверхъ скачутъ съ шумомъ корабли,
Ревутъ, и черными волнами
Внутрь погребаются земли;
Онъ видитъ — и, Судьбѣ послушенъ,
Въ премѣнахъ свѣта равнодушенъ.

Онъ видитъ — и душей мужаясь,
Въ несчастіи надежды полнъ;
Подъ счастьемъ же, не утомляясь,
Въ безпечный не вдается сонъ;
Себя и ближняго покоя,
Чтитъ Бога, Вѣру и Царей;
Царствъ Метафизикой не строя,
Смѣется, зря на пузырей,
Летящихъ флотомъ къ небу съ грузомъ,
И вольнымъ быть не мнитъ Французомъ.

Онъ вѣдаетъ: доколѣ страсти
Волнуются въ людскихъ сердцахъ,
Нѣтъ вольности, нѣтъ равной части
Царю въ вѣнцѣ, рабу въ цѣпяхъ;
Несетъ свое всякъ въ свѣтѣ бремя;
Другихъ всякъ жертва и тиранъ;
Течетъ въ свое природа стремя;
А сей законъ, коль въ вѣкъ ей данъ,
Коль въ вѣкъ мы подъ страстьми стенаемъ:
Какихъ же дней златыхъ желаемъ?

Всякъ долгу рабъ. — Я не мечтаю
На воздухѣ о городахъ;
Всѣмъ счастливыхъ путей желаю
Къ Фортунѣ по льду на конькахъ.
Пускай Язонъ съ Колхиды древней,
Златое сбрилъ себѣ руно;
Крезъ завладѣлъ чужой деревней,
Марсъ откупъ взялъ: мнѣ все равно!
Я не завидливъ на богатство
И Царскихъ суммъ на святотатство.

Когда Судьба качаетъ въ люлкѣ,
Благословляю часть мою;
Нѣтъ дѣлъ, — играю на бирюлькѣ,
Средь Музъ съ Гораціемъ пою:
Но если бъ Царь гдѣ добрый, рѣдкой
Велѣлъ мнѣ грамотки писать,
Я бъ душу не вертѣлъ рулеткой,
А сталъ бы пнемъ, — и сталъ читать
Равно о людяхъ, о болванахъ,
О добродѣтеляхъ въ карманахъ.

А ежели бъ когда и скучно
Меня изволилъ онъ принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть сталъ бы ощущать,
И шелъ къ нему опять со вздоромъ
Суда и милости просить.
Равно, когда бъ и свѣтлымъ взоромъ
Со мной онъ вздумалъ пошутить,
И у меня просить прощенья:
Не заплясалъ бы съ восхищенья,

Но съ разсужденьемъ удивлялся
Великодушію его,
Не вдругъ на похвалы пускался,
А въ жарѣ сердца моего
Воспѣлъ его бы безъ притворства,
И въ сказочкѣ сказалъ подъ часъ:
«Ты громокъ браньми — для потомства,
Ты милъ щедротами — для насъ;
Но славы и любви содѣтель
Тебѣ — твоя лишь добродѣтель.»

Смотри и всякъ, хотя бъ чрезъ шашни
Фортуны сталъ кто впереди,
Не сплошь спускай златыхъ змѣй съ башни,
И, глядя въ небо, не пади;
Держися лучше середины,
И ближнему добро твори;
Назавтра крѣпостей съ Судьбины
Безсильны сами взять Цари.
Есть время, — сѣй; оно превратно:
Прошедше не придетъ обратно.

Хоть чья душа честна, любезна,
Хоть безкорыстенъ кто, уменъ;
Но коль умѣренность полезна
И тѣмъ, кто славою плѣненъ, —
Умѣй быть безъ обиды скроменъ,
Осанистъ, твердъ, но не гордецъ,
Рѣшимъ безъ скорости, спокоенъ,
Безъ хитрости ловецъ сердецъ;
Вздувъ въ ясномъ паруса лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ.

═

ОБЪ УДОВОЛЬСТВІИ.

—

Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна,
И презираемая мной!
Прострись вкругъ тишина священна!
Плѣнилъ меня восторгъ святой!
Высоку пѣснь и дерзновенну,
Неслыханну и невнушенну,
Я слабымъ смертнымъ днесь пою:
Всякъ преклони главу свою.

Сидятъ на тронахъ возвышенны
Надъ всей вселенною Цари;
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судятъ при;
Но Богъ есть вышній и надъ ними.
Блистая молньями Своими,
Онъ свергъ Гигантовъ съ горныхъ мѣстъ,
И перстомъ водитъ хоры звѣздъ.

Пусть занялъ юными древами
Тотъ область цѣлую подъ садъ;
Тотъ гордъ породою, чинами;
Предъ тѣмъ полки рабовъ стоятъ,
А сей звучитъ трубой военной;
Но въ урнѣ рока неизмѣрной,
Кто малъ и кто великъ, забвенъ:
Своимъ всякъ жребьемъ надѣленъ.

Когда мечъ острый, обнаженный,
Злодѣя надъ главой виситъ,
Обиліемъ отягощенный
Его столъ вкусный не прельститъ;
Ни нѣжной цитры гласъ звенящій,
Ни птицъ весеннихъ хоръ гремящій
Ужъ чувствъ его не усладятъ,
И крѣпка сна не возвратятъ.

Сонъ сладостный не презираетъ
Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
На коихъ по колосьямъ нивы
Подъ тѣнью облаковъ игривый
Перебирается Зефиръ,
Гдѣ царствуетъ покой и миръ

Кто хочетъ только, что лишь нужно,
Тотъ не заботится никакъ,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зракъ,
Медвѣдица нисходитъ въ бездны;
Что левъ, на сводъ несяся звѣздный,
Отъ гривы сыплетъ вкругъ лучи;
Что блещетъ молнія въ ночи;

Не безпокоится, что градомъ
На холмахъ виноградъ побитъ;
Что проливныхъ дождей упадомъ
Надежда, цвѣтъ полей не льститъ;
Что жретъ и мразъ и зной жестокій
Поля, лѣса, а тамъ въ глубоки
Моря отломки горъ валятъ,
И рыбъ въ жилищахъ ихъ тѣснятъ.

Здѣсь топетъ зиждущихъ плотину
Работниковъ и зодчихъ тма,
За тѣмъ, что стали Властелину
На сушѣ скучны терема;
Но и средь волнъ въ чертоги входитъ
Страхъ; грусть и тамъ Вельможъ находитъ;
Рой скукъ за кораблемъ жужжитъ,
И вслѣдъ за всадникомъ летитъ.

Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляютъ скорби мнѣ,
Ни пурпуръ, что какъ облакъ ясный,
На свѣтлой блещетъ вышинѣ;
Ни грозды, сокомъ наполненны,
Ни вина, вкусомъ драгоцѣнны,
Ни благовонья ароматъ
Минуты жизни не продлятъ:

Почто жъ великолѣпьемъ пышнымъ,
Удобнымъ зависть возраждать,
По новымъ чертежамъ отличнымъ
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну,
И сельскій домикъ мой — желать
На свѣтлый блескъ Двора мѣнять?

НА ВОРОЖБУ.

Не любопытствуй запрещеннымъ
Халдейскимъ мудрованьемъ знать:
Какая есть судьба рожденнымъ,
И сколь намъ долго проживать?
Полезнѣе о томъ не вѣдать
И не гадать, что будетъ впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгать,
А принимать, что ни придетъ.

Пусть боги свыше посылаютъ
Жестокій зной, иль лютый мразъ;
Пусть бури грозы повторяютъ,
Иль грянетъ громъ въ послѣдній разъ:
Что нужды? — Будь мудрѣй, чѣмъ прежде;
Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;
Обрѣзывай крилѣ надеждѣ
По краткости ты дней своихъ.

Такъ! время злое быстротечно,
Летитъ межъ тѣмъ, какъ говоримъ;
Щипли жъ веселіе сердечно
Съ тѣхъ розъ, на кои мы глядимъ;
Красуйся дня сего благими;
Пей чашу радости теперь;
Не льстись горами золотыми,
И будущему дню не вѣрь.

КЪ СКОПИХИНУ.

Не блещетъ серебро въ скупой
Землѣ, лежаще сокровеннымъ.
Скопихинъ! врагъ его ты злой;
Употребленіемъ полезнымъ
Пока твоимъ не оцѣнишь,
Сіяющимъ не учинишь.

Безсмертно Мининъ будетъ жить,
Рѣшившися своимъ имѣньемъ
Москву отъ плѣна свободить;
И тотъ Демидовъ, что съ терпѣньемъ
Свой вѣкъ казну копилъ, и вдругъ
Далъ милліоны для Наукъ.

О! еслп Шереметевъ къ днямъ
Своимъ еще прибавилъ вѣку:
То не по тѣмъ своимъ пирамъ,
Что были дивомъ человѣку,
Гдѣ тысячи расточены,
Народъ, Цари угощены;

Гдѣ какъ въ волшебныхъ нѣкихъ снахъ,
Зимой въ морозъ, противъ Природы,
Цвѣтущую весну въ садахъ,
Шумящія съ утесовъ воды
И звѣздъ разсыпавъ милліонъ,
Свой домъ представилъ раемъ онъ;

Нѣтъ, нѣтъ! не роскошью такой
Его днесь въ свѣтѣ прославляютъ;
Столы прошли; какъ сонъ пустой:
Ихъ гости скоро забываютъ;
Но тѣмъ обрѣлъ онъ всѣхъ любовь,
Что бѣднымъ далъ, больнымъ покровъ.

Сіи щедроты въ родъ и родъ,
Какъ солнечны лучи, не умрутъ;
Со дня ихъ на день блескъ течётъ:
Отъ Бельта до Амура будутъ
Съ почтеніемъ всѣ зрѣть на нихъ,
По сущность учрежденій ихъ.

Престань и ты жить въ погребахъ,
Какъ кротъ, въ ущельяхъ подземельныхъ,
И на чугунныхъ тамъ цѣпяхъ
Стеречь, при блескѣ искръ елейныхъ,
Висящи бочки серебра,
Иль лаять псомъ вокругъ двора.

Томимый скорбью водяной
Чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше жаждетъ;
Вредомъ вредъ умножая свой,
Сугубой слабостію страждетъ,
Доколь, причину онъ бѣды,
Не выгонитъ изъ жилъ воды.

Лишаясь нѣкихъ пользъ своихъ,
Держа Владиміровъ равенство
Въ торгу противу странъ чужихъ,
Стяжалъ и честь и благоденство;
Хоть часто чернь и злобный свѣтъ
И добродѣтель зломъ зоветъ.

Но, нѣтъ! Она въ себѣ одной
Всѣ блага смертныхъ заключаетъ;
Уча ихъ оцѣнять собой,
Тѣмъ лавръ и пальму доставляетъ,
Кто могъ безъ зависти терпѣть,
На злато равнодушно зрѣть.

═

КАПНИСТУ.

—

Спокойства проситъ отъ Небесъ
Застиженный въ Каспійскомъ морѣ,
Коль скоро ни луны, ни звѣздъ
За тучами не зритъ, и вскорѣ
Ждетъ, корабельщикъ, бѣдъ отъ бурь;
Спокойства проситъ Персъ пужливый,
Туркъ гордый, Россъ властолюбивый,
И въ ризѣ шелковой Манчжуръ;

Покою, мой Капнистъ! покою,
Котораго нельзя купить
Казной серебряной, златою,
И багряницей замѣнить.
Сокровищьми всея вселенной
Не можетъ отъ души смятенной
И самый Царь отгнать заботъ,
Толпящихся вокругъ воротъ.

Счастливъ тотъ, у кого на столѣ,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительскіе хлѣбъ и соль
Поставленный, и сонъ пріятный
Когда не отнятъ у кого
Ни страхомъ, ни стяжаньемъ подлымъ:
Кто малымъ можетъ быть довольнымъ,
Богаче Креза самого.

Такъ для чего жъ въ толь краткой жизни
Метаться намъ туды, сюды,
Въ другія земли изъ отчизны
Скакать отъ скукъ или бѣды,
И чуждымъ солнцемъ согрѣваться?
Отъ пепелища удаляться,
Отъ родины своей кто мнитъ:
Тотъ самого себя бѣжитъ.

Заботы наши и бѣды
Вездѣ послѣдуютъ за нами,
На корабляхъ чрезъ волны, льды,
И конницы за тороками;
Быстрѣй оленей и погодъ,
Стадами облаки женущихъ,
Летятъ онѣ, и всюду сущихъ
Терзаютъ человѣковъ родъ.

О! будь судьбѣ твоей послушнымъ,
Престань о будущемъ вздыхать;
Веселымъ нравомъ, равнодушнымъ
Умѣй и горесть услаждать.
Довольнымъ быть, неприхотливымъ,
Сіе-то есть, что быть счастливымъ,
А совершенныхъ благъ въ сей вѣкъ
Вкушать не можетъ человѣкъ.

Вѣкъ Задунайскаго увялъ,
Достойный въ памяти остаться;
Рымникскаго печаленъ сталъ!
Сей мужъ, рожденный прославляться,

Проводитъ нынѣ мрачны дни:
Чего жъ не приключится съ нами?
Что мнѣ предписано Судьбами,
Тебѣ откажутъ въ томъ они.

Когда въ Обуховкѣ стремятся
Твоей стада, блея на лугъ,
Съ зеленаго холма глядятся
Въ текущій стклянный Псёлъ вокругъ;
Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса, и честь плуговъ,
Блестятъ, и садъ твой — тмой плодовъ;

Когда тебя въ темнозелену,
Подругу въ пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бѣжитъ отъ васъ печаль;
Какъ вкругъ васъ радости и смѣхи,
Невинны сельскія утѣхи,
И хоры дѣвъ поютъ весну:
То скука васъ не шлетъ ко сну.

А мнѣ Петрополь населять
Когда велитъ Судьба съ Миленой:
Къ отрадѣ домъ дала и садъ
Сей жизни скучной, развлеченной,
И нѣкую Поэта тѣнь,
Да правду возглашу святую:
Умѣй презрѣть и ты златую,
Злословну, площадную чернь.

КЪ ЛИДІИ.

Скажи мнѣ, Лидія, боговъ
Подъ клятвою прошу: почто ты Сибариса
Любя губишь, что нынѣ онъ
Возненавидѣлъ рать, пыль зной сносить могущій?
Почто, надѣвъ броню, верхомъ
Межъ сверстныхъ всадниковъ не ѣздитъ, и уздою
Стальнозубчатой не кротитъ
Бурливаго коня, всѣхъ яростнѣйша Галловъ?
Зачѣмъ касаться Тибра онъ
Боится желтыхъ волнъ, и отъ борцовъ елея
Бѣжитъ, отъ яда какъ ехидна?
Сожженныхъ зноемъ рукъ, оружіе носящихъ,
Зачѣмъ не кажетъ, всѣмъ хвалясь,
Что пращею своей сподвижниковъ всѣхъ далѣй
Онъ за поставленную цѣль
Пребрасывалъ кружцы тяжелые нерѣдко?
И древле, какъ Ѳетидинъ сынъ,
Предъ слезнымъ, жалостнымъ паденьемъ Илліона
Зачѣмъ онъ прячется отъ войскъ,
Чтобъ и его на брань не увлекли съ собою?

ПИРРѢ.

Какой тамъ молодецъ проворной,
Прекрасный, статный, вспрысканъ весь
Водой душистой, благовонной,
Въ саду, въ цвѣтахъ между древесъ,
Тебя въ бесѣдкѣ обнимаетъ?
Толь страстно къ сердцу прижимаетъ,
И огнь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры нѣжно
Спустила прядь златыхъ волосъ?

Увы! онъ сколько разъ слезами
Омочитъ страстную любовь,
Какъ вдругъ межъ черными волнами,
Отплывъ далеко отъ бреговъ,
Себя увидитъ, проклиная....
Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

О злополучна и несчастна,
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если бъ что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесь, въ знакъ моего спасенья,
Виситъ ужъ опущенъ мой флагъ.

ИЗЪ ПЕТРАРКА.

ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ.

Когда дѣлящая часы небесъ планета,
Къ намъ возвращаяся, приходитъ жить съ тельцомъ:
Отъ пламенныхъ роговъ щедрота льется свѣта,
Міръ облекается и блескомъ и тепломъ.

Не только лишь земля съ наружности одѣта,
Цвѣтами долъ пестритъ и кроетъ злакомъ холмъ,
Но и въ безжизненной внутрь влажности нагрѣта,
Плодотворительнымъ чреватѣетъ лучомъ,
И сими насъ даритъ, другими ли плодами.

Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучемъ пронзая сердце мнѣ,
И помыслы родишь и словеса любовны. —
Но, ахъ! они къ тебѣ колико ни наклонны,
Въ цвѣтущей не живалъ я никогда веснѣ.

ПРОГУЛКА.

Находятся съ такимъ въ Природѣ твари зрѣньемъ,
Что быстро свой взносить на солнце могутъ взоръ;
Но суть и тѣ, кому лучъ вреденъ удареньемъ,
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.

Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вожделѣньемъ
И на огонь летятъ, красотъ въ немъ зря соборъ;
Но лишь касаются, сгараютъ мановеньемъ,
И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ и позоръ!

Безсиленъ будучи сносить лучи свѣтила,
Которымъ я прельщенъ,—ни тѣни, коя бъ скрыла
Меня гдѣ отъ него, ни мѣста я не зрю;
Но съ потупленными, слезящими очами
Влекусь чрезъ силу зрѣть на солнце межъ женами,
Не мысля, ахъ! о томъ, хоть ею и сгорю.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

Задумчиво, одинъ, широкими шагами
Хожу, и мѣряю пустыхъ пространство мѣстъ;
Очами мрачными смотрю передъ ногами,
Не зрится ль на пескѣ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людями
Не вижу, не ищу, какъ лишь оставить свѣтъ;
Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
Золъ внутреннихъ печать на взорахъ всякой чтетъ, —

И, мнится мнѣ, кричатъ долины, рѣки, холмы:
Какимъ огнемъ мой духъ и чувствія жегомы,
И отъ дражайшихъ глазъ что взоръ скрываетъ мой.
Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачныхъ, дальныхъ,
Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
Не приходила бы бесѣдовать со мной.

МЩЕНІЕ.

(Съ Греческаго.)

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похитилъ сотъ,
И пчелой за то въ отмщенье
Былъ ужаленъ тутъ Эротъ.
Встрепенувшися, несчастный,
Крадены, сердясь, соты
Въ розовы уста, прекрасны,
Спряталъ юной красоты.
«На,» — сказалъ, — «мои хищенья
Ты для памяти возьми,
И отнынѣ наслажденья
Ты въ устахъ своихъ храни.»
Съ тѣхъ поръ Хлою дорогую
Поцѣлую лишь когда,
Сласть и боль я въ сердцѣ злую
Ощущаю завсегда.

Хлоя, жаля, услаждаетъ,
Какъ пчелиная стрѣла:
Медъ и ядъ въ меня вливаетъ,
И, томя меня, мила.

=

БОГИНѢ ЗДРАВІЯ.

(Съ Греческаго.)

—

Здравья Богиня благая,
Въ вѣкъ ты со мною, Гигея, живи!
Въ дни живота моего
Мнѣ ты сопутницей будь!
Если обилье склабится смертнымъ;
Если гордятся они правовластнымъ
Блескомъ богатства;
Если любови страстны желанья стремятся
Къ сладкимъ утѣхамъ на лоно;
Если на отчи глаза
Слезы младенецъ нѣжны манитъ;
Ежели боги на насъ съ высоты
Дождь благодати кропятъ разновидный;
Если спокойство отшельныхъ,
Скромна насъ жизнь веселитъ....
Всякая радость съ тобой благовоннѣй цвѣтетъ;
Если жъ, богиня, ты отступаешь:
Благо съ тобой все уходитъ отъ насъ.

=

НИНѢ.

(Изъ Клопштока.)

—

Не лобызай меня такъ страстно,
Такъ часто, нѣжный, милый другъ!
И не нашептывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ восторгахъ;
Обнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнѣйшей страсти пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжетъ,
И удовольствій чувство полно:
Погаснетъ скоро и пройдетъ.
И, ахъ! тогда придетъ въ мигъ скука,
Остуда, отвращенье къ намъ.

Желаю ль цѣловать стократно;
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И то пристойно, такъ, безстрастно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ:
То будетъ вѣченъ нашъ союзъ.

=

ДѢВА ЗА АРФОЮ.

(Изъ Шиллера.)

—

Владѣющимъ твоимъ перстамъ,
О Дѣва! арфы надъ струнами,
Обезтѣлесенъ, обездушенъ,
Я будто истуканъ стою.
Царица жизни ты и смерти,
Силъ правишь тысячьми, какъ Магъ!

Благоговѣя, чуть шумитъ
Вкругъ воздухъ, на тебя приникши;
Ко пѣнью твоему прикованъ
Стоитъ, кружася въ вихрѣ, вѣкъ,
И тьмы веселія въ безмолвьи
Природы всей къ тебѣ влечетъ.
Волшебница! одно твое воззрѣнье,
Одинъ твой звукъ — плѣнитъ всю тварь.

И звоны, полные души,
Со струнъ роскошно устремленны,
Какъ Серафимы вновь раждаясь,
Изъ неба порхаютъ, блестятъ;
И какъ, истекши изъ хаоса
И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
Изъ мрака солнцы возсіяли:
Твоихъ такъ гласовъ токъ златый.

Пріятно, — какъ сребристый ключъ,
Журча, по камышкамъ катится;
Великолѣпно, важно — вдругъ
Какъ грома съ облаковъ органы;
Стремительно — вдали съ утеса
Какъ шумный, пѣнистый потокъ;
Отрадно — какъ межъ липъ
Тѣнистыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны вѣтерки дыхаютъ;
Уныло, мрачно, тяжело, —
По мертвымъ дебрямъ какъ ужасный шорохъ ночи;
И вой, протяжно исчезая,
Влечется слезною Коцитовой волной.

Но, стой и мнѣ повѣдай, Дѣва:
Въ связи ль съ духами ты небесъ?
И тотъ ли ихъ языкъ въ Эдемѣ,
Музыка коимъ говоритъ?

Завѣса отъ очесъ упала!
Затворы слуха отперлись!
О Дѣва! — я дышу живѣе:
Иль огнь эѳирный, очищая,
Ужъ вихремъ выспрь меня несетъ?

Мелькаютъ сквозь небесъ раздранныхъ
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ троны:
За гробомъ утрення заря!
Прочь, прочь, съ понятьемъ насѣкомыхъ,
Кощуны, прочь! — есть Богъ!

═

ЦИРЦЕЯ.

(Кантата Ж. Б. Руссо.)

—

На каменной скалѣ, страшилищѣ Природы,
Безплодный, дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
Цирцея слезъ проливъ потокъ,
Отчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
Тоски сердечной жертва,
Свой злой оплакивала рокъ.
Тамъ, бросясъ высоты бродящій взоръ на воды
Улисса по слѣдамъ,
По тьмѣ, по вѣтру, по волнамъ
Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняетъ.
Ужъ видѣть думаетъ, и въ изступленьѣ семъ,
Какъ бы спокоясь, отдыхаетъ;
Въ прерывчатомъ вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, рыдая, призываетъ:
»Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною, —
Изъ сожалѣнья возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!
Любовью сердце умерщвленно,
Но ей еще оно дышитъ.
Тиранъ! ахъ, такъ ли заплаченно
То пламя, что тобой горитъ?
Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною,
Изъ сожалѣнья возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!« —
Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;
Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ:
Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада призываетъ,
Паркъ, Фурій, Немезисъ, Цербера, Флегетона,
Гекату злобную и лютаго Алктона,
Чтобъ возвратили къ ней любви ея предметъ.
Тутъ срубъ на алтарѣ кровавомъ загорѣлся
Снисшедшей молніей, и вмигъ единъ пожерлся;
Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
Остановилося теченіе планетъ,
И рѣки съ шумомъ вспять побѣгли въ вихрѣ зѣльномъ
Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземельномъ.
Столь голосомъ грознымъ
Подвигся весь адъ,
Подъ гуломъ громовымъ
Сводъ звукнулъ Пліадъ;
Завѣса ужасна
Подернула свѣтъ;
Дно тартара мрачна,
Содрогшись, реветъ;
Кипитъ и ярится
Морь бурна волна;
Отъ страху вратится
Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
Во преисподней всѣхъ встревожило тѣней:
Встаютъ, отъ ужаса оставя сонъ свой, гробы,
И въ воздухѣ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
Глухой, унылый вопль, печальны завыванья,
Ревъ, скрежетъ слышанъ ихъ;
И съ ними страшныхъ бурь смѣшенныя свистанья
Исшедшихъ изъ могилъ, вертеповъ, нѣдръ земныхъ.
Но всѣ усилія безплодны суть сіи,
О ты, любовница несчастна!
Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна;
Чрезъ чары ты свои
Могла потрясть весь міръ, и молніей ужасной
Зѣвъ ада распалить;
Но то, чего не могъ свершить твой взоръ прекрасной,
Не можетъ злобой учинить.
Любовь никакъ нельзя принудить:
Чужихъ она не терпитъ правъ;
Зависѣтъ отъ себя лишь любитъ;
Ей нравишься,—лишь милымъ ставъ;
Законъ ея весь свѣтъ плѣняетъ,
Ни чьихъ не вѣдаетъ сама.
Зима поля цвѣтовъ лишаетъ,
Вѣнчаетъ розами весна,
Борей Зефировъ прогоняетъ,
Зефиръ Бореевъ, солнце тьма;
А какъ любовь ужъ улетаетъ,
Не возвращается она.

═

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА.

(Изъ Вольтера.)

—

I.

Соломонъ (одинъ).

Зима ужъ миновала:
Ни дождь, ни снѣгъ нейдетъ;
Земля зеленой стала,
Синь воздухъ, лугъ цвѣтетъ.

Все взглядъ веселый мещетъ,
Жизнь новую все пьетъ;
Ливанъ по кедрамъ блещетъ,
На листьяхъ липы медъ.

Птицъ нѣжныхъ воздыханье
Несется сквозь листовъ;
Любовь ихъ лобызанье
Вьетъ гнѣзда для птенцовъ.

Шиповый запахъ съ луга
Дыхаетъ ночь и день:
Приди ко мнѣ, подруга,
Подъ благовонну тѣнь!

Приди плѣниться пѣньемъ
Небесъ, лѣсовъ, полей,
Да слухомъ и видѣньемъ
Вкушу красы твоей.

О! коль мнѣ твой пріятный
Любезенъ тихій видъ,
А паче, ароматный
Какъ вздохъ ко мнѣ летитъ.

II.

Ихъ перекликъ.

Суламита.

Скажи, о другъ души моей!
Подъ коей миртой ты витаешь?
Какой забавитъ соловей?
Гдѣ кедръ, подъ коимъ почиваешь?

Соломонъ.

Когда не знаешь ты сего,
Пастушка милая, — овечекъ
Гони ты стада твоего
На дворъ, что въ рощѣ между рѣчекъ.

Суламита.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ
Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй?
Чтобъ не искать межъ пастуховъ
Тебя, — и ты бъ былъ мной довольнѣй.

Соломонъ.

Какъ въ домъ войдешь, во всѣхъ восторгъ
Вдохнешь ты тамъ своей красою;
Введетъ Царь дѣву въ свой чертогъ,
Украситъ ризой золотою.

Суламита:

Мнѣ всякой домъ безъ друга пустъ.
Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ:
Какъ на грудяхъ онъ розы кустъ;
Какъ виноградъ, онъ крѣпокъ, силенъ.

Соломонъ.

Моей младой подруги видъ
Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

Суламита.

Какъ горликъ на меня онъ зритъ, —
Въ самой невинности всѣхъ страстнѣй.

Соломонъ.

Она мила, — тѣнистый верхъ
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонитъ.

Суламита.

Онъ милъ, — и намъ любовь готовитъ
Въ травѣ душистой тму утѣхъ.

III.

Суламита (одна).

Сколь милый мой прекрасенъ!
Тамъ, тамъ вонъ ходитъ онъ:
Лицемъ, какъ мѣсяцъ ясенъ;
Челомъ, — въ заряхъ Сіонъ,
Съ главы его струятся
Волнъ желтые власы;
Съ вѣнца, какъ съ солнца, зрятся
Блистающи красы.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Взоръ тихъ, какъ голубинъ,
Какъ арфа, доброгласенъ;
Какъ огнь уста, какъ кринъ
Цвѣтутъ въ ланитахъ розы;
Пріятности въ чертахъ,
Какъ Май, прогнавъ морозы,
Смѣются на холмахъ.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Тимпана звучный громъ
Какъ съ гуслями согласенъ,
Такъ онъ со мной во всёмъ.
Но гдѣ мой другъ любезный?
Гдѣ сердца моего
Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
Сыщите мнѣ его.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Пошелъ онъ съ садъ цвѣтовъ.
Но вечеръ ужъ ненастенъ:
Рветъ розы, знать, съ кустовъ.
Ахъ! нѣтъ со мной, — ищите,
Всѣ кличьте вы его,
Мнѣ душу возвратите;
Умру я безъ него.

IV.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Положимъ на души печать:
Въ сердцахъ союзомъ утвердимся;
Другъ друга будемъ обожать;
Въ любви своей не премѣнимся.

Хоръ дѣвъ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка.
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Вода не можетъ угасить
Взаимна пламени любови;
Имѣніемъ нельзя купить
Волненья сладостнаго крови.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ.
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

СКРОМНОСТЬ.

(Изъ Метастазія.)

Тихій милый вѣтерочикъ,
Коль порхнешь ты на любезну,
Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи:
Если спроситъ, чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечикъ,
Если встрѣтишь ты любезну,
Какъ слезинка ей въ лицо плещи:
Если спроситъ, чья? — молчи.

Ясный, ведреный денечикъ,
Какъ освѣтишь ты любезну,
Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи:
Если спроситъ, чьи? — молчи.

Темный, миртовый лѣсочикъ,
Какъ сокроешь ты любезну,
Тихо вѣткой грудь ей щекочи:
Если спроситъ, кто? — молчи.

ПѢСНЪ БАЯРДА.

Сладостное чувствъ томленье,
Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!
Какъ твое намъ вдохновенье
Восхитительно, Любовь!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Умножайся, пламень нѣжный,
Подъ желѣзной латой сей;
Печатлѣйся, видъ любезный,
Въ мысляхъ и душѣ моей!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,

Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Въ бой иду, не ужасаюсь;
Честь любезной отомщу.
Соблещите, (ополчаюсь!)
Молньи, моему мечу!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

ЦѢПОЧКА.

(Съ Нѣмецкаго.)

Послалъ я средь сего листочка
Изъ мелкихъ колецъ тонку нить:
Искусная сія цѣпочка
Удобна грудь твою покрыть

Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ
Обнять твою ей шею вкругъ:
Захочешь, — будетъ украшеньемъ;
Не хочешь, — спрячь ее въ сундукъ.

Иной вѣдь на тебя такую
Наложитъ цѣпь, что, ахъ! грузна:
Обдумай мысль сію простую,
Красавица! — и будь умна.

РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА.

(Графа Вельгорскаго.)

О цвѣтъ прекрасный, осыпаемъ
Поутру перловой росой,
Зефиромъ въ полдень лобызаемъ!
Открой скорѣй румянецъ твой.

Ахъ, нѣтъ! помедль: еще не знаешь
Всѣхъ тварей тлѣнныхъ ты тщеты:
Въ тотъ мигъ, какъ изъ пеленъ проглянешь,
Увы! должна увянуть ты.

И ты цвѣтешь не такъ ли, Хлоя?
Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтъ,
Чтобъ всѣхъ прельстя, лишить покоя,
И скоро потерять свой цвѣтъ?

Покинь же стебель твой опасный,
Укрась, о роза! Хлоѣ грудь;
Коль ты цвѣтокъ изъ всѣхъ прекрасный,
На ней блаженнѣе всѣхъ будь.

Царицей будь на ней отнынѣ;
Украсивъ грудь, умри на ней:
Завидуя твоей судьбинѣ,
Захочетъ смерти всякъ твоей.

О такъ! немного дней продлится,
Какъ будешь ты на ней блистать:
Благоуханьемъ огнь родится;
По Хлоѣ будетъ всякъ вздыхать.

Вздыхай! плѣняй! тебѣ Лель страстный
Покажетъ скоро путь. — Но знай:
Увеселяя взоръ прекрасный,
Грудь украшай, но сокрывай.

А если наглой кто рукою
Покой дерзнетъ твой возмутить, —
Вздохнувъ по мнѣ, спѣши иглою
Твоей сопернику отмстить.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АВТОБІОГРАФІЯ.

НЕВѢСТѢ.

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю.
Какъ роза ты нѣжна, какъ Ангелъ, хороша;
Пріятна, какъ Любовь; любезна, какъ Душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю!

Нарядомъ мнятъ придать красавицѣ пріятство.
Но льзя ль алмазами милѣй быть дурнотѣ?
Прелестнѣе ты всѣхъ въ невинной простотѣ:
Теряетъ на тебѣ сіяніе богатство.

Лилеи на холмахъ груди твоей блистаютъ,
Зефиры кроткіе во нравъ тебѣ даны,
Долинки на щекахъ, улыбки зарь весны;
На розахъ устъ твоихъ — соты благоухаютъ.

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны,
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучъ,
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучъ,
Такъ сердца глубину провидитъ взглядъ твой скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я молчу:
Соборъ въ тебѣ утѣхъ, блаженство вижу рая!

Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время!
Счастливѣе того, кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

═

ПРЕПЯТСТВІЕ КЪ СВИДАНІЮ СЪ СУПРУГОЮ.

—

Что начать во утѣшенье
Безъ возлюбленной моей?
Сердце! бодрствуй въ сокрушеньѣ:
Я увижусь скоро съ ней.
Мнѣ любезная предстанетъ
Въ прежней нѣжности своей,
И внимать, какъ прежде, станетъ
Нѣжности она моей:
Сколько будетъ разговоровъ!
Сколько радостей прямыхъ!
Сколько милыхъ, сладкихъ взоровъ,
Лучше и утѣхъ самихъ!
Укротится же, стихія!
Подстелися, путь стопамъ!
Для жены моей младыя
Должно быть послушнымъ вамъ.
Такъ, свирѣпыми волнами
Сколько съ нею ни дѣлюсь,
Имъ на вѣкъ шумѣть со льдами, —
Съ нею вѣченъ мой союзъ.
Не страшился бъ я ввергаться
Въ волны яры для нея;
Но навѣки съ ней разстаться,
Жизнь мнѣ дорога моя.
Жизнь утѣхи и покою!
Возвратись опять ко мнѣ;
Жизнь съ толь милою женою
Рай во всякой сторонѣ;
Тамъ веселія сердечны,
Сладки, нѣжны чувства тамъ;
Тамъ блаженства безконечны,
Лишь приличныя богамъ.

═

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

(1780).

—

Разсѣкши огненной стезею
Небесный синеватый сводъ,
Багряной облеченъ зарею,
Сошелъ на землю Новый годъ;
Сошелъ — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
На встрѣчу божеству сему.

Гряди, сынъ вѣчности прекрасный!
Гряди, часовъ и дней отецъ!
Зоветъ счастливый и несчастный:
Подай желаніямъ вѣнецъ!
И самаго среди блаженства
Желаемъ блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Еще Вельможа возвышаться,
Еще сильнѣе хочетъ быть;
Богачъ богатствомъ осыпаться,
И горы злата накопить;
Герой безсмертной жаждетъ славы,
Корысти льстецъ, Лукуллъ забавы,
И счастія игрокъ въ игрѣ.

Мое желаніе: предаться
Всевышняго во всемъ судьбѣ,
За счастьемъ въ свѣтѣ не гоняться,
Искать его въ самомъ себѣ.
Меня здоровье, совѣсть права,
Достатокъ нужный, добра слава,
Творятъ счастливѣе Царей.

А если милой и пріятной
Любимъ Плѣнирой я моей,
И въ свѣтской жизни коловратной
Имѣю искреннихъ друзей,
Живу съ моимъ сосѣдомъ въ мирѣ,
Умѣю пѣть, играть на лирѣ:
То кто счастливѣе меня?

.Отъ должностей въ часы свободны
Пою моихъ я радость дней;
Пою Творцу хвалы духовны,
И добрыхъ я пою Царей.
Пріятны гласы становятся,
И слезы нѣжности катятся,
Какъ Россовъ Матерь я пою.

Петры, и Генрихи, и Титы,
Въ народныхъ вѣкъ живутъ сердцахъ;
Екатерины не забыты
Пребудутъ въ тысящѣ вѣкахъ.
Уже я вижу монументы,
Которыхъ свергнуть элементы
И время не имѣютъ силъ.

═

ГОРѢЛКИ.

—

На поприщѣ сей жизни склизкомъ
Всѣ люди бѣгатели суть:
Въ теченьи дальнемъ, или близкомъ
Они къ мѣтѣ своей бѣгутъ,

И сильный тамо упадаетъ,
Свой кончить бѣгъ гдѣ не желалъ:
Лежитъ; но спорника, мечтаетъ,
Коль не споткнулся бы, догналъ.

Надеждой, самолюбья дщерью,
Весь возбуждается сей свѣтъ;
Всякъ рвенье прилагаетъ къ рвенью,
Чтобъ у переднихъ взять передъ.

Хоть дѣтской сей игрѣ, забавѣ,
И насмѣхается мудрецъ;
Но гордый духъ летитъ ко славѣ,
И святъ ему ея вѣнецъ.

Сіе ристалище отличій,
Соревнованіе честей —
Источникъ и творецъ величій
И обоженіе людей.

Оно изящнаго содѣтель;
Великолѣпенъ имъ сей свѣтъ:
Превозможенье, добродѣтель,
Лишь имъ крѣпится и растетъ.

О вы, рожденные Судьбою
Вождями Росскимъ вождямъ быть,
Примѣры подавать собою,
И плески міра заслужить!

Дерзайте! рвеніе полезно,
Гдѣ предстоитъ вамъ славы видъ;
Но больше праведно, любезно,
Кто милосердьемъ знаменитъ.

Ектеринѣ подражая,
Ея стяжайте вы вѣнецъ:
Она, добротами плѣняя,
Царица подданныхъ сердецъ.

═

МЕРКУРІЮ.

—

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій! ты ведешь съ собой?
Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой?
Сбирать, завидовать, изъ-млада
Я не привыкъ и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно съ презрѣньемъ я топчу
Его всю прелесть равнодушно.
Коль я здоровъ, хлѣбъ-соль имѣю,
И даръ мнѣ данъ судьи, пѣвца,
И челобитчиковъ я смѣю
Встрѣчать съ передняго крыльца,
И къ небогатому богатый
За нуждою ко мнѣ идетъ,
За храмъ мои просты палаты,
За золото солому чтетъ:
На что же мнѣ твоя излишность?

Но, ахъ! когда я сталъ послушенъ
Тебѣ, мой вождь и богъ златой:
То будь и ты великодушенъ,
И мой не отними покой;
Но хлопотать когда устану,
Весь день бывъ жертвой и игрой
Среброчешуйну океану:
Позволь, какъ грянетъ громъ, домой
Пришедшему обнять мнѣ Музу,

Да вмѣсто виста и бостону,
Я съ ней на лирѣ порѣзвлюсь,
Монаршу, Божеску закону,
Суду и правдѣ поучусь;
Не дамъ волкамъ овечки скушать:
А ты, коль хочешь одолжить,
Приди моей сей пѣсни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу Екатеринѣ.

═

БУРЯ.

—

Судно, по морю носимо,
Рѣетъ между черныхъ волнъ;
Бѣлы горы идутъ мимо:
Въ шумѣ ихъ надеждъ я полнъ.

Кто изъ тучъ бѣгущій пламень
Гаситъ надъ моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челнъ заводитъ мой?

Ты, творецъ, Господь всесильный,
Безъ Котораго и власъ
Не погибнетъ мой единый,
Ты меня отъ смерти спасъ!

Ты мнѣ жизнь мою пробавилъ!
Весь мой духъ Тебѣ открытъ;
Въ сонмъ Вельможъ меня поставилъ:
Будь средь нихъ мой вождь и щитъ.

═

МОЙ ИСТУКАНЪ.

—

Готовъ кумиръ, желанный мною!
Рашетъ его изобразилъ:
Онъ хитрою своей рукою
Меня и въ камнѣ оживилъ.
Готовъ кумиръ! — и будетъ чтиться
Искуство Праксителя въ немъ.
Но мнѣ какою честью льститься
Въ безсмертномъ истуканѣ семъ?
Безъ славныхъ дѣлъ, гремящихъ въ мірѣ,
Ничто и Царь въ своемъ кумирѣ.

Ничто! и не живетъ тотъ смертный,
О комъ ни малой нѣтъ молвы;
Ни зломъ, ни благомъ не примѣтный,
Во гробѣ погребенъ живый.
Но ты, о звѣрскихъ душъ забава,
Убійство! я не льщусь тобой:
Батыевъ и Маратовъ слава
Во ужасъ духъ проводитъ мой;
Не лучше ли мнѣ быть забвенну,
Чѣмъ узами сковать вселенну?

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
Большаго дѣлать не хочу;
Мнѣ скиптра Небо не вручало,
И я на Небо не ропщу.
Готовъ я управляться властью;
А если ею и стѣснюсь
Чрезъ зло: моей я низкой частью
Съ престоломъ свѣта не смѣнюсь.
Та мысль всѣхъ казней мнѣ страшнѣе:
Представить въ вѣчности злодѣя!

Злодѣй, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всѣмъ жертвуетъ; его орудью
Преграды нѣтъ, алчбѣ цѣпей:
Внутрь совѣстью своей размученъ,
Внѣ съ радостью губитъ другихъ;
Пусть дерзостью, удачей звученъ,
Но не великъ въ глазахъ моихъ.
Хотя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
Быть не хочу ему подобнымъ.

Легко зломъ міръ гремѣть заставить;
До Герострата только шагъ;
Но трудно доблестью прославить,
И воцарить себя въ сердцахъ:
Вѣкъ должно, добрымъ быть, намъ тщиться
И плодъ намъ время дастъ одно;
На зло лишь только бы рѣшиться,
И въ мигъ содѣлано оно.
Рѣдка на свѣтѣ добродѣтель,
И рѣдокъ благъ прямыхъ содѣтель.

Онъ рѣдокъ! — Но какая разность
Межъ славой доброй и худой?
Чтобъ имя пріобрѣсть намъ, знатность,
И той гремѣть, или другой,
Не все ль равно? когда лишь будетъ
Потомство наши знать дѣла,
И злыхъ и добрыхъ не забудетъ.
Ахъ, нѣтъ! — Природа въ насъ влила
Съ душой и отвращенье къ злобѣ,
Любовь къ добру, — и сущимъ въ гробѣ.

Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце возвратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной;

По ней, котора составляетъ
Вождей любезныхъ и Царей;
По ней, котора извлекаетъ
Сладчайши слезы изъ очей.
Эпаминондъ ли защититель,
Или благотворитель Титъ;
Сократъ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристидъ:
Мнѣ всѣ ихъ имена почтенны
И истуканы ихъ священны.

Священъ мнѣ паче зракъ Героевъ,
Моихъ любезныхъ согражданъ,
Предъ трономъ, на судѣ, средь боевъ
Душей великихъ Россіянъ;
Священъ! — Но если здѣсь я чести
Современныхъ не возвѣщу,
Боясь подозрѣнья въ лести:
То васъ ли, васъ ли умолчу,
О праотцы, дѣлами славны,
Которыхъ вижу истуканы?

А если древности покровомъ
Кто предо мной изъ васъ и скрытъ,
Въ вѣнцѣ оливномъ и лавровомъ
Великій Петръ, какъ живъ, стоитъ;
Монархи мудры, милосерды,
За нимъ Отецъ Его и Дѣдъ;
Отечества подпоры тверды,
Пожарскій, Мининъ, Филаретъ,
И ты, другъ правды, Долгоруковъ,
Достойны вѣчной славы звуковъ.

Достойны вы! — Но мнѣ ли права
Желать — быть съ вами на ряду?
Что обо мнѣ разскажетъ слава,
Коль я безвѣстну жизнь веду?
Не спасъ отъ гибели я Царства,
Царей на тронъ не возводилъ,
Не стеръ терпѣніемъ коварства,
Богатствъ моихъ не приносилъ

На жертву, въ подкрѣпленье трона,
И защитить не могъ закона.

Увы! — Почто жъ сему болвану
На свѣтѣ мѣсто занимать?
Дурную, лысу обезьяну
На смѣхъ ли дѣтямъ представлять,
Чтобъ видѣли меня потомки
Подъ паутиною въ пыли;
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли? —
Нѣтъ лучше быть отъ всѣхъ забвеннымъ,
Чѣмъ брошеннымъ и въ вѣкъ презрѣннымъ.

Разбей же, мой второй создатель,
Разбей мой истуканъ, Рашетъ!
Румянцева лица ваятель
Себѣ мной чести не найдетъ;
Разбей!.... или, постой не много:
Поищемъ, нѣтъ ли дѣлъ какихъ,
По коимъ бы, хотя не строго
Судя о качествахъ моихъ,
Ты могъ отвѣтствовать вселенной
За трудъ, надъ мною понесенной.

Поищемъ!.... Нѣтъ. — Мои бездѣлки
Безумно столько уважать;
Дѣла обыкновенны мелки,
Чтобъ насъ заставить обожать.
Хотя бъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы,
Законъ и правду сохранилъ,
Отерь сиротски, вдовьи слезы,
Невинныхъ оправдатель былъ,
Органъ Монаршихъ благъ и мира, —
Не стоилъ бы и тутъ кумира.

Не стоилъ бы: всѣ знаки чести,
Дозволенны самимъ себѣ,
Плоды тщеславія и лести,
Монархъ! постыдны и тебѣ.
Желаетъ хвалъ, благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья:
По смерти слава хороша;
Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ,
Герои въ вѣчности сіяютъ.

Но если дѣлъ и не имѣю,
За что бъ кумиръ мнѣ посвятить:
Въ достоинство вмѣнить я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтить;
Что могъ изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти;
Что пѣлъ я Россовъ ту Царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни днесь, ни впредь, въ пространствѣ міра:
Хвались моя, хвались тѣмъ, лира!

Хвались — и образъ мой скудельной
Въ храмъ славы возноси съ собой:
Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль тихой нѣкогда слезой
Ты, взоръ кропя Екатерины,
Могла пріятною Ей быть;
Взносись, и достигай вершины,
Чтобы на ней меня вмѣстить,
Завистниковъ моихъ къ досадѣ,
Въ Ея прекрасной колоннадѣ.

На твердомъ, мраморномъ помостѣ,
На минстыхъ сводахъ межъ столповъ,
Въ мѣди, въ величественномъ ростѣ,
Подъ сѣнью райскихъ въ кругъ деревъ,
Поставь со славными мужами!
Я стану съ важностью стоять;
Какъ отъ зарей всякъ день лучами,
Отъ свѣтлыхъ Царскихъ лицъ блистать,
Недвижимъ вихрями, ни громомъ,
Подъ ихъ божественнымъ покровомъ.

Прострется облакъ благовонный —
Коврами вкругъ меня цвѣты.....
Постой, Піитъ, восторга полный!
Высоко залетѣлъ ужъ ты:
Въ пыли валялись и Омиры;
Потомство грозный судія:
Оно разсматриваетъ лиры;
Услышитъ гласъ и твоея,
И пальмы взвѣситъ и перуны,
Кому твои гремѣли струны.

Увы! легко случиться можетъ,
Поставятъ и тебя льстецомъ:
Кого днесь тайно злоба гложетъ,
Тотъ будетъ завтра въявь врагомъ;
Трясутъ и троны люди злые:
То, можетъ быть, и твой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ,
Стуча съ крыльца ступень съ ступени,
И скатится въ древесны тѣни.

Почто жъ позора ждать такова?
Разбей, Рашетъ, мои черты!
Разбей!.... Нѣтъ, нѣтъ! еще полслова
Позволь сказать себѣ мнѣ ты.
Пусть тотъ, кто съ большимъ дарованьемъ
Могъ добродѣтель прославлять,
Съ усерднѣйшимъ, чѣмъ я стараньемъ
Желать добра и исполнять,
Пусть тотъ, не медля, и рѣшится,
И мой кумиръ имъ сокрушится.

Я радъ отечества блаженству:
Дай больше небо таковыхъ,
Россійской силы къ совершенству,
Сыновъ сій вѣрныхъ и прямыхъ!
Опредѣленія Судьбины
Тогда исполнятся во всемъ:
Доступимъ міра мы средины;
Съ Гангеса злато соберемъ;
Гордыню усмиримъ Китая,
Какъ кедръ, нашъ корень утверждая.

Тогда, каменосѣчецъ хитрый!
Кумиры твоего рѣзца
Живой струей испустятъ искры
И въ внучатахъ возжгутъ сердца.
Смотря на образъ Мараѳона,
Зальется Ѳемистоклъ слезой;
Отдастъ Арману Петръ полтрона,
Чтобъ править научилъ другой;
Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся,
И въ слѣдъ ихъ славы воскрылятся.

А ты, любезная супруга!
Межъ тѣмъ возьми сей истуканъ;
Спрячь для себя, родни и друга,
Его въ серпяной твой диванъ;
И съ бюстомъ тамъ своимъ, мнѣ милымъ,
Предъ зеркаломъ ихъ въ рядъ поставь,
Во знакъ, что съ сердцемъ справедливымъ
Не скрытъ нашъ всѣмъ и виденъ нравъ.
Что слава? — Счастье намъ прямое —
Жить съ нашей совѣстью въ покоѣ.

МЕЧТА.

Вошедъ въ шалашъ мой торопливо,
Я вижу мальчикъ въ немъ сидитъ,
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучитъ.

Рѣкою искры упадали
Изъ рукъ его, во тьмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утрення заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась,
И на мою упала грудь;
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не то ль зовутъ любить?

Люблю! Кого? сама не знаю.
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуетъ сердце! Дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

КЪ АНЖЕЛИКѢ КАУФМАНЪ.

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!
Если въ кисть твою влiянна
Свыше живость, чувство, вкусъ;
И списавъ Данаевъ, древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнъ:
Напиши мою Милену,
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня,
Я нашелъ бы въ ней обратно,
И плѣнясь ея красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

ПРИЗЫВАНІЕ И ЯВЛЕНІЕ ПЛѢНИРЫ.

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блистаніи луны,
Въ дыханіи зефира,
Во мракѣ тишины!
Приди въ подобьи тѣни,
Въ мечтѣ, иль легкомъ снѣ,
И сѣдши на колѣни,
Прижмися къ сердцу мнѣ;
Движенія исчисли,
Вздыханія измѣрь,
И всѣ мои ты мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбины
Моихъ не коситъ дней,
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу, ты въ туманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой!
Плѣнира на диванѣ
Простерлась надо мной, —
И легкимъ осязаньемъ
Устъ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣтерокъ дыханьемъ,

Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь,
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
«Почто такъ сокрушаешь
Себя, мой милый другъ?
Нельзя смягчить судьбины,
Ты сколько слезъ ни лей;
Миленой половину
Займи души твоей.»

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ.

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей:
То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

ДАРЪ.

«Вотъ,» — сказалъ мнѣ Аполлонъ —
«Я даю тебѣ ту лиру,
Коей нѣжный, звучный тонъ
Можетъ быть пріятенъ міру.

«Пой Вельможей и Царей,
Коль захочешь быть имъ правенъ;
Лирою чрезъ нихъ ты сей
Можешь быть богатъ и славенъ.

Если жъ пышность, санъ, богатство
Не по склонностямъ твоимъ,
Пой любовь, покой, пріятство:
Будешь красотой любимъ.»

Взялъ я лиру и запѣлъ, —
Струны правду зазвучали:
Кто внимать мнѣ захотѣлъ?
Лишь красавицы внимали.

Я доволенъ, свѣта богъ,
Даромъ симъ твоимъ небеснымъ.
Я богатымъ быть не могъ;
Но я милъ женамъ прелестнымъ.

ЖЕЛАНІЕ.

Къ богамъ земнымъ сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

САФѢ.

(На смерть супруги.)

Когда брала ты арфу въ руки
Воспѣть твоей подруги страсть,
Протяжные и тихи звуки
Надъ сердцемъ нѣжнымъ сильну власть
Любви твоей изображали;
Но ревность лишь затмила умъ,
Громчайши гласы побѣжали,
И приближался бурный шумъ

Тогда бѣлорумяны персты
По звучнымъ всплыгали струнамъ,
Взоръ черноогненный, отверзтый,
И молнія во слѣдъ громамъ
Блистала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть блѣдный хладъ распространяла.
Я умиралъ игрой твоей.

О если бы я былъ Фаономъ,
И пламень твой мою бъ жегъ кровь:
Твоимъ бы страстнымъ, пылкимъ тономъ
Я описалъ свою любовь.
Тогда съ моей всесильной лиры
Зефиръ и громъ бы могъ летѣть:
Какъ ты свою, такъ я Плѣниры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

БѢСѢДА СЪ ГЕНІЕМЪ.

—

Восхищенный явнымъ сномъ
Въ небо я моей душою,
Видѣлъ, Геній подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицемъ прекрасенъ,
Ростомъ строенъ и высокъ,
Тихъ, привѣтливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму....
И во снѣ его былъ внятенъ
Голосъ сердцу моему:
«Слушай, старый пѣснопѣвецъ!
Послужи еще мнѣ,» рекъ:
«Я не грозный Громовержецъ, —
Кроткій Царь и человѣкъ: —
Прозвучи мою ты славу.» —
Взялъ я лиру, строю вновь, —
И пою его державу
И къ отечеству любовь.

═

ТИШИНА.

—

Не колыхнетъ Волховъ темный,
Не шелохнетъ лѣсъ и холмъ;
Мещетъ на поля чуть блѣдный
Свѣтъ луна, и спитъ мой домъ.

Какъ, — я мнилъ во уединеньѣ, —
Въ хижинѣ быть славну мнѣ?
Не живемъ, живя въ забвеньѣ:
Что въ могилѣ, то во снѣ.

Нѣтъ! талантъ не увядаетъ
Вѣчнаго забвенья въ тьмѣ;
Изъ-подъ спуда онъ сіяетъ:
Я блесну на вышинѣ.

Такъ! пойду хотя въ забаву
За пѣвцомъ Тіискимъ въ слѣдъ,
И снискать его чтобъ славу,
Стану забавлять я свѣтъ;

Стану шуткою влюбляться,
На бумагѣ пить и ѣсть,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкаться,
И въ сѣдинахъ будто цвѣсть.

Я пою, — Пиндъ стала Званка;
Совосплещутъ Музы мнѣ;
Возгремѣла балалайка,
И я славенъ въ тишинѣ!

═

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

—

Что нужды мнѣ до града?
Въ деревнѣ я живу.
Мнѣ лентъ и звѣздъ не нада:
Вельможей не слыву;
О томъ лишь я стараюсь,
Чтобъ счастливо прожить;
Со всѣми обнимаюсь,
И всѣхъ хочу любить.
Кто вѣдаетъ, что будетъ?
Сегодня мой лишь день,
А завтра всякъ забудетъ,
И все пройдетъ какъ тѣнь.
Зачѣмъ же мнѣ способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищъ мнѣ не нада:
Богатъ, съ женой коль ладъ;
Богатъ, коль Лель и Лада
Мнѣ дружны, и Усладъ;
Богатъ, коль здравъ,
Могу поѣсть, попить, обиленъ,
Подъ часъ и не безсиленъ
Съ Миленой пошалить.

═

ЕВГЕНІЮ.

(Жизнь Званская.)

—

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при Дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

За чѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы на затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, Сиренъ подъ власть
И предъ Вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую, и не нашедшій въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей,
И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще;

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьёвъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ, и коней ржанье.

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ Манжурской, иль Левантской,
Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской;

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы, —

Въ которой поутру, иль въ вечеру порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ Герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ Генералахъ;

Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скотень, пчельниковъ, и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лекарствица, въ подспорье;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатой,
Даютъ отчетъ казнѣ, и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой; —

И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры, зѣло горячи,
Играемъ въ карты мы, въ срошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ Царямъ, къ друзьямъ моимъ, иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ.

«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О коль прекрасенъ міръ! Что жъ духъ мой бременю?
Творцемъ содержится вселенна.

«Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля.»

Дворовыхъ между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей,
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранковъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ:
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь, икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манитъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ, иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.

Когда же мы Донскихъ и Крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и черноп҃ѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмѣлинъ, —
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но, молча, вдругъ встаемъ: — бьетъ, искрами горя,
Древъ Русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, Царевичей, Царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары, иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ,
И тѣшусь разными играми;

Иль изъ кристальныхъ водъ, купалень, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса, — лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства;

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью;

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ,
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
Клокоча огнь, толчетъ и мелетъ;

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тмы вдругъ веретенъ
Маріиной рукой прядутся;

Иль какъ на ленъ, на шелкъ, цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль Царицы;
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши Милицы,

И сельски ратники, какъ Царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
«За Вѣру, за Царя, мы,» говорятъ: «помремъ,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ!»

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцемъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей;

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ
Порхаетъ вѣтръ межъ Нимфъ рядами;

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю степень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ;

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Забавно! въ тмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.

Прекрасно! тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны,
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно! какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа,
Жнецевъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождёмъ,
Звучитъ музыка духовая.

Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ, вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ;
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать: музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харитъ плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ:
А мы на нихъ и пялимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь *тихогрома* съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ.

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, — тѣнь!...
Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны:
Блаженствовалъ подъ Нимъ въ спокойствѣ человѣкъ;
Но мещетъ днесь и Онъ перуны.

Умолкнутъ ли они? — Сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ,
И поглумляется безумству человѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ
Темиру новому подъ Пултускомъ, Прейсшъ-лау;
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ орла сѣдаго славу.

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ лоцей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прахъ спахнетъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ,
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный,
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный;

Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ, и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.

Такъ! Развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь блѣдну зависть въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ! Въ мракѣ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.

Ты слышалъ ихъ, — и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близъ Сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
»Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.«

ПРИЗНАНІЕ.

Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться,
И Философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ:
Умъ и сердце человѣчье
Были Геніемъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ,
Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ, —
Не собой блисталъ я, — Богомъ:
Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались
Лиры моея Царямъ, —
Добродѣтельми казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ Вождямъ, —
Думалъ перелить въ потомки
Души ихъ я ихъ дѣтямъ.
Если гдѣ Вельможамъ властнымъ
Смѣлъ я правду брякнуть въ слухъ, —
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, Царю, отчизнѣ другъ.

Если жъ я и суетою
Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
Словомъ: жегъ любви коль пламень,
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ.
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

ПОЛИГИМНІИ.

Муза Эллады, пылкая Сафа,
Сѣверныхъ странъ Полигимнія!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златыя,
Что молніи въ души бросая,
Что громами тихо гремя,
Грудь раздробляютъ мою!

Иль, о румянощока, чернокудра,
Агатовоокая Дѣва!
Ты мнѣ древняго слога премудра
Витіевъ Эольскихъ напѣва
Съ розовыхъ устъ гласъ проливаешь?
Слышу журчащіе токи
И во гармоньи тону!

Такъ, ты, Греко-Россійска Харита,
Вблизи какъ меня возсѣдая,
Коснулась во мнѣ дланью Піита,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимнъ возглашаючи Богу:
Сердце во мнѣ вспламенялось,
Слезы ручьями лились!

И если бъ мигъ еще продолжила
Твое небозвучное чтенье,
Всю жизнь бы мою какъ былье спалила;
Растаялъ бы я въ восхищеньѣ,
Юной красой упояся;
Блаженства снести бы не могъ,
Умеръ, любовью сгорѣвъ.

Но холодная старость, сѣдая,
Блѣднымъ покрывъ щитомъ костянымъ,
Стрѣлы твоихъ очесъ отражая,
Хоть упасть ко стопамъ мнѣ твоимъ
Строго тогда воспретила, —
Избѣгъ я тебя; но твой взглядъ,
Лучъ какъ въ льдѣ, блещетъ во мнѣ.

Зрится въ моемъ, горитъ воображеньѣ,
Ахъ! какъ солнце, твоя красота!
Слышу тобой, мое выраженье,
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняетъ
Пѣньемъ твоимъ пѣсень моихъ. —
Буду я, буду безсмертенъ!

ЛЕБЕДЬ.

(Подражаніе Горацію, Кн. II, Ода 20.)

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душей безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ Царствъ.

Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ Вельможамъ я не равенъ,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.

Лечу, парю, — и подъ собою
Моря, лѣса, міръ вижу весь;
Какъ холмъ онъ высится главою,
Чтобы услышать Богу пѣснь.

Съ Курильскихъ острововъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ,
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь,
И всѣ, что бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:

»Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ,
И проповѣдуя миръ міру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.«

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ Музъ не пой! —
Супруга! облекись терпѣньемъ!
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

ПАМЯТНИКЪ.

(Подражаніе Горацію, Кн. III, Ода 30.)

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ,
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕРТА КЪ БІОГРАФІИ ДЕРЖАВИНА (*).

Кто велъ его на Геликонъ,
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ:
Природа, нужда и враги.

НА ПТИЧКУ.

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: пой, птичка, пой!

(*) «Объясненіе четырехъ сихъ строкъ,» писалъ Г. Р. Державинъ къ Графу Д. И. Хвостову: «составитъ исторію «моего стихотворства, причину онаго и необходимость.

НАДПИСИ.

1.

КЪ ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Кто Царь сей — межъ Царей? — чья блещетъ такъ порфира?
По бронѣ Александръ, по взору Аполлонъ;
Летятъ за Нимъ орлы — какъ на побѣду міра!
Такъ! вѣрно побѣдитъ, по благостію — Онъ.

2.

КЪ ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Какъ лилія весной и роза среди лѣта,
Въ уединеніи благоуханье льетъ:
Такъ скромностью своей сердца къ Себѣ влечетъ,
Умомъ и красотой — Владычица полсвѣта.

3.

КЪ ПОРТРЕТУ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

Сбери Рафаэль огнь — съ очей Его души:
Россіи Марса напиши!

═

4.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ КАНТЕМИРА.

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ:
Порокъ, не подходи! сей взоръ тебя ужалитъ!

═

5.

НА ГРОБЪ ШЕЛЕХОВА.

Колумбъ здѣсь Русскій погребенъ:
Преплылъ моря, открылъ страны безвѣстны;
Но зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ —
Направилъ паруса во Океанъ небесный.

═

6.

КЪ ПОРТРЕТУ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ ПСКОВСКАГО.

Витія! о тебѣ не возгласимъ похвалъ:
Гласъ Краснорѣчія для праведника малъ.

═

7.

КЪ ГРОБНИЦѢ ВЕЛЬМОЖИ И ГЕРОЯ.

Въ семъ мавзолеѣ погребенъ
Примѣръ сіянія людскаго,
Примѣръ ничтожества мірскаго,
Герой — и тлѣнъ.

═

8.

КЪ ПОРТРЕТУ М. М. ХЕРАСКОВА.

Любимецъ Русскихъ Музъ (въ немъ нашъ Виргилій цвѣлъ)
Монарховъ подвиги, дѣла Героевъ пѣлъ;
Се видъ его лица, души — стихи свидѣтель,
А жизни — добродѣтель.

═

9.

НА КОМЕДІЮ: НЕДОУМѢНІЕ,

сочиненную

ЕКАТЕРИНОЮ II, 1789.

Какое восхищенье!
Какой восторгъ сердецъ!
И самое *Недоумѣнье*
Даетъ Тебѣ вѣнецъ.

═

НА КРАСАВИЦУ.

—

Красавица! зря пчелъ вкругъ розы ты, весной,
Представь, что роза ты; а мы, мы всѣ—твой рой.

═

ЭПИТАФІЯ СУПРУГѢ.

—

Гдѣ добродѣтель? гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
Увы! Се дверь на небеса.....
Сокрылась тамъ — да солнце встрѣтитъ!

═

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА,

Писанные на аспидной доскѣ, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, Царства и Царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется —
И общей не уйдетъ судьбы.

(Далѣе еще двѣ строки, которыхъ нельзя разобрать.)

ПОЖАРСКОЙ,

или

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ,

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ХОРАМИ И РЕЧИТАТИВАМИ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нужнымъ почитаю предувѣдомить, что, желая посредствомъ театра оживить въ памяти любезнаго Отечества моего то знаменитое героическое происшествіе, въ которомъ всѣ состоянія его соучаствовали, и стяжавъ себѣ безсмертную честь и славу, показали истинную великость духа Россіянъ, каковую въ нынѣшнія времена въ подобномъслучаѣ нѣкоторые народы и ихъ вожди напрасно, кажется, себѣ присвояютъ,—взялъ я характеры дѣйствующихъ лицъ, (дабы тѣмъ зрѣлище удостовѣрительнѣе казалось) изъ самыхъ дѣяній, бытописаніями и преданіями намъ свидѣтельствуемыхъ. Любопытный благоволитъ прочесть *Ядро Россійской Исторіи* и прочія лѣтописи: то увидитъ, правильно ли мною извлечены изъ самыхъ дѣлъ характеры. Поистинѣ, когда *Пожарской*, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принялъ на себя главное предводительство собраннаго войска; не поступилъ по тогдашнимъ обычаямъ жестоко со злодѣями, на убійство его покушавшимися; не прельстился богатствомъ Бояръ, изъ осажденной Москвы имъ выпущенныхъ; не обходился съ плѣнниками сурово, какъ другіе, которые ихъ имѣніе ограбили, а самихъ лишили жизни; не принялъ короны, отъ народа ему поднесенной, какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ ее на Наслѣдника по крови Царской, учредя Монархическое правленіе: то не былъ ли онъ Герой высшей степени, человѣкъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало Исторія представляетъ, и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ, никто великимъ почитаться не можетъ?—Когда *Трубецкой* не былъ съ нимъ въ союзѣ, не содержалъ въ должномъ порядкѣ войскъ своихъ, такъ что запрещено было имъ сообщаться съ его станомъ; не далъ въ нужныхъ случаяхъ Пожарскому помощи, не удалилъ отъ себя явнаго злодѣя Заруцкаго: то чему приписать сіе, какъ не скрытымъ видамъ самолюбія, зависти и желанія властвовать надъ всѣми: каковымъ страстямъ нерѣдко подвержены бываютъ самые знаменитые, славные, однако не великіе люди, которыхъ довольно Исторія и настоящія времена намъ показываютъ?—Когда *Мининъ*, изъ пламенной ревности къ своему Отечеству, для избавленія его отъ ига иноплеменныхъ, принесъ на жертву все свое

имущество, подвигъ примѣромъ своимъ къ тому же народъ, присовѣтовавъ ему и въ вожди себѣ избрать Пожарскаго; то какъ его иначе представить, какъ не горячаго, твердаго духа человѣкомъ, достойнымъ во всѣ времена почтенія и удивленія?—Когда *Аврамій Палицынъ*, употребя себя на увѣщаваніе народа къ ополченію чрезъ многія письма, отважился лично на опасности, уговаривая въ помощь Пожарскому взбунтовавшихся Казаковъ и не употребилъ во зло сокровищъ, монастырями ему ввѣренныхъ: то какъ не признать въ немъ преподобнаго, святаго мужа, достойнаго прославленія въ потомствѣ? Напротивъ того, когда *Заруцкій*, попускавшій Казакамъ своимъ явные грабежи и разбои, не былъ не токмо усерднымъ содѣйствователемъ ни Трубецкому, ни Пожарскому; но, совокупясь тайно съ Мариною и женясь потомъ на ней, наносилъ вредъ Государству, такъ что даже сообщники его, и по немъ, въ отмщеніе смерти его, разоряли низовыя страны: то какъ не описать его самыми мрачными красками, какъ злѣйшаго врага и измѣнника?—Наконецъ, когда *Марина*, послѣ содержанія ея въ Ярославлѣ подъ присмотромъ, бывъ безвредно освобождена, прибѣгала еще къ разнымъ проискамъ, признавая нѣсколькихъ самозванцевъ Лжедимитріемъ, мужемъ своимъ, имѣла съ ними любовныя обращенія, и добиваясь всѣми мѣрами престола, переѣзжала изъ мѣста въ мѣсто, переодѣваясь иногда въ мужеское воинское платье и садясь на коня, пускалась въ опасности: то какъ не изобразить въ ней предпріимчивую, властолюбивую, хитрую прелестницу и чародѣйку, каковою и преданіе ее называетъ? Словомъ: всѣ сіи характеры и прочихъ лицъ, упоминаемыхъ косвенно въ монологахъ, взялъ я, ничего къ нимъ не прибавляя, точно изъ Исторіи; а по свободѣ Поэзіи, вымыслилъ только нѣкоторыя вводныя происшествія, какъ-то: пожаръ, любовныя увеселенія и прочія, для связи и пріятности зрѣлища. Но всѣ однако событія, въ разныхъ мѣстахъ и временахъ случившіяся, по правиламъ драматическимъ привелъ я въ одну точку зрѣнія; а дабы торжественное сіе дѣяніе, воспричинствовавшее благоденствіе Имперіи и донынѣ существующее, не было зрѣлищемъ скучнымъ и мрачнымъ, подобно трагедіи: то украсилъ я его великолѣпіемъ, свойственнымъ операмъ, придавъ ему разныя декораціи, музыку, танцы и даже виды самаго волшебства. Но чтобъ съ другой стороны оно не потеряло въ семъ блескѣ принадлежащей ему героической важности и силы: то нѣкоторымъ лицамъ далъ я довольно трогательные и пространные монологи, но избавилъ однако ихъ вовсе отъ пѣнія и плясокъ, имъ неприличныхъ, предоставя то единственно статистамъ только въ балетѣ, хорахъ и речитативахъ. Когда таковаго рода зрѣлище пріобрѣтетъ благоволеніе публики, то останусь довольнымъ, что трудъ мой не былъ тщетнымъ: впрочемъ не думаю я, чтобы кто изъ соотечественниковъ и потомковъ тѣхъ народовъ и лицъ, которые въ семъ происшествіи соучаствовали, нашелся тѣмъ недовольнымъ, что не въ такомъ свѣтѣ кто либо изъ нихъ представленъ, какъ бы ему желалось. А ежели бы и сіе случилось: то предоставляю всякому судить о томъ, какъ угодно, вѣдая, что Эпическія и Драматическія поэмы (разумѣется трагедіи) удобнѣе составляются изъ временъ самыхъ отдаленныхъ, героическихъ и баснословныхъ, въ темнотѣ коихъ свободнѣе скрывается ахронизмъ, блистаетъ чудесность и усыпляется личность. Но когда предметъ взятъ почти изъ новой Иторіи, или близко намъ современной: то хотя первыя и не совсѣмъ инымъ покажутся правдоподобными, но отъ послѣдняго ни коимъ образомъ избѣжать не возможно: а потому и не извиняюсь я какими либо пространными разсужденіями, коихъ бы достаточно къ оправданію привести было можно, но довольствуюсь только припомнить слѣдующій стихъ Г-на Ломоносова:

«*Ни злости не страшусь, ни требую добра;*
Не ради васъ пою, для правды.....»

ПОЖАРСКОЙ,

или

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Пожарской, } вожди Руские.
Князь Трубецкой, }

Мининъ, купецъ, Нижегородскій и казначей войска Пожарскаго.
Марина, жена Лжедимитрія, чародѣйка.
Заруцкій, Казачій Гетманъ, союзникъ войска Трубецкаго.
Аврамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, въ видѣ простолюдина,

Послы Польскіе. } Всѣ безъ рѣчей,
Дума Бояръ. }
Межаковъ, Есаулъ Заруцкаго. }

Жены } Боярскія
Дѣти }
Гражданки.
Жильцы Московскіе, Дворяне, Гости и Стряпчіе.
Прислужники и
Прислужницы Маринины, въ видѣ, охотниковъ, амуровъ и проч.
Трубачъ.
Гонецъ.
Войска Русскія и Польскія.
Казаки.
Народъ.

(а составляются только изъ нихъ хоры, речитативы и балеты.)

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Москвы и въ Кремлѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ, при захожденіи солнца, Москву со стороны Петровскихъ воротъ; вдали дымъ и изрѣдка слышны пушечные выстрѣлы отъ осады Трубецкаго; вблизи въ дубравѣ станъ Пожарскаго: воины сидятъ кругами и варятъ кашу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ.

(Перваго круга.)

Ядры пусть летятъ ревучи,
Воютъ вѣтры, черны тучи,
Молньи блещутъ средь громовъ;
Смѣло идемъ на враговъ.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество помремъ.

ХОРЪ.

(Втораго круга.)

Злобно пусть враги ярятся
За стѣнами защищаться:
Не трепещетъ Русска грудь,
Намъ на стѣны веселъ путь.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья пойдемъ;
За отечество помремъ.

ХОРЪ.

(Третьяго круга.)

Пусть измѣнники бунтуютъ,
Скиптры хищникамъ даруютъ:
Вѣрны мы своимъ Царямъ,
Кровь свою несемъ имъ въ дань.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество помремъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МИНИНЪ И ПАЛИЦЫНЪ.

(Хоры умолкаютъ; воины снимаютъ съ сошекъ котлы, тушатъ огни, и уходятъ въ шатры.)

ПАЛИЦЫНЪ.

По многимъ граматамъ, мной посланнымъ, созывнымъ,
И съ Лавры вѣющимъ въ счастливый знакъ вѣтрамъ,
Сыны отечества! въ отпору сопротивнымъ
Съ Пожарскимъ Минина къ престольнымъ симъ стѣнамъ
Я жду давно. Но вы.....

МИНИНЪ.

Различныя препоны:
Хоткевичъ, насъ вчерась объѣхавъ тмою толпъ,
Пресѣкъ было пути.

ПАЛИЦЫНЪ.

Я вѣрю, и законы,
Вамъ Думой данные, препнули бъ быстрость стопъ,
Коль трона бъ, алтаря, краеугольный камень
Согласенъ съ ними былъ.

МИНИНЪ.

Кто удержать насъ могъ?
Любви къ отечеству безмѣренъ въ Русскихъ пламень;
Мы въ жертву жизнь несемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чрезъ Патріарха Богъ.

МИНИНЪ.

Но мы спасать Престолъ и Вѣру устремились:
То Гермогену ли противу насъ возстать?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Но вы бъ его анаѳемъ устрашились.

МИНИНЪ.

Анаѳемы его! — За что насъ проклинать?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ гладомъ, жаждою и муками терзаемъ,
Былъ нудимъ отъ Бояръ вамъ написать о томъ,
Чтобъ вы не шли къ Москвѣ.

МИНИНЪ.

Но мы Москву спасаемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ нужды, говорятъ, вамъ въ подвигѣ такомъ.

МИНИНЪ.

А какъ, и почему?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ужъ Дума къ Владиславу
Отправила пословъ. — Не знали развѣ вы?

МИНИНЪ.

Зачѣмъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чтобъ взялъ себѣ онъ Русскую Державу.

МИНИНЪ.

Избави, Господи, отъ чуждой насъ главы!
И на измѣну ту нашъ Пастырь согласился?
И намъ къ Москвѣ нейти?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ даже и поднесь
Съ отъѣзда моего терпѣлъ, страдалъ, крѣпился.

МИНИНЪ.

О добрый Пастырь душъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Я въ сей одеждѣ здѣсь
Нарочно кроюся давно ужъ потаенно,
Чтобы увѣдомить о всемъ подробно васъ,
И какъ противъ враговъ вамъ весть себя надежно.
Но вождь вашъ — Ты?

МИНИНЪ.

Я? — Нѣтъ! — Пожарской храбрый Князь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Гдѣ жъ онъ?

МИНИНЪ.

Тамъ въ таборѣ, иль такъ я полагаю;
Не озрѣетъ ли онъ Трубецкаго станъ
И положенье мѣстъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сего не понимаю,
Зачѣмъ бы Трубецкой къ вамъ не явился самъ.

МИНИНЪ.

Что жъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чудный это вождь! Ему быть должно раду
Прибытью вашему, и съ лаской встрѣтить васъ.

МИНИНЪ.

А развѣ чувствуетъ какую онъ досаду?

ПАЛИЦЫНЪ.

Я не скажу того: но нѣкій тайный гласъ
Здѣсь носится, что онъ Пожарскаго не любитъ.
Быть можетъ, слухъ пустой, иль зависть иногда —
Ты знаешь, что вождей она нерѣдко губитъ.

МИНИНЪ.

Великихъ прямо душъ толь низка страсть чужда.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но можно же сказать за тайну между нами,
Что властолюбіе и первенство чиновъ
Вертѣло и вертитъ большими головами.

МИНИНЪ.

Стречься должно намъ, изъ сихъ я вижу словъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не худо. Да и твой каковъ Начальникъ свойствомъ?
Тожъ не подверженъ ли онъ слабостямъ какимъ?

МИНИНЪ.

Наполненъ честностью и истиннымъ геройствомъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Да сила Божія всегда пребудетъ съ нимъ!
Однако говорятъ, что будто онъ женами
Бываетъ уловленъ, ихъ нѣжностьми плѣнясь.
Всего опаснѣе сражаться съ красотами!
Марининыхъ волшебствъ, прелестныхъ силу глазъ,
Я мню, ты вѣдаешь по всенароду слуху,
Что, обольстя собой Отрепьева она,
Поджогу хитростьми коварному вливъ духу,
Взнеслась съ нимъ на престолъ, какъ изъ-за тучъ луна.
Да и по немъ еще доднесь не унываетъ;
Но многихъ Лжецарей, подъ именемъ его,
Назвавшися женой, вновь скиптра досягаетъ.
Тушинскаго на дняхъ, въ Коломнѣ, своего,
Хоть успокоила; но тайными путями
Въѣзжаетъ и въ Москву, всѣхъ ссоритъ и мутитъ
Бояръ своей красой. Сегодня съ Поляками,
А завтра съ Русскими вновь брачиться манитъ;
По рощамъ, по садамъ ліетъ свой ядъ зловидной.
Заруцкій весь ея, — и словомъ: въ хитростяхъ
Со златосребряной сверкающей ехидной
Віющейся, она похожа во цвѣтахъ.
Самъ ею Трубецкой, какъ очарованъ, ходитъ;
Обрывшись въ таборѣ, хотя и стыдъ несетъ,
Но войскъ своихъ на брань ни мало не готовитъ,
Стоитъ, не дѣйствуетъ: его какъ будто нѣтъ.
И о твоемъ Вождѣ, тобой толь восхваленномъ,
Злорѣчный до моихъ достигнулъ слухъ ушей:
Что кто-то зрѣлъ его во образѣ смятенномъ
Отъ взгляда одного Марининыхъ очей.

МИНИНЪ.

Все можетъ быть: но гдѣ ему въ нее влюбиться?
Въ деревнѣ на одрѣ онъ съ годъ лежалъ отъ ранъ,
И я всегда съ нимъ былъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Мнѣ должно согласиться,
Коль такъ ты говоришь.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПОЖАРСКОЙ.

(Съ нѣсколькими нижними чиновниками.)

ПОЖАРСКОЙ.

(Чиновникамъ.)

Обвесть вкругъ цѣпью станъ,
И безъ меня ни кто бъ...!

(Чиновники кланяются, и уходятъ.)

МИНИНЪ.

(Палицыну.)

Вотъ воинствъ Предводитель.

(Пожарскому.)

Отецъ Аврамій здѣсь.

ПОЖАРСКОЙ.

Ахъ, преподобный другъ!
Позволь себя обнять.

ПАЛИЦЫНЪ.

Почтенный повелитель!
Безмѣрной радостью объятъ теперь мой духъ,
Что ты Вождемъ у насъ.

ПОЖАРСКОЙ.

А я и не примѣтилъ,
Что на себя ты взялъ простонародный видъ:
Здоровъ ли ты, отецъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нарочно такъ васъ встрѣтилъ,
Что злоба по пятамъ вездѣ меня слѣдитъ:
Но Богъ хранитъ еще.

МИНИНЪ.

Онъ вѣрнымъ щитъ отъ мести.

ПОЖАРСКОЙ.

Что дѣлаютъ въ Москвѣ? и какъ нашъ Гермогенъ?

МИНИНЪ.

Не такъ-то, говорятъ, тамъ радостныя вѣсти:
Злѣ Пастырь страждетъ сей отъ чадъ своихъ измѣнъ,
Томится муками, и силятся Бояра,
Чтобы прещенье онъ послалъ свое на насъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чтобъ намъ нейти къ Москвѣ?

МИНИНЪ.

Какъ громы, клятва яра
Ужасна воинству.

ПОЖАРСКОЙ.

Ужели клятвы гласъ
Отецъ произнесетъ?

МИНИНЪ.

Дай силъ ему, Создатель,
Мученье снесть!

ПАЛИЦЫНЪ.

Лишенъ онъ наконецъ жезла,
Взведенъ на лобное, и самъ его терзатель
Не можетъ причинить ему ужъ больше зла.
Всевышней силою боль плоти побѣждая,
Какъ діамантъ, стенетъ подъ молотами твердъ;
А о напастяхъ лишь отечества вздыхая,
Онъ молитъ за враговъ; дрожимъ мы: милосердъ,
Онъ вѣрно не снесетъ того позора града,
Какъ старцы и вдовы съ дѣтьми къ нему на стогнъ
Придутъ, возопіютъ, что въ немъ одномъ отрада,
Спасенье ихъ и жизнь. Разжалобится онъ,
И, чтобъ избавить ихъ отъ тягостныя дани,
Страданія и мукъ, онъ васъ остановитъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Уже ли злы на всѣхъ и всѣхъ губятъ тираны?

ПАЛИЦЫНЪ.

О паствѣ что своей усердно пастырь бдитъ,
Нарочно вкругъ него народъ весь собираютъ,
Полъ, возрастъ не щадятъ, таскаютъ изъ домовъ:
Въ слезахъ весь градъ.

МИНИНЪ.

Святынь и санъ не почитаютъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

И тѣ ограблены отъ хищныхъ сихъ волковъ.
Порфира Царская и мантья Іерарша,
Клейноды, утвари, безъ перлъ въ грязи лежатъ;
Въ чертогахъ, въ алтаряхъ кони, и не Монарша
Столица днесь Москва; но дебрь звѣрей, засадъ,
Гдѣ жалости, стыда и людскости не знаютъ,
Но женъ и дѣвъ влекутъ на всенародный срамъ:
А вожди, стоя вкругъ, въ ладоши ударяютъ

ПОЖАРСКОЙ.

Но что же дѣлаютъ Бояра Русски тамъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Сквозь пальцы зрятъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Какъ! какъ! Или погасло чувство
Въ нихъ человѣчества, къ отечеству любви?
Быть можно плѣнникомъ, но не сносить распутство
Зрѣть Россу Россовъ стыдъ! Пожарской, не живи!

МИНИНЪ.

Закрой свой, Мининъ, зракъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Се неба наказанье!

ПОЖАРСКОЙ.

Знать, обезумѣли! Какая польза въ томъ,
Чтобъ зрѣть отечество въ толикомъ поруганьѣ?
Нелучше ль умереть, чѣмъ подлымъ быть рабомъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Корыстолюбца духъ, собою зараженна,
Народной гордости и благородства чуждъ;
Златая цѣпь, ему тираномъ наложенна,
Милѣй всего; — и для своихъ онъ нуждъ,
Для низкихъ прихотей, какъ червь въ пыли влачится.
Онъ не заботится, въ объятьи нѣги спитъ:
Вотъ пагубныхъ вельможъ живое описанье
И изъясненье ихъ къ отечеству любви!
Хотя Россія вся теперь въ тоскѣ, въ стенаньѣ.
Погружена въ слезахъ, обагрена въ крови;
Но дремлетъ сонмъ Бояръ, не зритъ на честь и славу,
А богатѣть на счетъ лишь обща мнитъ вреда.
За вотчинами шлютъ, за златомъ къ Владиславу,
И бьютъ ему челомъ безъ всякаго стыда,
Чтобъ имъ награду далъ за бунтъ и за измѣну.

ПОЖАРСКОЙ.

Что жъ онъ?

МИНИНЪ.

Я мню, онъ радъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Измѣна хоть мила,
Измѣнникъ нетерпимъ. Но онъ не казнь въ замѣну,—
Имъ обѣщаетъ все.

МИНИНЪ.

Москва бъ его была.

ПОЖАРСКОЙ.

О подлыя сердца! льзя ль чтить въ васъ благородство,
Коль пьете своего отечества вы кровь?
Но въ Русскихъ есть еще душъ нѣкихъ превосходство,
Которыхъ къ истинѣ животворитъ любовь.
(Въ сторону.)
Хотя, къ несчастію, они и рѣдко видны.

ПАЛИЦЫНЪ.

Въ тебѣ подпору, Князь, одномъ Россія зритъ.

МИНИНЪ.

Надежда ты!

ПОЖАРСКОЙ.

Хвалы излишнія обидны.
Что сдѣлать я могу? — Одинъ скуделенъ щитъ.
Но властью ваша коль любовь меня почтила,
И продолжите вы ее: готовъ, друзья,
При вашихъ знаменахъ стоять, поколь есть сила.

МИНИНЪ.

Пролью въ виду твоемъ мою всю кровь и я.

ПОЖАРСКОЙ.

Ступайте! Богъ....

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.
(Съ нѣсколькими воинами.)

МИНИНЪ.
(Тихо Пожарскому.)

Смотри, будь съ нимъ ты остороженъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Хоть медленно, но вы пришли. Безмѣрно радъ.

ПОЖАРСКОЙ.

И мы: скорѣйшій намъ походъ былъ не возможенъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Во ожиданьи васъ, я осадилъ ужъ градъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Препятства многія....

МИНИНЪ.

На жизнь даже ехидны
Дерзали.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чью?

МИНИНЪ
(Указывая на Пожарскаго.)

Его.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ такъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ толпѣ ножомъ.

МИНИНЪ.

Невидимо его спасъ Промыслъ непостижный.

ТРУБЕЦКОЙ.

А умыслъ чей?

ПОЖАРСКОЙ.

Еще не спрошены о томъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ же мѣръ не брать къ спасенью вашей жизни,
И о сообщникахъ не поспѣшить узнать?

ПОЖАРСКОЙ.

О безопасности долгъ прежде бдѣть отчизны.

МИНИНЪ.

Подъ стражей крѣпкой я велѣлъ ихъ содержать.

ТРУБЕЦКОЙ.

Я очень радъ, и.... что меня вы подкрѣпили.

ПАЛИЦЫНЪ.

Князь, у тебя своихъ есть силъ.....

ТРУБЕЦКОЙ.

Но обоихъ
Когда бы войскъ полки мы днесь совокупили,
На приступъ бы пошли. — Надежнѣй мочь въ одннхъ рукахъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Конечно такъ.

МИНИНЪ.

Своихъ ведемъ мы сами.

ТРУБЕЦКОЙ.
(Смотря на Минина.)

Кто сей простолюдимъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Почтенный Мининъ, тотъ
Нижегородскій гость, что щедрыми руками
Принесъ богатства въ даръ, и возбудилъ народъ
Къ спасенію Москвы.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сокровище небесно
Дабы себѣ обрѣсть.

ПОЖАРСКОЙ.

Безсмертія вѣнцы.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ доблести примѣръ! Вотъ дѣло славно, честно,
И благородство чѣмъ должны стяжать купцы!
Отличный Гражданинъ! прости, что не довольно
Почтилъ тебя, узря теперь я въ первый разъ.
(Въ сторону.)
Горячая глава!

МИНИНЪ.

Незнаніе не больно.
Я, можетъ быть, тебя самъ огорчилъ чѣмъ Князь!
(Слышанъ гласъ трубы.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ПОЛЬСКІЙ ТРУБАЧЪ.

(Держащій въ одной рукѣ трубу, а въ другой письмо, приводится съ завязанными глазами воинами Пожарскаго.)

ПОЖАРСКОЙ.

Кто тамъ? Трубачъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

(Принимаетъ письмо, а трубача тотчасъ воины уводятъ назадъ.)

Съ письмомъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чьимъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

(Посмотря на надпись.)

Вижу, Гермогена.

ПОЖАРСКОЙ.

О чемъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Прочти; знать, слезъ Москвы не могъ стерпѣть.

МИНИНЪ.

Неужъ-то намъ претитъ спасать Москву отъ плѣна?

ТРУБЕЦКОЙ.

И мужу праведну страшна бываетъ смерть.

ПОЖАРСКОЙ.

(Когда онъ развертываетъ письмо, то выпадаетъ изъ онаго маленькая записочка. Читаетъ:)

«Растерзанъ, изнуренъ, палачъ надъ головою
Занесъ уже топоръ! Народъ весь вопіетъ,
Налегъ Синклитъ Бояръ! — Я слабою рукою,
Но гласомъ пастырскимъ прещу: да проклятъ тотъ,
Кто шагъ къ Москвѣ....»

МИНИНЪ.

Ахти!

ПОЖАРСКОЙ.

Увы!

ТРУБЕЦКОЙ.

Велѣнье слезно!

ПАЛИЦЫНЪ.

Тяжелъ народный стонъ! Такъ добръ былъ, Пастырь, ты!
Прости теперь уже, Отечество любезно!
Но что за письмецо? (*Поднимаетъ.*) Его же то черты,
И мелко, мелко такъ, что я не разбираю,
(Отдаетъ Пожарскому.)

ПОЖАРСКОЙ.

(Читаетъ.)

«Благословенъ грядый отечество спасать!
Дерзайте! — Съ вами Богъ! — Спокойно умираю.»

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ голосъ пастырскій! Онъ клятву намъ послать
Былъ долженъ изъ-подъ мукъ.

МИНИНЪ.

Онъ не живъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Славенъ въ роды!

ПОЖАРСКОЙ.

Завиденъ жребій тѣхъ и посреди оковъ,
Кто такъ прекрасно свой долгъ отдаетъ природы!
И казнію пролить за Вѣру сладко кровь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Намъ должно лишь теперь о томъ распорядиться,
На приступъ какъ итти.

ПОЖАРСКОЙ.

Сзовемъ къ тому совѣтъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Тутъ дѣло больше въ томъ, чтобъ войскамъ соединиться.

ПОЖАРСКОЙ.

Пусть такъ.

МИНИНЪ.

(Трубецкому)

Нѣтъ! я сказалъ, что Мининъ не пойдетъ
Безъ общаго на то согласія съ народомъ;
Казна его.

ПАЛИЦЫНЪ.

Постой, подумай, не сердись;
Согласіе вождей на брань передъ походомъ
Порука торжества. — Послушай, и рѣшись
Итти въ совѣтъ. Ты тамъ свои причины скажешь.

МИНИНЪ.

Не медлить бы.

ПОЖАРСКОЙ.

Хотя къ себѣ попросимъ въ станъ.

МИНИНЪ.

(Пожарскому.)

Къ тебѣ итти? — Иду.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Минину.)

Куда, къ кому прикажешь;
Я только воинамъ моимъ приказъ отдамъ.

(Приказываетъ на ухо воинамъ. Пожарской, Палицынъ и Мининъ, а потомъ и воины уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Трубецкой, оставшись одинъ, въ размышленіи, и посмотрѣвъ за ними въ слѣдъ.

Породой, саномъ я Пожарскаго знатнѣе
И старѣ лѣтами:—мнѣ ль съ нимъ быть наравнѣ?
Подъ нимъ же службу несть еще того страннѣе;
А Мининъ,... да и онъ,... не подчинятся мнѣ
И исполнять моихъ намѣреній не станутъ:
Такъ нѣтъ надежды мнѣ достичь моей меты.
А громы общіе хотя на градъ и грянутъ;
Но войскъ я не глава: такъ вздоръ мои мечты.

(Увидя стражу.)

А, стража! — Да, тамъ ждутъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ ночь. Подъ предводительствомъ Сотника выходитъ отрядъ воиновъ, и часовыми занимаетъ притины около лагеря. Изъ остальныхъ учреждается стража, которая оружіе ставитъ въ пирамиду.

СИГНАЛЪ ЧАСОВЫХЪ.

(Вдали за пушками.)

Речитативъ.

Внимай!
Смѣкай!
Блюдись,
Крѣпись;
Терпи,
Не спи;
Богъ нашъ
Всѣхъ стражъ!

ХОРЪ СТРАЖИ.

Тѣни мелькаютъ,
Звѣзды сверкаютъ,
Царствуетъ ночь;
Сонъ, отъ насъ прочь
Бѣги ко врагамъ:
Не нуженъ ты намъ;
Не нуженъ, — не дремлемъ,
Но долгу лишь внемлемъ
И крѣпко стоимъ,
Во браняхъ крѣпимъ
Мы вѣрностью грудь,
И слава нашъ путь!

(Послѣ сего хора слышны на башнѣ градской куранты. Бьетъ часъ ночи, и стража идетъ для смѣны часовыхъ.)

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ въ тѣни ночной Москву со стороны Хорошевскихъ луговъ. Острогъ Трубецкаго, обнесенный валомъ, палисадникомъ и рогатками, окружаетъ часть Бѣлаго города. На башняхъ сквозь окна мелькаютъ огни. На бойницахъ часовые, пищали, туры и прочія осадныя орудія. Въ сторонѣ роща.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАРУЦКОЙ.

(Одинъ, растворивши рогатку.)

Ужъ время бъ возвратиться.
Но онъ, мнѣ кажется, и помощи не радъ;
Боярствомъ думаетъ своимъ превозноситься,
И какъ бы только всѣхъ подъ власть свою прибрать;
А тамъ хоть и въ Цари. — Но нѣтъ, мой Князь надменный!
Не проведешь меня. На Царской вышинѣ
Я быть хочу и самъ. — Да чьи жъ къ ней толь священны,
Какъ не мои, права? — Марина руку мнѣ
И сердце отдала. По Дмитріи жъ другому
Кому тронъ, какъ не ей? — Угомоню Бояръ:
Такъ не ломаться ужъ со мною Трубецкому.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗАРУЦКОЙ И ТРУБЕЦКОЙ, съ воинами.

ТРУБЕЦКОЙ.

Меня ждешь?

ЗАРУЦКОЙ.

Ночь!

ТРУБЕЦКОЙ.

Держалъ военна спора жаръ.

ЗАРУЦКОЙ.

Что положили вы?

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты, напримѣръ, что чаешь?

ЗАРУЦКОЙ.

Я? — Ничего.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Такъ. — Союзныхъ войскъ совѣтъ
Всегда ничто.

ТРУБЕЦКОЙ.

Едва ль не дѣльно разсуждаешь;
Всякъ хочетъ быть большой, своихъ всякъ ищетъ мѣтъ.

ЗАРУЦКОЙ.

И такъ у васъ раздоръ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Да. Казначей, въ упрямствѣ,
Сверкая взорами и бердышемъ тряся,
И слышать о моемъ не хочетъ онъ начальствѣ.

ЗАРУЦКОЙ.

Уговорить бы кто нибудь его взялся.
Что жъ такъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ говоритъ: народъ-де въ управленье
Все воинство свое, сребра и злата тму,
Ради Московскаго и всей Руси спасенья,
Пожарскому во власть повѣрилъ одному:
Такъ кромѣ онъ его ....

ЗАРУЦКОЙ.

А тотъ не отрицаетъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Напротивъ, кажется, сему отличью радъ;
Превозношеніе въ очахъ его блистаетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Нядень укоротить....

ТРУБЕЦКОЙ.

Что ты? — Да не мрачатъ
Такія мысли насъ! И такъ подозрѣваютъ,
На жизнь его открытъ какой-то будто ковъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Кого жъ въ злодѣйствѣ семъ, не насъ ли обвиняютъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Схватили, говорятъ, твоихъ двухъ казаковъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Напраслина, поклепъ. (*Въ сторону.*) Какая неудача!
Нѣтъ, Князь, далеко такъ не распростру я зла:
Но стыдъ и пагуба!... Боязнь полезнѣй плача,
Не худо, какъ бы спесь немного убыла!

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Пусть они одни на городъ наступаютъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но положилъ Совѣтъ двухъ воинствъ приступъ вдругъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Мы подождемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіе измѣною признаютъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Никакъ: лишь не съ одной страны итти, а съ двухъ.
Въ примѣръ: съ Петровки онъ, намъ съ Яузы пуститься.
Его тамъ отобьютъ: ты не видалъ, — назадъ.
Что дѣлать? хоть Литва тѣмъ сильно ободрится,
Но подчиниться онъ тебѣ ужъ будетъ радъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И впрямъ, совѣтъ твой здравъ. Для блага общей цѣли
И хитрость иногда позволена вождямъ.
Тѣмъ паче, мысль сію въ совѣтѣ мы имѣли,
Чтобъ войски раздѣлить по разнымъ намъ мѣстамъ.
Пожарской нынѣ же увидится со мною:
Мы съ нимъ поговоримъ; а ты?...

ЗАРУЦКОЙ.

Покоенъ будь.
Какъ нужно, такъ моихъ я приготовлю къ бою.
(Трубецкой уходитъ; а онъ въ слѣдъ ему грозя булавою.)
Не долго пыжиться такъ барска будетъ грудь.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

(ТѢ ЖЕ И МАРИНА въ Польскомъ воинскомъ платьѣ, крадется близъ палисадника, неся въ рукахъ узелъ и ракету).

МАРИНА.

(Тихо.)

Тутъ кто-то есть.

ЗАРУЦКОЙ.

(Не видя ея.)

Ужъ часъ, а нѣтъ еще Царицы.

МАРИНА.

(Тихо жъ.)

Боюся, чтобы какъ на стражу не найти.
Онъ, что ль?

(Ударяетъ въ огниво кремнемъ.)

ЗАРУЦКОЙ.

Тамъ, кажется, огня блестятъ крупицы:
Такъ это знать она.

(Также высѣкаетъ огонь).

МАРИНА.

(Тихо).

Заруцкой! это ты?

ЗАРУЦКОЙ.

(Съ отверзтыми объятіями бросается.)

Царица! здѣсь тебя давно я ожидаю.
Но въ пору самую; могла бы въ тьмѣ такой
Ты съ Трубецкимъ сойтись, по этому случаю,
Что только онъ теперь здѣсь говорилъ со мной.

МАРИНА.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Шелъ отъ воеводъ на помощь къ нимъ пришедшихъ,
Пожарской съ войскомъ вѣдь....

МАРИНА.

И Мининъ, слышно, тутъ.
Но по анаѳемахъ, отъ Церкви прогремѣвшихъ,
Ужель они еще пойдутъ къ Москвѣ?

ЗАРУЦКОЙ.

Идутъ.

МАРИНА.

Твои жъ посланники нашли ль надежно средство?

ЗАРУЦКОЙ.

Подъ стражей ужъ сидятъ.

МАРИНА.

Что слышу я, мой другъ!
Мы какъ же отвратимъ толь близкое намъ бѣдство?

ЗАРУЦКОЙ.

Не знаю.

МАРИНА.

О бѣда!

ЗАРУЦКОЙ.

Любоначальства духъ
Свой пламенникъ возжегъ межъ нашими вождями;
Всякъ хочетъ властвовать: такъ я стрѣлу пустилъ,
И Трубецкой ужъ ей...

МАРИНА.

Что ты? — Онъ недругъ съ нами?

ЗАРУЦКОЙ.

Не такъ, чтобы совсѣмъ...

МАРИНА.

Чтобъ Русскій измѣнилъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ этого сказать о немъ не можно.
Но мудрость состоитъ людей искусныхъ въ томъ:
Враговъ своихъ завесть такъ въ сѣти осторожно,
Чтобъ не могли они и мысль имѣть о томъ.
Я въ Трубецкомъ узналъ презлое самовластье,
И вмигъ измѣнитъ онъ, не думавъ измѣнять.

МАРИНА.

О мудрый человѣкъ! того ты стоишь счастья,
Чтобъ, руку взявъ мою, на тронѣ возсѣдать.

ЗАРУЦКОЙ.

Намъ остается взять теперь такія мѣры,
Чтобы еще какихъ не встрѣтилось невзгодъ.

МАРИНА.

Я Русскихъ не страшусь ни храбрости, ни вѣры;
А дѣло въ томъ теперь, чтобъ удержать ихъ ходъ,
Доколѣ къ намъ сюда Желтовскій не приспѣетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Гдѣ жъ онъ?

МАРИНА.

Подъ Вязьмой ужъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Да, труденъ переломъ,
Коль Патріаршій громъ въ нихъ ужаса не сѣетъ,
Тобой исторгнутый.

МАРИНА.

А красота съ умомъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Они всего сильнѣй!

МАРИНА.

Послушай же, вотъ средства:
(Указывая на ракету.)
Коль лучъ ея блеснетъ надъ градомъ въ облакахъ,
Возстанетъ тамъ пожаръ. Съ сего мы будто бѣдства
Съ толпою женъ къ вождямъ прибѣгнемъ во слезахъ;
Пожарскаго смягчимъ, и будемъ домогаться,
Чтобъ къ дѣтямъ ихъ и къ нимъ онъ жалость возъимѣлъ,
И гладомъ, духотой въ осадѣ истребляться
Не допустилъ сихъ жертвъ, а выпустить велѣлъ.
Намъ, кромѣ жалости, сіе тѣмъ нужно паче,
Чтобъ духа воиновъ ихъ стонъ не отнималъ,
И плѣнный бы народъ, толпой бродящій въ плачѣ,
Самимъ намъ нужный хлѣбъ, какъ червь не поѣдалъ.
Къ тому жъ, ты вѣдаешь, что собрано богатство:
Такъ этимъ случаемъ мы вывеземъ сей кладъ,
Покудова разбой, грабежъ и святотатство
Его не растощатъ, какъ городъ будетъ взятъ,
Иль къ Русскимъ не пойдетъ условьемъ онъ на сдачу.
Главнѣе же всего мнѣ хочется взглянуть
На юнаго вождя. — Ты разрѣшишь задачу.

ЗАРУЦКОЙ.

А! симъ остановишь. — Меня лишь не забудь.

МАРИНА.

Не бойся! на, возьми завязанну личину
И платье женское. Сейчасъ въ нихъ нарядись,
Чтобы не быть ничѣмъ похожу на мужчину,
И въ этомъ образѣ опять ко мнѣ явись.

ЗАРУЦКОЙ.

На что?

МАРИНА.

Одной итти въ чужой мнѣ станъ не можно,
А въ видѣ мужескомъ тебя тамъ знаютъ всѣ.

ЗАРУЦКОЙ.

Царица! женщиной быть воину не должно:
Избавь!

МАРИНА.

Такъ надобно.

ЗАРУЦКОЙ.

Противиться ль красѣ?
(Беретъ ракету и узелъ.)

МАРИНА.

(Показываетъ на ракету.)
И ты пусти ее съ средины рощи этой.
Московски жители пускай на блескъ глядятъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Сей часъ.
(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА.
(Одна.)

Мнѣ прежнею порфирой быть одѣтой,
Я вижу, трудности ужасны предстоятъ:
Но духу бодрому нѣтъ терна для короны,
Нѣтъ невозможности для возвращенья царствъ.
Кто честолюбія хоть разъ позналъ законы,
Открыто поприще тому для всѣхъ коварствъ.
Что нужды? Трубецкой, Желтовскій полномочной,
Пожарской, Владиславъ, Заруцкой ли какой?
Мужчины всѣ равны для женщины роскошной.
Кого не озаритъ блескъ солнечный собой?
Лишь цѣли бы достичь. Но идутъ.... Удалюся.
(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЖАРСКОЙ, МИНИНЪ, ПАЛИЦЫНЪ, и нѣсколько воиновъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Здѣсь, вѣрные друзья, немного отдохнуть;
Я слово съ Трубецкимъ, и тотчасъ возвращуся.
(Уходитъ съ воинами.)

МИНИНЪ.

(Въ слѣдъ.)
Но не замедли же.

ПАЛИЦЫНЪ.

Совѣта не забудь.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ПОЖАРСКАГО.

МИНИНЪ.

Ты жилъ въ Москвѣ, отецъ! Повѣждь, отколь крамолы
Произошли у насъ, что льютъ такъ нашу кровь?

ПАЛИЦЫНЪ.

От окружающихъ Бояръ Царей престолъ.
Какъ грозный Іоаннъ нисшелъ во смертный ровъ,
На тронѣ по себѣ оставя скорбна сына,
Коварный Годуновъ, его супруги братъ,
Прельщенный симъ родствомъ и блескомъ знатна чина,
Смѣлъ вожжи Царскія въ злодѣйски руки взять;
И сладкой упоясь отравой вышней власти,
О скипетрѣ мечтать надменной сталъ душей.
Рѣшился, и въ своей пребеззаконной страсти
Царя съ наслѣдникомъ угрызъ, какъ лютый змѣй:
А послѣ ихъ тотчасъ, сестры черезъ лукавство,
Чрезъ казнь вельможъ, дары, войскъ подкупъ, лесть вездѣ,
Всеобщимъ яко бы избраньемъ сѣлъ на Царство.
Но гнусныя дѣла чтобъ въ мутной скрыть водѣ,
И сдѣлаться Царемъ любезнѣйшимъ народу,
Онъ началъ послаблять господствующу власть,
И черни попустилъ съ земель сбродить свободу;
Ввелъ откупы, мыты, развратъ, ко пьянству страсть;
Позволилъ грабежи, кощунства на святыню,
Соблазны чуждыхъ странъ въ престольный внѣдрилъ градъ,
Ихъ стражей окружилъ палатъ своихъ гордыню,
Какъ хищники коронъ, тожъ злы Цари творятъ:
Не знавъ, что хитрыя и пагубны толь средства
Балуютъ, тлятъ народъ, и сѣмя всѣмъ бѣдамъ.
Такъ здѣсь и сдѣлалось: неправедны наслѣдства,
Невинныхъ слезы, кровь взнеслись лишь къ небесамъ,
Всталъ громъ изъ безднъ страстей, стрясъ предразсудковъ камень;
А ярый, буйный волъ, въ тьмѣ спящій подъ ярмомъ,
Вдругъ съ привязи спущенъ. Тотъ бросилъ всюду пламень,
А тотъ рогами вмигъ все исповергъ вверхъ дномъ.
Тогда, тиранъ Царемъ лишь новый появился,
Всѣ прочь отъ стараго; онъ съ сыномъ встрѣтилъ смерть.
Разстрига палъ чрезъ бунтъ. Въ слѣдъ Шуйскій воцарился;
Бывъ тонкій царедворъ, слабъ Царски бармы несть,
Блистая на низу, на высотѣ затмился. —
И кратко: тма Царей, чрезъ ковъ Поляковъ тотъ,
Сей чрезъ своихъ, какъ волкъ, вскочить въ чертогъ стремился;
Рвутъ плоть, льютъ нашу кровь.

МИНИНЪ.

Вотъ властолюбья плодъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Тамъ Царь, уже не Царь, гдѣ разъ прервутъ ихъ вожжи.

МИНИНЪ.

Вѣка пройдутъ въ войнахъ, тронъ троны погребетъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Отъ ухищренія единаго вельможи!

МИНИНЪ.

О горе намъ: (*Увидя блеснувшую ракету.*) Но что?
Звѣзда съ небесъ падетъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Всевышней силою денница въ мракъ валится:
Да нашихъ супостатъ затмится счастье такъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Пожарской съ воинами.

ПОЖАРСКОЙ.

Съ различныхъ чтобъ сторонъ на городъ устремиться,
Мы передумали.

МИНИНЪ.

Съ своею силой всякъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Да.

МИНИНЪ.

Нѣтъ ли тутъ какихъ недружескихъ затѣевъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

А развѣ нужно быть по разнымъ вамъ мѣстамъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Мы силы раздѣлимъ чрезъ то своихъ злодѣевъ.

МИНИНЪ.

(Усмотря пожаръ въ Москвѣ.)
Ахъ! что это? — Пожаръ!

ПОЖАРСКОЙ.

Пресильный!

ПАЛИЦЫНЪ.

Казнь врагамъ!
(Въ сіе время слышится въ рощѣ откликъ разныхъ голосовъ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Пойдемъ, пора! (*Хочетъ итти.*) Но что?
(Останавливается.)

РЕЧИТАТИВЪ
(разныхъ голосовъ слышныхъ въ рощѣ.)

Здѣсь лѣсъ!
Мы здѣсь!
Туда!
Сюда!
Чтобъ намъ
Къ врагамъ
Не пасть
Бы въ пасть.

МИНИНЪ.
Будь остороженъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Марина и Заруцкой, первая въ мужскомъ платьѣ, какъ была; а второй въ женскомъ и въ маскѣ, съ нѣсколькими гражданками изъ рощи выбѣгаютъ.

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

Ай, помогите!
Бѣдныхъ спасите:
Губитъ пожаръ;
Домы, строенье,

Пищу, имѣнье
Пламень пожралъ.
Ай! помогите,
Бѣдныхъ спасите!

ПОЖАРСКОЙ.
Да что вы за люди?

МИНИНЪ.
Откуда?

ПАЛИЦЫНЪ.
И къ кому?

ПОЖАРСКОЙ.
Въ такомъ отчаяньѣ! И чѣмъ мы вамъ поможемъ?

МИНИНЪ
Москва не наша вѣдь.

ПАЛИЦЫНЪ.
Притомъ въ ночную тьму,

ЗАРУЦКОЙ.
Вы можете помочь.

МАРИНА.
Вы добры, милосерды,
И любите спасать.

МИНИНЪ.
Какъ? чѣмъ?

ПОЖАРСКОЙ.
Скажите намъ.

МАРИНА.
Вы видите пожаръ: анбары наши хлѣбны
Горятъ, сгорѣли ужъ; нѣтъ пищи и дѣтямъ.
Приходимъ подъ покровъ къ мужамъ толь благороднымъ
О милости просить.

ПОЖАРСКОЙ.
Какой?

МАРИНА.
Невинныхъ сихъ
И прочихъ бѣдныхъ спасть, позволивъ быть свободнымъ,
Изъ града и съ дѣтьми.

ЗАРУЦКОЙ.
Спасть отъ напастей злыхъ.

МАРИНА.
(Указывая на Заруцкаго.)
Вотъ здѣсь моя жена, гражданки вотъ другія:
Ахъ, сжальтесь (*Про себя.*) Какъ хорошъ! и, можетъ быть, влюбленъ?

ЗАРУЦКОЙ.
Отрите токъ съ очей, отъ сердца скорби злыя!

МИНИНЪ.
Я худо вѣрю вамъ.

ПОЖАРСКОЙ.
(Глядя на плачущихъ гражданокъ.)
Прекрасныхъ слезы женъ
Какъ стрѣлы въ сердце мнѣ.

ПАЛИЦЫНЪ.
Чего себѣ хотите,
Творите то другимъ.

МИНИНЪ.
Да, такъ въ заповѣдяхъ.

ПОЖАРСКОЙ.
Все сдѣлаю для васъ; скорѣе лишь пришлите
Отъ Думы къ намъ Пословъ: я женъ, дѣтей не врагъ

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

О какъ великодушны
Россійскія сердца!
Всѣмъ доблестямъ послушны,
Подобіе Творца!

Сколь въ браняхъ храбры, тверды,
Столь къ бѣднымъ милосерды,
Склонны къ добру душой.
Такъ всякъ изъ нихъ Герой!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ на *Трехъ горахъ* густую еловую рощу. Сквозь просѣки видны: на лѣвой рукѣ вдали Москва, на правой поля съ жатвою, и деревня; а посреди Москва рѣка, и чрезъ нее прямо къ замку Маринину мостъ. Все сіе освѣщено луною.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЖАРСКОЙ И ТРУБЕЦКОЙ ходятъ между деревьями въ задумчивости, не видя другъ друга, и появляются порознь.

ПОЖАРСКОЙ.

Какое сходство! Съ кѣмъ? Придумать не умѣю.
Разительны красы, пріятный, нѣжный взоръ,
Какъ дѣва юная! И коль представить смѣю,
То видѣлъ, видѣлъ я сихъ прелестей соборъ!
Но гдѣ? Не тамъ ли? — Да, какъ въ пышной колесницѣ,
На сребраблещущихъ осьми она коняхъ
Невѣстой ѣхала Лжедмитрія къ столицѣ.
Не братъ ли то ея? — Иль не сама ли, ахъ!
Съ тѣхъ поръ живущая въ мечтахъ моихъ Марина?
Я тѣло излечилъ, но духа раны, — нѣтъ.
Не для меня ее произвела судьбина;
Но царствуя она въ душѣ моей живетъ.
Хоть съ брани я тогда безъ чувствъ былъ извлеченнымъ,
Всесильный взглядъ ея остался во умѣ;
Я помню только то, что ей былъ побѣжденнымъ;
Въ ней божество мое! — Но гдѣ? въ какой я тьмѣ?
(Уходитъ за деревья.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Выходя съ другой стороны.)

А гдѣ же мой Гетманъ? — Ко мнѣ не возвратился.
Мнѣ надобно ему нашъ планъ тотъ сообщить.
Что съ разныхъ мѣстъ итти Пожарской согласился.
Для приступа къ Москвѣ: то онъ бы поступить
Готовъ былъ по тому. Уже ль тѣмъ на измѣну
Отчизны посягнемъ? — Нѣтъ, нѣтъ; а только бъ намъ
Унизить Минина съ Пожарскимъ рать надменну.
Соревнованіе простительно вождямъ:
Не смѣетъ надъ другимъ искать кто превосходства,
Вѣкъ черепахой ползать тотъ будетъ предъ орломъ.
Лишь честолюбіе знакъ вѣрный благородства.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТОТЪ ЖЕ И ЗАРУЦКОЙ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Увидя Заруцкаго.)

А! ты, Заруцкой, здѣсь со мной въ лѣсу одномъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Такъ, здѣсь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Отколь и какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Не скрою по знакомству:
Съ Мариною, пришелъ ей планъ нашъ сообщить,
Гдѣ бъ укрѣпить имъ градъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ? — Это къ вѣроломству
Уже толь явный шагъ!

ЗАРУЦКОЙ.

Но иначе отбить
Войскъ ревностныхъ приступъ какъ отъ защиты слабой?
Какъ безъ лукавства здѣсь кому поверхность взять?

ТРУБЕЦКОЙ.

О! это много ужъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Мечтательной отрадой,
Безъ вѣрныхъ сильныхъ мѣръ, смѣшно себя ласкать.
Какое важное въ томъ будетъ преступленье,
Что ихъ отгонятъ прочь? — Отечество спасать
Не остаемся ль мы со войскомъ въ подкрѣпленье?
Я бъ думалъ сверхъ того нарочно завлекать
Противоборника въ такое положенье,
Чтобъ онъ разнѣжился, разслабъ и отдалъ власть
Тебѣ свою бы самъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Чрезъ обольщенье.

ТРУБЕЦКОЙ.

Чрезъ что?

ЗАРУЦКОЙ.

Чрезъ страсть любви.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Усмѣхаясь.)

И впрямъ, коль навязать
На шею изъ цвѣтовъ цѣпь страшному Герою:
Не наша бы тогда, его была вина.

ЗАРУЦКОЙ.

Не безпокойся жъ, Князь! Все сдѣлано то мною:
Волшебствъ Царицы здѣсь наполнена страна;
Пожарской заведенъ мечтами въ рощу эту,
И въ разныхъ помыслахъ въ ней бродитъ (*улыбаясь*), какъ и ты.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Въ смятеніи.)

Какъ я?

ЗАРУЦКОЙ.

Не бойся, Князь! Хотя бъ и ты ту жъ мѣту
Имѣлъ, какую я, то стрѣлы красоты
Ужъ не для нашихъ лѣтъ. Мы въ силахъ остеречься;
А пылкій юноша впадетъ какъ въ эту сѣть,
Не скоро отъ любви захочетъ онъ отречься;
Тогда...

ТРУБЕЦКОЙ.

О хитрый мужъ! благодарить силъ нѣтъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Все знаешь ты теперь. такъ я пойду къ Маринѣ,
Чтобъ прелести свои и чары всѣхъ заразъ,
Какъ тонкіе силки, разставила бы нынѣ.

(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Одинъ.)

Лукавый человѣкъ! Онъ обольщаетъ насъ.
Пожарской хоть мнѣ врагъ, хоть мнѣ во всемъ соперникъ,
Но благороденъ онъ: — а этотъ, аспидъ злой,
Подъ видомъ мнѣ услугъ, есть истинный измѣнникъ:
Коварства полонъ онъ, и презираемъ мной!
Не худо бъ было мнѣ Царицыно посредство;
Замысловатъ въ ней умъ, ея прелестенъ зракъ.

(Уходитъ за деревья.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЖАРСКОЙ.

(Опять является).

Дорогу потерялъ. — Или какое бѣдство
Приготовляетъ рокъ? Тѣнь луина, блѣдный мракъ,
Трескъ — ходятъ по пятамъ, и дебрей сплетенье
Вокругъ меня вездѣ. Но что со мной ни будь,
Для добродѣтели, Россіи для спасенья,
Нигдѣ сія ничѣмъ не устрашится грудь.
Возстань противъ меня вся тартара утроба,
Подъ Вѣры, вѣрности и правоты щитомъ
Иду, не устрашась, и въ самую сѣнь гроба!
Москву освобожду, и вся награда въ томъ!
Да и какого жъ ждать возмездія мнѣ болѣ?
Когда бъ я только могъ отечество спасти,
Природнаго Царя увидѣть на престолѣ,
И Вѣру, и законъ, и Россовъ вознести
На прежню высоту величія и славы:
О верхъ желанія, край подвигамъ моимъ!
Отечество! когда твой духъ днесь слабъ и нравы,
А мнѣ любезенъ прахъ, пріятенъ твой и дымъ:
То съ чѣмъ сравняю я ту радость, восхищенье,
Какъ если вкругъ себя увижу свой народъ
И въ лаврахъ средь торжествъ и пальмъ во отѣненьѣ?
Благъ смертнымъ выше сихъ и Небо не дастъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПОЖАРСКОЙ И ТРУБЕЦКОЙ

(Встрѣчаются.)

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ, юный Вождь! ты здѣсь?

ПОЖАРСКОЙ.

Чтобъ сну не предаваться,
Одумать жребій нашъ во предстоящій день,
Пришелъ сюда одинъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождямъ уединяться
И мыслить надобно.

ПОЖАРСКОЙ.

Сквозь лѣсъ и ночи тѣнь
Луна, своимъ лучемъ поверхъ воды сверкая,
Увеселяла мой вдали сіяньемъ взоръ,
Симъ славу нашихъ дѣлъ въ потомствѣ представляя,
Я — такъ задумавшись — сюда зашелъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сихъ горъ
И бора мрачна тѣнь лежала предо мною,
Какъ съ Хорошевскихъ я пошелъ сюда жъ луговъ.
Храмъ вѣчности вдали, покрытый страшной тьмою,
Представился мнѣ въ нихъ. Ахъ! въ морѣ семъ гробовъ,
Я рекъ, потонетъ все.—Сей блескъ луча златаго,
Какъ наши всѣ дѣла и слава, — всѣ помремъ:
Лишь наше счастье днесь....

ПОЖАРСКОЙ.

Нѣтъ счастья намъ инаго,
Какъ общее; и сшедъ со славой въ гробъ, живемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождь юный! ты еще во всемъ не искусился.
Знай: слава съ счастьемъ, Царствъ лишь вольныхъ входитъ въ кругъ:
Рабъ подъ владыкой рабъ, хотя бъ и отличился;
Способность, умъ ничто, и сильный дремлетъ духъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Свѣтлѣйшихъ предковъ сынъ, Монархами сіявшихъ!
Какая чернота твой разумъ нынѣ тмитъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Нѣтъ, такъ я говорю. Когда бъ что предпріявшихъ
Насъ ожидалъ успѣхъ. Но какъ уже Синклитъ
На Царство пригласилъ изъ Польши Владислава:
То тщетно прилагать Москвы къ свободѣ трудъ;

А напротивъ того и скипетръ и держава
Отъ нашихъ рукъ ему съ покорностью дойдутъ,
И упадемъ предъ нимъ, какъ Дворъ весь раболѣпный;
Щедроты отъ него мы многи пожнемъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Предъ вихремъ дубъ падетъ скорѣе многолѣтный,
Предъ чужероднымъ чѣмъ сей юный Россъ Царемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Кумиръ коль нуженъ, всякъ равенъ для поклоненья.

ПОЖАРСКОЙ.

Отцевъ моихъ отцу колѣно лишь склоню.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но Карла самъ ты звалъ отъ Готѳовъ для правленья:
То Шведъ, или Полякъ, равенъ для Русскихъ, мню.

ПОЖАРСКОЙ.

Безгрѣшное сіе употребя коварство,
Россію я спасалъ другихъ племенъ враждой,
Не думая отдать нимало Шведу Царство.
Мнѣ всякой тотъ кумиръ, кто не почтенъ душой.

ТРУБЕЦКОЙ.

Кумиръ мой первый—я; отчизна мнѣ, гдѣ благо.
О юноша! сбирай съ трудовъ и счастья плодъ!
Безпечнымъ о себѣ пространство міра наго,
Раскаянье назадъ дней прошлыхъ не ведетъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Гдѣ жъ честность, вѣра, Князь! Гдѣ слава, добродѣтель?

ТРУБЕЦКОЙ.

Все въ насъ. — Жить для себя.

(Отворачивается.)

ПОЖАРСКОЙ.

Прекрасный образъ думъ!
(Въ сторону.)
Такъ деревомъ гнилымъ бываетъ идолъ свѣтелъ.

(Слышны по лѣсу зовъ рога, лай псовъ и порсканье охотниковъ.)

РЕЧИТАТИВЪ
(въ рощѣ.)

Ступай!
Сзывай
Съ лѣсовъ
Всѣхъ псовъ
На край!
Ай, ай!

ПОЖАРСКОЙ.

Что слышу?—Не рога ль, лай псовъ, охоты шумъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Не время, кажется, охотой забавляться.

ПОЖАРСКОЙ.

Подъ лунный развѣ блескъ, шутя....

ТРУБЕЦКОЙ.

Быть можетъ, впрямъ,
Что царедворцы здѣсь съ Царицей веселятся,
Въ звѣринцѣ, въ домѣ семъ, она своимъ друзьямъ

Веселье, говорятъ, вседневно вымышляетъ;
Въ различныхъ рѣзвостяхъ проводитъ часто ночь,
И тѣша всѣхъ, сама въ любви и нѣгѣ таетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Показывается по Москвѣ рѣкѣ яхта, разноцвѣтными фонарями расцвѣченная, подъ Польскимъ маршемъ, которая пристаетъ къ берегу по той сторонѣ моста; и Марина съ факелами, въ свитѣ мужчинъ и женщинъ, въ охотничьемъ платьѣ, сходитъ съ нея; а Заруцкой со стороны къ ней присоединяется.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ, видно такъ, она!

ПОЖАРСКОЙ.

Не удалиться ль прочь?

ТРУБЕЦКОЙ.

Почто жъ?—Бояра къ ней Московски пріѣзжаютъ.
Кто что ни говори, а звѣзды средь небесъ,
Которыя хотя минуту поблистаютъ,
Ужъ замѣчательны.

ПОЖАРСКОЙ.

Пусть такъ. *(Про себя.)* Ея ль очесъ
Свирѣпая стрѣла мнѣ сердце поразила?
(Трубецкому, глядя на Заруцкаго.)
Но кто же Русскій тамъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Товарищъ это мой.
Казачій Атаманъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Взглянувъ на подходящую Марину, про себя.)
Она меня плѣнила?
(Хочетъ уйти.)

МАРИНА.

Куда сей отъ меня бѣжитъ младой Герой?
(Трубецкому.)
Повѣдай, Князь, ему ты нашей Польши нравы:
Во храбрости своей сумниться тотъ велитъ,
Кто отъ красотъ себѣ не снискиваетъ славы.
Безспорно, мужество въ сраженіяхъ васъ льститъ;
Не меньше жъ надобно и между женъ геройство,
Чтобы умѣть своимъ повелѣвать страстямъ.
Притомъ блаженныхъ душъ веселіе есть свойство.
Есть часъ прискорбія, есть часъ отрады намъ,
Потѣшьтеся; — а тамъ Кремля летать на стѣны
Я не препятствую, платите долгу дань.

ТРУБЕЦКОЙ.

Извѣстенъ намъ твой нравъ привѣтливый и нѣжный;
(Указывая на Пожарскаго.)
Но сей, Царица, вождь за кознь сочтетъ пріязнь.

ПОЖАРСКОЙ.

Я? Нѣтъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Порукой въ томъ моею головою.

ТРУБЕЦКОЙ.

Здѣсь не нужна она.

ПОЖАРСКОЙ.

Царица побѣждать
Гдѣ можетъ всѣхъ сердца умомъ и красотою...

МАРИНА.

Коль это истина....

ПОЖАРСКОЙ.

Не можно тамъ ласкать,
Гдѣ обожаютъ всѣ.

МАРИНА.

Весьма вамъ благодарна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Позвольте жъ съ вами намъ утѣхи раздѣлить.

МАРИНА.

Со удовольствіемъ. *(Громогласно.)* Будь роща лучезарна!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Съ симъ словомъ роща и замокъ освѣщаются, изъ коихъ послѣдній, подобно транспаранту, сквозь сіяетъ; по срединѣ рощи ели и сосны исчезаютъ, а появляется тутъ въ сторонѣ софа. — По оставшимся деревьямъ кругомъ сидятъ амуры съ колчанами. Съ крыльца дома сходятъ Сильфы, Сильфиды, Нимфы, Сатиры и прочіе Духи, которые въ балетѣ представляютъ увеселеніе Армиды съ Ринальдомъ.

ХОРЪ СИЛЬФОВЪ И ПРОЧИХЪ.

Здѣсь храмъ любви и утѣшенья,
Сустъ забвенья и заботъ:
Вкушай, о смертный! наслажденья,
Доколѣ жизнь твоя цвѣтетъ;
Оглянешься, и нѣтъ ужъ цвѣта;
Довольствуйся твоимъ часомъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Про себя.)
Какихъ красотъ соборъ!

ЗАРУЦКІЙ.

(Къ Маринѣ.)

Царица утомить
Могла себя, пробывъ весь вечеръ на охотѣ.

МАРИНА.

Мы сядемъ лучше сей забавы посмотрѣть.

ТРУБЕЦКОЙ.

Когда угодно то....

ПОЖАРСКОЙ.

Богининой щедротѣ.

(Марина, взявъ Пожарскаго и Трубецкаго за руки, садится съ ними, обращаяся къ тому и другому ласками своими; а Заруцкій въ сторонѣ показываетъ ревность.)

ЗАРУЦКІЙ.

(Въ сторону.)

Ужъ слишкомъ ласково, нѣтъ больше силъ терпѣть!

МАРИНА.

(По окончаніи балета, вставъ.)

Вотъ древни витязи, искавшіе тожъ славы
Во браняхъ, какъ и вы, такъ провели ихъ дни:
Но если тѣшили подобны ихъ забавы,
Не забывали, мню, и яствъ притомъ они.

(Взявъ ихъ по прежнему, уводитъ въ замокъ подъ Польскимъ маршемъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Роща становится по прежнему. Освѣщеніе и всѣ являвшіяся существа исчезаютъ, а токмо сіяетъ вдали замокъ и слышна музыка. Палицынъ показывается изъ-за деревъ съ трубою въ рукахъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Одинъ.)

И здѣсь его ужъ нѣтъ. Но чу! гремитъ музыка,
Ликуетъ юность средь забавъ своихъ пріятствъ;
Полки въ слезахъ, а вождь между прелестницъ лика:
О роскошь! О развратъ! Сколь пало вами Царствъ!

(Уходитъ паки въ рощу.)

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ЗАРУЦКІЙ.

(Выбѣгая съ безпокойствомъ.)

Мнѣ показалося, какъ будто кто здѣсь крался:
Не соглядатай ли какой ужъ насъ слѣдитъ?
Пожарской божествомъ своимъ очаровался,
И Трубецкой въ глаза ей безъ ума глядитъ;
Источница пріятствъ и милаго коварства,
Марина вдругъ на нихъ надѣть умѣла цѣпь;
Лежатъ у ногъ ея. — Но что-то блескъ Боярства
Ей очень нравится. Прелестница! Я слѣпъ,
Но мнѣ коль предпочтешь своей ты ихъ любовью:
Свирѣпствомъ, местью желчь всклокочетъ какъ смола,
По селамъ брошу огнь, улью Москву всю кровью,
Усѣю трупами я степь, и вѣчна мгла
Во слѣдъ измѣнѣ сей, во слѣдъ убійству злому,
Покроетъ всѣ мѣста. — Но ужъ изъ тьмы восшелъ
Свѣтъ солнечный: пора итти мнѣ къ Трубецкому,
Взять въ станъ его съ собой.

(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Театръ перемѣняется и представляетъ, при восходѣ солнечномъ, въ узорочномъ саду каменную пещеру, близъ которой шумитъ водометъ. На дерновой скамьѣ спитъ Пожарской. Въ головахъ съ цитрою сидитъ Марина; Нимфы подъ деревьями дремлютъ; двѣ же изъ нихъ тонкою бѣлою кисеею, простертою надъ Пожарскимъ, помахивая, защищаютъ его отъ яркихъ лучей солнечныхъ.

ДВѢ НИМФЫ.

(Тихо сопровождаясь цитрою Марины, поютъ.)

Солнце, лучи
Тихо мечи;
Дуй чуть Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь средь цвѣтовъ,
Царствуй, любовь!

ПАЛИЦЫНЪ.

(Глядя на Пожарскаго изъ-за деревъ вдалекѣ.)

Виновница всѣхъ золъ!
Бѣсъ въ свѣтломъ ангелѣ! Какъ обольстить столь можно!
Въ Продіадинъ садъ его ты скрыла свой.
Вотъ сихъ-то лютыхъ стрѣлъ мужамъ бояться должно;
Отъ женскихъ прелестей палъ не одинъ Герой.

(Трубитъ въ трубу; Пожарской во снѣ вздрогиваетъ.)

НИМФЫ.
(Повторяютъ.)

Солнце, лучи
Тихо мечи;
Дуй чуть, Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, любовь!

(Палицынъ трубитъ еще, Пожарской пробуждается, а Нимфы сбѣгаются къ Маринѣ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Я слышу гласъ трубы, и солнце такъ высоко!
Но гдѣ товарищи?—Ахъ, ихъ со мной ужъ нѣтъ!

МАРИНА.

Тебѣ мечтаетъ слухъ, обманываетъ око;
А день едва насталъ.

ПАЛИЦЫНЪ.
(Трубитъ третій разъ, и выходитъ на сцену.)

Отечество зоветъ!

ПОЖАРСКОЙ.
(Бросаясь къ нему.)

Аврамій! это ты? (*Закрывая глаза.*) Несносная укора!

(Убѣгаетъ.)

ПАЛИЦЫНЪ.
(Въ слѣдъ его.)

Такъ путы разорвавъ, летитъ къ звѣздамъ орелъ.

(Уходитъ за Пожарскимъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАРИНА И НИМФЫ.

МАРИНА.

Не могъ снесть моего, о малодушный, взора,
И духу—мнѣ сказать прости!—онъ не имѣлъ.
Увы!

ХОРЪ НИМФЪ.
(Въ слѣдъ Пожарскому.)

Остановися на минуту,
Младой, прекраснѣйшій Герой!
Уйми Царицы скорбь ты люту,
Отри токъ слезъ твоей рукой.
Быть можно ль такъ неблагодарнымъ,
Мертвить за нѣжность, за любовь?
О, красота очамъ печальнымъ,
Блескъ возврати скорѣй свой вновь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ Кремль между Троицкою и Боровицкою башнями съ наружности. Изъ Москвы выѣзжаетъ съ одной стороны обозъ осажденныхъ Русскихъ Бояръ и Польскихъ Вельможъ, съ ихъ женами, дѣтьми и богатствомъ, подъ предводительствомъ двухъ Польскихъ Пословъ. Марина, въ числѣ ихъ, покрыта бѣлою кисейною фатою. Съ другой стороны войско Пожарскаго подъ ружьемъ, подъ командою Минина, съ бердышемъ стоящаго. Въ сторонѣ подъ деревомъ большой камень.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ ЖЕНЪ И ДѢТЕЙ.

Великодушный мужъ! тронися
Невинныхъ женъ, дѣтей мольбой;
На слезы наши преклонися,
Будь нашъ покровъ, отецъ, Герой;
Пусти изъ облежима града;
Отъ смерти насъ спаси и глада.

МИНИНЪ.

Нѣтъ, безъ Вождя я васъ пустить не смѣю.

1-й ПОСОЛЪ.

Намъ дозволеніе объявлено его.

МИНИНЪ.

Могло то быть.

2-й ПОСОЛЪ.

Будь благъ, какъ Богъ.

МИНИНЪ.

Не разумѣю.

1-й ПОСОЛЪ.

Да слава возблеститъ всѣмъ сердца твоего.

2-й ПОСОЛЪ.

Почтенье воздаетъ такимъ вождямъ вселенна,
Чьи нѣжны чувствія и мужественъ чей духъ.

1-й ПОСОЛЪ.

И чья душа, къ врагамъ на милость обращенна...

МАРИНА.

Чтитъ юность и красы.

МИНИНЪ.
(Отворачивается.)
Къ такимъ я баснямъ глухъ.
Я не привыкъ, и лесть всегда презрѣнна мной.
Довольно, я сказалъ: безъ вождя не пущу.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, ПОЖАРСКОЙ И ПАЛИЦЫНЪ.

МИНИНЪ.
(Увидя Пожарскаго).
Гдѣ сынъ отечества, намъ избранный главою?

ПОЖАРСКОЙ.
Онъ здѣсь! — Сейчасъ его тебѣ я возвращу;
Къ побѣдѣ надъ собой признанье шагъ.

МИНИНЪ
Дай, Боже!

ПОЖАРСКОЙ.
Что надобно тебѣ?

ПАЛИЦЫНЪ.
Единый гласъ трубы
Духъ пылкій, юну кровь, потрясъ утѣхъ на ложѣ.

МИНИНЪ.
(Про себя.)
Но лучше бъ тамъ не быть.
(Къ Пожарскому.)
Мнѣ что на ихъ мольбы?

ПОЖАРСКОЙ.
Ужъ это рѣшено.

МИНИНЪ.
Но градъ симъ защищаться
Получитъ больше силъ.

ПАЛИЦЫНЪ.
Слабѣе духъ отъ женъ.

ПОЖАРСКОЙ.
Мы не пришли сюда со слабыми сражаться.
Чѣмъ грознѣе враги, тѣмъ намъ славнѣй ихъ плѣнъ.

МИНИНЪ.
Сокровище везутъ.

ПОСЛЫ.
Мы жертвуемъ казною.

ПОЖАРСКОЙ.
Разбойникамъ, звѣрямъ, добычей лестенъ ловъ.
Я не хочу богатствъ: пускай везутъ съ собою:
Неправедное — прахъ!

МИНИНЪ.
(Къ Палицыну.)
Онъ милуетъ враговъ.

ПАЛИЦЫНЪ.
Великодушіе за зло не признается.

ХОРЪ ТѢХЪ ЖЕ.
Прямой Герой не жаденъ къ злату, —
Его богатство умъ и духъ;
Прими въ сердцахъ ты нашу плату,
Враговъ великодушный другъ!

МАРИНА
(Раскрывая фату тихо.)
Неблагодарнѣйшій! — И, не простясь, ушолъ!
Минуту на себя хоть дай мнѣ наглядѣться.
Вотъ та рука, взойдешь которой на престолъ.

ПОЖАРСКОЙ.
(Увидя ее, содрогается.
Про себя.)
О сила прелестей! (*Колеблясь.*) Увы, изнемогаю!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ГОНЕЦЪ, СЪ ПИСЬМОМЪ КЪ ПАЛИЦЫНУ.

ПАЛИЦЫНЪ.
(Читаетъ.)
»Изъ Вязьмы третій день пошелъ въ Московскій край
»Съ Желтовскимъ Владиславъ.... Я васъ увѣдомляю.«
Вотъ вѣсть!

МИНИНЪ.
Напасть!

МАРИНА.
(Тихо Пожарскому.)
Они мои друзья...

ПОЖАРСКОЙ.
(Выхватя мечъ, къ войску)
Ступай!

(Войски ударяютъ походъ, и подъ слѣдующимъ маршемъ движутся въ одну, а обозъ въ другую сторону.)

ХОРЪ ВОЙСКА.
Кипи въ сердцахъ Россійскихъ кровь,
Ступайте, Вѣры, чести чада!

Зоветъ къ отечеству любовь,
Престольнаго въ защиту града;
Природна ввесть Царя въ чертогъ,
Святыню въ храмы, блескъ престолу,
Смирить въ землѣ раздоръ, крамолу. —
Ступайте, Россы: съ вами Богъ!

(Всѣ съ войсками уходятъ, кромѣ Марины и Палицына.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА и ПАЛИЦЫНЪ.

МАРИНА.

Жестокій, варваръ, тигръ, никѣмъ неумолимый!
Нималой страстію ко мнѣ онъ не горѣлъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Къ чему, Царица, гнѣвъ твой толь неукротимый?
Зачѣмъ ты здѣсь? — Желай, чтобъ онъ успѣхъ имѣлъ,
Когда любимъ тобой.

МАРИНА.

О старче, мнѣ зловредный!
Такъ ты-то у меня исторгъ его изъ рукъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На правый путь.

МАРИНА.

Но какъ же льстишься, дерзновенный!
Чтобъ мой послѣ сего къ нему былъ склоненъ духъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ты любишь ли его?

МАРИНА.

Пусть такъ. — Но что порфиру
Онъ днесь надѣнетъ мнѣ, сѣдымъ твоимъ челомъ
Ты мнѣ клянись.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не вѣмъ.

МАРИНА.

Такъ знай: всему я міру
Владычица, и мнѣ послушны молньи, громъ.

(Сдергиваетъ съ себя фату, машетъ и убѣгаетъ, отъ чего подымается вѣтеръ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Въ слѣдъ ея.)

Ахъ, сгинь, треклятая!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Палицынъ и Мининъ, а за послѣднимъ нѣсколько воиновъ несутъ желѣзный сундукъ и кису.

МИНИНЪ.

Полкъ вражій опрокинулъ
Пожарской, будто левъ, взбѣжавъ съ мечемъ на валъ;
Но зря, что градскій вождь въ тылъ конницу всю двинулъ,
Мнѣ Казаками ихъ отрѣзать приказалъ.
Да воръ Заруцкій намъ ихъ въ помощь не пускаетъ,
Сказавъ, что онъ безъ мзды не дастъ своихъ полковъ;
И Трубецкой чего, не знаю, пождаетъ,
Стоитъ, не движется. — О горе! знать, что ковъ
Какой у нихъ на насъ. Провѣдай, преподобный:
Тебя послушаютъ: сходи, уговори;
Вотъ я казну принесъ: Казаки къ злату склонны.

ПАЛИЦЫНЪ.

И мнѣ сокровища свои монастыри
Съ усердьемъ ввѣрили на случаи несчастны:
Коль мало вамъ казны, возьми къ себѣ ты ихъ.

МИНИНЪ.

Коль мы съ тобой душей и сердцемъ такъ согласны,
То ссыплемъ вмѣстѣ кладъ мы и богатствъ своихъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Сдвигаетъ подъ деревомъ лежащій камень, и вынимаетъ большую церковную кружку.)

Корвана церкви здѣсь.

МИНИНЪ.

Угодно ли то Небу?
Когда ее возьмемъ, не согрѣшимъ ли симъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На крайнюю ежели народную потребу
Ее мы праведно и свято обратимъ:
Пріятнѣй Богу то, чѣмъ ѳиміамъ курится.

(Мининъ, вынимая мѣшокъ съ червонцами, а Палицынъ жемчугъ, ссыпаютъ въ кассу; остальное же и кружку заперши въ сундукъ, уходятъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Заруцкой, съ нѣсколькими Казаками, съ поспѣшностію выбѣгаетъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Тутъ Мининъ казначей и съ нимъ сѣдой старикъ
Съ народною казной навѣрно должны крыться,

Ищите! — И отъ нихъ, платежъ какъ ни великъ,
Кто взять изъ васъ дерзнетъ, умретъ на мѣстѣ казни.

(Грозя булавою.)

Ищите, и ко мнѣ представьте ихъ сей часъ!

(Казаки уходятъ съ поспѣшностію, а онъ въ ярости.)

О если бъ въ святости, въ личинѣ и пріязни
Попался мнѣ ханжа! (*Глядитъ вдаль.*) Когда не лжетъ мой глазъ,
Казаки врозь бѣгутъ: знать, взятъ кто ихъ толпою.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Съ другой стороны пробѣгаетъ чрезъ театръ, предводительствуя казачьею дружиною, Межаковъ, изъ средины которой, въ трепетѣ, задыхаясь, выходитъ Палицынъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Одинъ.)

Отъ ищущаго здѣсь врага души моей
Невидимой покрытъ Господней я рукою:
Намъ сила Божія всегда людской вѣрнѣй.
Надежда наша въ Немъ! — Послалъ намъ Межакова:
Онъ скрылъ меня.

(Слышна вдали буря и гроза.)

Но что за бурный слышу ревъ?
Неужель чары то Царицы, духа злова?
Или за бисеры церковны Неба гнѣвъ?

(Становясь на колѣни, вздымаетъ руки къ небу.)

О Боже силъ! Тебѣ стихіи всѣ покорны,
Простри свой свыше перстъ, да сей ужасный громъ
И молньи ниспадутъ на вражій сонмъ злотворный,
И возблеститъ Москва златымъ своимъ челомъ!

(Увидя Трубецкаго, встаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тотъ же, Трубецкой и Заруцкой бѣгутъ другъ за другомъ, сражаяся одинъ мечемъ, а другой булавою, въ преслѣдованіи воиновъ и казаковъ, сражающихся же; изъ коихъ первый, выбивая у втораго изъ рукъ его булаву, схватываетъ за воротъ и повергаетъ на землю. Казаки разбѣгаются.

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣй! Такъ это ты, изъ столь друзей мнѣ близкихъ,
Который тайною засадой Казаковъ
Смялъ Минина въ расплохъ, и мнѣ въ долинахъ низкихъ
Разставилъ было свой бездѣльническій ковъ?
Я на тебя давно смотрѣлъ; но Русскимъ Царствомъ
Съ Пожарскимъ чрезъ вражду тебѣ не завладѣть.
Скажи всю истину: зачѣмъ съ такимъ нахальствомъ
Меня съ опричными ты вкругъ сталъ объѣзжать?

(Замахиваясь мечемъ.)

Скажи мнѣ, извергъ! Смерть въ рукѣ моей готова.

ЗАРУЦКОЙ.

(Сѣвши.)

Что знать желаешь ты? Коль ты того не зналъ,
Спроси то у себя, или у Годунова.

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ замыслъ свой куда онъ простирать дерзалъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

(Заминая рѣчь.)

Такъ и Пожарскаго заводчикъ ты убійства?

ЗАРУЦКОЙ.

(Потупя глаза въ землю.)

Хотя бъ....

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣйствомъ симъ готовилъ казнь себѣ.

(Въ сторону.)

Подъ стражу съ плѣнными!

(Воины, поднявъ Заруцкаго, уводятъ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Въ слѣдъ ему.)

О демонъ кровопійства!

(Трубецкому.)

Но живъ ли Мининъ нашъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Благодаря судьбѣ,
Онъ бердышемъ своимъ, какъ межъ цвѣтовъ косою,
Блисталъ, косилъ главы и ужасъ несъ врагамъ.
Но подъ мостъ было онъ незапною толпою
Едва не сверженъ былъ, какъ я..... Да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Мининъ.

МИНИНЪ.

О Князь! скажи скорѣй, чѣмъ конченъ бой твой зѣльной?
Я за тебя дрожалъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты видишь, я здоровъ.
Но городъ что?

МИНИНЪ.

Какъ понтъ во бурѣ пребезмѣрной
Кипитъ, валы летятъ противъ другихъ валовъ.
Пойдемъ и подкрѣпимъ. —

(Уходятъ. Молнія и громъ отчасу умножаются. Между ударами слышна пальба, гласъ тревожный трубъ и барабановъ, и напослѣдокъ клики воинства: а знамена по стѣнѣ движутся туда и сюда.)

РЕЧИТАТИВЪ ВОЙСКЪ.

(За кулисами.)

Трясется гора,
Колеблются стѣны:
Сюда всѣ знамены,
Сюда всѣ! ура!
Ра, ра, ра, ра.....

ПАЛИЦЫНЪ.

О Боже! дай побѣду!
(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Сильный ударяетъ громъ, и часть стѣны Кремлевской отъ Троицкихъ воротъ съ угломъ до Москвы рѣки разваливается. Театръ представляетъ во внутренности Ивановской площади на лѣво Красное крыльцо и Успенскій Соборъ, на право Архангельскій; а посреди прямо, колокольню Ивана Великаго. Предъ ней круглый столъ, накрытый червленымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. На немъ, на златыхъ блюдахъ, регаліи царскія. Вкругъ его сидитъ Дума Бояръ. По стѣнамъ зданій на скамьяхъ сидятъ Жильцы Московскіе, какъ-то: Дворяне, Стряпчіе и Гости торговые; на башнѣ и по кровлямъ народъ. Марина въ царской одеждѣ, подъ багрянымъ покрываломъ, скрывается между Вельможъ на Красномъ Крыльцѣ. На сценѣ, по обѣ стороны стола, Пожарской, Трубецкой, Палицынъ, и Мининъ; а Заруцкой въ сторонѣ, въ цѣпяхъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Благодарю Творца! Москва свобождена.

ТРУБЕЦКОЙ.

Врагъ прогнанъ изъ Кремля.

МИНИНЪ.

Ужъ нѣтъ его и слѣду.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но безъ главы теперь отечества страна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіяющій Синклитъ! Сонмъ царственна Совѣта!
Днесь нужно намъ рѣшить: какой правленья родъ
Удобнѣй можетъ быть для блага полусвѣта?
Примѣры многіе вселенная даётъ.
Римъ славно чрезъ Сенатъ владѣлъ надъ всей вселенной:
Не сблизиться ли намъ къ правленію сему?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ ограду отъ толпы мятежной, разъяренной,
И тамо часто власть ввѣрялась одному.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не токмо въ бурну нощь, какъ съ ревомъ страшны волны
Восходятъ до небесъ, и безднъ падутъ во мглу,
Но плавать по морю въ дни ясны и покойны,
Единъ искусный вождь потребенъ кораблю.

ТРУБЕЦКОЙ.

Такъ изберемъ Царя.

МИНИНЪ.

Съ согласія народа.

ПОЖАРСКОЙ.

И я...

ТРУБЕЦКОЙ.

(Громогласно къ народу.)

Внемли, народъ! Царя вамъ, или Вельможъ?

НАРОДЪ.

Речитативъ.

Не надобно барь:
Да царствуетъ Царь!

ХОРЪ.

Да царствуетъ Царь!
Царь, Царь, Царь!

ПАЛИЦЫНЪ.

Кого же изберемъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Заслуги и порода
Кому на то даютъ все право.

ПОЖАРСКОЙ.

Мыслю то жъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Пожарскому.)

Поистинѣ, намъ всѣ, и недруги и други,
Должны отдать ту честь, что въ рядъ другихъ нейдутъ
Ни роды наши, Князь, ни къ отчеству заслуги;
А паче о себѣ дерзну напомянуть:

Что если бъ дружбой я Гетманскіе обманы
Не вызналъ, не проникъ всѣхъ тайнъ его пути
И не изрылъ подъ нимъ самимъ глубокой ямы,
Погибнуть бы намъ всѣмъ, Россію не спасти.
Тебя я искушалъ, и градъ держалъ въ осадѣ.

ПОЖАРСКОЙ.

Радъ честь тебѣ воздать.

ПАЛИЦЫНЪ.
(Пожарскому).

Тутъ воля не твоя.

МИНИНЪ.
(Палицыну.)

Да, нѣтъ. (*Трубецкому.*) Ты спасъ мнѣ жизнь; но не прими къ досадѣ,
Ясневельможный Князь! не соглашуся я,
Чтобъ быть Царемъ у насъ тебѣ, или другому,
Безъ выбора отъ всѣхъ.

ТРУБЕЦКОЙ.
(Съ досадою.)

По слову твоему
Я рекъ.

ПАЛИЦЫНЪ.
(Народу.)

Народъ! Царемъ Россіи быть кому
Изъ двухъ, Пожарскому, иль Князю Трубецкому?

ДУМА И НАРОДЪ.
(За кулисами.)

Речитативъ.

Пожарской намъ любъ!
Пожарской намъ любъ!

ХОРЪ НАРОДА.
(Съ трубами.)

О любо! всѣмъ любо!
Воскликни, гласъ трубъ!
Воскликни сугубо:
Пожарской намъ любъ!

(Мининъ и Палицынъ, взявъ на блюдахъ регаліи, подносятъ Пожарскому.)

ПАЛИЦЫНЪ.

Прими жъ, избранный мужъ! довлѣющи клейноды.

МИНИНЪ.

Достоинствамъ твоимъ, и буди намъ главой

МАРИНА.
(Вдругъ сшедши съ Краснаго Крыльца и спустя порфиру на плеча.)

Прими во власть свою безчисленны народы
И сердце нѣжное ты съ тою красотой,
Тобою что страстна, и ты въ кого влюбился,
И коя ужъ давно Царица сей странѣ.

ПОЖАРСКОЙ.
(Въ смятеніи, помолчавъ.)

Съ престола для тебя соити бы я рѣшился;
А на престолъ взойти не правдой, низко мнѣ.

МАРИНА
(Съ яростію.)

Гордецъ!

ПОЖАРСКОЙ.
(Поклоняясь на всѣ стороны.)

Росіяне! За даръ вашъ, толь усердный,
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признательну простерть:
За подвиги мои, вамъ въ жертву принесенны,
Какихъ желалъ я благъ? — Покой въ Россіи зрѣть;
Взявъ утвари сіи, тѣхъ благъ лишусь и славы;
Узря на мнѣ ихъ блескъ, народъ и ликъ Бояръ,
Имѣющій на то важнѣй, быть можетъ, правы,
Не ощутитъ ли вдругъ въ душѣ своей тотъ жаръ,
Что зависть въ насъ родитъ? — Возникнутъ вновь крамолы;
Я, усмиряя ихъ, могу тираномъ стать:
На что не соглашусь вселенной за престолы.
Съ потачкою жъ страстей тронъ бурный управлять,
Могу ль я сокрушить хищенья длинны руки,
Ввесть скорый, правый судъ, спокоить шатки дни?
Законы безъ грозы безстрашнымъ эха звуки;
Примѣры хоть прошли, но памятны они. —
Лжедмитрій, какъ мячемъ, игралъ въ крови державой;
А Шуйской, только взялъ, въ тѣни ея исчезъ.
Не можетъ трона тать владѣть спокойно славой;
Великъ онъ, или малъ, но все онъ гнѣвъ Небесъ,
Которыя ему, иль поздно, или рано,
По правосудію навѣрно отомстятъ;
И въ пасмурной душѣ нѣтъ мира у тирана;
Тревога, злоба, грусть, безпрестанный адъ.
Онъ козни новыя всечасно вымышляетъ,
Чтобъ скрыть свой мрачный нравъ иль тѣмъ, или другимъ:
Сегодня лавровъ онъ, а завтра пальмъ желаетъ,
Курился чтобъ предъ нимъ подлѣйшей лести дымъ.
Законы жъ Русскіе, обычаи, власть ли Бога,
Повергли съ дѣтства насъ владычеству Царей;
Чтимъ Божій въ нихъ законъ, за храмъ ихъ блескъ чертога:
Коснется ль въ ихъ вѣнцѣ чело мое лучей,
И облекусь ли въ ихъ священну я порфиру?
Нѣтъ! нѣтъ! Наслѣдникъ лишь одинъ по крови имъ
Спокойство можетъ дать и возвратить васъ къ миру.
Добръ, мудръ, безъ зависти и всѣми будетъ чтимъ;
Бояре ближніе, усерды общу благу,
Единодушіемъ безстрашно подкрѣпятъ,
Представятъ грудь ему въ своихъ совѣтахъ нагу,
И въ самыхъ слабостяхъ великимъ учинятъ.

МИНИНЪ И ПАЛИЦЫНЪ.
(Полагая регаліи на столъ.)
Но гдѣ жъ наслѣдникъ есть?

ПОЖАРСКОЙ.
Не можно ль Михаилу
Романову взойти на праотчій престолъ
По женскому родству?

ТРУБЕЦКОЙ.
Въ дни смутны не подъ силу
Ему полсвѣта скиптръ.

ПАЛИЦЫНЪ.
Жизнь въ страхѣ Божьемъ велъ.

ТРУБЕЦКОЙ.
Онъ младъ, неопытенъ.

МИНИНЪ.
Душею чуждъ лукавства,
Благъ сердцемъ, справедливъ.

ПАЛИЦЫНЪ.
Премудръ его отецъ.

ПОЖАРСКОЙ.
Я лучше быть хочу слуга самодержавства,
Чѣмъ съ мрачной совѣстью носить его вѣнецъ.

МАРИНА.
Нелѣпый умъ!

ТРУБЕЦКОЙ.
Великъ, когда совѣтъ сей можетъ
Тирану быть уздой, а парусомъ Царю.

МИНИНЪ.
На стогнъ къ народу онъ свой взоръ и слухъ приложитъ,
И изъ ковчега взявъ, разсмотритъ самъ всѣхъ прю.

ПАЛИЦЫНЪ.
И истинѣ къ себѣ не воспретитъ приходу,
Хотя бъ и въ рубищѣ.

ТРУБЕЦКОЙ.
И будетъ образцомъ
Совѣтъ его Бояръ всѣхъ доблестей народу.

ПОЖАРСКОЙ.
А онъ ихъ всѣхъ главой, владыкой и отцомъ.

ДУМА И НАРОДЪ.
(*Речитативъ.*)

Михайлу вѣнецъ!
Михайлу вѣнецъ!

ХОРЪ НАРОДА.

(Съ трубами.)

Михайлу вѣнецъ!
Онъ будетъ Царь сердецъ,
Владыка и отецъ:
Михайлу вѣнецъ!

ПАЛИЦЫНЪ.
Сомнѣнья нѣтъ: себя, родъ праведный, возвыситъ,
Прославится подъ нимъ Россійская страна.

ЗАРУЦКОЙ.
(Маринѣ, потрясая цѣпями.)
Не отъ волшебствъ твоихъ, знать, быть Царемъ зависитъ.

МАРИНА.
У ада, у меня, у твоего ума
Еще есть способы: — пойдемъ!
(Съ Заруцкаго цѣпи спадаютъ, и они уходятъ.)

ТРУБЕЦКОЙ.
На казнь!
(Войски бросаются въ слѣдъ за Заруцкимъ.)

ПОЖАРСКОЙ.
Оставимъ
Избранному Царю сей судъ и долгъ свершить.

ПАЛИЦЫНЪ.
Нѣтъ праведнѣй сего, и тѣмъ законъ мы славимъ,
Когда мы и врагамъ не хочемъ сами мстить.
Пойдемъ теперь во храмъ усерднѣйшей мольбою
Хвалу Творцу воздать, что спасъ насъ отъ коварствъ.
Надъ властолюбіемъ, надъ златомъ, надъ красою,
Побѣда выше есть, чѣмъ покоренье Царствъ!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

О слава! возвѣсти вселенной,
На удивленіе вѣкамъ,
Духъ Росса бранной и усердной,
Благоговѣющій къ Царямъ.
Онъ храбростью, умомъ, богатствомъ
И благочестіемъ прямымъ,
Не устрашась всѣхъ золъ препятствомъ,
Скиптръ возвратилъ Царямъ своимъ;
И подъ наслѣдственнымъ жезломъ
Всѣ Царства счастьемъ превышаетъ,
Какъ кедръ до неба досязаетъ:
Благословенъ Романовъ Домъ!

ДОБРЫНЯ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

СЪ МУЗЫКОЮ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Владиміръ, Великій Князь Кіевскій.
Силоумъ, первый его Бояринъ.
Добрыня, богатырь Новгородскій, сродникъ Владиміра.
Прелѣпа, Княжна Изборская, невѣста Владимірова.
Змѣй Горынычъ, Змѣуланъ Змѣуланычъ, Тугаринъ Тугарынычъ, — Царь и чародѣй Болгарскій.
Способа, наперсница Прелѣпы.
Торопъ, конюшій Добрынинъ.
Добрада, жрица и волшебница Холмогорская.
Сребробрады, Бояре Владиміровы, составляющіе Верховную Думу.
Жрецы,—изъ нихъ главный только съ рѣчами.
Сотникъ, начальникъ стражи вратъ градскихъ.
Часовой, на башнѣ.
Два вѣстника.
Герольдъ.
Бирючъ, Герольдъ Татарскій.
Дворъ Владиміровъ,—Рынды, или Пажи, боярышни, или дѣвицы, живущія въ Княжескомъ теремѣ. Вѣдьма. Войски: Русскія, Татарскія. Народъ. — Всѣ безъ рѣчей, а только составляютъ хоры.

Дѣйствіе въ столичномъ городѣ Кіевѣ, при окончаніи идолопоклонства.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ, въ утреннемъ мракѣ, при рѣкѣ Днѣпрѣ городъ Кіевъ. На стражевой башнѣ часовой; вблизи, въ кустарникѣ, лежитъ градская стража, а вдали шатры.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОБРЫНЯ И ТОРОПЪ.

ТОРОПЪ.

На княжескомъ лугу, въ зеленомъ лукоморьѣ,
Добрыня! твоего пустилъ гулять коня.

ДОБРЫНЯ.

Спасибо Торопу! утѣшилъ ты меня.

ТОРОПЪ.

Да тамъ жъ на раздольѣ,
Какой-то страшный чортъ, знать витязь, Князь Татарской,
Къ намъ подсосѣдилъ свой шатеръ.

ДОБРЫНЯ.

Хотя бы, напримѣръ,
И Царь Чипчатской:
Какая въ томъ бѣда?

ТОРОПЪ.

Однако жъ вѣдь Орда
Не шутитъ иногда.

ДОБРЫНЯ.

Не бойсь!
(По воздуху летитъ огненный змѣй.)

ТОРОПЪ.

Ай, змѣй! ай, змѣй по воздуху летитъ!
И слышь, какъ искрами оретъ, свиститъ, шумитъ.

ДОБРЫНЯ.

Стой знай, и не страшися.
Три раза молвь: аминь, аминь, (*) разсыпься!
(Поютъ въ два голоса.)

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпься!
Боюся я его!

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будетъ ничего.

ТОРОПЪ.

Вѣдь эдакіе змѣи
Тмы дѣлаютъ проказъ.

ДОБРЫНЯ.

То басни и затѣи
И глупыхъ бабъ разсказъ.

ТОРОПЪ.

Влетаютъ въ домы, въ башни,
Пролазятъ и сквозь стѣнъ.

ДОБРЫНЯ.

Любовныя то шашни,
Дѣвъ выдумки и женъ.

ТОРОПЪ.

Цѣлуютъ и милуютъ
Украдкой и во снѣ.

ДОБРЫНЯ.

Старухи такъ толкуютъ,
И вздоръ, повѣрь въ томъ мнѣ.

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпься!
Боюся я его.

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будетъ ничего.

(*) Слово сіе и у язычниковъ, какъ прежде, такъ и нынѣ употребляется.

И мы межъ тѣмъ, какъ здѣсь встаетъ заря златая,
Природу освѣщая,
Хоть полюбуемся, на городъ глядя сей.
(Восходитъ солнце.)
Какой восторгъ, очей!

ТОРОПЪ.

Ужъ подлинно сказать! — Вѣдь это Кіевъ?

ДОБРЫНЯ.

Во всей подсолнечной межъ городовъ звѣзда.
(Поетъ одинъ.)
Ахъ! Столица это солнышка
Святослава, Князя Русскаго.
Ахъ! того ли Володиміра!
Сколько башень бѣлокаменныхъ!
Сколько златоверхихъ теремовъ!
Словно жаръ, они въ печи горятъ.

ТОРОПЪ.

И впрямъ, смотри, какъ тамъ отъ терема прекрасна
Поверхъ Днѣпра струя, что свѣчка блещетъ ясна.

ДОБРЫНЯ.

Не въ семъ ли теремѣ, что краше въ свѣтѣ нѣтъ,
Моя возлюбленна живетъ?

ТОРОПЪ.

Твоя возлюбленна? — Ба, Рыцарь мой любимый!
Желѣзный, каменный, никѣмъ непобѣдимый!
Свое ли говоришь мнѣ ты?

ДОБРЫНЯ.

Увы! Прелѣпы красоты...

ТОРОПЪ.

Ну, вотъ тебѣ и сказка!

А тамъ хоть объ закладъ, не мудрена развязка:
Влюбился молодецъ
Въ владычицу сердецъ!
(Поетъ одинъ передразнивая.)
У ней очи соколиныя,
У ней брови соболиныя,
Поступь тихая, павлиная,
Грудь высока, лебединая:
Не такъ ли, какъ во всемъ красавицѣ быть должно?
Какъ въ солнце, на нее, слышь, посмотрѣть не можно.

ДОБРЫНЯ.

Ты шутишь, Торопъ, мной.

ТОРОПЪ.

Да гдѣ же, разскажи, когда въ нее влюбился?
Мы тридевять земель проѣхали съ тобой;
А ты чрезъ три года мнѣ въ этомъ изъяснился.

ДОБРЫНЯ.

За вѣдала одна то молодецка грудь. —
Но слушай, если такъ, лишь скроменъ будь,
Я тайну всю тебѣ открою,
Чѣмъ столь себя я безпокою.
Мнѣ помощь, вѣрный другъ, теперь твоя нужна:
Прелѣпа милая, Изборская Княжна,
Влюбленною въ меня была еще изъ-млада,
И, словомъ, съ той поры, какъ мудрая Добрада
Во капищѣ боговъ, во Холмоградѣ, насъ
Воспитывала съ нею вмѣстѣ,
Не выпускаючи ее изъ страстныхъ глазъ,
Вздыхаю я о ней, какъ о моей невѣстѣ.
Средь пиршествъ, средь боевъ, средь рыцарскихъ тревогъ,
Средь женскихъ прелестей, заняться я не могъ
Никѣмъ другимъ, какъ ей. — Вездѣ искали очи
Ее, средь свѣтла дня, средь темной ночи.
Ее одну люблю, храню въ душѣ моей:
А днесь, о боги!
Коли о мнѣ явилися вы строги!
Я слышу, что она въ столицѣ сей.

ТОРОПЪ.

Такъ сильно, знать, тебя кручина обуяла,
О милый Рыцарь мой? Да дѣло-то, ну, въ чёмъ?

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Звукъ слышенъ рога, и тогда же упадаетъ стрѣла предъ башнею.

ЧАСОВОЙ.
(На башнѣ.)

Къ ружью! стрѣла упала.
(Стража становится въ порядокъ.)

СОТНИКЪ.

Ахти! еще и съ ерлыкомъ!
Иль бусурманска нѣка сила
Откуда привалила,
И богатырь какой
Нахлынулъ къ намъ съ грозой? —
Да что жъ? Вѣдь Русскіе не кажутъ тыла,
Намъ не знакомиться съ войной:
Пойду я къ Князю со стрѣлою,
А вы здѣсь безъ меня управьтеся съ зарею.
(Уходитъ.)

(На башнѣ слышны бубны и съ сиповками тихое пѣніе; стража, снявъ шапки, преклоняетъ копья.)

ХОРЪ.

О Хорсъ! Перунъ! О Лель! О Лада!
Храните Князя, стѣны града;
И тихой какъ зари восходъ,
Да Русскій такъ цвѣтетъ народъ!

ДОБРЫНЯ.

Врата ужъ града отворились!

ТОРОПЪ.

И люди, посмотри, какъ въ нихъ зашевелились!

ДОБРЫНЯ.

Великій Князь идетъ, пойдемъ:
Иль нѣтъ, останься здѣсь съ собраньемъ ты придворнымъ,
Развѣдай о Княжнѣ, развѣдай обо всемъ:
Я жъ, скрывшись до поры, пребуду незнакомымъ.
(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

А! А! чтобъ отгадать, не тратя много словъ,
Я вижу, для чего вильнулъ соколъ въ столицу:
Ну, сирѣчь, поимать подъ небомъ тамъ синицу.
Да что бы ни было, я съ нимъ на все готовъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Владиміръ съ Княжескимъ жезломъ въ рукахъ, сопровождаемый Силоумомъ и придворными.

ВЛАДИМІРЪ.

Кто такъ на Русскіе предѣлы
Дерзаетъ смѣло наступать,
Метать на нихъ враждебны стрѣлы,
И браннымъ рогомъ возбуждать
Отъ сна владыку полвселенной? —
Или не знаетъ онъ, невѣрной,
Какъ страшенъ Русскій Князь, какъ силенъ знаменитъ?
И можетъ ли онъ чьихъ въ брань вызововъ бояться?
Война Россіянамъ — лишь случай прославляться.
Взойди скорѣе ты на башню Силоумъ!
И въ сребрянный ударь тамъ дѣдовъ звучный щитъ,
Да потрясетъ его сердца и души шумъ,
Въ странахъ раздавшися полсвѣта.

СИЛОУМЪ.

Усердіемъ къ тебѣ грудь Русская согрѣта:
Исполнится сейчасъ Владиміра приказъ.
(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ДВА ВѢСТНИКА.

ВѢСТНИКИ.
(Оба вмѣстѣ:)

Спасай и защищай, Великій Князь!

1-й вѣстникъ.

Татары все твое владѣнье разорили.

2-й вѣстникъ.

Разграбили жилье, народы порубили.
(Оба вмѣстѣ.)
И головнею всю Россію покатили.

владиміръ.

О боги праведны! О злобный, строгій рокъ!
Для добраго Царя какъ сей урокъ жестокъ!
(Стоитъ въ задумчивости.)

хоръ придворныхъ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?
Вели,—пойдемъ, покажемъ свѣту...
(Слышенъ звукъ щита.)

владиміръ.

Но ежели на брань итти мнѣ неизбѣжно
И проливать народа кровь:
Не должно ли сперва размыслить намъ прилѣжно,
Начать войну велитъ къ отечеству ль любовь?
Пожду, что скажетъ Дума мнѣ?

—

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣ же, силоумъ и сребробрады.

силоумъ.

Щитъ прогремѣлъ твоей странѣ.

сребробрады.

Предъ свѣтлое лице явились Сребробрады:
Что повелитъ Великій Князь?

владиміръ.

Отечества сыны, щиты, столпы, ограды!
Совѣта я прошу у васъ.

сребробрады.

Мы рады.

владиміръ.

По мѣстамъ!
(Сребробрады становятся въ полциркуля. Владиміръ сперва на правой, потомъ на лѣвой рукѣ, шепчетъ на ухо близъ себя стоящимъ, и, отходя, говоритъ.)
Я время вамъ
Даю на размышленье.
(Сребробрады тихо совѣтуются между собою.)

хоръ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духу нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту...

силоумъ.

(Сребробрадамъ.)
Князь ждетъ рѣшенья.

сребробрады.

Сердца Царей въ рукѣ боговъ.

силоумъ.

(Будто про себя.)
Не рубятъ, не казнятъ пословъ.

владиміръ.

Хотите вы принять посольство отъ злодѣя?

сребробрады.

Мы тако разумѣя....
(Кланяются.)

силоумъ.

Глаголъ твой намъ законъ святой:
Всѣ соглашаются съ тобой.

владиміръ.

Велите жъ мнѣ принесть скорѣе лукъ и стрѣлы.

силоумъ.

(Отходя.)
Велико дѣло есть совѣты подавать,
Но болѣе того умѣть ихъ принимать.

владиміръ.

Я вашимъ разумомъ спасу мои предѣлы,
И, безъ сомнѣнія, совѣтъ вашъ будетъ благъ;
Онъ поданъ ревностью, къ отечеству любовью,
И вѣрно не въ однихъ исполнится словахъ:
Не придетъ больше врагъ багриться Русской кровью.

хоръ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту...

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

тѣ же и Силоумъ въ великолѣпномъ послѣдованіи народа. За нимъ Рынды на богатыхъ подушкахъ несутъ въ налучьѣ лукъ, а въ тулѣ стрѣлы, изъ коихъ къ одной привязанъ ерлыкъ.

СИЛОУМЪ.

На силу шестеро мы лукъ напрягли твой,
Что прадѣдъ натягалъ одинъ твой, самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Къ чему же съ пышностью такою,
Притомъ съ народною толпою?
Я блеска не терплю.

СИЛОУМЪ.

За тѣмъ, что я тебя люблю.
(Тихо.)
Народъ души твоей никакъ не постигаетъ,
На внѣшность смотритъ онъ, по оной уважаетъ;
И повинуется охотнѣе тому,
Не равнымъ зрится кто ему.

ВЛАДИМІРЪ.

Куда пустить стрѣлу: на лѣво, иль на право?

СРЕБРОБРАДЫ.
(Кланяются.)
Царь судитъ здраво.

СИЛОУМЪ
(Указывая.)
Шатры раскинуты, мнѣ мнится, тамъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, впрямъ.
(Спуская стрѣлу.)
Счастливый путь!

ТОРОПЪ.
(Выскоча изъ народа въ сторону.)
Ужъ какъ
Воструха загремѣла,
Запѣла, засвитѣла,
И прямо къ небу полетѣла!

СИЛОУМЪ.
(Къ народу.)
Счастливой это знакъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Знать, дѣло наше право.
(Уходитъ, и всѣ за нимъ.)

ХОРЪ НАРОДА.

Стрѣла запѣла, засвистѣла,
И прямо къ небу полетѣла:
Такъ дѣло наше право;
Царь судитъ здраво,
Здраво, здраво,
Право, право!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ готическій златоверхій Княжны Прелѣпы теремъ, окнами и лѣстницею на берегъ рѣки Днѣпра. Противъ его съ другой стороны площадь, на коей для зрителей ложи, а между ими мостъ чрезъ рѣку, вновь устроенные.

ЯВЛЕНІЕ I.

СПОСОБА.
(Одна.)
И мостъ готовъ! — Такъ, знать, великолѣпный
Назначенъ въѣздъ. Но что здѣсь не видать Прелѣпы
Въ ея прогулки часъ?

ПРЕЛѢПА.
(Въ теремѣ подъ окошкомъ поетъ, сопровождая голосъ свой арфою.)
О отрада дней мучительныхъ!
Въ скукѣ, въ грусти облегченье мнѣ!
Образъ мыслей восхитительныхъ,
Гдѣ ты? гдѣ ты? во какой странѣ?
Посреди ли лѣса шумнаго?
Посреди ли степи знойной ты?
Посреди ли моря бурнаго?
Гдѣ твои сокрылись красоты?
Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу страстно вспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.

СПОСОБА.

Что за унылый тонъ?
И пѣсенки такой причина бы какая?
А! вотъ она сама.
(Прелѣпа сходитъ по лѣстницѣ, а Способа устраняется.)

ПРЕЛѢПА.

О сонъ! о страшный сонъ!
Мечта ужасная, толь лютая, толь злая!
Казалось, змѣй его сглотилъ!—Я трепещу!
Добрады только щитъ...

СПОСОБА.
(Подходя къ Прелѣпѣ.)
Давно тебя ищу
Я, милая Княжна! — Но что ты такъ уныла?

ПРЕЛѢПА.

Какая радость мнѣ?

СПОСОБА.

Какъ! развѣ ты забыла
О счастіи своемъ?

ПРЕЛѢПА.

Какомъ?

СПОСОБА.

Ну что невѣста ты Владѣтеля такова,
Монарха Русскаго, прекраснаго, младова,
Который славою, сіяньемъ окруженъ,
Предметъ вздыханія прелестныхъ многихъ женъ;
О комъ ни написать,
Ни разсказать
Нельзя красиво:
А ты на все сіе такъ смотришь горделиво!

ПРЕЛѢПА.

Да кто тебѣ сказалъ, чтобы невѣстой я
Изъ всѣхъ моихъ подругъ ему ужъ нареченна?

СПОСОБА.

Изрядно! коль теперь усердная моя
И вѣрная тебѣ такъ служба заплаченна,
Притворствуй, лицемѣрь, лукавь, скрывай, Княжна,
О томъ, что вѣдаетъ ужъ вся сія страна.

ПРЕЛѢПА.

Ахъ! нѣтъ, Способа, нѣтъ! толь скромностію злою
Не упрекай меня.

СПОСОБА.

Да Князь помолвилъ вѣдь съ тобою?

ПРЕЛѢПА.

Никакъ.

СПОСОБА.

Да городъ весь....

ПРЕЛѢПА.

Напрасно до тебя дошла толь лжива вѣсть.

СПОСОБА.

Гласъ Божій говоритъ, коль говоритъ столица.

ПРЕЛѢПА.

Не знаю ничего.

СПОСОБА.

Послушай же меня
Ты, юная дѣвица!
Скажу, не льстя тебя и не маня,
О чемъ всѣ знаютъ совершенно:
Твоею красотой Княжое сердце плѣнно.

ПРЕЛѢПА.

Способа! ты меня въ томъ хочешь увѣрять,
О чемъ, мнѣ кажется, нельзя и знать.

СПОСОБА.
(Разсердяся, поетъ.)

Знаю, знаю я не ложно:
Льзя ль наперсницамъ не знать,
Что имъ надобно и должно,
И что можетъ составлять
Ихъ госпожъ въ любви успѣхи,
Тайны, радости, утѣхи!
Знаю, знаю я неложно:
Льзя ль наперсницамъ не знать,
Что имъ надобно и должно,
И что можетъ исполнять
Ихъ госпожъ сердецъ желанья,
Вздохи, грезы, ожиданья?
Знаю, знаю я не ложно:
Льзя ль наперсницамъ не знать?

ПРЕЛѢПА.

Коль знаешь, такъ скажи, пожалуй, какъ?
Какимъ то образомъ, какой судьбою.
Я стала у тебя невѣстою Княжною?

СПОСОБА.

Послушай же, вотъ такъ:
По волѣ какъ его здѣсь собраны дѣвицы,
Въ супруги чтобъ ему краснѣйшую понять,
Къ великолѣпью сей родитель твой столицы
Позволилъ и тебѣ въ ихъ теремѣ предстать.
Ужъ годъ прошелъ, какъ ты въ кругу сего собранья
Оспориваешь всѣхъ достоинства, Княжна!
Хоть потемняются предъ солнцемъ звѣздъ сіянья,
Но часто безъ друзей и прелесть не сильна:
А для того, чтобъ нравъ твой оказать и душу,
И внутреню красу съ наружной согласить,
Старалась я склонить наперсницу Малушу,
Чтобъ чрезъ нея тебя предъ Княземъ отличить.
Достигла до того: она мнѣ другомъ стала,
И, возведя къ себѣ ночныхъ сидѣльницъ въ ликъ,
Ни въ чемъ передо мной себя ужъ не скрывала,
Свободный даже входъ отверзла и въ тайникъ,
Отколь нерѣдко мы на садъ смотрѣли чудный,
На васъ прекрасныхъ дѣвъ! — Я вижу какъ теперь,
Въ одну тишайшу ночь, въ блистательный часъ лунный
Съ наперсницей отверзъ въ повалушу Князь дверь,
И тихо проходя ряды красавицъ нѣжныхъ,
Смотрѣлъ, ихъ обходя, въ глубокомъ спящихъ снѣ;
Но свѣтъ луны какъ палъ на верхъ возглавій снѣжныхъ,
И ясно освѣтилъ ихъ лица въ тишинѣ:
Какія красоты во мракѣ возблистали!
Румянецъ на щекахъ, казалося, горѣлъ,
Лилеи на грудяхъ сквозь ткань блистали.
Великій Князь, смотря на нихъ, оцѣпенѣлъ
И долго онъ, стоя въ безмолвьи, колебался;
Не зналъ, которую которой предпочесть:
Замѣтя жъ между ихъ, что ангелъ улыбался,

И, руки вверхъ взмахнувъ, хотѣлъ какъ бы летѣть,
Онъ взялъ одну изъ нихъ, и въ жилки голубыя
Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ, чтя признаки благія,
»Въ сей дѣвѣ,«—возгласилъ:—»живетъ моя любовь!«—
Сказалъ, — и взоръ возвелъ на взшедшую зарницу:
»О Лада! Мать утѣхъ, такъ ты своимъ лучемъ
Мнѣ показала всѣхъ краснѣйшую дѣвицу —
Благодарю тебя.« — И вышелъ тотчасъ вонъ
Изъ спальни, крадучись и тихими стопами;
Малушѣ повелѣлъ предъ всѣми отличать
Тебя почтеніемъ, уборами, столами;
Жемчугомъ, серебромъ и златомъ осыпать. —
И я сама съ тѣхъ поръ богаче содержуся:
Ну послѣ-то сего, что скажешь ты теперь?

ПРЕЛѢПА.

Увы!

СПОСОБА.

Пожалуй, хоть еще не вѣрь.

ПРЕЛѢПА.

Тревожуся, мятуся!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ТОРОПЪ.

(Который, пришедъ тихо, весь слышалъ разговоръ Способы.)

ТОРОПЪ.

Я вашей милости, Царевна, покланяюсь.

ПРЕЛѢПА.

Кто ты? о чемъ? ....

ТОРОПЪ.

Я Торопъ называюсь;
И вотъ о томъ
Я даже до лица земнаго...
(Кланяется въ землю.)

ПРЕЛѢПА.

О чёмъ, о чёмъ?
И мнѣ?

ТОРОПЪ.

Отъ рыцаря младаго.

СПОСОБА.

Да кто ты? говорятъ: зачѣмъ? и отъ какого
Ты рыцаря сюда къ кому пришелъ?

ТОРОПЪ.

Я конюхъ богатырьской
И вотъ пришелъ... (*Въ сторону*) какъ бишь? ...
Захряснуло въ умѣ.
(Потираетъ лобъ.)

ПРЕЛѢПА.

На что жъ ко мнѣ? ....

ТОРОПЪ.

Поклонъ отдать здѣсь низкой
(Кланяется.)
Пресвѣтлому лицу Царевны молодой,
И у нея спросить: не любъ ли Рыцарь мой?

СПОСОБА.

На что?

ТОРОПЪ.

Въ прислугахъ быть у ней, или въ посылкахъ.

ПРЕЛѢПА.

Не нужно.

СПОСОБА.

Слышь, слуга не надобенъ такой.

ПРЕЛѢПА.

Явися къ Князю ты.

СПОСОБА.

А кто же Рыцарь твой?

ТОРОПЪ.

Кто Рыцарь мой? —
Онъ невидимкой сталъ.

ПРЕЛѢПА И СПОСОБА.

(Смѣются.)
Вотъ толкъ какой!

СПОСОБА.

Изволь, пожалуй, съ нимъ ты скоро разойтиться.
(Слышится вдали маршъ войскъ.)

ПРЕЛѢПА.

Однако мнѣ пора пойти принарядиться,
Чу! войски ужъ идутъ для встрѣтенья посла.
(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

(Подступя къ Способѣ.)
Я саду вашему не могъ не удивляться:
Куда бы хорошо, какъ бы въ него.....!

СПОСОБА.

Кого?

ТОРОПЪ.

Меня.

СПОСОБА.

(Съ насмѣшкою.)
Козла?

ТОРОПЪ.

(Пріосамяся.)

Эй, барска барыня! изволишь насмѣхаться,
Не выслушавъ, не знавъ, въ чемъ дѣло состоитъ.

СПОСОБА.

Ба! конюхъ балагуръ совсѣмъ другой взялъ видъ.

ТОРОПЪ.

Прости, сударыня!...

СПОСОБА.

Годится ль разговоры
Подслушивать другихъ? Чѣмъ оправдаться тутъ?

ТОРОПЪ.

Мнѣ праведны твои, боярыня, укоры;
Повинну голову не рубятъ, не сѣкутъ:
Я присланъ Рыцаремъ съ тобою объясниться,
И помощи твоей намъ дружеской просить.

СПОСОБА.

(Про себя.)

Другая пѣсенька. (*Вслухъ.*) Я чѣмъ могу служить?

ТОРОПЪ.

По обстоятельствамъ: мой рыцарь безъизменный
Желаетъ разговоръ имѣть уединенный
Съ Прелѣпой, и меня прислалъ онъ для того,
Чтобъ попросить на то согласья твоего.

СПОСОБА.

На что же тайныя съ дѣвицами свиданья?

ТОРОПЪ.

О нуждѣ, можетъ быть, поговорить....

СПОСОБА.

Какой?

ТОРОПЪ.

Не знаю.

СПОСОБА.

(Про себя.)

А, постой!
Не отъ того ль у насъ смятенья, воздыханья?
Изрядно, господинъ конюшій! Мы пойдемъ
Отселѣ въ мой теремъ,
И тамъ поговоримъ мы обо всемъ подробно:
Ты видишь, здѣсь теперь народно.

(Указываетъ на входящія войска, и оба уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Войски Русскія и Татарскія, въ сопровожденіи народа, переходятъ чрезъ мостъ, каждое подъ своимъ знамемъ и своимъ маршемъ, и становятся въ порядокъ другъ противъ друга. Въ ложахъ зрители, между коими и Прелѣпа. На Русскихъ знаменахъ летящій орелъ держитъ пукъ громовыхъ стрѣлъ, а на Татарскихъ крылатый змѣй свѣтящуюся луну.

Ступай, Россійская дружина!
Куда твой Князь и честь велитъ.
Перунъ и молнія орлина
Вездѣ во слѣдъ тебѣ летитъ:
Ступай! ура, ура!

ХОРЪ ТАТАРЪ.

Гайда, Татарская станица!
Куда твой Ханъ и месть велитъ.
Несмѣтной силы вереница,
На васъ Магметъ, Луна глядитъ:
Гайда! Алла, алла!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ продолженіе хоровъ, Великій Князь верхомъ на конѣ, окруженный богатырями, во многочисленномъ провожаніи Двора и народа, въ числѣ котораго и Торопъ; а потомъ Тугаринъ, въ личинѣ крокодила, на двухъ крылатыхъ трехглавыхъ змѣяхъ, выѣхавъ на колесницѣ, останавливаются у моста; и сошедъ съ коня и колесницы, каждый становится своимъ войскомъ.

ТУГАРИНЪ.

Речитативъ.

Царь Казанской,
Астраханской,
Чипчакской золотой орды
Всемощный повелитель,
Другъ солнцевъ, братъ луны и зять звѣзды
Блистающей съ Востока,
Сынъ Магомета, всѣхъ сильнѣйшаго Пророка,
Священныхъ Алкорана словъ
Благоговѣйный исполнитель,
Ближайшій родственникъ ословъ
Абубекировыхъ; престрашный чародѣй,
Горынычъ Змѣй,
Надъ всей вселенной Князь Князей
Россійскому Князьку повелѣваетъ,
И исполненья ожидаетъ:
Чтобъ онъ ему
Сей часъ въ его гаремъ
Прекрасную Княжну
Прелѣпу возвратилъ,
И золотой
Казной
Безсчетно надѣлилъ,
На что онъ и ея согласіе имѣетъ.

Но воспротивиться Владиміръ коль посмѣетъ,
То Русь всю истребитъ огнемъ онъ и мечемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Великій Русскій Князь угрозы столь нелѣпы,
Несходныя ни съ чѣмъ,
Умѣетъ презирать:
Но было съ Змѣемъ чтобъ согласіе Прелѣпы,
Ты чѣмъ то можешь доказать?

ТУГАРИНЪ.

Спроси ее о томъ: она не отречется.

ВЛАДИМІРЪ.

Отъ клеветы такой весь духъ во мнѣ мятется!
Но пусть придетъ Княжна! — Скажи ей, Силоумъ.

СИЛОУМЪ.

Велѣньемъ таковымъ грудь нѣжная пронзится,
(Слышно взвизгиваніе.)
И вотъ ужъ слышу въ ложѣ шумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но что же дѣлать мнѣ? Ей нечего страшиться;
Открыть я долженъ ложь, и дерзость наказать.
(Силоумъ уходитъ.)

ТУГАРИНЪ.

Казнь можетъ сила лишь одна опредѣлить.

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ, правосудіе.

ТУГАРИНЪ.

Ты можешь забавлять
Себя и свой народъ пріятной сей мечтою.
Коль раздавить тебя могу одной рукою:
То истина твоя, права, законъ святой
Не что, какъ только бредъ пустой.

ВЛАДИМІРЪ.

Безстрашный твердый духъ и разумъ просвѣщенной
Противное тому являли всякой разъ.

ТУГАРИНЪ.

О нѣтъ! Агарянъ родъ вѣкъ будетъ бичъ вселенной.

ВЛАДИМІРЪ.

Покажетъ время то!...

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ПРЕЛѢПА, СПОСОБА И СИЛОУМЪ.

СИЛОУМЪ.

Исполненъ твой приказъ.

ПРЕЛѢПА.

Я здѣсь.

ВЛАДИМІРЪ.

Скажи, Княжна, рѣши мое сомнѣнье:
Посолъ сей предлагалъ тебѣ со Змѣемъ бракъ,
И будто есть твое на то соизволенье?

ПРЕЛѢПА.

Отвѣтствуетъ тебѣ мой огорченный зракъ;
Услыша твой приказъ, осталась чуть живою.

ТУГАРИНЪ.

Пускай она одна поговоритъ со мною.
(Беретъ Прелѣпу за руку къ сторонѣ.)

Слухъ о Горынычѣ, какъ страшный громъ, гремитъ;
Онъ звѣзды красотой и славой солнце тмитъ:
Я бракъ тебѣ, Княжна съ Царемъ симъ предлагаю.

ПРЕЛѢПА.

Плѣнись кто хочетъ имъ, а я его не знаю.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, вѣроломная! должна его знать ты,
Прочти: вотъ хартія, и чьи на ней черты?

ПРЕЛѢПА.

(Про себя.)

Ахъ! что это? мои!

ТУГАРИНЪ.

Ты то ко мнѣ писала!
Я не чудовище.
(Снимаетъ съ себя личину, и поетъ окончаніе той аріи, которую пѣла Прелѣпа въ теремѣ.)

»Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу, страстью воспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу«
Почто же лишь теперь меня ты не узнала,
Столь пламенно свою являя прежде страсть?

ПРЕЛѢПА.

(Съ удивленіемъ.)

Ты выдумалъ сію толь злую мнѣ напасть!

СПОСОБА.

Сама ты въ теремѣ такую пѣсню пѣла.

ПРЕЛѢПА.

(Съ досадою.)

Такъ что же изъ того? Я пѣть ее хотѣла;
Отчетомъ никому я въ чувствахъ не должна.
Баянова то пѣснь, извѣстна всѣмъ она.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, тѣмъ, коварная, ты не отговоришься:
Ты принадлежишь мнѣ, и съ хищникомъ простишься.

(Схватываетъ ее и хочетъ увести.)

ПРЕЛѢПА.

О варваръ!

(Бросается къ Способѣ.)

СПОСОБА.

Ахъ! спаси, спаси, Великій Князь!
Отъ лютаго толь змѣя,
Спаси скорѣе, насъ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Бросается съ мечемъ.)

Я дерзость накажу злодѣя!

(Въ сіе время Прелѣпа и Способа уходятъ.)

ТУГАРИНЪ.

И я мои права умѣю защитить!

(Про себя.)

Я силой отниму, когда не могъ прельстить.

ВЛАДИМІРЪ. Россіяне!
ТУГАРИНЪ. Агаряне!

(Оба сіи войска устремляютъ другъ на друга свои копья, а Владиміръ и Горынычъ замахиваются мечами.)

СИЛОУМЪ.

(Ставъ между ними.)

Столь скороспѣшная должна ль смущать васъ ссора?

Тріо.

СИЛОУМЪ.

На что такъ горячиться,
Сердиться и браниться?
Сыскать бы лишь вину,
И объявить войну.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ честь велитъ рѣшиться
Отъ Змѣя борониться,
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Чтобы спасти Княжну.

ТУГАРИНЪ.

Мой духъ во мнѣ ярится,
Хоть съ свѣтомъ радъ сразиться!
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Хочу имѣть Княжну.

ВСѢ:

Войну, войну, войну!

СИЛОУМЪ.

Войну! — Но токмо лишь, по силѣ договора,
Когда, гдѣ, какъ кѣмъ начать ,
Условье должно вамъ другъ другу дать.

ВЛАДИМІРЪ.

Я радъ договориться.

ТУГАРИНЪ.

Знакъ трусости! — Да пусть! Вѣдь силой бой рѣшится.

(Они кладутъ мечи въ ножны, а войска — копья на плечо.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЛАДИМІРЪ и ТУГАРИНЪ даютъ знакъ. Конь верховой, богатыри и колесница удаляются; а на мѣсто ихъ по прежнему полукружіемъ смыкаются Русскія и Татарскія войска, по срединѣ коихъ, между ВЛАДИМІРОМЪ и ГОРЫНЫЧЕМЪ, СИЛОУМЪ предлагаетъ договоръ, котораго окончательныя слова музыка повторяетъ речитативомъ.

СИЛОУМЪ.

«Избрать вамъ рыцарей сперва между собой,
«И имъ велѣть вступить единоборствомъ въ бой.

ВЛАДИМІРЪ.

«Изрядно.

ТУГАРИНЪ.

Ну, ладно.

СИЛОУМЪ.

«Коль рыцарей такихъ не можетъ отыскаться,
«То Князю самъ на самъ съ Горынычемъ сражаться.

ВЛАДИМІРЪ.

«Мечомъ!

ТУГАРИНЪ.

«Не спорю и о томъ.

СИЛОУМЪ.

«Въ сраженьѣ коль Князья ослабѣвать начнутъ,
«А кровію своей вражды не пресѣкутъ:
«Тогда ужъ войскамъ ихъ другъ на друга полками
«Итти стѣной
«На рукопашный бой.

ВЛАДИМІРЪ.

«Пусть честь свою Князья защитятъ прежде сами.

ТУГАРИНЪ.

«Что нужды въ томъ, хотя чужими голова ми?

СИЛОУМЪ.

«И съ побѣжденныхъ дань, кто побѣдитъ, возьмётъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Не отягчивъ народъ.

ТУГАРИНЪ.

«Нѣтъ, нѣтъ, пусть грабитъ все своими всякъ руками:
«И Князь съ Княжною самъ,
«И все его владѣнье
«Подъ рабственное мнѣ сейчасъ плѣненье
«Повергнется къ моимъ стопамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Коль иго страшное! Но всѣ твои мечты,
«Быть можетъ, что пройдутъ, когда падешь самъ ты.

ТУГАРИНЪ.

«Паду, когда мой взоръ тьма скроетъ ночи вѣчной.

СИЛОУМЪ.

«Но рѣдко у Князей обѣтъ чистосердечный
«Бывалъ въ такихъ дѣлахъ, а видомъ лишь однимъ.

ВЛАДИМІРЪ И ТУГАРИНЪ.

(Вмѣстѣ.)

«Мы клятву въ томъ дадимъ.»

(Владиміръ и Тугаринъ, ставъ каждый на колѣни предъ своими знаменами.)

ВЛАДИМІРЪ.

«Перуну свѣтъ!

ТУГАРИНЪ.

«О Магометъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Услышьте насъ!

ТУГАРИНЪ.

«Въ сей страшный часъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Мы клясться смѣемъ.

ТУГАРИНЪ.

«Я этимъ змѣемъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Я симъ орломъ!

(Оба вдругъ.)

«И вѣрно слово мы даёмъ!

СИЛОУМЪ.

«А если клятвы вамъ не удержать случится?

ВЛАДИМІРЪ.

«Перунъ пусть погасится!

ТУГАРИНЪ.

«Померкнетъ пусть луна!

ОБА.

(Вставая вмѣстѣ.)

«И ввергнетъ въ плѣнъ сія преступника война.»

(При сихъ словахъ на знамѣ Русскомъ изъ пучка перуновъ пышетъ пламя, а на знамѣ Татарскомъ луна блѣднѣетъ.)

ВЛАДИМІРЪ.

Что вижу я!

ТУГАРИНЪ.

Я весь отъ ужаса трясуся!

ВЛАДИМІРЪ.

Я вашей помощи, о Небеса! ищу:
Ужъ не предвѣстье ль то?

ТУГАРИНЪ.

Ничѣмъ не устрашуся,
Пусть адъ и небеса противъ меня: — отмщу!

(Уходитъ, а за нимъ и Владиміръ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оба войска становятся въ прежній порядокъ другъ противъ друга. Герольдъ и Бирючъ съ трубами, имѣя на высокихъ стягахъ, Русской шапку, а Татарской чалму, которыми вертятъ одинъ за другимъ, и, трубя, возглашаютъ:

БИРЮЧЪ.

Услышьте, орды всѣ Татарски!
Чипчакскій Князь на край Славянскій
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

ГЕРОЛЬДЪ.

Услышьте, Россы и Славяна!
Князь Кіевскій на Змѣулана
Трубитъ трубой
Идетъ войной.

(Оба войска подъ своими маршами уходятъ, и раздается отъ нихъ издали глухой гулъ.)

(Отъ Русскихъ.)

Ура! ура!

(Отъ Татарскихъ.)

Алла! алла!

ТОРОПЪ.

(Давъ уйти войскамъ и народу.)

Тьфу пропасть! кое-какъ насилу провалили:
Какую кашу заварили!
Ужъ подлинно сказать, что кутерьма:
Придетъ ряхнуться всѣмъ съ ума.
Отверзты тысячамъ войной, я вижу, гробы;
Но здѣсь ужъ не видать Способы.
О Невидимкѣ съ ней еще потолковать,
И ей ширинку бъ мнѣ, вотъ эту показать:
Въ ней скрыта капля водъ рѣки священна Буга.
Но какъ бы не пришло и съ ней мнѣ очень туго;
Вѣдь два соперника съ моимъ-то соколомъ: —
Великій Князь да Змѣй съ зубастымъ страшнымъ ртомъ.
Слышь, оба молодцы, хотя бъ куда такъ хваты!
Притомъ же объ одной красоткѣ спорятъ вдругъ:
А ты межъ ихъ, какъ бѣсъ, перебѣгай палаты.
Нѣтъ, право, съ ужасу дрожитъ во мнѣ мой духъ.
(Поетъ.)
Я дрожу, боюсь, робѣю,
Какъ въ тиски бы не попасть.
Змѣй и Князь! — Страшна ихъ власть!
Гладокъ въ царски входъ чертоги,
Верхъ завиденъ ихъ крыльца;
Но лишь поскользнутся ноги,
Вмигъ спровадятъ молодца.
Но какъ бы ни было, хоть пасть, хоть спотыкаться,
Къ Способѣ нужно мнѣ съ шириночкой пробраться,
Не вѣритъ безъ того разсказамъ никакимъ,
Хоть, правда, я мигнулъ ужъ ей глазкомъ однимъ.
Да вотъ она и здѣсь!...

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТОРОПЪ и СПОСОБА.

СПОСОБА.

Конюшій мой безцѣнной!
Ты не видалъ ли здѣсь той грамотки бездѣльной,
Которую Княжнѣ Тугаринычъ...

ТОРОПЪ.

Онъ взялъ.

СПОСОБА.

Къ себѣ?

ТОРОПЪ.

Да, да, онъ взялъ.

СПОСОБА.

Заподлинно? — Меня о томъ Княжна просила,
Чтобы узнать.

ТОРОПЪ.

Срази меня Перуна сила!
А что, развѣ?....

СПОСОБА.

Нѣтъ, такъ.

ТОРОПЪ.

А я ширинку ту,
О коей говорилъ, принесъ во увѣренье.

СПОСОБА.

Подай! (*смотря*) Что вижу я? — Бѣсовскую мечту!
Повѣрь-ка на часокъ Княжнѣ на разсмотрѣнье.

ТОРОПЪ.

Нѣтъ, милый свѣтикъ мой,
Съ одной я головой!

СПОСОБА.

Что, развѣ тайна тутъ скрывается какая?

ТОРОПЪ.

Ну, кѣмъ подарена, такъ та, ее узная....

СПОСОБА.

Такъ что жъ? — Не просите ль и сами вы о томъ?

ТОРОПЪ.

Да Рыцарь хочетъ самъ предстать своимъ лицомъ:
То мнѣ отдавъ тебѣ ширинку эту,
Повѣсить вывѣской ужъ Невидимку свѣту.

СПОСОБА.

Знать хочется вамъ насъ обѣихъ оплести:
Поди жъ, коль такъ, гуляй; мнѣ недосугъ, — прости!

ТОРОПЪ.

Ахъ, милая, моя сударушка, Способа!
Минуточку постой, и выслушай одна:
Мы можемъ сдѣлаться съ тобой счастливы оба
Прелѣпа въ Рыцаря, какъ видно, влюблена:
Куда бы хорошо, и мнѣ съ нимъ пріютиться
На тепло гнѣздышко!...

СПОСОБА.

А какъ?

ТОРОПЪ.

Ну какъ! Жениться.

СПОСОБА.

На комъ?

ТОРОПЪ.

На комъ же, лапочка,
Когда не на тебѣ, моя косаточка?

СПОСОБА.

(Смѣется.)

И впрямъ?

ТОРОПЪ.

Божусь тебѣ, что страстная любовь
Давно уже зажгла къ тебѣ всю кровь.

СПОСОБА.

Грозя пальцомъ)

Ну, хорошо! — Смотри!

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

(Оборотясь, догоняетъ.)

Дуэтъ.

Нѣтъ, постой, постой, косатка!
Лель махнулъ ужъ намъ крыломъ;
Не уйдешь ты безъ задатка,
Поцѣлуй, такъ и съ концомъ.

СПОСОБА.

Что за дерзкая ухватка,
Смѣть приступомъ брать въ полонъ!
Тутъ нужна еще догадка:
Ну, побей-ка мнѣ челомъ.

ТОРОПЪ.

Радъ я, свѣтикъ, покланяться,

(Кланяется.)

Милости твоей просить:
Полюбить меня, и взяться
Господину пособить.

СПОСОБА.

Такъ-то лучше приласкаться,
То могу и услужить;
Только должно обѣщаться
Намъ другъ друга вѣкъ любить.

(Оба вмѣстѣ.)

Хорошо — о томъ ни слова:
Лель махнулъ ужъ намъ крыломъ.
Я готовъ — и я готова
Жить съ голубкой — съ голубкомъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ теремъ Княжны Прелѣпы. Она сидитъ на софѣ въ задумчивости, перебираетъ перстами струны арфы, которыя издаютъ меланхолическіе аккорды.

ПРЕЛѢПА.

Какія странныя сегодня приключенья
Во снѣ я видѣла! — Пожралъ Добрыню змѣй!
Безвѣстный богатырь идетъ мнѣ въ услуженье!
Баяна пѣснь пропѣлъ Чипчакскій чародѣй!
Отколь онъ взялъ ее? — никакъ не понимаю.
И Князь!....

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЛѢПА И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Не веселу Прелѣпу я встрѣчаю!
Да и нельзя не такъ. — Столь дерзостный злодѣй
Осмѣлился смутить покой души твоей.

ПРЕЛѢПА.

Благодарю, мой Князь, за нѣжное участье.

ВЛАДИМІРЪ.

Ахъ! здравіе твое, Княжна, спокойство, счастье,
Первѣйши должности на сердцѣ у меня.

ПРЕЛѢПА.

Не стою милостей, ихъ для меня такъ много!

ВЛАДИМІРЪ.

Почтенье и любовь къ тебѣ въ душѣ храня,
Мятуся, зря тебя расположенну строго;
Взгляни на зракъ ты мой, и изъ него прочти,
Какъ властвуешь ты мной.....

ПРЕЛѢПА.

Кто? — Я?

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ! ты.

(Поетъ.)

Владычица души плѣненной!
Царица сердца моего!
Познай любовію возженной
Вздохъ узника днесь твоего!
Познай, что я тобою страстенъ,
Твоей сраженный красотой:
Познай, что я въ себѣ невластенъ,
И ты одна владѣешь мной!

ПРЕЛѢПА.

Къ чему, о Государь, въ толь изреченьяхъ страстныхъ
Ты обращаешься со мной?
Имѣешь тысячу ты въ теремѣ прекрасныхъ,
Которымъ можешь ты открыть сей пламень твой.
Изборска жъ Князя дочь....

ВЛАДИМІРЪ.

Хотя бъ и всей вселенной
Царица ты была: невѣстой обрученной
Монарху Русскому не низко быть тебѣ.

ПРЕЛѢПА.

Невѣстою?

ВЛАДИМІРЪ.

Сей день!

ПРЕЛѢПА.

Увы!

ВЛАДИМІРЪ.

Что за вздыханья,
Позволилъ коль тебѣ
Отецъ твой для избранья
Быть въ теремѣ моемъ? И ты тогда себѣ
Не чла сего обиднымъ.

ПРЕЛѢПА.

Велика честь!
Позволь себя назвать, Владиміръ, непостижнымъ.
Ты страстную любовь являешь, а не лесть;
Но съ Змѣемъ ты меня на доску свелъ одну,
Злодѣйскому его повѣря сплетенью.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ обожатель твой, я признаю вину;
Какъ Царь, имѣю я причину къ извиненью:
Что бы сказалъ тогда народъ, подвластный мнѣ,
Когда бъ, не объяснясь съ врагомъ, далъ знакъ къ войнѣ?
Не справедливо ли бъ меня винили въ страсти,
Что ради я тебя Россію ввергъ въ напасти?
Пусть виненъ предъ тобой, но я исполнилъ долгъ;
Ты жъ нѣжности сама отъ изверга терпѣла.

ПРЕЛѢПА.

Что онъ ту жъ пѣсню пѣлъ, я кою прежде пѣла?...

ВЛАДИМІРЪ.

Она извѣстна мнѣ. — Но что же мой предлогъ?
Уже ль въ возлюбленной какой успѣхъ имѣетъ?
Могу ли льститься я?

ПРЕЛѢПА.

Владиміръ столь владѣть собой умѣетъ
И знаетъ, что..

(Поютъ.)

ПРЕЛѢПА.

»Любить насильно не возможно,
Нельзя намъ сердцу повелѣть
Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ воздыхать мнѣ должно
И тщетной страстію горѣть,
Горѣть, — и умереть.
(Оба вмѣстѣ.)

ПРЕЛѢПА.

Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМІРЪ.

Горѣть и умереть!« —
Терпѣть, жестокая, ты мнѣ велишь,
Безвременно меня терзаешь и мертвишь:
Смягчися, зря мое несносное мученье!
(Цѣлуетъ страстно ея руку.)

ПРЕЛѢПА.

Къ чему такое, Князь, предъ дѣвой униженье?
Терпѣніе всему дать можетъ оборотъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О! всѣхъ собраніе пріятностей, красотъ!
Любовь величества и титлъ не разбираетъ:
Законъ ея Царя съ пастушкою равняетъ. —
Но вижу я, Княжна, обширный разумъ твой
И правильно твое о страсти разсужденье:
Ты хочешь, чтобъ войну иль поединокъ мой
Окончивъ, ожидалъ я твоего рѣшенья. —
Сего ль желаешь ты?

ПРЕЛѢПА.

Моей тутъ воли нѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О! съ сей надеждой пріятно и терпѣть.
(Еще цѣлуетъ ея руку.)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И СПОСОБА.

СПОСОБА.

Доноситъ Силоумъ о рыцарскомъ собраньѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ! я ихъ повелѣлъ собрать,
Чтобъ силы испытать
Во рыцарскихъ играхъ, и сдѣлать бы избранье

Храбрѣйшаго изъ нихъ въ единоборный бой.
Сей избранный, Княжна, украсится тобой.

ПРЕЛѢПА.

Отличная мнѣ честь.
(Взявшись за руки, уходятъ.)

СПОСОБА.
(Одна.)

Пожалуй, раскручинься,
Разрюмься, распузырься,
И дѣвку вѣтрену раздумай, разгадай!
И вида, давича, Горыныча страшилась;
Потомъ опять смягчилась.
И вотъ о пѣснѣ той его поди узнай!
Быть съ Невидимкою боялась на свиданьѣ,
А о ширинкѣ знать желаетъ: кто? зачѣмъ?
Отъ Князя въ обморокъ, и тутъ же на собранье
Съ нимъ рыцарей спѣшитъ, и руку подаетъ! —
И такъ, тутъ разбери поди любовь прямую;
Влѣзь въ сердце и узнай, кто милъ и кто постылъ?
Да нѣтъ, хитрянушка, я тотчасъ растолкую
На одинѣ съ тобой, мнѣ только бъ случай былъ.
(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНIЕ IV.

Театръ перемѣняется, и представляетъ великолѣпный дворецъ Княжескій, украшенный балкономъ и колоннами, противъ котораго амфитеатръ для зрѣлища гимнастическихъ игръ, а вдали по перспективѣ ипподромъ для конскаго ристанія. Въ срединѣ высокій столбъ. Все отдѣляется отъ двора Княжескаго золотою рѣшеткою, въ срединѣ которой золотыя гербовыя ворота. По сторонамъ ихъ двѣ скамьи, на нихъ садятся нѣсколько пришедшихъ богатырей. Владимiръ, Прелѣпа, теремныя дѣвицы на балконѣ, а народъ въ амфитеатрѣ.

СИЛОУМЪ, ДОБРЫНЯ, ТОРОПЪ И БИРЮЧЪ.
(Изъ нихъ Добрыня закрытъ шлемомъ.)

СИЛОУМЪ.
(Богатырямъ.)

Вотъ, братцы молодцы, вамъ витязь безъимянной.
На широкъ дворъ взлетѣлъ, какъ ясный онъ соколъ;
Кормилъ коня пшеномъ, поилъ сытой медвяной,
И, привязавъ его къ столбу, къ кольцу златому,
Во гридню Княжеску не доложась вошолъ:
Порадуйтесь, друзья, вы удальцу такому!
Князь силы вамъ своей велѣлъ съ нимъ попытать.
(Богатыри, пошатавъ головами, приподнялись съ мѣстъ, сняли шапки, поклонились и опять сѣли.)

ДОБРЫНЯ.
(Не открывая шлема.)

Знать, мѣсто надобно здѣсь самому сыскать.
(Съ послѣднимъ словомъ, пришедши къ концу одной скамьи, присѣлъ и подвинулся, отъ чего сидящіе на ней богатыри попадали, а съ другой вскочили упавшихъ поднимать.)

СИЛОУМЪ.

Самъ видно у себя!
(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.
(Съ насмѣшкою въ сторону.)

Съ похмѣлья повалились.
(Уходитъ.)

ГЕРОЛЬДЪ.
(Протрубя.)

По волѣ Княжеской, пространной свѣтъ внемли!
Здѣсь игры рыцарски открылись
Удалымъ молодцамъ Россійскія земли.
Ступайте, подвизайтесь,
Проворство, силу показать.
Славнѣйшаго изъ васъ старайтесь
Вы въ витязя избрать.
(Рѣшетка золотая растворяется на обѣ стороны, и Герольдъ въ отдаленности театра становится у столба богатырскаго, откуда всякой разъ даетъ знать трубой объ окончаніи какого либо рыцарскаго подвига.)

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ.

Не сизы соколы по поднебесью,
Не бѣлы кречеты подъ облаки,
Богатыри слетались Русскіе
Къ великому Князю ко Владиміру,
Ко Владыкѣ Всероссійскому,
Чтобъ потѣшиться молодечествомъ,
Позабавить бы удальствомъ его.
Что одинъ изъ нихъ всѣхъ проворнѣе,
Всѣхъ проворнѣе, всѣхъ могучѣе:
Гдѣ онъ ступитъ, — тутъ земля дрожитъ;
Гдѣ рукой махнетъ, — тутъ и улица.
Что возговоритъ богатырскій кругъ:
Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.
(Въ продолженіе сего хора богатыри, взадъ и впередъ расхаживая, показываютъ, что снимаютъ съ себя тяжелые доспѣхи, а между тѣмъ непримѣтно уходятъ за кулисы: на мѣсто жъ ихъ, вступивъ танцовщики, изъ коихъ одинъ въ закрытомъ шлемѣ, танцуютъ балетъ, въ которомъ представляютъ разныя гимнастическія игры, какъ то: борьбу, кулачный бой, бѣганье и проч. Потомъ вдали видно на ипподромѣ ристаніе на коняхъ верьхами и въ колесницахъ, маши-

нами представляемое: гдѣ летаютъ по воздуху деревья и каменья, слышно ржаніе коней, звукъ мечей, трескъ переломленныхъ копей, и тому подобное. По окончаніи жъ игръ, танцовщики и представляющій закрытаго Рыцаря уходятъ; а на мѣсто ихъ паки являются богатыри, изъ коихъ Герольдъ, выводя на сцену Добрыню, закрытаго шлемомъ, говоритъ богатырямъ.)

ГЕРОЛЬДЪ.

Закрытый витязь сей пойдетъ въ единоборство.
Отличную явилъ онъ силу и проворство:
На воздухѣ стрѣлу другою разсѣкалъ,
Въ пятьсотъ пудъ палицу за облако металъ,
Рвалъ холмы и дубы съ корней одной рукою.

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ.

(Три раза повторяетъ послѣдній стихъ.)

Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Добрыня кланяется.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ, съ Прелѣпою и всѣми дѣвицами теремными сходятъ съ балкона. Дѣвицы въ рукахъ своихъ имѣютъ копья, щиты, мечи, луки, стрѣлы и прочіе легкіе доспѣхи воинскіе, между которыми входятъ и хористы.

ВЛАДИМІРЪ.

Преславны витязи! пусть всякой самъ собою
Здѣсь милую себѣ подругу изберетъ,
И отъ нея свое оружіе возьметъ!
А ты, моя Княжна, Героя безъименна
Грудь богатырскую украсъ отличьемъ симъ.

(Взявъ у Сплоума съ золотаго блюда гривну, или медаль, подаетъ Прелѣпѣ.)

ПРЕЛѢПА.

(Надѣвая оную на Добрыню, ставшаго на колѣни.)

Какъ блещетъ злато здѣсь, и слава такъ желанна
Твоя да возблеститъ, о витязь знаменитъ!

ДОБРЫНЯ.

Счастливъ, когда судьба мнѣ долгъ велитъ свершить,
И съ должной честію предъ Князя возвращуся!

ВЛАДИМІРЪ.

(Ударя Добрыню по плечу мечемъ.

Я вѣрю, что тобой ни въ чемъ не постыжуся:
Будь рыцаремъ моимъ!

(Владиміръ, Прелѣпа и Добрыня уходятъ, богатыри паки удаляются; а на мѣсто ихъ танцовщики и танцовщицы въ продолженіе нижеслѣдующаго хора представляютъ другой балетъ, въ коемъ дѣвицы раздаютъ оружіе Рыцарямъ.)

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

Разрѣзвились, разыгрались
Красны дѣвицы въ кругу,
Какъ на грозну брань сбирались
Русски молодцы врагу.
Будемъ, дѣвушки, рѣзвѣе, —
Говорили межъ собой, —
Чтобъ отважнѣе, храбрѣе
Наши милые шли въ бой;
Чтобы славу заслужили,
Ставъ отечеству сыны,
И счастливѣе бъ мы жили,
Чѣмъ безъ славы, безъ войны;
Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ,
Ленты золоты носили
И жемчуги на главахъ;
Мы бы чванились собою,
Намъ бы кланялся народъ.
Нѣтъ вѣдь славы, кромѣ бою,
И богатства и красотъ.

(По окончаніи балета, уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Театръ перемѣняется, и представляетъ въ ночи небольшую часть сада съ каскадами, освѣщеннаго луною, которой лучъ, отражаясь отъ крышки золотой терема Прелѣпы, падаетъ на водоскаты. Въ тѣни видны мрачные переходы и потаенная лѣстница.

ПРЕЛѢПА И СПОСОБА.

ПРЕЛѢПА.

Доколѣ витязя и прочія дружины
Князь въ бой не отпустилъ, поговоримъ съ тобой.

СПОСОБА.

Не лучше ль намъ итти подъ свислыхъ древъ вершины?
А здѣсь ужъ слишкомъ мы освѣщены луной.

ПРЕЛѢПА.

И здѣсь не видно насъ. — Что мнѣ о пѣснѣ скажешь?

СПОСОБА.

Унесъ съ собою Змѣй.

ПРЕЛѢПА.

О Невидимкѣ что ты знаешь?

СПОСОБА.

Я знаю только то, что витязь безъимянной
На играхъ превзошелъ всѣхъ силой несказанной,
Иныхъ изъ сѣделъ выбилъ вонъ.

ПРЕЛѢПА.

Но кто же онъ?

СПОСОБА.

Старалась я узнать то по твоимъ желаньямъ;
Но отъ конюшаго, со всѣмъ моимъ стараньемъ,
Я не добилась ничего,
Окромѣ лишь того,
Что похваляется ширинкою онъ тою,
Что сказывала я.

ПРЕЛѢПА.

Какъ?

СПОСОБА.

Съ именемъ твоимъ, и вышита тобою.

ПРЕЛѢПА.

Какъ, съ именемъ! Не льзя ль его сюда скорѣй?

СПОСОБА.

А со Владиміромъ въ помолвкѣ-то своей
Вы вѣрно ужъ сошлись? — А мнѣ ты и ни слова?

ПРЕЛѢПА.

Да, говорили мы. — А Рыцаря...

СПОСОБА.

Какова?

ПРЕЛѢПА.

Ну, невидимку-то.

СПОСОБА.

Ужъ ночь...

ПРЕЛѢПА.

Но при лунѣ.

СПОСОБА.

Ахъ, милая Княжна! что говоришь ты мнѣ?
Коли узнаетъ Князь! — И какъ это возможно?

ПРЕЛѢПА.

Изъ любопытства лишь.

СПОСОБА.

Нельзя, неосторожно.

ПРЕЛѢПА.

Теперя ночь.

СПОСОБА.

Поди ты прочь!

ПРЕЛѢПА.

Способа, милый другъ! подай душѣ отраду,
Я только одного его желаю взгляду.

СПОСОБА.

Ахъ! Лада надъ тобой! — Ужъ я тебя не знаю.
То Князь въ умѣ, то Змѣй, то потаенный другъ!

ПРЕЛѢПА.

Нѣтъ больше силъ моихъ: волнуется весь духъ!
Я предъ тобой себя ужъ больше не скрываю:
Горыныча боюсь, и виду не терплю,
Со многими въ Княжомъ нельзя быть сердцѣ вмѣстѣ;
Съ издѣтства самаго Добрыню я люблю,
И рокъ судилъ ему во мнѣ лишь быть невѣстѣ.
Вотъ тайна вся. — Теперь иди скорѣй за нимъ.

СПОСОБА.

Какіе ужасы! какія повелѣнья!
А если кто меня въ пути увидитъ съ нимъ?

ПРЕЛѢПА.

Когда душа чиста, то нѣтъ тутъ преступленья.
Поди!

СПОСОБА.

Ахъ, милая! что дѣлать мнѣ съ тобой?
Желаю и боюсь.

(Подумавъ про себя.)

Съ нимъ Торопъ будетъ мой.

(Уходитъ.)

ПРЕЛѢПА.

Я отдалась любви, послала за Добрыней,
Но безъименной сей быть можетъ и не онъ.
То можетъ быть обманъ, подобно какъ змѣиной:
Не даромъ ужасалъ меня сей ночи сонъ.

(Слышно въ той сторонѣ, гдѣ Тугариновъ шатеръ, по Днѣпру хохочущее эхо отъ птицъ, а на теремѣ стонъ филина.)

(Поетъ.)

Чу! кто-то тамъ въ лугахъ хохочетъ,
На кровлѣ слышу чудный стонъ.
Знать чародѣй прельстить насъ хочетъ,
А здѣсь меня пужаетъ онъ.
Мятусь, дрожу, изнемогаю!
Что будетъ съ бѣдною со мной?
Къ тебѣ, Добрада, прибѣгаю,
Покрой меня твоей рукой!
Покрой — и отжени всѣ страсти,
Мечты, волшебства и напасти!

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Земля разверзается. Выходитъ Добрада въ бѣломъ жреческомъ одѣяніи, на подобіе тѣни, и въ тоже время на другой сторонѣ съ потаенной лѣстницы сходятъ закрытые также бѣлыми покрывалами: Способа, Торопъ и Добрыня, съ опущеннымъ на лицѣ забраломъ.

ДОБРАДА.

Услышана твоя молитва мною:
Не бойся, будь тверда душою.
(Исчезаетъ.)

ПРЕЛѢПА.

Что вижу я? — Ахъ вкругъ меня мечты!
(Увидя Способу.)
Иль это ты?
Ужъ возвратилася, Способа?

СПОСОБА.

Конюшій съ Рыцаремъ пришли со мною оба;
Мы такъ закрылись, чтобъ никто насъ не узналъ.

ТОРОПЪ.

(Ощупывая деревья руками.)
Глаза мои тьмы, ужаса полны.

СПОСОБА.

На кровлѣ филинъ тамъ уныло завывалъ.

ТОРОПЪ.

Въ лугахъ русалки хохотали.

СПОСОБА.

Мы отъ роду такой боязни не видали.

ДОБРЫНЯ.

Но здѣсь ужъ блещетъ свѣтъ луны!

СПОСОБА.

(Прелѣпѣ, представляя Добрыню.)
Вотъ богатырь, Княжна, безвѣстной, безъимянной.

ПРЕЛѢПА.

Плѣненна славой несказанной
Хотѣла бъ я его въ лице узрѣть.

ДОБРЫНЯ.

Большимъ бы счастіемъ почелъ и я ту честь;
Но мнѣ до времени быть нужно сокровеннымъ.

СПОСОБА.

Не межъ народомъ ты, сударь, обыкновеннымъ.

ПРЕЛѢПА.

Мы можемъ скромны быть.

ТОРОПЪ.

(Въ сторону.)
Вѣрнѣе нѣтъ сего отъ женщинъ обѣщанья.

ДОБРЫНЯ.

Прекрасныя Княжны исполнить чтобъ желанья,
Я принужденъ себя открыть.
(Снимаетъ шлемъ.)

ПРЕЛѢПА.

Добрыня! это ты! тебя ли вижу я?
Какъ счастлива теперь судьба моя!
(Съ восторгомъ обнимаются.)
Какимъ то образомъ, любезный мой, случилось?

ДОБРЫНЯ.

Знать небо надъ моимъ страданіемъ смягчилось.
Разставшися съ тобой, оставя Холмоградъ,
Проѣхалъ я моря, лѣса, пустыни, горы,
Побилъ невѣрныхъ тмы, богатырей напоры
Ужасны отразилъ; и, возвратясь назадъ,
Заѣхалъ посмотрѣть Владиміровъ Дворъ славной,
Помѣрять силъ моихъ со Рыцарьми его;
Но къ горести моей услышалъ несказанной,
Что въ теремѣ ты здѣсь.

ПРЕЛѢПА.

Ужъ годъ какъ у него.

ДОБРЫНЯ.

Невѣстой обрученной?

ПРЕЛѢПА.

Сей день назначенъ былъ; но помѣшалъ невѣрной
Тугаринъ, богатырь.

ДОБРЫНЯ.

Увы! и онъ, я слышу, бракъ
Тебѣ съ собою предлагаетъ.

ПРЕЛѢПА.

Да, онъ того желаетъ.

ДОБРЫНЯ.

И съ наглостью притомъ неслыханною?

ПРЕЛѢПА.

Такъ.

ДОБРЫНЯ.

Чудовище! злой Змѣй!

ПРЕЛѢПА.

Но какъ же, дерзновенье
Такое слышавъ, ты его не отвратилъ?

ДОБРЫНЯ.

Представь себѣ, Княжна, мое ты положенье!
Совмѣстникъ мнѣ мой Князь, и могъ тебѣ быть милъ:
То какъ я, безъ заслугъ, безъ пова увѣренья
Въ твоей ко мнѣ любви, себя могъ объявить?

ПРЕЛѢПА.

Возмогъ ли хоть на часъ во мнѣ ты усомниться,
Чтобы могла въ кого другаго я влюбиться?

ДОБРЫНЯ.

Благоволи Перунъ лишь славой осѣнить.
Тогда явлюся я тебя уже достойнымъ.

ПРЕЛѢПА.

Какая польза въ томъ? Ужели Князь спокойнымъ
Зрѣть будетъ окомъ на тебя?
Онъ въ славѣ, въ торжествѣ твоемъ, меня любя,
Не возжелаетъ ли имѣть своей женою?
Ахъ, горе мнѣ тогда! ахъ, горе и тебѣ!

ДОБРЫНЯ.

Я покорюсь судьбѣ.
Но, бывъ съ заслугами и бывъ любимъ тобою,
На бракъ я больше правъ, чѣмъ Князь, могу имѣть;
А паче, если Князь правдивъ, великодушенъ....

ПРЕЛѢПА.

Иди же, мой Герой, со славой умереть!

ДОБРЫНЯ.

Во всемъ тебѣ, моя любезная, послушенъ.

Дуэтъ.

ПРЕЛѢПА.

Ко мнѣ ты страстью тлѣешь?

ДОБРЫНЯ.

Да, я горю тобой.

ПРЕЛѢПА.

Ты жизнь во мнѣ имѣешь?

ДОБРЫНЯ.

Я живъ твоей душой.

ПРЕЛѢПА.

Вся мысль твоя мной плѣнна?

ДОБРЫНЯ.

Въ тебѣ моя вселенна.

(Оба вдругъ.)

И всѣ утѣхи глазъ.
Я, зря тебя, прельщаюсь,
И также восхищаюсь,
Какъ въ самый первый разъ!

ПРЕЛѢПА.

О коль сладка любовь!

ДОБРЫНЯ.

Небесный то восторгъ души!

СПОСОБА.

А ты, мой Торопъ, что задумчивъ такъ въ тиши?

ТОРОПЪ.

Жду, лапочка, какъ ты умильно вздернешь бровь!

ДОБРЫНЯ.

(Поетъ.)

Коль въ томъ твоя забава,
Чтобъ быть всегда со мной·
То счастіе и слава
Мнѣ зрѣть на образъ твой;
Тобою заниматься,
Тобою любоваться.
Мнѣ нѣтъ блаженствъ иныхъ.
Цари пусть веселятся;
Но смѣютъ ли равняться
Со мной въ сіяньѣ ихъ?

ПРЕЛѢПА.

(Поетъ.)

Порфирою одѣта,
Не вознесусь собой;
На всѣ державы свѣта
Не промѣнюсь тобой.
Тобою утѣшаюсь,
Горжусь и величаюсь:
Твое мнѣ сердце тронъ;
Всѣ пышности земныя
Молвы лишь все пустыя
И грубый сердцу звонъ.

СПОСОБА.

А мы вѣдь такъ съ тобой не прогоняемъ скуку.

ТОРОПЪ.

И впрямъ, красавица: такъ дай же мнѣ ты руку.
Куда игла, пускай идетъ туда и нить;
Влюбился господинъ, и я давай любить.
(Даютъ другъ другу руки.)

ДОБРЫНЯ.

Но полночь ужъ теперь; мнѣ въ храмѣ помолиться,
Откланяться съ Дворомъ, и съ братьями проститься.

ПРЕЛѢПА.

Прости, любезный мой, и возвратися здравъ
Въ объятіе любви моей, на лоно чести.

ДОБРЫНЯ.

Прости!

ТОРОПЪ.

(Способѣ.)

Прости и ты, милѣй мнѣ солнца ставъ.

СПОСОБА.

Прости, мой суженой! Пришпорь къ своей невѣстѣ.
(Хотятъ уйти; но, возвратясь, обнимаются, попарно и поютъ въ четыре голоса.)

ДОБРЫНЯ.

Небесно наслажденье

ТОРОПЪ.

Съ любезной вмѣстѣ жить!

ПРЕЛѢПА.

Несносное мученье

СПОСОБА.

Въ разлукѣ съ милымъ быть.

(Вмѣстѣ.)

Я адъ тамъ ощущаю,
Гдѣ безъ тебя бываю,
Томлюся всей душой;
Но гдѣ тебя видаю,
Ласкаю обнимаю,
Прижму къ груди своей:
Тамъ рай души моей!

(Въ сіе время Вѣдьма, съѣхавъ, по лунному лучу, кувыркаясь, перебѣгаетъ чрезъ театръ въ бѣломъ платьѣ съ растрепанными волосами: отъ чего всѣ врозь разбѣгаются, кромѣ Добрыни, который, не торопясь, надѣваетъ шлемъ и уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ обширную овальную, внизу съ большими продолговатыми, а вверху съ круглыми окнами, освѣщенную многими лампадами, повалушу. Вокругъ стѣнъ видѣнъ съ балюстрадомъ помостъ съ постелями, которыя покрыты червлеными покрывалами съ золотою бахрамой; при концѣ каждой на табуретахъ сидятъ дѣвицы, (между коими и Прелѣпа) съ пряслицами, обвитыми кудельками багрянаго шелка, который онѣ прядутъ. Сквозь нижнія окна вдали видны градскія стѣны, а изъ верхнихъ выглядываютъ нянюшки и мамушки. При окончаніи нижеслѣдующаго хора, входитъ Владиміръ съ рындами и придворными.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(Безъ музыки.)

Что по гридпѣ Князь,
Что по свѣтлой Князь,
Наше солнышко Владиміръ Князь похаживаетъ;
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ;
Что у ласточки,
У косаточки,
Алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ.
Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи показываетъ.
Веселымъ лицомъ,
Въ обинякъ словцомъ
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
Не мани насъ, Князь!
Не гадай насъ, Князь,
Красно солнышко! ему боярышни возговорятъ.
Не златой казнѣ,
Но твоей красѣ
Очи и сердца свои давно всѣ продали.
Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хоть разъ,
Дай въ залогъ перстень любой тебѣ, ту выбери.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ рано, милыя, а вы ужъ на работѣ?

ПРЕЛѢПА.

Ты въ безпокойствѣ, Князь: то мы, чтобы не спать,
Прядемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Пріятно все по собственной охотѣ;
Однако жъ красотамъ себя такъ изнурять!..

ПРЕЛѢПА.

Мы Князю нашему готовимъ багряницу.

ВЛАДИМІРЪ

Цѣнить онъ знаетъ трудъ. — Я думаю зарницу
Во всемъ сіяніи увидимъ скоро мы....

ПРЕЛѢПА.

(Смотря въ окошко.)

Уже рѣдѣютъ мрака тьмы.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И СПОСОБА.

(Входитъ съ поспѣшностію.)

СПОСОБА.

Я зрѣла съ терема: прошла лишь ночь тѣней,
Съ противныхъ пыль сторонъ столбомъ вдругъ поднялася,
Земля пустила стонъ отъ топота коней,
Ужасна трескотня по лѣсу раздалася;
Вкругъ холмы крякнули, звукъ съ латъ богатырей:
А вѣтромъ только мгла немного отлетѣла,
И взоръ могъ различить вдали лице съ лицемъ,

Я змѣя страшнаго лежащаго узрѣла,
Нашъ Рыцарь на конѣ летитъ къ нему съ копь-
емъ.

ПРЕЛѢПА И ВСѢ ДѢВИЦЫ.
(Вставъ съ мѣстъ своихъ.)

Способа! правда ль то?

ВЛАДИМІРЪ.

Не такъ ли показалось?

СПОСОБА.

Ахъ, милостивый Князь! все вкругъ восколеба-
лось!
Крутится предо мной еще теперя пыль.
Поздравить смѣю васъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Быть можетъ, что и быль.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.
(Поднося на золотомъ блюдѣ приготовленный вѣнецъ изъ розъ.)

Съ побѣдой поздравляемъ,
И, нѣжныхъ въ знакъ сердецъ,
Поднесть тебѣ дерзаемъ
Сей изъ цвѣтовъ вѣнецъ:
Любуйся, восхищайся!
Побѣдой утѣшайся!

ВЛАДИМІРЪ.

Велика честь сія; но оной я не стою:
Она принадлежитъ достойному Герою.
Вамъ побѣдителю сей должно даръ поднесть.
При всемъ томъ невѣрна еще сія и вѣсть:
Способинымъ словамъ не худо подтвержденье.

СПОСОБА.

Нѣтъ, красно солнышко, ни малаго сомнѣнья;
Сама я видѣла.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ТОРОПЪ.
(Въ безпамятствѣ вбѣгая, поетъ, бѣгая туда и сюда.)

ТОРОПЪ.

Братцы, бѣда!
Судари, бѣда!
Знайте, разбиты мы въ прахъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!
Братцы, бѣда!
Судари, бѣда!
Рыцарь мой бѣдный въ когтяхъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!
Братцы, бѣда!
Судари, бѣда!
Знайте, разбиты мы въ прахъ.
Ахъ! ахъ! ахъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Что? Какъ?

ТОРОПЪ.

Такъ, такъ,
Бѣда всѣмъ намъ,
За мною по пятамъ,
Какъ буря за плечьми, валитъ въ градски во-
рота
Татарска конница, и безъ числа пѣхота.
Мы всѣ разбиты въ прахъ,
У Змѣулана-то и Рыцарь мой въ когтяхъ.

ПРЕЛѢПА.

Возможно ли?

ТОРОПЪ.

Ахъ, такъ!

СПОСОБА.

Ты не рехнулся ли?

(Поютъ въ два голоса.)

ТОРОПЪ.

Нѣтъ, ты рехнулась.

СПОСОБА.
(Съ сердцемъ.)

Рехнулся ты ума.

ТОРОПЪ.

Бѣда стряхнулась.

СПОСОБА.

Тугаринъ палъ я видѣла сама.

ТОРОПЪ.

Упалъ, да вдругъ очнулся.

СПОСОБА.

Да что же въ томъ вреда?

ТОРОПЪ.

Онъ змѣемъ обернулся.

(ОБА.)

Бѣда! ахти, бѣда!

ВЛАДИМІРЪ.
(Торопу.)

Да разскажи яснѣй
О странной вѣсти сей.

ТОРОПЪ.

Слышь: палъ съ коня, какъ снопъ; но змѣемъ очутился
Крылатымъ, въ воздухѣ взвившись подъ облака.
Тутъ вдругъ изъ челюстей, какъ огненна рѣка,
На рыцаря главу внизъ искры покатились,
Покрылся дымомъ шлемъ, вкругъ перья воспламенились:
Мой витязь вѣрно бы подъ дьявольщиной палъ,
Когда бъ не нѣкая отъ шлема крѣпка сила,
Какъ вѣтръ, невидимо огня не относила;
А помощь свыше онъ какъ только лишь узналъ,
Оправился, и лукъ напрягъ съ двумя стрѣлами,
Пустилъ въ Горыныча, и крылья вдругъ подсѣкъ.
Свернулся змѣй клубкомъ передъ его ногами,
И человѣческимъ такъ голосомъ прорекъ:
«Ты гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!
Пришелъ мой смертный часъ: напой водой текучей!»
Мой рыцарь добръ весьми, разжалившись надъ нимъ,
Стальной шлемъ снялъ съ главы, на лугъ ширинку кинулъ,
И почерпнуть пошелъ воды текучей имъ...
Тугаринъ, засвистя, засадну силу двинулъ,
И войскомъ вмигъ, какъ лѣсъ вкругъ рыцаря обнесъ;
Отрѣзалъ съ тылу, взялъ въ оковы, въ плѣнъ помчалъ.
Я блюлъ его коня, онъ чуть меня унесъ;
А наши, исполошась, всѣ порознь поскакали.

ВЛАДИМІРЪ.

Ты сказку выдумалъ.

ТОРОПЪ.

(Указывая на Способу.)

Ахъ, нѣтъ! вотъ-те божусь.

СПОСОБА.

(Сторонясь.)

Что шлешься на меня?—Ты первый, видно, трусъ.

(Одумавшись.)

Но, ахъ! вѣдь пѣтухомъ здѣсь курица кричала.

ТОРОПЪ.

(Плачетъ.)

Сорока жъ развѣ здѣсь въ ночи не щекотала?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Надежда Государь! Орда обсѣла градъ:
Предмѣстья рубятъ и палятъ.

(Въ сіе время слышна по городу тревога и видѣнъ въ окна дымъ, а на стѣнахъ люди.)

Вели, чтобъ воинства на стѣны шли градскія.
Я буду самъ сей часъ. — Вотъ случаи какіе!
Князь кормщикъ корабля,—жди вѣтровъ перемѣнъ:
Но покажу примѣръ я моему народу,
Что управлять могу рулемъ и въ непогоду.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И СИЛОУМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

А! кстати, Силоумъ, ты здѣсь! На вѣроломство
Я самъ теперь иду; храни ты градъ, чертогъ, Княжну.

СИЛОУМЪ.

Потщуся утишить печаль и безпокойство,
И въ градѣ сохраню порядокъ тишину.

(Владиміръ уходитъ, а за нимъ Вѣстникъ, Способа, Торопъ и всѣ дѣвицы.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЛѢПА И СИЛОУМЪ.

ПРЕЛѢПА.

Какой насъ жребій ждетъ по бранной неудачѣ?
Стенать подъ узами, и умереть во плачѣ!

СИЛОУМЪ.

Не сокрушай себя безвременно, Княжна!
Войнѣ Владиміръ дастъ счастливо окончанье;
Онъ тамъ: надежда есть.

ПРЕЛѢПА.

Какъ суетна она!
Надеженъ рыцарь былъ, и лестно ожиданье:
Но что? — И побѣдивъ, онъ самъ сталъ погубленъ

СИЛОУМЪ.

Онъ живъ.

ПРЕЛѢПА.

Пріятнѣй смерть, чѣмъ варварскихъ рукъ плѣнъ.

(Поютъ въ два голоса:)

Премѣненъ сей и скученъ свѣтъ:
Онъ мечтъ лишь горестныхъ собранье,
Темница узъ, жилище бѣдъ,
Мигъ радостей, вѣкъ ожиданья;
Сегодня счастливы быть мнимся,
А завтра въ безднѣ золъ явимся.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СОТНИКЪ.
(Съ чалмой въ рукахъ.)

СОТНИКЪ.

Великій Князь, какъ вѣтръ съ полей сдуваетъ прахъ,
Отъ града отразилъ такъ бусурмански силы;
Змѣй дрогнулъ отъ него, тмы тылъ оборотили;
Мечемъ онъ чудеса въ ихъ показалъ полкахъ.
Прислалъ къ тебѣ чалму, знать, съ тайною какою,
Котору самъ онъ сшибъ со Змѣя булавою.

СИЛОУМЪ.
(Вынувъ изъ чалмы пѣсню съ ширинкою, и размотрѣвъ, показываетъ Княжнѣ.)

Рука это твоя?

ПРЕЛѢПА.
(Съ изумленіемъ.)

Моя!

СИЛОУМЪ.

Теперь я пойду для срѣтенья Княжова,
(Уходитъ и съ нимъ Сотникъ.)

ПРЕЛѢПА.
(Одна въ задумчивости.)

Что, премѣнясь, ушелъ отъ одного онъ слова?
Ужъ нѣтъ ли вновь еще несчастія какова? —
Но ждать еще какихъ мнѣ бѣдъ?
(Съ отчаяніемъ.)
Свершился, знать, ударъ ужъ рока злаго!
Добрыни болѣе на свѣтѣ нѣтъ!
Въ чалмѣ Горыныча ширинку полонили,
И пѣсню въ ней же принесли.
Убитъ онъ; такъ, убитъ! Свирѣпые сразили
Мою грудь молніей, и сердце все сожгли.
(Поетъ.)

Разверзися земля скорѣй,
И адская зіяй утроба!
Добрыня! Царь души моей!
Тебя ль я зрю во мракѣ гроба?
Мнѣ гласъ твой слышится, тѣнь зрится,
Иду съ тобой соединиться!
(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ великолѣпный Княжескій чертогъ, преддверіемъ храму служащій, и отдѣленный отъ храма обширною аркою, которая задернута завѣсою. Придворные, Сребробрады и Силоумъ уготованы на срѣтеніе Владиміра и торжество побѣды.

СИЛОУМЪ.
(Съ чалмой, Сребробрадамъ.)

Побѣду надъ врагомъ и счастія премѣну
Намъ возвѣстилъ Великій Князь:
Но чрезъ чалму сію узнаете измѣну,
Которая, я мню, что удивитъ и васъ,
Коль скажемъ, наши кѣмъ ничтожились совѣты.

СРЕБРОБРАДЫ.

Хвала, хвала богамъ, разрушившимъ навѣты!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ВЛАДИМІРЪ СЪ РЫНДАМИ.

ВЛАДИМІРЪ.
(Во всеоружіи.)

Исполнилъ я мой долгъ
(Отдаетъ щитъ, шлемъ и копье Рындамъ. Всѣ ему кланяются съ благоговѣніемъ.)

СИЛОУМЪ.

Прислалъ на разсмотрѣнье
Ширинку ты съ письмомъ, въ чалмѣ сокрыту сей:
Прелѣпа сдѣлала о нихъ рѣшенье.

ВЛАДИМІРЪ.

Какое? Знать хочу.

СИЛОУМЪ.

Что принадлежатъ ей

ВЛАДИМІРЪ

Съ чего?...

СИЛОУМЪ.

Та шита ей, то писано самою.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ ставишь ты ее виною:
Но въ чемъ преступница она?

СИЛОУМЪ.

Вина ея не такъ темна.
Къ врагу она писала,
И слѣдственно войну на Князя подымала.

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣна, Государь!

ВЛАДИМІРЪ.

Страшитесь, старцы, такъ
Невинность клеветать столь зло, неосторожно;
Княжна измѣнница! Какъ быть тому возможно?

СИЛОУМЪ.

Ее въ томъ обличилъ и даже робкій зракъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ печальнымъ видомъ.)

Не вѣрю. (*Подумавъ.*) Но я Князь. Пристрастье не у мѣста,
И чужды должны быть мнѣ жалость, вздохи, стонъ;
Равно преступница, раба ль то, иль невѣста.
Подъ безпристрастнымъ лишь Царемъ незыблемъ тронъ;
Хотя бы дочь была, сестра или супруга:
У праведныхъ Царей нѣтъ ни родни, ни друга.
Друзья! изслѣдуйте и донесите мнѣ.

(Хочетъ уйти.)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, Торопъ и Добрыня съ открытымъ лицомъ, вошедъ тихо, слушаютъ разговоръ Владиміровъ съ его Совѣтниками; и потомъ въ другія двери вступаетъ Прелѣпа съ Способою.

ПРЕЛѢПА.

(Увидя Добрыню, изъ печальной вдругъ показывается радостною, и про себя.)

Живъ!....

ВЛАДИМІРЪ.

(Примѣтя Добрыню.)

Какъ! отколь ко мнѣ
Вдругъ сродникъ мой драгой, Добрыня могъ явиться?

ДОБРЫНЯ.

Позволь, о Государь, въ томъ послѣ объясниться.
Кто здѣсь измѣнникомъ?

ВЛАДИМІРЪ.

(Печально, не видя Прелѣпы.)

Съ Тугаринымъ Княжны
Изборскія Прелѣпы
Сношенья найдены.

ДОБРЫНЯ.

Ужъ ли то правда? (*Подумавъ.*) Нѣтъ!
Нѣтъ, сплетни то нелѣпы:
Ширинку съ пѣсней, что ль?

СРЕБРОБРАДЫ.

Ея руки, въ его чалмѣ.

ДОБРЫНЯ.

Вы заблуждаетесь, о судіи, во тьмѣ.
Послушай, Государь, сей тайны разрѣшенье:
То вещи всѣ мои; — отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Въ знакъ дружбы нѣжныя, любви во увѣренье,
Невѣстой были мнѣ моей подарены;
То нашихъ клятвъ залоги.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ, гдѣ, и отъ кого?

ДОБРЫНЯ.

(Указывая на Прелѣпу.)

Отъ сей Княжны.

ВЛАДИМІРЪ.

(Оборотясь къ ней.)

Ты здѣсь, Княжна?

ПРЕЛѢПА.

И сей обѣтъ
Внимали сами боги;
Я съ именемъ его обручена кольцомъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Когда? при комъ?

ДОБРЫНЯ.

Средь храма предъ жрецомъ.

ПРЕЛѢПА.

Въ училищѣ Добрады.

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ новый мнѣ ударъ! Вотъ нѣжности награды!
Ахъ! для чего жъ сію любовь,
Княжна, ты предо мной такъ хитро сокрывала?

ПРЕЛѢПА.

Я времени искала.

СИЛОУМЪ.

(Въ сторону.)

Нѣтъ, хитрость; баснями не кормятъ соловья.

(Къ Добрынѣ.)

А какъ въ чалму онѣ къ Тугарину попали?

ДОБРЫНЯ.

Безвѣстный рыцарь — я,
Сражался съ Змѣемъ я,
Съ коня его сбилъ я;
Но послѣ такъ случилось,
Что пѣснь съ ширинкою коварствомъ очутилась
У моего врага.

ВЛАДИМІРЪ.

Вы видите теперь, какъ истина нага!

СРЕБРОБРАДЫ.

Еще сомнительно.

ВЛАДИМІРЪ.

Но въ чемъ же тутъ сомнѣнье?

СРЕБРОБРАДЫ.

Не чрезъ наборы словъ.....

СИЛОУМЪ.

Но чрезъ свидѣтелей быть должно увѣренье.
Кто зналъ училище, залоги ихъ, любовь?

ПРЕЛѢПА.

Добрада знала все....

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Вдругъ.)

А развѣ мы вчерась не знали вашей страсти?

ТОРОПЪ.

(Показывая на Способу.)

Не я ль за ней ходилъ?

СПОСОБА.

(Указывая на Добрыню.)

Не я ль его
Вводила въ садъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Довольно мнѣ сего.

СИЛОУМЪ.

Довольно истинѣ и правосудной власти,
Чтобъ ихъ съ виновными въ одинъ поставить рядъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, такъ!

СИЛОУМЪ.

Бывъ воиномъ, столь славнымъ знаменитымъ,
Зачѣмъ Добрыня былъ сокрытымъ,
И ночью въ Княжескій чертогъ
Способою вводился тайно?
И какъ конюшій могъ
Съ нимъ вмѣстѣ быть? — Все что-то чрезвычайно!
Но, бывъ безъ памяти въ нее влюблёнъ,
Преступницу спасти лишь ищетъ онъ,
И сказку выдумалъ нелѣпу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Судить Прелѣпу!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ гнѣвомъ.)

Не будьте скоры такъ другихъ на обвиненье,
Подумайте еще....

(Отворотясь, подходитъ къ Добрынѣ, и говоритъ съ нимъ тихо.)

ТОРОПЪ.

(Въ сторону.)

(Поетъ.)

Не хотятъ здѣсь правды вѣдать,
И приходитъ намъ бѣда:
Одному Царю что дѣлать,
Гдѣ проказятъ господа?
Какъ дружатъ, такъ пса оправятъ,
Правъ! напишутъ въ три пера.
А налягутъ: вмигъ задавятъ
И слона, какъ комара.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, СОТНИКЪ и ТУГАРИНЪ съ перевязанною головою, поддерживаемый БИРЮЧЕМЪ и ВОИНАМИ.

СОТНИКЪ.

Тугаринъ ко вратамъ во плѣнѣ приведенъ;
Ты воинству во градъ велишь ли возвратиться?

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ! взятъ злодѣй мой въ плѣнъ?

СОТНИКЪ.

(Указывая на Тугарина.)

Онъ тамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Тотчасъ расположиться
Вели по городу полкамъ;
Но разскажи подробнѣй, какъ
Плѣненіе сіе случилось?

СОТНИКЪ.

Надежа Государь! я слышалъ такъ:
Какъ полчище тобой
Срациновъ отразилось,
Тугарынычъ утекъ съ открытой головой
И въ таборъ свой вбѣжавъ, со ужасомъ узрѣлъ,
Что Рыцаръ сей (*указывая на Добрыню*), въ плѣну прервавъ свои оковы,
Схватя свой мечъ, бѣжалъ, летѣлъ
Ему на встрѣчу;
Тмы силъ вокругъ прыжки не преграждали львовы,
И головы въ чалмахъ, какъ птицъ мелькавъ стада,
Открыли путь ему чрезъ преужасну сѣчу
Добраться до врага.
Онъ на него напалъ,
И, не смотря, что Змѣй былъ на конѣ высокомъ,
Со ухомъ жабръ ему отсѣкъ съ единымъ скокомъ,
И выбивъ изъ сѣдла, на землю бросивъ, взялъ
Во плѣнъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Какая вѣсть! Добрыня! чѣмъ заслугу
Твою тебѣ я заплачу?

ДОБРЫНЯ.

Исполнивъ должное, награды не ищу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Дай правосудіе!

СИЛОУМЪ.

И недругу и другу!

ВЛАДИМІРЪ.

О! что за судъ еще? — Тугаринъ на лицо:
Вся тайна намъ теперь открыта стала.

ТУГАРИНЪ.

(Въ сторону, скрыпя зубами.)

О! я имъ отомщу.

ВЛАДИМІРЪ.

(Тугарину.)

Писала ли къ тебѣ Княжна?

ТУГАРИНЪ.

Писала.

ВЛАДИМІРЪ.

О боги!

СРЕБРОБРАДЫ.

Мстители!

ПРЕЛѢПА.

Проклятый лжецъ!

ТУГАРИНЪ.

Докажетъ истину мое у ней кольцо,
Что съ именемъ моимъ я далъ ей въ обрученье....

ДОБРЫНЯ.

Что слышу я!

ПРЕЛѢПА.

(Тугарину.)

Тебѣ?

СИЛОУМЪ.

Вотъ дѣлу и конецъ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ печальнымъ удивленьемъ.)

И такъ кольцо сіе намъ сдѣлаетъ рѣшенье.
Прикажешь ли, Княжна, сюда его принесть?

ПРЕЛѢПА.

Напротивъ не скажу ни слова:
Кольцо то сдѣлаетъ мнѣ честь;
Я имъ изобличить Тугарина готова.

ВЛАДИМІРЪ

Способа! Силоумъ!

(Даетъ имъ знакъ, чтобъ шли.)

ПРЕЛѢПА,

Тамъ въ досканцѣ и есть,
Когда не вѣрите моимъ вы стонамъ.

СИЛОУМЪ.

Какъ эту сѣть расплесть?

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ огорченіемъ.)

Судите по законамъ.

Уходитъ, и всѣ за нимъ, кромѣ нижеслѣдующихъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТОРОПЪ, ДОБРЫНЯ И ПРЕЛѢПА.

ДОБРЫНЯ.

Какое выйдетъ намъ рѣшенье?

ПРЕЛѢПА.

Вотъ добродѣтели плоды!

ТОРОПЪ.

И вотъ къ служивымъ уваженье!

ПРЕЛѢПА.

Любезный мой! твои всѣ отъ меня бѣды:
По зрятъ мою невинность боги.
Ширинку съ пѣснію, любви моей залоги,
Я ввѣрила тебѣ: кольцо же съ именемъ твоимъ
Хранится въ теремѣ въ ларцѣ съ кольцомъ моимъ.

ДОБРЫНЯ.

Я вѣрю, милая!

ПРЕЛѢПА.

Не сомнѣвайся, другъ сердечный,
Въ любви моей къ тебѣ безмѣрной, безконечной.

ДОБРЫНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ; умру, тебя любя!

ПРЕЛѢПА.

Какая днесь насъ ждетъ судьба?

ДОБРЫНЯ.

Какая бъ ни случилась!

ПРЕЛѢПА.

Лишь только бъ я съ тобой не разлучилась.

ТОРОПЪ.

Широки бороды, ума палата
У праведныхъ судей!

ПРЕЛѢПА.

Такъ несомнительна и клеветѣ отплата.

ДОБРЫНЯ.

Отъ божества, а не людей.

(Поетъ.)

Знай, зависть человѣковъ, злоба
На правду любятъ посягать;
Гоня ее до двери гроба,
Народъ, судей, Царей мутятъ.
Но грудь невинная спокойно
Межъ змѣй вокругъ шипящихъ спитъ;
Горѣ возвышенной подобно,
Смѣясь, на яры волны зритъ.

ТОРОПЪ.

Да на кого же такъ надѣяться, бодриться,
Коль не оправитъ насъ судъ?

ДОБРЫНЯ.

На себя.

ТОРОПЪ.

Лишь одного?

ДОБРЫНЯ.

Невинность подъ щитомъ всегда небеснымъ зрится.

ПРЕЛѢПА.

И не боится никого.

ТОРОПЪ.

Подъ щитъ такой и я, пожалуй, радъ укрыться.
(Въ сторону.)
А правду коль сказать, то такъ и сякъ
На сердцѣ кутермится;
Но съ ними не храбриться
Нельзя никакъ.

(Поютъ въ три голоса.)

Невинность наша намъ ограда,
Она намъ мужество даритъ;
Она надежда и отрада,
И твердъ на ней и вѣры щитъ.
Что бъ съ нами въ свѣтѣ семъ ни стало,
Должны, благодаря, терпѣть;
Хоть небо бы на насъ упало,
Мы равнодушно встрѣтимъ смерть.
(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Завѣса въ аркѣ поднимается и представляетъ внутренность храма, наполненнаго кумирами, въ глубинѣ котораго на постепенномъ полукружномъ возвышеніи, въ срединѣ, на облакѣ, богъ Перунъ съ поднятымъ въ обѣихъ рукахъ громомъ, нагнувшись смотритъ внизъ. При подножіи его на первой ступени Царскій тронъ, а внизу въ прямой линіи алтарь съ возженнымъ пламенемъ. Съ самаго верху по обѣимъ сторонамъ, по ступенямъ вдоль храма, полуциркулемъ же стоятъ кумиры прочихъ боговъ. Между ими на гранитныхъ постаментахъ, (изъ коихъ нѣсколько порожнихъ), видны Русскія и иноплеменныя (*) знамена. Изъ нихъ первыя на вышинѣ, а послѣднія на низу. Предъ знаменами, на каждомъ постаментѣ сидятъ орлы, поднявшіе крылья нѣсколько вверхъ и держащіе въ когтяхъ своихъ на цѣпяхъ серебряные щиты съ именами городовъ Русскихъ, и знаменъ народовъ чужеземныхъ, кои они стерегутъ подъ надзоромъ боговъ. На алтарѣ свитокъ бумаги; вокругъ его Жрецы. На сценѣ Сребрbelieve Сребробрады, Герольдъ, Силоумъ и Владиміръ; а въ сторонѣ, какъ и прежде, съ перевязанною головою, поддерживаемый Бирючемъ и воинами, Тугаринъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Печально.)
Свершился ль судъ?

СРЕБРОБРАДЫ.

Свершенъ.

ЖРЕЦЫ.

(Указывая на алтарь.)
Се здѣсь опредѣленье!

ВЛАДИМІРЪ.

Открыли ль новыя какія преступленья?

СИЛОУМЪ.

Открыта ихъ вина, и нѣтъ ужъ въ томъ сомнѣнья.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ!

СИЛОУМЪ.

Самое кольцо, Княжна на кое слалась,
Со именемъ его (*Указывая на Горыныча*) во досканцѣ сыскалось,
Во теремѣ у ней.
(Показываетъ кольцо.)

ТУГАРИНЪ.

Она давно была любовницей моей.

ВЛАДИМІРЪ.

(Смотря на кольцо съ удивленіемъ.)
Льзя ль было ожидать сей хитрости въ Прелѣпѣ?

СИЛОУМЪ.

Змѣя, рожденная въ вертепѣ!

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣнница!

ВЛАДИМІРЪ.

Но судъ сей чѣмъ же заключенъ?

СИЛОУМЪ.

Какъ должно, такъ свершенъ;
Тебѣ лишь подписать.

(*) Имена народовъ полуденныхъ должны быть выставлены на щитахъ тѣ, которыми обладалъ Владиміръ, и которыя нынѣ подъ другими державами находятся.

ВЛАДИМІРЪ.

(Жрецу, указывая на опредѣленіе, лежащее на алтарѣ.)

Подай! (*Читаетъ.*) «Княжну предъ алтаремъ заклать
И съ ней сообщниковъ....» — Неправедно рѣшенье!

(Бросаетъ опредѣленіе.)

Хотите исполнять?

(Въ сіе время вдалекѣ слышится тихій громъ.)

ЖРЕЦЪ.

Се неба изреченье!

СРЕБРОБРАДЫ.

Знать, утвержденъ нашъ судъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ горестію.)

Быть такъ!

(Падаетъ въ обморокъ на руки къ придворнымъ.)

СИЛОУМЪ.

(Герольду.)

Дай знакъ.

(Герольдъ трубитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добрыня, Прелѣпа, Торопъ и Способа вводятся подъ стражею въ преддверіе храма окованныя цѣпями, изъ коихъ Прелѣпа въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами.

СИЛОУМЪ.

Вамъ казнь присуждена.

ТОРОПЪ.

Ахти!

СПОСОБА.

Онъ бусурманъ!
Не обморочилъ ли какой меня дурманъ?
Не принесла ли я кольцо не то, другое.

СИЛОУМЪ.

О! пустое.

ЖРЕЦЪ.

Покайтеся!

СИЛОУМЪ.

Вамъ часъ дается на прощанье,
Не примется отъ васъ пустое оправданье.

(Отступаетъ со Жрецомъ во глубину театра.)

ПРЕЛѢПА И ДОБРЫНЯ.

(Обнимаясь.)

Дуэтъ.

Неизбѣжнымъ страшнымъ рокомъ
Разстаешься ты со мной;
Во степаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой;
Обливаяся слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами,
Сердцемъ говорю: прости!

ДОБРЫНЯ.

Прости, любезная, нѣжнѣйшая супруга!
Моимъ ты сердцемъ такъ давно наречена.

ПРЕЛѢПА.

Прости, драгой супругъ!
Душа моя съ твоей давно сопряжена.

ДОБРЫНЯ.

Увидимъ ли еще съ тобою другъ мы друга?

ПРЕЛѢПА.

Соединится ль нашъ невинный въ небѣ духъ?

ТОРОПЪ.

Въ чужомъ пиру и намъ достанется, Способа.

СПОСОБА.

Пришла бѣда на нихъ, придетъ на весь нашъ родъ.

ТОРОПЪ.

Коль сдѣлалось ужъ такъ для добрыхъ сихъ господъ,
Пойдемъ мы имъ служить хотя въ срединѣ гроба.

(Поютъ попарно въ четыре голоса.)

Руки, грудь, уста и очи
Лобызаю у тебя;
Нѣту силы, нѣту мочи
Отдѣлиться отъ тебя:
Лобызаю, умираю,
Тебѣ душу отдаю;
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Душу взять съ собой твою.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Герольдъ даетъ знакъ трубою, и начинается печальная процессія при звукѣ унылаго марша. Главный Жрецъ и его товарищи, съ возженными факелами берутъ изъ преддверія Прелѣпу и прочихъ осужденныхъ, и ведутъ во внутренность храма; и съ пѣніемъ обводя нѣсколько разъ вкругъ алтаря, ставятъ ихъ на колѣна по обѣимъ сторонамъ алтаря.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Тихими басами безъ музыки.)

Внемли, печальная Прелѣпа!
Какъ смерти гласъ тебя зоветъ;

Скрыпъ слушай адскаго заклепа,
Который въ мракъ тебя запретъ.
Законы правосудья строги
Пролить васъ осудили кровь:
Но будутъ милосерды боги
Невинна ваша коль любовь.

ЖРЕЦЪ.

(Наклоня голову Прелѣпы и занося ножъ.)

Благоволи, Перунъ!

При послѣднемъ словѣ Жреца ударяетъ страшный громъ; молнія освѣщаетъ храмъ, ножъ изъ рукъ Жреца и оковы съ осужденныхъ упадаютъ. Они встаютъ на ноги. Владиміръ освобождается отъ обморока; на облакахъ является Добрада.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЕ И ДОБРАДА.

ДОБРАДА.

Речитативъ.

Постой, о дерзновенный!
Не лей невинну кровь!
Судья лишь заблужденный
Караетъ за любовь.
Но чтобъ невинность вамъ святую
Умѣть съ злодѣйствомъ различить,
На совѣсть должно прежде злую
Свою вамъ взоръ вашъ обратить.

(Съ симъ словомъ показываются на грудяхъ Тугарина, Сребробрадовъ и Силоума огненныя надписи, у перваго: *злодѣй,* а у прочихъ у каждаго: *пристрастенъ.*

ВЛАДИМІРЪ.

О небо справедливо!

ТОРОПЪ.

Ахти! какое диво!

СПОСОБА.

О если бы у всѣхъ людей
Такія окна въ сердце были!

ТОРОПЪ.

(въ сторону.)

Такъ матъ бы для судей!

ДОБРЫНЯ.

А благо для Царей.

ДОБРАДА.

(Сошедши съ облака, которое улетаетъ.)

Въ судѣ вы вашемъ погрѣшили;
Я развяжу вамъ узелъ сей,
И злыхъ разсыплю мракъ страстей:
Тугаринъ варваръ, чародѣй.
По славѣ о красѣ влюбившійся въ Прелѣпу,
Мысль забралъ въ голову нелѣпу,
Чтобъ какъ то ни было, ее себѣ достать;
А встрѣтясь случаемъ среди пустыни,
Похитилъ пѣсню онъ у спящаго Добрыни,
Назвалъ ее письмомъ, и съ онымъ приступать
Онъ сталъ къ Владиміру съ извѣстною грозою,
Прелѣпу требуя себѣ въ жены
Но и ее прельстить чтобъ хитростію злою,
Онъ змѣемъ къ ней леталъ, мечталъ ей страшны сны,
Что будто бы сглотилъ Добрыню онъ живаго,
И жениха въ себѣ представилъ ей другаго.
Потомъ, у воинства чтобъ бодрость всю отнять
И суевѣріемъ бояръ поколебать,
Онъ къ разнымъ прибѣгалъ коварствамъ, чародѣйствамъ.
На кровлѣ филиномъ въ полуночи стоналъ.
Русалкою въ лугахъ, сорокой щекоталъ,
И сжегъ бы, погубилъ такимъ бѣсовскимъ дѣйствомъ
Во змѣѣ огненномъ Добрыню наконецъ,
Коль данная бъ ему мной въ талисманѣ сила,
Во шлемѣ скрытая, огня не отвратила.
Когда же не успѣлъ и тѣмъ хитрецъ,
Употребилъ еще обманъ и вѣроломство:
Засадой скрытою отрѣзалъ ваше войско,
И Вѣдьму подкупя, перемѣнилъ кольцо.
Я съ кровли сбросила вечоръ ее въ досадѣ,
Но открываю здѣсь ему и вамъ въ лицо
Всѣ мерзости его, къ достойнѣйшей наградѣ.

(Съ симъ словомъ прикасается жезломъ къ Тугарину, у котораго изъ-за пазухи выпадаетъ кольцо.)

СИЛОУМЪ.

(Поднявъ оное и разсмотря въ немъ надпись, читаетъ.)

Добрынинъ даръ Прелѣпѣ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ восторгомъ.)

Добрыни даръ?

СИЛОУМЪ.

(Печально.)

Такъ, ахъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ, честные судьи, вы правду чли въ поклепѣ.
Сколь осторожнымъ быть вамъ надлежитъ въ судахъ!

СРЕБРОБРАДЫ.

(Протягивая шею.)

Взноси ударъ!

СПОСОБА.

(Торопу.)

И головы бояръ, вотъ видишь, пошатнулись.

ТОРОПЪ.

(Способѣ.)

Ну, какъ же быть, мой другъ, всей варею споткнулись.

ПРЕЛѢПА.

О чудеса чудесъ!

ДОБРЫНЯ.

Судъ праведенъ Небесъ!

ДОБРАДА.

Родителями мнѣ Прелѣпа и Добрыня
Съ издѣтства ввѣрены: то ихъ покину ль нынѣ?

ДОБРЫНЯ, ПРЕЛѢПА, ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Поютъ.)

О великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Какъ тебѣ мы благодарны!
Но пролей лучъ свѣтлазарный
На влюбленныя сердца,
И ущедрь насъ до конца!

СИЛОУМЪ.

Мы чувствуемъ вину и наше преступленье.

СРЕБРОБРАДЫ.

(Кланяясь.)

И просимъ о прощеньѣ.

(Поютъ.)

О великая Добрада!
Благъ виновница чудесъ!
Ты невинности награда,
Нашихъ зеркало очесъ!
Смилосердися надъ нами,
И избавь насъ отъ стыда;
Не клейми ты насъ лучами
Наши груди никогда.

ТУГАРИНЪ.

(Съ звѣрскимъ видомъ.)

Я чувствую, огонь мое все сердце жжетъ:
Но скоро, скоро онъ потухнетъ и пройдетъ;
Досада, месть его и злоба задушаетъ.

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Поютъ.)

О великая Добрада!
Благъ виновница чудесъ!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Но прорѣжь въ грудяхъ окошки
У вельможъ и у судей,
Чтобъ въ ягнячьихъ кожахъ кошки
Близко не жили Царей.

ДОБРАДА.

Не отъ волшебницъ, а Царей зависитъ
Творить счастливыми людей:
Кто хочетъ благо ихъ возвысить,
Владыка прежде будь тотъ собственныхъ страстей.

ВЛАДИМІРЪ.

Добрада! — но и Царь такой же человѣкъ.

ДОБРАДА.

Великій это Князь Россійскій мнѣ изрекъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! я слабостьми себя не извиняю.
Коль сродника подвергъ, невѣсту, я подъ судъ:
Нарушить истины законовъ не дерзаю,
И боги отъ меня пускай мой тронъ возьмутъ!
Ужъ не въ моей теперь Прелѣпа больше власти:
Поди ты отъ меня, съ опасной красотой!
Но что я говорю?—Лишусь нѣжнѣйшей страсти?
Она въ душѣ моей:—нѣтъ, нѣтъ. Княжна, постой!
Я плѣнникъ! – Но я кто?—Великій Князь Россійскій!
Полсвѣта можетъ ли ужъ мнѣ послушнымъ быть,
Когда владѣютъ мной самимъ желанья низки?
Могущъ лишь только тотъ, себя кто побѣдитъ.
Добрыня и Княжна! хоть вами я страдаю,
Но быть во Князѣ вамъ хочу теперь отцомъ:
Подайте руки мнѣ, я васъ сочетаваю!

(Соединяетъ ихъ руки.)

Царь счастливъ, гдѣ краса и храбрость подъ вѣнцомъ!

ДОБРЫНЯ И ПРЕЛѢПА.

(Упадая на колѣни и цѣлуя его руки.)

Великая душа! — Великій Государь!

ВЛАДИМІРЪ.

(Оборотясь къ Торопу и Способѣ.)

И вѣрныхъ также слугъ да наградитъ мой даръ.

(Къ судьямъ.)

Прощаю я и васъ, судьи несправедливы.

(Всѣ они упадаютъ на колѣни.)

(Къ Тугарину.)

Тугаринычъ! и ты не плѣнникъ больше мой!

ТУГАРИНЪ.

Отъ слабости такой сраженъ мой духъ кичливый:
Скорѣе, адъ, меня отъ милосердья скрой!

(Срываетъ съ головы перевязку и упадаетъ на руки поддерживающихъ его бирюча и воиновъ, которые уносятъ его за кулисы.)

ХОРЪ ВСЕОБЩІЙ.

(На колѣняхъ.)

И побѣдитель всей вселенной
Не столь великъ, какъ тотъ Герой,

Кто силою своей душевной
Побѣду снищетъ надъ собой,
И кто достоинства умѣетъ
Подвластныхъ зрѣть и отличать:
Великодушію довлѣетъ
Себя съ безсмертными равнять.

ВЛАДИМІРЪ.

Возстаньте! — Честь сія Добрынина и слава!
Се воинство ему безсмертну пѣснь поетъ!
(Слышно пѣніе входящихъ въ городъ войскъ.)

ХОРЪ ДРЕВНІЙ РУССКІЙ.

Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный, могучъ богатырь,
Добрыня-то, братцы, Никитьевичъ.
Да ѣдетъ съ нимъ его Торопъ слуга,
И сражается онъ съ Тугаринымъ;
У Тугарина собаки крылья бумажныя:
Леталъ онъ собака по поднебесью,
И палъ онъ собака на сыру землю.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Отрядъ войскъ вноситъ въ храмъ знамена Русскія и бунчуки Татарскіе, изъ коихъ первыя ставятъ въ порожнихъ постаментахъ на полукружномъ возвышеніи, а послѣдніе внизу, вдоль храма, позади сидящихъ на нихъ орловъ, и, помѣстя ихъ, уходятъ.

ТОРОПЪ.

Гдѣ есть Добрыни, та пресчастлива держава;
Межъ ними добрый Царь, какъ маковъ цвѣтъ, цвѣтетъ.

СПОСОБА.

Какъ соты съ молокомъ народъ весь услаждаютъ,
Гдѣ благу общему всѣмъ служатъ животомъ.

ТОРОПЪ.

Чрезъ нихъ поля и города блистаютъ.

ПРЕЛѢПА.

Ихъ должность точно въ томъ....

ДОБРЫНЯ.

Чтобъ жить и умереть съ Царёмъ.

ДОБРАДА.

(Сперва важно, а потомъ съ пророческимъ изступленіемъ.)

Въ примѣрномъ для Царей твоемъ, Князь, дѣлѣ этомъ
Рѣшенъ двухъ жребіи царствъ: Россія возрастетъ:
Верхъ надъ Измаиломъ со временемъ возьметъ.
Великодушіе ея управитъ свѣтомъ.
Я вижу въ будущемъ. Великій нѣкій Богъ
Воздвигъ на Сѣверѣ свой храмъ, алтарь, чертогъ;
Страна сія его лучами озарилась,
Нечестья, суевѣрствъ, волшебствъ исчезла тьма;
Свѣтъ, истина въ Царяхъ и людяхъ водворилась,
Россіянъ славою вселенная полна!
Такъ, вижу я сіе, вѣкъ зрю грядущихъ благъ,
Дрожитъ нашъ сонмъ боговъ: Владиміръ! ты въ лучахъ!
Что сбудется сіе, то бракъ вы торжествуйте,
И славу вашу вамъ симъ днемъ предзнаменуйте.
(Машетъ жезломъ, спускается облако, на которомъ она улетаетъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Владиміръ садится на тронъ; Жрецы становятся по обѣ стороны алтаря; Сребробрады, Силоумъ, Герольдъ и Дворъ по обѣ стороны трона на второй ступени, теремныя дѣвицы съ златыми въ рукахъ циртами, занимаютъ мѣсто на третьей: на четвертой Богатыри съ позлащенными на головахъ шлемами, а на грудяхъ щитами и съ палицами въ рукахъ, на которыя опираются. Прелѣпа, Добрыня, Торопъ и Способа непримѣтно удаляются съ театра, а на мѣсто ихъ, въ лицѣ ихъ и поѣзжанъ, юношей и дѣвъ народныхъ, выходятъ фигуранты въ богатыхъ одеждахъ, и танцуютъ балетъ, въ которомъ представляется Добрынина свадьба по древнимъ Русскимъ обрядамъ; то есть: 1) женихъ и невѣста въ великолѣпномъ послѣдованіи входятъ во храмъ, идутъ на тронъ и цѣлуютъ руку у Великаго Князя; 2) сошедши оттуда, садятся на своихъ мѣстахъ, Конюшій и Наперсница становятся за ними, и тогда же усыпаютъ путь ихъ хмѣлемъ; 3) обмахиваютъ ихъ соболями; 4) чешутъ волосы гребнемъ; 5) подносятъ имъ на золотыхъ блюдахъ и въ золотыхъ кринахъ съ патокой коровай и кашу: что все совершается подъ особливыми хорами, или свадебными пѣснями, которыя слѣдуютъ ниже.

ХОРЪ 1-Й.

(Когда Добрыня и Прелѣпа всходятъ ко Владиміру на тронъ принимать отъ него отеческое благословеніе.)

Катилося зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмицкое,
Прикатилося зерно ко яхонту:
Крупенъ жемчугъ, яхонтъ свѣтится.
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Хорошъ Добрыня со Прелѣпою.

ХОРЪ 2-Й.

(Когда женихъ и невѣста сходятъ съ трона, чтобъ сѣсть на своихъ мѣстахъ, и путь ихъ усыпается хмѣлемъ.)

Вьется, вьется хмѣль золотой
Около тычинки серебряной;
Идетъ, идетъ Князь молодой
Объ руку Княгини возлюбленной.

Сыпьте, сыпьте хмѣль на пути,
Весело бъ имъ жизнь провести.

ХОРЪ 3-ій.

(Когда ихъ обмахиваютъ соболями.)

Не тихіе вѣтры попархиваютъ,
Не солнечный жаръ и зной холодятъ;
Но черные соболи помахиваютъ,
Нѣгу, богатство, довольство сулятъ.
Ой люли, сулятъ
Князьямъ молодымъ:
Ой люли, сулятъ
Жить счастливо имъ.

ХОРЪ 4-ій.

(Когда ихъ чешутъ гребнемъ, расплетая у невѣсты косу и надѣвая на нее кичку.)

Гребень бѣлый чешетъ голову,
Кудри златы, косы черныя;
Такъ-то время строитъ участи,
Разумъ людямъ даетъ почести.

Ой леля! ой ладо! почести,
И дружбу и согласіе
Во всемъ благопоспѣшіе.

ХОРЪ 5-ій.

(Когда ихъ кормятъ короваемъ и кашею, и поятъ сытою.)

Какъ патока златистая,
Бѣлоярово пшено съ сытой,
Жизнь спокойна ваша чистая
Такъ сладко потечетъ струёй:
А мы на пиру здѣсь, на свадебкѣ,
Пожелаемъ всего добраго,
Здоровья вамъ и добрыхъ дней.

ХОРЪ 6-ій.

(Владиміру.)

И воскликнемъ въ громкой радости:
Слава Царю доброму,
Кроткому, великодушному:
Отличаетъ добродѣтели!
Слава ему, слава, слава!

ИРОДЪ и МАРІАМНА.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи

Угодно было сему почтенному Сословію предложить въ Вѣдомостяхъ о сочиненіи Трагедіи. ногія были представлены, изъ коихъ одна и увѣнчана награжденіемъ. — Но я не съ тѣмъ, чтобъ состязаться съ изящными талантами, или получить награду, а единственно, чтобъ исполнить волю Академіи, рѣшившись испытать силъ своихъ въ семъ родѣ стихотворства, которымъ я никогда не занимался, сочинилъ Трагедію, при семъ прилагаемую, подъ названіемъ *Иродъ и Маріамна*, посвящая оную Россійскому Парнассу.

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желая показать опытъ ничтожныхъ моихъ способностей въ драматическомъ искусствѣ, избралъ я, по мнѣнію моему, удобнѣйшій къ тому отрывокъ изъ Древней Исторіи, оставленной намъ Іосифомъ Флавіемъ, писателемъ о войнѣ Іудейской, въ которомъ описываетъ онъ жизнь Царя Ирода и его супруги такимъ образомъ, что могутъ они въ самыхъ твердыхъ душахъ произвесть сожалѣніе и ужасъ. Волтеръ сіе самое событіе обработывалъ въ Трагедіи своей, названной имъ *Маріамною.* Онъ представилъ Ирода, кажется мнѣ, со стороны только ревности къ его супругѣ; а Маріамну, со стороны привязанности къ ея дѣтямъ. Первая, по возвращеніи супруга изъ Рима, боясь суроваго его нрава, соглашается отъ него уѣхать подъ покровительство Августа съ Княземъ Согемомъ, любовникомъ Соломіи, сестры Ирода. Сія жестокая душа, мстя за то, оклеветываетъ ее въ любви къ Согему предъ Иродомъ. Онъ изъ ревности приказываетъ умертвить свою супругу; но послѣ, узнавъ ея невинность, раскаявается и сходитъ съ ума. Самый сей знаменитый писатель при первомъ изданіи помянутой своей Трагедіи въ предисловіи говоритъ, что содержаніе сіе, дабы представить его болѣе трагическимъ, требуетъ обширнѣйшаго поля, чѣмъ описанныя имъ только ревность мужа и сварливость жены по домашнимъ ихъ ссорамъ. Онъ объясняетъ, что съ одной стороны Государь, названный народомъ своимъ Великимъ, влюбленный страстно въ прекраснѣйшую жену въ свѣтѣ, терзаемый къ ней ревностію, борющійся между добродѣтелями и злодѣяніями, мучимый по минувшимъ и настоящимъ жестокостямъ своею совѣстію, преходящій быстро и безпрестанно отъ любви къ ненависти, а отъ ненависти къ любви, подстрекаемый честолюбіемъ сестры и хитростію Министровъ; а съ другой стороны Царица, его супруга, находящаяся въ жестокомъ по

ложенін, что при всей добродѣтели, красотѣ и славѣ, видитъ супруга своего безпрестанно къ ней ревнующаго самыхъ ближайшихъ ея родственниковъ, преданныхъ имъ смерти, и при всемъ томъ долженствующая любить его, образуютъ въ себѣ важнѣйшіе предметы къ трагическому представленію и къ большему писателей подвигу. Я таковое славнаго сего Трагика примѣчаніе взявъ въ соображеніе, покусился, слѣдуя его совѣту, распространить мое поприще сколько силъ моихъ и способностей достало: но не изъ однихъ моихъ вымысловъ, а большею частію изъ самой Исторіи, которую читатели, ежели благоволятъ прочесть, то увидятъ, что не токмо дѣйствующія лица, (кромѣ Кады), но мимоходомъ упоминаемыя также происшествія и даже нѣкоторыя мысли, взяты оттуда. Впрочемъ, жестокія, кровожаждущія выраженія, а также и восточной слогъ употребилъ я нарочно, дабы сколько возможно ближе и изобразительнѣе представить характеръ Еврейскаго народа, изъ коего суть всѣ почти дѣйствующія лица. Погрѣшилъ бы, кажется, и былъ бы подверженъ справедливому осужденію художниковъ благоразумныхъ, ежели бы Палестинцевъ заставилъ я изъясняться чувствами и оборотами Французовъ. Главное правило писателей слѣдовать природѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иродъ, Царь Іудейскій, простаго Идумейскаго происхожденія.
Маріамна, его супруга, изъ царскаго поколѣнія Іудина или Асмонеевъ.
Соломія, сестра его, названная Антипатру матерь.
Антипатръ, сынъ его отъ первой жены Дорисы, намѣстникъ Іерусалима.
Александръ, Аристобулъ, — дѣти его малолѣтніе отъ Маріамны, 12 и 11 лѣтъ.
Архелай, внукъ его, воспитанный въ Римѣ.
Севернъ, сродникъ Маріамны, наперсникъ Иродовъ, Приставъ у нея и у дѣтей.
Варръ, Проконсулъ Римскій.
Када, наперсница Маріамны.
Юда, Виночерпій.
Юноши и дѣвы, составляющія хоры.
Сендаринъ или Сангедринъ, Сенатъ Іудейскій. Придворные. Воины Римскіе и Еврейскіе. — безъ рѣчей.

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ во дворцѣ Ирода.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Притворъ чертоговъ царскихъ, изъ аркъ коего видѣнъ городъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОЛОМІЯ И АНТИПАТРЪ.

СОЛОМІЯ.

Какъ, Антипатръ! ты здѣсь? Вы прибыли изъ Рима?
А гдѣ же Царь, мой братъ?

АНТИПАТРЪ.

Толпа необозрима
Граждан, стѣснивъ его среди градскихъ воротъ,
Препятствуетъ итти.—Онъ, радостный народъ
Зря вкругъ себя, стоитъ, внимаетъ плесковъ грому.
Я о прибытіи его Свѣтлѣйшу дому,
Далъ Маріамнѣ вѣсть, устроилъ въѣзда чинъ,
И се пришелъ къ тебѣ.

СОЛОМІЯ.

Народа плескъ! — О сынъ!
И Маріамнѣ вѣсть! — Такое изрѣченье
Кинжалъ во сердце мнѣ. — Ахъ! прежде бъ порученье
Какъ совершилъ мое, спѣшилъ ты мнѣ сказать.
Увеселяютъ ли такъ дѣти нѣжну мать?
Знавъ Соломію ты презрѣнну Маріамной,
Дерзнулъ ее ласкать мнѣ вѣстью нежеланной.—
Но по внушеніямъ что сдѣлалъ ты моимъ,
И письмамъ, посланнымъ къ тебѣ недавно въ Римъ?

АНТИПАТРЪ.

Что можно было, — все.

СОЛОМІЯ.

Но какъ же могъ явиться
Тиранъ обратно здѣсь? Сему не можно бъ сбыться,
Когда бъ ты въ дѣйствіе совѣтъ мой произвелъ
И хитростью къ мѣтѣ назначенной дошелъ.
Ужели подтверждать должна тебѣ я снова,
Что онъ, хотя мой братъ, но изверга столь злова
Не можетъ болѣе сносить уже народъ?
Что долгъ твой истребить весь Асмонеевъ родъ,
Что быть счастливою не можетъ Палестина,
Поколь отцу его подобна властелина
Дѣлами, именемъ, со мной въ тебѣ не зритъ?
Намъ къ цѣли сей дойти былъ необманчивъ видъ.
Я, управляя здѣсь имъ порученнымъ царствомъ,
Щедротой, милостью и сладкихъ словъ коварствомъ
Умѣла чернь, вельможъ въ свою вовлечь такъ сѣть,
Что мнила всѣхъ сердца въ рукѣ своей имѣть;
А доведя всѣ тѣ злодѣйствія до Рима,
Какими отъ него страна сія томима,
Въ тѣ дни, какъ ужъ его, Антоній, другъ и богъ,
Низпадшій съ высоты, помочь ему не могъ,
Какъ Августъ всѣмъ друзьямъ Антонія мстя злобно,
И Ироду былъ врагъ: — во время толь удобно
Могла ль я жребія себѣ такого ждать,
Чтобъ Маріамнѣ вновь рабынею мнѣ стать?

АНТИПАТРЪ.

Знать рокъ такъ положилъ.

СОЛОМІЯ.

Вотще винить судьбину:
Добра и зла въ себѣ содержимъ мы причину. —
Нѣтъ, если бъ болѣе ты ревности имѣлъ,
Препятства бы самой судьбы преодолѣлъ.
Но ты не чувствуешь къ отечеству любови,
Не тщишься унимать его потоковъ крови,
И дѣда снисканный достоинствомъ вѣнецъ
Не хочешь, чтобъ взложилъ твой на тебя отецъ;
Но младшимъ братіямъ даришь его въ наслѣдство.
Не трогаетъ тебя знать и мое ужъ бѣдство,
Что съ Селіемъ меня онъ разлучилъ драгимъ
И Маріамнинымъ насмѣшкамъ предалъ злымъ?
Но какъ же, Антипатръ, ахъ! какъ сіе случилось,
Что сердце Августа ко Ироду смягчилось
И паки нашъ онъ Царь?

АНТИПАТРЪ.

Зри опытъ въ немъ ума
И духа твердаго — и удивись сама; —
Потомъ скажи ты мнѣ, что дѣлать было можно?
Иной бы размышлять сталъ прежде осторожно,
Какъ къ повелителю вселенной подступить,
Какъ гнѣвъ того къ себѣ на милость преклонить,
Предъ трономъ коего Патриціевъ соборы,
Сѣдый Сенатъ Царей, вкругъ Ликторскіе взоры,
Блестя съ сѣкирами какъ молніи горятъ;
Предъ коимъ узники въ вѣнцахъ у ногъ лежатъ?
Но Иродъ, не смотря на все сіе — свободно
Предсталъ предъ сонмомъ симъ; — и важно, благородно,
Какъ вѣнценосецъ самъ, такъ Цесарю сказалъ:
«Познай, въ Антоніѣ я друга потерялъ. —
«Угодно такъ судьбѣ. — Но вѣрь, не мною стало,
«Что верхъ твое надъ нимъ оружье одержало. —
«Отъ Клеопатры нѣгъ совѣтъ мой былъ отстать
«И вновь отважно весть на бой ея всю рать,
«Чтобъ твой оспорить лавръ противъ и рока злова;
«На помощь грудь ему сія была готова. —
«Я думалъ, нашъ союзъ и истинная честь
«Велѣли мнѣ себя противъ тебя такъ весть;
«Но какъ онъ пренебрегъ сей вѣрный опытъ дружбы,
«То право далъ искать и у тебя мнѣ службы. —
«Угодна ли она? — Прими меня въ покровъ.
«Я раздѣлить съ тобой добро и зло готовъ.
«Всѣ пользы сохраню твои и въ Палестинѣ,
«Какъ для Антонія я ихъ хранилъ понынѣ;
«Сбиралъ богатство тамъ, могущихъ низилъ часть;
«Но тѣмъ поддерживалъ я только Рима власть.»
Такъ рекъ. — И послѣ столь великаго признанья
Тму привезенныхъ въ даръ сокровищей блистанья,
Онъ въ Капитоліи, какъ бездны звѣздъ открылъ:
Октавія умомъ, Римъ златомъ побѣдилъ.

СОЛОМІЯ.

О дерзостный хитрецъ! — Но что жъ по письмамъ тайнымъ?

АНТИПАТРЪ.

Развратный Римъ не счелъ то чудомъ чрезвычайнымъ,
Супругу что въ любви супруга невѣрна. —
Но чтобъ была въ кого царица влюблена,
Не вѣрилъ я и самъ. — Однако же искусно
Въ знатнѣйшихъ я домахъ пересказалъ изустно,
За тайну между женъ, разсѣялъ подъ рукой,
Что мой отецъ не такъ счастливъ второй женой;
Что ты, ее храня отъ общества дурнаго,
Страдалицей сама должна быть нрава злаго.
И въ семь-то я успѣлъ. — До Ирода сей слухъ
Едва достигъ, смутилъ надменный, скрытый духъ.
Однажды, возвратясь съ любовныхъ игръ позора,
Вздыхалъ и на меня бросая стрѣлы взора,
Пытливо онъ спросилъ: не знаю ль я чего,
Происходящаго въ семействѣ у него?
Я, — какъ бываетъ то съ придворными нерѣдко, —
Внималъ его словамъ и молча цѣлилъ мѣтко,
Въ котору сердца часть пустить ему стрѣлу,
Примѣтя жъ взоръ его, какъ огнь блестящъ сквозь мглу,
Отъ ревности къ своей супругѣ несравненной,
Съ улыбкой, хитрою въ полслова рѣчью темной
Раздулъ пожаръ. — Когда жъ твой съ перлами ковчегъ
Чрезъ Амму къ Юліи принесъ, то средь утѣхъ
Она однажды съ нимъ, занявшись Маріамной
Рекла, что красоты сей образъ зрѣла славной
Въ вещахъ Антонія, у Августа въ рукахъ. —
Какъ громъ слова сіи его разшибли въ прахъ;
Какъ разума съ тѣхъ поръ неистово лишенный,
Въ молчаньи Рима онъ спѣшилъ оставить стѣны;

Но на пути открылъ терзанія свои.
Днесь возшипятъ въ сердцахъ супруговъ сихъ зміи.

СОЛОМІЯ.

Удаченъ подвигъ твоій, довольна я тобою —
Здѣсь можемъ довершить. — Пускай себя собою
Ревнующіій духъ рветъ. (Слышны трубы.) Я слышу трубный гласъ.
Будь скроменъ и поди съ дворомъ соединясь.
Я встрѣчу здѣсь Царя. (Антипатръ уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

СОЛОМІЯ. (Одна.)

Такъ много мнѣ послушенъ?
А я боялася, что онъ не равнодушенъ
Къ соперницѣ моей. — Но и на сей конецъ
Мой вымыслъ былъ бы вдругъ ударъ для двухъ сердецъ:
Тому по ревности, сему по неудачѣ. —
Да если бъ весь Сіонъ погрязъ въ крови и плачѣ,
Что въ томъ? — а только бы мнѣ Антипатра ввесть,
Какъ соучастника, свершить желанну месть,
А тамъ, — о! вѣрно такъ! такими лишь путями
Изъ мглы кометы вдругъ блистаютъ со звѣздами.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Иродъ и Антипатръ съ одной стороны входятъ въ великолѣпномъ послѣдованіи Римскихъ знаменоносцевъ и Ликторовъ подъ хоромъ Юношей; а съ другой съ придворными Маріамна, Александръ, Аристобулъ, Соверинъ, Юда, и Када, съ хоромъ Дѣвъ, встрѣчая Царя въ томъ же притворѣ. — Соломія къ нимъ присоединяется. Юноши и дѣвы держатъ въ рукахъ оливныя и пальмовыя вѣтви.

ХОРЪ. (Общій.)

Воскликните, врата Солима!
Плещи руками Іорданъ:
Грядетъ Четверовластникъ Рима,
Владыка Палестинскихъ странъ;
Грядетъ мужъ равный Соломону.
Играй, Эсѳирь, ликуй, Агарь!
Великолѣпье храму, дому
Ведетъ съ собою славы Царь.

ХОРЪ. (Царицы).

Какъ роза юна горъ средь лона
Ждетъ Майскія къ себѣ росы,
Царица нѣжная средь трона
Такъ ждетъ Царя лобзать красы.

ХОРЪ. (Царя.)

Какъ горликъ съ высоты небесной
На горлицу глядитъ въ тѣни:
Супруги образъ такъ прелестной
Желалъ Царь зрѣть разлуки въ дни.

ХОРЪ. (Общій.)

Воскликните, врата Солима!
Плещи руками Іорданъ:
Пришелъ Четверовластникъ Рима,
Владыка Палестинскихъ странъ,
Пришелъ мужъ равный Соломону. —
Играй Эсѳирь, ликуй Агарь!
Великолѣпье храму, дому
Привелъ съ собою славы Царь.

ИРОДЪ

О какъ я восхищенъ и сердцемъ и душой,
Что вижу здравыхъ васъ любезнѣйшихъ со мной.
(Обнимая, цѣлуетъ Маріамну, Соломію и дѣтей.)

МАРІАМНА.

Стократно счастлива, утѣшна я блаженна,
Что предъ собою зрю супруга возвращенна —
Отсутственъ отъ меня и удаленъ ты былъ,
Но изъ души моей на мигъ не исходилъ.

ИРОДЪ.

Пріятно, мило мнѣ, любезная супруга,
Коль прежняго во мнѣ и ты находишь друга.

МАРІАМНА.

Какъ друга прежняго? — когда тобой дышу
То почему твое сомнѣніе ношу?

ИРОДЪ.

О! вѣрю, вѣрю я, ни въ чемъ не сомнѣваюсь,
На сладость лестныхъ словъ, какъ прежде, полагаюсь.

МАРІАМНА.

Но не слова одни, ты видишь вздохи, взглядъ;
Что я въ тебѣ одномъ моихъ ищу отрадъ;
Что я страданья всѣ разлуки забываю,
И сердцемъ и душой любя тебя, встрѣчаю. —
Ты видишь.. .

СОЛОМІЯ (перебивая рѣчь.)

Видишь ты, любезный братъ, какъ дворъ
Весь на тебя стремитъ съ восторгомъ жадный взоръ;
Но наше искренно ль тебя теперь лобзанье,
Узнаешь лично самъ въ твоемъ здѣсь пребываньѣ.

ИРОДЪ (съ пріязнію.)

Я цѣну дружескихъ твоихъ всѣхъ знаю словъ;
Съ тобою въ насъ течетъ одноутробна кровь;
И разлученіе тебя не прохладило;
Но паче опытомъ союзъ нашъ утвердило.

АЛЕКСАНДРЪ (и Аристобулъ обнимая у Ирода колѣна.)

Какъ счастливы твоихъ лобзаньемъ мы колѣнъ!

АРИСТОБУЛЪ.

Какъ радостны, что къ намъ родитель возвращенъ!

МАРІАМНА (съ нѣжностію.)

Блаженство паки намъ!...

ИРОДЪ, (посмотря на нее съ подозрѣніемъ, къ прочимъ:)

Великъ Господь въ Сіонѣ!
Въ первосвященичей и Царской я коронѣ. —
Столицей міра днесь, какъ прежде, отличенъ;
Какъ былъ Антоніемъ, такъ Августомъ почтенъ;
Сенатъ и весь народъ могущественна Рима
Союзника во мнѣ того неколебима
И друга вѣрнаго опять себѣ призналъ,
Который въ браняхъ съ нимъ враговъ его сражалъ;
Кѣмъ Галлъ, и Парѳъ, и Грекъ, Аравы, Сиріяны
И Цельты съ Мидяны, съ Египтяны, попраны.—
И словомъ, – Римлянамъ кто столь стяжалъ побѣдъ,
Колико на себѣ сія грудь ранъ несетъ. —
Въ награду за сіе свою являя дружбу,
Повѣрили они мнѣ ихъ орловъ на службу,
Которыхъ быстрый громъ поможетъ скоро мнѣ
Іону съ Товіемъ увидѣть въ тишинѣ.
Съ Ефратомъ Іорданъ глаголъ мой внявъ со трона,
Съ бреговъ ихъ смоютъ прахъ оставшій Антигона.
Одинъ я странъ сихъ Царь, симъ градомъ овладѣвъ;
И горе! горе тѣмъ, (*взглядывая сурово на Маріамну*) кто мой возбудитъ гнѣвъ!

МАРІАМНА.

Винятъ одни дѣла.

ИРОДЪ.

И мыслью ополчиться
Кто на меня дерзнетъ, тотъ съ смертью обручится. —
Народамъ покажу въ владычествѣ моемъ,
Какъ имъ благоговѣть надлежитъ предъ Царемъ;
Какъ слово, взоръ его разить ихъ можетъ грозно. —
Преступнымъ предо мной раскаяніе поздно,
И словомъ, кто мою потрясть предприметъ власть,
Тѣхъ горестна, бѣдна и смертоносна часть;
Кровавыхъ рѣкъ слѣды за ними псы полижутъ,
И домочадцы устъ своихъ къ нимъ не приближутъ,
Развѣю самый прахъ! —

СОЛОМІЯ.

Гнѣвъ правды Царской строгъ.

МАРІАМНА.

Царь мудрый праведенъ и милосердъ, какъ Богъ.

ИРОДЪ.

Потщусь представить я величье Бога въ славѣ
Судомъ и милостью въ подвластной мнѣ державѣ.
Коснется онъ горамъ, — и горы кроетъ дымъ:
Такъ на враговъ сверкну и я мечемъ своимъ.
Посмотритъ онъ на долъ, — и долъ въ цвѣтахъ пестрится.
Такъ на моихъ друзьяхъ щедрота просвѣтится.
Пребудетъ скиптръ мой жезлъ неумолимъ для злыхъ;
А осѣненіемъ смиренныхъ и благихъ.
Исполню я во всемъ законы Моисея
Въ сынахъ Вахидовыхъ, въ сынахъ и Асмонея·
За око, око я, за зубъ исторгну зубъ.
Внемли мнѣ, Антипатръ! заутра съ гласомъ трубъ
Вели въ украшенномъ изящнѣй Соломона
Мной храмѣ огнь возгнесть, и жертвъ среди амвона,
Да всесожженіемъ святая во святыхъ
Горѣ, какъ дымъ съ кадилъ, взойдетъ вздохъ чувствъ моихъ
Къ отцу моихъ отцевъ, ко Богу Авраама:
Сердечный жаръ ему пріятнѣй ѳиміама. —
Открой народу всѣхъ сокровищей корванъ.
Разсыпь предъ сонмъ вельможъ и злато и ливанъ
Но праздникъ чтобъ сей былъ днемъ свѣтлымъ, днемъ правдивымъ,
Вкругъ стѣнъ градскихъ воздвигнь кресты въ позоръ кичливымъ,
Да распнутся на нихъ. — Главъ буйныхъ не терплю. —
Не пощажу и тѣхъ, которыхъ и люблю.

(Грозно взглянувъ на Маріамну, уходитъ, а за нимъ и прочіе, кромѣ Антипатра и Соверна.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНТИПАТРЪ И СОВЕРНЪ

СОВЕРНЪ.

Царь принялъ холодно привѣтствіе Царицы,
И гнѣвно, отходя, къ ней обращалъ зѣницы

АНТИПАТРЪ.

Услужники двора сквозь сердце могутъ зрѣть.
Улыбка, слово, взглядъ имъ Царской, жизнь, иль смерть. —
Такъ, тонкій царедворъ, пловецъ въ морской пучинѣ.
Близъ берега плыветъ, и волнъ плыветъ въ срединѣ;
Умѣетъ парусомъ попутный вѣтръ ловить,
Путями разными до пристани дойтить.
Что мнѣ ты возвѣстишь о встрѣчѣ сей холодной?

СОВЕРНЪ.

Какъ знать?

АНТИПАТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! скажи.

СОВЕРНЪ.

Въ душѣ сей честной, скромной
Открыто все тебѣ. Увѣрить не могу;
А въ томъ, что знаю я, конечно не солгу.
Единый изъ пѣвцовъ, искуснѣйшій въ музыкѣ,
Пѣвалъ нерѣдко съ ней духовны пѣсни въ ликѣ.

АНТИПАТРЪ.

И въ Римѣ былъ сей слухъ. — Но Царь какъ отъ тебя
Отчету спроситъ въ томъ, Царицу столь любя,
Что скажешь ты тогда? Иль онъ внушенъ тобою?

СОВЕРНЪ.

Нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Не хочу жъ я быть сей спутанъ новизною;
А дѣлайте, что вамъ вашъ тонкій умъ велитъ;
Но вѣдай, ревностью гнѣвъ яростнѣй кипитъ.
О дѣти бѣдныя! несчастна Маріамна!
Какъ душу васъ люблю; но ваша жизнь печальна.
Совернъ! брегись сихъ тучъ!

(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

СОВЕРНЪ (одинъ.)

Что сдѣлалъ я? напасть!
О пагубна къ вѣстямъ и пересказамъ страсть!
Но если свѣдалъ Царь вселенныя въ столицѣ,
Что я предатель былъ и таінъ его Царицѣ:
Куда сокроюсь я? чья защититъ пріязнь?
Неизбѣжима мнѣ позорна, люта казнь! (Подумавъ.)
Но тонкимъ ли я быть вельможей не умѣю?
О хитрость! я къ тебѣ днесь обратиться смѣю.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренніе чертоги Царицы.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРІАМНА И КАДА.

МАРІАМНА.

Хоть радуетъ меня супружескій пріѣздъ:
Но грусть какая-то уныло сердце ѣстъ.
Ужъ не еще ли что сплетаетъ Соломія?
Чего ждать отъ жены, столь гордыя, столь злыя?
Когда власть Царскую должна съ себя сложить:
На мнѣ уронъ вѣнца не думаетъ ли мстить?
Препнувъ съ Царемъ мнѣ рѣчь изъ таійныя досады,
Бросая на меня призрительные взгляды,
Дала мнѣ чувствовать всю ненависть свою:
А мой супругъ ласкалъ презорщицу мою!
Увы! что сдѣлалось?—Не вѣдаешь, ли Када,
Причины ты сему?

КАДА.

По общу слуху града,
До Юліи дошла отселѣ будто вѣсть,
Мрачащая твою предъ нею дружбу, честь.

МАРІАМНА.

Предъ Юліею честь мою? — Не понимаю.

КАДА.

Какой-то образъ твой въ даръ Цезарю...

МАРІАМНА.

Не знаю!

КАДА.

И безъ супруга здѣсь въ забавахъ ты жила.

МАРІАМНА.

О! нестрашна сія ужъ для меня хула.
Отъ Соломіи баснь сія, знать, происходитъ.

КАДА.

Не менѣе она Царя на гнѣвъ наводитъ.

МАРІАМНА.

Не дивно, и легко сіе возможетъ быть:
Крутой, горячій нравъ не трудно возмутить.
Ты знаешь Иродомъ владѣющія страсти:
Привязанъ женъ къ красѣ и блеску царской власти,
Кипитъ и рвется въ немъ къ нимъ ревностію духъ;
Наперсница сама и самый лучшій другъ
Противѣютъ ему, изъ сердца вонъ женутся,
Коль скоро слабостямъ симъ нѣжнымъ прикоснутся.
Опасенъ первый гнѣвъ.

КАДА.

Не разъ онъ гроба дверь
Невиннымъ отверзалъ.— И милъ тебѣ сей звѣрь?

МАРІАМНА.

Не сокрушай меня такимъ напоминаньемъ.

КАДА.

Не льзя и не мерзить гнуснѣйшимъ злодѣяньемъ.

МАРІАМНА.

Молчи! не намъ судить дѣянія Царей.
Ихъ участь связана съ блаженствомъ ихъ людей.
Пускай ихъ судитъ Богъ; а мы, благоговѣя,
Пороки, страсти ихъ оплачемъ сожалѣя.
Ты въ томъ свидѣтель мнѣ, я въ горестяхъ какихъ
Извѣстья лютыя сама печалей злыхъ
Близъ гроба будучи не разъ переносила,
Какъ смерть насильственна моихъ родныхъ косила:
Ирканъ, мой добрый дѣдъ, изъ Пареовъ возвратясь,
Несчастно кончилъ вѣкъ, въ темницѣ глазъ лишась;
Священнаго сего защита бывъ Солима
Мой дядя, Антигонъ, позорно палъ средь Рима;
Мой братъ, Аристобулъ, цвѣтъ истый, образъ мой,
Въ купальнѣ задушенъ подкупленной толпой;
О матери моей, сама ты мнѣ сказала,
Что съ кровію свой духъ отъ яду изліяла. —
Но что мнѣ исчислять бѣды минувшихъ лѣтъ,
Когда и днесь....

КАДА.

Ужель Севернъ новѣйшій вредъ
Какой тебѣ еще предвозвѣщаетъ нынѣ?
Въ смущеніи его я зрѣла наединѣ.
О тайнѣ, въ робости, какой-то онъ твердитъ.

МАРІАМНА.

А можетъ быть о томъ, раскаявшись, грустить,
Что имъ открыто мнѣ двукратное велѣнье
Царево: умертвить меня здѣсь въ заточенье,
Когда бы отъ него Римъ отнялъ царску власть,
Чтобъ мнѣ къ Антонію, иль къ Августу не впасть.

КАДА.

Въ блестящій плѣнъ? — страшась ..

МАРІАМНА.

Се возблагодаренье
За дружбу, за любовь, за скиптра приношенье!
Какой же впредь судьбы должна себѣ я ждать?
(Плачетъ.)

КАДА.

Такъ что жъ ты думаешь теперь начать?

МАРІАМНА.

Страдать.

КАДА.

Иль средствъ ужъ нѣтъ спастись?

МАРІАМНА.

Ихъ тма и предъ очами:
На тронѣ, на одрѣ тиранъ межъ палачами;
Но Промыслъ Вышняго помазанныхъ блюдетъ,
И царство онъ кому восхощетъ, тѣмъ даетъ;
Я волю чту его, законамъ покоряюсь,
И на мою одну невинность полагаюсь.

КАДА.

Скажи ты лучше, что твоя слѣпая страсть
Ревнивцу надъ тобой даетъ такую власть.

МАРІАМНА.

Ахъ! можетъ быть и такъ, любезнѣйшая Када;
Но сердцу нѣжному какая бы отрада
На свѣтѣ быть могла безъ дружбы, безъ любви?
Я ей живу одной, — она въ моей крови.
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ къ великимъ дарованьямъ
Супруга пріучась, къ пріятностямъ, къ познаньямъ,
Къ геройскимъ качествамъ, къ побѣдамъ, торжествамъ,
Къ нему, — и страсть сію не предпочту ль страстямъ
Я всѣмъ? — И ревность та, онъ въ гнѣвъ отъ коей входитъ,
Не отъ любви ль ко мнѣ единой происходитъ?
И самый страшный мечъ, кровь милую что льетъ,
Намъ ненавистенъ ли, — коль цѣлость царствъ блюдетъ?
Благословлю я зло, творимое для правды.

КАДА.

Тиранствамъ Ирода ты дѣлаешь пощады,
И мнится мнѣ, сама участница ты золъ.

МАРІАМНА.

Нѣтъ! гнусенъ кровію облитый мнѣ престолъ. —
Рѣшилась: — мѣдное Царя я сердце трону,
Иль съ радостью пойду ко Авраамлю лону. —
Се слава въ чемъ моя,—и мнѣ помощникъ Богъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Мріамна, Севернъ, Александръ и Аристобулъ, (изъ коихъ дѣти съ пламенемъ входятъ, Када удаляется.)

АЛЕКСАНДРЪ.

Любезнѣйшая мать! оставя нашъ чертогъ
Мы раздѣлить пришли съ тобою огорченье,
Что у родителя ты въ неблаговоленьѣ.

АРИСТОБУЛЪ.

Не можемъ мы унять текущихъ слезъ изъ глазъ.

МАРІАМНА.

Не плачьте, милые, Богъ милостивъ до насъ. —
Невинности страдать онъ въ бѣдствѣ не оставитъ:
Надѣйтесь на него, отъ всѣхъ онъ золъ избавитъ. —
Но кто же вамъ внушилъ, что Царь суровъ ко мнѣ?
Напротивъ, благъ, какъ былъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Молва по всей странѣ....

АРИСТОБУЛЪ.

Весь шепчетъ Дворъ, весь градъ о той вѣщаетъ правдѣ,
Что въ крайней на тебя родитель нашъ досадѣ.

МАРІАМНА.

Не вѣрьте. — Слышу плескъ прибытію Царя.

СОВЕРНЪ (указывая на дѣтей).

Усердіемъ къ тебѣ и къ симъ птенцамъ горя,
Хощу тебѣ внушить я вѣсти небезважны.
(Въ сторону).
Замкну ей симъ уста — моей не вынесть таіны.

МАРІАМНА.

Что хочешь ты сказать?

СОВЕРНЪ (въ полголоса).

Хоть веселится чернь,
Но скоро радость ту затмитъ печали тѣнь. —
Гласъ мудрыхъ Книжниковъ не тако разсуждаетъ,
Какъ Иродъ говоритъ, какъ площадь подтверждаетъ:
Онъ проповѣдуетъ, что милости намъ льетъ;
Но милости ли то? — послѣдній хлѣбъ беретъ. —
Онъ разумомъ своимъ и мужествомъ кичится,
А наша кровь въ войнахъ не престаетъ струиться. —
Онъ возвѣщаетъ, что союзникъ съ нами Римъ;
Но купленъ сей союзъ не золотомъ чужимъ. —
Онъ хвалится, что другъ Мемѳнской былъ Царицы;
Но не талантами ль съ Давидовой гробницы?
Онъ благочестія примѣръ подать мнитъ намъ;
Но Богу онъ Боговъ тогда исправилъ храмъ,
Какъ велелѣпные воздвигъ ужъ обелиски
Антонью, Августу, и жертвенникъ Пиѳійскій,
И Олимпійскихъ игръ возобновляя съѣздъ,
Вкругъ мраморомъ облекъ тмы градовъ чуждыхъ мѣстъ.
Театровъ, пристаней, бань, стогновъ, водоводовъ,
И съ кровью содранныхъ съ отечества доходовъ
Разсыпалъ тмами тмы на роскоши дѣла,
Чтобъ лишь въ язычникахъ неслась о немъ хвала:
Боговъ, чудовищъ ихъ, внесъ даже въ домъ свой нынѣ.
Ахъ! симъ ли славиться Владыкой Палестинѣ?

МАРІАМНА.

Рабъ долженъ ли давать Царю толь мрачный видъ?

СОВЕРНЪ, (возвыся голосъ и бія себя въ грудь).

Кровь Асмонеева, усердье говоритъ.

МАРІАМНА.

Но кто же былъ щитомъ ея у Месаиды?
Чье мужество и чьи все прозорливы виды
Отъ плѣна насъ Парѳянъ блистательно спасли,
И самого тебя на санъ сей вознесли?
Неблагодарнѣйшій!

СОВЕРНЪ (съ жаромъ.)

Отечества подпора,
Сей самый санъ велитъ.

МАРІАМНА.

Отъ моего въ мигъ взора
Исчезъ бы клеветникъ; но чту въ тебѣ мой родъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И КАДА.

КАДА.

Царь возвѣстить велѣлъ къ Царицѣ свой приходъ.

МАРІАМНА (къ дѣтямъ).

Друзья! градскихъ забавъ подите зрѣть къ народу,
Оставьте мнѣ съ отцемъ поговорить свободу.
(Про себя).
О если бы снискать опять его любовь!

СОВЕРНЪ, (отходя съ дѣтьми въ сторону.)

Удержится теперь отъ откровенныхъ словъ.

(Соверпъ, Александръ, Аристобулъ и Када уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИРОДЪ И МАРІАМНА.

ИРОДЪ (встрѣчается съ Соверномъ, указываетъ на комнату).

Останься здѣсь, Совернъ. (*Обратясь къ Маріамнѣ*).
Не скорбь ли ужъ какая?
Что такъ ты смущена, супруга дорогая?

МАРІАМНА.

Нѣтъ.

ИРОДЪ.

Что жъ?

МАРІАМНА.

Тринадцать лѣтъ, дражайшій мой супругъ,
Какъ страстнымъ пламенемъ къ тебѣ возженъ мой духъ;
Тринадцать лѣтъ, какъ я съ тобою сопряженна;
И всякой часъ тобой, какъ въ первой разъ, плѣненна —
Но что мнѣ изъяснять любви сей давность лѣтъ?
Не съ самыхъ ли тѣхъ поръ, какъ я познала свѣтъ,
Какъ изъ пеленъ моихъ во цвѣтѣ дѣвъ явилась,
Въ супруги я тебѣ судьбой опредѣлилась?
Такъ, вѣрь ты, вѣрь сему: едва я стала жить,
Ужъ мнѣ назначено судьбой тебя любить;
Лишь чувства нѣжныя во мнѣ вскрываться стали,
Желанія мои лишь счастія взалкали;
Ужъ нѣкій тайный гласъ въ груди моей вѣщалъ,
Любовникомъ тебя, супругомъ называлъ. —
Не знала я тебя, но я тебя искала;
Не зрѣла я тебя, но зрѣть тебя желала. —
Вообразя красы вселенныя мечтой,
Средь дня подъ тѣнью древъ, средь нощи подъ луной,
Въ чертогахъ, во садахъ, гдѣ воды съ горъ катятся
Съ Авессаломомъ духъ летѣлъ мой повстрѣчаться,
Вирсавію ему, Сусанну чтобъ явить
И взоръ твой на меня незапно обратить. —
Ахъ! такъ, средь пышности и роскоши Азійской,
Египетскихъ искусствъ и нѣги Ассирійской,
Въ толпѣ блистающей поклонниковъ отца,
Гдѣ въ плѣнъ брала Князей, вождей влекла сердца,
И цѣпь безчувствіемъ, я на Царей метала,
Тебя мнѣ одного судьба не представляла;
Не доставало мнѣ лишь въ сердцѣ искры той,
Которая бъ весь духъ воспламенила мой,
Ни чьи достоинства, къ прельщенію удобны,
Съ предметомъ мысленнымъ мнѣ не казались сходны. —
Но ты предсталъ лишь мнѣ, — и се, какъ нѣкій Богъ,
Единымъ взглядомъ мнѣ всѣ чувствія возжегъ;
Супруга моего, котораго искала,
Въ рѣчахъ твоихъ, въ чертахъ, въ поступкахъ я узнала,
И сердце трепетомъ вѣщало мнѣ: се онъ!
Не воспротивился ни санъ, ни родъ, ни тронъ,
Ни власть родителей всесильной сей судьбинѣ,—
Ты руку взялъ мою, — она твоя донынѣ. —
О какъ я счастлива!

ИРОДЪ (смягченно).

И я счастливъ тобой...

МАРІАМНА.

Я мыслю всѣмъ женамъ завиденъ жребій мой.
Мнѣ кажется, глядитъ вся на меня вселенна,
Что вознеслась я такъ, что такъ тобой блаженна! —
Въ улыбкѣ, въ радости, въ восторгѣ внѣ себя,
Не насыщаяся смотрѣньемъ на тебя,
Мечтаю иногда противъ тебя сѣдяща
И взоръ мой на тебя и душу всю стремяща,
Что если бъ не было положено судьбой
Быть сопряженною на вѣчность мнѣ съ тобой,
Чело бы я твое вѣнцомъ не увѣнчала,
Порфирою моей раменъ не украшала,
И ты на низкой бы степени исчезалъ,
Но личнымъ только бы достоинствомъ блисталъ;
А я бы, знавъ тебя, твой умъ и сердце знала,
Но страстью не къ тебѣ, къ другому воспылала:
Какихъ бы благъ тогда лишила я себя,
Вообразя, что я живу не для тебя!
Презрѣнною себѣ самой бы я казалась,
Что именемъ твоимъ гордиться отказалась. —
Но ты теперь мой Царь, мой купно и супругъ,
И все, что мило мнѣ, и все, что свято вдругъ.
О! соберитесь всѣхъ красотъ лучи блестящи,
Какъ солнце на моряхъ зари златогорящи,
Но вы предъ мной ничто; а титло мнѣ, вѣнецъ,
Что ты любовникъ мой, другъ, Царь, супругъ, отецъ.

ИРОДЪ.

О! какъ возносишь ты меня теперь хвалами;
Но обливаешься и горькими слезами. —
Ласкаешь и крушишь, — что сдѣлалось тебѣ?
Скажи!

МАРІАМНА (бросаясь къ нему на шею съ плачемъ).

Ахъ! возврати меня, мой другъ, себѣ.

ИРОДЪ (обнимая).

Я, Маріамна, твой, тебя я лобызаю. (Цѣлуетъ).
Твой! Есть ли ты моя?

МАРІАМНА.

Увы! не довѣряю.

ИРОДЪ.

Откройся, изъяснись.

МАРІАМНА.

За чѣмъ, ахъ! мнѣ твой взоръ
Въ собраньи днесь явилъ холодность и презоръ?
Симъ самымъ я тебя ужъ мню быть отлученна.

ИРОДЪ.

Да не мрачитъ тебя такая мысль смущенна,
Когда не изгнанъ я изъ сердца твоего.

МАРІАМНА.

Тебя изъ существа исторгнуть моего,
Которымъ я живу, которымъ я сгараю,
Кто бъ могъ? — того себѣ вообразить не знаю.

ИРОДЪ.

Такъ прежняго себѣ могу блаженства ждать?

МАРІАМНА.

Ахъ! нужно ли сіе вновь клятвой подтверждать,
Когда я грудь твою слезами печатлѣю.

ИРОДЪ (обнимая нѣжно).

Спокойся, — я уже сомнѣнья не имѣю.

МАРІАМНА.

Небесна Ангеловъ румяна радость какъ
У Сарры и Агарь осіявала зракъ,
Такъ, нѣжный мой супругъ, тобой я восхищенна;
Днесь по разлукѣ злой счастлива и блаженна!

ИРОДЪ.

Въ Итальи, въ Греціи, въ Ибери красныхъ женъ
Я пренебрегъ любовь, всегда нося твой плѣнъ,
И отъ владыкъ земныхъ столь сильнаго народу
Лишь вольность получилъ, то сердце и свободу
Къ тебѣ опять принесъ.

МАРІАМНА.

По прежнему любить?

ИРОДЪ.

Что жъ можетъ сладостнѣй сего союза быть?

МАРІАМНА.

Но въ блескѣ солнечномъ не видны ль черны пятны?

ИРОДЪ (въ смущеніи).

Какой вопросъ?—есть,—нѣтъ,—они невѣроятны.
Ахъ! что ты чрезъ сіе мнѣ мыслила сказать?
Или по нѣжностямъ чѣмъ хочешь упрекать?
Я признаюсь тебѣ, что въ Римѣ слухи злые
Едва не прервали тѣ цѣпи золотыя,
Которы вяжутъ насъ. — Я мнилъ, ты невѣрна,
И лютыхъ мукъ съ тѣхъ поръ душа моя полна.

МАРІАМНА.

Какъ быть то возмогло?—Ужель ты не стыдился
Подозрѣвать меня къ кому, — и омрачился
До крайности такой?—Ахъ! надъ собой коль далъ
Поверхность Царь рабу, — раба онъ ниже сталъ.
Но я до низости сойти сей неспособна;
Супруга я Царю, и я Царю подобна.

ИРОДЪ.

Такъ благородно ты союзъ и честь храня,
Стыдишь твоимъ умомъ и чувствами меня. —
Я виненъ предъ тобой. (Цѣлуетъ ея руку).

МАРІАМНА.

Передо мной? — Ахъ! нѣтъ.
Кто любитъ, тотъ обидъ на сердце не беретъ.
Я даже въ томъ тебя, мой другъ, не упрекаю,
Въ чемъ оправданья нѣтъ, — молчу и забываю.

ИРОДЪ (съ замѣшательствомъ въ сторону).

Такъ тайна знать моя уже извѣстна ей!
(Оправясь, бросается на колѣна, держа ее за руку).
е вѣрь ты никому, а вѣрь любви моей.

МАРІАМНА (поднимая его).

Ахъ! можно ль на твоихъ словахъ не увѣряться,
Супругъ возлюбленный!....

—

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣже и Соломія (съ стремительнымъ бѣшенствомъ.)

СОЛОМІЯ.

Царю такъ унижаться!
Не стыдно ль, Государь, — что властелинъ, изъ стѣнъ
Пріѣхавъ Рима днесь, женѣ повергся въ плѣнъ?
Давно Совернъ тамъ ждетъ и прочи власти царства.
Ты все забылъ!

ИРОДЪ (въ задумчивости).

Вели войти.

СОЛОМІЯ, (съ злобною усмѣшкою взглянувъ на Маріамну).

Иль есть препятства?

ИРОДЪ (къ Маріамнѣ съ нѣжностію).

Оставь меня теперь.

МАРІАМНА, (обнимаясь съ Иродомъ).

Взаимная любовь
Хранитель Ангелъ нашъ, да будетъ твой покровъ.
(Проходя мимо Соломіи, въ сторону.)
Ехидна такъ въ цвѣтахъ бываетъ ухищренна.

ИРОДЪ (Соломіи).

Изыдь, сестра, и ты.

СОЛОМІЯ (уходя, про себя).

Пожри васъ всѣхъ геенна!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ИРОДЪ И СОВЕРНЪ.

ИРОДЪ (съ злобою).

Измѣнникъ царскихъ тайнъ, рабъ гнусный, низкій льстецъ!
Какъ ты осмѣлился отравой быть сердецъ
Супруговъ, нѣжною толь страстью сопряженныхъ,
И сталъ предатель думъ, тебѣ мной порученныхъ?
Вѣщай и трепещи! (Замахиваясь кинжаломъ).

СОВЕРНЪ (открывая грудь съ твердостію).

Пронзай, о Государь!
Но прежде выслушай твою послѣдню тварь.

ИРОДЪ.

Что скажешь, не внушилъ моей глубокой тайны
Ты вѣроломностью во уши Маріамны?

СОВЕРНЪ (упадши на колѣна).

Я думалъ нѣтъ вины.

ИРОДЪ.

Какъ, нѣтъ?

СОВЕРНЪ.

Чтобъ спасть тебя,
Ласкательно во всемъ я ей открылъ себя,
Дабы чрезъ то извлечь взаимну откровенность.
Се здѣсь прочти.—И зри ея къ себѣ ты вѣрность.
(Подаетъ изъ-за пазухи хартію.)

ИРОДЪ (читаетъ).

«Я въ Царску ложницу введу.» *(Съ злобою.)* Когда? кого?

СОВЕРНЪ (прерывчиво съ трепетомъ).

Пѣвца, — въ отсутствіе твое....

ИРОДЪ (посмотря, бросаетъ хартію съ бѣшенствомъ.)

Что злѣй сего?
Царицына рука! о стыдъ! о Маріамна!
Скорпіи можетъ ли болѣзненнѣй быть рана?
Бывалъ ли молніей такъ холмъ свирѣпо сженъ,
Какъ лютой я твоей измѣной пораженъ?
(Отворя дверь.)
Намѣстникъ, Антипатръ! скорѣй войди сюды.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И АНТИПАТРЪ (съ ужасомъ вбѣгаетъ).

АНТИПАТРЪ.

Какія, Государь! грозятъ тебѣ бѣды?

ИРОДЪ.

Ужаснѣй для меня быть можно ль приключенью!
(Указываетъ на хартію.)
Внявъ, сынъ, родительску жестоку оскорбленью
Скорѣе поспѣши мою обиду мстить,
Лютѣйшей смертію преступника казнить.
(Поднимая хартію, Антипатръ и Совернъ уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ИРОДЪ (одинъ).

Се сколько рѣчь ея обманчива и злобна,
Что къ низостямъ она постыднымъ неспособна!
Се изъ прекрасныхъ устъ какъ сладкій капалъ ядъ,
Что не примѣтенъ былъ ея мнѣ и развратъ!
Кого же предпочла она мнѣ вѣроломно?
Что и судить того съ собою мнѣ позорно. —
Но въ чемъ же виненъ онъ, коль завлеченъ женой?
Ахъ! гдѣ и кто бывалъ не пораженъ красой!
Кто въ случаѣ такомъ не преступалъ границы?
Нѣтъ! — мысль злодѣйство ужъ, — о прелестяхъ царицы!
Да совершится казнь, — и я узрю потомъ,
Какой и на кого еще мнѣ бросить громъ.
(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Садъ царскій съ изображеніемъ Сфинксовъ, крокодиловъ, львовъ и прочихъ животныхъ, между которыми нѣсколько кумировъ боговъ языческихъ; изъ первыхъ бьютъ водоскаты и водометы.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОЛОМІЯ И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ.

Сейчасъ отъ Цезаря съ безвѣстнымъ повелѣньемъ
Къ намъ прибылъ Архелай и съ крайнимъ поспѣшеньемъ.

СОЛОМІЯ.

Что бъ значило сіе? не къ нашимъ ли бѣдамъ?

АНТИПАТРЪ.

Намъ нужно мѣры взять приличны временамъ.

СОЛОМІЯ (подумавъ).

Безбѣденъ скрытъ ударъ, стороннею рукою...

АНТИПАТРЪ.

Правдиво: то не кознь, кто дѣйствуетъ собою.

СОЛОМІЯ.

Втай должно пагубу Царицѣ нанести.

АНТИПАТРЪ.

Чтобы самимъ спастись.

СОЛОМІЯ.

Пусть скажетъ лишь прости;
Мечтая быть къ себѣ супруга страстна, нѣжна,
И съ словомъ симъ однимъ ей смерть ужъ неизбѣжна.

АНТИПАТРЪ.

Я слышу пѣніе. (Слышится вдали нижеслѣдующій хоръ.)

СОЛОМІЯ.

Къ прохладѣ знать идутъ
Царица въ садъ, иль Царь, — Иди свершай свой трудъ.
(Удаляются за деревья въ разныя стороны; но Антипатръ, остановясь, смотритъ въ слѣдъ Соломіи.)

АНТИПАТРЪ.

Такъ мною занята, что и глядитъ толь страстно;
Иль матерня любовь? — Нѣтъ! мщенье то ужасно
Къ враждебной ей красѣ, — котору зря горю.
(Смотря на входяшую Маріамну).
На что жъ рѣшусь? — Взять скиптръ, — обѣихъ покорю. (Скрывается).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРІАМНА И КАДА.

ХОРЪ.

Цвѣты благоухайте,
Древа несите плодъ;
Зефиры повѣвайте,
Блестя, шуми скатъ водъ:
Се идетъ голубица,
Прекрасная Царица,
Любовію горя
Въ объятія Царя.
Да въ виноградъ свой внидетъ
Желанный ею Царь,
Лобзанія пріиметъ,
Какъ отъ весеннихъ зарь
Дыханье ароматно. —
Да склабятся пріятно,
Какъ съ сладкаго сота
Червленныя уста.

МАРІАМНА.

Уныло пѣніе душѣ моей природно.
Музыка тихая льетъ сладость въ сердце томно.—
Въ спокойствіи себя подобномъ вижу я,
Какъ токъ, по бурѣ спитъ при гласѣ соловья. —
Я примирилася. — Тоска духъ не тревожитъ. —
Супружняя любовь вездѣ мнѣ радость множитъ.

КАДА.

Желаю зрѣть тебя въ блаженствѣ я такомъ,
Когда возможно то при нравѣ толь крутомъ
Супруга и Царя.

МАРІАМНА.

Сколь пылокъ онъ, столь нѣженъ,
Въ минуту строгъ и благъ, онъ и врагамъ прибѣженъ.

КАДА.

Нравъ сносенъ можетъ быть сей у простыхъ людей,
Но мысль и дѣйства вдругъ суть часто злы Царей;
А паче вкругъ кого совѣтники такіе,
Какъ злѣйшая змѣя, коварна Соломія;
Погрязнувъ, кажется, со Антипатромъ въ страсть,
Пронырствуетъ, себѣ присвоивая власть. —
Не тщетно въ нощь сію мнѣ зрѣлся сонъ ужасный:
«Что будто съ нимъ она цвѣты тебѣ прекрасны
«Разсыпавъ подъ стопы кровавою рукой,
«На Ирода хитонъ надѣла золотой,
«Въ раздранной бывъ сама одеждѣ, гнусной, черной,
«И будто градъ течетъ къ Царю волной смятенной,
А онъ къ нему съ лицемъ смѣющимся идетъ.»

МАРІАМНА.

Какъ суевѣрна ты! — Счастливъ владѣтель тотъ,
Котораго толпа народа окружаетъ.

КАДА.

Напротивъ, страшный сонъ меня сей наклоняетъ
Къ предчувствамъ нѣкакимъ печальнѣйшимъ и злымъ.
И се ужъ къ намъ бѣгутъ.

МАРІАМНА.

Се знакъ: нашъ Царь любимъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ, (выбѣгая изъ толпы народа, остановившагося за воротами сада.)

АЛЕКСАНДРЪ (трепеща.)

О ужасъ! о позоръ!

АРИСТОБУЛЪ (тоже).

О злѣйшее свирѣпство!

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ
(оба вдругъ).
Любезнѣйшая мать!

МАРІАМНА (обнимая ихъ).
Что сдѣлалось! — Иль бѣдство
Какое вамъ грозитъ?

АЛЕКСАНДРЪ.
Пѣвецъ изящный тотъ,
Въ чертогахъ у тебя нерѣдко что поетъ...

АРИСТОБУЛЪ.
На древѣ пригвожденъ, по волѣ Царской власти,
И тмою острыхъ стрѣлъ разсѣченъ въ мелки части;
Жизнь съ сердцемъ у него изъ груди извлекли.—
Слова и на тебя позорныя рекли.

КАДА.
Какъ?

МАРІАМНА.
Кто?

АЛЕКСАНДРЪ.
Злой Антипатръ.

МАРІАМНА.
Онъ?

АРИСТОБУЛЪ.
Такъ звѣроподобно!

МАРІАМНА.
Невинность погубить столь люто, столь безбожно! —
Чудовище! Но какъ случиться то могло?
Спокоенъ Иродъ былъ. — Но гдѣ же не могло
Коварство съ клеветой къ своей достигнуть мѣтѣ?
О добродѣтель! какъ страдаешь ты на свѣтѣ!

АЛЕКСАНДРЪ.
Убійца жертву самъ при казни сожалѣлъ.

АРИСТОБУЛЪ.
И намъ являлъ, что спасть съ тобой и насъ хотѣлъ.

МАРІАМНА.
А вы враждебныя, таинственны такія
Внушенія внимать осмѣлилися злыя
Противъ державнаго родителя, Царя,
И матери своей?

АЛЕКСАНДРЪ.
Какъ съ братомъ говоря ...

МАРІАМНА.
Такъ, Антипатръ вамъ братъ; — но....

АЛЕКСАНДРЪ.
Дружбы зримъ въ немъ пламень.

МАРІАМНА.
Коварный хитрый другъ,—подводный, скрытый камень.
Какой онъ можетъ вамъ благой подать совѣтъ,
А развѣ въ сѣть свою какую васъ ведетъ.
На вашъ престолъ его вся цѣль и ухищренья
О дѣти юныя! страшитесь наущенья
Противъ родителей, кто бъ что ни говорилъ.

КАДА. (Въ сторону).
Не неусерденъ, мню, разсказъ Соверновъ былъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ИРОДЪ и АРХЕЛАЙ, (который при входѣ съ садъ увидя Маріамну, возвращается, дѣти и Када удаляются).

ИРОДЪ, (оглянувшись на Архелая).
Вамъ Архелай! дастъ знать часъ Антипатръ съ Соверномъ...
(Подходя къ Маріамнѣ).
О уваженіи Октавія отмѣнномъ,
Я мню, ты слышала?

МАРІАМНА.
Благодарю за честь.

ИРОДЪ.
И для меня сія весьма пріятна вѣсть. —
Но на лицѣ твоемъ печаль я обрѣтаю,
И вмѣсто радости, зрю грусть, — не понимаю,
Тревожусь, безъ причинъ тебя смущенну зря.—
Неужто смерть пѣвца?....

МАРІАМНА.
Жизнь, смерть, — въ рукѣ Царя.
Поставленъ укрощать народа онъ строптивость.
Но Иродъ! если Царь творитъ несправедливость,
Есть надъ Царями Царь, сей Царь Царей есть Богъ,
Котораго перунъ крушитъ гордынь ихъ рогъ.
О! если онъ бросать его на насъ возстанетъ,
За слезы и за кровь Юдеи не достанетъ,
Ахъ! трепещи, мой другъ! прогнѣвать ты Его.

ИРОДЪ.
Какія бы сего укора твоего
Причины важныя мнѣ были, Маріамна?
Ничтожна рабища кровь казнью проліянна
Не стоитъ словъ твоихъ.

МАРІАМНА.
Иль рабъ не человѣкъ?
О мой любезнѣйшій! еще ль твой славный вѣкъ
Ты тьмить не престаешь такимъ поспѣшнымъ гнѣвомъ?
Еще ли мало былъ за то разимъ ты небомъ?
Не смѣю защищать; но смѣю говорить:
Царь долженъ миловать; законъ, судя, казнить.

ИРОДЪ.

Я думалъ кротостью покрыта наша ссора;
Но ты еще винишь, — за чѣмъ безъ приговора
Казненъ мой дерзкій врагъ.—Такъ знай: цѣленье ранъ
Владыкъ принадлежитъ къ числу глубокихъ таинъ. —
Открытое суда въ семъ случаѣ рѣшенье
Монаршу было бы величью униженье. —
Симъ все тебѣ сказалъ, безмолвствуй, понимай,—
И трепещи меня....

МАРІАМНА.

Когда вина, карай!
Но прежде объяви мое ты преступленье.

ИРОДЪ.

Необличенна ль ты во Царскомъ оскорбленьѣ?
Пѣвецъ былъ не вводимъ во ложницу мою?
Сейчасъ велю терзать измѣнницу свою.
Возьми, прочти свою сама ты здѣсь невѣрность.
И казни жди своей. (Бросаетъ хартію).

МАРІАМНА, (поднявъ, и прочтя равнодушно).

Какая легковѣрность!
Не Соломона ль пѣснь прибрачная сія,
Которою, твоей невѣстою бывъ я,
Своею для тебя рукой переписала,
И предъ тобой не разъ въ любви своей пѣвала,
Какъ нѣжна горлица съ высотъ во знойный день
Сзываетъ горлика къ себѣ древесъ подъ тѣнь,
Я пѣла пѣснь сію съ тобою и въ разлукѣ
Въ моей тебя всегда воображая скукѣ,
И повторялъ ее подъ арфой часто мнѣ
Пѣвецъ тотъ въ ликѣ дѣвъ.—Сіе ли днесь къ винѣ
Моей передъ тобой причислить ты желаешь,
И безпорочну жизнь въ порочную вмѣняешь?

ИРОДЪ (съ удивленіемъ).

Ты права, можетъ быть.—Однако жъ общій слухъ
Мнѣ вѣроятностью колеблетъ сильно духъ.
Почто бы и сію знать безъ меня забаву
И въ сердце мнѣ вливать толь страшную отраву?
О Маріамна! мнѣ колико ты мила,
Измѣнницею бы несноснѣе была. —
Красы и прелести, безцѣнны сердца узы,
Перемѣнились бы въ страшилища Медузы.

МАРІАМНА.

Льстецы малѣйшихъ чувствъ въ насъ склонности блюдутъ.
Какихъ они цѣпей твердѣйшихъ не прервутъ?

ИРОДЪ.

На что жъ и подавать пронырствамъ ихъ причины
И двигать тайныя души моей пружины?
Ты знаешь, я ревнивъ.

МАРІАМНА.

О нѣжный мой супругъ!
Приди, облобызай, сладчайшій сердца другъ!
Открытое твое признаніе такое
Мнѣ счастіемъ творитъ несчастье даже злое.
Что дѣлать, коль сія тобой владѣетъ страсть.
Но ахъ! любящихся и въ ней завидна часть.
Не бурѣ коль она, а вѣтерку подобно,
Животворя огонь, не задушаетъ злобно
Въ сгарающихъ сердцахъ.

ИРОДЪ (нѣжно).

Такъ любишь ты меня?

МАРІАМНА.

Дай руку и коснись ей въ сердцѣ семъ огня;
Измѣрь вздыханія, исчисль его біенье,
И нѣжныхъ чувствъ моихъ вообразя волненье,
Познай, что нѣтъ сильнѣй моей къ тебѣ любви.

ИРОДЪ.

Ты весь мятешь мой умъ, жизнь гасишь во крови.
Не знаю, что начать? — борюся я съ собою. —
Виновна ты, ахъ! нѣтъ! я виненъ предъ тобою.
Простишь ли ты меня, коль буду я просить,
Или презрѣніемъ захочешь отомстить?
Рѣши мою судьбу. (Бросается на шею и обнимаетъ ее со слезами).

МАРІАМНА.

Желаніе прощенья
Отъ горькихъ слезъ меня возноситъ въ восхищенья.
Природа вкругъ меня беретъ Едемскій видъ,
Пресвѣтлый Ангелъ мнѣ въ супругѣ предстоитъ.—
Безсмертными его плѣненна красотами,
Дышу блаженствомъ я, ношуся небесами!
Не будь лишь ты таковъ, какъ передъ симъ мнѣ рекъ,
Что недостоинъ быть судимымъ человѣкъ,
Подозрѣваемый Царя во оскорбленьѣ. —
Нѣтъ, другъ мой! гордое такое изрѣченье,
Презрѣнье Вышнему, что ты его судомъ
Не уважая, мнишь собою быть Царемъ.
Повѣрь, что сила всѣхъ владыкъ, вельможъ коварства,
Надежда на себя не сберегаютъ царства,
Когда всевышняя рука ихъ не хранитъ.

ИРОДЪ.

Святая истина твоя меня разитъ. —
Отнынѣ ни кого не огорчу я гнѣвомъ.

МАРІАМНА (увидя идущаго Антипатра).

Да утвердишься въ томъ ты милосердымъ небомъ. —
Да будетъ за меня порукою оно;
И непорочность лишь свидѣтельство одно.
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Иродъ (одинъ, не видя Антипатра, изъ стороны вышедшаго).

Что можетъ говорить святѣе добродѣтель?
Ея невинности я самъ теперь свидѣтель. —
Но сердце Царское подобно той мѣтѣ,
Блестящей въ очи всѣмъ на горней высотѣ.
Котору тучи стрѣлъ отвсюду поражаютъ.
Такъ доблесть и моей супруги помрачаютъ.
(Оглядывается).
Какъ, Антипатръ! ты здѣсь?

АНТИПАТРЪ.

Лишь ляжетъ солнце въ понтъ,
Предстанетъ Архелай.

ИРОДЪ.

Мое на горизонтъ
Взошло ужъ изъ-за тучъ. — О сынъ! остерегайся,
И на молву людей отнюдь не полагайся.
Мнѣ Маріамнина невинность такъ видна,
Какъ на небѣ въ нощи блистающа луна.

АНТИПАТРЪ.

Царь рекъ....

ИРОДЪ.

То истина, и вѣрь.

АНТИПАТРЪ.

Благоговѣю.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

тѣ же, юда, (держащій въ одной рукѣ кубокъ, а въ другой мѣшокъ со златомъ, вышедъ вдругъ изъ лѣсу, упадаетъ на колѣна).

ЮДА.

Живъ Юды Богъ! живъ Царь! ихъ рабъ представить смѣю:
Здѣсь злато, а здѣсь ядъ.—Царицыны они,
Чтобы пресѣчь твои ей ненавистны дни.

ИРОДЪ.

На жизнь мою тебѣ прислала Маріамна?
Вострепещи, злодѣй!—ложь, казнь то несказанна!

ЮДА

Всевышній сердце зритъ!

ИРОДЪ (съ ужасомъ отступаетъ).

Уже ли такъ сія
Сирена сладостный свой гласъ въ мой слухъ лія,
Въ ласкательствахъ своихъ была преухищренна,
Что не проникъ я ихъ?—О хитрость безпримѣрна!
Скорѣе, Антипатръ, сіе мнѣ испытай. —
Или теперь тутъ адъ, гдѣ зрѣлъ сейчасъ я рай?
Какъ бѣденъ, жалокъ Царь въ злодѣйскомъ здѣшнемъ мірѣ!
Вьютъ гнѣзда у него скорпіи и въ порфирѣ, —
Въ близи они, въ дали вездѣ расположены,
Ползутъ, льютъ ядъ. — Ахъ! что лукавой злѣй жены? —
(къ Антипатру).
Иди, пускай весь градъ умретъ во истязаньѣ.
(Антипатръ съ Юдою хотятъ уйти).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

тѣ же и соломія (съ поспѣшностію изъ-за деревьевъ выбѣгаетъ).

СОЛОМІЯ.

Твое ль, любезный братъ! толь страшно восклицанье
Я слышала древесъ сидя въ тѣни густой?
Что сдѣлалось тебѣ? — Ахъ! — что? вѣщай!

ИРОДЪ (Юдѣ).

Постой!
Скажи ты ей, отколь, кому и что въ прохладу
Въ семъ кубкѣ приносилъ? —

ЮДА.

Отъ Маріамны яду,
Когда возжаждетъ Царь, велѣла мнѣ подать.

СОЛОМІЯ.

О демонъ злой въ лучахъ! прости, что такъ назвать
Супругу я твою, любезный братъ, посмѣла, —
Союзъ вашъ святъ; но тѣмъ сказать лишь я хотѣла,
Что ты дороже мнѣ.

ИРОДЪ.

Погибъ весь разумъ мой!
Кто бы повѣрить могъ, что василискъ въ ней злой?
На чью привязанность и вѣрность полагаться,
Коль должно женъ своихъ мужьямъ остерегаться?
О я несчастнѣйшій! тяжка судьба моя! (облокачивается на статую).

СОЛОМІЯ.

Хвала Всевышнему! спаслася жизнь твоя.
Хоть я оправдывать не смѣю Маріамну;
Но злобу такову отнесть къ ней несказанну
По истинѣ сумнюсь.—Почтенна и славна
По мужѣ лишь жена. — Прахъ безъ тебя она.

ИРОДЪ.

Супруга своего измѣнница, убійца!

СОЛОМІЯ.

Не можетъ быть она свирѣпая столь львица,
Поколебаться ей лишь развѣ можно тѣмъ,
Въ благоволеніи коль Цесарь бы своемъ
Ей на защиту знакъ явилъ своей десницы.
(Въ полголоса).
Видъ нѣкій есть тому....

ИРОДЪ (въ смятеніи).

Какъ?

СОЛОМІЯ.

Всадники, возницы
Готовы тамъ, и чернь вкругъ собралась туда.
Мнѣ страненъ сталъ сей скопъ; а здравіе всегда
Какъ брата и Царя всего мнѣ есть милѣе,
То я сквозь вѣтви древъ, въ виду тебя имѣя,
Все примѣчала здѣсь.

ИРОДЪ (въ смятеніи Антипатру).

Не ковъ ли ужъ какой,
Ты слышишь, Антипатръ! противъ меня то злой?

СОЛОМІЯ.

На возмутителей народнаго спокойства
Давно бы, Государь, не кроткія ты свойства,
Но правосудіе и строгость обратилъ.

ИРОДЪ (ободрясь).

Сотру главы ехиднъ, лишь только бъ ихъ открылъ.

АНТИПАТРЪ.

Коль есть гдѣ заговоръ, то вождь я въ немъ верховный. —
О! нѣтъ, родитель мой! твой стражъ есть сынъ твой кровный;
Предъ симъ хотя понесъ я твой упрекъ и гнѣвъ.
Но не воздремлетъ сей тебя хранящій левъ. —
Изслѣдую я все и пріиму всѣ мѣры;
Коль есть гдѣ скопища, найду и средь пещеры,
А чтобъ они никакъ укрыться не могли,
Вручи мнѣ только власть и маніемъ вели.

ИРОДЪ.

Се длань моя тебѣ; иди, твори, что должно;
Но дѣломъ не считай, что по себѣ ничтожно;
А впрочемъ не смотри на возрастъ, санъ и полъ,
Имѣя лишь въ виду меня и мой престолъ.
Преслѣдуй всѣхъ, ищи и въ Сендаринъ подъ стражу
Въ оковахъ привлеки; — я тамъ рѣшу, уважу.
Какъ Самодержецъ, всѣхъ самъ лица и вины.
(Антипатръ и Юда уходятъ).

ЯЛЕНІЕ VIII.

ИРОДЪ И СОЛОМІЯ.

СОЛОМІЯ.

Уже ль сей точно бунтъ есть ковъ твоей жены?
О Государь и братъ! берегись въ минуту злую,
Будь Идумеяниңъ! (Плачетъ).

ИРОДЪ.

О небо! (въ смущеніи уходитъ).

СОЛОМІЯ, (съ злобною радостію поглядѣвъ въ слѣдъ его, къ зрителямъ).

Торжествую!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Письмохранилище Царское (кабинетъ); столъ, на которомъ множество папировъ въ свиткахъ и просто разметанныхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ИРОДЪ одинъ, (ходя въ задумчивости).

Не утверженъ ли я теперь сестрою въ томъ,
Что мнѣ готовится женою скрытый громъ?
Какъ я ни думаю, какъ я ни разсуждаю.
А Маріамну все виновной обрѣтаю. —
Положимъ, что пѣвецъ и не былъ сей прельщенъ,
Но вмѣсто быть его не могъ ли самъ Совернъ?
И съ тѣмъ внушилъ мою онъ тайну сей верховну,
Чтобъ симъ предстательствомъ войти къ ней въ связь любовну;
Но чтобъ сокрыть ему преступну страсть сію,
Вину онъ на пѣвца низвергъ и месть мою.
А чтобъ не вышло въ свѣтъ, то къ общу избавленью,
Чрезъ виночерпія прибѣгли къ отравленью.
Да и Царицѣ толь отличнѣйшая честь
Въ письмѣ отъ Цесаря, за чѣмъ? Тутъ скрыта лесть;
Конечно и лица ея изображенье
За тѣмъ въ Римъ послано въ богатомъ украшеньѣ. —
И, словомъ, вмѣстѣ все какъ то соображу,
Отъ Соломіи что я слышалъ, нахожу.

Въ смущеніи себя различномъ, непонятномъ,
Въ честолюбивомъ столь и съ подлостью развратномъ
Народѣ, Римъ каковъ, чего не можетъ быть?
Когда онъ ни во что супружній ставя стыдъ,
Для сластолюбія владыкъ роскошной власти
Въ Сенатѣ женъ своихъ опредѣлялъ для страсти.
То не пріѣхалъ ли и Архелай за тѣмъ,
Чтобъ Маріамнѣ быть ко Августу вождемъ?
Ахъ! въ лабиринтѣ я коварствъ и козней темномъ!
Подобенъ страннику въ распутіи подземномъ,
Который предъ собой звѣрей зритъ всюды зѣвъ;
Подземный ржущій огнь, со облакъ грома ревъ,
Бурь страшныхъ со сторонъ внимаетъ завыванье;
Распростирающихъ смертельно замерзанье;
И онъ какъ каменный, въ тьмѣ стоя, смерти ждетъ;
Се образъ чувствъ моихъ и вкругъ грозящихъ бѣдъ!
Причина жъ кто сему? измѣнница коварна!
Сирена лютая! жена неблагодарна!....
Но я рѣшусь, пождемъ, что скажетъ Архелай,
Что Юда подтвердитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ИРОДЪ И АРХЕЛАЙ.

АРХЕЛАЙ.

Монархъ! повелѣвай.
Я въ часъ къ тебѣ пришолъ, тобой опредѣленный.

ИРОДЪ.

Благодарю народъ, Сенатъ, Главу вселенны
За уваженіе присылкою тебя. —
О Архелай! въ тебѣ я сродника любя,
Доволенъ искренно твоимъ межъ насъ посредствомъ
Симъ Августъ мнѣ явилъ отличну честь привѣтствомъ.
И далъ народамъ знать, что онъ мнѣ вѣрный другъ. —
Но удивляюся, любезнѣйшій мой внукъ,
Теперь лишь я тому, что ты имъ былъ отправленъ
Въ тотъ самый день, когда и мною Тибръ оставленъ. —
Съ тобою прислано письмо сіе гласитъ.
(Показываетъ письмо).

АРХЕЛАЙ.

Тебѣ я посланъ въ слѣдъ.

ИРОДЪ.

Но какъ же не открытъ
Самимъ мнѣ Августомъ тотъ вихрь, для утишенья
Ты посланъ коего?

АРХЕЛАЙ.

Отъ Юльи извѣщенья
О томъ онъ получилъ въ тотъ самый только часъ,
Какъ ты оставилъ Римъ; то чтобъ народный гласъ
Не предварилъ тебя, не ввергъ бы въ безпокойство,
Знавъ къ Маріамнѣ страсть твою и пылко свойство,
Велѣлъ мнѣ за тобой сколь можно поспѣшать,
И васъ съ Супругою всемѣрно примирять.
Поколь онъ не соберетъ отсель всѣхъ въ Римъ писаній,
На домъ подавшихъ твой вину оклеветаній;
Собравши же, тотчасъ съ нарочнымъ ихъ пришлетъ,
Дабы тебѣ открыть въ злоумышленьяхъ свѣтъ.

ИРОДЪ.

О дружба рѣдкая! почти невѣроятна,
И много бъ мнѣ она была въ сей день пріятна,
Коль не открылся бы еще важнѣйшій вредъ
И умыслъ на меня; — внимай! (указывая на вошедшаго Антипатра).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ.

Донощикъ твердъ:
По страшнымъ мной ему чинимымъ истязаньямъ,
Послѣдуетъ своимъ онъ прежнимъ показаньямъ.

АРХЕЛАЙ.

Что сдѣлалось?

ИРОДЪ.

Языкъ не можетъ мой изречь. (Антипатру).
Повѣдай, Антипатръ.

АНТИПАТРЪ.

Жизнь царскую пресѣчь
Прислужника, жена коварна подкупила
Терзающа его то совѣсть всѣмъ открыла.

АРХЕЛАЙ.

Не можетъ быть того.

ИРОДЪ.

Дивись, о юный другъ!
Какой и чрезъ кого ударъ разитъ мой духъ.

АНТИПАТРЪ.

Великая душа ничѣмъ неколебима,
И истина вездѣ въ своемъ сіи блескѣ зрима.

АРХЕЛАЙ.

Но люди съ слабостьми.

АНТИПАТРЪ.

Себя кто не премогъ,
Не можетъ быть судья.—Судья тѣлесный Богъ. —
Въ его десницѣ мечъ

ИРОДЪ (уныло).

Ты грудь разишь печальну.
Не строгость звать теперь мнѣ въ помощь...

АНТИПАТРЪ (въ полголоса съ коварною улыбкою).

Маріамну.

ИРОДЪ. (Съ гнѣвомъ).

Коль такъ, — иди, — зови.

АРХЕЛАЙ.

И какъ же обвинять
Возможно вамъ ее, когда предъ судъ не звать.
(Антипатръ уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИРОДЪ И АРХЕЛАЙ.

ИРОДЪ.

Между любовію и живота спасеньемъ
Обуреваюсь я ужаснѣйшимъ волненьемъ.
За Маріамну мнѣ здѣсь сердце говоритъ;
Мнѣ жизнь мою беречь отечество велитъ;
Но помощи ни въ комъ, ты зришь, не обрѣтаю.—
Какъ быліе въ рѣкѣ ношуся съ края къ раю.

АРХЕЛАЙ.

Пристрастенъ, Государь! кто въ дѣлѣ самъ чему,
Необходимъ совѣтъ и мудрому уму.

ИРОДЪ.

Гдѣ жъ тотъ совѣтъ?

АРХЕЛАЙ.

Я младъ еще сего къ рѣшенью. —
Но по великаго Сената разсужденью,
Царя есть первый долгъ, чтобы умѣть избрать
Совѣтниковъ себѣ и должности имъ дать.

ИРОДЪ.

Что на словахъ легко, не все на дѣлѣ можно:
Іюлій былъ мой врагъ; но Брута хвалятъ ложно.

АРХЕЛАЙ.

Довѣренность владыкъ родству не подлежитъ,
Ни сходству нравовъ, лѣтъ, ни кто умомъ блеститъ;
Но въ благочестіи воспитанному духу
И многимъ опытамъ по всенародну слуху. —
Октавій ищущимъ не раздаетъ честей.
Но пользамъ зритъ дѣла, а по дѣламъ людей. —
Агриппа у него за чѣмъ въ чести толикой?
Агриппу Иродомъ, чтитъ Ирода Агриппой.

ИРОДЪ.

Но гдѣ же таковыхъ Царямъ Агрипповъ взять?

АРХЕЛАЙ.

Со славой царствъ безъ нихъ не можно управлять.
Кто сколько бъ ни имѣлъ познаній, дарованій,
Противу тысящей стремящихся желаній
Безуменъ мыслящій одинъ всѣмъ угодить. —
Межъ неба и земли посредникъ долженъ быть.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, МАРІАМНА, СОВЕРНЪ, АНТИПАТРЪ И СОЛОМІЯ.

МАРІАМНА (важно).

Я слышу, новому внимаешь ты навѣту,
О Иродъ! что хочу тебя лишить я свѣту.
Страшна сія мнѣ кознь; но то еще страшнѣй,
Что съ разумомъ твоимъ ты могъ повѣрить ей.
За истину сего столь низкаго коварства
Я отреклась бы въ даръ принять всѣ міра царства.
Но не намѣрена я оправдать себя
И ни о чемъ теперь я не прошу тебя.
Въ обидѣ таковой пощадъ, твоей пріязни,
Я ужаснулась бы лютѣйшей паче казни. —
Но если бъ льстилася какихъ себѣ отрадъ,
То чтобъ на жизнь мою одинъ ты бросилъ взглядъ,
И съ ней сравнивъ свою, не клеветою злобной,
А по дѣламъ самимъ нашелъ меня виновной. —
Мой родъ и твой временъ еще не скрыла мгла:
Во прахѣ ползалъ ты. — Царевна я была.
Когда Солимъ сей былъ Сосіемъ осажденнымъ,
Извѣстенъ ты мнѣ сталъ по подвигамъ военнымъ;
Но взяли какъ его, спасть плѣнныхъ ты притекъ,
И мечъ свой отвратя, Римлянамъ злобнымъ рекъ:
Что капли крови ты пролить единоземной
За обладаніе, не хочешь всей вселенной:
То сердце ты мое толико тѣмъ возжогъ,
Что путь себѣ отверзъ въ него и въ мой чертогъ.—
Достоинствамъ твоимъ я сдѣлала отлику;
Рукой сей сопричла тебя Монарховъ лику. —
Забыль въ тебѣ народъ мой Идумейску кровь,
Но какъ природному — явилъ свою любовь,
Извѣстенъ чрезъ него ты сдѣлался вселенной
И дружбой Цесаря украсился почтенной.
Но какъ узрѣлъ себя на высотѣ честей,
Ты Богомъ избранныхъ презрѣлъ моихъ людей,
Совѣты позабылъ супружеской пріязни,
Безъ винъ и безъ суда сколь многихъ предалъ казни,
Разграбилъ, разорилъ мнѣ ближнихъ и родныхъ,
Презлобно уморилъ въ изгнаньяхъ, въ мукахъ злыхъ —
Но варварства ль счислять? — Они извѣстны свѣту. —
Колѣна моего Князей ужъ больше нѣту. —
При всемъ томъ думала тебя я извинять,
Что цѣлость царства ты былъ долженъ поддержать.
И даже, какъ меня два раза въ заключеньѣ

Ты оставлялъ на смерть, пребывъ тверда въ терпѣньѣ,
Приписывала все я ревности одной,
Что дорожилъ, любя, моей ты красотой;
Но нынѣ, ахъ! за всѣ мои ты уваженья,
За дружбу, за любовь, за опыты въ терпѣньи
Считаешь ты меня когда убицей злой:
Стократно я умру, чѣмъ царствовать съ тобой;
Сто разъ мнѣ лучше смерть, чѣмъ стонъ. — О я несчастна!
Почто казалася сперва ему прекрасна?
Почто любовь къ себѣ я въ немъ могла возжечь?
Безжалостно моимъ даетъ слезамъ онъ течь!

ИРОДЪ (съ принужденною холодностію).

Царей жизнь,—жизнь есть царствъ, душа въ нихъ правосудья.

АНТИПАТРЪ (въ полголоса).

Царица! повинись.

МАРІАМНА (съ гнѣвомъ).

Въ чемъ? — Въ чемъ? — Иль что орудья
Вы съ Соломіею всему? — О хитрый льстецъ!
Давно дѣтей моихъ манитъ тебя вѣнецъ,
И злобная душа (*указывая на Соломію*) съ тобой сія сдружилась,
Чтобъ рода моего и память истребилась. —
Отъ васъ мои текутъ всѣ скорби и бѣды. —
Защита Цесарь мнѣ!

АНТИПАТРЪ, (пожавъ плечами).

Гдѣ царственны бразды?

ИРОДЪ (вспыльчиво).

Ты Цесаремъ грозишь?

СОЛОМІЯ, (упадая въ ноги со слезами).

Избавь меня отъ злова,
Ругательства и грозъ, мой братъ! — мнѣ нѣтъ покрова, —
У ней... (Указавъ на Соверна).

СОВЕРНЪ.

Она ни въ чемъ ..

ИРОДЪ (Соверну съ яростію).

И ты, ползуща тварь,
Сталъ другъ днесь ей, кому тобой твой преданъ Царь!
О! вижу я твое все ухищренье нынѣ;
Такъ оправдайтесь вы всѣ вмѣстѣ въ Сендаринѣ.
(Антипатру).
Сбери его сей часъ.

СОЛОМІЯ (вставъ съ плачемъ).

Довольно ты терпѣлъ.

ИРОДЪ (съ крикомъ).

Судъ! Судъ!

МАРІАМНА (съ твердостію).

Зерцало душъ судъ злыхъ и добрыхъ дѣлъ. —
Я не боюсь его. — Столь лютымъ восклицаньемъ
Льстецамъ бы ты грозилъ, чтобъ ихъ оклеветаньемъ
Невинность горькихъ слезъ на тронъ твой не лила:
Рѣчь гнѣва Царскаго убійственна стрѣла.

ИРОДЪ.

Довольно читаны ужъ мнѣ тобой уроки,
И обольстительныхъ видалъ я слезъ потоки,
Довольно, — и теперь не вѣрю ничему.

МАРІАМНА.

Не мнѣ, мучитель, вѣрь; народу вѣрь всему.

ИРОДЪ.

Обманчивъ гласъ его для мудра властелина.
По видамъ всякъ своимъ, тотъ хочетъ сердца львина,
Тотъ агнчей кротости.—Но Царь зритъ на дѣла.

МАРІАМНА.

Какого жъ, гдѣ, скажи, виновница я зла?

ИРОДЪ.

На жизнь мою, на тронъ съ дѣтьми ты покушалась.

МАРІАМНА.

Такъ хочешь ли, чтобъ я дѣтьми и оправдалась?
(Соверну).
Поди ихъ призови. (Севернъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ИРОДЪ, МАРІАМНА, СОЛОМІЯ, АНТИПАТРЪ И АРХЕЛАЙ.

АРХЕЛАЙ.

Невинность лучшій есть
Свидѣтель истины.

МАРІАМНА.

Хоть внутренняя честь
И добродѣтели всѣхъ золъ превозможенье,
Возносятъ смертнаго въ чинъ звѣздъ и обоженье
Но очи Царскія полны бываютъ тьмы. —
Гдѣ сѣтью пауковъ покрыты ихъ умы,
Гдѣ стѣны всѣ шипятъ враждой и клеветою,
Чтобъ только верхъ имъ взять надъ правдою святою;
Тамъ тщетно ожидать невинности вѣнца;
Не будутъ правыми и дѣти у отца;
Ни въ дружбѣ, ни въ любви не встрѣтится препятства,
Коль властолюбіе, корысть и святотатства
На пагубу идутъ противниковъ своихъ. (Увидя идущихъ дѣтей къ Ироду).
Спроси при мнѣ ты самъ и зри невинность ихъ.

ИРОДЪ (съ яростію).

Такъ, хитрая жена, пронырствами твоими
Еще мнишь обладать ты чувствами моими. —
Но знай, сколь ни горитъ къ тебѣ въ груди сей кровь:
Но побѣдить могу я и къ тебѣ любовь;
Не возвратишь своей ни воплемъ, ни слезами
Надъ мною власти ты.—Судъ, судъ и надъ дѣтями!
(Уходитъ въ бѣшенствѣ съ Антипатромъ и Архелаемъ).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРІАМНА, СОВЕРНЪ, АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЪ И КАДА.

МАРІАМНА, (къ дѣтямъ).

Какихъ взаимныхъ чувствъ пріязни и любви
Не охлаждаетъ лесть и клевета. — Увы!
Я мнила вами здѣсь духъ умилить супруга,
И вамъ къ стопамъ его, себя же къ сердцу друга,
А не Царя, прижать; но онъ ушелъ отъ насъ.
(Обнимая цѣлуетъ).
Я не хочу стирать теперь слезъ съ вашихъ глазъ;
Нѣтъ! плачьте по отцѣ, что полюбилъ онъ злобу,
И плачьте вы по мнѣ, что я гонима къ гробу. —
Ахъ! плачьте, сироты, что въ юность вашихъ лѣтъ
Рукою хищною вашъ померкаетъ свѣтъ;
Что вы лишаетесь наслѣдственнаго трона
И въ васъ мой гибнетъ родъ.

АЛЕКСАНДРЪ, (обнимая Маріамну).

Ахъ! твоего мы стона,
Любезнѣйшая мать, не можемъ перенесть.

АРИСТОБУЛЪ, (тоже обнимая).

На что и царская безъ матери намъ честь?
Кто въ ней насъ ободритъ, совѣты дастъ благіе:

АЛЕКСАНДРЪ.

Кто, кромѣ матери, столь нѣжныя, драгія?
Что жизнь намъ безъ тебя?

АРИСТОБУЛЪ.

Умремъ съ тобой и мы.

МАРІАМНА, (плачетъ).

Не лейте болѣе печальной въ сердце тьмы,
О чада милыя! надѣйтеся на Бога. —
Предъ волею его ничто судьбина строга.
Онъ можетъ прекратить жестокость нашихъ бѣдъ,
Вознесть отъ смерти въ жизнь, создать изъ мрака свѣтъ.
Пожду супруга здѣсь,— подите вы къ покою,
Облобызайте мать, ахъ! можетъ быть со мною
Вы не увидитесь. (Обнимая, ихъ цѣлуетъ и плачетъ.)

АЛЕКСАНДРЪ.

Увы!

АРИСТОБУЛЪ.

Какъ рокъ нашъ строгъ!

МАРІАМНА (Соверну и Кадѣ.)

Послѣдуйте и вы за ними въ ихъ чертогъ.
(Уходитъ, а на горизонтѣ видна луна сквозь окошки.)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРІАМНА (одна, глядя имъ въ слѣдъ).

Подобно ангеламъ въ нѣжнѣйшемъ юность дѣтствѣ:
Дремотой сладкою покоится и въ бѣдствѣ;
Но въ зрѣломъ возрастѣ весь вѣкъ нашъ, будто челнъ,
По безднамъ носится житейскихъ бурныхъ волнъ.
И къ дѣтямъ днесь любовь, къ супругу, столь святая,
Меня на части рветъ, какъ бы тигрица злая.
Къ однимъ влекусь, какъ мать, другому какъ жена.
Въ потокѣ Кедрскомъ такъ луна раздроблена,
Подъ осѣненіемъ вкругъ кипарисовъ темныхъ,
Колеблется отъ бурь средь тѣней страшныхъ, блѣдныхъ.
О Иродъ! сколько ты навлекъ мнѣ въ жизни золъ!
Не можетъ быть съ тобой пріятенъ и престолъ;
Не лестны мнѣ вѣнца и скиптра камни честны,
Лишь сердца твоего мнѣ вздохи были лестны.
Они мнѣ царство все, весь замѣнили свѣтъ;
Но ахъ! ужъ для меня теперь ихъ больше нѣтъ.—
Уже предчувствіе мятетъ меня сердечно,
Что скоро кончу жизнь тобой безчеловѣчно;
Но я тебя люблю. — О гробы праотцовъ!
Мой воспримите прахъ, — а духъ уже готовъ.
Такъ въ бездну вѣчности, какъ въ влагу Силуамлю,
Низвергну бренну плоть, съ ней скорби всѣ оставлю,
Чтобъ жить невинности въ лучахъ. — (*Увидя вошедшаго Антипатра*) Мой врагъ пришелъ!

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРІАМНА И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ (подходя тихо).

Уединенную Царицу здѣсь нашелъ
Въ безмолвной темнотѣ, задумчиву, печальну!
Ахъ! смѣю ль вопросить прекрасну Маріамну,
Услугой не могу ль какой?...

МАРІАМНА.

Мнѣ нужды нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Для отвращенія какихъ незапныхъ бѣдъ
Начальникъ града могъ тебѣ быть и полезенъ.

МАРІАМНА.

Отъ гнѣва царскаго хоть вѣкъ теперь мой слезенъ,
Но въ распрю между насъ входить не можетъ сынъ.

АНТИПАТРЪ.

Не оскорбляючи родительскихъ сѣдинъ,
Почтенная жена! я за тебя страдаю.

МАРІАМНА.

Стонъ для меня твой чуждъ.

АНТИПАТРЪ.

Невинность защищаю. —
Не ты одна, а все отечество стонетъ.
Доколѣ намъ?...

МАРІАМНА.

Терпѣть, мой лучшій есть совѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Иль мужества въ женахъ не видѣла вселенна?
Юдифина рука сразила Олоферна.

МАРІАМНА (съ презрѣніемъ).

Не позабылъ ли ты, продерзостный, себя?

АНТИПАТРЪ.

Я, нѣтъ.

МАРІАМНА (грозно).

Умолкни, тигръ!

АНТИПАТРЪ (съ ласкою).

Давно тебя любя,
На вѣчно мщеніе, иль нѣжность посвящаю.

МАРІАМНА (отходя къ двери Ирода).

Прочь извергъ, прочь! злодѣевъ презираю.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

СОЛОМІЯ И АНТИПАТРЪ.

СОЛОМІЯ (встрѣтясь въ дверяхъ съ Маріамною).

Братъ не велѣлъ тебя къ себѣ мнѣ допускать.
Покою хочетъ онъ. *(Маріамна, взглянувъ съ презрѣніемъ, уходитъ въ другую сторону.)*

АНТИПАТРЪ (съ торопливостію).

Пришелъ тебѣ сказать:
Проконсулъ Римскій Варръ пріѣхалъ съ полной мочью
Въ насъ распри разсудить.—Прещу ему я ночью,
Отверзть врата во градъ.

СОЛОМІЯ.

Спѣшить должно, спѣшить,
Чтобы грозящія напасти отвратить.
И я тебѣ скажу опасную намъ новость:
Сколь ни старалась я продлить въ душѣ суровость
Царя противъ жены; но онъ какъ тѣнь молчитъ,
И тихо слезы лья, показываетъ видъ,
Что онъ во всѣхъ ея винахъ уже прощаетъ,
Зоветъ къ себѣ, иль ждетъ, иль къ ней итти мечтаетъ;
Иль чрезъ письмо себя ей хочетъ извинить.
На мигъ я отъ него не смѣла отходить;
Чтобъ какъ увидѣться не могъ онъ тайно съ нею,
Я двери заперла, приставя кустодею,
И навлекла ему на вѣжды тяжкій сонъ.
Онъ въ содроганьяхъ спитъ, пуская страшный стонъ.
Боюсь, чтобъ не вспрянулъ, не позвалъ Маріамну!
Бѣда, коль жертву мы оставимъ не закланну!

АНТИПАТРЪ.

Ужасныя теперь минуты предстоятъ.
Отважны мѣры вдругъ и быстры должно брать.
Повѣрься не страшась, во всемъ ты сыну, другу.

СОЛОМІЯ (въ полголоса).

Мнѣ мало ихъ однихъ.

АНТИПАТРЪ.

Кому жъ еще?

СОЛОМІЯ (важно).

Супругу!

АНТИПАТРЪ (съ удивленіемъ).

Какъ!

СОЛОМІЯ.

Да, супруга зрѣть въ тебѣ я днесь желаю.
Въ порфирѣ, иль гробу съ тобой себя вѣнчаю.

АНТИПАТРЪ.

Возможно ль то? моя ты, Соломія, мать!

СОЛОМІЯ.

Оставь теперь свое притворство продолжать.
Не могъ не вѣдать ты, кто я, не знать той страсти,
Котора жжетъ меня и сердце рветъ на части.
Ахъ! что я изрекла? несчастная жена!
Но тайна изъ души уже извлечена. —
Такъ, Антипатръ! познай, давно тобой я страстна.
И только лишь тобой счастлива и несчастна.

Прошу тебя, молю, не мучь, не погуби,
Какъ я тебя люблю, такъ ты меня люби.
И сопрягаючись своей со мной душою,
Умремъ, иль царствовать здѣсь будемъ мы съ тобою.

АНТИПАТРЪ.

Ужасный, страшный гласъ!

СОЛОМІЯ.

А для чего же я
Пеклася о тебѣ, и въ замыслахъ твоя
Помощница была, и скиптра домогалась?
Безъ соучастья бы я царствомъ не ссужалась.

АНТИПАТРЪ.

Но столь сродная съ тобой, столь близка кровь
Въ насъ душъ не съединитъ.

СОЛОМІЯ.

Соединитъ любовь.
Примѣры многіе въ народѣ нашемъ были.

АНТИПАТРЪ.

И лѣта ужъ меня съ тобою не сравнили.

СОЛОМІЯ.

Пять лѣтъ межъ насъ ничто. — Со мной ты вмѣстѣ взросъ,
Я только матери, ты имя сына несъ;
Но нѣжности мои вездѣ тебя искали,
Желанія твои вездѣ предупреждали.

АНТИПАТРЪ.

Что скажетъ весь народъ? — Гласъ предразсудковъ что?

СОЛОМІЯ.

Нѣтъ, Антипатръ! ты мнѣ скажи теперь не то,
А исповѣдай всю твою сердечну тайну,
Что страстенъ ты другой, что любишь Маріамну.
Не даромъ нощію зашли сюда съ ней вы,
Не даромъ ты обрекъ себя ея любви. —
Поди же къ ней, поди и обними прекрасну;
А я вамъ докажу любовь мою несчастну
Приличной жертвою: — все брату разсказавъ,
Умру въ крови моей, васъ прежде растерзавъ.
(Уходитъ.)

АНТИПАТРЪ (догнавъ).

Постой, жестокая, — или мать, или супруга!
Что пользы погубить тебѣ толь вѣрна друга?
Постой! (*выхватя мечь съ намѣреніемъ ее поразить, но вдругъ удерживается.*) И какъ сей мечъ блистая вознесясь
Межъ всѣхъ на свѣтѣ женъ, моею ставъ,

СОЛОМІЯ (грозно).

Клянись!

АНТИПАТРЪ.

Клянусь сей сталію и громомъ Аввадона,
Что все я сдѣлаю (*въ сторону*) для достиженья трона (Обнявшись уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ Сендаринъ, изъ коего въ арки, или большія окна, видѣнъ городъ, храмъ и кипарисная роща; тронъ подъ балдахиномъ о шести ступеняхъ, на седьмой кресла, столъ и на немъ регаліи царскія; на фронтонѣ трона скрижали; по сторонамъ его двѣнадцать львовъ, по числу двѣнадцати колѣнъ Израильскихъ, т. е. на каждой по одному.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иродъ въ послѣдованіи Раввиновъ и Двора своего, покрытый печальнымъ вретищемъ и посыпанный по главѣ пепломъ, предшествуемый унылымъ хоромъ Левитовъ, въ продолженіе котораго слышенъ иногда громъ.

АНТИПАТРЪ (съ обнаженнымъ мечемъ въ переди.)

ХОРЪ (Левитовъ).

Грядетъ Господь и мщенье,
Какъ нощь средь черныхъ тучъ,
Какъ молньи быстро зрѣнье
Какъ громъ, — въ десницѣ лучъ.

Онъ, обращаясь къ граду
Багрѣющимъ лицомъ,
Народамъ судитъ въ правду,
Какъ воскъ имъ таетъ холмъ.

Прахъ ногъ его полижутъ
Не любящи его;
На казнь себя приближутъ
Зло мнящи на него.

Блаженъ, кого накажетъ
По милости своей;
Блаженнѣе, кто скажетъ,
Что правъ предъ нимъ душей.

ИРОДЪ (сѣдши на тронъ).

Соборъ Израиля, двѣнадцати колѣнъ,
Надъ коимъ царствовать я небомъ возведенъ,
О кровь Іакова! народъ, избранный Богомъ,
Имѣющій его щедротъ себѣ залогомъ

Скрижали, скинію, сей градъ святый и храмъ,
Ліющій всюду свѣтъ, законы всѣмъ странамъ.
Изъ чреслъ чьихъ нѣкогда изыдетъ вождь великій,
Предъ кѣмъ поклонятся подсолнечной языки,
О Равви мудрости, маститыхъ старцевъ ликъ!
Доколѣ не пришелъ къ намъ оный день великъ,
О коемъ говорятъ Пророковъ древнихъ сѣни;
Что будемъ царствъ земныхъ на первой мы ступени.
Вы знаете, какихъ не пренесли мы золъ
Отъ внѣшнихъ супостатъ, отъ внутреннихъ крамолъ,
Десятословіе когда небесъ забыли
И Бога вышняго въ себѣ въ кумирахъ чтили;
Первосвященники Князей на санъ не зря,
Князья на нихъ, и всякъ мечталъ въ себѣ Царя,
Гордыней, завистью, стяжаньемъ надымаясь,
Хотѣли властвовать, властямъ не покоряясь,
Народное добро изъ сердца истребя,
Оружье подняли противъ самихъ себя
Пошли на брата братъ, семейство на семейство,
Отличьемъ славилось отличное злодѣйство.
Отъ жертвъ невинныхъ паръ Синая крылъ верхи,
Долины кровь влекли, холмилися грѣхи
И изнуренны такъ отъ собственныя злобы
Просили рыть себѣ своихъ сосѣдей гробы. —
Тотъ въ Антіохахъ щитъ, сей въ Птоломеяхъ зрѣлъ. —
Пошли, — и предали отечество въ раздѣлъ. —
На Ханаанъ тогда звуча легли желѣзы. —
Сей въ Вавилонѣ лилъ, тотъ въ Македоньи слезы,
Покуда Антипатръ, Великій мой отецъ,
Хоть Идумеянинъ, не пріобрѣлъ сердецъ
Въ довѣренность свою Иркана и супруги,
И бодро не предсталъ имъ въ бѣдствѣ на услуги. —
Онъ съ Римомъ свелъ союзъ, вождямъ его сталъ другъ
И къ бранным подвигамъ пріобучилъ мой духъ.
Тогда (по правдѣ мнѣ сказать предъ вами можно),
Еврейское лице блеснуло, бывъ ничтожно. —
Я Макавѣевъ духъ имъ влилъ, Квиритъ ввелъ строй
И агнецъ противъ льва пошелъ неробко въ бой.—
Со Антигономъ къ намъ рой варваръ устремленный,
Какъ волны отъ скалы, отбѣгли съ шумомъ блѣдны. —
Я спасъ сей градъ, сей храмъ исправилъ и вознесъ,
Изъ пепла жертвы огнь на олтарѣ воскресъ. —
А чтобъ упрочить вамъ сей даръ, мнѣ свыше данный,
Дориcу отлуча, сопрягся съ Маріамной,
И симъ мою слія со Асмонеемъ кровь,
Народа я всего снискалъ къ себѣ любовь;
Взаимныхъ чувствъ моихъ явя ему отплату,
Хотѣлъ сей скиптръ вручить моей супруги брату;
Но Римъ для пользъ своихъ иной давъ дѣлу сгибъ,
Царемъ нарекъ меня, — Аристобулъ погибъ,
Подобныя съ тѣхъ поръ вражды и непріязни
Межъ сродниковъ моихъ заслуживали казни.
Но я союзъ любви Царицы чтя совѣтъ,
Счастливѣе меня на свѣтѣ, думалъ, нѣтъ;
Блаженство все мое дѣля съ моимъ народомъ,
Усовершалъ его я выше каждымъ годомъ;
Далъ въ безопасность всѣмъ судъ правый, тишину,
На лонѣ мирныхъ дней приготовлялъ войну.
Что зря сосѣдственны Цари простерли длани,
И въ дружбѣ съ трепетомъ мнѣ предложили дани;
Вопль жалобъ на меня, достигшій предъ Сенатъ,
Мой въ Седмихолміи единъ спокоилъ взглядъ;
Край Галилейскъ, Перей, Кесарью, Идумею;
Единственной почли всѣ областью моею;
Ельфира быстрый токъ живымъ сталъ рубежомъ,
Въ Ерусалимѣ мой усредоточенъ домъ.
Чрезъ Тиръ, Родоссъ, Сидонъ, степь Ѳивъ и понтъ Офира,
Верблюды, корабли везутъ труды мнѣ міра,
Вкругъ трона моего виссонъ, жемчугъ, смарагдъ.
Съ сей свѣтлой высоты мой видитъ бдящій взглядъ,
Какъ скатистый Ермонъ и долъ Іосафата,
Отъ стадъ пестрясь, садовъ струятся въ нивахъ злата,
Внимаю зодчества въ градахъ, ваянья стукъ,
По селамъ, по домамъ музъ Аѳинейскихъ звукъ.—
И словомъ, обо мнѣ громка повсюду слава:
Великъ я, говорятъ. — Но свѣтлая держава,
Столь блещущи дѣла спокойства не дарятъ!
Ехидны скрытыя грызетъ мнѣ сердце ядъ. —
Взоръ вретищемъ моимъ печальнымъ закрываю,
И сильнымъ бывъ Царемъ, какъ человѣкъ страдаю. —
Жену, Царицу вамъ... (*плачетъ, облокотясь на кресла и закрывается вретищемъ.*)

АНТИПАТРЪ.

Не ты, законъ велитъ.

ИРОДЪ.

Увы! — я рабъ его. — Вели, да предстоитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

АНТИПАТРЪ даетъ знакъ мечемъ, слышится печальный звукъ трубы. МАРІАМНА, АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ съ растрепанными власами, окованные въ цѣпяхъ вступаютъ въ Сендаринъ, послѣдуемый молчащимъ хоромъ дѣвъ, совѣрномъ, кадою и виночерпіемъ, изъ коихъ послѣдній изъявляетъ страдальческій видъ, неся кубокъ въ рукахъ. — За ними стража Еврейскихъ воиновъ.

ИРОДЪ (Антипатру томнымъ голосомъ, облокотясь на кресла).

Вѣщай вины.

АНТИПАТРЪ.

Едва минувшей полунощи
Изъ кипарисной сей луна вставъ черной рощи,
Бросала рдяный свѣтъ, сонмъ вспорхнулъ съ крикомъ птицъ.
Я вставъ съ одра, узрѣлъ коней и колесницъ.
Въ безмолвьи тѣни шли ко стогну Римска стана
Вдоль брега по водамъ блестяща Іордана.

Когорта Римская ихъ прикрывала тылъ.
Я подозрѣнье взялъ, что нѣкій тайный былъ
Тутъ умыслъ можетъ быть и на главу вѣнчанну,
Пошелъ — что жъ зрю? — Дѣтей, Соверна, Маріамну
Въ одеждѣ спальной сей, какъ здѣсь они стоятъ,
Молили вратника, чтобъ выпустилъ за градъ.
Я ихъ подъ стражу взялъ.—Сообщники подробно
Открыли все мнѣ ихъ намѣреніе злобно,
Что къ вождю Цесаря стремилися подъ кровъ.
Измѣной я то счелъ, ввергъ въ тягость ихъ оковъ.
Тиронъ и Юкодомъ въ разспросахъ показали,
Что свергнувши тебя съ престола, замышляли
Въ Себастру заключить.

МАРІАМНА.

Ужель мнѣ отвѣчать
На гнусную столь ложь?

АЛЕКСАНДРЪ (съ плачемъ).

Хотѣли?...

АРИСТОБУЛЪ (тоже).

Мы бѣжать?

МАРІАМНА.

Молчи! гдѣ гнѣвенъ Царь, тамъ правда злу подгнета,
Невинность нашихъ душъ дойдетъ до поздня свѣта;
И что намъ говорить, когда ужъ въ токахъ слезъ
Подъ бремемъ страждемъ мы звучащихъ сихъ желѣзъ.

АНТИПАТРЪ.

Но не въ прикрытіи ль вы воинскомъ, въ колесницѣ
Привезены сюда?

ИРОДЪ (къ Маріамнѣ).

Судьба твоя въ десницѣ
Старѣйшинъ сихъ. — О! даждь мнѣ небо силъ терпѣть! (*Сендарину*).
Вѣщайте рокъ ея. (Члены Сендарина на дощечкахъ, воскомъ натертыхъ, пишутъ спицами приговоръ, и каждый принося кладетъ предъ регаліи на столъ, становясь по прежнему въ порядокъ подъ нижеслѣдующимъ хоромъ.)

ХОРЪ (дѣвъ).

Суди, о Боже! прю,
И отъ клеветъ избави,
Премудрость даждь Царю
И судъ его прослави,
Чтобъ хитрый человѣкъ,
Лукавый, злобный, льстивый
Дѣла его правдивы
Не помрачилъ на вѣкъ.
Ты твердь моя и щитъ,
Почто меня отринулъ?
Когда мнѣ врагъ грозитъ,
Почто меня покинулъ?
Услышь мой скорбный вздохъ,
Къ тебѣ я прибѣгаю,
Зри, плачу какъ, страдаю...
Спаси меня, мой Богъ!

ИРОДЪ (Антипатру).

Прочти.

АНТИПАТРЪ (пересмотрѣвъ дощечки).

Судъ рекъ....

ИРОДЪ.

Что?

АНТИПАТРЪ (громогласно).

Смерть!

(Маріамна съ словомъ симъ упадаетъ на колѣна.)

ИРОДЪ.

Увы!

КАДА (воздѣвъ руки на небо).

О ужасъ!

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ.

(Упадая на колѣна и простирая руки къ Ироду.)

Ахъ, Родитель!

СОВЕРНЪ.

Родъ несчастный!

МАРІАМНА (стоя на колѣнахъ и воздѣвая руки къ скрижалямъ).

Великій Господи! судьбы твои всевластны,
Что хочешь, то твори съ рабою ты своей;
Но въ сердцѣ зри моемъ, что я заповѣдей
Ни на черту твоихъ святыхъ не преступила.
Виновна, что дѣтей, супруга я любила
Всѣхъ смертныхъ болѣе, и въ томъ тебѣ винюсь.
Прости ту слабость мнѣ; но если разлучусь
Я съ ними, то исполнь меня своей ты силой,
Чтобъ бывъ невинною, я не была унылой,
И мой пригробный стонъ чтобъ тѣхъ не всколебалъ,
Кто только на тебя, о Боже! уповалъ.
Прости враговъ моихъ, да гнѣвъ твой ихъ не срящетъ;
И Царь отъ ихъ коварствъ золъ большихъ не обрящетъ.
(Ставъ, къ дѣтямъ).
Простите, сироты! — ахъ! обнимите мать
Благословеніе себѣ отъ ней принять,
И знайте: счастливы ль, несчастны ль вы судьбою
Но да возлюбите вы Бога всей душою.

АЛЕКСАНДРЪ.

Какого безъ тебя намъ счастья въ свѣтѣ ждать?

АРИСТОБУЛЪ.

Съ тобой готовы мы и жить и умирать.

МАРІАМНА.

Въ родителѣ, въ Царѣ, вы мать свою найдете

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И АРХЕЛАЙ (съ поспѣшностію входитъ.)

АРХЕЛАЙ.

Не будь, о Государь! предъ Цесаремъ въ отвѣтѣ,
Что съ Варромъ не дождавъ уликъ къ развязкѣ ссоръ,
Въ семьѣ твоей изрекъ ты скоро приговоръ.
Варръ прибылъ въ нощь сію, но слышно предъ вратами
Удержанъ и теперь; чрезъ что между полками,
Которые внутри и за стѣной стоятъ,
Произошелъ мятежъ.

ИРОДЪ (Антипатру).

За чѣмъ былъ запертъ градъ
Проконсулу? — Поди, нѣтъ, стой, — ключъ Архелаю
Отдай. (*Къ Архелаю*) Ты объяви вождю, что ожидаю.

(Антипатръ отдаетъ ключъ Архелаю, а сей уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ АРХЕЛАЯ.

ИРОДЪ.

Да принесетъ онъ къ намъ пріятнѣйшую вѣсть,
Чтобъ я соблюлъ престолъ, законъ, любовь и честь.

АНТИПАТРЪ.

Царицѣ средства нѣтъ въ проступкѣ оправдаться,
Прощенья лишь просить.

АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЪ И КАДА.

(Бросаясь передъ Маріамною на колѣна.)

Проси!

МАРІАМНА (колеблясь и помолчавъ нѣсколько).

Уничижаться,
И безпорочной бывъ покрыться въ вѣкъ стыдомъ?
Се не совѣтъ друзей; но ярый неба громъ
Сильнѣе поразить меня ужъ не возможетъ;
Не страшны казни тѣмъ, порокъ чьихъ душъ не гложетъ. —
Презрѣннѣй мнѣ блистать въ прощеньи при Царѣ,
Чѣмъ быть невинною на нищенскомъ одрѣ.
Ахъ! не сіяніе священной діадимы;
Но добродѣтели въ лицѣ вѣнчанномъ чтимы.

АНТИПАТРЪ (притворно съ преклоненіемъ главы.)

О Царь! гордыню ей оставь сію, — прости!

(За нимъ и Сендарипъ преклоняется.)

МАРІАМНА.

Нѣтъ, Иродъ! не могу сей милости снести,

(При семъ словѣ встаютъ Када и дѣти.)

Когда виновна я, да казнь меня караетъ;
Когда невинна, судъ меня да оправдаетъ.
Прощенье безъ суда лишь слабый Царь даритъ,
Прощеньемъ по судѣ, какъ Богъ животворитъ.
Но отъ тебя сего не жду, не умоляю. —
Порокъ пусть ползаетъ; а я предоставляю
Всевидцу въ слабостяхъ моихъ меня простить.
А сей твой судъ есть сонмъ тирану только льстить.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И СОЛОМІЯ (вбѣгаетъ съ отчаяніемъ).

СОЛОМІЯ.

Ужасная, мой братъ, грозитъ тебѣ судьбина;
Колеблется твой тронъ, мятется Палестина. —
Съ тобой и съ Варромъ днесь пришедшій легіонъ
Смѣшавшись съ чернію, какъ сонмы бурныхъ волнъ,
Во ярости своей врата повергли града,
И волчьи какъ стада остервенясь отъ глада,
Бѣгутъ по улицамъ, всѣхъ ловятъ, рвутъ, мергвятъ,
И Маріамну взвесть на тронъ съ дѣтьми хотятъ,
Глася, что будто бы по Царскому велѣнью
Проконсулъ присланъ къ намъ сего ко исполненью.
Уже твоя никѣмъ не чтится больше власть,
Разграблена твоихъ сокровищъ знатна часть,
Кумиры божески, ваянія звѣрины
И позлащенныя подобія орлины
На храмѣ, на дому взнесенны Риму въ честь,
Низверженны съ высотъ и сокрушенны въ перстъ.
Едва сюда могла пройти я сквозь народа;
Се Асмонеянъ какъ вѣрна тебѣ порода!
Весь дворъ твой окруженъ, во взорахъ пылъ сердецъ.

ИРОДЪ (въ бѣшенствѣ вскакивая съ трона къ Маріамнѣ).

Не льстись, измѣнница, похитить мой вѣнецъ.
Нѣтъ! прежде укажу дорогу къ мрачну аду.
Поди! и встрѣть меня твоихъ злодѣйствъ въ награду.
Тамъ торжествуй надъ мной побѣду ты свою.

(Антипатру, указывая на дѣтей и Маріамну.)

Въ Себастру ихъ; — а ей, мой кубокъ яду.
(Виночерпій подноситъ кубокъ.)

МАРІАМНА.

Пью!
Невинность никакой не вострепещетъ казни;
(Тутъ вдругъ оборотясь, объемлетъ дѣтей.)
Но умертви и ихъ въ знакъ прежней мнѣ пріязни.

ИРОДЪ (топая ногами).

Нѣтъ, прочь!

МАРІАМНА.

Жестокой!

ИРОДЪ.

Прочь!
(Антипатръ даетъ знакъ воинамъ, которые развлекаютъ Маріамну отъ дѣтей).

АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЪ И КАДА.

(Съ воплемъ).
Не разлучайте насъ!

МАРІАМНА.

Ахъ! дайте вдругъ намъ смерть. Увы!
(Оглядываясь на дѣтей).
Лишаюсь васъ!
(Воины уводятъ ихъ въ разныя стороны. Виночерпій съ кубкомъ уходитъ за Маріамною).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, АРХЕЛАЙ И ВАРРЪ, (сопровождаемые Римскими воинами, а Соломія при чтеніи свитка, тихо удаляется).

ВАРРЪ.

Народъ, Сенатъ и вождь верховный мощна Рима,
Котораго рукой подсолнечна держима,
Царю Израиля желаетъ всякихъ благъ,
И споспѣшенія во всѣхъ его дѣлахъ.
По дружбѣ съ нимъ твоей пріемля онъ участье
Въ враждѣ твоихъ родныхъ, прислалъ меня, согласье
И миръ въ васъ водворить.

ИРОДЪ.

Благодарю за трудъ
Тебя и Цесаря. Въ моемъ народѣ чтутъ
За особливу честь сіе благоволенье;
Но мышлю, что мое семейное смятенье
Не стоило того, чтобъ онъ на насъ воззрѣлъ,
Вселенной брань иль миръ,—есть Цесаря удѣлъ.

ВАРРЪ.

Ты правъ, но и въ одной странѣ гражданъ разстройство
Бываетъ всѣхъ Державъ на свѣтѣ безпокойство.

ИРОДЪ.

Опасности мнѣ нѣтъ.

ВАРРЪ.

Однако жъ никогда
Остереженіе не дѣлаетъ вреда.

ИРОДЪ. (принимая отъ Варра свитокъ).

Отъ Августа?

ВАРРЪ.

Такъ. — Сей мнѣ отъ него врученный
Откроетъ свитокъ ковъ противъ тебя враждебный.
Къ рабѣ Юліи во свиткѣ семъ прочти
Ты сына своего, сестры своей черты,
И зри въ нихъ умыслы и злость на Маріамну,
На юныхъ чадъ твоихъ, на власть твою державну;
И какъ чрезъ образъ сей (*показывая портретъ Маріамны*) хотѣли развратить.
Юлью съ Августомъ. Но онъ велѣлъ казнить
Уже сію рабу, вошедшу въ связь столь злостну.

ИРОДЪ.

Какую тайну мнѣ толь люту, толь поносну
Ты открываешь, Варръ? Но чтобъ прельстить собой,
Ликъ Маріамна въ Римъ препровождала свой.

ВАРРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! — прочти.

ИРОДЪ (прочтя свитокъ, съ торопостію Архелаю).

Бѣги, спѣши скорѣе
Спасай, о Архелай! чего мнѣ нѣтъ милѣе
Отъ смерти ты мою супругу и дѣтей.
Невинность ихъ признай, часъ дорогъ, страшенъ сей.

АРХЕЛАЙ.

Въ минуту, Государь! (*Уходитъ.*)

—

ЯЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ КРОМѢ АРХЕЛАЯ.

ИРОДЪ (въ ужасѣ и удивленіи).

Такъ ты коварна Соломія!
Жестокая душа, чрезъ происки столь злые
Супруга и дѣтей клялась меня лишить? (*Къ Антипатру*).
И ты, изкидокъ злой, съ ней могъ согласенъ быть,
О Антипатръ! на то, чтобъ зрѣть мое сверженье
Чрезъ Маріамнино со Августомъ сдруженье?
И чтобы въ столбъ меня Стратоновъ заперетъ,
Невинныхъ чадъ моихъ предать на тайну смерть.
И съ злой моей сестрой сѣсть на моемъ здѣсь тронѣ?

О, адской умыселъ! рожденный мрака въ лонѣ.
Внутрь бездны тартара, преступныхъ тайнъ въ тиши.
Что жъ медлю казнями? Змія моей души
Гдѣ Соломія ты? (*ищетъ глазами Соломію.*) Сюда ее влеките,
И съ злобнымъ аспидомъ (*указывая на Антипатра,*) цѣпьми ее свяжите,
Да пестрый ящеръ сей со черной жабой той
Въ единъ согбенны клубъ, повергнутся предъ мной.
И мерзкая чета мученьемъ разорванна
Осклабитъ смерть мою, мертва коль Маріамна.

ВАРРЪ (Римскимъ воинамъ).

За Соломіею!

ИРОДЪ (смотря на Антипатра и Соверна).

О подлыя сердца!
Туманы смрадные вкругъ Царскаго вѣнца!
Какой умъ бдительный, какая прозорливость
Отъ васъ остережетъ гонимую невинность?
Когда коварство сѣть гдѣ на кого плететъ,
Безсильна мощь Царя.—Онъ жертвы не спасетъ;
Часъ къ пагубѣ найдутъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И КАДА (расплаканная, а нѣсколько погодя съ другой стороны Архелай и Юда въ печальномъ видѣ).

КАДА.

Почти ужъ бездыханна
Услыша твой указъ, о Иродъ! Маріамна,
Что о невинности ея ты все узналъ,
Что жизнь ея спасти врачамъ ты приказалъ,
Рѣшилась въ мигъ принять противна зелья яду,
И отъ терзанья лишь почувствовавъ отраду,
Веселый вкругъ себя на всѣхъ кидая взглядъ,
Вставала, силилась итти тебя обнять,
Но вдругъ свирѣпая вступаетъ Соломія,
Кинжалъ въ рукѣ держа, какъ угли, взоры злые
На Маріамнинъ одръ бросаючи бѣжитъ,
Заноситъ остріе и ужъ почти разитъ;
Но я ударъ сдержавъ, ее такъ отразила,
Что єга очами змѣй мнѣ взоры озарила
И пала предо мной, вонзя себѣ сталь въ грудь.
Пусть такъ, рекла: «умру, но ты не позабудь
«О Маріамна! коль останешься живою,
«Что я тебя съ пѣвцомъ покрыла клеветою;
«Что образъ твой къ вождямъ въ Римъ посылала съ тѣмъ,
«Да распалю къ тебѣ любовнымъ ихъ огнемъ;
«Оговорить тебя и Юдѣ я велѣла,
«И брата умертвя....» сказавъ то, заскрыпѣла
Зубами на меня,—и въ смѣхѣ рану зломъ
Руками разорвавъ, разсталась съ животомъ.
Багрова кровь текла изъ чреслъ ея рѣкою. —
Царица въ слабости сей фуріею злою
Такъ устрашилася, что, бывъ едва жива,
Безчувственна, блѣдна лежала, какъ мертва;
Но лишь опомнилась, то о тебѣ мечтала,
Съ тобой какъ рѣчь вела, тебя какъ призывала,
Желая зрѣть дѣтей.

АРХЕЛАЙ (впадая въ рѣчь).

Увы! изчезъ ихъ слѣдъ.
Коринѳъ съ сообщники мнѣ подали извѣтъ,
Что, Антипатрово свершая повелѣнье,
Едва ль ужъ ихъ живыхъ послали въ заточенье.

СОВЕРНЪ (повергшись на колѣна).

Я, я къ прогулкѣ ихъ въ полнощь съ царицей въ садъ
Уговоря, хотѣлъ оставить съ ними градъ,
Чтобъ тѣмъ спасти себя отъ предстоящей казни;
Но какъ они, моей не слѣдуя пріязни,
Не захотѣли въ бѣгъ отважиться со мной,
То града сей глава (*указывая на Антипатра*) военной вдругъ рукой
Схватя и посадя ихъ всѣхъ на колесницу,
Хотѣлъ усильно везть предмѣстья на границу
Проконсула во станъ; но вдругъ то отмѣня,
Не знаю почему, крамолой ихъ виня,
Привезъ предъ Сандаринъ.
(Антипатръ и Юда повергшись на землю и стуча объ оную лбами).

АНТИПАТРЪ.

Я виненъ! — мысли злыя
На смерть ихъ мнѣ дала....

ЮДА.

И злато, Соломія.

АНТИПАТРЪ И ЮДА (вмѣстѣ).

Мы винны злу всему.

ИРОДЪ (съ страннымъ крикомъ).

Во узы! въ Ерихонъ!
Разсѣкши въ части ихъ, сжечь мѣлкимъ въ прахъ огнемъ,
Да черный вранъ не зря на кости ихъ, не вскрячетъ.
И лишь по мнѣ о нихъ Юдея вся восплачетъ.
Гробъ будетъ ихъ и мой за Маріамны смерть.

ВАРРЪ (къ Римскимъ воинамъ).

Исполните приказъ. (Антипатръ, Севернъ и Юда схватываются воинами и отягощаясь цѣпьми, уводятся въ даль театра.)

КАДА.

Еще надежда есть.

ИРОДЪ (воздѣвъ руки на небо).

Будь милосердъ, мой Богъ!

ВАРРЪ.

Октавья повелѣнье:
Чтобъ у нее просить торжественно прощенье;
Когда жъ не такъ: престолъ оставить долженъ ты. (Када уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ КАДЫ.

ИРОДЪ.

Оставить даже свѣтъ я чту ужъ за мечты. —
Что мнѣ величество, порфира и корона,
Коль буду жизнь влачить средь плача и средь стона?
Сознавъ мою вину внутрь совѣсти моей,
Спокойства получить я не могу безъ ней;
Я не могу дышать, зрѣть свѣтъ безъ Маріамны.
Всѣ жилы, мышцы всѣ я чувствую раздранны,
Сляченъ мой весь составъ, хладѣетъ, мерзнетъ кровь.
О! коль ты жестока, несчастная любовь!
Всевышній! посылалъ къ Давиду Ты Наѳана
Изобличить въ грѣхѣ, — пошли.... Нѣтъ! Нѣтъ! тирана
И безъ уликъ я зрю въ самомъ уже себѣ.
Въ терзаніи моемъ мнѣ помощь лишь въ Тебѣ.
О помощи Творецъ! Сокровище безцѣнно
Отъ самого меня, самимъ мной похищенно,
Мнѣ въ нѣдро возврати; (*указывая на сердце*): хранилось тутъ оно.

ЯВЛЕНІЕ X.

МАРІАМНА приносится лежащая въ креслахъ, сопровождаемая КАДОЮ и прочими придворными.

ИРОДЪ (увидя издали).

Что за мечтаніе, недвижимо, блѣдно?
Чья тѣнь безчувственна, безгласна, бездыханна?
Се мертвая жена! Увы! Се Маріамна!
Ты представляешься, о ангелъ во плоти!
Мнѣ въ образѣ такомъ? (*упадши на колѣна, обнимаетъ*). Прости меня, прости!

МАРІАМНА (тихо).

Чей гласъ?—Супругъ мой! ты? облобызай, — пропцаю.
Но дѣти гдѣ?

КАДА (поддерживая, тихо).

Ихъ нѣтъ.

МАРІАМНА.

О Боже! у—ми—ра—ю. (Кончается).

КАДА (поддерживая Маріамну сзади креселъ).

Ахъ!

ИРОДЪ (обнимая Маріамну).

Маріамна! ты безъ чувства, безъ огня,
Ты охладѣла вся, оставила меня!
Супруга нѣжная! злосчастна Маріамна!
Взгляни, услышь меня! о горесть несказанна!
Геенна внутрь палитъ, вкругъ всюды страшна мгла, —
Ужасная змія на грудь мою легла,
Рветъ лютый сердце звѣрь. – Нѣтъ силъ. — ослабѣваю.

(Упадаетъ на кресла и очувствовавшись, въ сумасшествіи).

Гдѣ Маріамна, гдѣ тебя я обрѣтаю?
Межъ чистыхъ, свѣтлыхъ водъ, въ лугахъ между цвѣтовъ,
Межъ ангеловъ, въ тѣни Мавріійскихъ рощъ дубовъ
Поешь съ пѣвцемъ, съ дѣтьми; Эдемски слышу пѣсни,
Манишь меня къ себѣ. — Но путь претитъ мнѣ тѣсный!

(Вскакиваетъ въ бѣшенствѣ).

Нѣтъ! мрачныхъ предъ собой я вижу море волнъ,
На колесницѣ въ нихъ погрязнулъ Фараонъ;
Разверзтая земля пожрала Авнрона,
Гулъ слышу жалобна изъ преисподней стона;
Младенцевъ тысящи пловутъ ко мнѣ въ крови;
На блюдѣ голова въ неистовой любви
Творитъ упреки мнѣ и льетъ потоки кровны;
Несчетны остовы, толпы тѣней безмолвны
Съ окостенѣлыми очами вкругъ идутъ,
И кровь свою мнѣ пить пригоршьми подаютъ;
Побѣдъ моихъ трубы ревутъ мнѣ въ слухъ отвсюды.
Передо мной лежатъ и позади тѣлъ груды...
Раскаяніе рветъ, воображенье жжетъ....
Ужасный полкъ духовъ отрады не даетъ!...
Змѣистыхъ молніевъ стрѣлъ туча вкругъ багрова
Летитъ, разитъ! (*закрываетъ голову руками*) ахъ! гдѣ укроюсь? нѣтъ покрова!

(Бѣжитъ и упадаетъ къ Маріамнинымъ ногамъ).

АРХЕЛАЙ (и всѣ вдругъ съ ужасомъ).

О Боже! ахъ! онъ мертвъ!

ВАРРЪ.

Се блескъ великихъ дѣлъ!
Какъ трудно царствовать! (*Къ Архелаю, подавая скиптръ*). Прими наслѣдный жезлъ

АРХЕЛАЙ.

Я не возьму его безъ гласа ихъ, (*показывая на Секдарина*), безъ Рима.
По врѣлищѣ такомъ ужасна діадима!

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА,

БЫВШАГО ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТІЯ ГОРОДА ИЗМАИЛА,

въ домѣ

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО,

близъ конной гвардіи,

ВЪ ПРИСУТСТВІИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

1791 Апрѣля 28.

Для сего торжества составлена была кадриль изъ 24-хъ паръ, въ которой удостоили принять участіе Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, Государь Императоръ Александръ Павловичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ. Прочія Особы обоего пола были изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій, и всѣ въ великолѣпнѣйшемъ убранствѣ.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА.

Пространное и великолѣпное зданіе, въ которомъ было празднество, не изъ числа обыкновенныхъ. Кто хочетъ имѣть объ немъ понятіе, прочти, каковы были загородные домы Помпея и Мецената. Наружность его не блистаетъ ни рѣзьбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ — его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ, и составляетъ его преддверіе. Торжественныя врата съ надписью: Екатеринѣ Великой,—сооруженныя изъ двухъ огромныхъ гранитныхъ и четырехъ яшмовыхъ столповъ, съ позлащенными подножіями и надглавіями, ведутъ изъ притвора въ кругловой чертогъ, подобный Аѳинскому Одеуму.

Любопытство остановило бы здѣсь осмотрѣть печи изъ лазуреваго камня, обширный куполъ, поддерживаемый осмью столпами, стѣны, представляющія отдаленные виды, освѣщенныя мерцающимъ свѣтомъ, который вдыхаетъ нѣкій священный ужасъ; но встрѣчающаяся внезапно изъ осьмнадцати столповъ сквозная преграда, отдѣ-

ляющая чертогъ сей отъ послѣдующаго за нимъ, поражаетъ взоръ и удивляетъ. На верху вкругъ висящіе хоры съ перилами, которыя обставлены драгоцѣнными Китайскими сосудами и съ двумя раззолоченными органами, раздѣляютъ вниманіе и восторгъ усугубляютъ. Что же увидишь, вступя во внутренность? При первомъ шагѣ представляется длинная овальная зала, или лучше сказать, площадь, пять тысячъ человѣкъ вмѣстить въ себя удобная, и раздѣленная въ длину въ два ряда еще 39-ю столпами. Кажется, что исполинскими силами вмѣщена въ ней вся природа. Сквозь оныхъ столповъ видѣнъ обширный садъ и возвышенныя на маломъ пространствѣ зданія. Съ перваго взгляда усомнишься, и помыслишь, что сіе есть дѣйствіе очарованія, или по крайней мѣрѣ живописи и оптики, но приступивъ ближе, увидишь живые лавры, мирты и другіе благорастворенныхъ климатовъ древа, не токмо растущія, но иныя цвѣтами, а другія плодами обремененныя. Подъ мирною тѣнію ихъ индѣ какъ бархатъ, стелется дернъ зеленый; тамъ цвѣты пестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дороги пролегаютъ; возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, блистаютъ стеклянные водоемы. Вездѣ царствуетъ весна, и искусство споритъ съ прелестями Природы. Плаваетъ духъ въ удовольствіи. Но едва успѣешь насладиться издали зрѣніемъ вертограда, нечувствительно приходишь къ возвышенному на ступеняхъ сквозному олтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживаютъ сводъ его. Вокругъ онаго утверждены на подставкахъ яшмовыя чаши, а сверху висятъ лампады и цвѣточные цѣпи и вѣнцы: посреди же столповъ на порфировомъ подножіи съ златою надписью (*) блистаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ божества, щедротою котораго воздвигнутъ домъ сей (**). Единое воззрѣніе на него раждаетъ благоговѣніе, и воспламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ. Сколько людей великихъ, смотря на него, изъ почтенія, или изъ любочестія проліютъ слезы! но, можетъ быть для того, что не легко достигнуть подобнаго обожанія и славы. Олтарь сей окруженъ лабиринтомъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ его, между древесными вѣтвями, показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ древности Мужей, изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ сосуды, на подножіяхъ возвышенные. На зеленомъ лугу, позади олтаря, стоитъ высокая, алмазовидная, обдѣланная въ злато, пирамида. Она украшена висящими гранеными цѣночками и вѣнцами, изъ разныхъ цвѣтнопрозрачныхъ каменьевъ составленными. Верхъ ея, изъ каменьевъ же, увѣнчанъ лучезарнымъ именемъ Екатерины Второй. Симъ блестящимъ памятникомъ хозяинъ хотѣлъ, кажется, изобразить твердость и сіяніе вѣчной славы своея Благотворительницы. Лучи солнечные сквозь стѣнъ, или забралъ стеклянныхъ, ударяя въ него, отражаются, и, преломляясь нѣсколько кратъ въ тѣлахъ столь же прозрачныхъ, такое производятъ радужное сверканіе, котораго описать не можно. Иногда въ самыхъ мрачныхъ тѣняхъ мелькаютъ пурпуровыя и златыя зари. Нельзя лучше предствить Добродѣтель, разливающую всюду свое сіяніе. За обелискомъ, въ самой глубинѣ вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладязь и купѣль рѣзная изъ Паросскаго мрамора, выше роста человѣческаго. Такія же двѣ стоятъ по концамъ залы предъ двумя возвышеніями, изъ коихъ на одномъ помѣщается многочисленный хоръ музыки, а на другомъ избраннѣйшая бесѣда. Для прочихъ гостей устроены между столповъ ложи. Вездѣ видѣнъ вкусъ и великолѣпіе, вездѣ торжествуетъ Природа и художество; вездѣ блистаетъ граненый кристалъ, бѣлый мраморъ и зеленый цвѣтъ, толико глазамъ пріятный. По приличности, висятъ цвѣточныя вязи и вѣнцы; а по надобности, лампады и фонари. Невѣроятной величины зеркала! Всѣ они индѣ предметы усугубляютъ, индѣ увеличиваютъ индѣ удаляютъ и умаляютъ. — Притомъ сладкогласное пѣніе птицъ, пріятное благовоніе ароматовъ, содѣлывая сіе жилище нѣкоею новою поднебесностію, или волшебною страною, заставляютъ каждаго въ восторгѣ самого себя вопрошать: не сели Эдемъ? — Кромѣ торжественныхъ вратъ, еще четырьмя большими дверями проходятъ изъ сего чертога однѣми во внѣшній садъ, а другими въ прочіе покои. Хотя по множеству оныхъ, пространству и богатымъ приборамъ, приличнымъ болѣе роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая ихъ въ единой токмо блаженной Природѣ: однако въ изумленіи своемъ чаешь быть въ цвѣтущей Греціи, гдѣ Одеумъ, Лицея, Стадіи, Экседры и Театры изъ разныхъ городовъ и мѣстъ собрались, и въ одномъ семъ зданіи воскресли. Тамъ отдѣлено довольное пространство, гдѣ мужественная юность можетъ упражняться въ военныхъ тѣлодвиженіяхъ и прочихъ гимнастическихъ играхъ: здѣсь любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія. Тамъ плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо-Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всей Италіи: здѣсь эстампы съ оныхъ взоры привлекаютъ. Тамъ Азіятской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ: здѣсь Европейскія драгоцѣнныя ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ: здѣсь обсаженная древами прямовидность представляетъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ собирать Академію, и преподавать свою Философію.—Словомъ, для всякаго возраста, пола и состоянія находятся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждаго, съ пріятностію время препроводить можно. Вездѣ достаточная и пристой-

(*) На семъ подножіи надпись: *Матери отечества и мнѣ премилосердой.*

(**) На портикѣ дома надпись: *Отъ щедротъ Великой Екатерины.*

ная услуга, рѣдкая утварь, всего обиліе; и если бы какой властелинъ всемощнаго Рима, преклоня подъ руку свою вселенную, пожелалъ торжествовать звуки своего оружія, или отплатить угощенія своимъ согражданамъ: то не могъ бы для празднества своего создать большаго дома, или лучшаго великолѣпія представить. Казалось, что все богатство Азіи и все искуство Европы совокуплено тамъ было къ украшенію храма торжествъ Великой Екатерины. Едва ли есть нынѣ гдѣ такой властитель, которому бы толь обширное зданіе жилищемъ служило.

Великолѣпные чертоги
На столько разстоятъ локтяхъ,
Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги,
Едва въ ихъ слышится концахъ.
Надъ возвышенными стѣнами,
Какъ небо, наклонился сводъ;
Между огромными столпами
Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ.

Если домъ по сему описанію заслуживаетъ вниманіе: то празднество, бывшее въ немъ, еще болѣе.

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію Великой Государыни и Ихъ Высочествъ, и по нарочному зву знатнаго обоего пола Дворянства, къ 6-ти часамъ по полудни всѣ собралися.—Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы; но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы безъ сомнѣнія пригласить такое же, или еще большее число гостей. Наконецъ прибылъ Дворъ. Въ самое то время на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, взыграли трубы, и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу Всемилостивѣйшей Обладательницы: простосердечное *ура* наполняло воздухъ. Самая лучшая похвала доброму Государю радостный кликъ его народа Подъ симъ гласомъ искренности, хозяинъ встрѣтилъ Высочайшихъ своихъ Посѣтителей въ подобающемъ Августѣйшему Ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданническаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячъ гостей на священныхъ Императорскихъ Особъ, вступившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище.

Во древни времена такъ боги
На Олимпійски торжества,
Оставя горніе чертоги
И свѣтлы троны божества,
Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
Сіяніе лучей своихъ:
Среди народнаго собора
Священное прибытье ихъ
Подобно также познавалось,
Какъ сходитъ къ намъ когда заря;
Роптанье вѣтровъ укрощалось
Румянились эѳиръ, моря;
Вниманье на горахъ блистало;
Поля лобзала тишина.
Все бренно естество молчало,
Смотря, какъ шествуетъ она;
Ея улыбка разливала
На всю Природу блескъ и свѣтъ.

Какъ скоро Высочайшіе Посѣтители соизволили возсѣсть на пріуготовленныя Имъ мѣста, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы; выступилъ отъ олтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Онѣ одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ бриліантовъ на нихъ считалось болѣе, нежели на десять милліоновъ рублей. Сіе младое и избранное общество тѣмъ большій возбудило въ Россіянахъ восторгъ, что Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи удостоили Сами быть въономъ. Видѣли Россіяне соприсутствующу веселію ихъ любезную Матерь Отечества, кроткую и мудрую свою Обладательницу; видѣли при Ней мужественнаго Ея Сына и достойную Его Супругу, украшенныхъ всѣми добродѣтелями; видѣли младыхъ Ихъ чадъ, Великихъ Князей и Княженъ, радостную и твердую надежду будущаго Имперіи блаженства, а притомъ послѣднихъ въ сообществѣ съ дѣтьми ихъ. Какою радостію, какимъ восторгомъ наполняло сіе ихъ чувства, и что изображалося на ихъ, то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того никакое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадриль, такъ сказать изъ юныхъ Грацій, младыхъ полубоговъ и Героевъ составленная, открыла балъ Польскимъ танцемъ. Громкая музыка его сопровождаема была литаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ Польскаго же были слѣдующія:

ХОРЪ 1-й (*)

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрёсъ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

(*) Музыка ко всѣмъ хорамъ, кромѣ 6-го, сочиненія Г-на Козловскаго.

Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима,
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Стонъ Синила (*) раздается
Днесь въ подсолнечной вездѣ;
Зависть и вражда мятется
И терзается въ себѣ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенной мы простерть.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри, премудрая Царица!
Зри, великая Жена!
Что Твой взглядъ, Твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри на блещущи соборы,
Зри на сей прекрасный строй:
Всѣхъ сердца Тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

ХОРЪ 2-й.

Возвратившись изъ походовъ,
Принеся съ собой трофей,
Среди звуковъ, среди громовъ,
Плодъ побѣды вы своей
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, честію вѣнчанны!
Торжествуйте, ликовствуйте,
Наполняйте плескомъ свѣтъ!
Всей вселенной доказуйте,
Что храбрѣй васъ въ свѣтѣ нѣтъ;
Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе,
Васъ Царямъ своимъ вѣрнѣе!

Вы въ поляхъ ли гдѣ сражались,
Били тысячи вы стомъ;
На моряхъ ли въ бой пускались,
Флоты рушили огнёмъ.
Гдѣ вы грады осаждали,
Странны стѣны ихъ упали,
Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
Раздалася слава въ свѣтъ.

Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
Сопротивника днесь нѣтъ;
Нѣтъ имъ спорника во брани,
Рвутъ вездѣ ихъ лавры длани.

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
Исторженныхъ у враговъ;
Вамъ, Россіянки, даруемъ
Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
Раздѣляйте съ нами славу,
Честь, утѣхи и забаву;
Раздѣляйте, ободряйте
И впередъ къ побѣдамъ насъ;
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашъ надъ нами силенъ гласъ;
За одинъ вашъ взглядъ любови
Лить мы рады токи крови.

За одну твою щедроту,
За одинъ Твой кроткій взглядъ,
Сердце, душу, жизнь, охоту,
Россъ принесть на жертву радъ.
О любезна Мать народа!
Вѣрь, что щедрая Природа
Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
Чтобы звучны чудеса
Съ храбрымъ Россомъ Ты творила.
Продолжите, Небеса,
Продолжите Ея лѣта
Къ удивленію вы свѣта!

Расположеніе пляски всей кадрили, которая чрезъ нѣсколько колѣнъ Польскаго прерывалася контратанцами, было изобрѣтенія самого хозяина. Славный Пикъ искуствомъ своимъ сообщилъ ей всю пріятность, какъ въ важныхъ, такъ и въ веселыхъ тѣлодвиженіяхъ. Что вы предъ симъ: буйныя, пьянственныя и шутовскія позорища! что вы предъ симъ?

Не такъ ли, Лира восхищенна,
Въ Пиндаровы цвѣтущи дни,
Была при торжествахъ почтенна?
И онъ, возсѣдшій пальмъ въ тѣни,
Вѣнцемъ покрытый багряницей,
Передъ премудрости Царицей
Дѣла своихъ Героевъ пѣлъ,
Рукой златыя движа струны.
Какіе сладкіе перуны,
Какой огонь отъ нихъ летѣлъ!

Подъ поражающимъ согласьемъ
Его пріятныхъ сердцу стрѣлъ,
Орелъ, нагнувъ на перси выю,
И млечнымъ облакомъ сокрывъ
Въ полъ-яблока зѣницы быстры,
Хребтомъ пернатнымъ тихо зыблясь,
Дремалъ, казалось, близъ его,
Спустивъ свои на розы крылья: —
Но нерастлѣнно нѣгой сердце
И духъ его парилъ у звѣздъ.

(*) Древнее названіе Измаила.

И самыя забавы,
И самая любовь,
Наукой были славы
И къ подвигамъ жгли кровь
Души благорожденной.
Что слухъ внялъ восхищенной,
Что зрѣлъ прельщенный взоръ,
То юность вся твердила
И по домамъ своимъ,
По тѣмъ стезямъ ходила,
Что пѣлъ Піита имъ,
И что гремѣлъ ихъ хоръ.

Онъ пѣлъ имъ витязей ристанье
И крики на коней возницъ,
И молній по мечамъ блистанье,
И пыль столпомъ отъ колесницъ;
Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы,
Желаніе честей и славы,
И къ общему любовь добру;
Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
Вдыхалъ къ порокамъ омерзѣнье,
Мздоимну злату, серебру.

Сѣдые старцы, преклоненны
Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
Внимая добродѣтель чтиму,
Струили токъ блестящихъ слезъ.
Пріятно было имъ то слышать,
Что хвалятъ добры ихъ дѣла;
Но сердцу ихъ еще стократъ
Того милѣй и слаще было,
Что тотъ же на сынахъ ихъ видѣнъ
Былъ знакъ ко славѣ страстныхъ душъ.

Минерва съ Марсомъ зрѣли
На юношъ полкъ младыхъ,
По взорамъ разумѣли
Свою породу въ нихъ;
И чрезъ лѣта толики
Кто Александръ Великій,
Кто будетъ Константинъ;
Божественные взгляды
Свою читали честь
И весь въ Нихъ блескъ Эллады:
Тотъ громы къ Персамъ несть,
Сей вновь построитъ Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіи танцы кадрили сопровождались громкою музыкою и хорами, воспѣвавшими побѣды, кажется, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобы, по примѣру древнихъ, возбуждать юношество къ славѣ. Пріятно было видѣть нѣкоторыхъ младыхъ людей, столько симъ тронутыхъ, что слезы у нихъ на глазахъ являлись.

Что принадлежитъ до прекраснаго пола, то развѣ только Анакреонъ изобразилъ бы всѣ его прелести.

Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
О пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ
Безъ вина бы и безъ хмѣля
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
И въ мечтѣ, иль въ восхищеньѣ
Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ,
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ;
Иль на аленькомъ листочкѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ,
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда сюда летаетъ,
И садится онъ по Нимфамъ,
То на ту, то на другую.
Какъ садятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младые.
Онъ у той блисталъ во взглядахъ,
У иной блисталъ въ улыбкѣ,
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще:
Не пролетывали мимо,—
Попадали прямо въ душу.
И душа бъ твоя томилась,
Уязвленная любовью:
Лишь Паллады щитъ небесный
Утолялъ твои бы вздохи.

Въ продолженіе танцевъ, Августѣйшая Гостья, оказавъ Свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе, и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланный коврами и обитый драгоцѣнными тканями. Здѣсь на стѣнахъ изображена Исторія Персидскаго Вельможи Амана и Мардохея Израильтянина. Истканіе толь живо, что, кажется, слышанъ гласъ послѣдняго.

И если я не милъ того Вельможи оку,
Ты вѣдаешь, могу ль я быть рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все, о кроткая Эсѳирь,
Владычица сердецъ и красота порфиръ!
Судьба на тронъ тебя съ тѣмъ Царскій возводила,
Чтобъ милость ты и судъ на тронѣ воцарила,
Невинность бы спасла, низвергла бъ клевету,
И сердце нѣжное и духа высоту
Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
Ты мудростью бъ примѣръ мужей великихъ стала!

Между тѣмъ, какъ разсматривая здѣсь обои, воображеніе мечтало сіе или что либо сему подобное, разумъ съ почтеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина, или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію и который подобными нравоучительными бытіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахрамами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ. Онъ былъ какъ бы живъ, и поставленъ нарочно на стражѣ у Ассуира, предъ которымъ происходила помянутая исторія. Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представле-

нія. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному Высочайшихъ своихъ Посѣтителей, и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензловое Имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. Балетъ препровождаемъ былъ музыкою и пѣніемъ.

ХОРЪ 3-й.

Сколь Твоими чудесами,
Взгляда Твоего лучами,
Именемъ Твоимъ блаженны!
Сколь Тобой мы восхищенны!
Зри на наши Ты днесь лица,
Кроткая Небесъ зѣница!
Гдѣ Твое лишь имя, взоры
Намъ возблещутъ: пѣсни, хоры
Тамъ повсюду раздаются,
Восклицанія несутся:
Всѣхъ съ Тобой мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

Засимъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявщій Смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести Россійскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна политическаго нашего состоянія! Давно ли Украйна и Низовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ Ордъ? Давно ли? О коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ. О потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины. Она рекла:

Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ грады;
Крылаты Этны по морямъ
Текли съ Орловымъ до Эллады:
Они три свѣта потрясли.
Подобны лавры возрасли
И днесь Потемкина рукой.
Коль силенъ духъ Ея средь боевъ!
Коль онъ вездѣ великъ собой!
Онъ маніемъ творилъ Героевъ,
Которыхъ въ поздни времена
Дѣянья, память, имена
Гремящей славой будутъ вѣчны,
Грозой стихіевъ непресѣчны.

Уже наступила ночь, и когда изъ театра возвращалися въ залу, предвозвѣщено было концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

ХОРЪ 4-й.

Отъ крылъ орловъ парящихъ
По Югу воетъ шумъ:
Погрязли въ морѣ флоты,
Легли въ поляхъ полки;
Съ холмовъ низверглись грады,
Затмилася луна;
Подъ Россскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

Владычица полсвѣта,
Россіянъ храбрыхъ Мать!
Въ богоподобной славѣ,
Въ сіяньѣ благъ Твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на понтъ,
Благоволи приникнуть
На сонмъ Твоихъ побѣдъ.

Воззри, какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни:
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ Твои сыны.
Мое жъ къ Тебѣ усердье,
Коль можно бъ съ чѣмъ сравнить,
Давно бъ Тебѣ вселенна
Воздвигнула олтарь.

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что жъ представилось? Сама Августѣйшая Императрица вопрошаетъ: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Сто тысячъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристаломъ, наполненнымъ возжженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненыя паникадила и фонари, висящіе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни какъ жаръ горятъ, а другіе какъ воды переливаются; и совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сіяніе, все покрывали свѣтозарностію. Какой блескъ! Волшебные зáмки Шехеразды! сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ, унизаннымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безсмертные пѣвцы храмовъ вкуса и славы (*)! почто вы не видали сего великолѣпія?—Что я вижу? тутъ играетъ яркій и живый лучъ, и какъ бы зноемъ Африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный: я весь въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горящія полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетеные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству; заревосквозь лѣсъ проглядываетъ; искусство вездѣ подражаетъ Природѣ. Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія

(*) Вольтръ сочинилъ поэму: *Храмъ вкуса*; а Попъ: *Храмъ славы*.

пальмы, по подбористымъ и равнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами, и горятъ какъ пламенѣющіе столпы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленный и желтый виноградъ, віясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилеи и тюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизреченную пестроту и чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что видишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь!—Но если Природа, искуство, и самое, такъ сказать, волшебство неодушевленными и неподвижными предметами приводятъ здѣсь въ изумленіе: то какимъ безмолвнымъ восторгомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпенѣніемъ остановляешься, когда внезапно находишь подъ густотою древесныхъ вѣтвей чистыя воды и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ? когда тутъ же, средь грома музыки и литавръ, слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни съ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ отдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняютъ. Такая необыкновенная и восхитительная внезапность совсѣмъ новое чувствіе раждаетъ. Но что съ тобой будетъ, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной Матери твоего отечества, олтарь Ея и образъ, вокругъ которыхъ по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ видны дражайшія имена всего Ея наслѣдія (*)? Всякой Россіянинъ вообразитъ и почувствуетъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, отъ благодарности за прошедшее, отъ любви за настоящее, и отъ надежды ожидаемаго блага. Ежели онъ благоразуменъ, то въ умиленіи сердца скажетъ: «Сей чистый и ясный огнь есть истинное подобіе моего къ ней усердія; сіе лиловое и зеленое пламя образъ безсмертной моей и потомства моего на Нихъ надежды.» Если же онъ чувствителенъ, то проліетъ ангельскія слезы, и блаженствомъ своимъ приближится къ небожителямъ, созерцающимъ непостижимое, вѣчное сіяніе.

Не такъ ли солнцевъ домъ среди небесъ,
Весь радугой объятъ, и весь покрытъ зарями?
Моря сверкаютъ въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфирѣ, кристалѣ, въ немъ звѣзды какъ свѣщи,
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи.
Въ каленомъ златѣ въ вѣкъ горитъ и не сгараетъ,
И око смертное сіяньемъ притупляетъ.

Щедротою своею Виновница блеска сего, достойная, чтобъ и въ позднѣйшія времена такіе храмы въ честь Ея воздвигаемы были, ходитъ вокругъ, осматриваетъ все съ обыкновенною Ей милостію. Предъ Нею, кажется, все живѣе становится, все пріемлетъ бо́льшее сіяніе; слѣды Ея суть блистательныя волны тѣснящагося за Нею веселаго, радостнаго, торжествующаго собранія. Сіе паче всего Ее утѣшаетъ. Свѣтлое лице Ея ободряетъ улыбки, игры, пляски, лики, забавы. Се подобіе Матери, се Монархиня, окруженная славою, любовію, великолѣпіемъ!

Всѣ три,
Казалось, оны божества
Съ Владычицею душъ, съ небесъ
Пришли
Умножить блески, звуки, радость
Торжества.
Всѣ три,
Казалось, межъ собою
Какъ будто споръ вели:
Кому быть празднества душою?
Но слава здѣсь съ вѣнцемъ лавровымъ,
Съ короною изъ звѣздъ,
На подвиги душамъ готовымъ
Трубой съ высокихъ мѣстъ
Свой огнь вливала;
Во всѣхъ сердцахъ одна торжествовала
И Нимфъ, и Сильфъ соборы
Ея всѣ пѣли хоры,
Ея твердили гласъ,
Плясали, бѣгали, скакали,
Качались (*), въ воздухѣ летали,
И всѣ согласно восклицали:
»Утѣхамъ время, дѣлу часъ!»

Между прочими танцами были также пляски по Малороссійскимъ и Русскимъ простымъ пѣснямъ, изъ которыхъ одна ниже сего слѣдуетъ. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое отечество нравится болѣе иностраннаго: то какое было удовольствіе видѣть предъ лицемъ Монарха одобреніе къ своимъ увеселеніямъ? О вы, которые не плѣняли такимъ образомъ сердецъ, а хотѣли быть страшными, Цари! могли ль вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

ХОРЪ 5-й.

На бережку у ставка
На дощечкѣ у млинка, и проч.

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма пространномъ и прекрасномъ саду возжжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оные.

(*) Сквозь транспараны сіяли вензловыя Имена Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Престола, его супруги, Великихъ Князей и Княженъ, озаренныя фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтами, знаменующими безсмертіе и надежду.

(*) Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели.

Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешуящихся между открытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилася флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ матрозовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Рощи, пріятно разбросанныя, и алеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ, надъ водами стоящихъ, которыя отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ нимъ стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ въ далекѣ гребецкаго рога и пѣсень, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится отвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздать Ея ко мнѣ щедротѣ?
Величіе мое — творенье рукъ Ея;
Все счастіе мое — души Ея въ добротѣ,
И слава торжества — Ея, а не моя.

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посѣтители внутри и внѣ дома (*) ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду.

Онъ мещетъ молнію и громы,
И рушитъ грады и беретъ;
Волшебны созидаетъ домы,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой Гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою чиститъ бриліанты
И тѣнится, на нихъ смотря.
Сегодня бурю представляетъ,
Летаетъ завтра какъ зефиръ,
И лавръ и мирты собираетъ,
И бой ведетъ, и строитъ миръ;
То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ лунѣ, и смотритъ въ даль;
То рядитъ щеголей въ ботины (*),
Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль (**).
И если бъ онъ имѣлъ злодѣевъ,
Согласны бъ были всѣ они:
Что видятъ образъ въ немъ Протеевъ,
Который жилъ въ златые дни.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были Высочайшаго Императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать Государи, Великіе Князья Алексадръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ Всемилостивѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Престола съ Высочайшею Его Супругою: партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія. Всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія возносилася освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Владычицы, и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться Ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклонясь надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро:
Восточный, Западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметисты
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Вскорѣ послѣ ужина, Высочайшая Посѣтительница, обозрѣвъ еще веселящихся, соизволила со

(*) Въ продолженіе бала разносимы были чай, кофе, оршадъ, лимонадъ и всякіе конфеты.

(*) Легкіе сапожки, которые ввелъ Его Свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ.

(**) Азіатскія тонкія покрывала, которыми Его Свѣтлость дарилъ Дамъ.

всѣмъ Своимъ Августѣйшимъ Домомъ уклониться къ покою. Уже подвезены были колесницы: внезапу раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, нисходящее съ висящихъ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными озаренными яркимъ цвѣтомъ стеклянными сосудами. Всѣ безмолвствуютъ, внимаютъ и обращаютъ всюду взоры свои, и не видя поющихъ, въ пріятномъ, восхищеніи думаютъ созерцать облака, или зари съ которыхъ слышалось Ангельское пѣніе, сопровождаемое небесною гармоніею,

ХОРЪ 6-й.

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ Твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышетъ все Твоей душой;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей,
Если мысль, Тебя не зрѣть,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ?

Стой и не лети, ты, время!
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей;
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*).

По окончаніи хора, хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею Всемилостивѣйшею Самодержицею и облобызалъ Ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе. Паки новая и трогающая сердце картина! Великолѣпный Дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную Монархиню съ величественнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ Своимъ подданнымъ, который нѣсколько минутъ держалъ Ея десницу съ нѣкакимъ особливымъ душевнымъ умиленіемъ. Тако оставляла божественная Минерва сына Улисова.

Нисшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемлясь къ высотамъ,
Къ нему съ улыбкой зрѣла.
Отъ брони вѣтромъ звуки,
Отъ взоровъ лучъ летѣлъ:
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣлъ.

(*) Сей хоръ, взятый изъ Италіянской оперы, пѣтъ на Италіянскомъ языкѣ; но здѣсь съ перемѣною нѣкоторыхъ словъ соглашенъ съ тою музыкою.

ТОРЖЕСТВО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

ОТПРАВЛЕННОЕ ВЪ ТАМБОВѢ ГУБЕРНАТОРОМЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ, ВЪ ЕГО ДОМѢ,

1786 Іюня 28.

ОСОБЫ,

СОСТАВЛЯВШІЕ КАДРИЛЬ И ХОРЫ,

(большею частію дѣти).

Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Лаврентій Семеновичъ Журавченко
Иванъ Петровичъ Ивановъ.

Анна Николаевна } Свѣчины.
Прасковья Николаевна
Надежда Николаевна

Княжна Катерина Ивановна Давыдова.
Иванъ Михайловичъ Ушаковъ.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Надежда Матвѣевна Булдакова.
Михайло Николаевичъ Кормилицынъ.
Катерина Степановна Беклемишева.
Николай Дмитріевичъ Хвощинской.
Ѳіона Ивановна Комсина.

Николай Степановичъ Беклемишевъ
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Борисъ Дмитріевичъ Хвощинской.
Елена Николаевна Охлебинина.
Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Анна Никитишна Салькова.
Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Катерина Прохоровна Ерина.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Каролина Ѳедоровна фонъ-Мелина.

Стихи въ хорѣ соображены были съ музыкою Г-на Паизелло.

Въ древнія времена въ Аѳинахъ былъ обычай составлять торжество богинѣ Минервѣ, страну Аттическую покровительствовавшей. Оно установлено было для поощренія къ добродѣтели, и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ храмѣ жертвъ, главный Жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами. — Во время шествія они пѣли стихи, подобные нижеслѣдующимъ, въ честь ихъ Покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, Хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодѣніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ остановлялись. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотворенію въ древности. Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему Аѳинейскому обыкновенію, Тамбовское Благородное Общество, торжествуя день возшествія на Престолъ Ея Величества, составило кадриль изъ благородныхъ обоего пола дѣтей, которыя, будучи одѣты въ бѣлое Греческое платье и украшены цвѣточными перевязями, подъ предводительствомъ Хорега, представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлереи Храма. Во времяшествія ихъ слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

ХОРЪ.

Гимнъ Богинѣ.

Премудрая Аѳина!
Всещедро божество!
Ты намъ покровъ едина,
Ты наше торжество.
Благоволи пробавить
Почтить того, прославить,
Кто только лишь Твою
Одну святую волю
И Твой законъ хранитъ,
Счастливитъ смертныхъ долю,
Не мститъ, благотворитъ,
И по путямъ лишь чести
Влечетъ къ себѣ сердца, —
Достоинъ не изъ лести
Тотъ славы и вѣнца.

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ Главнокомандующему въ Губерніи (*), поднесли ему: юноша вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ краткимъ привѣтствіемъ:

(*) Г-ну Гудовичу.

ЮНОША.

«За оказанныя благодѣянія здѣшнему Обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія»

ДѢВИЦА.

«Позволь, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми.» —

По данному Начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія картины:

I.

Солнце въ полномъ свѣтѣ, посреди котораго вензловое Имя Екатерины Вторыя, освѣщало лучами своими полсвѣта, на которомъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами поднимали крылья, дабы воспарить къ сему благотворному свѣтилу.

НАДПИСЬ:

Твой свѣтъ насъ воскриляетъ.

II.

Геркулесъ, въ груди котораго вензловое имя Екатерины Вторыя, облеченный во львиную кожу, стоитъ, облокотясь на свою палицу, и попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгаютъ, а младенцы, играя вокругъ его, разсыпаютъ цвѣты.

НАДПИСЬ:

Тебя мы не боимся.

III.

Аполлонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной четырьмя огненными конями. Отъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. Мраки исчезаютъ. Пришествію его радуется Природа. Лебеди и прочія пернатыя машутъ крылами и прославляютъ его пришествіе.

НАДПИСЬ:

Торжествуемъ приходъ своего благотворителя.

ПРОЛОГЪ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ СЪ МУЗЫКОЮ,

НА ОТКРЫТІЕ ВЪ ТАМБОВѢ

ТЕАТРА И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА,

представленный Благороднымъ Обществомъ

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

НА ТЕАТРѢ ВЪ ДОМѢ ГУБЕРНАТОРА ДЕРЖАВИНА.

1786 Ноября 24.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пустынникъ, Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Геній . . . . . Дѣвица Анна Матвѣевна Бибикова.
Мельпомена, Дѣвица Марья Григорьевна Орлова
Талія . . . . . Дѣвица Марья Дементьевна Чичерина.

Дѣти: Мальчики съ рѣчами.
- Александръ Антоновичъ Аничковъ.
- Николай Дмитріевичъ Хвощинской.
- Николай Степановичъ Беклемишевъ.
- Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
- Борисъ Дмитріевичъ Хвощинской.
- Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
- Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
- Романъ Өедоровичъ фонъ-Мелинъ.
- Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
- Александръ Петровичъ Чевелевъ

Дѣвицы безъ рѣчей:
- Надежда Матвѣевна Булдакова.
- Фіона Ивановна Комсина.
- Софья Дмитріевна Хвощинская.
- Евпраксія Николаевна Сатина
- Елена Николаевна Охлебинина
- Елисавета Андреевна Алѣева.
- Анна Никитишна Салькова.
- Елисавета Өеодоровна Макшѣева.
- Елисавета Антоновна Аничкова.
- Катерина Степановна Беклемишева.

Музыка:
- Первый хоръ г-на Журавченка.
- Второй хоръ г-на Раупаха.

Декорацiи и платье, г-на Барзантія.

ПРОЛОГЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти, разнаго состоянія, отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихіи. — По укрощеніи бури, выходитъ пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ.

ПУСТЫННИКЪ.

О дикій, темный лѣсъ, но въ дикости прекрасный,
Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь дерёвъ:
Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ?—Ахъ нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе кто за мною идутъ въ слѣдъ...
(Рубитъ сучья, которые, упадая, открываютъ просѣкъ).
Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ;—дорога къ свѣту есть.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляетъ на проложенной Пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ; но оныя тотчасъ закатываются: восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце, которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или Духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакѣ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.

ГЕНІЙ. (Сошедшій съ облака, удивляется красотѣ и величеству свѣтила.)

Краса вселенныя, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, отраднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобъ я съ круговъ ѳеира
Слетѣлъ, и обозрѣлъ величество твое.
Оно божественно! все чувствіе мое
Несмѣтныхъ благъ твоихъ плѣненно красотою:
Я восхищенъ тобою!
И если мой небесный, чистый жаръ,
Усердіе и чувства благородны
Тебѣ угодны:
Въ благопріятный даръ
Прими его.
Отъ свѣта твоего
Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,
Я приложу старанье,
И лѣсъ сей просвѣтить готовъ. (Беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ):
Внимай меня, кто бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный.
Послушайте! себѣ желаетъ кто добра,
Дражайшаго сто кратъ и злата и сребра,
Котораго никакъ не похищаютъ воры,
Не подкопаетъ тать: не медля, будьте скоры,
Спѣшите всѣ ко мнѣ богатство пріобрѣсть.
Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просите у меня, все дать я обѣщаю,
Что можетъ честь
Принесть
И сердце воспалить къ поступкамъ благонравнымъ:
Приди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ!

МАЛЬЧИКЪ. (Выскоча изъ пещеры, кричитъ):

Я!

ГЕНІЙ. (Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ):

Учись начальству быть послушнымъ прежде самъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Потщуся быть послушнымъ.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ быть почтенъ, имѣть великій санъ?

(Другой мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ):

Я!

ГЕНІЙ. (Пишетъ на доскѣ, и возглашаетъ):

Такъ будь великодушнымъ,
Учись быть всѣмъ слугой.

МАЛЬЧИКЪ.

Урокъ исполняю твой

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ пріобрѣсть себѣ богатство, славу?

(Третій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ):

Я!

ГЕНІЙ.

Трудись!

МАЛЬЧИКЪ.

Послѣдую сему уставу.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ добрымъ быть и честнымъ гражданиномъ,
Любезнѣйшимъ отцемъ, послушнымъ, кроткимъ сыномъ,
Супругомъ ласковымъ, сосѣдомъ несварливымъ,
Судьею справедливымъ,
Единымъ словомъ: кто, кто хочетъ быть счастливымъ?

(Тутъ множество мальчиковъ изъ пещеръ бѣгутъ съ распростертыми руками и кричатъ):

Я! я! я! я.

ГЕНІЙ. (Пишетъ на доскѣ, и возглашаетъ):

Учитесь и трудитесь!

МАЛЬЧИКИ. (Всѣ вдругъ:)

Будемъ!
Твоихъ совѣтовъ не забудемъ.

(Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающемуся эху, отзывается возглашеніемъ Генія и отвѣтами мальчиковъ).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАЛІЯ И МЕЛЬПОМЕНА.

МЕЛЬПОМЕНА.

Въ семъ лѣсѣ, гдѣ дика, сурова такъ природа,
Я слышу гласъ народа. —
Учиться здѣсь повелѣваютъ!

ТАЛІЯ, (глядя на доску).

И грамотѣ здѣсь знаютъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

Здѣсь пишутъ, кажется, и могутъ мыслить.

ТАЛІЯ.

Не можно ли ихъ намъ, сестра, къ себѣ причислить,
И краю здѣшнему услугу показать?
Мы будемъ представлять.

МЕЛЬПОМЕНА.

И то возможетъ статься.

ТАЛІЯ.

Пойдемъ же попытаться. —
Я вижу впереди учителя съ дѣтьми.
Наука, можетъ быть, межъ здѣшними людьми
Пріятна и любима (Подходитъ къ Генію).

МЕЛЬПОМЕНА.

Мы странницы, пришли изъ Греціи, изъ Рима;
Насъ тамъ любили всѣ.
Я добродѣтель ободряла.

ТАЛІЯ.

А я порокъ пересмѣхала.

МЕЛЬПОМЕНА. (Къ Генію).

Дерзаемъ вопросить: здѣсь льзя ль остаться намъ?

ТАЛІЯ.

И намъ воздвигнуть храмъ?

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ сіе время, какъ Геній разговариваетъ съ Музами, дѣти снимаютъ съ дерева учебную доску, и уходятъ съ нею въ пещеры.

ГЕНІЙ.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моей столь много упражненный,
Я не примѣтилъ васъ. Но васъ ли вижу я?
Облегчена теперь обязанность моя.
Какое счастіе! о странницы любезны!
Вы кстати, кстати здѣсь, пренужны, преполезны;
Вы нынѣ будете мнѣ помощью съ небесъ:
Сей лѣсъ
Былъ множество вѣковъ ужасно помраченнымъ,
Не очищеннымъ,
Подобно хаосу стоялъ,
Стихіевъ бурями стеналъ;
Но нѣкогда вертепъ сей дикій,
Пустынникъ ревностный, могучій и великій,
Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ,
Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ,
По коей свѣтъ,
Спомоществуемый лучами трехъ планетъ,
Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;
И лѣсъ
Поднесь,
Едва лишь освѣщеннымъ былъ,
Иль только просвѣщеннымъ слылъ;
Но наконецъ сіе великое свѣтило,
Взошедъ на высоту небесъ,
Свой лучезарный блескъ спустило
На этотъ лѣсъ.
Отъ бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Отъ Тихихъ до сердитыхъ,
Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучъ;
Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,
Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,
Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!
Препоны нѣтъ ему нигдѣ;
Вездѣ
Все движется, живетъ, растетъ и разцвѣтаетъ,
Все животворный огнь вкушаетъ, ощущаетъ;

Кремень преобращается въ алмазъ,
И испущаетъ все благодаренья гласъ!
Блистаніемъ его и я здѣсь пребываю:
Ему служу,
Разсадникъ свѣта развожу,
Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю. —
Ступайте! время вамъ
Здѣсь вашъ воздвигнуть храмъ.
Ступайте! голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ внятенъ,
Оберегатель правъ здѣсь вамъ благопріятенъ.
Ты, Мельпомена, намъ доброты возвѣщай
И подвизаться въ нихъ Героевъ поощряй;
А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ искуснымъ
Пересмѣхай порокъ, и дѣлай его гнуснымъ.
Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, Наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь. Примите у меня
Орудіе свое.

(Вынимая изъ облака, подаетъ Мельпоменѣ кинжалъ.)

МЕЛЬПОМЕНА.

Велѣніе твое
Храня,
Я все противное законамъ, правдѣ, чести,
Любви къ отечеству и вѣрности къ Царю,
Все то, что по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
Не пощадя себя на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

ГЕНІЙ.

(Вынимая изъ облака маску, подаетъ Таліи.)

Вотъ, Талія, тебѣ личина и твоя.

ТАЛІЯ.

Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись я, какъ будто не нарочно,
Все то, что скаредно, и гнусно, и порочно,
И такъ и сякъ, ни въ комъ, никакъ не потерплю;
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю.
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кащеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,
Господъ немилосердыхъ
И мудрецовъ безвѣрныхъ,
На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ;
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло покажу;
Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться,
Плевать на нихъ, мерзить, освистывать, ругаться!
А буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ; —
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ.

ГЕНІЙ.

Не сомнѣваюсь я, нелестные друзья!
Не тщетна, кажется, надежда въ васъ моя.
Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,
И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣтите.
Но прежде намъ сего пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь
И столь въ немъ расширилъ любезну свѣтозарность:
Намъ должно торжествомъ принесть тѣмъ благодарность.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лѣсъ исчезаетъ. — Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колонадою, въ концѣ которой виденъ храмъ просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медаліонами — Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензловое имя Петра I. — Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ представляетъ вензловое имя Екатерины II. — Хоры пѣвчихъ — Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь, и становятся отъ обелисковъ вдоль по колонадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена — на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторону.

ГЕНІЙ, (обращаясь къ первому обелиску).

Начнемъ!
И прежде пѣснь тому мы воспоемъ,
Кто въ свѣтъ
Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

ХОРЪ (тихо, безъ музыки).

Ко скипетру рожденны руки
Онъ въ трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.)

ГЕНІЙ, (обратясь ко второму обелиску).

Теперь мы возгласимъ то славное свѣтило,
Что вящшіе лучи на край сей ниспустило.

ХОРЪ, (громогласно съ музыкою).

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей!
Сіяй, утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіяй, несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами второй обелискъ.)

ТАЛІЯ.

Начну я отправлять мою теперь же должность,
И вамъ Комедію представлю: *Такъ и должно.*

ПРОЛОГЪ

АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ

ЛЮБВИ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любовь.
Жрецы.
Юноши.
Дѣвы.
Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверѣ.

Сей прологъ былъ сочиненъ на случай разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны Великою Княжною Маріею Александровною, по соображенію тогдашняго времени и обстоятельствъ; но какъ отъ автора Двору представленъ не былъ, то и не игранъ.

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ.

Театръ представляетъ на разсвѣтѣ лѣсъ, покрытый инеемъ. Въ срединѣ лѣса купа дубовъ, подъ которыми семь жрецовъ сидятъ въ бѣломъ одѣяніи. Предъ ними олтарь. Вдали видны каменныя скалы съ висящими съ нихъ оледенѣлыми источниками. Музыка соображается дикой замерзлой природѣ, сливаясь съ шумомъ вѣтра.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ

(Тихій, унылый, безъ музыки, изъ теноровъ и басовъ составленный.)

Долго ль инеемъ покрытый
Будетъ сей ужасенъ лѣсъ?
Свѣтлы дни уже забыты,
Видимъ въ стужѣ гнѣвъ небесъ!

ЖРЕЦЪ.

(Теноромъ поющій, приступая къ олтарю, поставляетъ предъ нимъ жертвенный треножникъ, покрытый бѣлымъ полотномъ.)

Съ первымъ бы цвѣткомъ явиться
Къ намъ должна была весна;
Но земля безплодна зрится,
Холодомъ умерщвлена.

ВТОРОЙ ЖРЕЦЪ.

(Старшій, басомъ поющій, снимаетъ съ треножника покрывало.)

Часто покрываетъ мглою
Блески своего чела,
Чтобъ съ сугубой красотою
Послѣ возсіять могла.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Съ музыкою, возставъ и приближаясь къ олтарю.)

Принесемъ же мы моленье
Благодѣтельнымъ богамъ,
Чтобъ твое произреченье
Скоро совершилось намъ.

ТРИ ЖРЕЦА.

(Старшій и два младшіе, съ музыкою.)

Боги! наши голоса
Да коснутся неба свода!
Озарите небеса,
И воскреснетъ вся природа!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Безъ музыки.)

Чада! чада! къ намъ идите
И мольбы соедините.

(Показывается народъ, юноши и дѣвицы.)

ХОРЪ ОБЩІЙ.

(Съ музыкою. Народъ, жрецы, юноши и дѣвицы.)

О небо! преклонись къ моленьямъ
Ты сокрушенныхъ нашихъ душъ.
Весна, приди и дуновеньемъ
Оковы мразныя разрушь.

Вели дыхать благоуханьямъ,
Вели раскинуться цвѣтамъ,
Да мы щедротъ ея даяньемъ
Здѣсь жертвы принесемъ богамъ.

(Подъ симъ хоромъ хороводъ дѣвицъ и юношей составляютъ вкругъ олтаря и жертвеннаго треножника медленный священный танецъ. Между тѣмъ старшій жрецъ возжигаетъ на треножникѣ огонь. Хоръ прерывается слышимымъ вдали троекратнымъ гуломъ грома, при каждомъ коего отголоскѣ пламя на треножникѣ вспыхиваетъ, и хоръ, возобновляясь, трикраты, постепенно тихо умолкаетъ.)

ТРИ ЖРЕЦА.

Смягчилося стремленье
Холодныхъ бурь и стужъ,
Услышано моленье
Усердныхъ вашихъ душъ.

ХОРЪ.

(Изъ народа, юношей и дѣвицъ.)

Услышаны мольбы сердечны,
Молитва наша принята!
О боги праведны и вѣчны!
Обрадуйте сіи мѣста.

Надежда, утѣшай, драгая!
Приди скорѣй, весна златая!

(Сей народный хоръ пресѣкается сильнымъ громовымъ ударомъ. Театръ постепенно освѣщается, сходятъ облака и часть лѣса; а сцена мало по малу перемѣняется въ весеннія явленія).

ХОРЪ ДѢВЪ.

Оживитесь, почвы льдисты!
Распуститеся цвѣтки!
Да сплететъ изъ васъ душисты
Милымъ и себѣ вѣнки.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Разстелитеся зелены
Намъ на подвиги луга,
Чтобъ бросать огонь военный
Мы учились на врага.

(Въ сіе время спускаются облака ниже во глубинѣ театра, и составляютъ изъ себя группу.)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Поспѣваетъ наша дань
Дѣвамъ юнымъ и прекраснымъ.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Ужъ открылося на брань
Поле юношамъ безстрашнымъ.

(Сіи хоры одинъ послѣ другаго повторяются.)

ОБЩІЙ ХОРЪ.

(Изъ юношей и дѣвъ.)

Всѣ утѣхи обѣщаетъ
Сердцу радостна весна;
Но еще не доставляетъ
Нѣкихъ намъ блаженствъ она.

(Тутъ указываетъ народъ на сгущенную группу облаковъ, и приближается къ ней вмѣстѣ съ жрецами.)

ХОРЪ НАРОДА И ЖРЕЦОВЪ.

(Фуга.)

Что за явленье
Снисходитъ съ небесъ?
Странно видѣнье
Рѣдкихъ чудесъ!

(Нижняя часть густыхъ облаковъ, садясь на землю, раздвигается и появляется изъ нея розовый кустъ.)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Весна открылась красотою,
Сплетемъ вѣнки себѣ мы вновь.

(Подбѣгаютъ къ кусту рвать цвѣты: въ немъ показывается Любовь въ видѣ младенца. Въ сіе мгновеніе разрѣшаются замерзлыя воды, текутъ водопады; лѣсъ и земля покрываются цвѣтами.)

ХОРЪ.

(Изъ народа, жрецовъ, юношей и дѣвицъ.)

Мы видимъ, съ юною весною
Родилась нѣжная любовь.

Дѣвицы поднимаютъ на рукахъ Любовь, и несутъ ее, при повтореніи сего хора, на олтарь, украшенный тогда жъ цвѣтами, на которомъ и поставляютъ.)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Лишь взглянетъ только, воспламенитъ
Намъ къ мужеству сердца.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Въ насъ пламенну любовь родитъ
Улыбкою лица.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

О твердая любовь златая
Всего народа цѣпь сердецъ!
Прославимъ, праздникъ составляя,
Въ тебѣ залогъ благихъ небесъ.

ЮНОШИ И ДѢВИЦЫ.

(Выступая на средину театра и обращаясь къ Любви.)

Сладкая души отрада!
Тяжесть золотыхъ оковъ!
Твоего едина взгляда
Ищемъ, жаждемъ мы, Любовь.

ДѢВИЦА.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милый мой! однимъ тобой,
И ты любишь, — все прекрасно,
Все прелестно предо мной.

ЮНОША.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милая! одной тобой,
И ты любишь, — я безстрашно
За тебя иду на бой.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ И ДѢВИЦЪ.

Обладай, Любовь, ты нами!
Обладай, взаимна страсть!
Царствуй, царствуй надъ сердцами:
Всѣмъ твоя пріятна власть.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(Поднося Любви розовый вѣнокъ.)

Весенни мы приносимъ дары,
Да розой жизнь твоя цвѣтетъ.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

(Поднося лавровый вѣнокъ.)

А мы тебѣ подносимъ лавры,
Да удивится славѣ свѣтъ.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Поднося вѣнокъ дубовый.)

Явися, общихъ благъ Содѣтель,
Народа радость и краса!
Любя святую добродѣтель,
Преклонь на насъ Ты небеса.

(Весь народъ повторяетъ послѣдніе два стиха жрецовъ.)

Сей хоръ сопровождается трубами и литаврами, подъ которымъ Корифеи производятъ пляски и на посохахъ, увѣшанныхъ цвѣточными плетеницами, составляютъ около олтаря подобіе Храма. Съ небесъ спускаются къ Любви трофеи, въ которыхъ видны лукъ, колчанъ и пламенникъ. Она надѣваетъ на себя колчанъ, беретъ лукъ и пламенникъ, который въ рукахъ ея зажигается. Имъ она касается трофеевъ, между которыми освѣщается вензловое имя новорожденныя. Жрецы подносятъ къ Любви жертвенный треножникъ, на которомъ она пламенникомъ своимъ зажигаетъ ароматъ. На олтарѣ является огненная надпись:

Блаженство, счастье водворится,
И именемъ ея весь Сѣверъ озарится.

Сей стихъ воспѣвается всеобщимъ хоромъ и дѣйствіе тѣмъ кончится, что всѣ съ колѣнопреклоненіемъ покланяются Любви.

ПРОЛОГЪ

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ

ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА,

ПОЧЕРПНУТЫЙ

ИЗЪ ДРЕВНЯГО ВАРЯГО-РУССКАГО БАСНОСЛОВІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рюрикъ, Великій Князь Новгородскій, родоначальникъ Монарховъ Русскихъ, происшедшій отъ Сѣвернаго бога Одина.
Едвинда, его супруга.
Зничь, или Май.
Зимцерла, или Весна, его супруга.
Лель, или Купидонъ, ихъ сынъ.
Валки, Небесныя дѣвы, или Граціи.
Жрецы, Богослужители, } первые отличаются на главахъ вѣнцами.
Барды, Пѣснопѣвцы, }
Дажъ-богъ, Духъ, покровитель Сѣвера.

Огняны, Вѣтряны, Моряны, Земляны. } Духи, повелѣвающіе стихіями, то есть: Саламандры, Сильфы, Наяды и Гномы.
Богъ Одинъ, и прочіе, Боги и Герои сѣверные, } пирующіе въ Валкалѣ, или въ раѣ храбрыхъ. } безъ рѣчей.
Дагоды, или Зефиры.
Кикиморы, или Мечты.
Русалки, или Нимфы рѣчныя.

Дѣйствіе въ Старой Ладогѣ, на мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Рюриковъ.

Сей прологъ, какъ и первый, сочиненъ въ одно времи, на случай разрѣшенія отъ бремени Великимъ Княземъ.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лунную ночь и рощу на берегу рѣки Волхова. Нѣсколько купъ старыхъ дубовъ. Въ ближайшей изъ нихъ виситъ съ огнемъ лампада. Нѣсколько скамей и арфъ. Сквозь шумъ пороговъ и бушующаго лѣса слышны изрѣдка звуки арфъ. Музыка соображается видимымъ предметамъ. Со стороны выходятъ Барды, не менѣе пяти.

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Бурлива ночь!

ВТОРОЙ.

А вѣтръ часъ отъ часу крѣпчаетъ.

ТРЕТІЙ.

Луна сквозь тучъ едва на Волховѣ сверкаетъ,
И слышанъ громъ вдали.

(Луна покрывается облаками, и ближится громъ.)

ПЕРВЫЙ.

Во кущу поспѣшимъ
Утреневать богамъ.

(Въ сіе время спускается на облакѣ Дажъ-Богъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ДАЖЪ-БОГЪ.

ДАЖЪ-БОГЪ.

(Не видя жрецовъ.)

О роща, гдѣ Одинъ,
И Рюрикъ сѣверный съ Эдвиндой воспѣваемъ!
Жилище Бардовъ! край, богами соблюдаемъ!
Какую радостну тебѣ я вѣсть принесъ!
Судьбы провозвѣщу тебѣ благихъ небесъ.

БАРДЫ.

(Въ сторонѣ между собою.)

Ахъ! что такое? Что? кто снелъ со облаковъ?

ДАЖЪ-БОГЪ.

(Не усматривая ихъ.)

Арія.

Духъ вѣсть радостна волнуетъ,
Въ сердце льется живо кровь;
Мною богъ предзнаменуетъ
Сѣверу свою любовь:
Веселись, страна блаженна,
Озаренна небомъ днесь!

(Гроза умножается.)

Молнія въ ночи блистаетъ, —
Это знакъ щедротъ боговъ;
Громъ на Западъ ударяетъ, —
Это гнѣвъ на злыхъ умовъ:
Трепещи, страна мятежна!
Казнь тебѣ летитъ съ небесъ.

(Страшно громъ ударяетъ, и роща молніей вся освѣщается, какъ пожаромъ.)

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Увы! знать гнѣвъ боговъ!

ВТОРОЙ.

О милосердый духъ! и роща вся пылаетъ.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Не бойтесь! Небо вамъ блаженство предвѣщаетъ.
Я Дажъ-богъ, я вашъ другъ, я не предвѣстникъ бѣдъ.
Пускай Перунъ тамъ гидръ стрѣлами грома бьетъ:
Я вамъ Одиново принесъ благословенье.
Внимайте: «Онъ вчера, низведъ съ Валкала зрѣнье,
Окинулъ взглядомъ міръ, зря въ Западѣ раздоръ,
На Сѣверѣ покой, склонилъ съ улыбкой взоръ,
И повелѣлъ боговъ позвать на пированье.
Усладъ исполнилъ вмигъ всесильно приказанье.
Всѣ боги собрались, и въ дружной чашѣ медъ,
Какъ золото, блисталъ розъ на ланитахъ цвѣтъ.
Глава боговъ сосудъ изъ злата и порфира
Велѣлъ себѣ подать, гдѣ жребьи крылись міра.
Онъ крышку снялъ, и всѣхъ прекраснѣйшей изъ Валкъ
Веселымъ маніемъ очей онъ подалъ знакъ.
Дѣвица розову десницу простираетъ,
И нитокъ клубъ златыхъ изъ урны вынимаетъ:
Разматываетъ клубъ, по воздуху летитъ,
И свитокъ на помостъ вдругъ падаетъ священный,
Печатью огненной со внѣ запечатлѣнной.
Богъ Царь открылъ печать, внутрь свитка письмена!

Въ молчаньѣ чтутъ, и вдругъ, — счастливы племена
Народовъ сѣверныхъ!—всѣ боги восклицаютъ:
«Потомство Рюрика, какъ онъ подобно самъ,
«Войною нанесетъ страхъ Сены берегамъ;
«Весь Сѣверъ съединитъ въ подсолнечну едину,
«Поклонятся всѣ въ немъ всесильному Одину:
«Героевъ тма, Царей, сольетъ свою съ нимъ кровь,
«Отъ Мая и Весны произойдетъ любовь.» —
Такъ Боги въ свиткѣ чли, и всѣ единодушно,
Что время Сѣверу грядетъ благополучно,
Велѣли мнѣ предречь младенца рождество:
Устройте жъ жертвы вы, устройте торжество,
Идите спѣшно въ храмъ...»

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

О благотворный духъ!
О покровитель нашъ! Но чей повѣритъ слухъ
Такому божескихъ судебъ предъизреченью
И твоему предъ насъ толь чудному явленью?

ВТОРОЙ.

Родится отрокъ ли, иль красна дѣва намъ?

ДАЖЪ-БОГЪ.

О смертны слабые! не мнѣ, такъ симъ древамъ
Повѣрьте, и звѣздѣ сей блещущей надъ вами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Показывается межъ облаковъ Сѣверная звѣзда. На дубахъ огненныя надписи: *Отрокъ*. Дажъ-богъ на облакѣ тихо возносится. Барды падаютъ на колѣни, и съ умиленіемъ поютъ.

ДУЭТЪ.

Духъ добрый, свѣтлый, лучезарный!
Мы вѣруемъ тебѣ.
Виждь наши души благодарны,
Внемли ты сей мольбѣ,
И вознеси ее въ чертоги,
Гдѣ вѣчно торжествуютъ боги.

ТРЕТІЙ БАРДЪ.

Нашъ долгъ провозвѣстить, что сдѣлалося съ нами.

(Входятъ въ кущу, принимаются за арфы, и составляютъ съ повтореніемъ оныхъ общій хоръ, смотря съ восторгомъ на звѣзду.)

ХОРЪ.

Внемлите всѣ народы свѣта!
Одиновъ растворенъ чертогъ,
Благословляетъ Сѣверъ Богъ,
Сіяетъ новая планета!

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Теперь мы поспѣшимъ въ Одиновъ храмъ,
И жертву принесемъ съ жрецами тамъ богамъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ царство Сѣвера. Дремучій лѣсъ, покрытый инеемъ, посреди коего готическій сребряный чертогъ и тронъ. На возвышеніи онаго сидятъ Рюрикъ и Эдвинда. Ниже предъ ними виситъ колыбель подъ туманомъ. Ее качаютъ сѣдые мразы и океаны. Съ небесъ, подобно лѣствицѣ, къ трону облака. На нихъ видны Мечты и Зефиры, помавающіе на колыбель крылами. Съ самаго верха слышны голоса четырехъ Валкъ.

КВАРТЕТЪ. (Тихо.)

Спи, дитя, ты спи любезно,
Въ буряхъ, мразахъ возрастай:
Мужество тебѣ полезно,
Нѣгу, роскошь презирай.
Ты рожденъ на свѣтъ судьбою
Ради царскаго вѣнца,
Въ нуждахъ дай примѣръ собою,
Правдой покори сердца.

РЮРИКЪ.

Военны врѣлища! вы сны ему мечтайте,
Мечами о мечи въ слухъ тихо ударяйте;
Пускай онъ въ юности привыкнетъ видѣть брань
И поражать какъ я.

(Мечты, сошедъ съ облаковъ, въ балетѣ сѣкутся мечами, и представляютъ разныя военныя дѣйствія.)

ЭДВИНДА.

А вы, Зефиры! дань
Играніемъ ему и рѣзвостью платите.
Порфирородныхъ долгъ. не брань одна, внушите,
Имъ надлежитъ еще изящнѣйшая часть:
Быть кроткими, какъ я.

(Зефиры сходятъ съ облаковъ и въ другомъ балетѣ представляютъ разныя дѣйствія милосердія и щедротъ; потомъ совокупно съ Мечтами составляютъ веселый танецъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Огняны, Вѣтряны, Моряны и Земляны, предводительствуемые подъ великолѣпнымъ маршемъ Дажъ-богомъ, приносятъ съ собою въ разныхъ сосудахъ новорожденному дары.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Надъ всѣмъ имущій власть,
Бога неба и земли и всей Господь вселенной,
И боги прочіе изъ вѣчности священной
Прислали отроку дары.

ОГНЯНЪ.

Со мною огнь и громъ,
Духъ мужественный, мечъ, тулъ стрѣлъ, шеломъ.

РЮРИКЪ.

Къ защитѣ нужный даръ.

(Помаваетъ, и духи кладутъ дары предъ трономъ.)

ВѢТРАНЪ.

Со мной красу прелестну
Лица, пріятности и чистоту небесну.

ѲДВИНДА.

Любезный всѣмъ!

(То же по мановенію дѣлаютъ.)

МОРЯНЪ.

Со мной, раждаемы въ моряхъ
Кораллы и жемчугъ, и счастье на водахъ.

(То же.)

ЗЕМЛЯНЪ.

Со мною прислано обиліе, убранство,
И злато и сребро, несмѣтное богатство,
Которое творитъ блаженство на земли,
И все, чѣмъ смертные блистали гдѣ, цвѣли.

(То же.)

ДАЖЪ-БОГЪ.

А мнѣ ему еще къ тому всѣхъ благъ Содѣтель
Во грудь вдохнуть велѣлъ небесну добродѣтель.

(Подходитъ къ колыбели и дуетъ на младенца.)

РЮРИКЪ.

О коль прекрасный даръ!

ѲДВИНДА.

Прекраснѣйшій изъ всѣхъ!

ДАЖЪ-БОГЪ.

Въ единомъ дарѣ семъ несчетны тмы утѣхъ.

ВСЕОБЩІЙ ХОРЪ.

Ты, добродѣтель! всему красота.
Дщерь ты небесъ!
Солнце и свѣта ты лѣпота,
Краше ты звѣздъ!
Отроку въ перси юны и нѣжны
Чаще дыхай,
Въ сердце страхъ Божій, мысли смиренны
Въ душу вливай.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зеленый священный холмъ, на немъ въ отверстой ротондѣ преизящный храмъ, а предъ ними лугъ, окруженный рощами. Рюрикъ и Эдвинда сидятъ въ сторонѣ подъ балдахиномъ на полукружномъ тронѣ. Жрецы и Барды внутрь храма предъ алтаремъ, на которомъ горитъ благоуханный огнь. Надъ храмомъ въ свѣтлыхъ облакахъ видѣнъ Валкъ, гдѣ посреднинѣ во всемъ оружіи богъ Одинъ; а по обѣ стороны его другіе Сѣверные боги, Герои и Валки. Дажъ-богъ внизу у трона Рюрикова.

ДУѲТЪ (Жрецовъ и Валкъ, повторяемый Бардами на арфахъ.)

ЖРЕЦЫ.

Се жертва непорочна,
Горитъ чистѣйшій огнь:
Изображаетъ точно
Душъ нашихъ пламень онъ.

(Имъ отвѣтствуютъ, какъ эхо, съ Валкала двѣ Валки.)

ВАЛКИ.

Какъ розъ благоуханье,
Восходитъ къ нему дымъ:
Такъ душъ сихъ изліянье
Вознеслось къ мѣстамъ святымъ.

ЖРЕЦЫ.

Услышь, услышь моленье,
И нашихъ гласъ похвалъ;
Исполнь благоволенье,
Которо обѣщалъ,

ВАЛКИ.

Услышано моленье,
Пѣснь ваша принята;
Боговъ благоволенье
Вамъ: Май, Любовь, Весна,

ОБЩІЙ ХОРЪ

ЖРЕЦОВЪ И ВАЛКЪ.

(Громогласно.)

Услышано моленье,
Пѣснь наша принята,
Небесъ благоволенье
Грядетъ въ сіи мѣста.

ДАЖЪ-БОГЪ.

О какъ я радуюсь! какъ духомъ веселюся!
Молитва принята! Дождуся я, дождуся,
Когда сюда слетятъ младыя божества
Въ сіяньѣ ихъ лучей, во славѣ торжества.

СТАРШІЙ ЖРЕЦЪ.

(Въ священномъ восторгѣ предъ алтаремъ.)

Я вижу отроча, неслыханно, чудесно,
И тѣломъ и душей божественно, прелестно!
Печатью въ вѣчности онъ былъ запечатлѣнъ,
Во знакъ: что рѣдкій даръ имъ въ свѣтъ произведенъ.
Что съ клуба въ бездну нить тянулася златая,
То знаменье, что жизнь продлится дорогая;
Что благовонная изъ урны вышла мгла,
То пользой осѣнятъ весь міръ его дѣла,
И словомъ: будетъ онъ великъ между Царями.
Уже растаетъ!

МЛАДШІЙ.

Но будто пѣнный холмъ встаетъ между цвѣтовъ.
Его священное названье: Лель, Любовь!

СТАРШІЙ.

Его родитель Зничь. Такъ свѣтлъ, какъ Май, лучами.

МЛАДШІЙ.

Зимцерла мать его—весна, заря красами!

РЮРИКЪ.

Ужъ вижу обоихъ я ихъ небесъ въ лучахъ!

ЭДВИНДА.

Летятъ любезные на легкихъ облакахъ!

ДАЖЪ-БОГЪ.

Летятъ всѣмъ милые, прекрасные, младые,
Летятъ сюда отецъ и мать и сынъ съ высотъ:
Какое множество въ сихъ божествахъ красотъ!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Восторгъ нашъ умъ плѣнитъ,
Вся млѣетъ кровь:
Весна и Май летитъ,
При нихъ Любовь!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

тѣ же, и на свѣтломъ облакѣ являются

ЗНИЧЬ, ЗИМЦЕРЛА И ЛЕЛЬ,

(которые поютъ).

ТРІО.

По вашему прошенью
Съ небесъ летимъ,
Боговъ по мановенью
Природу обновимъ.

Зничь.	Зимцерла.	Лель.
Я васъ лучами	А я цвѣтами	А я стрѣлами
Потщуся просвѣтить,	Потщуся расцвѣтить,	Потщуся уязвить;
Наукъ вѣнцами	Златыми днями,	Владѣть сердцами,
И счастьемъ надѣлить.	Блаженствомъ наградить.	Любя, любимымъ быть,

(Мечутъ на землю цвѣты и золотыя стрѣлы.)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Множество Зефировъ и Нимфъ, выбѣгая изъ рощей, подбираютъ цвѣты и стрѣлы: одни прикалываютъ ихъ къ груди, другія втыкаютъ за поясъ. Въ концѣ составляютъ торжественный балетъ. Рюрикъ и Эдвинда смотрятъ съ трона, Жрецы и Барды изъ Храма; Зничь, Зимцерла и Лель съ облаковъ, а Дажъ-богъ близъ трона.

РЮРИКЪ И ЭДВИНДА.

(По окончаніи балета, подошедъ къ облаку.)

РЮРИКЪ.

Сойдите, милые, боговъ по повелѣнью.

(Въ сіе время въ Валкалѣ богъ Одинъ и прочіе боги и Герои Сѣверные звучатъ въ щиты, показывая тѣмъ свое согласіе.)

ЭДВИНДА.

Утѣшьте нашъ народъ.

ЗНИЧЬ.

Я ихъ соизволенью
Покорствую всегда.

ЗИМЦЕРЛА

Сойду.

Лель.

И я сейчасъ.

(Облака осѣдаютъ на землю.)

ЖРЕЦЫ.

Уже священный щитъ готовъ тебѣ у насъ.

(Барды берутъ изъ храма щитъ, а изъ рукъ Знича и Зимцерлы Леля, котораго ставятъ на щитъ, и несутъ на тронъ, на коемъ сидящіе Рюрикъ, Эдвинда, Зничь и Зимцерла принимаютъ его на свои руки).

ДАЖЪ-БОГЪ.

Се отрокъ, мною вамъ, о Барды! предреченный:
Воскликнемъ гимнъ ему торжественный, священный!

ХОРЪ.

(Общій на театрѣ и въ Валкалѣ).

О юноша! о плодъ прекрасный!
Намъ купно съ розами родясь,
Какъ утренней зари блескъ ясный,
Какъ нѣжна лилія, смѣясь,
Расти, дитя, Зимцерлы въ лонѣ
И Знича подъ златымъ щитомъ;
Блистай на Рюриковомъ тронѣ
Нашъ юный Лель, какъ лучъ лицомъ!

КУТЕРЬМА

ОТЪ

КОНДРАТЬЕВЪ.

ДѢТСКАЯ КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СЪ ХОРАМИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Миловидова, гостья, сестра хозяйки.
Колдунья, старуха въ маскѣ.
Варинька. } Малолѣтныя дочери Г-жи Миловидовой.
Вѣринька. }
Пашинька. }

1 Кондратій, камердинеръ. }
2 Кондратій, садовникъ. } Служители.
3 Кондратій, музыкантъ. }
Ѳедосья, служанка дому. }

Дѣйствіе въ сельцѣ Званкѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гостиную комнату, столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Миловидова въ покоевомъ платьѣ, и волосы у нея нѣсколько смяты. Варинька, Вѣринька и Пашинька, обнявшись между собою, выходятъ за нею.

МИЛОВИДОВА. (Смотря на часы.)

Почти четыре часа, — позаспались немного. Ну поскорѣе, дѣти, напьемся чаю: мнѣ недосугъ. Сестра бѣдная давича за столомъ позахворала. У ней мужъ именинникъ: будутъ на вечеръ гости; а коли ей полегче станетъ, то будетъ ужинъ и балъ: и такъ она поручила мнѣ за себя похозяйничать. Надобно кое-что приказать изготовить для праздника. (Разливаетъ чай.)

ВАРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, маменька! — Какъ же я рада!

ВѢРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, праздникъ! То-то потанцуемъ!

ПАШИНЬКА.

Попрыгаемъ, попляшемъ!

ВѢРИНЬКА.

По-цыгански, по-Русски.

ВАРИНЬКА.

Казачка, вальсенъ.

ПАШИНЬКА. (Подбодрившись).

И Савоярку.

ВСѢ ТРИ ВМѢСТѢ

Какъ намъ весело! (Прыгаютъ и бьютъ въ ладоши.)

МИЛОВИДОВА.

Тише, тише! не разбудите тётеньку.

ВСѢ ТРИ. (Бросаясь къ матери и цѣлуя у ней руку.)

Какъ же быть, милая маменька? Намъ весело, очень весело. (Продолжаютъ прыгать.)

МИЛОВИДОВА.

Дурочки! успѣете навеселиться; веселье хорошо во-время.—Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла.

ВѢРИНЬКА.

Какъ рано?

ВАРИНЬКА.

Что за пташечка?

ПАШИНЬКА.

Какая кошечка? — Мы не дадимъ ей съѣсть птички.

МИЛОВИДОВА.

Глупенькія! Это пословица и научаетъ насъ ничему прежде времени не радоваться.

ВАРИНЬКА.

Для чего жъ?—Дяденька сегодня имянинникъ.

МИЛОВИДОВА.

Но тётенька нездорова.

ВѢРИНЬКА.

Боже, сохрани!

ПАШИНЬКА.

Да мы, слава Богу, здоровы: для чего жъ намъ не веселиться?

МИЛОВИДОВА. (Крестя ихъ.)

Господь съ вами! Веселитесь, друзья мои: я этого сердечно вамъ желаю; но надобно быть сострадательнымъ: когда кто боленъ, то тутъ веселье не у мѣста.

ВАРИНЬКА.

Да вы сказали, что дяденька имянинникъ.

ВѢРИНЬКА.

Что гости будутъ.

ПАШИНЬКА.

Что сегодня праздникъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, друзья мои, это все правда; однако жъ я сказала, когда сестрѣ будетъ полегче; и дополнить надо: когда дядя дозволитъ.

ВАРИНЬКА.

Для чего жъ?

МИЛОВИДОВА.

Онъ также недомогаетъ.

ВАРИНЬКА.

А чѣмъ?

МИЛОВИДОВА.

По большой части неосторожностью.

ПАШИНЬКА.

Да вѣдь онъ былъ за столомъ.

МИЛОВИДОВА.

То-то и худо: тутъ-то и надобна осторожность. — Но я съ вами заговорилась. Варинька! вели послать ко мнѣ, мой другъ, поскорѣе Кондратьевъ: камердинера, садовника и музыканта.

ВАРИНЬКА.

Кондратьевъ, маменька?

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛОВИДОВА, ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

ПАШИНЬКА.

Что такое, милая маменька, за неосторожность? И какъ быть отъ того больну? — Я этого не понимаю.

МИЛОВИДОВА.

Ой ты вострушка! обо всемъ любопытствуешь.

ВѢРИНЬКА.

А особливо за столомъ.

ПАШИНЬКА.

Гдѣ ничего нѣтъ, какъ только блюды, чашки, рюмки, стаканы.

МИЛОВИДОВА.

Они-то и кусаются. Изъ нихъ неосторожно покушаешь, разгорячишься, простудишься....

ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

Ха, ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Что вы, дурочки? чему смѣетесь?

ВѢРИНЬКА.

Какъ, маменька, не смѣяться? мочи нѣтъ! Ха, ха, ха!

ПАШИНЬКА.

Блюды не кусаются, — и какъ простужаться, разгорячаться? — Ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Эй тише, рѣзвухи! дядю и тетку безпокоите.

ВѢРИНЬКА.

Да вы шутите надъ нами.

МИЛОВИДОВА.

Какъ шучу?

ПАШИНЬКА.

Когда насъ кусали блюды?

ВѢРИНЬКА.

Когда мы разгорячались и простужались?

МИЛОВИДОВА.

Для того, что еще ваши лѣта не тѣ, какъ дядины; да за вами пристально смотрятъ, наблюдаютъ, васъ журятъ.

ПАШИНЬКА.

Да развѣ вы съ тетенькой не наблюдаете за дяденькой?

МИЛОВИДОВА.

Такъ, другъ мой; но онъ говоритъ, что вѣкъ свой изжилъ; что подъ опекой ни у кого быть не хочетъ: то что съ нимъ дѣлать? А вы еще молоды, и съ вами управиться можно.

ВѢРИНЬКА.

Мы, милая маменька, изъ вашей воли не выступаемъ.

МИЛОВИДОВА.

Я очень довольна, сердечные друзья мои, что вы себя хорошо ведете.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ВАРИНЬКА.

ВАРИНЬКА.

Кондратьи пришли.

МИЛОВИДОВА.

Позови ихъ ко мнѣ.—Нѣтъ, постой; неодѣтою принять ихъ дурно: чужіе наемные люди. Подите и прикажите имъ, что я вамъ скажу, и пусть сюда придутъ: я послѣ посмотрю, что они сдѣлали.

ВАРИНЬКА.

Извольте, маменька.

ВѢРИНЬКА.

Мы все исполнимъ, что вы прикажете.

ПАШИНЬКА.

Точь въ точь, ни единаго словечка не упустимъ.

МИЛОВИДОВА.

Хорошо: станьте рядомъ. (Становятся.)

ВАРИНЬКА. (Вытянувшись по-солдатски.)

Вотъ и строй готовъ.

МИЛОВИДОВА.

Ты все проказничаешь; но тутъ шутки не у мѣста, гдѣ приказываютъ; вниманіе первый знакъ повиновенія.

ВСѢ ВДРУГЪ.

Да приказывайте жъ, маменька; мы слушаемъ.

МИЛОВИДОВА. (Про себя.)

Какъ бы мнѣ не проступиться. Старикъ любитъ все попышнѣе, пожирнѣе и пошумнѣе; а сестра, поскромнѣе, попростѣе и почистосердечнѣе. Не угоди имъ: она нахохлится, а онъ тотчасъ на отрѣзъ брякнетъ: «Спасибо, милостивыя государыни, поддоброхотали!»—Этого-то мнѣ слышать и не хочется; я ихъ право обоихъ люблю. — Но хорошо, слушайте. (*Приказываетъ дѣтямъ.*) Ты, Варинька, скажи первому Кондратью, камердинеру, который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухнею: чтобъ приготовилъ между прочимъ *куръ съ шампиньонами;* дяденька это блюдо любитъ. — Ты, Вѣринька, второму Кондратью, садовнику, вели припасти *вязъ съ повелицей.* Дубу и лавра здѣсь нѣтъ; неравно намъ вздумается отставному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственный ему вѣнокъ — А ты, Пашинька, скажи третьему Кондратью, музыканту, чтобъ онъ приготовилъ, для огромности хоровъ, *рогъ съ барабаномъ.* Смотрите же, не забудьте, а я пойду одѣваться.

(Уходитъ, и тогда же два служителя выносятъ чайный приборъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ противныя двери входитъ Кондратій, камердинеръ.

ВАРИНЬКА.

Ты Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Кондратій.

ВАРИНЬКА.

Кондратій первый?

КОНДРАТІЙ.

Какъ нѣтъ здѣсь другаго, такъ первый.

ВАРИНЬКА.

Маменька тебѣ приказала, чтобъ ты между прочими блюдами велѣлъ изготовить куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Хорошо, сударыня. (Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотчасъ за нимъ входитъ Кондратій музыкантъ.

ВѢРИНЬКА.

Ты второй Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Послѣ вышедшаго отсюда второй.

ВѢРИНЬКА. (Принявъ его за садовника.)

Приготовь для праздника вязъ съ повелицей.

КОНДРАТІЙ.

Вязъ съ повелицей!—На что это?

ВѢРИНЬКА.

Не твое это дѣло.

КОНДРАТІЙ.

Слушаю.

(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

За нимъ тотчасъ входитъ Кондратій садовникъ.

ПАШИНЬКА.

Ты третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ. (Садовникъ.)

Послѣ двоихъ я третій.

ПАШИНЬКА. (Принявъ его за музыканта.)

Чтобъ былъ готовъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Ахти! кротовъ, что ли, отпуживать? Но у насъ ихъ нѣтъ.

ПАШИНЬКА.

Что велятъ, то и дѣлай.

КОНДРАТІЙ.

Быть такъ, когда господа приказываютъ. (Уходитъ.)

ВАРИНЬКА И ВСѢ. (Въ слѣдъ ему кричатъ).

Постой, постой, Кондратій. Когда изготовите, то приходите всѣ сюда, и покажите маменькѣ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И МИЛОВИДОВА.

МИЛОВИДОВА.

Вы все таки не унимаетесь шумѣть, что вамъ ни говори. *(Осматривается въ зеркало.)* Вотъ я и принарядилась. — Хорошо ли?

ВСѢ, (около ея прыгая, бьютъ въ ладоши).

Хорошо, маменька, очень хорошо. Ка бы мы большія были такія!

МИЛОВИДОВА.

Не тужите, выростете; будьте только умны. Но пора и вамъ одѣваться; вечеръ на дворѣ: того и смотри, что гости нагрянутъ. (Дѣти уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОВИДОВА. (Одна.)

Умненькія, миленькія дѣвочки! Хошь свое рожденье, по какъ не похвалить?—Да здѣсь полно никого нѣтъ; я бы при людяхъ этого не сказала; а то насмѣшники тотчасъ разнесутъ, просвищутъ, что я ихъ балую.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

МИЛОВИДОВА И ѲЕДОСЬЯ.

МИЛОВИДОВА.

Что ты, Ѳеша?

ѲЕДОСЬЯ.

Кондратьи пришли, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

Пусть ихъ войдутъ сюда.

—

ЯВЛЕНІЕ X

Три Кондратья, держащіе въ рукахъ: 1-й туръ (или парикъ) и свернутое бѣлье; 2-й, горшокъ тюльпановъ, окладенный мохомъ; и 3-й, басъ со скрыпкою.

МИЛОВИДОВА.

Приготовили ли, друзья мои, что вамъ приказывали дѣти?

КОНДРАТЬИ. (Все трое вдругъ.)

Всё готово, сударыня.

МИЛОВИДОВА. (Къ Кандратію, камердинеру).

Гдѣ жъ?

КОНДРАТІЙ.

Вотъ здѣсь.

МИЛОВИДОВА.

Да что это?

КОНДРАТІЙ.

Туръ съ панталонами. (Кладетъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Какъ? тебѣ приказывали куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Мнѣ такъ послышалось.

МИЛОВИДОВА.

Какой вздоръ! (*Къ Кондратію, садовнику*). У тебя что?

КОНДРАТІЙ.

Мохъ съ тюльпаномъ. (Ставитъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Какая чепуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Я не музыкантъ.

МИЛОВИДОВА. (Къ Кондратью, музыканту.)

У тебя что? — Вязъ съ повелицей?

КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ!— Басъ со скрыпицей. (Кладетъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Ха, ха, ха, ха! Сумасшедшіе! Откуда вамъ въ голову вошла такая нелѣпица?

КОНДРАТЬИ ВСѢ ТРОЕ.

Намъ барышни такъ приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Не можетъ быть. Позови сюда, Өедосьюшка, барышень. (Өедосья уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ӨЕДОСЬИ.

МИЛОВИДОВА.

Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ барышни вамъ такой сумбуръ приказали. Я имъ на носъ нарубила, кому что приказать.

КОНДРАТІЙ 1-й.

Я крѣпокъ на ухо, и приготовилъ по своей должности, что баринъ всякій день носитъ.

КОНДРАТЬИ 2-й и 3-й.

А мы точка въ точку то сдѣлали, что намъ велѣно.

МИЛОВИДОВА. (Сердито.)

Что за безтолковщина?—Вотъ каково тамъ, гдѣ много Кондратьевъ! Смѣхъ отъ нихъ и горе! Тому прикажи, того спроси, и увидишь хоть Кондратья, да не Кондратья. Өедотъ, да не тотъ; одинъ на другаго сваливаетъ. Тьфу, какая пропасть! Да вѣдь барышни васъ видѣли?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Видѣли.

МИЛОВИДОВА.

И сами съ вами говорили?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Говорили.

МИЛОВИДОВА.

И такъ онѣ что нибудь вамъ приказывали?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Для чего жъ вы не то сдѣлали, что вамъ приказывали?

КОНДРАТІЙ 1-й.

Отъ того, какъ я ужъ сказалъ....

КОНДРАТІЙ 2-й.

Мы позамялись было.

МИЛОВИДОВА.

Да что жъ?

КОНДРАТІЙ 3-й.

Но господамъ мало ли какія нескладицы въ голову приходятъ: то мы и исполнили.

МИЛОВИДОВА.

Да вотъ и дѣти идутъ: посмотримъ, кто изъ васъ правъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, ВАРИНЬКА, ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА ВЪ НАРЯДНЫХЪ ПЛАТЬЯХЪ, И ѲЕДОСЬЯ.

ВАРИНЬКА.

Чего изволите, маменька?

МИЛОВИДОВА.

Что вы, проказницы, начудесили? Вертушки! Вѣтреницы! — А я васъ еще хвалила.

ВѢРИНЬКА.

Мы ничего не сдѣлали дурнаго.

ПАШИНЬКА.

Кромѣ того, что вы приказали.

МИЛОВИДОВА.

Какъ ничего? Спросите ихъ сами, что они надѣлали. То ли вы приказывали?

ВАРИНЬКА. (Къ Кондратью, камердинеру.)

Я тебѣ приказала приготовить куръ съ шампиньонами.

1-й КОНДРАТІЙ.

Мнѣ послышалось: туръ съ панталонами.

ВѢРИНЬКА. (Къ Кондратью садовнику).

Тебѣ я велѣла вязъ съ повелицей.

2-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, басъ со скрыпицей.

ПАШИНЬКА. (Къ Кондратію музыканту.)

Тебѣ рогъ съ барабаномъ.

3-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, мохъ съ тюльпаномъ.

МИЛОВИДОВА. (Кондратьямъ.)

Какая чортовщина!—Да кто изъ васъ первый, кто второй и кто третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ. (Камердинеръ.)

Я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ. (Садовникъ.)

Нѣтъ: ты первый Кондратій по дому, а по мастерству я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ. (Музыкантъ.)

Нѣтъ: ты второй Кондратій по дому, а я первый былъ у барышень

МИЛОВИДОВА.

Смотри, пожалуй, разбери между ними: кто у нихъ первый и кто послѣдній, и кто кому приказывалъ; найди виноватаго, найди тутъ толкъ!— Но истину сказать, я сама не права. По склонности къ дѣтямъ, по лѣности моей, приказала имъ сдѣлать распоряженіе: вотъ и вышелъ болтунъ. Ахъ! да я ли первая, я ли послѣдняя? — У насъ на Руси въ дворянскихъ домахъ, по безчисленной сволочи людей, по барской изнѣженности господъ, нерѣдко случаются такія суматохи; а особливо, гдѣ много Кондратьевъ. Но какъ же быть? свое все мило. — Что жъ вы молчите? Дайте мнѣ виноватаго.

(Дѣти и Кондратьй спорятъ, сердятся, толкаютъ другъ друга, гоняютъ, бѣгая по комнатѣ; мужчины же шляпами замахиваются и поютъ.)

ХОРЪ.

КОНДРАТІЙ. (Камердинеръ.)

Я первый Кондратій,
Мой туръ съ пантолоны.

ВАРИНЬКА.

Не могъ ты поняти,—
Твой куръ съ шампиньоны.

КОНДРАТІЙ. (Садовникъ.)

Второй я Кондратій,
Мой вязъ съ повелицей.

ВѢРИНЬКА.

Нѣтъ, очень не кстати, —
Твой басъ со скрыпицей.

КОНДРАТІЙ. (Музыкантъ.)

Я третій Кондратій,
Мой рогъ съ барабаномъ.

ПАШИНЬКА.

Не долженъ ты лгати, —
Твой мохъ со тюльпаномъ.

БАРЫШНИ И КОНДРАТЬИ.

(Всѣ вообще.)

Мой туръ съ панталоны,
Туръ, туръ, туръ!
Нѣтъ куръ съ шампиньоны,
Куръ, куръ, куръ!
Мой вязъ съ повелицей,
Вязъ, вязъ, вязъ!
Нѣтъ, басъ со скрыпицей,
Басъ, басъ, басъ!
Мой рогъ съ барабаномъ,
Рогъ, рогъ, рогъ!
Нѣтъ, мохъ со тюльпаномъ,
Мохъ, мохъ, мохъ!

МИЛОВИДОВА.

Да долго ль вамъ орать и спорить? Сумасшедшіе! бѣшеные! Перестаньте, перестаньте, а не то я васъ всѣхъ уйму.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

тѣ же и Колдунья. (Старуха въ черномъ платьѣ, сгорбившись, подъ маскою, съ посохомъ въ рукахъ. Увидя ее, всѣ умолкаютъ.)

КОЛДУНЬЯ.

Что за кутерьма? Что за жидовская школа? И слыхомъ не слыхано, видомъ не видано эдакова содому. Господа наши живутъ тихо и смирно, ни колыхнутъ, ни шелохнутъ; а вы заварили такую кашу!

МИЛОВИДОВА.

Добро пожаловать, старушка! Ты, конечно, ворожеюшка? Угадай-ка, милая моя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ?—Одни говорили, а другіе слушали: но не то надѣлали. Ужъ никакъ, право, не съ проста!—Перепутались такъ, что голова, право, вкругъ идетъ.

КОЛДУНЬЯ. (Оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ.)

О милые мои! не безъ лихихъ людей. Похимостили, проклятые; завязали глазоньки, отняли красное солнышко. Правда, нынѣ много такихъ причинъ. Видно напущено.—Всякой приказывать гораздъ, а исполнять никто. Но можно пособить этому. Я помаракую. Подите ко мнѣ Кондратьюшки, и вы, любезныя дѣтушки, поближе. Я уже слѣпа, (*надѣвая очки*), худо вижу. (*Шепчетъ въ платокъ*). Вотъ на! Безпорядица! безпорядица, мать моя! По дѣтскимъ приказамъ не въ очередь, не кстати, не благословясь, не на свои, а чужія дѣла по пересказамъ, по переговорамъ, нѣсколько Кондратьевъ, не знавъ, кто первый, кто послѣдній, въ угожденіе прихотей вашей милости, должны были исполнить; а ты, мой свѣтъ! сама за ними не посмотрѣла: то чего тутъ добраго ждать? Всталъ дымъ коромысломъ, и вся эта кутерьма отъ Кондратьевъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, бабушка, ты правду говоришь: я виновата. Какъ же быть? Но досаднѣе всего, что праздникъ не въ праздникъ. Хозяинъ разгорячится, хозяйка перетрусится; вмѣсто удовольствія, выйдетъ непріятность.

КОЛДУНЬЯ. (Сбрасывая съ себя черное платье и маску, открывается хозяйкою дома.)

Нѣтъ, любезная сестрица и милыя мои дѣтушки, (*всѣхъ ихъ цѣлуя,*) вы непріятности мнѣ никакой не сдѣлали. Все къ празднику готово. Я иногда слыхала, что вы роптали на безпрестанные мои хлопоты по хозяйству, и винили меня за то, что я очень заботлива: то чтобъ доказать вамъ того необходимость и оправдать себя предъ вами, я вымыслила эту шутку, и притворясь больною, сыграла комедію, чтобы вы сами видѣли: что *не свой глазъ, не любой кусъ.* — Кутерьма отъ Кондратьевъ!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Дома въ устройствѣ,
Духа въ спокойствѣ
Все счастье лежитъ.
Милы прохлады,
Гости гдѣ рады
Поѣсть и попить;
Оставя дѣлъ вздоры,
Попрыгать подъ хоры,
Въ деревнѣ пожить.

—

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ,

ИЛИ

ОБЪ ОДѢ.

Хотя еще въ 1752 году покойный Профессоръ Тредьяковскій писалъ о семъ предметѣ; но весьма кратко, показавъ только слегка свойство, назначеніе и главныя черты оды; а о красотахъ ея, или о прямомъ достоинствѣ, равно и о противномъ тому, не изъяснилъ въ подробности. Здѣсь сочинитель, почерпнувъ изъ лучшихъ писателей и изъ собственныхъ своихъ долговременныхъ въ семъ родѣ поэзіи опытовъ, показываетъ всѣ принадлежности изящной лиры. — Но чтобы представить съ одной стороны обиліе и силу, а съ другой гибкость и способность Россійскаго языка къ изображенію ясно и сладкозвучно всѣхъ чувствъ сердца человѣческаго, привелъ въ примѣры нѣсколько въ переводахъ изъ древнихъ, а болѣе изъ подлинныхъ произведеній отечественныхъ Лириковъ, избѣгая при томъ елико возможно собственныхъ. — Въ необходимыхъ же только случаяхъ, когда не зналъ въ чужеземныхъ и не находилъ въ Русскихъ, или думалъ, что они вполнѣ не объясняютъ его мыслей, употребилъ свои. — Слово ᾠδὴ, по Гречески пою, происходитъ отъ мѣста называемаго ᾠδεῖον, гдѣ въ Аѳинахъ пѣвали рапсодіи или отрывки Гомеровой Илліяды и Одиссеи.

Ода, слово Греческое, равно какъ и псалмъ, знаменуетъ на нашемъ языкѣ пѣснь. По нѣкоторымъ отличіямъ въ древности носила на себѣ имя Гимна, Пеана, Диѳирамба, Сколіи, а въ новѣйшихъ временахъ иногда она то же, что Кантата,Ораторія, Романсъ, Баллада, Стансъ и даже простая пѣсня. Составляется строфами, или куплетами, мѣрнымъ слогомъ разнаго рода, и числомъ стиховъ; но въ глубокомъ отдаленіи вѣковъ единообразныхъ въ ней строфъ не примѣчается. Въ древнѣйшія времена препровождаема была простою мелодіею; пѣвалась съ лирою, съ псалтирью, съ гуслями, съ арфою, съ цитрою, а въ новѣйшія и съ прочими инструментами, но болѣе, кажется, со струнными. — По лирѣ, или по составу, къ музыкѣ способному, называется ода лирическою поэзіею.

Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ пеленъ міра. — Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ разтроганныхъ чувствъ; упоеніе, или изліяніе восторженнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности, долженъ былъ произнести лирическимъ восклицновеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки напояли живымъ чувствомъ и исторгали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ оды; а потому она не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и отличается отъ прочей поэзіи. — Она не наука, но огнь, жаръ, чувство.

Кто первый ввелъ ее въ употребленіе, опредѣлить трудно. Нѣкоторые по Священному Писанію присвояютъ то Іувалу сыну Ламехову, показателю гуслей и пѣвницы (*). — Язычники Аполлону, научившему пастырей играть на свирѣли и сочинившему, послѣ пораженія Тифона, хоръ, называемый Номосъ. — Иные же Меркурію, сдѣлавшему изъ черепахи лиру. — Новѣйшіе писатели полагаютъ корень вообще поэзіи въ совокупномъ со-

(*) Въ книгѣ Бытія глава 4 стихъ 21.

ставѣ человѣка духовнаго и тѣлеснаго, снабженнаго творческою силою воображенія и гармоніи. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, а особливо ума пылкаго, наполненный мыслями, будучи въ уединеніи и въ полной свободѣ, обыкновенно въ задумчивости своей предавшись мечтанію, говоритъ съ собою, насвистываетъ, или напѣваетъ что нибудь. Самые грубые народы, во всѣхъ временахъ и во всѣхъ странахъ свѣта, даже незнавшіе употребленія огня въ Мексикѣ, въ Перу, въ Бразиліи, въ Канадѣ, въ Камчаткѣ, въ Якутскѣ и въ другихъ почти необитаемыхъ мѣстахъ, носили и носятъ на себѣ сіе отраженіе лучей Премудраго Создателя. Они самую дикость свою оставили и начали собираться въ общества не чрезъ что другое, какъ чрезъ пѣніе и лиру, подъ которою разумѣю всякое музыкальное орудіе. Впрочемъ какъ бы то ни было, но поелику не знаемъ мы старѣе лирической поэзіи Еврейской, видимой нами въ Боговдохновенныхъ пѣсняхъ Пророковъ; то и должно отдать въ изобрѣтеніи оды преимущество сему народу, не токмо по древности его сочиненія; но и по высокому образу мыслей, каковыхъ въ самыхъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ языческихъ Лирикахъ не встрѣчаемъ.—Но положимъ, что всякаго другаго, низшаго рода пѣснопѣнія, могутъ источникомъ своимъ имѣть страсти, обстоятельства, природу; однако высокіе, священные псальмы (*), не что иное суть, какъ вдохновеніе Божіе.

Таковая первостепенная, священная ода есть самое выспреннее, пламенное твореніе. Она быстротою, блескомъ и силою своею, подобно молніи, объемля въ единый мигъ вселенную, образуетъ величіе Творца. — Когда сверкаетъ въ небесахъ, тогда же низвергается и въ преисподнюю; извивается, чтобы скорѣе цѣли своей достигнуть; скрывается, чтобы ярчѣе облистать; прерывается и умолкаетъ, дабы вновь, незапно и съ вящшимъ явившись устремленіемъ, болѣе звукомъ и свѣтомъ своимъ удивить, ужаснуть, поразить земнородныхъ. — Вотъ примѣръ:

«Освѣтиша молнія Твоя вселенную, подвижеся
«и трепетна бысть земля.»

Псаломъ 76 стихъ 19.

или:

«Тогда во всѣ предѣлы свѣта
«Какъ молнія достигнулъ слухъ,
«Что царствуетъ Елисавета,
«Петровъ въ себѣ имѣя духъ.

Ломоносовъ.

Гимнъ пареніемъ своимъ нѣсколько ниже оды.— Хотя и можно бы сей послѣдней предоставить въ отличительное свойство ужасъ и удивленіе могуществу, а первому благодарность и славословіе за благодѣяніе и покровительство; но по всегдашнему ихъ смѣшенію опредѣлить прямую черту между ими трудно. Гимнами Евреи въ разныхъ случаяхъ воспѣвали истиннаго Бога и чудеса Его; а язычники поклоняемыхъ ими боговъ и человѣковъ, прославившихся знаменитыми подвигами.— Возносили ихъ при жизни, славословили и по смерти. — Гробы ихъ, когда умолкала зависть, дѣлались у язычниковъ олтарями, а пѣсни гимнами. — Сіе находимъ у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ. —Гимны содержали въ себѣ часть религіи и нравоученія. Они пѣвались при Богослуженіи, ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы, до изобрѣтенія письменъ, славныя дѣла потомству и проч.

Лира, или псалтирь, согласовались ихъ предметамъ. Пѣли Гимны при восхожденіи солнца, при наступленіи нощи, при новомѣсячіи и ущербѣ луны, при собираніи жатвы и винограда, при заключеніи мира и при наслажденіи всякаго рода благополучіемъ; а равно и при появленіи войны, моровагo повѣтрія и какого либо инаго бѣдствія, не отъ одного, или нѣсколькихъ молебщиковъ, но отъ лица всего народа.—Чрезъ гимны возносились благодаренія, славословія, моленія и жалобы Божествамъ. Гласы ихъ, были гласы благоговѣнія, наставленія, торжественности, радости, великолѣпія; или вопли негодованія, сѣтованія, мщенія, унынія, плача и печали. Вотъ что были въ глубокой древности оды и гимны, и что въ храмахъ, на театрахъ, въ чертогахъ и на стогнахъ народныхъ ими воспѣвалось. Они были иногда подсказываемы Конархистомъ (Декламаторомъ), какъ у насъ стихиры, или провозглашаемы самимъ Поэтомъ при звукѣ струнномъ. Видно сіе изъ многихъ псалмовъ Давида:

«Исповѣдайтеся Господеви въ гуслехъ: въ
«псалтири десятоструннѣмъ пойте Ему.»

Псал. 32 стр. 2.

Изъ одъ Пиндара:

«Златая арфа Аполлона,
«Подруга чернокудрыхъ Музъ!
«Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
«Монархъ веселья—пляска, ликъ.
«Когда же хоромъ управляя,
«Даешь къ совосклицанью знакъ:
«Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій –
«Ты можешь молньи потушить!»

Изъ пѣсни Игоря:

«Едва Баянъ вѣщіе персты на струны вкладаше,
«и абіе они сами славу Кнезей рокотаху.»

Наконецъ при распространившемся общежитіи, изъ собраній народныхъ перешло пѣснопѣніе и въ круги семействъ. — Тамъ воспѣвалось имъ все житейское: любовь, ненависть, дружба, вражда, всякая охота, сельскія упражненія, жизнь пастушья и тому подобное, изъ коихъ послѣдняя,

(*) Псальмъ происходитъ отъ глагола Греческаго ψάλλω бряцаю, слегка ударяю по струнамъ, по Еврейски Небелъ.

по нѣкоторымъ писателямъ, беретъ у всѣхъ первенство. Сочинители ихъ, и купно пѣвцы, были у Египтянъ, Финикіянъ, Индѣйцовъ, Грековъ, Римлянъ, Аравитянъ и прочихъ народовъ, которые въ Южной Европѣ назывались Бардами (*), а на Сѣверѣ Скальдами.—Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ и Друидовъ; но другіе называютъ ихъ только провѣщателями при жертвоприношеніяхъ (**).—Тоже ли, по дару вдохновенія, были у Евреевъ Пророки, а у Славяноруссовъ, по глаголу баю, Баяны? Оставляю на разсужденіе искуснѣйшихъ въ древности: но скажу только, что всѣ ихъ пѣсни, по содержанію своему, были почти у всѣхъ одинаковы; а по свойству (характеру) ихъ, или выраженіямъ чувствъ, совсѣмъ различны.—Климатъ, мѣстоположеніе, вѣра, обычай, степень просвѣщенія и даже темпераменты имѣли надъ всякимъ свое вліяніе. Но вообще примѣчается, что чѣмъ народъ былъ дичѣе, тѣмъ пламеннѣе было его воображеніе, отрывистѣе и короче слогъ, менѣе связи, распространенія и послѣдствій въ идеяхъ; но болѣе живописной природы въ картинахъ и болѣе вдохновенія. Напротивъ того, у образованныхъ обществъ болѣе разнообразія, распространенія, пріятности, блеску въ мысляхъ и мягкости въ языкѣ. Израильскій Пророкъ, проповѣдуя единство Божіе, движетъ силою Его холмы, обращаетъ рѣки къ вершинамъ, касается горамъ и дымятся. — Греческій Бардъ, восхищенный славою своихъ витязей, гремитъ на ипподромѣ съ бѣгомъ колесницъ, мчится съ преспѣяніемъ коней, увеличивая, или украшая о нихъ свои понятія блескомъ двусоставныхъ словъ, называя Юпитера Громовержцемъ, Нептуна Землепреопоясатетемъ, Венеру голубоокою, Діану быстроногою и проч.—Скальдъ Шкотовъ, видитъ на облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную безмолвную природу и кровавыя брани. — Славяноросійскій Баянъ изображаетъ ратное воспитаніе и ревность свою къ службѣ Князя, что на концѣ копья онъ взлелѣянъ, доспѣхами повитъ и вычерпаетъ шлемомъ своимъ быстрыя рѣки. Словомъ, всякій древній народъ, а особливо сѣверные, воспѣвая свои подвиги и свои упражненія, изъяснялися, относительно чувствъ своихъ, въ ихъ гимнахъ и одахъ своимъ образомъ; ставили славу свою въ героическихъ своихъ пѣсняхъ, гордились ими, и не имѣя ихъ, почитали себя несчастливыми.

Но ода, или гимнъ, изображаютъ только чувства сердца вразсужденіи какого либо предмета, а не дѣйствіе его. — Гдѣ же остановляются на дѣйствіи, тутъ ужè сближаются къ Эпопеѣ.—Слогъ имѣютъ твердый, громкій, возвышенный, благородный, однако сходственный всегда съ предметомъ; въ противномъ случаѣ, теряютъ свою изящность.—Доказывается сіе одою На счастіе Жанъ-Баптиста Руссо, переведенною Г. Ломоносовымъ и Сумароковымъ.—Послѣдняго слогъ не соотвѣтствуетъ высокому содержанію подлинника. — И такъ гимнъ и ода заимствуютъ свое нарѣчіе, свои краски, свою силу отъ воспѣваемаго ими предмета; но никогда площадныхъ, или простонародныхъ словъ себѣ не дозволяютъ, развѣ въ такомъ родѣ будутъ писаны; но здѣсь таковыя не имѣютъ мѣста.—Впрочемъ качество, или достоинство высокихъ одъ и гимновъ составляютъ: вдохновеніе, смѣлый приступъ, высокость, безпорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новость чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, перескоки, обороты, околичности, сомнѣнія и вопрошенія, противоположности, заимословія, иносказанія, сравненія и уподобленія, усугубленія или усилія и прочія витійственныя украшенія; не рѣдко нравоученіе; но всегда сладкогласіе и вкусъ.

Хотя изъ вышепомянутыхъ украшеній многія въ особенности принадлежатъ Риторикѣ и объяснены тамъ подъ именами разныхъ троповъ и фигуръ: но покажемъ, что такое они у Лирика и какъ онъ ихъ употребляетъ:

Вдохновеніе: не что иное есть, какъ живое ощущеніе, даръ Неба, лучъ Божества. Поэтъ въ полномъ упоеніи чувствъ своихъ разгараяся свышнимъ онымъ пламенемъ, или простѣе сказать, воображеніемъ, приходитъ въ восторгъ, схватываетъ лиру и поетъ, что ему велитъ его сердце.— Не разгорячась и не чувствуя себя восхищеннымъ и приниматься онъ за лиру не долженъ. Вдохновеніе раждается прикосновеніемъ случая къ страсти Поэта, какъ искра въ пеплѣ, оживляяся дуновеніемъ вѣтра, воспламеняется помыслами, усугубляется ободреніемъ, поддерживается окружными видами, согласными съ страстью, которая его трогаетъ и обнаруживается впечатлѣніемъ, или изліяніемъ мыслей о той страсти, или ея предметахъ, которые воспѣваются. — Въ прямомъ вдохновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высокомъ пареніи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представленій. Отъ того-то въ превосходныхъ Лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство, выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющее. Но вдохновеніе можетъ быть не всегда высокое, а чаще между порывнымъ и громкимъ посредственное, заемлемое отъ воспѣваемаго предмета, обстоятельствъ или собственнаго состава и расположенія Поэта; а потому и можетъ быть у всякаго свое и по временамъ отличное вдохновеніе по настроенію лиры, или по наитію Генія. — Исчислять всѣ его виды, было бы весьма пространно.—Но вотъ нѣкоторые примѣры:

Грознаго:

«Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
«Что море въ ярости своей

(*) Бардъ, пѣвецъ, собственно Галламъ и Британцамъ принадлежащій.

(**) И не угрюмые Друиды
Даютъ глухимъ вытьемъ отвѣтъ.

«Съ предѣлами Небесъ сражалось,
«Земля стенала отъ зыбей;
«Что вихри въ вихри ударялись,
«И тучи съ тучами спирались,
«И устремлялся громъ на громъ;
«И что надуты водъ громады
«Текли покрыть пространны грады,
«Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.»
Ломонос.

Гнѣвнаго.

«О ты, что въ горести напрасно
«На Бога ропщешь, человѣкъ!
«Внимай, коль въ ревности ужасно
«Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
«Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
«И гласомъ громы прерывая,
«Словами небо колебалъ,
«И такъ его на распрю звалъ. —
«Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною.
«Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ
«Моей возженныхъ вдругъ рукою
«Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
«Мое величество вѣщали?» — и проч.
Ломон.

или:

«Претящимъ окомъ Вседержитель,
«Воззрѣвъ на полкъ вечерній рекъ:
«О дерзкій мира нарушитель,
«Ты мечъ противъ Меня извлекъ!
«Я правлю, солнце, землю, море,
«Кто можетъ стать со Мною въ спорѣ?»
Ломон.

Торжественнаго:

«Уже со многими народы
«Гласитъ эѳиръ, земля и воды,
«И камни вопіютъ теперь!
«Къ намъ щедро небо преклонилось,
«И счастье наше обновилось:
«На тронъ взошла Петрова Дщерь»
Ломон.

или:

«Тогда отъ радостной Полтавы
«Побѣды Россской звукъ гремѣлъ;
«Тогда не могъ Петровой славы
«Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
«Тогда Вандалы побѣжденны,
«Главы имѣли преклоненны,
«Еще при пеленахъ Твоихъ;
«Тогда предъявлено судьбою,
«Что съ трепетомъ передъ Тобою
«Падутъ полки потомковъ ихъ.»
Ломон.

Радостнаго:

«Коликой славой днесь блистаетъ
«Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
«Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
«Въ пространномъ зданіи своемъ;
«Но воздухъ наполняетъ плескомъ.
«И нощи тьму отъемлетъ блескомъ. —
«Ахъ, еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
«Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
«То бъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
«На вѣчный день перемѣнилась!»
Ломон.

или:

«Геройскихъ подвиговъ хранитель
«И проповѣдатель Парнассъ,
«Временъ и рока побѣдитель,
«Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ;
«Приближи къ небесамъ вершины,
«И для похвалъ Екатерины,
«Какъ наша радость, разцвѣтай,
«Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
«Бореи преврати въ Зефиры,
«Представь зимой въ полнощи рай.»
Ломон.

Спокойнаго:

«Царей и Царствъ земныхъ отрада
«Возлюбленная тишина,
«Блаженство селъ, градовъ ограда,
«Коль ты полезна и красна!
«Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
«И класы на поляхъ желтѣютъ;
«Сокровищъ полны корабли
«Дерзаютъ въ море за тобою;
«Ты сыплешь щедрою рукою
«Свое богатство по земли.» и проч.
Ломон.

или:

«Въ долинѣ онъ стоитъ обширной,
»Гдѣ вѣчная цвѣтетъ весна;
«Стада гуляютъ въ паствѣ жирной,
«Всегдашня тамо тишина:
«Ни слезъ, ни стона тамъ не знаютъ,
«Другъ друга жители лобзаютъ;
«Щитъ Марсовъ, шлемъ и копіе
«Лежатъ увитые цвѣтами;
«Возлегши миръ на нихъ локтями,
«Стрежетъ оружіе сіе.»
Херасковъ.

или:

«Сонъ сладостный не презираетъ
«Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
«Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
«Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
«На коихъ по колосьямъ нивы
«Подъ тѣнью облаковъ игривый
«Перебирается Зефиръ,
«Гдѣ царствуетъ покой и миръ.»
Изъ Горація.

Тихаго:

«Россійско солнце на восходѣ
«Въ сей обще вожделѣнный день,
«Прогнало въ ревностномъ народѣ

«И ночи и печали тѣнь.
«Воспомянувъ часы веселы,
«Красуйтесь, счастливы предѣлы,
«Въ сердцахъ усугубляйте жаръ.»

Ломон.

или:

«Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
«Иль лучше, льешь на насъ щедроты;
«Монархиня! коль благъ совѣтъ
«Для Россовъ вышнія доброты!»

Ломон.

или:

«Такъ воскликнувъ, я повергся долу:
«Заглохнулъ стонъ болота дна,
«Замолкло лѣса бушеванье,
«Затихла тише тишина. —
«Лежалъ простертымъ, чуть дыхая,
«Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
«Надъ коимъ мѣсяцъ серпозлатый
«Блисталъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ, — исчезъ.»

Изъ Козегартена.

Страстнаго:

«Увижу ль съ нимъ тебя, — и въ мигъ
«Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
«Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
«И молнія по мнѣ стремится;
«По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
«По жиламъ хладъ я ощущаю;
«Дрожу, блѣднѣю; — и какъ злакъ
«Упадши, вяну — умираю.»

Изъ Сафы.

или:

«Жизнь во мнѣ тобой хранится,
«Казнь и благо дней моихъ;
«Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
«Буду живъ безъ связи ихъ. —
«Тѣнь моя всегда съ тобою
«Неразлучно будетъ жить.
«Окружать тебя собою,
«Взглядъ твой, вздохъ и мысль ловить.»

Нелединскій.

или:

«Небеса, Цари, вселенна,
«Все мнѣ милая моя. —
«Лишь взглянула — я любовникъ;
«Пожелала — я Поэтъ.»

Князь Горчаковъ.

Нѣжнаго:

«Какъ мать стенаньемъ и слезами
«Крушит я о сынѣ своемъ,
«Что онъ противными вѣтрами
«Отгнанъ, живетъ въ краю чужемъ.—
«Она минуты всѣ считаетъ,
«На брегъ во всякой часъ взираетъ,
«И проситъ щедры небеса.»

Ломон.

или:

«Не видя пламенной Беллоны,
«Въ Едемскихъ жили бы садахъ,
«Имѣли бы свои законы
«Написанны въ твоихъ очахъ.»

Хераск.

или:

«Въ бесѣдѣ ли съ тобой бываю,
«Тебя одну въ ней вижу я,
«Шаги твои все замѣчаю;
«Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя;
«И съ кѣмъ ни молвила бъ ты слово,
«Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,
«Тебѣ отвѣтствовать готово
«Мое все сердце на устахъ.»

Нелед.

или:

«Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ:
«Лавры! васъ я не ищу;
«Я и миртočкой доволенъ,
«Коль отъ милой получу.»

Дмитріевъ.

Пріятнаго:

«Млекомъ и медомъ напоенны,
«Тучнѣютъ влажны берега,
«И яснымъ солнцемъ освѣщенны,
«Смѣются злачные луга.»

Ломон.

или:

«Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
«Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
«Межъ бисерными облаками
«Сіяетъ злато и лазурь.»

Ломон.

или:

«Я слышу Нимфъ поющихъ гласы,
«Носящихъ сладкіе плоды;
«Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы:
«Шумятъ огромныя скирды;
«Среди охотничей тревоги
«Лѣсами раздаются роги,
«Въ покоѣ представляя брань.
«Сіе Богинѣ несравненной
«Въ избытокъ принесутъ осенной
«Земля, вода, лѣсъ, воздухъ въ дань.»

Ломон.

или:

«Какіе радостные плески,
«Огней торжественные блески,
«Куренія отъ олтарей? —
«Мольбы! — Се лира для Царей!»

Хераск.

Умилительнаго:

«Ты судъ и милость сопрягаешь,
«Повинныхъ съ кротостью казнишь,
«Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
«Ты осужденныхъ кровь щадишь.
«Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
«Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
«Но пользой выше прочихъ рѣкъ,
«Своею сладкою водою,
«Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
«Златой даетъ Египту вѣкъ.»

Ломон.

или:

«Иль мало смертны мы родились,
«И должны удвоять свой тлѣнъ?
«Еще ль мы мало утомились
«Житейскихъ тягостью временъ?
«Воззри на плачъ осиротѣвшихъ,
«Воззри на слезы престарѣвшихъ,
«Воззри на кровь рабовъ Твоихъ.
«Къ тебѣ любовь и радость свѣта,
«Въ сей день зоветъ Елисавета:
«Низвергни брань съ концевъ земныхъ.»

Ломон.

или:

«А ты, которой обладаешь
«Единъ подсолнечною всей,
«На милость души преклоняешь
«Возлюбленныхъ Тобой Царей,
«Хранишь отъ злаго ихъ навѣта!
«Содѣлай, да владыки свѣта
«Внушатъ мою нелестну рѣчь;
«Да гласу правды кротко внемлютъ,
«И на злодѣевъ лишь подъемлютъ
«Тобою имъ врученный мечъ!»

Капнистъ.

Унылаго:

«Но ахъ, жестокая судьбина!
«Безсмертія достойный мужъ,
«Блаженства нашего причина,
«Къ несносной скорьби нашихъ душъ,
«Завистливымъ отторженъ рокомъ,
«Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
«Внушивъ рыданій нашихъ слухъ;
«Верхи, Парнасски возстенали,
«И Музы воплемъ провождали
«Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.»

Ломон.

или:

«Что такъ смущаешься, волнуешь,
»Безсмертная душа моя?
«Отколѣ пламенны желанья?
«Отколь тоска и грусть твоя?
«Се холмы синіе мерцаньемъ,
«Лугъ запахомъ спокойство льетъ;
«Но ахъ! ни что не утоляетъ
«Унынья томна твоего!»

Изъ Козегарт.

или:

«Лѣса, влекущіе къ покою!
«Чертогъ любви и тихихъ дней!
«Куда вы съ прежней красотою
«Сокрылись отъ моихъ очей?
«Васъ та же зелень украшаетъ;
«Но мнѣ того ужъ не являетъ,
«Чѣмъ духъ бывалъ прельщаемъ мой:
«Вездѣ меня тягчатъ печали;
«Вездѣ, гдѣ прежде восхищали
«Утѣхи, счастье и покой.»

Капн.

или:

«Безъ друга и безъ милой
«Брожу я по лугамъ;
«Брожу съ душей унылой
«Одинъ по берегамъ. —
«Тамъ тѣ же все встрѣчаю
«Кусточки и цвѣтки:
«Но ахъ! не облегчаю
«Ни чѣмъ моей тоски!»

Дмитр.

или:

«Гдѣ найду я выраженья
«Все, что чувствую, сказать?
«Не достанетъ воображенья
«Чувствъ души моей обнять. —
«Только два ихъ понимаю:
«Время на двое дѣлю,
«При тебѣ — все забываю,
«Или безъ тебя — терплю.»

Нелед.

Печальнаго:

«Безгласна видя на одрѣ
«Защитника, отца, героя,
»Рыдали Россы о Петрѣ;
»Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
«И сѣтовали всѣ мѣста:
«Земля казалася пуста:
«Взглянуть на Небо — не сіяетъ,
«Взглянуть на рѣки — не текутъ,
«И горъ высокость осѣдаетъ;
«Натуры всей пресѣкся трудъ.

Ломон.

или:

«Россы! се Елисавета,
«Се Она во гробѣ здѣсь,
«И лучей лишенна свѣта
«Предается тлѣну днесь;
«Се конецъ Ея судьбинѣ;
«Плачьте Россы, плачьте нынѣ
«О Монархинѣ своей.»

Сумароковъ.

или:

«Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
«Ходитъ милаго вокругъ —

«Но увы! прелестна Хлоя!...
«Ужъ не встанетъ милый другъ.»

Дмитр.

Утѣшительнаго

«Сіе, о смертный! разсуждая,
«Представь Зиждителеву власть,
«Святую волю почитая,
«Имѣй свою въ терпѣньи часть.
«Онъ все на пользу нашу строитъ,
«Казнитъ кого или покоитъ.
«Въ надеждѣ тяготу сноси,
«И безъ роптанія проси.»

Ломон.

или:

«Теперь по всѣмъ градамъ Россійскимъ,
«По селамъ и степямъ Азійскимъ
«Единогласно говорятъ:
«Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
«Дражайшее Петрово племя:
«Счастлива жизнь и нашихъ чадъ:
«Не будетъ страшной ужъ премѣны,
«И отъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
«Разрушатся противныхъ стѣны
«И сильныхъ изнеможетъ лукъ.»

Ломон.

или:

«Не озлобляйся ты злодѣевъ клеветою,
«Богъ зритъ дѣла твои и самъ вездѣ съ тобою.»

Хераск.

или:

«Надежды должно ль намъ лишаться,
«Томить себя, стенать, терзаться,
«Когда проходитъ все какъ прахъ;
«Когда для насъ и горесть люта
«И часъ и каждая минута
«Къ блаженству будущему шагъ.»

Капн.

или:

«Лиза! рай всѣхъ чувствъ моихъ!
«Мы не знатны, ни велики;
«Но въ объятіяхъ твоихъ
«Меньше ль счастливъ я владыки?

Дмитр.

Забавнаго:

«Зевесъ быкамъ далъ роги,
«Копыты лошадямъ,
«Проворны зайцамъ ноги,
«Зубасты зѣвы львамъ;
«Способность плавать, рыбамъ,
«Пареніе орламъ,
«Безстрашный духъ мужчинамъ:
«Но что жъ онъ далъ женамъ?
«Чѣмъ все то замѣнить?
«Красой ихъ надѣляетъ:
«Огонь и мечъ и щитъ
«Красавица сражаетъ.»

Изъ Анакреона.

или;

«Други! время скоротечно
«И не видишь, какъ летитъ.
«Молодыми быть не вѣчно,
«Старость въ мигъ насъ посѣтитъ. —
«Что же дѣлать? — такъ и быть!
«Въ ожиданьи будемъ пить.

Дмитр.

или:

«Ребята, намъ въ полѣ
«Отъ солнца сгорѣть,
«Дня жарка мнѣ болѣ
«Нѣтъ мочи терпѣть.
«Мы можемъ собраться
«Въ другой разъ сюда,
«Купаться, купаться
«Теперь череда!

Шишковъ.

Шутливаго:

П . . . . . Европѣ ужъ извѣстно,
Что силъ Донскихъ ты страшный вождь.
Въ расплохъ, какъ бы колдунъ всемѣстно
Ты съ тучъ падешь, какъ снѣгъ, какъ дождь.
По черныхъ вороновъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью, видя мѣту,
Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ,
И зря на тускъ, на блескъ червонца,
По солнцу, иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаулъ,
И тайный ставишь караулъ. —
Въ травѣ идешь — съ травою равенъ;
Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой. —
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь, — и слѣду нѣтъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной, —
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И бросл петли вокругъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей.

Смѣлый приступъ, или громкое вступленіе, бываетъ отъ накопленія мыслей, которыя, подобно водѣ, стѣснившейся при плотинѣ, или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шумомъ начинаетъ свое стремленіе.— Едва ли можно воспарять выше таковаго начала! — Имѣющій вкусъ тотчасъ остановится тутъ, гдѣ примѣтитъ себя упадающимъ. Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отъ часу выше восходятъ своимъ пареніемъ. — Бываютъ и такія, которыя имѣютъ ровное и прямое направленіе; а другія мѣстами порывны и извивисты, каковы всѣ Г. Ломоносова, смотря по предметамъ, какіе они описываютъ. — Вотъ примѣры громкаго, тихаго и вдругъ возвышающагося вступленія.

Громкаго:

«Внемли, о небо! что реку,
«Земля! услышь мои глаголы:

«Какъ дождь на нивы потеку
«И какъ роса на злачны долы,
«Прольюсь и въ бездны преисподни
«Пѣть имя, чудеса Господни.»

Второзаконія глава 32.

или:

«Внемлите вси предѣлы свѣта,
«И вѣдайте, что можетъ Богъ!
«Воскресла намъ Елисавета:
«Ликуетъ Церковь и чертогъ.»

Ломон.

Тихаго:

«Заря багряною рукою
«Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
«Выводитъ съ солнцемъ за собою
«Твоей державы новый годъ. —
«Благословенное начало
«Тебѣ, Богиня, возсіяло.
«И нашихъ искренность сердецъ
«Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
«Да счастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
«Его средину и конецъ.»

Ломон.

Тихаго и вдругъ возвышающагося:

«Сквозь тучи вкругъ лежащи черны,
«Твой горній кроющи полетъ,
«Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
«Ты грянулъ наконецъ! — и свѣтъ
«Отъ молніи твоей горящей,
«Сердца Альпійскихъ горъ потрясшей,
«Струей вселенну пролетѣлъ;
«Чрезъ неприступны переправы
«На высотѣ ты новой славы
«Явился, сѣверный Орелъ!»

Изъ оды На переходъ Альпійскихъ горъ.

Высокость, или выспренность Лирическая, есть не что иное, какъ полетъ пылкаго, высокаго воображенія, которое возноситъ Поэта выше понятія обыкновенныхъ людей, и заставляетъ ихъ, сильными выраженіями своими то живо чувствовать, чего они не знали, и что имъ прежде на мысль не приходило. Но высокость бываетъ двоякаго рода: одна *чувственная*, и состоитъ въ живомъ представленіи веществъ; другая *умственная*, и состоитъ въ показаніи дѣйствія высокаго духа. Первая принадлежитъ къ лирѣ, а другая къ драмѣ. Посему-то иногда живое чувственное не можетъ быть высокимъ умственнымъ; ни самое высокое умное не можетъ быть живымъ чувствомъ. — Словомъ, что живо, то не есть еще высоко; а что высоко, то не есть еще живо. И такъ по сему понятію, лирическое высокое заключается въ быстромъ пареніи мыслей, въ безпрерывномъ представленіи множества картинъ и чувствъ блестящихъ, громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтущимъ слогомъ выраженное, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе. — Высокое же драматическое, содержится въ тихомъ и спокойномъ дѣйствіи души великой, которая, бывъ выше другихъ, и въ слабостяхъ человѣка, твердостію и мужествомъ его, а не блескомъ однимъ воображенія и громомъ словъ, показываетъ въ немъ высокое существо и заставляетъ разумъ почитать его, или благоговѣть предъ нимъ. Кратко, прямая высокость состоитъ въ силѣ духа, или въ истинѣ, обитающей въ Богѣ.—Одно справедливо изящное въ томъ и другомъ случаѣ есть только высоко. Въ одѣ, которая изображаетъ, какъ пѣснь лирическая, превосходныя чувства, и тутъ же, какъ эпопея, или драма, описываетъ дѣйствіе великодушія, могутъ быть помѣщаемы и та и другая высокость; но только Поэтомъ вкусъ имѣющимъ, чтобы не распространить дѣйствія, и тѣмъ не охладить чувствъ.—Вотъ примѣры и той и другой высокости и вообще ихъ обѣихъ.

Чувственной:

«Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
«Въ пространствѣ заблуждаетъ око.»

Ломон.

или:

«Лице любови толь прекрасно,
«Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно
«И проницаютъ тихій понтъ;
«Подобно сей Царицы взгляды
«Сквозь души и сердца идутъ.»

Ломон.

или:

«Люди съ солнцемъ — людямъ ясно,
«А со мною — все туманъ.»

Московскій Журналъ.

Умственной:

«Онъ тигровъ челюсти терзаетъ,
«Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
«Велитъ лунѣ и солнцу стать.»

Ломон.

или:

«Взглянувъ въ Россію кроткимъ окомъ,
«И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
«Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ, —
«И бысть!.....»

Ломон.

или: (въ нѣжномъ слогѣ).

«О души моей веселье,
«Для кого мнѣ жизнь мила!
«Я послѣдне ожерелье
«За тебя бы отдала!»

Московск. Журн.

Вообще чувственной и умственной:

«О вы, не дремлющія очи,
«Стрегущія небесный градъ!
«Вы, бодрствуя во время ночи,
«Когда, покоясь, смертны спятъ,
«Взираете сквозь тѣнь густую
«На цѣлу широту земную. —
«Но чаю, что вы въ оный часъ,
«Впротивъ естественному чину,
«Петрову зрѣли Дщерь едину,
«Когда пошла избавить насъ.»

Ломон.

или:

«Умреть иль побѣдить здѣсь должно:
«Умремъ! — кликъ вторитъ по горамъ.»

Безпорядокъ Лирическій значитъ то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить логически. — По тому ода плана не терпитъ. — Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ,—или безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь, какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи. Лирикъ въ пространномъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, чрезъ которыя и при которыхъ достичь ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ, или такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокупность, чтобъ скорѣе до него долетѣть. — При всемъ томъ, естьли не предводитъ его разумъ, то хотя препровождать долженъ. — Иначе, сей мнимый безпорядокъ, будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ. — Вотъ примѣръ лирическаго безпорядка, въ которомъ Поэтъ, какъ изступленный, мечется отъ одной мысли къ другой, кажется безъ всякой связи, но сколько тутъ ума и сколько красотъ!

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
«Ведетъ на верхъ горы высокой,
«Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
«Въ долинѣ тишина глубокой —
«Внимая нѣчто ключъ, молчитъ,
«Который завсегда журчитъ,
«И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
«Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
«Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
«Далече дымъ въ поляхъ курится.»

Ломон.

Единство страсти, или одно главное чувство, въ лирической пѣсни, какъ въ эпопеѣ и драмѣ единство дѣйствія, господствовать долженствуетъ; ибо разсѣяніе за многими предметами отнимаетъ силу и быстроту у лиры. А для того, посвятя ее радости, можно теряться въ восхищеніяхъ и даже дерзать почти на сумасбродство, но отнюдь не переходить къ печали.—Начиная ненавистію, не надлежитъ оканчивать любовью. Иначе любовь не будетъ уже противницею ненависти, или останется тою же самою страстію, какою и была, но только подъ сокрытіемъ. — Сіе противострастіе видно въ нижеслѣдующей строфѣ:

«Такъ ты, такъ ты, таковъ-то лютъ! —
«Но ахъ! средь самыхъ тѣхъ минутъ,
«Когда тебя я ненавижу,
«Когда тобой я грусть терплю,
«Съ тобой я твой порокъ люблю,
«Въ тебѣ еще все прелесть вижу.»

Впрочемъ единствомъ называется и то, когда Поэтъ предмета своего ни на мигъ не упускаетъ изъ виду. — Примѣры сему: у Анакреона почти во всѣхъ одахъ; у Горація въ книгѣ 1, въ одѣ 10 къ *Меркурію*, и между моими многія, изъ коихъ та ода и *Гимнъ кротости* (на стран. 103 напечатанный), ниже сего помѣщается:

Къ Меркурію:

«Краснорѣчивый внукъ Атланта,
«Меркурій! — дикій нравъ смягчившій грубыхъ смертныхъ
«И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
«По правиламъ Палестры. —

«Тебя, Боговъ и Дія вѣстникъ,
«Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
«Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шуткахъ
«Похитить, скрыть что хочешь. —

«Обманомъ нѣкогда изъ стада —
«Бывъ юнъ еще — воловъ ты свелъ у Аполлона,—
«И онъ, коль не отдашь, грозилъ; но стрѣлъ въ мигъ въ тулѣ
«Не взвидѣвъ, — разсмѣялся.

«Ты щедраго въ пути Пріяма
«Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ и сквозь стана
«Прошедъ враговъ Троянъ, избѣгнулъ лютыхъ стражей
«Фесальскихъ и Атридовъ.

«Вчиняя души благочестны
«Въ селеньяхъ радости, и легкія ихъ стаи
«Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятенъ
«Богамъ небесъ и ада.»

Гимнъ кротости:

«Сіянье радужныхъ небесъ,
«Души чистѣйшее спокойство,
«Блескъ тихихъ водъ, Эдемъ очесъ,
«О кротость! Ангельское свойство!
«Отливъ отъ Бога Самаго!
«Тебѣ, тобою восхищенный,

«Настроиваю, вдохновенный,
«Я струны сердца моего.

«Когда среди усердна жара
«Другихъ Піитовъ лирный звукъ
«Царя земнаго полушара
«Гремитъ, — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
«Имъ сыплетъ бисеръ многоцѣнный —
«Его наградъ я не прошу;
«Но послѣ всѣхъ, лептъ чувствій бренный
«Тебѣ я, кротость! приношу.

«Тебѣ! и ты того достойна.
«Ты ожерелье красоты,
«Ты сану мудрости пристойна,
«Все лучшимъ сотворяешь ты;
«И добродѣтели святыя
«Усовершаются тобой,
«У зависти и стрѣлы злыя
«Отъемлетъ милый образъ твой.

«Подруга ль гдѣ, ты дѣвъ прекрасныхъ? —
«Ихъ скромный взглядъ—магнитъ сердецъ.
«Наперсница ль въ любви женъ страстныхъ?
«Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ.
«Идутъ ли за твоей рукою
«Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ? —
«Плѣняютъ и враговъ тобою
«Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

«А естьли царская порфира
«И скиптръ украсятся тобой,
«Монархъ тотъ, благодѣтель міра,
«Не солнцу ль равенъ онъ красой?
«На высотѣ блистая трона,
«Онъ освѣщаетъ и живитъ;
«Въ предѣлахъ своего закона
«Течетъ и всѣмъ благотворитъ.

«Не совмѣщаяся съ звѣздами,
«Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
«Но равными для всѣхъ лучами
«Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.
«Проходитъ взоръ его сквозь бездны —
«И чела узниковъ златитъ;
«Чертоги наполняя звѣздны,
«Сіяньемъ въ хижины летитъ.

«Куда свой путь ни обращаетъ,
«Въ село, въ обитель, или градъ:
«Народъ его волной встрѣчаетъ,
«И дѣти на него такъ зрятъ,
«Какъ бы на Бога лучезарна.
«Преклоншись старцы на клюкахъ,
«Движеньемъ сердца благодарна
«Сверкаютъ радостью въ очахъ.

«Такъ, кротость! такъ, ты привлекаешь
«Народныя къ себѣ сердца;
«Всѣхъ паче качествъ составляешь
«Въ Царѣ отечества отца.
«Ты милосерда и снисходишь
«Въ людскія страсти, суеты;
«Надломленныя не преломишь
«Былинки, по неправдѣ, ты.

«Сквозь вратъ проходитъ сокровенныхъ
«Всеобщая къ тебѣ любовь,
«Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
«Пролитую слезу и кровь;
«И какъ елень въ жаръ къ току воду
«Стремится жажду утолять,
«Такъ человѣчества ты къ стону
«Спѣшишь, чтобъ скорбь скорѣй унять.

«Ты не тщеславна, не спесива,
«Пріятельница тихихъ музъ;
«Привѣтлива и молчалива,
«Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
«Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
«Нигдѣ, ни какъ и никого;
«О естьли бы тебя не видѣлъ,
«Не написалъ бы я сего.»

Разнообразіе бываетъ троякое; одно въ картинахъ и чувствахъ, другое въ слогѣ и украшеніяхъ, третіе въ механизмѣ стиховъ, словоудареніи или риѳмѣ.—Въ первомъ, Поэтъ, имѣющій вкусъ, старается выставить разныя картины одну послѣ другой противоположныя, какъ то: ужасныя и пріятныя и проч. Во второмъ, согласуетъ слогъ свой съ описаніемъ предметовъ, или природы, понижая, или возвышая оный, громкими или тихими выраженіями.—Въ третьемъ, перемѣняетъ стопосложеніе, мѣры и паденія, созвучно дѣйствію описываемому, медленнымъ или быстрымъ теченіемъ стиха. — Все сіе весьма поражаетъ и удивляетъ слушателей.—Но таковое разнообразіе должно всегда усиливать единство, дѣлать главный предметъ привлекательнѣйшимъ, богатѣйшимъ, блистательнѣйшимъ тѣмъ самымъ, когда разные лучи его, какъ отраженія солнечныя, видомъ или качествомъ своимъ подобные ему, отъ всѣхъ его окружающихъ картинъ, дѣйствій, звуковъ, побочныхъ чувствъ и извитій обращаются на лицо единства, и въ немъ одномъ сливаясь, распространяютъ, украшаютъ и усугубляютъ его великолѣпіе. Но тутъ надобно великое искуство, чтобъ всѣ сіи разнообразія постепенно сами по себѣ возвышались; картины становились блистательнѣе, чувства живѣе, звуки поразительнѣе, извитія перепутанностію своею болѣе любопытство возбуждали, и наконецъ всѣ бы они какою неожиданною нечаянностію, приводящею въ восторгъ и удивленіе, съ громомъ и блескомъ, или пріятнымъ чувствомъ вдругъ разрѣшались.—Надобно однако, чтобъ при всѣхъ тѣхъ разнообразіяхъ не было ничего натянутаго, темнаго, замѣшаннаго, непостепеннаго, излишняго, или—какъ Пиндаръ говоритъ—такой несоразмѣрной нагрузки, которая отягощаетъ воображеніе; но все бъ было ясно, все дѣльно, все естественно и необходимо такъ, чтобы, перешагнувъ рѣку, не говорить уже о переходѣ ручья. — Впрочемъ, всякая другая неприличная разнообразность будетъ пестрый шутовской нарядъ, смѣхъ въ благоразум-

номъ читателѣ произвести могущій. — Образцы разнообразія относительно картинъ можно видѣть въ одахъ Пиндара и Горація. — Ломоносовъ имъ наполненъ.—Прочіе наши Поэты, а особливо Петровъ, показываютъ его довольно. Касательно же другихъ разнообразій, какъ то: возвышенія и пониженія слога, перемѣны звуковъ отъ стопосложенія; то незнающему чужеземныхъ языковъ, а особливо Греческаго и Латинскаго, ни изъяснить, ни понять того не можно; но чтобъ читающіе только по-Руски, могли имѣть о нихъ нѣкоторое понятіе, смѣю предложить въ моихъ сочиненіяхъ оды: *Къ любителю художествъ*, *На взятіе Варшавы; Персея и Андромеду*, — напечанныя выше, стран. 125, 53 и 81. — Наконецъ, разнообразіе бываетъ и въ планѣ. Иные при самомъ началѣ объявляютъ цѣль свою, другіе скрываютъ ту до конца, третьи такъ утаеваютъ, что и угадать трудно. Примѣръ перваго: у Ломоносова въ одѣ 19, *На новый 1764 годъ;* втораго: у меня (см. выше на стран. 169) въ одѣ *Павлинъ*; третьяго: у Горація во II книгѣ въ одѣ IV, въ *Калліопѣ*, которой переводъ здѣсь слѣдуетъ и о коей понынѣ толкователи не согласны, съ какимъ намѣреніемъ она писана.—Для показанія же разнообразія въ картинахъ, приведемъ въ примѣръ отрывки изъ *Пиндара, Ломоносова* и цѣлую небольшую мою оду *На шествіе триты.*

Изъ Горація.

Къ Калліопѣ.

«Сойди ко мнѣ съ небесъ, Царица Калліопа!
«И громкою трубой, — иль нѣжнымъ звономъ струнъ
«Отъ цитры Феба, — иль когда предпочитаешь
«Ты голосъ свой всему, — воспой безсмертну пѣснь.

«Уже мнѣ слышится! — иль обаяся
«Прелестною мечтой, брожу въ густой чащѣ
«Священныхъ рощъ, и шумъ прохладнаго Зефира
«И тихій внемлю токъ журчащаго ручья?

«Такъ, на горѣ Велькуръ, еще въ младенствѣ сущій,
«За рубежемъ родной Апуліи моей,
«Игрою утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный
«Таинственно вѣтвьми я былъ отъ голубей.

«Всѣмъ населяющимъ вершины Ахеронїй,
«Навѣсисты скалы лѣсныхъ Бантинскихъ дебрь
«И тучны пажити долинъ Низкоферейскихъ,
«Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, — что

«Неуязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ,
«Ни черноядныхъ змѣй, подъ злачнымъ лавромъ я
«И миртовой въ тѣни почилъ священной рощи.—
«Не безъ покрова, знать, Боговъ, былъ отрокъ смѣлъ!

«Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,
«Ни съ Филипинскихъ рать бѣжавшая полей,
«Ни древо Адское, ни волны Полинура
«Не погубили морь Сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ.

«Я вашъ, Камены, вашъ! — На холмы ли Сабински,
«Въ прохладный ли Пренестъ, въ пологій ли Тибуръ,
«Или въ приморскіе вхожу вертепы Байски,
«Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.

«Доколѣ вы со мной, пловцемъ пущусь охотно
«Въ ярящійся Босфоръ, въ пески Ливійски пѣть;
«Британовъ къ странникамъ и Коноканъ свирѣпыхъ,
«Піющихъ конску кровь, Донъ Скиѳскій посѣщу.

«Вы, подвигъ Цезаря Великаго окончить,
«Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Піеридъ,
«И воинство свое шлетъ въ браняхъ утомленно
«Во грады на покой, — прохладой щедрите.

«И днесь блаженные ему совѣты, кротки
«Вдохнувъ, ликуете. — Мы знаемъ страшный громъ
«Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ бурнымъ
«Кто правитъ царствами и смертныхъ и Боговъ.
«Не малымъ ужасомъ Юпитера смутила
«Самонадѣйная та буйна, юна рать,
«Что силясь, мышцами подъявъ брато-содружно,
«Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Пеліонъ.

«Но что возмогъ Пиѳей? — Что Мимъ ужасномочный?
«Что Ретъ и Энцеладъ, надменно съ корней рвавши
«И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

«Противъ эгида что гремящаго Паллады?
«И пламенный Вулканъ, царица и небесъ
«Стояла, Хера (*) гдѣ, и не слагающій
«Съ раменъ своихъ стрѣлогремящій свѣтлый тулъ,

«И моющій власы разсыпанны златые,
«Струящися въ ключахъ Кастальскихъ чистыхъ водъ,

«И въ отчихъ родшися витающій дубравахъ
«Ликійскихъ, Патернскій и Дельѳскій Аполонъ?

«Лишенна падаетъ благоразумья сила
«Подъ бременемъ своимъ.—Благоразумьемъ мощь
«Соразмѣряему возводятъ Боги выше. —
«Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

«Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ сторукій
«И непорочныя Діаны Оріонъ,

(*) Юнона.

«Помнившій на соблазнъ. — Онъ скоро укрощеннымъ
«Сталъ въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.

«На собственныхъ своихъ низверженна чудовищъ
«Земля, стеня скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,
«Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада,
«И Этна брошенна на нихъ — еще горитъ.

«Нечестіе стрещи опредѣленна птица
«Рвать невоздержнаго не престаетъ до днесь
«Титія печени, и влюбчива связуютъ
«Пиритоя еще трехъ-сотны склепы узъ.»

Изъ Пиндара:

«Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
«Орелъ, пернатыхъ царь, и внизъ
«Спустя высокопарны крылья,
«Во сладостномъ забвеньи спитъ.
«Пріятна мгла, смежая вѣжди,
«Главу его на перси гнетъ;
«Бряцаньемъ тихимъ утомленный
«Чуть зыблется хребетъ его. —

«Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
«Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсней музъ;
«Трепещетъ на землѣ и морѣ
«Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
«Трепещетъ и Тиѳей стоглавый,
«Воитель бывый на Боговъ:
«Наверженъ страшною горою,
«Онъ въ мрачномъ тартарѣ лежитъ.

«Изъ челюстей своихъ извержетъ
«Потоками всежрущій огнь,
«Который днемъ сквозь тучи дыма
«Сверкаетъ искрами въ Аэръ:
«А ночью, вихрями крутяся,
«Горящимъ, каменнымъ дождемъ,
«Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
«Въ морскую глубину падетъ.»

Изъ Ломоносова:

«Тамъ тмою острововъ посѣянъ,
«Рѣкѣ подобенъ Океанъ.
«Небесной синевой одѣянъ
«Павлина посрамляетъ вранъ.
«Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
«Что пестротою превышаютъ
«Одежду нѣжныя весны;
«Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
«И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
«Не знаютъ строгія зимы.

«И се Минерва ударяетъ
«Въ верхи Рифейски копіемъ:
«Сребро и злато истекаетъ
«Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
«Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
«Что Россамъ въ руки предастся
«Драгой его металлъ изъ горъ,
«Который тамъ натура скрыла;
«Отъ блеску дневнаго свѣтила
«Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.»

ШЕСТВІЕ ПО ВОЛХОВУ

Россійской Амфитриты:

«Что сіяетъ отъ заката
«Въ полнощь, полудневный свѣтъ?
«Средь багряна стклянна злата
«Кто по Волхову плыветъ?
«Полкъ Тритоновъ трубитъ въ трубы;
«Рыбъ на днѣ сребрится бѣгъ
«Пляшутъ холмы, скачутъ дубы,
«Съ плескомъ рукъ бѣжитъ въ слѣдъ брегъ,
«И шумятъ струи жемчужны!

«Посидонъ ли съ Амфитритой
«Озираетъ ходъ то рѣкъ,
«Чтобъ судами ставъ покрытой
«Онъ довольство всюду влекъ?
«Иль Прекраса перевозитъ
«Въ Выбудцкъ Игоря въ ладьѣ,
«Огнь къ себѣ любви въ немъ множитъ,
«Жжетъ и сердце имъ свое?
«Красота съ геройствомъ дружны!

«Нѣтъ — не древнихъ дивъ картина
«Удивляетъ смертныхъ взглядъ;
«Шествуетъ Екатерина
«Со Георгомъ въ Петроградъ!
«Ладогана зрю сурова —
«Снѣго блещущи власы
«Онъ взбугря чела сѣдова,
«Изъ-подъ длани на красы
«Взоръ стремитъ звѣзды полночной.

«Какъ — гласитъ: Екатерина!
«Вновь мнѣ блещетъ Божество?
«Имя, вѣсть о Ней едина
«Мнѣ восторгъ и торжество!
«Рекъ — и взоръ къ прекрасной дщери
«Осклабляя — подалъ знакъ,
«Чтобъ Ее весть Понта въ двери...
«И Нева преклонши зракъ,
«Въ градъ ведетъ преузорочный.

«Петрополь встаетъ на встрѣчу,
«Башни всходятъ изъ-подъ волнъ.
«Не Славенска внемлю вѣчу,
«Слышу музъ Аѳинскихъ звонъ.
«Вижу мраморы, граниты
«Богу взносятся на храмъ;
«За заслуги знамениты,
«Въ память вождямъ и Царямъ
«Зрю кумиры изваянны.

«Вижу, — Сѣвера Столица
«Какъ цвѣтникъ межъ рѣкъ цвѣтетъ,
«Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ Царица
«И ее прекраснѣй нѣтъ!
«Бельтъ въ безмолвіи зерцало
«Держитъ предъ ея лицемъ,
«Чтобы прелестьми блистало
«И въ дали народамъ всѣмъ,
«Какъ румяный отблескъ зарьный.

«Вижу лентіи летучи
«Разноцвѣтны по судамъ;
«Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
«Къ камнетесаннымъ брегамъ.
«Вижу пристаней, цѣпь зданій,
«Торжищъ, стогновъ чистоту,
«Злачныхъ рощъ, путей, гуляній
«Блескъ, богатство, красоту, —
«Красотѣ Царя подобну!

«Межъ народа тамъ Онъ зрится,
«Какъ Отецъ между дѣтей;
«Но здѣсь молнія стремится
«Отъ Его въ строяхъ мечей —
«И отзывъ Его перуна
«Ужъ трясетъ среду земну.
«Онъ, избравъ днесь вождя юна,
«На рогатую луну
«Повелѣлъ вести брань злобну.

«Фениксъ сей изъ праха отча
«Вставъ паритъ во звѣздный кругъ;
«Гордость, зависть, злоба молча
«Въ немъ признавъ воинскій духъ,
«Защищать Стамбулъ престанутъ,
«Въ Азію Магметъ уйдетъ;
«Вновь Эллады лиры грянутъ
«И почтитъ тогда весь свѣтъ
«Александра олтарями.

«Но доколѣ совершится
«Древній сей пророчій гласъ,
«Норда Царь тѣмъ веселится,
«Что межъ льдовъ растетъ Парнассъ,
«Что художествы, науки
«Разцвѣтавъ въ Его тѣни,
«На Него простерши руки
«Славословятъ щедры дни
«И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

«Но всѣхъ лучше украшеній
«Милосердья олтари;
«Духъ мой полнъ тамъ восхищеній,
«Гдѣ равны Богамъ Цари. —
«Вижу вдовъ, сиротъ притворы,
«Рукодѣльи юношъ, дѣвъ,
«За болящими призоры,
«И всѣхъ нивъ благихъ посѣвъ
«Зрю Маріиной рукою!

«Вижу домъ весь благодатный,
«Братьевъ, Сестръ, — Божествъ соборъ, —
«Тихій нравъ и какъ пріятный
«Лучъ — Елисаветинъ взоръ!
«Поспѣшай къ намъ Амфитрита,
«Россовъ всѣхъ утѣшь сердца;
«Да душей Орла повита
«Будетъ юнаго птенца
«Намъ рожденнаго Тобою!»

Краткость — Извѣстно, что пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно — Посему высокая ода наполняется горячимъ, сильнымъ чувствомъ; то и разумѣется, что ода должна быть кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновеннымъ чувствомъ какого либо предмета; а потому и не можетъ то чувство долго продолжаться въ равной силѣ. — Естьли жъ кому превосходное вдохновеніе, или даръ, позволитъ распространяться; то надобно, чтобы онъ пламени своему умѣлъ придавать непрестанно новую пищу; чтобы все продолженіе было такъ напитано душею, какъ цѣпь электрическою силою, которая, при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи ока, или слуха, издавала бы отъ каждаго звена своего блескъ и трескъ. Повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей, одѣтыхъ только другими словами безъ чувствъ, не томко бываетъ ненужно, но и непріятно. Въ томъ великая тайна, чтобъ проницательную, быструю душу умѣть занимать всегда новымъ любопытствомъ. По сей-то причинѣ всѣ лучшіе Лирики предметъ свой показывали только съ той стороны, которая болѣе поражаетъ, и едва сдѣлавъ ею впечатлѣніе, столь же стремительно оставляли, какъ за нее принимались — Впрочемъ, краткость не въ томъ одномъ состоитъ, чтобъ сочиненіе было недлинно, но въ тѣсномъ совмѣщеніи мыслей, чтобы въ немногомъ сказано было много, и пустыхъ словъ не было. Вотъ примѣры краткости въ цѣломъ твореніи и въ слогѣ возвышенномъ и простомъ:

Въ цѣломъ возвышенномъ:

«Коль зрѣлище красно, пріятно,
«Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
«Благоуханье ароматно
«Какъ на браду съ главы течетъ,
«Браду священну Аарона,
«Струящусь на ометы ризъ;
«Или Синая и Ермона
«Когда верхи, преклоншись внизъ,
«Багрянымъ серебромъ сверкаютъ,
«И каплетъ на цвѣты роса:
«Такъ въ вѣкъ на домъ ихъ изливаютъ
«Благословенье небеса.»

Псалм. 132.

Въ цѣломъ простомъ:

«Сабинскаго вина, простова,
«Не много изъ большихъ кувшиновъ
«Днесь выпьетъ у меня Меценъ!
«Что самъ на Греческихъ винъ гнѣзда
«Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день —

«Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
«Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
«Со плескомъ рукъ — и громъ отъ хвалъ
«Твоихъ съ бреговъ родимыхъ Тибра
«Звучалъ сверхъ Ватиканскихъ горъ.

«Ты у себя вино Секубско
«И сладки пьешь Калески соки;
«Но у меня ихъ нѣтъ — и гроздъ

«Ни Формiанскiй, ни Фалернскiй
«Моихъ не благовонитъ чашъ.»

Изъ Горац.

Въ слогѣ возвышенномъ:

«Идетъ ли къ трону — всѣмъ любима!
«Зажглась война — непобѣдима!
«Желаешь мира — миръ цвѣтетъ!»

Хераск.

или:

«Ты дхнешь — дубовъ столѣнiй лѣсъ
«Косматымъ корнемъ вверхъ ложится;
«Гремишь — и каменный утесъ
« . . . . падетъ, крушится.»

Бобровъ.

Въ слогѣ простомъ:

«Простое сердца чувство
«Для свѣта ничего;
«Тамъ надобно искуство,
«А я—не зналъ его.»

Моск. Журн.

Правдоподобiе во всякомъ сочиненiи, а болѣе въ одѣ, или гимнѣ, нужно, потому, что лира издревле посвящена на сохраненiе дѣлъ народа или лучше, на разширенiе славы его. Поелику же истина одна даетъ вымысламъ вѣроятiе, а вымыслы истину только украшаютъ, то и надобно, чтобъ лирическая пѣснь содержала въ себѣ нѣкоторую правду, или быль, а безъ того она не достигнетъ своего назначенiя. Правдоподобiе состоитъ въ томъ, чтобъ собраны были всѣ приличiя и принадлежности къ воспѣваемому предмету въ пособiе, дабы ему чрезъ нихъ казаться болѣе вѣроятнымъ. Безъ сего не возбудитъ онъ вниманiя, не затвердится въ памяти у современниковъ и не перейдетъ чрезъ преданiе къ потомству. — Напримѣръ: ежели Лирикъ говоритъ, что *тотъ велѣлъ волнамъ*, — *и волны отступили*, то должно, чтобы *тотъ* былъ Богъ, или по крайней мѣрѣ человѣкъ, снабженный Божескою силою, дабы возмогъ творить такiя чудеса; чтобы былъ Юпитеръ, когда двумя шагами претекъ вселенную; чтобы былъ Россъ обладатель полсвѣта, когда полсвѣта очертилъ блестящiй его мечъ. — Безъ сей осторожности всякое подобное кичливое изреченiе предъ прямымъ знатокомъ будетъ не золото, а шумиха, могущая забавлять только дѣтей. — Вотъ примѣры правдоподобiя:

«Но естьли гордость ослѣпленна
«Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
«Тебѣ, въ женахъ благословенна,
«Противъ ея помощникъ Богъ.
«Онъ верхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,
«И тучи страшныя нагонитъ
«Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.
«Лишь только ополчишься къ бою,
«Предъидетъ ужасъ предъ Тобою,
«И слѣдомъ воскурится дымъ»

Ломон.

или:

«Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
«Кто ходъ Его остановитъ?
«Какъ океанскихъ водъ разливу
«На встрѣчу кто поставитъ щитъ?»

Ломон.

или:

«Колоссъ Россiйскiй! свой смири прегордый видъ,
«И Нильскихъ зданiя высокихъ пирамидъ
«Престаньте болѣе считаться чудесами!
«Вы смертныхъ бренными содѣланны руками:
«Нерукотворная здѣсь Росская гора,
«Внявъ гласу Божiю изъ устъ Екатерины,
«Пришла во Градъ Петровъ чрезъ Невскiя пучины
«И пала подъ стопы Великаго Петра.»

Рубанъ.

Новость, или необыкновенность чувствъ и выраженiй, заключается въ томъ, что когда поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченiями, подобiями, чувствами, или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ, или переносномъ смыслѣ, такъ, чтобы онѣ по сходству съ употребительными, извѣстными картинами, или самою природою, по тѣмъ или другимъ качествамъ, не взирая на свою новость, тотчасъ ясны становились и плѣняли разумъ. — Витiйственныя сѣти сiи не потому нравятся знатокамъ, что онѣ остро выдуманы; но что ласкаютъ ихъ самолюбiю, когда настоящiй оныхъ разумъ скорѣе, чѣмъ простой народъ, понимаютъ. — Напримѣръ: они гордятся тѣмъ, что въ стрѣлахъ Пиндара слышатъ поразительные звуки арфы, сердца ихъ услаждающiе; а въ стрѣлахъ Гомера видятъ лучи Аполлона, или солнца, смертельную язву Грекамъ наносящiе, чего другiе не видятъ и не слышатъ. Вотъ примѣры новыхъ чувствъ и выраженiй:

«Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ,
«И съ сѣрою кипя клокочетъ?
«Не адъ ли тяжки узы рветъ
«И челюсти разинуть хочетъ?»

Ломон.

или:

«Цѣлуйтесь громы съ тишиною,
«Упейся молнiя росою;
«Стань рядъ планетъ въ счастливый знакъ.»

Ломон.

или:

«Я зрю пловущихъ Этнъ побѣдоносный строй. —
«Ихъ парусы — крылѣ; ихъ мачты — лѣсъ дремучiй!

Петровъ.

или:

«Хорошо въ тѐремахъ изукрашено:
«На небѣ солнце — въ тѐремѣ солнце,
«На небѣ мѣсяцъ — въ тѐремѣ мѣсяцъ,
«На небѣ звѣзды — въ тѐремѣ звѣзды,
«На небѣ заря — въ тѐремѣ заря
«И вся красота поднебесная.

Изъ древ. русск. стихотвореній.

или:

«Онъ жаждъ твоихъ всѣхъ утоленье,
«Онъ чуденъ именемъ Своимъ,
«Любовь и свѣтъ — Его есть сущность;
«Его — *когда* — всегда есть съ нимъ;
«Его — *гдѣ* — здѣсь и повсемѣстно;
«Его подобіе — есть ты;
«Его отсвѣтъ — въ тебѣ блистаетъ.
«Гордись, мой братъ, величьемъ симъ!»

Изъ Козегарт.

Олицетвореніе и оживленіе суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, неимѣющія образа, а равно вещественныя, лишенныя видимыхъ нами чувствъ, гласа и движенія, олицетворяетъ и оживляетъ; дабы понятнѣе представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ сказать, новый волшебный, очаровательный міръ, и имъ удобнѣе удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирическій поэтъ къ возвышенію своего предмета не рѣдко пользуется таковыми вымыслами. Вотъ примѣры олицетворенія и оживленія.

Олицетворенія:

«Европа утомленна въ брани,
«Изъ пламени поднявъ главу,
«Къ тебѣ свои простерла длани
«Сквозь дымъ, куреніе и мглу.»

Ломон.

или:

«Москва едина, на колѣна
«Упавъ, передъ Тобой стоитъ,
«Власы сѣдые простираетъ,
«Тебя, Богиня, ожидаетъ.»

Ломон.

Оживленія:

«Тамъ холмы и древа взываютъ
«И громкимъ гласомъ возвышаютъ
«До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.»

Ломон.

или:

«Встаютъ верхи Рифейски выше:
«Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
«Желая Твой увидѣть свѣтъ.»

Ломон.

Блестящія живыя картины, то есть, съ природою сходственные виды, которые мгновенно, мягкихъ или чувствительныхъ людей поражаютъ воображеніе, и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства. Картины сіи въ лирической поэзіи (не говоря о эпической) должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно, или пріятно начертаны. Излишнее распространеніе у нихъ отнимаетъ цѣну. Здѣсь болѣе всего идутъ иперболы, (или увеличиванія). Одного, или нѣсколькихъ членовъ довольно, чтобы представить страшнаго великана, остальное дополнитъ воображеніе.—Вотъ примѣры величественныхъ, ужасныхъ и пріятныхъ картинъ.

Величественныхъ:

«Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
«Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
«Своими чистыми струями
«Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
«Сѣдитъ и ноги простираетъ
«На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
«Пространная стѣна отъ насъ;
«Веселый взоръ свой обращаетъ,
«И вдругъ довольства исчисляетъ,
«Возлегши лактемъ на Кавказъ.»

Ломон.

или:

«Уже́ изъ свѣтлыхъ вратъ сафирныхъ
«Направилъ коней ты ѳѳирныхъ,
«Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшатъ летѣть.»

Ломон.

или:

«Втапоры вынималъ Казаряниннъ
«Вонъ изъ налушна свой тугой лукъ,
«Изъ колчана калену стрѣлу,
«Хочетъ застрѣлить черна ворона —
«А и тугой лукъ свой потягиваетъ;
«Калену стрѣлу поправливаетъ;
«И натянулъ свой тугой лукъ за ухо,
«Калену стрѣлу — семи четвертей —
«И завыли рога у туга лука,
«Заскрыпѣли полосы булатныя.»

Изъ древн. Руск. стихотвореній.

Ужасныхъ:

«Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
«По холмамъ грозный исполинъ,
«Ступаетъ по вершинамъ строгимъ
«Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
«Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
«Подъ сильною его пятою
«Кремнистые бугры трещатъ
«И слѣдомъ дерева лежатъ.»

Ломон.

или:

«Тамъ кони бурными ногами
«Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
«Тамъ смерть межъ Готѳскими полками,
«Бѣжитъ ярясь изъ строя въ строй,
«И алчну челюсть отверзаетъ
«И хладны руки простираетъ,
«Ихъ гордый исторгая духъ,
«Тамъ тысячи валятся вдругъ.»

Ломон.

или:

«Червь кровоглавый точитъ умершихъ,
«Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Змiи въ крапивѣ шипятъ.»

Карамзинъ.

Прiятныхъ:

«Бѣлѣйшей мрамора рукою
«Любовь несетъ передъ собою
«Младыхъ Супруговъ свѣтлый ликъ.
«Сама смотря на Нихъ дивится
«И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится,
«И къ онымъ тщательно приникъ.
«Кругомъ ея умильны смѣхи
«Взирающихъ плѣняютъ грудь,
«Прiятности и всѣ утѣхи
«Цвѣтами устилаютъ путь.»

Ломон.

или:

«Зелену ризу по лугамъ
«И по долинамъ разширяя,
«Изъ устъ зефирами дыхая,
«Съ веселiемъ вѣщаетъ къ намъ.»

Ломон.

или:

«Какъ сводъ небесъ яснѣетъ синей,
«По немъ звѣздъ бездна разстлана;
«Древа блестящъ кудрявитъ иней,
«И свѣтитъ полная луна;
«Далече выстрѣлъ раздается,
«И дымъ, какъ облакъ, къ верху вьется.

Петр.

Отступленiе, или уклоненiе, отъ главнаго предмета дѣлается съ умысломъ, чтобъ сперва болѣе возбудить вниманiе, по какой причинѣ онъ оставленъ, а потомъ, представя его съ вящшимъ громомъ, или блескомъ, увеличить чье либо мужество, добродѣтель, премудрость, невинность и проч., а тѣмъ привесть въ восторгъ и удивленiе слушателей. — Вотъ примѣры отступленiя:

«Позволь, — мнѣ жаръ велитъ сердечный,
«Монархиня, въ сей свѣтлый день,
«Какъ въ имени Твоемъ Предвѣчный
«Поставилъ намъ покоя сѣнь,
«Безмолвно предвѣщая царство,
«Чтобъ миромъ свергла Ты коварство, —
«Позволь мнѣ духа взоръ простерть
«На брань и сродство милосердо,
«Гдѣ кротости жилище твердо,
«Жалка и сопостатовъ смерть. —

«О коль мечтанiя противны!
«Объемлютъ совокупно умъ!
«Доброты вижу здѣсь предивны!
«Тамъ пламень, звукъ, и вопль, и шумъ!
«Здѣсь полдень милости и лѣто,
«Щедротой общество нагрѣто;
«Тамъ смертну хлябь разинулъ адъ!
«Но Промыслъ мракъ сей разгоняетъ,
«И волны въ мысляхъ укрощаетъ:
«Отверзся въ славѣ Божiй градъ.

«Ѳѳиръ, земля и преисподня
«Зиждителя со страхомъ ждутъ!
«Я вижу Отрока Господня
«Прiемлюща небесный судъ.
«Всесильный властiю Своею
«Вѣщаетъ свыше къ Моисею:
«Я въ ярости ожесточу
«Египту сердце вознесенно;
«Израиля неодолѣнно
«Пресвѣтлой силой ополчу.»

«Сiе жъ явилъ Богъ въ наши лѣта,
«Неистову воздвигнувъ рать,
«Дабы Тебѣ, Елисавета,
«Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дать.»

Ломон.

или:

«Се внемлю новой славы звуки!
«Меня видѣнiя влекутъ: —
«Младенцы простирая руки,
«Раждаются и такъ рекутъ:....»

Хераск.

или:

«Не драгоцѣнностей алканье,
«Не слава, не хвала людей
«И не предметъ тобой избранный
«Волнуютъ во груди твоей;
«Но тотъ, — прочь отъ очесъ повязка!
«Запона и отъ слуха прочь!»

Изъ Козегарт.

Перескокомъ называется то, что показываетъ выпускъ, или промежутокъ между понятiями, когда не видно между ими надлежащаго сопряженiя. Духъ нашъ самъ по себѣ быстръ; но когда еще разгоряченъ какою страстiю, то стремительнѣе бываетъ. Въ жару мысли тѣснятся, летятъ, и какъ всѣхъ ихъ вдругъ высказать не можно, то нѣкоторыя изъ нихъ не договариваются, или пропускаются; а важнѣйшiя токмо какъ бы выпорхиваютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находились въ кругу нашего воображенiя, оставляя прочiя безъ примѣчанiя, кои бы могли служить имъ связью. — Отъ того-то мысли иногда кажутся оторванными, неполными, но какъ онѣ, хотя отдаленно, однако

другъ за другомъ слѣдуютъ, то сіе отдаленіе и кажется промежуткомъ, или выпускомъ, которое читатель, имѣющій проницательный умъ и могущій слѣдовать за полетомъ Піита, легко самъ своею догадкою дополнить можетъ. Сіе положеніе Лирика прекрасно изображаетъ наша древняя Руская прибаутка:

«Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ. —
«Конь его подпимается
«Выше дерева стоячаго,
«Ниже облака ходячаго;
«Горы и долы между ногъ пускаетъ,
«Быстрыя рѣки хвостомъ покрываетъ.»

Но примѣтить должно, что таковые перескоки пристойны только въ чрезвычайно-важныхъ, стремительныхъ ощущеніяхъ страстей. — Вотъ примѣры:

«Азъ рекъ, — (во гнѣвѣ ко врагамъ моимъ,
«Вы свидѣтели), и гдѣ они?»

Бытія книга.

или:

«Сокровищъ полны корабли
«Дерзаютъ, — (плыть) въ море за Тобою.»

Ломон.

или:

«Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ Тебѣ всѣхъ трудъ» (обращены).

Ломон.

или:

«Нечестіемъ законъ попранъ,
«Порокомъ долгъ и судъ изгнанъ;
«Моря и острова въ неволѣ:
«И Ты, о Господи, доколѣ? — » (терпишь).

Петр.

Оборотъ или обращеніе: Когда Поэтъ средь выспренняго своего полета, будто задумавшись, опомнивается вдругъ и обращается къ чему либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету. — Или, неожиданно перервавъ свою матерію, начинаетъ другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержаніе; или вызываетъ кого нибудь себѣ въ помощь, въ свидѣтели, и проч. —Это мастерская уловка, чтобы таковымъ образомъ владѣть, или лучше, на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. — Надобенъ тутъ сильный, искусный ѣздокъ, или просто сказать, необыкновенный восторгъ. — Чѣмъ круче и быстрѣе будетъ оборотъ, тѣмъ болѣе заслужитъ удивленія. Но при всемъ томъ, чтобъ оборотъ былъ, какъ выше сказано, къ чему либо важнѣйшему, или превосходнѣйшему; а иначе исчезнетъ его блескъ. — По сему самому требуется въ семъ извитіи большаго дарованія. Кажется, принадлежитъ онъ въ особенности Г. Ломоносову. — Онъ таковыми великолѣпными оборотами наполненъ, и никто изъ нашихъ Піитовъ съ нимъ въ таковыхъ не сравнится. Вотъ примѣры:

«Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
«И отъ Меня вліянный духъ;
«Въ безчисленны промчится роды
«Добротъ твоихъ не ложный слухъ.
«Тобой поставлю судъ правдивый,
«Тобой сотру сердца кичливы,
«Тобой Я буду злость казнить,
«Тобой заслугамъ мзду дарить;
«Господствуй утверждена Мною,
«Я буду завсегда съ тобою.

«Но что страны вечерни тмятся
«И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
«Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
«И долы съ влагой пламень льютъ?
«Тамъ видя выше горизонта
«Входяща Готѳска Фаэтонта
«Противъ теченія небесъ,
«И вкругъ себя горящій лѣсъ.»

Ломон.

или:

«Какая бодрая дремота
«Открыла мысли явный сонъ?
«Еще горитъ во мнѣ охота
«Торжественный возвысить тонъ. —
«Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
«И купно ясный день сіяетъ!»

Ломон.

или:

«Но кая странна рѣчь приходитъ
«Въ мой полный трубныхъ гласовъ слухъ?
«Къ любезной кротости преводитъ
«Въ сурову брань вперенный духъ? —
«Вы, яры волны, укротитесь;
«Вы, бури, въ тихость превратитесь;
«Внимай со страхомъ смертныхъ умъ;
«Умолкни лютой брани шумъ;
«Престаньте смерть родящи звуки;
«Почійте, копья, мечъ и луки!»

Петр.

или: (когда вызываетъ.)

«О вы, которыхъ ожидаетъ
«Отечество изъ нѣдръ своихъ,
«И видѣть таковыхъ желаетъ,
«Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
«О ваши дни благословенны! —
«Дерзайте, нынѣ ободренны,
«Раченьемъ вашимъ показать,
«Что можетъ собственныхъ Платоновъ
«И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
«Россійская земля раждать.»

Ломон.

или:

«О Тѣнь великая, спокойся!
«Мы помнимъ тмы Твоихъ заслугъ;
«Безмолвна въ вѣчности устройся:
«Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.»

Ломон.

или:

«Возстань, Платонъ, и посмотри,
«У насъ Минерва на престолѣ.»

Петр.

Околичности, вмѣщенія, или переходы къ какой либо другой матеріи, сходственной качествомъ своимъ воспѣваемому предмету. – Они употребляются въ такомъ случаѣ, когда изящность побочнаго содержанія вдругъ встрѣчая, увлекаетъ Поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждаетъ его искать въ другомъ мѣстѣ обогащенія ему. – Околичностей, или вводовъ таковыхъ Эстетики полагаютъ два рода: первой въ текстахъ священнаго Писанія, или какихъ либо премудрыхъ изреченіяхъ людей великихъ (апофѳегмахъ), или общихъ истинахъ (аксіомахъ); другой исторической, или басенной. – Можно бы, кажется, прибавить астрономической, или астрологической, заимствуя оный изъ небесныхъ знаковъ, или явленій, которыми Поэтъ мнѣніе свое подкрѣпляетъ. Послѣднія приличествуютъ болѣе Лирику потому, что поэзія вящше украшается вымыслами. – Околичностями болѣе всѣхъ изобилуетъ Пиндаръ: Вотъ примѣры.

Премудрыхъ изреченій:

«Цвѣтутъ во славѣ Мною царства,
«И пишутъ правый судъ Цари»

Ломон.

или:

«Отецъ духовъ не есть Богъ мертвыхъ;
«Онъ Богъ, – но Богъ есть вѣчной жизни»

Бобровъ.

или:

«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.»

Исторической:

«Супружню, Ольга, смерть отмщая,
«Казнитъ искуствомъ Искоресть;
«И тьмы невѣрства избѣгая,
«Спѣшитъ до просвѣщенныхъ мѣстъ.»

Ломон.

или:

«Въ своихъ увидишь въ предкахъ явны
«Дѣла велики и преславны,
«Что могутъ духъ природѣ дать.
«Уже младаго Михаила
«Была къ тому довольна сила
«Упадшую Москву поднять.»

Ломон.

или:

«Се новый Александръ родился
«И берегъ Невскій возгордился,
«Что Россія Минервы внукъ
«Умножитъ древней славы звукъ.

Хераск.

Басенной:

«Что дымъ и пепелъ отрыгая,
«Мрачилъ вселенну Энцеладъ;
«Ревѣтъ подъ Этною рыдая,
«И тѣломъ наполняетъ адъ;
«Зевесовымъ пронзенъ ударомъ
«Въ отчаяньи трясется яромъ,
«Безсиленъ тяготу поднять.»

Ломон.

или:

«Тамъ Мемель въ видѣ Фаетонта
«Стремглавъ летя, Нимфъ прослезилъ,
«Въ янтарнаго заливахъ понта
«Мечтанье въ правду превратилъ»

Ломон.

Астрономической, или Астрологической:

«Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
«Рукою Отрока держащу.»

Ломон.

или:

«Тамъ мужъ, звѣздами испещренный,
«Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
«Діяка стрѣлы позлащенны
«Съ нимъ мещетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
«Се небо показуетъ ясно,
«Коль то съ добротами согласно
«Рожденныя въ признакахъ сихъ;
«Отъ ней геройство съ красотою
«Повсюду миромъ и войною
«Лучи пускаютъ дней златыхъ.»

Ломон.

или:

«Что се! — средь дня въ эѳирѣ блещетъ
«Сложенный изъ созвѣздій Крестъ,
«И очи кроя Туркъ трепещетъ.
«Ты, муза! чтуща книгу звѣздъ,
«Мнѣ знаменія рцы причину. —
«Тезоименный Исполину,
«Максентій коимъ побѣжденъ,
«Защитникъ вѣры, славы Россовъ,
«Гроза и ужасъ чалмоносцовъ,
«Великій Константинъ рожденъ.»

Петр.

или:

«На темный внижу шаръ подлунный
«Съ равнинъ небесныхъ горнихъ мѣстъ

«Овенъ младый, золоторунный
«Незапно вшелъ, и всталъ средь звѣздъ.
«Не кротости ль символъ въ немъ зрится?»

Сомнѣнія и вопрошенія.—Когда Поэтъ, въ упоеніи своего восторга, представляетъ себѣ, будто въ чемъ сомнѣвается, и дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту, или силу своего предмета, или страсти. Разрѣшенія таковыхъ сомнѣній чрезвычайно поражаютъ слушателей. — Вотъ примѣры.

Вопрошеній.

«Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
«Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ.—
«Что бьетъ за страшный шумъ въ мой слухъ?
«Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ.
«Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
«Небесная отверзлась дверь;
«Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
«Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ,
«Умытымъ кровію мечемъ
«Гоня враговъ, Герой открылся.»

Ломон.

или:

«Но что за громы ударяютъ?
«Се гласъ мой звучно повторяютъ
«Земля и вѣтры и валы!»

Ломон.

или:

«Кто въ громѣ радостные клики
«И огнь отъ многихъ водъ даетъ?
«И кто ведетъ въ перунахъ лики?
«Великая Елисаветъ!»

Ломон.

Сумнѣній:

«Не сей ли при Донскихъ струяхъ
«Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
«И Персы въ жаждущихъ степяхъ
«Не симъ ли пали пораженны?»

Ломон.

или:

«Что жъ се? — Діанѣ я прекрасной
«Уже послѣдую въ лѣсахъ,
«Отъ коей хитростью напрасной
«Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!»

Ломон.

Противуположности весьма усиливаютъ и украшаютъ предметы, когда Поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ. — Вотъ примѣры:

«Тамъ степи, кровью напоенны,
«Взрастили лавры намъ зелены.»

Ломон.

или:

«Въ войну кипитъ съ землею кровь,
«И суша съ моремъ негодуетъ;
«Владѣетъ въ мирны дни любовь,
«И вся натура торжествуетъ; —
«Тамъ заглушаетъ мысли шумъ;
«Здѣсь краситъ всѣ довольства умъ.»

Ломон.

или:

«Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.—
«Полки сражая, внѣ воюешь;
«Но внутрь безъ крови торжествуешь.
«Ты буря тамъ, здѣсь тишина.»

Ломон.

или:

«Съ Бореемъ вшелъ въ союзъ Зефиръ.»

Хераск.

или:

«Я ласкалась, ты чуждался;
«Утѣшала, ты скучалъ;
«Я стенала, ты смѣялся;
«Я лобзала, ты терзалъ;
«Я сердилась и рвалася,
«Что въ обманъ тебѣ далася,
«И хотѣла цѣпь прервать;
«Но лишь только что смягчалась,
«Пуще я въ тебя влюблялась
«И гналась тебя искать.»

Поповъ.

Заимословіе, или рѣчь заимобразно, такъ сказать, какому либо существу одушевленному, или неодушевленному Поэтомъ данная, должна быть въ лирическомъ твореніи весьма краткою; иначе длинный посторонній разсказъ сообщаетъ лирѣ нѣкоторую холодность и сухость, дѣлая сочиненіе не токмо драматическимъ, но вялымъ, скучнымъ и непріятнымъ. — Вотъ примѣръ заимословія:

«Благословенна вѣчно буди,
«Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней,
«И всѣ твои съ тобою люди,
«Что ввѣрилъ власти Я твоей.

Ломон.

или:

«Исполненъ я веселья нынѣ,
«Что вновь дѣла Мои растутъ:
«Вѣщаетъ Петръ Екатеринѣ;
«Твои совѣты всѣ цвѣтутъ. —
«Блаженны Дщерью Мы Своею
«Рука Господня буди съ нею.»

Ломон.

или:

«Тогда Божественны науки
«Чрезъ горы, рѣки и моря,

«Въ Россію простирали руки
«Къ сему Монарху говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
«Подать въ Россійскомъ родѣ новы
«Чистѣйшаго ума плоды.»

Ломон.

или:

«Сіяющъ звѣздными очами,
«Странѣ Россійской говоритъ:
«Ликуй!... дошли въ предѣлы вѣчны
«Твои желанія сердечны,
«И милующій Россовъ Богъ
«Младенца далъ Тебѣ въ залогъ.

Хераск.

Иносказаніе, (*) инорѣченіе, (аллегорія), или остроумное прикрытіе прямаго смысла, когда Поэтъ, не хотя назвать вещь по какой либо извѣстной ему причинѣ прямымъ ея именемъ, называетъ въ переносномъ или настоящемъ смыслѣ другою вещію, и чрезъ то придаетъ возвышеніе или пониженіе своему предмету; или когда, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностьми его, какъ бы подъ рукою, истинныя его доброты, или пороки, ласкоя тонкимъ образомъ чьему либо самолюбію, или издѣваясь надъ онымъ, изъ коихъ послѣдній случай называется Ироніею, или насмѣшкою. — Вотъ примѣры важной и насмѣшливой аллегоріи.

Важной:

«Тамъ вдругъ облегъ драконъ ужасный
«Мѣста святы, мѣста прекрасны,
«И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
«Весь свѣтъ чудовища страшится,
«Единъ лишь смѣло устремится
«Россійскій можетъ Геркулесъ.»

Ломон.

или:

«Парящій слышу шумъ орлицы,
«Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ!

Ломон.

Насмѣшливой:

«Орлы на тое не взираютъ,
«Что львовы челюсти зіяютъ.

Ломон.

или:

«Въ тѣ дни, какъ всё вездѣ въ разгульѣ:
«Политика и правосудье,
«Умъ, совѣсть и законъ святой
«И логика пиры пируютъ;
«На карты ставятъ вѣкъ златой
«Судьбами смертныхъ пунктируютъ.
«Вселенну въ трантелево гнутъ:
«Какъ полюсы, меридіяны,
«Науки, музы, боги — пьяны,
«Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ.»

(*) Въ простонарѣчіи — отверница.

Сравненія и уподобленія суть іероглифы, или нѣмой языкъ поэзіи. Поелику она по подражательной своей способности, не что иное есть, какъ говорящая живопись: то и сравниваетъ два предмета чувственнымъ образомъ между собою, или вдругъ рѣшительно ихъ другъ другу уподобляетъ, дабы чрезъ то, не говоря много, изобразить о нихъ яснѣе свои понятія, или лучше сказать, чтобы неизвѣстный или невидимый предметъ представить чрезъ видимый въявь, или на лицо; и тому изъ нихъ, которому поэтъ желаетъ придать болѣе совершенствъ, занявъ ихъ отъ другаго. Въ сихъ украшеніяхъ нужно: въ первомъ быстрый и проницательный умъ, чтобъ скоро умѣть схватить и вѣрно сличить разность и сходство; а въ другомъ, живое, сильное воображеніе, чтобъ спечаткомъ, или спискомъ замѣнить подлинникъ. — Таковыя сравненія и уподобленія чрезвычайно оживляютъ и украшаютъ лиру. — Вотъ примѣры:

Сравненій:

«Какъ лютый мразъ весна прогнавши,
«Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
«Туманы, бури, снѣгъ поправши,
«Являетъ ясны дни странамъ,
«Вселенну паки воскрешаетъ,
«Натуру намъ возобновляетъ,
«Поля цвѣтами краситъ вновь!
«Такъ нынѣ милость и любовь,
«И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
«Насъ жизнью оживляетъ новой.»

Ломон.

или:

«Да возрастетъ Ея Держава,
«Богатство, счастье, и полки,
«И купно дѣлъ Геройскихъ слава.
«Какъ токъ великія рѣки
«Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
«Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
«И множество градовъ поитъ,
«Разлившись на поля восходитъ;
«Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
«И жатвы щедро богатитъ.»

Ломон.

или:

«Прекрасно солнце на восходѣ
«Приноситъ нову жизнь природѣ:
«Аврора тако вашихъ дней,
«Любовь и качества душевны
«Сулятъ намъ радости полдневны
«И вѣкъ златой Россіи всей.»

Хераск.

или:

«Увивается тутъ родная матушка:
«Она плачетъ такъ, какъ рѣка льется;
«А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;

«Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ;
«Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ —»

Изъ Русской пѣсни.

Уподобленій.

«Въ луга усыпаны цвѣтами
«Царица трудолюбныхъ пчелъ,
«Блестящими шумя крылами
«Летитъ между прохладныхъ селъ;
«Стекается, оставивъ розы
«И сотомъ напоенны лозы,
«Со тщаніемъ отвсюду рой,
«Свою царицу окружаетъ!
«И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
«Усердіемъ внеренный строй. —

«Подобнымъ жаромъ воспаленный,
«Стекался здѣсь Россійскій родъ,
«И радостію восхищенный
«Тѣснясь, взиралъ на Твой приходъ.»

Ломон

или:

«Подобно граду онъ густому
«Летяще воинство тѣснилъ,
«Искалъ со стороны пролому
«И рвался въ сердце нашихъ силъ.»

Ломон.

или:

«Едемскому подобна саду,
«Россія въ наши дни цвѣтетъ:
«Всеобщую сердецъ отраду
«Мой стихъ усердно воспоетъ.»

Хераск.

Усугубленія, или усилія, могутъ быть употреблены съ успѣхомъ, когда поэтъ, желая съ одной стороны распространиться, а съ другой, опасаясь быть растянутымъ, единообразнымъ, или такъ сказать одноцвѣтнымъ, а потому самому и скучнымъ, напрягаетъ, или усиливаетъ предъидущія свои мысли и чувства повтореніемъ какого либо одного слова, усугубляя тѣмъ быстроту своего паренія, и дая себѣ тѣмъ способъ къ перемѣнѣ и къ накопленію другими картинами и чувствами своего содержанія, главный предметъ его обогащающими. Вотъ примѣры:

«Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены,
«Видѣнія Ея лишенны,
«*Сердцами пойдутъ* въ слѣдъ за Ней. —
«*Сердцами пойдутъ*, и устами
«Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ.»

Ломон.

или:

«Ея и бодрость и восходъ
«Златой наукамъ вѣкъ доставитъ,
«И отъ презрѣнія избавитъ
«Возлюбленный *Россійскій родъ.* —
«*Россійскій родъ*! коль ты ужасенъ
«Въ поляхъ противъ своихъ враговъ,
«Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
«Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.»

Ломон.

или:

«Глаголъ временъ! металла звонъ!
«Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
«*Зоветъ* меня, *зоветъ* твой стонъ,
«*Зоветъ*, — и къ гробу приближаетъ.
«*А тамъ* — израненный герой,
«Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій;....
«*А тамъ* — вдова стоитъ въ сѣняхъ;....
«*А тамъ* — на лѣстничный восходъ
«Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
«Безстрашный, старый воинъ тотъ,
«Тремя медальми украшенный,
«Котораго въ бою рука
«Избавила тебя отъ смерти;
«Онъ хочетъ руку ту простерти
«Для хлѣба отъ тебя куска.
«*А тамъ*.....

Нравоученіе. — По той ли причинѣ, что поэзія языкъ Боговъ, голосъ истины, проліявшей свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вожди и законодатели, какъ то: Божественный Моисей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридъ, Зороастръ, Брамго, Солонъ, Оденъ, наконецъ Магометъ и многіе другіе были поэты, и законы свои изрекали стихами, или почему другому; но только извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго рода проповѣдовать благочестіе — или науки нравовъ. — Особливо находятъ болѣе къ тому способною лирическую поэзію, вразсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти, и забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ царства. Китайцы и нѣкоторые другіе народы начинаютъ тѣмъ воспитаніе дѣтей, что заставляютъ ихъ затверживать наизустъ стихотворные отрывки, или краткія наставительныя пѣсни. — Индѣйцы, Браминской секты, до того довели сіе употребленіе, что знатнаго поколѣнія беременнымъ женщинамъ напѣваютъ набожные, или нравоучительные стихи, увѣряя, что якобы души младенцевъ, въ утробѣ еще сущихъ, напояются благочестіемъ посредствомъ душъ материнскихъ. Подлинно ли это такъ, не утверждаю; но вижу и въ Сколіяхъ (о коихъ ниже объяснится) древнихъ Грековъ, что и при самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ пиршествахъ наставленія изъ виду выпускаемы не были. — Первобытные славные лирики, до насъ дошедшіе, то свидѣтельствуютъ. Дикіе даже, бѣдность и угнетеніе терпѣвшіе Скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладателямъ разительныя, но полезныя, истины. — Ихъ иногда гнали, потому ли, что правды міръ не терпитъ, или непріятенъ Пророкъ

въ отечествѣ? — Эдуардъ I, Король Англійской даже истреблялъ ихъ. — Но напротивъ того, добрые Государи, отцы отечества, любившіе доблесть и благочестіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. — Пѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. — Они ободряли ихъ самихъ и воинство, къ мужественнымъ подвигамъ и къ презрѣнію смерти. Словомъ, древній вдохновенный сѣверный Скальдъ былъ изступленникъ вѣры, законовъ, вольности, славы, чести, любви къ отечеству и вѣрности своему Государю. — Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни, метался онъ между ужасами и опасностями, какъ полоумный, проповѣдывая добродѣтель. — Полуденный Бардъ былъ то же. — Псалтирь наполненна благочестіемъ.—Самый первый псальмъ не что иное, какъ нравоученіе. — Пророкъ вдохновенный (Vates), или древній лирикъ былъ одно и то же. — Онъ былъ Герольдъ Неба, органъ истины. — Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ, славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ во вѣки! По сему-то, думаю я болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что въ первомъ блещутъ искры Богопочтенія и наставленія Царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. — Въ разсужденіи чего нравоученіе кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но даже ихъ и украшаетъ.— Вотъ примѣры:

Изъ Пиндара:

«Такъ милостью Боговъ единыхъ
«И въ добродѣтеляхъ своихъ
«Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
«Блаженства лишь они дождятъ:
«Чрезъ нихъ премудрые, — премудрость;
«Краснорѣчивы, — сладость устъ;
«Могущіе, — ихъ силу стяжутъ,
«И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

«Межъ тѣмъ раждать пріятнѣй зависть,
«Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
«Не преставай итти въ слѣдъ славѣ:
«Рулемъ довѣрья правь народъ,
«Судъ искушай въ горнилѣ правды,
«Малѣйшу искру отъ Царя
«Свѣтъ за большей пожаръ считаетъ:
«Тмы вкругъ свидѣтелей тебя.

«Ревнуешь ли потомства къ чести?
«Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ
«И щедрымъ быть не огрекайся:
«Но паче вѣтромъ парусъ твой
«Вздувай подобно мореходцамъ;
«Лишь никогда, любезный мой,
«Не обольщайся царедворцевъ
«Лукавой сладостью словесъ.»

Изъ Горація:

«Кто хочетъ только, что лишь нужно
«Тотъ не заботится ни какъ,
«Что море взволновалось бурно;
«Что огненный вращая зракъ,
«Медвѣдица нисходитъ въ бездны.

Изъ Ломоносова:

«Услышьте, судіи земные,
«И всѣ державныя главы:
«Законы нарушать святые
«Отъ буйности блюдитесь вы,
«И подданныхъ не презирайте:
«Но ихъ пороки исправляйте,
«Ученьемъ, милостью, трудомъ.
«Вмѣстите съ правдою щедроту,
«Народну наблюдайте льготу;
«То Богъ благословитъ вашъ домъ.

или:

«О коль Монархъ благополученъ,
«Кто знаетъ Россами владѣть!
«Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
«И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.»

Изъ Хераскова:

«О смертные! не истребляйте
«Своей надежды на Творца;
«И гордостью не отравляйте
«Во благоденствіи сердца.
«Хотя земные суть владыки
«Предъ смертными у насъ велики;
«Но Богъ и надъ царями Царь.
«Какъ хочетъ, всѣми управляетъ,
«Престолы рушитъ, возставляетъ,
«Однимъ всю движетъ перстомъ тварь.»

Изъ Петрова:

«Ты обществу своимъ примѣромъ показалъ,
«Что истинный герой безъ зависти родится,
«И качествомъ своимъ во другѣ веселится.

Сладкогласіе или сладкозвучіе. — Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что поэзія и музыка есть разговоръ сердца; что ищутъ онѣ побѣдъ единственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда нѣжныя струны ихъ созвучностію своею въ нихъ отзываются. Греки, достигая до сего, такъ обработали и одоброгласили свой языкъ, что, при слышаніи гимновъ, препровождаемыхъ лирою, почитали ухо своею душею и дополняли имъ недостатокъ ихъ разума. У сѣверныхъ Скальдовъ столь утонченъ былъ слухъ, что признавался отливомъ картинъ живущаго свѣта, до чего ни древніе, ни нынѣшніе полуденные народы не достигли. Я подъ симъ понимаю, что они были совершенные мастера звукоподражательнаго стихотворенія. Знатокъ въ томъ

и другомъ искуствѣ тотчасъ примѣтитъ, согласна ли поэзія съ музыкою въ своихъ понятіяхъ, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ картинахъ и, наконецъ, въ подражаніи природѣ. Напримѣръ: свиститъ ли выговоръ стиха и тонъ музыки при изображеніи свистящаго, или шипящаго змія, подобно ему? — Грохочетъ ли громъ, журчитъ ли источникъ, бушуетъ ли лѣсъ, смѣется ли роща — при описаніи раздающагося гула перваго, тихобормочущаго теченія втораго, мрачноунылаго завыванія третьяго и веселыхъ отголосковъ четвертоіі? — Словомъ: одѣта ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово имъ приличнымъ тономъ?—Поражается ли ими сердце?—Узнается ли въ нихъ дѣйствіе или образъ естества? Вразсужденіи чего, сколь нужно поэту пещися о чистомъ и гладкотекущемъ слогѣ, чтобъ онъ легокъ былъ къ выговору, удобенъ къ положенію на музыку и къ изображенію всѣхъ вышеписанныхъ прелестей. — Малая шероховатость, малая темпота, досаждаютъ вниманію и разсѣваютъ мысли. —Знаю я, сколь трудно до сего достигнуть, чтобъ соединить плавность Хераскова съ силою стиховъ Петрова.—Но до чего не доможется истинный даръ и неутомимое прилѣжаніе. — Вотъ примѣры сладкогласія и звукоподражанія: (onomatopée).

Сладкогласія:

«Поля, лѣса густыя,
«Спокойствія удѣлъ,
«Гдѣ дни мои златыя,
«Гдѣ я Лизету пѣлъ! (*)»

Капн.

Звукоподражанія:

«И устремлялся громъ на громъ.»

Ломон.

или:

«Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
«Ядро жужжа сшибается съ ядромъ.»

Петр.

или:

«Стуча съ крыльца ступень съ ступени,
«И скатится въ древесны тѣни.»

Вкусъ есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель вразсужденіи чувствъ красоты, а вразсужденіи разума, истины. — О немъ, какъ о счастіи (Фортунѣ), какъ о сострастіи (симпатіи), какъ о вышнемъ умѣ (Геніи), говорить много можно, а опредѣлить его съ ясностію, для всѣхъ понятною, едвали кто возмется. Но безъ его печати, какъ безъ клейма досмотрщика, ни какія искуственныя произведенія безсмертія не достигаютъ. Онъ ни чего не терпитъ несвойственнаго природѣ: отъ развратнаго бѣжитъ, отъ гнуснаго отвращается; но бываетъ иногда такимъ волшебникомъ, который страннымъ и дикимъ существамъ придаетъ неизъяснимую прелесть, и ведетъ великана паутиною въ свой плѣнъ. Иногда у современниковъ въ туманѣ; но въ потомствѣ, просвѣтляясь, заслуживаетъ статуи и олтари. — Гомеръ и Мильтонъ сіе доказываютъ. — Безъ него ни громогласная арфа, ни тихозвенящая свирѣль, власти надъ сердцами не сыщутъ. — Онъ знаетъ всему мѣру, гдѣ тонъ возвысить, гдѣ понизить, гдѣ остановиться и гдѣ продолжать. — На вѣсахъ его лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до человѣка касающихся, времени, обычаевъ, религіи и проч. — Онъ умѣетъ распредѣлять тѣни красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія творить согласіе. — Онъ, какъ говорятъ нѣкоторые Эстетики, есть сосредоточенный свѣтъ и жаръ, то есть: умъ и чувство, между холодною геометріею и пылкою музыкою. Я оставляю сію высокую метафизику ихъ учености, но говорю просто, что безъ вдохновенія на струнахъ лиры—нѣтъ жизни; а безъ вкуса, — пріятности. — Словомъ: какъ въ области прочихъ искуствъ, такъ и въ лирическомъ стихотворствѣ, по приличію единственно обстоятельствъ, предметовъ и свойствъ ихъ, когда они естественно, ясно и сладкозвучно выражены, вкусъ познаваемъ быть можетъ. Приведемъ въ примѣры на нашемъ языкѣ нѣчто въ великолѣпномъ и нѣчто въ простомъ слогѣ; а потомъ въ переводѣ изъ Греческой Антологіи, Анакреона, Горація, какъ образцовъ изящнаго вкуса, подражательно и у насъ написанное:

Въ великолѣпномъ:

«Щедротъ источникъ, Ангелъ мира
«Богиня радостныхъ сердецъ,
«На коей какъ заря порфира,
«Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
«О мыслей нашихъ Рай прекрасный,
«Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
«Гдѣ видимъ кроткую весну,
«Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и правѣ!
«Возможно ль при Твоей державѣ
«Въ Европѣ страшну зрѣть войну?»

Ломон.

Въ простомъ:

«Ахъ! когда бъ я предузнала
«Страсти бѣдственны плоды,
«Я бъ съ восторгомъ не встрѣчала
«Полуночныя звѣзды!
«Не зпла бъ отъ всѣхъ украдкой
«Золотова я кольца;
«Не была бъ въ надеждѣ сладкой

(*) Подобнаго сладкогласія исполнены всѣ сочиненія Гг. Хераскова, Богдановича, Нелединскаго, Дмитріева, Карабанова и проч., превосходнѣе же Ломоносова, вразсужденіи его великолѣпія и громкаго слога. — Но дабы яснѣе мысль мою сказать, въ чемъ состоитъ *сладкогласіе*: — если въ искусномъ наборѣ словъ, къ выговору удобнѣйшихъ, слуху пріятнѣйшихъ и приличнѣйшихъ описываемому предмету и обстоятельствамъ? то въ вышеприведенномъ въ примѣръ четверостишіи, изображающемъ тишину, осмѣлился я отмѣнить рѣзкую букву (Р), дѣлающую нѣкоторую громкость, помѣстя вмѣсто: *предѣлъ—удѣлъ*.

«Видѣть милаго льстеца.
«Къ отвращенію удара
«Въ горестной моей судьбѣ,
«Я слила бъ изъ воска яра
«Легки крылышки себѣ,
«И на родину вспорхнула
«Мила друга моего;
«Нѣжно, нѣжно бы взглянула
«Хоть однажды на него!
«А потомъ бы улетѣла
«Со слезами и тоской;
«Подгорюнившись бы сѣла
«Среди площади какой;
«Возрыдала бъ, возопила:
«Добры люди! какъ мнѣ быть?
«Я невѣрнаго любила:
«Научите – не любить.»

Московск. Журн.

или:

«Какъ притти къ ней смѣетъ скука?
«На часахъ у ней любовь.»

Н. Львовъ.

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ,

Изъ Греческой антологіи:

«Лиза голову чесала
«Скромно гребнемъ золотымъ;
«Взявши волосъ, привязала
«Къ красотамъ меня своимъ. —
«Бывъ окованъ цѣпью нѣжной,
«Я шутилъ — прервать хотѣлъ. —
«Попытался — и желѣзной
«Тверже цѣпь сію нашелъ.
«Съ той поры я самой въ скукѣ,
«Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь;
«Не могу ужъ быть въ разлукѣ,
«Волоскомъ за ней влекусь.
«И лишь тѣмъ я облегчаюсь,
«Успокоиваю грусть,
«Что къ ней ближе прививаюсь
«И касаюсь сладкихъ устъ.»

Изъ Анакреона:

«Опутавъ Леля музы
«Въ цвѣточномъ тенетѣ,
«Стеречь, повергши въ узы,
«Вручили красотѣ.
«Ужъ Лада ходитъ, проситъ,
«Чтобъ ей сыскать его,
«И выкупъ знатный носитъ
«Съ собою за него.
«Но плѣнникову долю
«Пусть выкупъ перерветъ;
«Онъ сладкую неволю
«Свободѣ предпочтетъ.»

Изъ Горація:

«О ты, Бландузской ключъ кипящій,
«Въ блистаньѣ спорящій съ стекломъ,
«Струи цѣлебныя точащій,
«Достойный смѣшанъ быть съ виномъ!
«Ты будешь славенъ, ключъ счастливый!
«Въ числѣ естественныхъ чудесъ,
«Какъ воспою тѣнисты ивы,
«Обросши тотъ пустой утесъ,
«Отколь твои струи прозрачны,
«Склонясь серебряной дугой,
«Отважно скачутъ въ долы злачны;
«И говорятъ между собой.»

Бобровъ.

Наконецъ, любители словесности не будутъ ли довольными, относительно вкуса, нѣкоторыми изъ моихъ одъ, въ духѣ сихъ Лириковъ, (помѣщенными выше на страницѣ 134) *Къ Сосѣду*, (на страницѣ 56) *Хариты*, и проч.

За симъ, когда показалъ и объяснилъ я принадлежности лирической поэзіи, не подумалъ бы кто, что я совѣтую ихъ всѣ вдругъ помѣщать во всякомъ гимнѣ или одѣ.—Нѣтъ, это бы было то же, что, вмѣсто посѣва, бросать кучею сѣмена на одномъ мѣстѣ, какъ сказала Коринна Пиндару.—Но что надобно ихъ при случаѣ и пристойно употреблять, то необходимо. — Они отнимаютъ сухость и одноцвѣтность; дѣлаютъ предметъ разнообразнымъ, обильнымъ, сильнымъ; въ нихъ познается богатство мыслей и превосходство таланта; они составляютъ изящество и существо прямой оды, ежели истекаютъ только отъ истиннаго вдохновенія. — Напротивъ, безъ вышняго сего дара не красотами они бываютъ, а раскрашенными, неоживленными призраками. — Всякой наборъ пустыхъ гремучихъ словъ, скропанный по школьнымъ однимъ правиламъ, или нанизанность надутыхъ неодушевленныхъ подобій, всякой, говорю, длинный разсказъ, холодное поученіе, газетныя подробности, неточная оболочка реченіями мыслей, принужденное, безстрастное восклицаніе, нагроможденная высокость, или тяжело ползущее пареніе, ни кому непонятное глубокомысліе, или лучше сказать, безсмыслица и слухъ раздирающая музыка, стыдятъ и унижаютъ лиру. — Звуки ея тогда, какъ стрѣлы тупыя отъ стѣнъ отскакиваютъ, и какъ стукъ въ свинцовый тимпанъ, до сердца не доходятъ. По истинѣ, вдохновеніе есть одинъ источникъ всѣхъ вышеписанныхъ лирическихъ принадлежностей, душа всѣхъ ея красотъ и достоинствъ: все, все, и самое сладкогласіе, отъ него происходитъ, — даже вкусъ, хотя даетъ ему дружескіе свои совѣты, и онъ отъ него принимаетъ ихъ, но не прежде, какъ тогда уже, когда успокоится; а во время пылкаго его паренія едва только издали смѣетъ приближаться къ нему и надзирать за нимъ. Естьли Поэтъ за первымъ безъ всякаго разсужденія быстро послѣдуетъ, а за вторымъ не торопясь, съ благоразуміемъ, и за справою уже сего послѣдняго, а не преж-

де, выдаетъ въ свѣтъ свои сочиненія; то безъ всякаго сомнѣнія, рано или поздно получаетъ плески. Чувствуй, и будутъ чувствовать. — Проливай слезы, и будутъ плакать. — Отъ восклицанія токмо сердца раздаются громы. Вдохновеніе, вдохновеніе, повторяю, а не что иное, наполняетъ душу Лирика огнемъ небеснымъ. — Оно напрягаетъ всѣ ея силы, окрыляетъ, возноситъ и исторгаетъ, такъ сказать, ея бытіе изъ пеленъ плоти, или изъ всѣхъ земныхъ предѣловъ, дабы лучше выразить и изъяснить изступленное ея положеніе. — Отъ вдохновенія происходятъ бурные порывы, пламенные восторги, высокія Божественныя мысли, выспренныя паренія, многосодержащія изреченія, таинственныя предвѣщанія, живыя лицеподобія, отважные переносы и прочія риторскія украшенія, о коихъ было уже говорено. — Отъ него, или приличнѣе здѣсь сказать, отъ Духа Божія, подъ струнами вѣнценоснаго Іудейскаго Лирика и Царя скакали холмы, двигалась земля, преклонялось небо предъ лицемъ Вседержителя; солнце престоломъ, а луна подножіемъ ногъ Его становились. — Отъ него, смѣю сказать, но лишь по подражанію токмо святымъ Пророкамъ, Орфей водилъ лѣса и рѣки за собою; Гомеръ, помаваніемъ Юпитеровой главы колебалъ вселенную. Не знавъ истиннаго Бога, языческіе Поэты не могли воспарять до такой высокости, чтобы славословить Невидимаго, Непостижимаго; ибо ихъ понятія болѣе были тѣлесныя, нежели духовныя, и раздѣлялись на многія божества. — Но о семъ буду говорить ниже; а теперь довольно о гимнахъ и одахъ, которыхъ множество примѣровъ можно видѣть въ Псалтири. Изъ языческихъ всѣхъ ближе подходитъ къ нимъ, по очищеннымъ мыслямъ отъ идолопоклонства и по высокому своему содержанію, Гимнъ Греческаго Стоическаго Философа *Клеанта*, напечатанный въ моихъ сочиненіяхъ (выше на страницѣ. 198) — Въ Христіанской Церкви, не говоря о новыхъ, славнѣйшіе въ древности Гимны суть: *Тебе Бога хвалимъ, Свѣте тихій Святыя славы.* Впрочемъ, для примѣра помѣщаю здѣсь одинъ переведенный гимнъ изъ Гомера, и приступаю къ объясненію другихъ низшихъ степеней древнихъ лирическихъ пѣсней.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ

Минервѣ.

«Пою великую, безсмертную Аѳину,
«Голубоокую, божественную дѣву,
«Богиню мудрости, Богиню грозныхъ силъ,
«Необоримую защитницу градовъ,
«Эгидоносную, всемощну Тритогену,
«Которую родилъ самъ Дій многосовѣтный,
«Покрытую златой, сіяющей броней.
«Оцѣпенѣніе объяло всѣхъ боговъ,
«Когда изъ Зевсовой главы она священной
«Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
«Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ
«Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
«Стонъ тяжкій издала, весь понтъ поколебался,
«Смятенъ до черныхъ безднъ, на брегъ побѣгли воды.
«Гипперіоновъ сынъ средь дня остановилъ
«Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своихъ
«Оружье совлекла Божественная дѣва.
«Возрадовался Дій рожденіемъ Аѳины.
«О Громовержцева эгидоносна дщерь!
«Привѣтствую тебя. Услышь ты голосъ мой,
«И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благопріятный,
«Когда я воспою Тебѣ хвалебны пѣсни.»

Переводъ Гнѣдича.

Пеанъ заимствовалъ содержаніе свое наипаче отъ Миѳологіи, и особливо относился къ похваламъ, молитвамъ и побѣднымъ пѣснямъ Аполлона. Были они воспѣваемы въ честь и другихъ боговъ, а равно и человѣковъ; но всѣ пропали. — Полагаютъ, что болѣе сочинялъ ихъ Пиндаръ. — Они суть пѣсни, выражающія кроткія чувства, вліянныя единственно религіею. — Въ нихъ нѣтъ ни высокихъ замысловъ, ни паренія, ни извитій, ни глубокомыслія, происходящаго отъ разсудка. — Они просты. — Предметы ихъ: одни благодѣтельныя вліянія вѣры, истекающія отъ души чистой, спокойной, исполненной благочестія. — Достоинство ихъ: усердіе, ясность и плавность. Впрочемъ, могутъ Пеаны быть и другаго содержанія, въ которыхъ любовь къ отечеству, воинскіе подвиги и всякія гражданскія добродѣтели воспѣваются и ободряются. — Для примѣра отъ древности намъ Пеановъ не осталось; но одинъ похожій на нихъ, помѣщенный у Г. Гагедорна между Сколіями, прилагаю:

«О ты, что у рѣки Тритона
«Узрѣвшая впервые свѣтъ,
«Аѳинъ владычица, Паллада!
«Храни сей градъ, гражданъ его
«Отъ бѣдъ, крамолъ и раннеі смерти,
«И ты, Отецъ сея Богини!

«Коль днесь побѣдой увѣнчанный
«Хочу тебя, о мать! воспѣть
«Плутона, и Цереру пѣснью. —
«Благословенна будь и ты,
«О дщерь великаго Зевеса,
«Богиня мрака, Прозерпина!
«И обѣ сей блюдите градъ.

«Въ Делосѣ нѣкогда Латона
«Двухъ чадъ произвела на свѣтъ:
«Еленегонную Діану.
«И злотовласа, свѣтла Ѳива.

«О ты, Аркадіи покровитель,
«Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ
«Хохочущихъ, гонецъ бѣгущихъ
«Въ слѣдъ Нимфъ, и обрѣтатель ихъ
«Въ сокрытіи отъ тебя — являйся,
«О Панъ! средь нашихъ здѣсь ты пѣсней
«И бодръ всегда будь, свѣтлъ лицемъ.

«Враговъ своихъ мы побѣдили,
«И по желанью торжество
«Намъ нынѣ даровали Боги.
«Такъ, такъ, Аѳины! Боги вамъ
«Отечество днесь Пандрозены
«Пріобрѣли въ безцѣнный даръ.»

Диѳирамбъ, пѣснь, посвященная Бахусу. – Она есть высокое пареніе искуства, произшедшаго въ Греціи отъ празднествъ, въ честь Бахусу учрежденныхъ, подавшихъ поводъ къ сочиненію оныхъ. Диѳирамбъ занимаетъ мѣсто между одою и гимномъ. Диѳирамбъ содержитъ въ себѣ пламенныя чувства, въ которыя входитъ Поэтъ упоеніемъ вина, или удивленіемъ первоначальному насадителю винограда. Въ диѳирамбахъ господствуетъ во всемъ пространствѣ лирическій безпорядокъ, смѣлыя картины, новость изреченій. Чтобъ сочинять диѳирамбы, надобно имѣть чрезмѣрно живое чувство, необузданное воображеніе, или родъ изступленія, для того, что выраженія его должны возбуждать къ неистовымъ движеніямъ и круговымъ плꙗскамъ. — Въ диѳирамбѣ позволяется, для живѣйшаго представленія предметовъ, присовокуплять нѣсколько словъ къ одному какому либо, часто хоромъ повторяемому слову, дабы чрезъ то сила чувствъ отчасу болѣе возрастала и продолжалась до того, пока шумомъ вниманіе не оглушится и не воспламенится воображеніе. Наипаче свойство диѳирамба состоитъ въ томъ, чтобъ картины, которыя, кажется, ни какого сношенія между собою не имѣютъ, толпами тѣснились, но не слѣдовали бы другъ за другомъ.—Чтобъ сочинитель, дѣлая непрестанно скочки, хотя бы и зналъ связь своихъ мыслей, но ни какъ бы того не обнаруживалъ. — Будучи разрѣшенъ отъ всѣхъ правилъ искуства, употреблялъ бы разныя мѣры и роды стиховъ, но только бы удобныя для музыки. Имѣя средствомъ всю свободу, обладая истиннымъ піитическимъ духомъ и богатствомъ мыслей, умѣлъ бы все сіе такъ скрывать, чтобъ подражатели его, не имѣя подобнаго огня и таковаго, какъ онъ, буйнаго восторга, думая быть глубокомысленными и таинственными, высокопарною надутостію своею, показывали бы только на обыкновенныхъ чувствахъ обыкновенныя краски. – Вотъ въ чемъ изящество диѳирамбовъ. – И для того мѣлкіе въ Греціи писатели, желая въ семъ родѣ отличиться, начинали ихъ пышными картинами, заимствованными отъ небесныхъ знаковъ и воздушныхъ явленій: но славнымъ Комикомъ Аристофаномъ были осмѣяны. — Онъ въ одной изъ своихъ комедій представилъ человѣка сшедшаго съ небесъ: его спрашиваютъ, что тамъ видѣлъ? — Отвѣтствуетъ: сочинителей диѳирамбовъ, которые бѣгаютъ межъ облаковъ и вѣтровъ, хватая туманы и пары, дабы сдѣлать изъ нихъ великолѣпныя вступленія; а на другомъ мѣстѣ сравнивалъ онъ ихъ съ воздушными пузырями, едва до земли доткнувшимися и исчезающими. – Отсюда-то у Поэтовъ принято было въ общее обыкновеніе, что хотѣвшій воспѣвать Аполлона, приводилъ себя въ спокойное положеніе; но онъ же самый, приступая къ славословію Бахуса, возъярялся, обращаясь во всѣ стороны; когда же и тѣмъ воображеніе его не одушевлялось, то возбуждалъ его чрезмѣрнымъ употребленіемъ вина. Воспламененный молніей напитковъ, выступаю я на ристалище,— говорилъ Архилогъ. — Не знаю я диѳирамбовъ, сочиненныхъ нашими знаменитыми Лириками; но въ нѣкоторыхъ народныхъ, такъ называемыхъ цыганскихъ пѣсняхъ, гдѣ припѣвается: *жги говори*! – вижу имъ подобіе. – Эстетики находятъ двѣ сходственныя съ диѳирамбами оды у Горація въ книгѣ второй XIX, въ третьей XXV, – изъ коихъ первую въ переводѣ прилагаю.

«Вакха вдали, вѣрь мнѣ потомство, я видѣлъ:
«Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть училъ пѣсни
«Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его, и вверхъ
«Завостренныхъ ушми козлоногихъ Сатировъ.

«Эвоа! дрожитъ еще сердце отъ страха,
«Ужасомъ Бога исполнено скачетъ оно
«Съ радости дикой. — Эванъ! о, щади, щади!
«Отъ грознаго Тирса я трясусь, цѣпенѣя.

«Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіядахъ,
«О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ,
«И медъ какъ изъ утлыхъ древесныхъ, дуплястыхъ
«Пней каплетъ на землю, извиваясь струями.

«Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ вѣнцѣ,
«Блестящемъ межъ звѣздъ твоей блаженной супруги,
«О страшномъ паденьи жилища Пентея
«И о Фракійска Ликурга пагубѣ лютой.

«Ты волны далекихъ кротишь Океановъ
«И шумный вкругъ холмовъ обтекая пустынныхъ,
«Женъ Бостонискихъ переплетше безвредно,
«Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

«Ты, буйна Гигантовъ крамола когда
«Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ взмостяся,
«Къ отчему царству взнеслась, съ зѣвомъ ужаснымъ
«И съ львиными Рета когтями вспять низповергъ.
«Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный плясавецъ,
«Въ шуткахъ и играхъ любви, способнымъ былъ признанъ;
«Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ далъ собой,
«И великъ ты равно какъ въ бояхъ, такъ и въ мирѣ.

«Церберъ, въ рогахъ золотыхъ, зрѣлъ тебя тихо
«И ни чуть не взревѣлъ, лишь хвостомъ обвивая,
«Съ кротостью ластясь, трехъ языками зѣвовъ
« кругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедры.»

Сколія — Греки, не упоминая здѣсь о ихъ Эподахъ. Пріомахъ. Номахъ, Прозодіяхъ, Пеанахъ, Диѳирамбахъ, Партеніяхъ, Гимнопедіяхъ, Эндиминиціяхъ, Гипорхемахъ, Ортическихъ и другихъ пѣсняхъ, имѣли многія на разные случаи (*); но пѣвали болѣе и чаще всѣхъ въ дружескихъ своихъ пиршествахъ за столомъ, а нѣкоторыя, говорятъ, и въ мистеріяхъ съ разными обрядами, изобрѣтенныя Терпандромъ при Карнейскихъ праздникахъ во время XXXVI Олимпіяды, введенныя же въ Аѳины Аѳинеемъ, такъ названныя Аристотелемъ *Сколіи*, или застольныя пѣсни. Сіи Сколіи раздѣлялись на миѳологическія, историческія и на общественныя, изъ коихъ миѳологическія были почти то же, что Пеаны, да и самые Пеаны пѣвались за столомъ между прочими Сколіями. — Обычай былъ у Грековъ, возсѣдши за трапезу, прежде всего еди огласно возглашать похвалы Богамъ. — Потомъ пѣли на разные случаи съ разными обрядами, по приличію содержанія, сказанныя Сколіи, — иные съ миртовыми, иные съ лавровыми вѣтвями, а иные съ кубкомъ вина, держа ихъ въ рукахъ и передавая изъ рукъ въ руки по сосѣдству, или наискось другъ другу, поя поочередно. Когда же усовершенствовалась музыка и начали въ бесѣдахъ употреблять арфу: то неискусные въ пѣснопѣніи по пришедшей къ нимъ очереди, должны были просить пѣть за себя славныхъ пѣвцовъ, давая имъ за то подарки. — И такъ было у Грековъ въ разсужденіи пѣнія застольныхъ пѣсень три обряда: первый, пѣть единогласно Боговъ. — Вторый, по очереди съ вѣтвями. — Третій, чрезъ пѣвца съ препровожденіемъ арфы. — Сей послѣдній, будучи хорошо превосходнымъ пѣвцомъ исполняемъ, сильно трогалъ души пирующихъ, когда прославлялись добродѣтели и подвиги народа, предковъ и ихъ самихъ. Но было также у Грековъ безчисленное множество народныхъ, или площадныхъ пѣсень. — У всякаго состоянія людей свои, какъ-то: у воиновъ, пастуховъ, землedѣльцовъ, молотильщиковъ, мельниковъ, водоносовъ и прочихъ разнаго состоянія жителей; а равно и на всякіе случаи: свадебные, погребательные, забавные, издѣвочные и другіе. Для примѣра, нѣсколько древнихъ Сколій здѣсь прилагаю. — Отъ нихъ, мнѣ кажется, произошли застольныя и масонскія пѣсни.

На Богатство:

«Ты, богатство, смертныхъ горе!
«Ни земля твоихъ, ни море
«Троновъ не должны сносить.
«Удалися въ мрачны бездны. —
«Адскія тебя желѣзны
«Двери должны заключить.»

На Дружбу:

«Схватывай змію рукою —
«Храбрымъ страха нѣтъ сердцамъ. —
«Съ хитростью коварство злою
«Чуждо истиннымъ друзьямъ.»

или:

«Прошу тебя, стрегись, мой другъ:
«Подъ каждымъ мшистымъ камнемъ тайно
«Здѣсь ползаютъ зміи вокругъ,
«И часто, гдѣ необычайно
«Бываетъ тихо и темно,
«Тамъ кроется лишь зло одно.»

или:

«Когда бъ намъ можно умудряться
«И знать, кто подлинно каковъ,
«Въ грудяхъ душами раскрываться,
«Читать сердца на мѣсто словъ:
«То безъ ошибки бъ избирали
«Мы истинныхъ себѣ друзей.»

На здравіе:

«О здравіе! изящный даръ,
«Ты мило смертнымъ и желанно. —
«Правдиво предсѣдишь ты всѣмъ,
«И красота съ тобой пусть сядетъ;
«Но третье мѣсто я даю
«Богатству, честностью стяжанну;
«Четвертое жъ — кому отдать?
«Извѣстно, — дамъ его я счастью:
«Быть младу у младой подруги.»

Гармодіону:

«Ты долженъ миртъ вѣтвями
«Украшенъ быть мой мечъ,
«Какъ и Гармодіона
«И Аристогена былъ,
«Что имъ тираннъ низверженъ
«И равенство законовъ
«Отечеству дано. —
«Нѣтъ! ты еще ни какъ не умеръ,
«Дражайшій нашъ Гармодіонъ;
«Но живъ на островахъ блаженныхъ,
«Гдѣ быстроногій Ахиллесъ
«И сынъ прехрабрый гдѣ Ѳетиды
«Ликуетъ свѣтло Діомидъ —
«И ты, какъ говорятъ, днесь тамъ.»

Вотъ четыре главныя, въ глубокой древности бывшія и намъ извѣстныя лирическія произведенія, которыя съ приличностію, уподобить можно, первую оду, или гимнъ, быстрой рѣкѣ, все

(*) *Эподъ*, или хоръ, слѣдующій въ одѣ послѣ антистрофы. — У Горація вся пятая книга составлена изъ эподовъ. — *Пріомъ*: предпѣніе, или прелюдія. *Номъ*: настоящая пѣснь. — *Просодія* созвучное повтореніе — *Пеанъ*: пѣснь Аполлону. — *Диѳирамбъ*: пѣснь Бахусу. — *Партенія*: пѣснь одною дѣвою воспѣваемая, изобрѣтенная Парѳеніемъ. — *Гимнопедія*: пѣснь во время игранія мячомъ и битвы на мечахъ поющаяся. — *Эпомиминція*: пѣснь спать идущаго. — *Гипорхема*: пѣснь плясовая. — *Артическая* пѣснь, поющаяся возвышеннымъ голосомъ.

съ собою увлекающей, выходящей иногда изъ береговъ своихъ, иногда между лѣсовъ и горъ чрезъ пороги съ шумомъ скачущей и разными кривизнами стремящейся, иногда прямымъ направленіемъ тихо между полей и рощъ по долинамъ и лугамъ ліющейся, иногда принимающей въ себя побочные источники, иногда уединенно, глубоко одною стезею текущей, по которой плаватель видитъ мгновенно предъ собою мелькающіе разные виды, то въ ужасъ, то въ уныніе, то въ радость, то въ восторгъ его приводящіе. — Второй, Пеанъ: тихопрозрачному потоку, сквозь которой чистыя воды и въ самой глубинѣ самомалѣйшіе цвѣтные камни и песокъ видны.—Третій, Диѳирамбъ: ужасному, яростному водопаду, который въ бурномъ бѣшенномъ стремленіи своемъ ломаетъ скалы и деревья, мещетъ вкругъ себя бугры пѣны, брызги, какъ дымъ, столпомъ высоко подымаетъ, и на далекое разстояніе заставляетъ внимать страшные грохочущіе гулы такъ, что у путника, вблизи стоящаго, голова кружится, а вдали обымаетъ его трепетъ. — Четвертое, Сколіи: небольшому источнику безъ всякихъ кривизнъ, прямою чертою къ одному предмету своему текущему, не принимающему въ себя никакихъ побочныхъ ручьевъ; иногда мрачностію и тихостію, а иногда веселостію своею мимо ходящихъ слухъ и взоръ занимающему.

Но перейдемъ теперь отъ древней лирической поэзіи къ новѣйшей.

Въ Римѣ мало было изящныхъ лириковъ. Квинтиліянъ (¹) говоритъ, что Горацій изъ нихъ одинъ достоинъ чтенія; но онъ и самъ, по скромности можетъ быть своей, признаетъ (²) себя не болѣе, какъ только слабымъ отголоскомъ древнихъ Грековъ. Естьли жъ пройти мимоходомъ современно и послѣ него жившихъ, не столько знаменитыхъ Цезія, Басса, Стація и Катулла (³), то можно сказать, что по смерти сего любимца Августова лира умолкла. По нашествіи на Италію варварскихъ полчищъ, гласа ея долгое время вовсе слышно не было. Она, казалось, возвратилась паки на Геликонъ и нѣсколько вѣковъ не восхищала смертныхъ. На сѣверѣ, только у Скальдовъ раздавались ея звуки. Но когда изъ сей суровой страны свѣта наводнили западъ дикіе народы, отъ коихъ древній Римъ палъ, то науки и художества ушли на востокъ и на полдень, въ Азію и Африку, къ Арабамъ и Сарацинамъ, которыхъ особливо покровительствовали Калифы. Наконецъ въ IX столѣтіи, хотя нѣсколько поддерживалъ просвѣщеніе Карлъ Великій, собравъ пѣсни Цельтовъ и заведя при дворѣ своемъ училища; но послѣ и его, съ нашествіемъ Норманновъ, покрылась Европа сугубымъ мракомъ невѣжества. Естьли гдѣ и пробескивали слабыя искры словесности, то не иной, какъ варварской, составленной изъ грубыхъ нарѣчій побѣдителей, вліяніемъ своимъ испортившихъ языкъ побѣжденныхъ Римлянъ. Стихотворство тогда, безъ вдохновенія и вкуса, ежели можно его таковымъ назвать, было суровое сотканіе словъ силлабическою просодіею, которое по вторженіи Готовъ *рунными* называлось. Естьли справедливо недавнее открытіе одного Славенно руннаго стихотворнаго свитка I вѣка и нѣсколькихъ произреченій V столѣтія Новгородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ (*).

ЧТЕНІЕ ПОДЛИННИКА.

Гмь послухси Бояна.

Умочи Боянъ свовъ удычъ
А комъ пдъ блгъ тому
Суди Велеси не убѣгти
Слвы Словенси не умлети
Мчи Бояни на языци оста
Памети Злгоръ Волхви глоти
Одину памети Скифу гамъ
Злтымъ пески тризны сыни.

ПЕРЕВОДЪ.

Не умолчи Боянъ снова воспой;
О комъ пѣлъ благо тому.
Суда Велесова не убѣжать:
Славы Славяновъ не умалить
Мечи Бояновы на языкѣ остались;
Память Злогора Волхвы поглотили
Одину вспоминаніе, Скиѳу пѣснь.
Злтымъ пескомъ тризны посыпемъ.

Изреченія, или отвѣты Новгородскихъ жрецовъ.

Угли

Жрцу говоръ Еролку.

Накопца свада
Дюжу убой
Тяжа нагата
Тощь перелой.

(¹) Глава X, книга 1.

(²) Ода II, книга 4.

(³) Лирики, при Августѣ, Неронѣ и Домиціанѣ жившіе.

(*) Они оказались поддѣльные, почему здѣсь и не помѣщаются; подлинникъ ихъ — нелѣпые крючки позднѣйшаго неудачнаго изобрѣтенія.

ПЕРЕВОДЪ.

По злобѣ свара
Сильному смерть:
Тяжба съ богатствомъ
Худъ передѣлъ.

Въ продолженіе тѣхъ среднихъ вѣковъ западные ученые, кои едвали не были одни только духовные, писали важныя сочиненія на вульгарномъ, или простонародномъ языкѣ (linguâ vulgare), придерживаясь, до VII столѣтія, древняго Римскаго, а послѣ Латинскаго со смѣсью иноплеменныхъ словъ. Но свѣтскіе, ежели гдѣ и упражнялись въ письменахъ, то въ провинціальныхъ только нарѣчіяхъ: Басскомъ, Галиканскомъ, Провансальномъ, Португальскомъ, Лимоническомъ, или смѣшанномъ съ Испанскимъ, Италіянскимъ и Французскимъ, который вообще именовался (lingva rustica Romana), или Римское деревенское нарѣчіе. Правда, въ IV столѣтіи, какъ говоритъ Бровнъ, по изгнаніи на западѣ Бардовъ, а на востокѣ по истребленіи Θеодосіемъ Великимъ идольскихъ жертвенниковъ, сочиняли еще въ монастыряхъ монахи ([1]), по древнимъ образцамъ, оды и трагедіи, но единственно для препровожденія времени чтеніемъ ихъ въ кельяхъ, а не для пѣнія въ храмахъ, или игры на Θеатрахъ; и съ тѣхъ уже темныхъ и неблагопріятныхъ для художествъ и наукъ временъ общественная свѣтская поэзія отъ музыки отдѣлилась. Древнее достоинство ихъ пало потому, что не токмо въ народныхъ собраніяхъ, но и нигдѣ почти въ обществахъ онѣ вовсе не употреблялись. Тогда ничего уже изящнаго не являлось. — Важность, чистота, сладкозвучіе и пріятность древнихъ языковъ Греческаго и Латинскаго исчезли.

Однакожъ съ другой стороны возникъ новый родъ пѣснословной поэзіи въ Христіанской Церкви. Первыя Христіанскія тайныя общества отправляли сначала свое богослуженіе въ подземельяхъ и на гробахъ мучениковъ Еврейскимъ псалмопѣніемъ, въ подражаніе тому, что и самъ основатель священной вѣры, Христосъ Спаситель послѣднюю свою вечерю съ учениками своими окончилъ пѣніемъ ([2]). Просвѣщеннѣйшіе Христіане сочиняли потомъ и приносили въ свои собранія для пѣнія собственныя свои *оды* и *имны*, въ честь Христу и мученикамъ. О семъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ ([3]) и самъ увѣщеваетъ вѣрныхъ воспѣвать псалмы, имны и оды духовныя въ своихъ собраніяхъ ([1]). — Плиній, въ письмѣ своемъ къ Траяну о Христіанахъ, упоминаетъ также *о пѣсняхъ*, у нихъ воспѣваемыхъ Христу, яко Богу ([2]).—Игнатій Богоносецъ во II вѣкѣ изобрѣлъ новый родъ перекличнаго по клиросамъ пѣнія, именуемаго *Антифонами.* — Амвросій Медіоланскій ([3]) въ IV столѣтіи, на мѣсто витіеватаго, или фигурнаго, заимствованнаго отъ Греческаго языческаго и Еврейскаго ([4]) пѣснопѣнія, ввелъ столповое, или степенное пѣніе по примѣру первыхъ Апостольскихъ временъ, въ кои оно было еще просто, безъ всякаго искусства и украшенія. Въ стихотвореніяхъ первыхъ Христіанъ не видно ни отдѣльныхъ одинакихъ строфъ, ни паденія слоговъ Греческой и Римской поэзіи, ни сочетанія созвучныхъ риθмъ среднихъ и новыхъ вѣковъ стихотворства; не истекали они изъ восторговъ какой либо страсти, или витійства поэта, ожидавшаго себѣ отъ кого либо награжденія, или ограниченной, земной и тлѣнной, человѣческой славы: но главное ихъ содержаніе и свойство было духовное, пламенное воспареніе чистой, живой вѣры, основанной на надеждѣ воскресенія и чаянія небесныхъ наградъ, или вѣнцевъ безсмертія за мученическія страданія, или подвиги благочестія. — Въ V вѣкѣ Пруденцій и Нилъ писали уже мѣрными стихами. — Въ VII и VIII появились многіе знаменитые Церковные пѣснописцы и въ восточной Церкви, между которыми знаменитѣе всѣхъ Іоаннъ Дамаскинъ, коего Ирмологій и Октоихъ, или осмигласникъ ежедневно поются и въ нашей Славено-Россійской Церкви съ душевнымъ умиленіемъ. Но въ напѣвахъ сихъ пѣсней видно уже возвратившееся подражаніе витіеватымъ Греческимъ осми тонамъ,

---

([1]) Бровнъ: О раздѣленіи музыки съ поэзіею.

([2]) Матθеа главы XXVII стихъ 30: *Воспѣвше изыдоша въ гору Елеонску.*

([3]) Апостолъ Павелъ, въ 1 Посланіи къ Коринθяномъ гл. XIV, стихъ 26, говоритъ: *Что убо есть, братіе, егда сходитеся, кійждо васъ псаломъ имать?*

([1]) Въ Посланіи къ Ефесеемъ гл. V. стихъ 19: *Глаголюще себе во псалмѣхъ и пѣніихъ* (на Греческомъ имнахъ) *и пѣснехъ* (на Греч. одахъ) *духовныхъ.* — Къ Колоссаемъ гл. III, ст. 16: *Во псалмѣхъ* (имнахъ), и *пѣснехъ* (одахъ) *духовныхъ.* Слово *Пѣснь* и въ Апокалипсисѣ, гл. V, ст 9. и гл. XIV. ст. 3, на Греческомъ именуется *одою*; и въ главѣ XV, ст. 3 пѣснь Моисея названа также *одою Моисеевою.*

([2]) Плиній въ письмахъ, кн. X, письмо 97.

([3]) Бровнъ, въ сочиненіи своемъ: О раздѣленіи поэзіи и музыки въ XII отдѣленіи, говоритъ: «Во II столѣтіи употреблялась еще была въ Христіанскихъ Церковныхъ «пѣсняхъ музыка язычниковъ съ нѣкоторымъ только огра«ниченіемъ ихъ своевольства и непристойностей; но «какъ и та сладострастными женскими голосами своими «приводила слушателей въ соблазнъ, то въ Константино«польской Церкви Константиномъ Великимъ, а въ Алек«сандріи епископомъ Аθанасіемъ сдѣлано о ней новое «учрежденіе. Августинъ намѣренъ былъ совсѣмъ из«гнать се изъ западнаго Христіанскаго богослуженія; но «Амвросій Медіоланскій ввелъ особаго рода голосовую «чрезвычайной важности.»

([4]) Древняя Еврейская торжественная инструментальная музыка описана въ 1 книгѣ Паралипоменонъ гл. 13 и 15 и во 2 кн. Царствъ гл. 6. У Давида было учреждено въ храмѣ 288 пѣвцевъ, которые между собою очередовались чрезъ каждый часъ въ сутки по 24 человѣка, для безпрестаннаго пѣснопѣнія.

извѣстнымъ подъ названіями Дорическаго, Фригическаго, Лидійскаго, Іонійскаго, Іолійскаго и другихъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ писаны на Греческомъ стихами, по большей части ямбами и равномѣрными строфами. Хотя сего въ Славянскомъ переводѣ и непримѣтно, однакожъ разстановки напѣва дѣлаютъ для насъ нѣсколько ощутительнымъ и мѣрность подлинника. Другія изъ сихъ пѣсней сочинены и въ подлинникѣ прозою, но почти равномѣрнымъ числомъ слоговъ въ каждомъ гласѣ, или напѣвѣ, дабы по распѣвѣ перваго предлежащаго стиха пѣть и нижеслѣдующіе. Въ Славенскихъ нашихъ переводахъ сіе нѣсколько затруднительно по несоотвѣтствію числа слоговъ съ подлинникомъ; и потому-то въ нашей Церкви, напримѣръ въ канонахъ, только ирмосъ поется, а прочіе подъ нимъ лежащіе стихи, назначенные также для пѣнія, читаются. Съ таковымъ новымъ Христіанскимъ стихотвореніемъ родились новые роды и названія пѣсней, которые неизвѣстны были древнимъ, какъ напримѣръ: Октоихъ, Тріодь, Ирмосъ, Канонъ, Антифонъ, Стихира, Тропарь, Кондакъ, Икосъ, Акаѳистъ и другіе ([1]). Пѣснописцы Церковные на изобрѣтеніе сихъ родовъ и на названіе оныхъ вышесказанными именами имѣли такое же право, какое новѣйшіе Италіянскіе и Французскіе стихотворцы на Кантаты, Сонеты, Стансы, Ронды, Романсы, Баллады и другіе, которые также неизвѣстны были въ древней поэзіи. Впрочемъ напрасно нѣкоторые иностранные новѣйшіе словесники винятъ первыхъ Христіанъ въ упадкѣ сей послѣдней. — Упадокъ ея должно приписать переворотамъ государствъ и измѣненію языковъ отъ варварскихъ нашествій, а не Христіанамъ. Первые Отцы Церкви не пренебрегали чтеніемъ и древнихъ языческихъ стихотворцевъ. Видны и въ святомъ Апостолѣ Павлѣ Аратъ и Епитенидъ ([2]), на коихъ онъ ссылался. Оригенъ, Климентъ Александрійскій, Минуцій Феликсъ, Василій Великій и многіе Отцы часто приводили во свидѣтельство Омира, Гезіода и прочихъ стихотворцевъ. Въ Христіанскихъ монастыряхъ переписывали всѣхъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, и тѣмъ сохранили ихъ отъ потери. Правда, что Христіане первыхъ вѣковъ не имѣли поэмъ подобныхъ Омировой и Виргиліевой, и одъ равныхъ Пиндаровымъ и Гораціевымъ; но образцы оныхъ чрезъ благочестивыхъ пѣснопѣвцевъ остались не недосязаемы и для нашихъ временъ. Что же касается до высокихъ и величественныхъ изображеній Божества и духовныхъ отвлеченныхъ ощущеній, то ни Орфеевы, ни Омировы, ни Пиндаровы, ни Гораціевы имны не могутъ сравняться съ Христіанскими; и потому ихъ краткость, животворную выразительность, высокость мыслей, нельзя не признать образцами лирическими. — Напримѣръ:

«Его же воинства небесная славятъ и трепещутъ Херувимы и Серафимы, всякое дыханіе «и тварь, пойте, благословите и превозносите во «вся вѣки!»

или:

«Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю не-«одержимо, тварь видѣвши на лобнемъ висима, «ужасомъ многимъ содрогашеся: нѣсть святъ па-«че тебе, Господи, взывающи!»

Какая, въ первомъ ирмосѣ въ начальныхъ словахъ, таинственная и заманчивая загадка, возбуждающая вниманіе слушателя; а въ послѣднихъ разрѣшеніе величественною картиною богопочитанія всей твари!

Во второмъ: какой поэтъ могъ толь кратко и сильно совмѣстить выразительность неизмѣримыхъ противоположностей всемогущества и ничтожества, поношенія и благоговѣнія?

Но исчислять подобныя красоты въ Церковныхъ нашихъ пѣсняхъ было бы безконечное покушеніе. — Довольно, что мы ими восхищаемся съ X вѣка, то есть, со временъ великой княгини Ольги, или паче съ крещенія всей Россіи внукомъ ея, великимъ княземъ Владиміромъ.

Но обратимся къ свѣтской поэзіи. Она, такъ какъ и прочія науки, съ X уже столѣтія по Рождествѣ Христовѣ начала возрождаться въ Европѣ. Ежели и не признать за справедливое вышеупомянутое руническое стихотвореніе и за ничтожное счесть народныя пѣсни о богатырскихъ подвигахъ временъ Владиміровыхъ, то достигшая до насъ и одна въ цѣлости древняя пѣснь о походѣ Игоревѣ, въ которой виденъ духъ Оссіяновъ и выраженія подобныя въ извѣстныхъ Гаральдовой ([1]) и Скандинавской, показывающая сколокъ болѣе сѣверныхъ Скальдовъ, нежели западныхъ Бардовъ, едвали не оспоривала бы предвареніе наше въ словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ходъ ея бѣдственное нашествіе съ востока на Россію Кипчатскихъ ордъ въ XII вѣкѣ, то есть въ то самое время, когда въ Парижѣ учреж-

([1]) Они значатъ на нашемъ языкѣ: *Октоихъ*, осмигласникъ; *Тріодь*, трипѣснецъ; *Ирмосъ*, связь, или звено цѣпи, на коемъ висятъ другія звенья; *Антифонъ*, перекличка двухъ клиросовъ; *Стихира*, длинносложный стихъ; *Тропарь*, оборотъ напѣва; *Кондакъ*, перечень похвалъ; *Икосъ*, исчислительное славословіе добродѣтелей; *Акаѳистъ*, пѣснопѣніе, въ продолженіе котораго сидѣть возбраняется; *Трисагіонъ-имносъ*, трисвятая пѣснь, (Святый Боже), *Еоѳинось-имносъ*, утренняя пѣснь, (Слава въ вышнихъ Богу), *Еспиранось-имносъ* вечерняя пѣснь, (Свѣте тихій), и такъ далѣе.

([2]) Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, и въ Посланіи къ Титу.

([1]) Напечатана въ Шведской Исторіи Маллета; по Русски переведена Г-мъ Тайнымъ Совѣтникомъ Львовымъ.

денъ университетъ. Съ тѣхъ только поръ на западѣ занялась истинная заря просвѣщенія. — Науки и художества съ разныхъ странъ свѣта начали собираться въ прежнее ихъ жилище, Италію, Крестовые рыцари, бывшіе въ Палестинѣ, при возвращеніи ихъ во-свояси, принесли съ собою поэзію, заимствованную отъ восточныхъ Арабовъ, владѣвшихъ Испаніею; оттуда же перешла она въ Италію, Францію, Германію (¹) и другія сосмежныя имъ области Трубадуры, (²) Прованскіе стихотворцы, распространили оную. Стихи свои писали они на вышеупомянутомъ Провансальномъ, или Романскомъ языкѣ, воспѣвая въ нихъ свои рыцарскіе романическіе подвиги, волокитства, и всякую общежительную смѣсь. Главные характеры содержанія ихъ пѣсень были набожность, храбрость и любовь. Для усмотрѣнія сего прилагаю пѣснь XIII столѣтія, сочиненія Трубадура Готье де Коанси (³).

COUPLET I.

«Qui que fasse Rotruenge nouvelle pastorelle Son sonnet ne chonçon, je chanterai de la Sainte Pucelle. Es cui Sains' flancs li fix Dieu devint hom. Il m'est avis certes quand je la nom Gotés de miel dégoutent de son Nom. Je ne veuil mais chanter le de li nom d'autre Dame ne d'autre Demoiselle ne ferai mais Se Dieu plait dit ne Son.»

То есть:

«Хотя Ротрюенжъ, молодая пастушка,
«Сонеты сочиняетъ и пишетъ пѣсеньки;
«Я буду воспѣвать святую Богоматерь,
«Во чревѣ коея сынъ Божій воплотился.
«Мнѣ кажется, ее когда я именую
«То съ имени ея въ уста мнѣ каплетъ медъ;
«А для того не буду именъ пѣть недостойныхъ
«Впредь женщинъ я другихъ, а также и дѣвицъ.
«Грѣшно бы было то и неугодно Богу (⁴).»

(¹) Во время поколѣнія Швабскихъ государей перешли въ Нѣмецкую землю пѣсни трубадуровъ. Гердеръ въ 87 отдѣленіи книги: О подкрѣпленіи просвѣщенія, стран. 109.

(²) Названіе трубадуровъ производятъ одни отъ *тромба*, Италіянскаго слова; другіе отъ Русскаго *труба*; потому что яко бы при Генрихѣ I великая княжна Анна Ярославовна, вступивъ съ симъ королемъ въ бракъ, принесла съ собою во Францію Кіевскія увеселенія и пѣсни съ риѳмами, наигрываемыя на семь инструментъ, и что будто съ тѣхъ только поръ появились во Франціи трубадуры и риѳмы. Г-нъ Дубровскій доказываетъ то привезеннымъ имъ рисункомъ, яко бы того времени, находящимся въ Императорской библіотекѣ, на коемъ изображенъ трубадуръ, сопровождаемый игрою на трубахъ.

(³) Взята изъ библіотеки г-на Дубровскаго.

(⁴) Послѣдній стихъ очень теменъ, то переведенъ наугадъ по связи смысла.

Трубадуры первые зачали употреблять риѳмы, хотя нѣкоторые въ томъ и несогласны (¹). Въ ихъ время стихотворство получило въ Италіи названіе веселой науки (gaya ciencia) отъ вопросовъ и отвѣтовъ любовнаго, или пріятнаго содержанія. Князья, графы и всякаго состоянія знаменитые люди за честь себѣ поставляли въ сей наукѣ упражняться. Благородныя женщины принимали участіе не токмо въ слушаніи и чтеніи стиховъ, но въ разсужденіяхъ объ оныхъ и даже въ самомъ ихъ сочиненіи. Рѣшительно сказать, что въ сіе время поэзія трубадуровъ, въ отношеніи разнообразія мыслей и изъясненія страстей, сдѣлалась душей наилучшихъ обществъ, какъ въ обхожденіи, разговорахъ, такъ и въ перепискѣ. Въ теченіе XII столѣтія, при дворѣ Барцеллонскомъ, Аквитанскій графъ Пойтонъ ознаменовалъ себя главою трубадуровъ. Въ 1324 году, въ Тулузѣ, учредились такъ называемыя *Цвѣточныя Игры*, на которыхъ отличившіеся стихотворцы вознаграждались золотою фіялкою или розою, или ноготками. Первое награжденіе фіялки получилъ Кастельнодарскій гражданинъ Арнольдъ Видаль, за поэму въ честь Пресвятой Дѣвы. Покровительница сихъ игръ была графиня Клеменція Изаура, отказавшая въ пользу сего общества знатное имѣніе и великолѣпный домъ. Съ сего времени разлился свѣтъ новѣйшей поэзіи, появившейся съ начала отъ Арабскихъ, Испанскихъ и Сицилійскихъ границъ, и часъ отъ часу потомъ болѣе распространившейся и процвѣтавшей. Въ исходѣ того же столѣтія, въ Италіи возстали славные поэты: *Дантъ, Петраркъ и Бокацій.* Они, подражая древнимъ, образовали свои лирическія произведенія по ихъ примѣрамъ, и могутъ безпрекословно назваться возродителями древней и отцами новой поэзіи въ такъ ими названныхъ: Канціонахъ, Соннетахъ, Балладахъ, Стансахъ, Мадригалахъ и другихъ пѣсняхъ, извѣстныхъ въ Европѣ.

Хотя сіи славные поэты, въ отношеніи вкуса, благородства, высокости мыслей и прочихъ укра-

(¹) Одни говорятъ, что Греки и Римляне въ лучшія времена ихъ поэзіи, избѣгали сколько можно риѳмъ, стараясь только объ одномъ безостановочномъ стопопаденіи. Другіе, напротивъ, приводятъ въ доказательство Анакреона и Овидія, что и у нихъ, какъ будто бы ненарочно прибранныя встрѣчаются риѳмы. Сіе-де можно видѣть у перваго, въ изданіи г-на Львова на стран. 6, 12, 58, 98, 108, и проч. — У втораго въ книгахъ Печалей, напримѣръ: элег. 31, кн. II, стихъ 4, 6, 8 12, 18, 20, 28, 42, 44, 60 и далѣе. Впрочемъ, иные ищутъ начала риѳмъ у Арабовъ, другіе на сѣверѣ, какъ выше сказано. Гердеръ же въ книгѣ своей О подкрѣпленіи просвѣщенія, въ VII части, на стран. 74 говоритъ, что риѳма не что иное есть, какъ игра словъ, которая видна изъ древле у всѣхъ народовъ: у Евреевъ, Арабовъ, Нѣмцовъ и прочихъ. — Трубадуры не могли послѣдовать внутреннему составу высокой поэзіи Мавровъ; они послѣдовали духу своего времени, языку и образцамъ вышесказанной простонародной поэзіи монаховъ, которые писали на испорченномъ Латинскомъ съ риѳмами.

шеній, съ успѣхомъ подражали древнимъ; но будучи, можетъ быть, увлечены господствовавшими тогда примѣрами трубадуровъ, или потому, что при краткости словъ и множествѣ буквъ согласныхъ, въ Италіянскомъ языкѣ употребляемыхъ, легче было имъ писать съ риѳмами, нежели безъ риѳмъ подобно какъ импровизаторамъ ихъ, не думая, тотчасъ находить риѳмы. Не могли они рѣшительно послѣдовать Тоническому стопосложенію Грековъ и Римлянъ; а писали болѣе съ риѳмами силлабическою просодіею; однако же и подъ иго риѳмы, не вовсе подверглись; ибо есть у нихъ стихи и безъ оныхъ. Подобно сему и у насъ приняли риѳму отъ Нѣмцовъ и Французовъ Ломоносовъ и Сумароковъ. Хотя и прокладывалъ путь къ древнему Тоническому стихосложенію г-нъ Тредіяковскій; но ему не удалось превозмочь ихъ и никто ему въ томъ до нынѣшняго времени не послѣдовалъ, не смотря на то, что народныя наши пѣсни подражательны древнимъ Греческимъ, какъ ниже о томъ усмотрится, и что Славено-Россійскій языкъ, по свидѣтельству самихъ иностранныхъ эсѳетиковъ (1), не уступаетъ ни въ мужествѣ Латинскому, ни въ плавности Греческому, превосходя всѣ Европейскіе: Италіянскій, Французскій и Испанскій, кольми паче Нѣмецкій, хотя нѣкоторые изъ новѣйшихъ ихъ писателей и въ сладкозвучіи нарочитые успѣхи показали. Гердеръ (2) сравниваетъ древнюю и новую поэзію такимъ образомъ: первая, говоритъ онъ, подобна шуму большаго лѣса, который бушеваніемъ наитончайшихъ своихъ лѣтораслей, самъ собою вдохновенъ и священъ. Вторая: волшебному Гесперійскому саду, въ которомъ искуствомъ всѣ дерева поютъ и каждая вѣтвь звонитъ колокольчикомъ.— Я прилагаю, для сравненія той и другой, небольшой отрывокъ стиховъ, мною сочиненныхъ. — Знатоки разсудятъ, которая изъ нихъ способнѣе для нашего языка.

Новой.

«Отливъ отъ творческаго духа,
«Спечатокъ съ мудрости лучей,
«Ума согласье, ока, слуха,
«Эмпирной сладости ручей,
«Поэзія, глаголъ небесный!
«Коль плоти бы органы тѣсны
«Могли издать твой полный строй, —
«Я бъ создалъ новый міръ тобой.

Древней.

«Духа отливъ, иль спечатлѣнье,
«Творческой мудрости, свѣта,
«Ока, ума, слуха согласье,
«Сладости райскій источникъ,
«Неба глаголъ, о Стихотворство!
«Естьли бы плоти тѣсный органъ
«Полный твой строй могъ излiять, —
«Новый бы міръ создалъ тобой.»

Кажется мнѣ, естьли я не ошибаюсь, онѣ обѣ хороши, всякая въ своемъ родѣ, по различнымъ вкусамъ; но думаю, что въ послѣдней больше свободы, больше изліянія жара, когда гармонія, на риѳмахъ не запинаясь, течетъ безпрерывно, подобно быстрой рѣкѣ струя за струею.—Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искуства.— Наконецъ приступимъ къ объясненію всѣхъ вышеупомянутыхъ новѣйшихъ лирическихъ пѣсней.

Почтенные посѣтители благоволили слышать разсужденія мои о древней и среднихъ вѣковъ Лирической поэзіи. — По порядку теперь должно бы говорить о новѣйшей, то есть, ***Кантатѣ***, ***Ораторіи***, ***Сонетѣ***, ***Мадригалѣ***, ***Тріолетѣ***, ***Рондо***, ***Серенадѣ***, ***Оперѣ***, ***Балладѣ***, ***Стансѣ***, ***Романсѣ*** и ***простой пѣсни***, въ чемъ они различествуютъ между собою и что въ нихъ сочинители наблюдать должны; но какъ это болѣе относится къ классическому наставленію учениковъ и навело бы, можетъ быть, скуку: то предоставя себѣ такое разсужденіе напечатать вообще въ особой книжкѣ, здѣсь скажется только объ *Оперѣ*, а паче Героической, каковыхъ природныхъ еще почти у насъ нѣтъ, и также о самомъ послѣднемъ степени лиры, т. е. о *простой пѣсни*; въ чемъ оная разнится съ Одою; ибо о сихъ обоихъ родахъ нигдѣ и ничего не случалось мнѣ читать на отечественномъ языкѣ.

ОБЪ ОПЕРѢ.

Опера не есть изобрѣтеніе одной Италіи, какъ многіе думаютъ; но она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть не что иное, какъ подражаніе древней Греческой Трагедіи. — Тамъ также разговоры препровождались музыкою, какъ и въ ней речитативы, только извѣстными тонами (*); равно лирическіе стихи пѣлись хорами, но тоже уставными. Съ другой стороны извѣстно, что въ новѣйшія времена у разныхъ народовъ, къ увеселенію Государей и знатныхъ особъ изобрѣтены и введены въ нее новыя перемѣны, которыя соединены и смѣшаны съ разнотонною музыкою, различными представленіями, чего прежде не было. Долгое время опера была забавою только Дворовъ, и то единственно при торжественныхъ случаяхъ; но какъ бы то ни было, нынѣ уже стала народною. — Поелику же въ ней большая часть есть лирическая, или лучше прямая

(1) Гердеръ въ книгѣ О подкрѣпленіи просвѣщенія, въ VII части, стран. 115.

(2) У него же въ VII части О подкрѣпленіи просвѣщенія стран. 111.

(*) У Грековъ были уставные или узаконенные тоны какъ выше явствуетъ, Фригическій и прочіе.

важная Опера, по образцамъ Метастазія, должна быть вся писана краткими лирическими стихами, или, по крайней мѣрѣ, скандированною прозою, чтобъ удобно было ее сопровождать музыкою; а потому и скажемъ нѣчто объ ней.

Нѣмецкіе Эстетики (*) Италіянскую Оперу и хвалятъ и хулятъ. — Они говорятъ: «Въ семъ «чрезвычайномъ зрѣлищѣ господствуетъ удивительная смѣсь великаго и малаго, прекраснаго «и нелѣпаго.—Въ лучшихъ-де Операхъ видишь и «слышишь такія вещи, которыя или по ничтожности или по несообразности своей, подумаешь, «для того только припутаны, дабы подурачить «зрителей, попужать дѣтей и легкомысленную «чернь. Между тѣмъ посреди сихъ бездѣлицъ, «мелочей и даже обидныхъ для хорошаго вкуса «представленій, встрѣчаешь такія дѣйствія, которыя глубоко проницаютъ сердце, наполняютъ душу восхищеніемъ, нѣжнѣйшимъ состраданіемъ, «сладостнымъ удовольствіемъ, или ужасомъ и «содроганіемъ. Въ одной сценѣ негодуешь на дурачество, въ другой, позабывая себя, берешь «участіе въ дѣйствующихъ, и не вѣришь, какимъ образомъ случилось, что тѣ же, которые «удивляли великодушіемъ, благородною осанкою, «вѣжливымъ обхожденіемъ, вдругъ, какъ шуты «или сумасброды, смѣшною надутостію, уродливымъ кривляньемъ и всякими непристойностями морятъ со смѣху дѣтей и народъ, досаждая «благомыслящимъ, которые для того иногда отъ «нихъ отвращаются. Кромѣ сихъ противоположностей, несоотвѣтственностей и несвязностей въ «игрѣ ихъ, благоразумію и хорошему вкусу противныхъ, усматриваются неудобства и почти «невозможности имѣть совершенную Оперу по «самымъ ея правиламъ. Въ ней требуется разнообразности, чудесности, безпрестанныхъ перемѣнъ, и самой чрезъестественности въ отношеніи природы. Для сего необходимы не токмо «всѣ художества, но и многія науки: Поэзія, «Зодчество, Музыка, Живопись, Перспектива, «Механика, Химія, Оптика, Гимнастика и самая «Философія, для познанія и изъясненія всѣхъ «страстей и тайныхъ изгибовъ сердца человѣческаго, какими средствами удобнѣе его растрогать и привести въ желаемое положеніе. Сего же «безъ превосходныхъ дарованій виртуозовъ сдѣлать не можно. Таланты рѣдки, а ежели и найдутся, то наивеличайшая въ томъ состоитъ «трудность, чтобъ по самолюбію, по самоправію «и по неисчисленнымъ ихъ прихотямъ привести «ихъ къ искреннему единодушію, дабы всѣ дѣйствовали согласно и къ единой цѣли. Всякой «изъ нихъ своимъ искусствомъ хочетъ отличаться, не смотря на то, хотя бы на счетъ другаго, а иногда и на свой собственной, лишь бы, «напримѣръ, Поэту исполинскимъ воображеніемъ, «Пѣвцу чрезмѣрною вытяжкою голоса, Музыканту непонятными прыжками перстовъ, при громкомъ рукоплесканіи заставить выпучить глаза «и протянуть уши такого же вкуса людей, каковы они сами. Отъ того-то бываетъ, что они въ «таковыхъ случаяхъ уподобляются тѣмъ канатнымъ прыгунамъ, которые руки свои принуждаютъ ходить, а ноги вкладывать въ ножны «шпагу, думая, что это чрезвычайно хорошо. Отъ «таковыхъ-то усилій и несообразностей съ прямымъ вкусомъ выходитъ въ Италіянскихъ Операхъ нелѣпица. Вмѣсто пріятнаго зрѣлища — «игрище, вмѣсто восхитительной гармоніи — козлогласшеніе. Наконецъ г-да Нѣмецкіе Эстетики «говорятъ, что великолѣпное сіе представленіе «со всѣмъ превосходствомъ его изобрѣтенія, наилучшимъ изъ всѣхъ представленій быть долженствующее, вымышлено больше по легкомыслію, «нежели благоразумію, потому что оно, съ одной «стороны, совершеннымъ почти быть не можетъ, а «съ другой, въ странныхъ его и шутовскихъ явленіяхъ унижаетъ самыя превосходныя дарованія «и дѣлаетъ изящныя художества презрительными. Самые Италіянцы признаются, что наивеликолѣпнѣйшая Опера нерѣдко бываетъ скучною, даже и несносною, отъ того, что уклонилася отъ природы и не удерживаетъ въ себѣ даже «и тѣни вѣроятія. Естьли же и доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, то только минутное для «того, что увеселяя зрѣніе и слухъ, не питаетъ души. Здравомысліе рѣдко въ операхъ проскакиваетъ. Въ разсужденіи чего, по великимъ на нее «издержкамъ, по безчисленнымъ въ ней трудамъ и «по многообразнымъ сцѣпленіямъ вещей, она подобна той многосложной машинѣ, которая безпрестанно портится. Это, по изрѣченію Августа (*), есть *та рыба, которая не стоитъ золотой уды*, или *игра свѣчи*.—Естьли жъ что и имѣетъ «въ себѣ хорошаго, могущаго принесть нѣкоторую пользу, то единственно то, что подала случай соединить поэзію съ музыкою, какъ водилось то у древнихъ.» — По всѣмъ таковымъ причинамъ Г-да Эстетики желаютъ ея исправленія, дабы возвысить къ той благородной цѣли, какова была Греческая Трагедія, отъ которой она происходитъ.

Я не вовсе намѣренъ соглашаться съ таковымъ строгимъ судомъ, ниже смѣю защищать Оперу. Любимецъ Музъ, имѣющій доступъ къ Государю, уваженіе отъ своихъ подчиненныхъ и благорасположеніе къ себѣ публики, которому бы поручено было въ управленіе сіе важное зрѣлище, и посредственностію онаго можетъ заслужить благодарность. Тонкихъ знатоковъ мало, вкусы различны, — и мигъ удовольствія — шагъ къ блаженству. — А сего уже и много, когда доставится случай нѣкоторымъ и нѣсколько часовъ провести съ пріятностію. — Какое же другое зрѣлище къ сему способнѣе, какъ Опера? — Она, мнѣ

(*) Зюльцеръ въ Словарѣ о словесныхъ наукахъ подъ словомъ *Опера*.

(*) Светоній, Римскій Историкъ, въ жизни сего Императора при случаѣ разсужденія о войнѣ.

кажется, перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. — Скажу болѣе: она есть живое царство поэзіи; обращикъ (идеалъ), или тѣнь того удовольствія, которое ни оку не видится, ни уху не слышится, ни на сердце не восходитъ, по крайней мѣрѣ простолюдиму. Въ ней представляются сраженія, побѣды, торжества, великолѣпныя зданія, хижины, пещеры, бури, молніи, громы, волнующіяся моря, кораблекрушенія, бездны, пламень изрыгающія. Или въ противоположность тому: пріятныя рощи, долины, журчащіе источники, цвѣтущіе луга, класы, зефиромъ колеблемые, зари, радуги, дожди, луна, въ нощи блистающая, сіяющее полуденное солнце; въ ней снисходятъ на землю облака, сидятъ на нихъ боги, летаютъ геніи, являются привидѣнія, чудовища, звѣри, рыкаютъ львы, ходятъ деревья, возвышаются и исчезаютъ холмы, поютъ птицы, раздается эхо. Словомъ, видитъ предъ собою волшебный, очаровательный міръ, въ которомъ взоръ объемлется блескомъ, слухъ гармоніею, умъ непонятностію, и всю сію чудесность видишь искуствомъ сотворенну, а притомъ въ уменьшительномъ видѣ, и человѣкъ познаетъ тутъ все свое величіе и владычество надъ вселенной. Подлинно, послѣ великолѣпной Оперы находишься въ нѣкоемъ сладкомъ упоеніи, какъ бы послѣ пріятнаго сна, забываешь всякую непріятность въ жизни. Чего же желать? Касательно же моральной ея цѣли, то что препятствуетъ возвести ее на ту же степень достоинства и уваженія, въ коемъ была Греческая Трагедія? — Извѣстно, что въ Аѳинахъ театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддерживала долгое время великодушныя чувствованія своего народа, провосходство ея надъ варварами доказывающія. Много говорено и писано, что слава есть страсть душъ благородныхъ; что ни чѣмъ другимъ героевъ раждать и сердцами ихъ располагать не можно, какъ ею одною. Великій Суворовъ развѣдывалъ, что о немъ говорятъ ямщики на подставахъ, крестьяне на сходкахъ.—Отъ гражданъ они получаютъ извѣстіе о городскихъ потѣхахъ, если въ нихъ сами не случатся. Ни чѣмъ такъ не поражается умъ народа и не направляется къ одной мѣтѣ Правительства своего, какъ таковыми приманчивыми зрѣлищами. Вотъ тонкость политики Ареопага и истинное поприще оперы. Нигдѣ не можно лучше и пристойнѣе воспѣвать высокія сильныя оды, препровожденныя арфою въ безсмертную память героевъ отечества и въ славу добрыхъ государей, какъ въ Оперѣ на театрѣ. Екатерина Великая знала это совершенно. Мы видѣли и слышали, какое дѣйствіе имѣло героическое музыкальное представленіе, сочиненное Ею въ военное время подъ названіемъ *Олегъ*, въ которомъ одна строфа изъ 16-й Оды г-на Ломоносова была воспѣваема:

«Необходимая судьба
«Во всѣ народы положила,
«Дабы военная труба
«Унылыхъ къ бодрости будила.»

Одинъ стихъ въ такомъ представленіи можетъ произвести слѣдствія, подобныя извѣстному слову, сказанному Александромъ Великимъ (*) Кассандру.

Но оставимъ политику; сообщимъ нужныя замѣчанія для желающихъ сочинять Оперы.

По принятому издревле обыкновенію, ради своей чудесности, Опера — разумѣется трагическая — почерпаетъ свое содержаніе изъ языческой миѳологіи, древней и средней исторіи. — Лица ея: боги, герои, рыцари, богатыри, феи, волшебники и волшебницы.

У насъ изъ Славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсень, древнихъ и народныхъ, писанныхъ и собранныхъ Г-дами Поповымъ, Чулковымъ, Ключаревымъ и прочими въ такъ названныхъ книгахъ: Досугахъ, Славянскихъ сказкахъ и Пѣсенникахъ, много заимствовать можно чудесныхъ происшествій. Сочинитель Оперъ и трагикъ могутъ одно и то же содержаніе обработывать, представляя знаменитыя дѣйствія запутанныя противоборющимися страстями, которыя оканчиваются какими либо поразительными развязками торжественныхъ или плачевныхъ приключеній. — Сочинитель оперы отличается тѣмъ только отъ трагика, что смѣло уклоняется отъ естественнаго пути и даже совсѣмъ его выпускаетъ изъ виду; ослѣпляетъ зрителей частыми перемѣнами, разнообразіемъ, великолѣпіемъ и чудесностію приводитъ въ удивленіе, не смотря на то, естественно ли то, или неестественно, вѣроятно или невѣроятно. – Въ трагическомъ родѣ предпочитаетъ всѣмъ другимъ высокое трогательное, и изъясняется сильнымъ чувствомъ, а не словами одними; въ планѣ и въ дѣйствіяхъ избѣгаетъ умничества, держится простоты, въ ходѣ не спѣшитъ чрезъ мѣру, зная, что противно то свойству пѣнія, еще того болѣе бережется отъ продолжительной и трудной развязки, почитая, что это дѣло ума, и нужно въ Трагедіи, а не въ Оперѣ, гдѣ надобно болѣе чувства, въ продолженіе котораго, что говоритъ, что дѣлаетъ, то и выражаетъ языкомъ краткимъ, чистымъ. Пѣсни, или самыя оды для хоровъ, когда бы пристойность и случай позволили пѣть ихъ, должны быть ненадуты, просты, сильны, живымъ наполнены чувствованіемъ. Самой первой степени Поэтъ, ежели онъ въ слогѣ своемъ не чистъ, тяжелъ, единообразенъ, единозвученъ, не умѣетъ изгибаться по страстямъ и облекать ихъ въ сердечныя чувствованія, — къ сочиненію оперы негодится. Не позаимствуютъ отъ него ни выразительности, ни пріятности лицедѣй и уставщикъ

(*) Плутархъ въ жизни Александра Великаго говоритъ Кассандру; «*Ты со временемъ почувствуешь, ежели угнетенъ народъ.*» Сей выговоръ во всю жизнь пребывалъ въ его памяти, такъ что онъ по смерти его, увидя въ первой разъ статую сего Монарха, вострепеталъ отъ ужаса.

музыки. Сочинитель Оперъ непремѣнно долженъ знать ихъ дарованія и примѣняться къ нимъ, или они къ нему, дабы во всѣхъ частяхъ Оперы соблюдена была гармонія. Комическій оперистъ, примѣняясь къ сему, заимствуетъ содержанія свои изъ романовъ, изъ общежитія, шутитъ благородно, болѣе мыслями, нежели словами, избѣгая площадныхъ, а паче перековеркиванія ихъ по выговору иностранцевъ. Италіянцы обильны и тѣми и другими, а Французы болѣе комическими Операми, особливо маленькими, называемыми у нихъ Оперетками. У насъ важныхъ Оперъ, сколько я знаю, только двѣ, сочиненныя Г-мъ Сумароковымъ: *Цефалъ и Прокрисъ*, *Пирамъ и Тизбе*. — Есть переведенныя изъ Метастазія и другихъ иностранныхъ; но онѣ играны на тѣхъ языкахъ, а не на Рускомъ. Находится нѣсколько забавныхъ, сочиненія Г-дъ двухъ Княжниныхъ, Хераскова, Князя Горчакова, Князя Шаховскаго, Попова и прочихъ; но всѣмъ предпочитается Г-на Аблесимова *Мельникъ*, по естественному его плану, завязкѣ и языку, простому.— Выше видно, что покойная Императрица удостоивала сей родъ поэзіи своимъ занятіемъ.—Она любила Русскій народъ, и желала пріучить его и на театрѣ къ собственной его идіомѣ (*).

О ПѢСНѢ.

Пѣсня родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ. Прежде нежели лепеталъ, издавалъ онъ гласъ. О семъ уже сказано въ самомъ началѣ сего лирическаго разсужденія. Россійскія старинныя пѣсни раздѣляются на три статьи; на протяжныя, плясовыя и среднія. О характерѣ, мелодіи и сходствѣ ихъ съ древними Греческими видно въ предисловіи покойнаго Тайнаго Совѣтника и кавалера Львова, при книгѣ, изданной имъ въ 1790 году о народномъ Русскомъ пѣніи, гдѣ всякаго содержанія пѣсни, собранныя стараніемъ его, положены на ноты придворнымъ Капельмейстеромъ Прачемъ. (**) — Здѣсь скажемъ нѣчто о ихъ стихотвореніи: оно просто, ближе къ природѣ, нежели къ искуству; отличается большею частію въ началахъ пѣсень, едвали не отъ всѣхъ иностранныхъ, отрицательными сравненіями и сокращенными прилагательными именами, какъ-то: *не ясенъ соколъ по поднебесью, черкъ воронъ*, вмѣсто черный, что придаетъ ему нѣкоторую особенную загадку, важность и силу; не во всѣхъ есть связь; большая часть безъ риѳмъ; разнаго рода и мѣръ стиховъ; а не такъ какъ нынѣ пишутся съ риѳмами, одними почти трехъ-стопными ямбами и хореями. Вотъ ихъ спечатокъ, или подобіе древнимъ: цыганскія, по быстротѣ слога и по приговоркѣ какой нибудь одной рѣчи, точно суть диѳирамбы; подблюдныя по гаданіямъ, ихъ Клиноды; святошныя, по игрѣ (*), какъ нашъ: *живъ, живъ курилко*, и такъ далѣе. Нельзя сказать, чтобъ въ нихъ и поэзіи не было, хотя не во всѣхъ. Находятся такія, въ которыхъ видно не только живое воображеніе дикой природы, точное означеніе времени, трогательныя нѣжныя чувства; но и философическое познаніе сердца человѣческаго. Такова есть пѣсня въ сказанной книгѣ подъ № 3. Находятся такія, кои веселую фантазію въ веселыхъ видахъ изъявляютъ, напримѣръ, подъ № 15. Есть показывающія естественное вѣрное подобіе, какъ подъ № 34. Наконецъ не недостаетъ и такихъ, въ которыхъ показывается сравненіями нѣжнѣйшая въ своемъ родѣ высокость мыслей, проницающая душу; также и такихъ, которыя мрачными картинами и мужествомъ во вкусѣ Оссіяна возбуждаютъ къ героизму. Первая изъ сихъ двухъ послѣднихъ подъ № 29. Скажемъ вкратцѣ ея содержаніе: Любовникъ проситъ позволенія у прежней своей любовницы жениться, увѣряя ее, что онъ ее будетъ любить по прежнему. Она ему отвѣтствуетъ:

«Ахъ, не грѣть солнцу жарче лѣтняго,
«Не любить другу больше прежняго.»

Вторую прилагаю подлинникомъ:

«Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
«А злодѣй тоска въ ретиво сердце;
«Не сходить туману съ синя моря,
«Ужъ не вытти кручинѣ изъ сердца вонъ. —
«Не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ полѣ,
«Курится огонечикъ малешенекъ;
«У огонечка разосланъ шелковый коверъ,
«На коврикѣ лежитъ удалъ доброй молодецъ,
«Прижимаетъ бѣлымъ платомъ рану смертную,
«Унимаетъ молодецкую кровь горячую.
«Подлѣ молодца стоитъ тутъ его доброй конь.
«И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
«Будто слово хочетъ вымолвить хозяину:
«Ты вставай, вставай, удалой доброй молодецъ!
«Ты садися на меня на своего слугу,
«Отвезу я добра молодца въ свою сторону,
«Къ отцу, къ матери родимой, къ роду, племени,

(*) Черта характера, нрава, или обыкновенія частнаго человѣка, или цѣлаго народа.

(**) Нѣкто Матвѣй Гутри, заимствуя отъ Львова, написалъ и напечаталъ на Французскомъ языкѣ разсужденіе о Русскихъ пѣсняхъ, сказавъ, что взялъ оное отъ Прача; а какъ Прачъ совсѣмъ не зналъ Русскаго языка и не могъ разумѣть ни характера, ни красотъ тѣхъ пѣсень, а клалъ только слова на ноты по объявленію Львова: то изъ сего только то можетъ намъ служить къ замѣчанію: какъ Г-да иностранцы въ самыхъ безделицахъ затмѣваютъ вездѣ способности и славу Русскихъ.

(*) Игра древняя Греческая, учрежденная въ память похищенія Прозерпины Плутономъ, гдѣ съ зажженными лучинами или головнями бѣгали и искали похищенной.

«Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ.
«Какъ вздохнетъ удалой доброй молодецъ;
«Подымалась у удалаго его крѣпка грудь;
«Опускались у молодца бѣлы руки,
«Растворилась его рана смертная,
«Пролилась ручьемъ кипячимъ кровь горячая. —
«Тутъ промолвилъ доброй молодецъ своему коню:
«Охъ ты конь мой, конь, лошадь вѣрная!
«Ты товарищъ моей участи,
«Доброй пайщикъ службы Царскія:
«Ты скажи моей молодой вдовѣ,
«Что женился я на другой женѣ;
«Что за ней я взялъ поле чистое,
«Насъ сосватала сабля острая,
«Положила спать калена стрѣла.

Сочинен. неизвѣстнаго.

Словомъ: въ Рускихъ древнихъ народныхъ пѣсняхъ много любопытнаго разнообразія въ картинахъ и въ слогѣ, свойственныхъ нашей поэзіи. — Можно о семъ читать съ великою основательностію писанное Г-мъ Шишковымъ въ разговорахъ его о Словесности, напечатанныхъ въ прошломъ 1811 году. Но относительно древнихъ пѣсней, изданныхъ Г-мъ Ключаревымъ, о коихъ выше при описаніи Романса упомянуто, то въ нихъ нѣтъ почти поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ весьма не многихъ. Онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющее. А какъ разсказы таковыхъ побѣдъ почти всегда оканчиваются надъ Татарами, то и должно заключить изъ сего, что по освобожденіи уже отъ ига ихъ, онѣ сочинены какимъ нибудь однимъ человѣкомъ, а не многими, чѣмъ и доказывается не вкусъ цѣлаго народа. Примѣчанія жъ въ нихъ только то достойно, что видны при нѣкоторыхъ случаяхъ повторенія, какъ въ Гомеровыхъ пѣсняхъ, того же самаго и тѣми же точными словами, что уже выше было сказано. Но теперь станемъ говорить о нынѣшнихъ пѣсняхъ: онѣ заимствованы отъ Еропейцевъ Ежели не взять появленія ихъ со времени Тредьяковскаго, когда онъ перевелъ нѣсколько Французскихъ и небольшую поэму, называемую: *Ѣзда въ островъ любви*, также сочнилъ нѣсколько своихъ пѣсень, будучи еще въ Гамбургѣ 1730 года, какова напримѣръ:

«Весна катитъ,
«Зиму валитъ,
«Поютъ птички
«Со синички,
«Хвостомъ машутъ и лисички,

то и нельзя, кажется, происхожденія новыхъ нашихъ пѣсень отнести далѣе времени Петра Великаго, когда сблизилъ онъ насъ съ Европою. Царствованіе Императрицы Елисаветы вѣкъ былъ пѣсень. Она сама благоволила снисходить на сію забаву. Для показанія тогдашняго вкуса, прилагаю ниже сего пѣсню, сколько по преданію извѣстно, сочиненную собственною ея Особою. Таковыя вообще пѣсни, разумѣется изящныя, или лучшаго разбора людей, по разсужденію Эстетиковъ, не что иное, какъ мгновенный взглядъ на природу пріятную, нѣжную, веселую, игривую, въ которой наслаждается человѣкъ блаженствомъ жизни; или вопреки тому, въ несчастныхъ случаяхъ сокрушается горестію, уныніемъ, тоскою, печалію и далѣе. Предлогъ пѣсни, выраженіе и ходъ ея, приличенъ ея содержанію. Онъ легокъ, естественъ, простъ. Въ пѣсни господствуетъ полное, живое чувство, какъ и въ Одѣ, но только гораздо тише, не съ такимъ возвышеніемъ и распространеніемъ. Пѣсня назначена природою для пѣнія; то и должна она быть сладкозвучною, способною къ музыкѣ и къ повторенію какимъ либо инструментомъ. Въ пѣсни ни радостное, ни горестное, ни забавное, ни издѣвочное ощущеніе не преступаетъ правилъ благопристойности и границъ общежитія. Знатоки говорятъ, что между пѣснею и Одою трудно положить черту различія. Но естьли оно и существуетъ, то основывается не на чемъ другомъ, какъ на постепенности. Для разбора же подобныхъ степеней въ сочиненіяхъ надобенъ весьма проницательный умъ и крайне тонкое чувство, чтобъ опредѣлить ихъ рѣшительную разность. Въ Одѣ и пѣснѣ столь много общаго, что та и другая имѣютъ право на присвоеніе себѣ обоюднаго названія; однако же не не можно указать и между ими нѣкоторыхъ оттѣнокъ, какъ по внутреннему, такъ и по внѣшнему ихъ расположенію. По внутреннему: пѣсня держится всегда одного прямаго направленія, а Ода извивчиво удаляется къ околичнымъ и побочнымъ идеямъ. Пѣсня изъясняетъ одну какую либо страсть, а Ода перелетаетъ и къ другимъ. Пѣсня имѣетъ слогъ простой, тонкій, тихій, сладкій, легкій, чистый, а Ода смѣлый, громкій, возвышенный, цвѣтущій, блестящій и не столько иногда обработанный. Пѣсня долгое время иногда удерживаетъ одно ощущеніе, дабы продолженіемъ онаго болѣе напечатлѣться въ памяти; а Ода разнообразіемъ своимъ приводитъ умъ въ восторгъ и скоро забывается. Пѣсня сколько возможно удаляетъ отъ себя картины и витійство: а Ода, напротивъ того, украшается ими. Пѣсня чувство, а Ода жаръ. — По внѣшнему составу: пѣсня имѣетъ сходные съ первымъ, одинакіе и ровные куплеты; а Ода иногда разномѣрныя и неравнострочныя строфы. Пѣсня во всякомъ куплетѣ содержитъ полный смыслъ, и окончательные періоды: а въ Одѣ не рѣдко летитъ мысль не токмо въ сосѣдственныя, но и въ послѣдующія строфы. Пѣсни у насъ пишутся по большой части хореями, или другими метрами, но только трехъ-стопными, или двухъ-стопными стихами, удобными полагаться на музыку; а Оды

для чтенія, наиболѣе четырехъ-стопными ямбами, громогласные звуки издающими, по крайней мѣрѣ такъ почти всегда писали Г-да Ломоносовъ и Сумароковъ, послѣдуя Нѣмцамъ и Французамъ. Пѣсня имѣетъ одинъ напѣвъ, или мелодію, въ разсужденіи единообразнаго ея куплетовъ расположенія и мѣры стиховъ, которые легко могутъ затверживаться наизустъ, и вновь возраждаться въ памяти своимъ голосомъ; а Ода, по неравнымъ своимъ строфамъ и разносильнымъ выраженіямъ, въ разсужденіи разныхъ своихъ предметовъ, разною гармоніею препровождаться долженствуетъ и не легко затверживается въ памяти. Пѣсня должна украшаться неискуственною простотою, гладкотекущими стихами и богатыми риѳмами; а Ода довольствуется однимъ механическимъ движеніемъ и просодіею, не брежа слишкомъ о звонкихъ риѳмахъ, или вовсе пишется безъ оныхъ; но печется только о богатствѣ, высокости мысли и яркой выразительности. Въ пѣсни царствуетъ пріятность, а въ Одѣ пареніе. Пѣсня ни какой шероховатости, ни какой погрѣшности не терпитъ: а въ Одѣ иногда, какъ въ солнцѣ, небольшія пятна извиняются. Пѣсня вообще убѣгаетъ важныхъ. Славянскихъ словъ, смѣлыхъ оборотовъ и всякихъ Лирическихъ украшеній, довольствуяся одною только ясностію и искуственною простотою; а Ода безъ Славянскаго языка, извитій и глубокомыслія почти обойтиться не можетъ. Наконецъ, въ пѣсни все должно быть естественно, легко, кратко, трогательно, страстно, игриво и ясно, безъ всякаго умничества и натяжекъ. Превосходный лирикъ долженъ иногда уступить въ сочиненіи пѣсни, вѣтреной, веселонравной дамѣ. Французы въ семъ родѣ поэзіи признаются во всей Европѣ лучшими искусниками. Особливо ихъ любовныя, забавныя, застольныя пѣсни, по вкусу пріятности своей, едвали не достигли совершенства. Множество и у насъ подобныхъ, иныя можетъ быть и не хуже, что можно видѣть во всѣхъ нашихъ пѣсенникахъ, гдѣ находятся пѣсни на всякіе случаи. Лучшіе пѣсней сочинители у насъ почитаются: Г-да Нелединскій, Дмитріевъ, Поповъ, Богдановичъ, Капнистъ, Карамзинъ, Князь Горчаковъ и другіе, которыхъ имена предоставляю себѣ показать, а особливо отличныхъ лириковъ, въ номенклатурѣ. Въ заключеніе вотъ та пасторальная пѣсня, которая относится преданіемъ къ помянутой Высочайшей Сочинительницѣ:

«Чистый источникъ всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,
«Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,
«Ты и рощъ всѣхъ, ахъ! и меня счастливѣй,
«Горъ, долинокъ, и кустовъ;
«Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются
«По сыпучему песку,
«И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются
«По зеленому лѣску. —
«Нѣтъ, не тѣмъ; но прекрасно умывала
«Нимфа что лице тобой,
«Съ брегу бѣлыя ноги опускала
«И токъ украшала твой.
«Тутъ и алыя розы устыдились,
«Зря ланиты и уста,
«И лилеи къ ней на грудь преклонились,
«Что бѣлѣй ихъ красота.
«О коль счастливы желтыя песчинки,
«Тронуты ея стопой!
«О коль пріятны легкія травинки,
«Смятыя ея красой!
«Тише же нынѣ, тише протекайте
«Чисты струйки по песку,
«И слѣдовъ съ моихъ главъ вы не смывайте,
«Смийте лишь мю тоску.

———

РАЗСКАЗЪ ТЕРАМЕНА.

Едва мы за собой оставили Трезенъ,
На колесницѣ онъ бывъ, стражей окруженный,
Стопами тихими, уныло провожденный,
Задумчиво сидя, къ Меценѣ путь склонялъ,
И пущенныхъ изъ рукъ возжей не напрягалъ.
Прекрасные кони, бывъ прежде горделивы,
По голосу его и кротки и ретивы,
Шли преклоня главы, и тускомъ ихъ очей
Казались сходны съ нимъ печалію своей.
Тутъ вдругъ ужасный шумъ сквозь моря влагу бурну
Возсталъ и возмутилъ всю тишину лазурну,
Стонъ гулами изъ нѣдръ подземныхъ отразясь,
Вкругъ глухо отвѣчалъ на волнъ ревущихъ гласъ;
Проникъ намъ мразъ сердца, застыла кровь симъ дивомъ,
У смѣтливыхъ коней возстали гривы дыбомъ;
Изъ черныхъ безднъ тогда, средь блѣдна лона волнъ
Поднявшися, возсталъ огромный водный холмъ;
Предъ нимъ бѣгущій валъ, скача, плеща, стремился,
И въ пѣнистыхъ клубахъ въ немъ чудный звѣрь явился:
Широкое чело, рогастое грозитъ,
Какъ мѣдна, чешуя блестя на немъ горитъ,
Подводный былъ то волъ, или драконъ ужасный,
Крутя, горбя хребетъ, и ошибъ вьющій страшный,
Завылъ, — и со бреговъ вдругъ отгласился вой.
Померкли небеса; его зря подъ собой,
Земля содрогнулась, весь воздухъ заразился,
Принесшій валъ его вспять съ ревомъ откатился;
Бѣжало въ страхѣ все, не смѣя противъ стать,
И всякъ искалъ себя въ ближайшемъ храмѣ спасть;
Но только Ипполитъ, достойный сынъ героя,
Коней остановя, какъ бы среди покоя,
Беретъ свое копье, къ чудовищу летитъ,
И въ чревѣ язву имъ широкую творитъ.
Страшилище, съ копья вспрянувъ, остервенѣло,
Но падши подъ коней трепещущихъ ревѣло,
Каталось по песку, зѣвъ рдяный разверзавъ,
Рыгало кровь и дымъ, и пламенемъ дыхавъ,
Коней страшило, жгло! Тутъ кони обуяли,
И въ первый разъ еще внимать его престали.
Не слушаютъ, летятъ, сталь въ зубы закуся,
Кровь съ пѣной съ броздъ ліютъ, чрезъ все его неся,
И даже, говорятъ, что въ страшномъ семъ разскакѣ
Богъ нѣкій ихъ чрева бодалъ во пыльномъ мракѣ;
Съ размаху врынулась упряжка между скалъ,
Ось хряснула сломясь, и твой безстрашный палъ
Со колесницы сынъ, ее зря раздробленной,
Помчался въ слѣдъ коней возжами заплетенной.
Прости мнѣ, государь, мой плачъ! Сей страшный видъ
По гробъ мой жалости слезъ токи источитъ!
Самъ видѣлъ, государь, иначе бъ не повѣрилъ,
Твой влекся сынъ коньми, которыхъ онъ лелѣялъ;
Хотѣлъ остановить, но гласомъ ихъ пугалъ,
Поколь самъ, кровью весь облившись, трупомъ сталъ.
Стенаньми нашими окрестность оглашалась,
Но ярость конская отнюдь не уменьшалась.
Остановилися ужъ сами близъ гробницъ,
Гдѣ древнихъ прахъ царей почіетъ и царицъ.
Бѣгу туда, воплю, и стража вся за мною
Истекша кровь струей вела насъ за собою,
Покрыты камни ей, обвитъ власами тернъ,
По коему онъ былъ порывисто влеченъ.
Пришедъ, его зову. Онъ, длань простря мнѣ блѣдну,
Открылъ полмертвый взоръ и ниспустилъ духъ въ бездну,
Сказавъ: «Безвинно рокъ мои отъемлетъ дни.
«Арисію по мнѣ, любезный другъ, храни.
«И выдетъ мой отецъ когда изъ заблужденья,
«Къ сыновней злой судьбѣ окажетъ сожалѣнья,
«Проси печальну тѣнь спокоилъ чтобъ мою,
«Ко плѣнницѣ явилъ щедроту бы свою,
«И ей бы возвратилъ» . . . . . При сихъ словахъ мгновенно
Оставилъ намъ герой лишь тѣло обагренно,
Печальнѣйшій предметъ свирѣпости боговъ,
Кого бы не позналъ и самый взоръ отцовъ.

———

ОДЫ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ И СОЧИНЕННЫЯ

ПРИ

ГОРѢ ЧИТАЛАГАРѢ,

1774.

ОДА НА ЛАСКАТЕЛЬСТВО.

Какое священное пореваніе, кое божество меня одушевляетъ, и коль сильнѣйшій огнь разжигаетъ мои мысли? Пріиди ко мнѣ, о Муза! да паки тобой пріиму я лиру и послѣдую твоимъ красотамъ. Поборствуй мнѣ, доблественный Алкидъ! ты, котораго безстрашная бодрость низлагала ужаснѣйшихъ чудовищъ! Въ подобіе тебѣ, яко отмститель вселенной, еще съ опаснѣйшимъ чудовищемъ и я долженствую братися.

Вихри, разящіе жестокостію своею корабли о каменья, моря покрытыя въ кораблекрушеніе тысящами дерзновенныхъ мореходцовъ, вѣтры творящіе тлетворнымъ своимъ дыханіемъ изъ земли опустошенной гнусное позорище Атропы, не такъ страшны, какъ стрѣлы ласкательства, которыя вредятъ сердца героевъ.

Нравное ласкательство есть чадо собственнаго своего прибытка. Притворство, воспитавшее оное даровало ему убранство добродѣтелей. Оно присѣдя непрестанно при подножіяхъ трона, оиміамомъ·тщеты окружаетъ оный, и упоеваетъ имъ мужей и царей великихъ. Личиной учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживыхъ его потаканій.

Тако клубящаяся змія, лежащая сокровенно во злакѣ, приуклоняетъ кичливую главу свою предъ безопаснымъ Африканцомъ. Она ползетъ, дабы напасть, и вредъ желающей угрызть несется подъ сѣнистоствіемъ и подъ цвѣтами, или такожъ неосторожнаго путника, вмѣсто истиннаго свѣта, прельщаютъ огни блудящіе, мгновеннымъ своимъ блистаніемъ.

Коварный льстецъ скрываетъ подъ обманчивою сладостію своихъ безпрестанныхъ хвалъ найвреднѣйшій ядъ. Уста его лживы и обманчивы; языкъ его стрѣла изощренноубійственная, внезапно прилетающая, попадающая и пронзающая, и ·добно, яко лютое пѣніе Сиренъ, съ удовольствіемъ смерть приноситъ.

Небо! какое преображеніе дѣлаетъ изъ трости кедръ, изъ тернія розу, изъ Минотавра красавца! Мевій тотчасъ сдѣлался Виргиліемъ, Терситъ явился соперникъ Ахиллесовъ, и все стало одно съ другимъ смѣшенно. Государи! научайтесь познавать ласкательство: оно есть то, котораго обоженія пороки ваши творятъ добродѣтелями.

Часто его низкость благоговѣетъ предъ отвращенія достойнымъ тираномъ, и славословя его мерзости, продаетъ за дорогую цѣну свое ему благоуханіе. Высоковышное счастіе, измѣна и благополучная дерзость находятъ себѣ почитателей. Ежели бы Картуша украсила корона, или Катилина былъ на престолѣ, то не имѣли ли бъ и они своихъ ласкателей?

Когда разгоряченная кровь моя, изъ жилъ въ жилы стремящаяся, изъ скипа возпламеняется, и скоропостижный огонь приноситъ біющемуся моему сердцу, когда потемнѣнный мой разумъ уже оставляетъ меня моему бѣснованію, вотще тогда

безстыдный льстецъ, обманчивымъ своимъ краснорѣчіемъ, будетъ выхвалять и цвѣтъ лица моего, и совершенство моего здравія.

Вмѣсто того, чтобъ скаредное ласкательство благообразило наши пороки, то изкажетъ сіе преступное богопочтеніе у витязей славу. Люди могутъ насъ хвалить или хулить; но мы остаемся таковы, каковы есьмы; немощны или здравы; откровенны или скрытны. Нѣтъ, не витійство человѣковъ, но гласъ совѣсти моей одобряетъ мои добродѣтели.

Людовикъ, который потрясъ землю, котораго руки сильно ужасалися, былъ очень великъ на войнѣ; но весьма малъ на театрѣ. Всѣ знаки чести, посвященные Государями собственной ихъ памяти, дѣлаютъ тріумфы ихъ ненавистными, и я не познаю уже гордаго разорителя Вавилона на его престолѣ, когда онъ велѣлъ себя нарещи сыномъ божіимъ.

Востаните отъ упіенія вашего, Государи, Князи, Мудрецы и Герои, и побѣдите слабость вашу, владычественные лавры ваши дѣлающую поблекшими. Воззрите на море заблужденія, въ которое изъ суеты самолюбіе ваше васъ низвергаетъ. Мужайтеся, бодрствуйте противъ ласкателей и разбейте невѣрное зеркало, сокрывшее предъ вами правду.

О! яснаблещущая истина, дщерь безсмертная неба! снесися къ симъ мѣстамъ изъ лучезарнаго твоего жилища. Свѣтъ твое наслѣдіе; разсыпь туманныя облака, чѣмъ гордость помрачаетъ нашъ разумъ; да прейдетъ она яко мгла густая, исчезающая отъ тихихъ лучей грядущаго на горизонтъ утренняго солнца.

Вельможи, послѣдующіе примѣрамъ Цинея и Морнея! вы единственно заслуживаете храмъ, посвященный именамъ великимъ. Ваши тонкія укоризны при напоминовеніи, умѣютъ нравиться, и вы суть одни друзья справедливые. Ласкатели! не употребляйте теперь болѣе вашей лести, не думайте, чтобъ вы меня обмануть могли. Я познаю уже ваши непріязненныя стрѣлы.

Цезаріонъ, другъ истинный и нѣжнѣйшій нежели Пиридъ! въ тебѣ нахожу я примѣръ изъ первыхъ всѣхъ добродѣтелей. Обличай дерзновенною дружбою твоею безослабленно мои заблужденія и пороки. Такъ очищаетъ и раздѣляетъ злато въ горнилѣ огнь отъ прочихъ низкихъ металловъ.

ОДА

НА ПОРИЦАНІЕ.

Какое привидѣніе, какое страшилище непрестанно меня преслѣдуетъ! Оно убѣжало отъ рубежа царства тѣней, и взоръ его грозитъ погубленіемъ. Рѣки горести и желчи текутъ изъ оскорбительнаго рта сего блѣднаго и свирѣпаго чудовища. Оно не имѣетъ другія плоти, кромѣ лжи, обмана, клеветы, лести и вѣроломства.

Я познаю тебя по подлымъ изворотамъ лица твоего, варварское порожденіе зависти. Я познаю тебя по неутолимой никогда алчбѣ безстыдства и предательства твоего, по зміямъ твоимъ и скорпіямъ, воздоеннымъ твоею лютостію, по покрывалу твоему, по ложному гласу трубы твоей, сему твоему орудію недоброхотства.

Между тѣмъ какъ угасшій фіялъ мрачнаго твоего подозженія раздуваешь ты вновь и отрясаешь его близъ престоловъ, то въ куреніи семъ исчезаютъ оныя. Уже къ облежимымъ къ нимъ тобою не доходятъ болѣе жалобы невинности, коея были они покровители. Тотчасъ сами они становятся тебѣ въ порокахъ сопреступниками, тебѣ служатъ и угнетаютъ все, что только гонитъ твоя ненависть.

Личиною притворства прикрываешь ты свое скверннообразіе. Продерзость скареднаго твоего языка возстаетъ даже на самихъ Государей. Съ ужаснымъ ревомъ во всѣхъ чертогахъ царскихъ слышно рыканіе твоей наказанія достойной зависти. Ты есть единственная душа притворныхъ, преобращающая смѣющіеся ихъ дни въ печальныя нощи.

И такъ наполненный твоими поношеніями быстротекущій слухъ заражаетъ своею лютостію всю вселенную. Европа, жадная къ новостямъ

глотаетъ дымъ, изрыгаемый твоимъ ядовитымъ дыханіемъ. Вверженная тобою въ заблужденіе, почитаетъ она прорицалище лжи за излагателя правды.

Ржа твоя обыкновенно пристаетъ болѣе къ именамъ славою великимъ. Сіяніе ихъ вящшей красоты неудобосносно твоимъ мрачнымъ взорамъ. Демонъ ужаса, которымъ ты одержима, очерняетъ Цесареву славу у Никомеда и не щадитъ Сципіона. Ты изгоняешь Велисарія въ бѣдность и преобращаешь его лавры своимъ волшебствомъ въ глазахъ народа въ терніе.

Гдѣ были великія заслуги, на которыхъ ты когда не віяла? Не гонишь ты Терсита, но Ахиллеса заглушаетъ твой ревъ. Свирѣпые твои сообщники вооружалися въ Греціи острацизмомъ, истребити всѣхъ героевъ. Великіе только люди суть твоя жертва, и еще дымится кровь оныхъ на темныхъ олтаряхъ твоихъ, пролитая твоими беззаконіями.

Въ безумномъ упіеніи твоемъ Люксембургъ былъ обвиненъ чарованіемъ. Евгеній въ младости своей носилъ знаки зубовъ твоихъ. Колбертъ, сей достопочтенный мужъ совѣта, и теперь еще стыдитъ тѣмъ Францію, чѣмъ ты его поклепала. Тобою даже статуя великаго Людовика въ минуту послѣ его смерти была обезчещена.

Кинжалъ твой, прободая честь, возставляетъ бранниковъ. Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ. Преодолѣя всѣ препятствія, по многимъ дивамъ имя его наконецъ будетъ яду твоему противный ядъ. Но какъ ты ни на кого болѣе не преогорченна, лишь на людей великихъ, то въ твоемъ мракѣ чрезмѣрное ихъ сіяніе ослѣпляетъ паче глаза смертныхъ.

Потому, претерпѣвъ твою лютость, не боюся я болѣе твоихъ намущеній, для того, что пускаемыя тобою стрѣлы всегда попадаютъ въ добродѣтель. Напрасно ставить противъ тебя споны: сама Минерва, вооруженная Медузой, не могла обратить тебя въ камень. Одно благодѣяніе времени откроетъ твою злость и оправдаетъ насъ передъ свѣтомъ.

Вы же, которыхъ чудовище сіе воскормило и воспитало, излившіе пагубными языками своими злость его, соустроевайте свой хулительной гласъ, органъ подлѣйшаго обмана, топкимъ клеветамъ его, возмущайте паче, ежели можете, и всѣ бездны моря, ничто не разрушитъ глубокаго моего покою.

Между тѣмъ какъ въ прекрасныхъ вертоградахъ нашихъ, съ цвѣтовъ перелетая на цвѣты, для своего нектару собираетъ пчела сладость, то въ то же время, безплодной рой шерстневъ, для собиранія своего яду, высасываетъ со вредныхъ травъ горесть. Когда къ трудолюбивому царству пчелъ припалзываютъ ненавистные шерстни, тогда царица оныхъ взвивается къ облакамъ.

Всегда полезная невинность, тако счастливая и спокойная, довольная своею судьбиною, трудится для блага человѣческаго рода и видитъ въ варварскихъ рукахъ твоихъ остріе желѣза, подстрекаемое до послѣдняго слѣда, разрушить новые памятники, поставленнные премудростію и блаженствомъ.

Стократно видѣлъ я, что твои неблагодарныя руки, дабы тѣмъ болѣе повредить живущихъ, ласкаютъ умершихъ. Пороки твои обитаютъ въ нощи, ибо ты отвращаешься дня, который ихъ изобличить можетъ. Подобно печальнымъ вранамъ, кои на кладбищахъ мертвыхъ собираются въ кипарисныхъ дебряхъ, и своимъ крикомъ пужаютъ тѣней.

Ядовитая гидра! ты, которой угрызеніе зміино, жалитъ для общаго добра рожденнаго принца, о дикой, кровожаждущій тигръ! я отказываюсь труда, не заслуживающаго благодарности умягчить твои свирѣпые нравы: прежде Аравитянинъ, подъ горящимъ поясомъ, укротитъ всѣхъ Африканскихъ чудовищъ.

Будь кто соревнитель Виргиліевъ и царствуй на горѣ двухолмистой, но Зоилъ тебя перехулитъ и сопхнетъ со Геликона. Дерзостный орелъ, вознесшій свое пареніе до чертоговъ божества свѣта, понижаетъ свой полетъ, и скоро преобращенъ будетъ въ хищную, или трупы жрущую птицу.

Между тѣмъ, какъ разгорячившееся отъ яду порицанія сердце занимается объ ономъ слагать стихи, безчеститъ оно свой даръ и божественное согласіе своея пѣсни. Да не употребимъ во зло нашего восторга; желчь порицанія отравляетъ источникъ Иппокрены. Я предпочитаю краснорѣчію твоему мудрое и добродѣтельное Бернардово молчаніе, который опѣвалъ божество любви.

Тако стоитъ безъ утѣшенія Паяда, когда возмятутъ бунтующіе вихри тихія ея воды, изъ нѣдръ глубокаго ея жилища подымаются камни, песокъ мѣшается съ волною и помрачаетъ кристаловидныя ея струи. Но ежели наступитъ тишина, источникъ становится прозраченъ, бѣжитъ свѣтло въ тихое его теченіе, то уже ничто не возмущаетъ чистаго ея потока.

Подобны сему и разславленныя поношенія, между тѣмъ, какъ они еще и новы, касаются только воздуха, потомъ презираютъ ихъ, позабываютъ и пасквилы ихъ съѣдаются червями. Одни только справедливыя заслуги находятъ сами въ себѣ непрестанное покровительство.

Напослѣдокъ возставленная истина торжествуетъ надъ заблужденіемъ. Іуліянъ находитъ противъ священнаго порицанія защитника. Ежели ненависть и ея подружіе зависть лежатъ въ пыли, то безъ дальняго предстательства, добродѣтель сама показывается собою. Мы видимъ въ почтеніи достойныхъ повѣстяхъ, что лавры славы зеленѣютъ паки, которые было обезлистила ненависть.

—

ОДА

НА ПОСТОЯНСТВО

Ослѣпленная алчба крови, губительница смертныхъ, не твоему мрачному неистовству посвящаю я здѣсь олтарь, но той мужественной, постоянной, твердой и долготерпѣливой добродѣтели, которая, презирая обуреваніе судьбины, непреклонна отъ гласа ненависти, полна любви къ своей жизни, изъ великодушія токмо пренебрегаетъ смерть.

Низведенный Гіевъ боговъ преступкомъ дерзскаго Прометея, похитившаго у нихъ небесный огнь, велѣлъ распространиться изъ вреднаго сосуда Пандоры по всей землѣ адскому отроищу зла, только единственная частица ихъ милости осталася на днѣ пагубнаго сего сосуда въ надеждѣ.

На страшномъ позорѣ ономъ, гдѣ люди яко на игрищѣ представляютъ свои лица, природа, утѣшающаяся нашими несчастіями, кажется намъ мачиха: заслуги, достоинства, порода и ничто не освобождаетъ насъ отъ страданія. Во всѣхъ нашихъ участяхъ бѣды съ нами: я вижу Галилея въ узахъ, Медицисъ въ заточеніи и Карла на мѣстѣ лобномъ.

Здѣсь похищенное у тебя счастіе возжигаетъ въ тебѣ отмщеніе; тамо неповинное твое сердце прободаютъ стрѣлы зависти; тутъ изнуряющая скорбь разливаетъ свои страхи на цвѣтущее твое здравіе. Севодни больна жена, завтра мать, или братъ, или смерть вѣрнаго твоего друга, заставляютъ тебя проливать слезы.

Тако, не взирая на усильственную лютость свирѣпствующей хляби, носится утлое судно по ярящемуся морю. Воздвизаемыя бурнымъ дыханіемъ волны, то возносятъ къ облакамъ, то низвергаютъ его въ тартаръ. Небо возвѣщаетъ ему его сокрушеніе, но оно, подкрѣпляемое своею бодростію, противится и волнамъ и вихрямъ и безднамъ.

И такъ въ смущенныхъ дняхъ, противу всѣхъ навѣтовъ твердость щитъ и непоколебимость оружія. Судьбина можетъ гнать и изготовлять паденіе и ускорять погибель, но ни какая опасность не сотрясетъ постоянства. Когда боязливая подлость исчезаетъ безъ надежды, тогда духъ крѣпкій мужаться долженъ.

Божество времени скорыми своими крылами летитъ и не возвращается къ намъ паки. Хотя не можетъ оно отмѣнить судьбины но, кажется, въ его отдаленіи самимъ своимъ полетомъ уже даетъ намъ благо, ибо все, имъ причиняемое, и все истребляемое, даже до малѣйшаго слѣда, уноситъ оно съ собою. Для чего жь вздыхать въ краткое несчастіе, которое пройдетъ въ минуту, и для чего безпрестанно намъ жаловаться?

Чуждуся я Овидія: печаленъ, грустенъ, боязливъ, и даже въ самой бѣдности ползущій льстецъ своего тирана, не имѣетъ ничего мужественнаго въ своемъ сердцѣ. Должно ли заключить изъ его жалобъ, что кромѣ пышныхъ стѣнъ Рима нѣтъ нигдѣ надежды смертнымъ? Блаженъ бы онъ былъ, когда бы въ своемъ заключеніи, какъ Горацій, сказать могъ: счастіе мое со мною.

Крѣпкіе философскіе духи, жители на земли неба, звѣзды стоическаго ученія! вы будете изъ смертныхъ боги. Ваши мудрованія, ваши непоколебимыя души надъ человѣчествомъ торжествуютъ. Что могутъ налоги несчастія мужественному сдѣлать сердцу, которое унывать неспособно?

Регулъ оставляетъ друзей, отечество, идетъ въ Карѳагену, предается въ неволю укротить ид-

кую суровость своихъ мучителей. Велизарія я болѣе чту въ его презрѣніи и въ нищетѣ, нежели на лонѣ его благополучія. Естьли я удивляюся великому Людовику, то это тогда, какъ его угнетаютъ въ несчастіи, и онъ лишается своего потомства.

Малый духъ покоится безъ труда въ нѣдрѣ своего благополучія; человѣкъ наслаждается своимъ счастіемъ, которое ему даруетъ случай; душа благородная не токмо отличается въ благопріятномъ времени, но ежели и обстоятельства смѣшены. Сіе же опытъ совершенной добродѣтели, когда сердце въ жестокостяхъ рока растетъ и возвышается.

Вѣчное предопредѣленіе неупросимо; напрасно хотятъ преобратить его; который смертный дерзнулъ противоборствовать его узаконеніямъ? Нѣтъ! всѣ силы Алцидовы въ крутизнахъ стремленія его слабы. Постоянною душею только надлежитъ сносить свирѣпость несчастія, которое никакъ премѣнить не можно.

ОДА

КЪ МОВТЕРПІЮ.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОНЪ.

О! Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнь! Цвѣтъ сей, сегодня блистающій, едва только успѣлъ разцвѣсть, завтра увядаетъ. Все проходитъ, все проходитъ строгою необходимостію неизбѣжимыя судьбины, и все уносится. Твои добродѣтели, твои великіе таланты не могутъ дня одного получить отсрочки отъ времени.

Лучшихъ дней моихъ нѣтъ. Какъ шумящія волны, удовольствія мои улетѣли; никакая сила оныхъ не удерживаетъ, и я слѣдую уже стоическому поученію хладнаго моего разума. Между тѣмъ, какъ я удручаюся, онъ восходитъ, настоящее летитъ, будущее неизвѣстно, а прошедшее менѣе, какъ сонъ.

Гордый смертный, ты, который толь суетенъ въ слабыхъ помышленіяхъ духа твоего! познай твою крушимую судьбину, и умѣрь твою спѣсь; кратокъ есть конецъ и въ томъ предѣлъ твой: лишь только ты родился, уже рокъ для того влечетъ тебя къ разрушающей нощи, гдѣ Мевій и Виргилій во множествѣ смѣшенны и имѣютъ единственную участь.

Прельщенные ложнымъ блескомъ добра недостойнаго, дѣлающіе себѣ идола изъ металла бреннаго и преходящаго, къ чему вы его жалѣете? Видите, о смертные! на свѣтѣ семъ, все яко цвѣтъ сельный упадаетъ; такъ лучше пожалѣйте о своемъ заблужденіи! Ваши сокровища, ваши богатства послѣдуютъ ли за вами въ могилу вашу?

Какъ можно толикое множество суетныхъ предметовъ пожертвовать нашей жизни! Для чего такое великое пространство замысловъ пути столь ограниченному? Герои! готовящіе узы несчастливой вселенной, воззовите витязей начертанныхъ въ лѣтописцахъ, достигаете ли всѣхъ оныхъ вы славы?

Пусть подсолнечная дѣлами вашими придетъ во изступленіе, пусть тріумфы ваши превознесутъ васъ въ санъ Монарха, но миръ окончитъ брани; вы будете жертва смерти, и едва только выговорится о васъ одно слово, уже все загладится рушущими вѣками. Человѣкъ умретъ, и героя позабудутъ.

Какое множество было мужей великихъ, и время еще усугубитъ оныхъ. Станьте съ ними рядомъ, но тѣнь ихъ помрачитъ васъ. Ежели ваше невѣждественное бѣшенство почитало славолюбіе за истинную славу, то, ахъ! какая будетъ судьба ваша? Часто свирѣпствующій кровопивецъ думаетъ въ то время прославляться дѣлами своими, когда свѣтъ весь наполненъ къ нему омерзѣнія.

Сколько прошло вѣковъ, какъ щедродарная десница мятежныя устроила стихіи, и изъ хаоса сотворила свѣтъ. Время все захватываетъ въ свое владычество, такъ, что настоящее бѣжитъ, а будущее скоропостижно ему же послѣдуетъ. Человѣкъ! область дней твоихъ въ вѣчности точка: быть одну минуту, сіе называется жить.

Когда бы люди по крайней мѣрѣ двойственное число дней своихъ жить могли, то бы можно было иногда поласкать ихъ гордости. Смертные! дерзкія желаніи ваши возносятъ васъ сравняться богамъ, но что вы? Вы рождены пресмыкатися въ пыли, жить и умереть. Это вы, которые существуете на то, чтобы исчезнуть, это вы стараетесь о славѣ?

Для чего искать счастія? Для чего бояться ударовъ неба? Доброе есть пріятный, а злое худой сонъ. Всѣ сіи случаи для того, кому бытіе наше извѣстно, суть предметы равнодушные. Прочь печали, утѣхи и вы любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ въ рукахъ уже смерти.

Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единаго взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игралище непостоянства.

Познаемъ слѣпоту нашу, предразсужденія наши и наши слабости; тогда все кажущееся великимъ будетъ куча бездѣлицъ. Вознесемся на небеса и ниспустимъ отъ величественной высоты оной взоръ свой на Парижъ, на Пекинъ и на Римъ, то въ отдаленности всѣ сіи великости исчезнутъ. Вся земля уподобится точкѣ; что же будетъ человѣкъ?

Наполнены суетности, носимся мы между прошедшею и будущею бездною вѣковъ, которые бѣгутъ непрестанно. Всегда упражнены ничѣмъ, яко дѣйствительные Танталы ложнаго блага, погруженны въ обавающій сонъ, терзаемся безпрестанно хотѣніемъ и теряемся въ ничтожествѣ! Сей есть предѣлъ нашей жизни.

ОДА

НА ВЕЛИКОСТЬ.

Живущая въ кругахъ небесъ,
У существа существъ всѣхъ сущихъ,
Кто свѣтъ изъ вѣчной тьмы вознесъ,
И твердь воздвигъ изъ безднъ борющихъ,
Дщерь мудрости, душа боговъ!
На гласъ моей звенящей лиры
Оставь гремящіе еѳиры,
И стань среди моихъ стиховъ!

Возлегши на твоихъ персяхъ,
Наполнясь твоего паренья,
Я зрю, блистаетъ свѣтъ въ очахъ;
Я мню, перо творитъ велѣнья!
Восторгся духъ зарей въ чертогъ!
Страны вселенныя, взирайте,
Божественъ образъ познавайте:
Великость въ человѣкѣ Богъ.

Свѣтилы красныя небесъ,
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не сбирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ сбираю,
Великость вамъ внушить желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.

Ногою ставъ на черный понтъ,
Чрезъ мракъ и чрезъ пары стремящи,
Тавръ всходитъ въ вышній горизонтъ;
Не можетъ вихрь его ярящій
Ни мало сердце колебнуть:
Онъ бурей трескъ уничтожаетъ,
Онъ молній блескъ пренебрегаетъ,
Безсиленъ громъ его тряхнуть.

Высокій духъ, чрезъ все высокъ,
Всегда онъ твердъ, что ни случится:
На западъ, югъ, полнощь, востокъ
Готовъ онъ въ правдѣ ополчиться.
(*) Пускай самъ Богъ ему грозитъ,
Хотя въ пыли, хоть на престолѣ,
Въ благой своей онъ крѣпокъ волѣ,
И въ ней по смерть, какъ холмъ, стоитъ.

Изъ мрачной древности временъ,
Великій духъ, мнѣ въ слухъ разится,
Алкидъ, геройствомъ возбужденъ,

(*) Когда на Іова праведнаго низпосланы были бѣдства, то самъ Богъ, искушая его, призвалъ духа и велѣлъ коснуться плоти его.

Прогнать изъ свѣта злобу тщится.
Онъ въ путь течетъ средь безднъ, средь блатъ,
Изъ корней горы исторгаетъ,
Горами страшными бросаетъ,
Шагами потрясаетъ адъ.

Когда богамъ не можно быть
Никакъ со слабостьми людскими,
То долженъ человѣкъ сравнить
Себя дѣлами имъ своими.
На что взноситься въ звѣздный тронъ?
ПЕТРА Великаго лишь зрѣти,
Его кто можетъ духъ имѣти,
Богамъ подобенъ будетъ онъ.

Востока Царь, полсвѣта страхъ,
Подсолнечной желатель трона,
Не тѣмъ великъ въ моихъ глазахъ
Попратель града Вавилона,
Что скипетры подъ нимъ лежатъ,
Но что, быть мнивши кубокъ съ ядомъ,
Пріялъ, не возмутился взглядомъ,
Яко божественный Сократъ.

Судьбина если не дала
Кому престоломъ обладати,
Творити Титовы дѣла,
Щедроты смертнымъ изливати,
И въ нижней части можно быть
Пресвыше, какъ носить корону:
Чѣмъ быть подобному Нерону,
То лучше Епиктитомъ слыть.

Терпѣть, страдать и умереть
Съ неколебимою душою,
Такою ревностью горѣть,
Мужался Регулъ каковою,
Преславно тако кончить дни!
Бездушные Сарданапалы
Сто разъ предъ Велизаромъ малы,
Хотя блаженствуютъ они.

Небесный даръ, краса вѣковъ,
Къ тебѣ, великость лучезарна,
Когда средь сихъ моихъ стиховъ
Восходитъ мысль высокопарна,
Подай и сердцу столько силъ,
Чтобъ я тобой одной былъ явенъ,
Тобой въ несчастьи, въ счастьи равенъ,
Одну бы добродѣтель чтилъ.

Луны у насъ въ полудни нѣтъ,
Она средь нощи намъ блистаетъ,
А если солнце день даетъ,
По буряхъ краше намъ сіяетъ.
Великъ напастьми человѣкъ!
Въ горнилѣ злато какъ разжженно,
Отъ праха зрится очищенно,
Такъ нашъ бѣдами бренный вѣкъ.

Услышьте, всѣ земны владыки,
И всѣ державныя главы!
Еще совсѣмъ вы не велики,
Коль бѣдъ не претерпѣли вы!
Надлежитъ зло претерть пятой,
Противъ перуновъ ополчиться,
Самихъ небесъ не устрашиться
Со добродѣтельной душой.

Богини радости сердецъ,
Я здѣсь высотъ не выхваляю,
Помыслитъ кто, что былъ я льстецъ,
За тѣмъ потомкамъ оставляю,
Гремящу, пышну ону честь:
Россія чувствуетъ налоги,
Судьбы небесъ какъ были строги,
Монархини сей духъ вознесть.

Она пожары, язвы, гладъ,
Свирѣпы бунты укротила;
Всѣхъ золъ зіялъ на насъ какъ адъ,
Она бѣды всѣ отвратила:
Магмету стерла гордый рогъ;
Превыше смертныхъ щедрой власти,
Была покровъ намъ въ лютой части,
Какъ былъ на насъ самъ въ гнѣвѣ Богъ

Уже дымятся олтари,
Душѣ превыспренней, парящей;
Среди побѣдъ, торжествъ зари,
Своимъ величествомъ свѣтящей,
Россія празднуетъ жену.
Но что за громъ мнѣ ударяетъ?
ЕКАТЕРИНѢ міръ взываетъ:
Ты сверглa змія и луну!

ОДА

НА ЗНАТНОСТЬ.

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристаломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

На стогнъ поставленъ, на позоръ
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ,
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, Князи всей вселенной!
Статуи, безъ достоинствъ, вы!

При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ,
Калигула быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышенъ цугъ?
Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?

Творящъ въ Ареопагѣ судъ,
Подъ кровомъ злата и виссона,
Ѳемиды свято мѣсто тутъ,
Бѣги изъ зазерцальна трона,
Коль ты неправеденъ Катонъ!
Начто и правосудье въ свѣтѣ,
Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что сталъ другой (*) Шемякинъ онъ?

Къ чему способности и умъ,
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужитъ вождя шумъ,
Когда не щитъ онъ государства?
Емелька съ Катилиной змѣй,
Разбойникъ, распренникъ, грабитель,
И царь невинныхъ утѣснитель
Равно вселенной всей злодѣй.

Въ тріумфѣ, въ славѣ, подъ вѣнцемъ,
Герой, Помпея побѣдитель,
Іюлій, жаждущимъ мечемъ
Не сталъ ли Рима обагритель?
Славнѣй ЕКАТЕРИНОЙ быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ границамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.

О вы, верховныя главы,
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душею благородной,
Талантомъ, знаньемъ и умомъ,
Примѣры обществу даете,
И пользу оному ведете
Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.

Дворянства взводитъ на степень
Заслуга, честь и добродѣтель;
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истинна содѣтель:
Я князь, коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Бояринъ, коль за всѣхъ болѣю,
И всѣмъ усерденъ для услугъ.

Предъ нами древностью своей
О, князи міра! не гордитесь:
Каковъ Евгень, Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситесь,
Но въ Роскомъ множествѣ дворянъ:
Герои славнѣя бывали,
И нынѣ царство подпирали,
Межъ прочихъ сей примѣръ вамъ дамъ:

Отечеству Румянцовъ другъ,
И прямо свѣта хвалъ достоинъ.
Великъ, что въ немъ геройской духъ,
Но болѣ, что востокъ спокоенъ
И сѣверъ сталъ его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишь только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой.

(*) Да не возметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой счетъ; судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи.

ОДА

НА СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФА БИБИКОВА.

Тебя ль оплакивать я долженъ?
О Бибиковъ, какой ударъ!
Тебѣ ли кипарисны лозы
И миро я на гробъ несу?
Едва успѣлъ тебя познати,
Уже лишился рокомъ лютымъ!
Погибъ съ печали разумъ мой.
Когда твои доброты вспомню,
Сердечны разверзаю раны,
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье
Къ тебѣ отъ всей твоей страны,
Уже стократно болѣ стоятъ,
Какъ нежели тебя забыть.
У всѣхъ, достоинства кто любитъ,
Твой образъ въ мысли будетъ вѣченъ:
Внемли! се Музъ несется стонъ;
Военна добродѣтель тужитъ,
Минерва съ Россами крушится;
Любовь, мой плачъ твердитъ: увы!

Не показать мое искуство,
Я здѣсь теперь пишу стихи,
И рпомъ въ печальномъ слогѣ нѣтъ здѣсь,
Но вздохъ, но знакъ, но чувство лишь
Того тебѣ благодаренья,
Въ моемъ, что невмѣстимо сердцѣ,
Я здѣсь изобразить хочу.
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ:
Я сдѣлалъ мавзолей симъ вѣчной,
Изъ горькихъ слезъ моихъ тебѣ.

Другіе чтятъ одну фортуну,
Смотря на прибыли свои,
Божественной поэзьи дары
Лишь ей одной приносятъ въ честь,
Но я предъ тронъ фортуны мира
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
Я сыплю ихъ на пепелъ твой
Желаю только, чтобъ сказали:
Онъ, знать, что любитъ добродѣтель,
Онъ пишетъ ей свои стихи.

Но смерть твою, герой, прехвальну
Живѣй чтобъ могъ я описать,
Я взялъ себѣ всѣ черны тѣни
Съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ твой пресѣкся вѣкъ.
Не лавръ, какъ прежде исторгая
Пруссака, укротивъ Сарматъ,
Но ставъ своихъ спаситель странъ,
Въ вертепѣ бѣдномъ ты скончался.

А сей конецъ, о какъ прекрасенъ!
Онъ лучше всѣхъ земныхъ побѣдъ.

(*) Воззрѣвъ на предстоящихъ слезныхъ,
Не жаль отца, жены и чадъ:
"Воздать любящая заслугамъ,
"Россійска Матерь призритъ ихъ;
"Мнѣ жаль отечество оставить!...
Ты рекъ, и рокъ сомкнулъ воздыханья;
Однако видъ казалъ геройскъ,
Чтобъ скоро все низвергъ ты бѣдство.
Но тутъ бореи возшумѣли
И разнеслася страшна вѣсть.

Пустыни въ вретище облеклись (**);
Весна преобразилась въ мракъ;
Казань вострепетала въ сердцѣ;
Упалъ горящій воиновъ духъ,
Спѣшатъ писать увѣщеванья:
(***) Мужайтесь! бодрствуйте! вѣщаютъ,
Но нѣтъ тебя, но нѣтъ тебя!
Разстроилось побѣды дѣло; (****)
Сильнѣе разлилася язва;
Скрѣпился въ звѣрствѣ Пугачовъ.

Тогда цѣна твоя позналась
Твоихъ рыданьемъ согражданъ,
Успѣхомъ хищниковъ Россійскихъ,
Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
Блаженъ! рекли всѣ вожди свѣта:
Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ:
Въ слѣды счастливой побѣдитель

(*) Сіи слова самыя тѣ, которыя сказаны покойнымъ при концѣ его, когда бывшіе съ нимъ стали представлять ему, чтобъ онъ просилъ Монархиню о неоставленіи семьи его.

(**) Сочинитель былъ въ то время въ пустыняхъ нѣкоторыхъ труженниковъ, которые, въ знакъ своего сокрушенія, надѣли на себя волосяныя рубахи, сіе есть вретище, и сочиня постъ, молили о душѣ его

(*) Преемникъ Бибикова генералъ-поручикъ Щербатой, отдавая покойному справедливость, писалъ къ нѣкоторымъ въ своихъ повелѣніяхъ, чтобъ не ослабѣвали въ дѣлахъ своихъ, услыша о кончинѣ толь любезнаго и достойнаго предводителя.

(**) Татищевское сраженіе разсыпало было всю дерзость бунтующихъ, но послѣ смерти сего мужа Пугачовъ нашелъ время паки пріити въ силу.

Несетъ проклятье за собою,
Защитникъ жалость по себѣ.

Подвижники усердной службы
Отечеству по самый гробъ,
Когда имѣютъ въ воздаянье
Себѣ всегдашню похвалу,
То вожди будущи и войны
Россійскихъ странъ побѣдоносныхъ,
Взраствивъ, какъ мы, лавровый лѣсъ,
Сбирайтесь чтить того вы память,
Сносите въ честь тому вы розы,
(*) Кого зрѣть чтились короли.

Онъ былъ искусный вождь на браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель Музъ,
Отечества ревнитель твердый,
Блюститель вѣры, правды другъ.
Почтенъ Монархиней за службу,
За даръ ума, за добродѣтель,
За честность духа своего.
Онъ зло стерть въ подвигѣ скончался.
Вы, вѣтры, нынѣ вѣйте тише:
Священный почиваетъ прахъ!

ОДА

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, СОЧИНЕННАЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И БУНТА 1774 ГОДА.

Се красный день, твой новый годъ,
А Ты еще не утружденна,
Еще ни въ чемъ не упражненна,
Кромѣ побѣдъ, добротъ, щедротъ.
Кромѣ, чтобъ милость намъ являти
И часъ потеряннымъ считати
Безъ милосердіевъ твоихъ.
Любовь и удивленье свѣта,
Что дѣлалъ Петръ, Елисавета:
Твой вѣкъ, ЕКАТЕРИНА, ихъ!

Се новый путь блистать лучамъ,
Тебѣ въ безсмертіе стремиться,
Еще превыше возноситься
Съ Тобою восходить и намъ.
Но въ яры дни теперь вздыхая,
Дней прошлыхъ кротость вспоминая,
Ужель не ждать ихъ вспять съ небесъ?
Эхъ! можно ль въ ономъ сомнѣваться,
И льзя ли Россу удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ чудесъ!

Младая Муза, вспрянь, бодрись,
И Евръ какъ, крыла простирая,
Полеты стрѣлъ предускоряя,
Дерзай, теки, стремись, несись.
И въ быстромъ вихрѣ скоропарномъ,
Въ теченьи солнца свѣтозарномъ
Приближь къ нему свой орлій взоръ,
Сдержи его крутизнъ въ вершинѣ,
На самой выспренней стремнинѣ,
Пловущихъ, синихъ, свѣтлыхъ горъ!

Сдержи и рцы: о! князь планетъ,
Веществъ чувствительныхъ живитель,
Цвѣтовъ, весны, зарей родитель,
Свѣтило, льюще въ душу свѣтъ!
Со лучезарной колесницы
Весь день низводишь ты зѣницы
На Россій, небу равный край,
Не въ гнѣвъ тебѣ, царю златому,

(*) Герой нынѣшняго вѣка, Его Величество Король Прусскій писалъ къ господину Бибикову письмо, которое есть и напечатанное.

Равенъ ли солнцу ты другому,
Кѣмъ свѣтелъ нордъ? Скажи, вѣщай!

Ражженный, какъ въ горну халкидъ,
Таковъ тутъ сынъ Латонинъ зрится,
Въ лицѣ багрянымъ цвѣтомъ рдится
И свой желаетъ скрыти стыдъ.
Трясетъ горящими кудрями,
И жаркихъ бьетъ коней вожжами,
Претечь ихъ нудитъ горизонтъ.
Пустившися съ высока юга,
Всего емпира чрезъ полкруга,
Въ единый мигъ онъ скрылся въ понтъ.

Когда бъ средь варварства ночей
Еще, Монархиня, мы жили,
Мы въ солнца чинъ Тебя бъ вмѣстили,
Поставя правдой вымыслъ сей.
Но днесь ужъ Ольгой освященны,
Тобою паче просвѣщенны,
Мы баснями Тебя не чтимъ,
А если къ опымъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить чаемъ,
Въ Тебѣ его что образъ зримъ.

Отъ вѣкъ горящій окіанъ
Возвѣшенъ въ тверди сей надъ нами,
Дабы свѣтящими рѣками
Земныхъ онъ былъ лампада странъ.
Такъ Ты во блещущей коронѣ,
На боголѣпномъ предковъ тронѣ,
ЕКАТЕРИНА, Россійскій свѣтъ:
Ты намъ премудростью сіяешь,
И ею тамъ ты озаряешь,
Гдѣ съ мракомъ ледъ борьбу ведетъ.

Любезный зракъ какъ свѣтитъ сей,
Какъ зримъ его передъ глазами,
Безвредными тогда стезями
Мы ходимъ средь своихъ путей.
Такъ ясный день Твое владѣнье,
Твои доброты охраненье
Отъ всѣхъ намъ золъ въ странѣ Твоей:
Законы, казни всей вселенной,
Не могутъ жизни дать блаженной,
Какъ благъ одинъ примѣръ царей.

Полезной всюду теплотой
Оно плоды прозябаетъ,
Богатыхъ съ скудными питаетъ
И всяку плоть живитъ собой.
Такъ Ты героевъ награждаешь,
И купно бѣднымъ помогаешь
Во воспитаньи оныхъ чадъ.
Торги, художества, науки,
За милости, воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ.

Оно обиліемъ лучей
Ползущихъ тварей оживляетъ:
Твоя рука намъ поднимаетъ
Изъ пыли верженныхъ дѣтей,
На зданья зданья всѣ Мемфиски
Тебѣ поставимъ въ обелиски,
Благодаренья малъ то знакъ:
Носили горы исполины,
А человѣка, взявъ изъ глины,
Одинъ лишь Богъ содѣлалъ такъ.

Когда угрюмыхъ облакъ сонмъ
Хотятъ лицо его покрыти,
Оно, дни ясны продолжити,
Зажегши паръ, бросаетъ громъ.
Въ завидшихъ нашему покою
Побѣдоносною войною
Перунъ и Ты пустила свой.
Уже пламеноносны стрѣлы
Низпали въ вражески предѣлы,
Стѣснившись, какъ туманъ густой.

Уже, какъ зыкъ въ лѣсахъ ловцовъ
Еленицъ робкихъ ужасаетъ,
Срацынъ такъ слухъ одинъ сражаетъ,
Монархиня, Твоихъ полковъ.
Доколь въ нихъ молніи летаютъ,
Они ужъ то въ тріумфъ считаютъ,
Гдѣ если бѣгъ имъ жизнь спасетъ.
Господь твоей помощникъ волѣ,
Не будетъ несть земля ихъ болѣ
И память съ шумомъ ихъ минетъ.

Но сонмы жирныхъ, черныхъ тучъ,
Какъ солнце жаромъ разрываетъ,
Желанный дождь всѣмъ проливаетъ,
Журчащихъ водъ сугубитъ ключъ;
Такъ Ты всѣмъ матерь равна буди,
Враги, Монархиня, тѣ жъ люди!
Ударь еще и разжени,
Но съ тѣмъ, чтобъ милость къ нимъ пролити,
Въ свое владѣнье покорити,
Какъ насъ, покоить ихъ въ сѣни.

Какъ насъ всегда храня съ собой,
Покроя орлими крылами,
Златыми осчастливя днями,
Весь міръ возвесели Тобой.
Тобой Борей Зефиромъ будетъ,
Злодѣйство злобствовать забудетъ,
Сокроетъ зависть ядъ въ себѣ.
Пріидутъ царіе вселенны,
Твоею славой восхищенны,
Учиться царствовать къ Тебѣ.

Тогда ни вранъ на трупѣ жить,
Ни волки течь къ тѣламъ стадами

Не будутъ, насыщаясь нами,
За снѣдь царей благодарить.
Не будутъ жатвы поплѣненны,
Не будутъ села попаленны,
Не прольетъ Пугачевъ кровей.
Твоя кротчайшая природа
Утѣшитъ всѣ страны народа,
Коль будетъ въ власти все Твоей.

Ужель на сей одинъ конецъ
Всѣ твари только и созданны,
Вели чтобъ брани непрестанны?
О Боже благъ, щедротъ отецъ!
Не льзя ль изъ хаоса злосчастьевъ,
Намъ свѣтъ тебѣ содѣлать счастьевъ,
И слезы наши отереть?
Подай, да царствуетъ едина
Надъ свѣтомъ всѣмъ ЕКАТЕРИНА:
Имъ долженъ тотъ, кто благъ, владѣть.

Ея и благъ и кротокъ духъ
Пришельцовъ сѣнью Та покрыла,
Отъ казни винныхъ свободила,
Она намъ щитъ отъ сильныхъ рукъ.
Кого жъ, кромѣ Ея, Содѣтель,
Твою прославить добродѣтель
Пошлешь къ исправѣ ты людей?
Удвой Ей громъ, спасай вселенну,
Вездѣ отъ злобы утѣсненну,
И воцари Ее надъ ней!

ОДА

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКАГО,

апрѣля въ 16 день 1813 года.

Отколѣ палъ внезапно громъ
И молнія покрылась паромъ?
Грохочетъ всюду гулъ кругомъ!
Какимъ гордится смерть ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль страна преславна
Въ блаженствѣ царствовала ты!
Гдѣ жъ красота твоя державна?
Не тотъ и взоръ, не тѣ черты!
Отколь тамъ грусть, гдѣ духъ великій?

Военный геній твой въ слезахъ.
Въ густомъ туманѣ ратна сила,
Всеобща скорбь слышна въ рѣчахъ,
По лаврамъ ты идешь уныло!
Гдѣ сынъ твой, гдѣ безсмертный вождь?

О рокъ! гдѣ вождь нашъ сильный?
Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ?
Онъ въ родинѣ своей обильной
На гладъ и моръ враговъ навелъ,
И ихъ заставилъ жрать другъ друга!

Гдѣ онъ со пламеннымъ мечемъ
Женящій князя тмы и злобы,
Глотавшаго въ пути своемъ
Болѣзни, муки, смрадъ и гробы,
Бѣгущаго, какъ хищный волкъ?

Откликнись вождь нашъ несравненный!
Осиротѣлъ твой мечь въ ножнахъ!
На твой лежащій шлемъ священный
Уже валятся ржа и прахъ!
Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли изъ безднъ встаетъ
И страшны рветъ съ себя оковы!
Въ лицѣ луны кровавый цвѣтъ
Огнистый мещетъ взоръ суровый
И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись.... Но что?... Желанья тщетны!
Молчитъ весь міръ на голосъ мой!
Ссѣченный дубъ нашъ кратколѣтній
Не тмитъ уже лучей собой,
И шумъ вокругъ лишь въ листьяхъ мертвыхъ.

Вотъ генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его — могила,
А сущность — горсть одна земли!

И свѣтъ и прахъ онъ здѣсь мгновенно,
Но скрытый сей небесный громъ
Единымъ мигомъ въ жизни тлѣнной,
Быть можетъ вѣчности лучомъ.
О призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ, — и рабъ благій, иль злой,
Съ закатомъ солнца тѣнь растуща!
Единый Богъ свѣтильникъ твой.
Струя въ пути тебя несуща
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые,
Не унывайте въ скорбный часъ.
Все Богъ! — Его лучи святые
Съ рожденіемъ въ сердцахъ у васъ.
Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ.
Царь Сѣвера, Отецъ народный,
Повергнувъ зло къ своимъ стопамъ
Откроетъ къ счастью путь свободный,
И землю отъ оковъ спасетъ.

Ступай, о Россъ! воитель ада,
Горою бей и вихремъ рви,
Ударь дождемъ въ подобьи града,
Усѣй враговъ костями рвы.
Заря блаженства за тобою!

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

СТИХОТВОРЕНІЮ: ХРИСТОСЪ.

---

1) Іоанна, гл. 1, ст. 18. *Сый въ лонѣ Отчи.*
1) Тамъ же: *Бога никтоже видѣ, нигдѣже.*
3) Къ Коринѳян. первое Послан. Павла, гл. 12, ст. 3. *Никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ.*
4) Къ Коринѳ. второе Послан., гл. 12, ст. 2. *Восхищена бывша до третіяго небесе.*
5) Послан. первое Іоанн. Богосл., гл. 2, ст. 27. *Помазаніе въ васъ пребываетъ, и оно учитъ вы о всемъ.*
6) Матѳ. гл. 17, ст. 2. *Лице его яко солнце.* — Марка, гл. 9, ст. 3. *Ризы блестящи яко снѣгъ.*
7) Іоанн. гл. 20, ст. 27. *Принеси руку и вложи въ ребра моя.*
8) Іоанн. гл. 4, ст 13. *Никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе.*
9) Іоанн. гл. 14, ст. 2. *Въ дому Отца моего обители многи суть.*
10) Іоанн. гл. 6, ст. 51. *Азъ есмь хлѣбъ животный.* — Тамъ же гл. 7, ст. 37: *Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ.*
11) Іоанн. гл. 10, ст. 9: *Азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ, спасется.*
12) Царица Никавля, и она же Сивилла Савская, увидя въ Іерусалимѣ у Соломона негніющее древо, на коемъ около тысячи лѣтъ послѣ распятъ Христосъ, въ изступленіи возгласила: *Се древо, на немъ же Богъ, облеченный плотію, умретъ въ воскресеніе.* — Также Эриѳрейская, Куманская и прочія Сивиллы, и Трисмегистъ въ Египтѣ, предвѣщали о Христѣ —Смотри Лактанція въ 4 кн.—Магъ Сирійскій Валаамъ, 4 книги Числъ Моисея гл. 24. ст. 17, сказалъ: *Возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля.* — Пророкъ Аввак. гл. 3, ст. 1: *Господи, услышахъ слухъ твой и убояхся*, и проч.
13) Іова, гл. 38, ст. 7. *Восхвалиша мя гласомъ веліимъ вси Ангели мои.*
14) Даніилъ, гл. 2, ст. 34. *Отторжеся камень отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ нозѣ желѣзны и скудельны, и истни ихъ до конца.*
15) Дан. гл. 3. ст. 92. *И зракъ четвертый подобенъ Сыну Божію.*
16) Псал. 117, ст. 25 и 26. *О Господи! поспѣши же! — Благословенъ грядый во имя Господне!* — И прочіе Пророки предвѣщали о Мессіи, или Помазанникѣ Божіемъ, Христѣ.
17) Матѳ. гл. 2, ст. 2. *Видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися Ему.*
18) Луки гл. 2, ст. 7. *И положи Его въ яслѣхъ.*
19) Псаломъ 113, ст. 5. *И тебѣ, Іордане, яко возвратился еси вспять.*
20) Іоанн. гл. 1, ст. 29. *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.*
21) Іоанн. гл. 3, ст. 5. *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе.*
22) Іоанн. гл. 9, ст. 6. *Помаза очи бреніемъ слѣпому.* — Луки гл. 7, ст. 22. *Слѣпіи прозираютъ, хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, глусіи слышатъ, мертвіи возстаютъ, нищіи благовѣствуютъ.* О сихъ чудесахъ Іисуса доносилъ и Понтійскій Пилатъ императору Тиверію.
23) Матѳ. гл. 8, ст 26. *Тогда возставъ запрети вѣтромъ и морю, и бысть тишина велія.*
24) Матѳ. гл 8, ст. 32. *И рече (бѣсамъ): идите.*
25) Іоанн. гл. 11, ст. 43. *И воззва: Лазаре! гряди вонъ.*
26) Матѳ. гл. 17, ст. 1 и 2. *И возведе ихъ на гору высоку едины и преобразися предъ ними.*
27) Тамъ же, ст. 2. *Се явистася имъ Моисей и Илія,* (изъ коихъ второй, по преданію Святыя Церкви, живъ и донынѣ).
28) Тамъ же, ст. 5. *Гласъ изъ облака глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный.*
29) Исаія гл. 53, ст. 12. *И со беззаконными вмѣнися.* — Матѳ. гл. 27, ст. 38. *Тогда распяша съ нимъ два разбойника, единаго одесную и единаго ошуюю.*
30) Матѳ. гл. 27, ст. 30. *Пріяша тростъ и біяху по главѣ его.*
31) Луки гл. 23, ст. 34. *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ.*
32) Ко Евреемъ Послан. гл. 2, ст. 14. *Да смертію упразднитъ имущаго державу смерти.*
33) Луки гл. 33, ст. 46 *И сія рекъ, издше.*
34) Матѳ. гл. 27, ст. 51 и 52. *И земля потрясеся и каменіе распадеся.* — По описаніямъ путешественниковъ, и нынѣ видима разсѣлина въ каменной горѣ Голгоѳѣ.
35) Апокалипс. гл. 3, ст. 20. *Се стою при дверехъ и толку.*
36) Іоанн. гл. 4, ст. 24. *Духъ есть Богъ.* — И его же первое Послан., гл. 1, ст. 5. *Богъ свѣтъ есть.*
37) Іоанн. гл. 1, ст. 14. *И слово плоть бысть.*

38) Бытія кн. 1, гл. 1, ст. 3. *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.*

39) Ко Евр. гл. 2, ст. 8. *Вся покорилъ еси подъ нозѣ его.*

40) Бытія гл. 1, ст. 26. *И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.*

41) Бытія гл. 2, ст. 7. *И созда Богъ человѣка, персть земъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни.*

42) Тамъ же гл. 3, ст. 5. *И рече змій: и будете яко Бози.*

43) Тамъ же ст. 20. *Яко земля еси, и въ землю отъидеши.*

44) Къ Римлян. гл. 8, ст. 22. *Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ.*

45) Къ Колоссаемъ, гл. 1, ст. 20. *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*

46) Посланіе второе къ Коринѳ. гл. 5, ст. 4 *Воздыхаемъ, да пожерто будетъ мертвенное животомъ.* — И къ Колос. гл. 3, ст. 5. *Умертвите уды ваша яже на земли.*

47) Послаіе второе къ Коринѳ. гл. 12, ст. 9: *Сила бо моя въ немощи совершается.*

48) Къ Галат гл. 4, ст. 4. *Егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго.*

49) Вечерняя пѣснь Св. Софронія Патріарха Іерусалимскаго: *Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній.*

50) Іоанн. гл. 1, ст. 12 *Даде имъ область чадомъ Божіимъ быти.*

51) Матѳ. гл. 11, ст. 25. *Яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ.*

52) Ко Евреемъ, гл. 12, ст. 2. *Взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса.*

53) Первое посланіе къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 16. *Богъ явися во плоти.*

54) Іоанн. гл. 14, ст 6. *Никто же пріидетъ ко Отцу, токмо мною.*

55) Тамъ же, ст. 10. *Яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ*

56) Ко Евр., гл. 8, ст. 6. *И лучшаго завѣта есть ходатай*

57) Исаія гл. 53, ст. 11. *И грѣхи ихъ той понесетъ.*

58) Къ Колоссаемъ, гл. 1, ст. 20. *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*

59) Къ Галат., гл. 6, ст. 7. *Богъ поругаемъ не бываетъ.*

60) Матѳ. гл. 11, ст. 29. *Научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ.*

61) Матѳ. гл. 5, ст. 44. *Любите враги ваша.*

62) Матѳ. гл. 25, ст. 35 и 36. *Взалкахся бо и дасте ми ясти,* и проч.

63) Ко Евр. гл. 5, ст. 10. *Нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по чину Мелхиседекову,*

64) Къ Евр. гл. 7, ст. 27. *Единою* (*жертвою*) *себе принесъ.*

65) Дѣян. Апост. гл. 2, ст. 3. *И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни.*

66) Исаія гл. 42. ст. 3 *Трости сокрушены не сотретъ.*

67) Къ Римлян., гл. 2, ст. 1. *Имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши.*

68) Матѳ. гл. 4, ст 19. *Грядита по мнѣ, и сотворю вы ловцы человѣкомъ.*

69) Дѣян. Апост. гл. 17, ст. 22. *Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага.* — Тамъ же гл. 18, ст. 4. *Стязавшеся же на сонмищахъ* (или въ синагогахъ).

70) Іоанн. гл. 1, ст. 3. *Вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть.* — Къ Ефес. гл. 4, ст. 10. *Сшедый и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая.* — Къ Колосс. гл. 1, ст. 18. *Яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя.*

71) Іоанн. гл. 4, ст 23 и 24. *Егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною.*

72) Исаія гл. 11, ст. 4. *И духомъ устенъ убіетъ нечестиваго.*

73 Къ Галат. гл. 3, ст. 13. *Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя.*

74) Іоанн. гл. 1, ст. 5. *Свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ.*

75) Второе Посланіе къ Коринѳ. гл. 4, ст. 3. *Благовѣствованіе наше въ гибнувшихъ есть покровено.*

76) Іоанн. гл. 1, ст. 18. *Единородный сынъ, сый въ лонѣ Отчи.*

77) Матѳ. гл. 6, ст. 33. *Ищите прежде царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*

78) Послан. второе къ Коринѳ. гл. 6, ст. 16. *Вы есте церкви Бога жива.*

79) Псаломъ 6. *Слезами моими постелю омочу.*

80) Послан. 2, Пав., къ Тим., гл. 3, ст. 16. *Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть къ ученію.*

81) Матѳ. гл. 26, ст. 7. *Приступи къ нему жена сткляницу мѵра имущу многоцѣннаго.*

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГИМНУ

НА ПРОГНАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА.

(1) У Давида и Соломона были хоры пѣвцовъ между которыми и *Тимпанницы* дѣвы. Здѣсь дѣва разумѣется то же что Муза.

(2) *Аваддонъ*, а по Гречески *Аполлюнъ*, значитъ истребитель. Апокалипсисъ, глава 9, стихъ 11.

(3) *Звѣрь исходитъ отъ бездны.* Апокалипсисъ, гл. 11, ст. 7, и гл. 13, ст. 1.

(4) *Змій древній, нарицаемый діаволъ.* Апокалипсисъ, гл. 12, ст. 6.—Подъ видомъ змѣя здѣсь разумѣется коварство.

(5) *Змій съ агнцемъ брань сотворитъ, и агнецъ побѣдитъ его.* Апокалипс. гл. 17, ст. 14. — Здѣсь подъ видомъ Агнца представляется Христіанская кротость, и имѣетъ отношеніе къ тому, что царствующіій Императоръ вступилъ на престолъ подъ знакомъ Овна.

(6) *Атропа*, парка, или смерть.

(7) *Гогъ*, слово Еврейское, значитъ противоборника Христу. Апокалипс. гл. 20, ст. 7, и у пророка Іезекіиля гл. 38, ст. 2, и гл. 39, ст. 11.

(8) Наполеонъ пятью колоннами, болѣе нежели въ 500.000 человѣкъ, перешелъ пограничную рѣку Нѣманъ. Реляція отъ 17 Іюля.

(9) Въ письмахъ въ Парижъ и бюллетеняхъ тщеславился Наполеонъ такимъ образомъ.

(10) Слухъ носился, что такъ отзывался онъ послу нашему въ Парижѣ

(11) Нѣкоторыя Парижскія дамы, по увѣренію Наполеона, писали къ Петербургскимъ Французскимъ торговкамъ, чтобы онѣ къ Петрову дню приготовили имъ платья для бала въ Петергофѣ.

(12) Манифестъ объ ополченіи. 6 Іюля 1812 года.

(13) *Стратегистика*, слово Греческое, значитъ военный обманъ, или хитрость, которою Французы столь много превозносились

(14) У пророка Даніила, гл. 4, ст. 10, сказано о Навуходоносорѣ: *траву яко волъ ядяше.*

(15) У Даніила же гл. 5, ст. 5, при пиршествѣ Валтасара: *Въ той часъ изыдоша персты руки человѣчи и писаху.*

(16) Тамъ же, гл. 4, ст. 22. *Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е.*

(17) Смотри Сѣверной Почты № 94, статью изъ Москвы о неистовствѣ Французовъ.

(18) Слухъ носился, что Наполеонъ въ Москвѣ своими надписями богоугодныя заведенія присвоилъ своей матери.

(19) Смотри Сѣверной Почты № 78, статью изъ Твери.

(20) При сихъ мѣстахъ три славныхъ побѣды рѣшили участь, не токмо Россіи и Европы, но, такъ сказать, цѣлой вселенной.

(21) Въ реляціи отъ 27 Августа видно, что баттареи при Бородинѣ переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки.

(22) *Эвръ*, Африканскій полуденный, палящій вѣтръ.

(23) Видно изъ письма доктора Рокруа къ доктору Граю, что Наполеона не только сны, но и привидѣнія ужасали.

(24) *Да дастъ имъ начертаніе на руцѣ или на челахъ ихъ.* Апокалипс. гл. 13, ст. 16.—Наполеонъ принятыхъ въ свою службу клеймилъ, или печаталъ своимъ именемъ. Смотри журналъ *Сынъ Отечества*, № 4, стр. 168.

(25) *Чашею, ею же черпа, черплите ей сугубо.* Апокалипс. глава 18, ст 6.

(26) Сіе видно Сѣверной Почты въ № 99.

(27) Въ томъ же письмѣ доктора Рокруа къ Граю видно, что когда Наполеону пересказывали о подобныхъ ужасныхъ картинахъ, то онъ улыбался.

(28) 42 мѣсяца нѣкоторые разумѣютъ 42 года его, можетъ быть, политической жизни по сей 1812 годъ, а другіе 42 мѣсяца принимаютъ, въ прямомъ смыслѣ, время его успѣховъ по Испанскую войну, и объясняютъ оные числомъ звѣринымъ, какъ ниже видно.—Касательно же 5 мѣсяцевъ, то оные полагаютъ со дня вступленія его въ Россію, съ Іюня по Ноябрь мѣсяцъ.

(29) *Сіи возненавидятъ и запустѣвшу сотворятъ ю, и сожгутъ ю огнемъ*, то есть Вавилонъ. Апокалипс .гл. 17, ст. 16.

(30) *Число звѣрино* 666. Апокалипс. гл. 13, ст. 18. Видно изъ исчисленія Дерптскаго профессора Гецеля въ письмѣ къ Военному Министру Барклаю де-Толли, отъ 11 Іюня 1812 года, что въ числѣ 666 содержится имя *Наполеона*, какъ и приложенный при семъ Французскій алфавитъ то доказываетъ.

a. b. c. d. e. f. g. h. i. k. l. m. n. o. p.
1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 20. 30. 40. 50. 60.
q. r. s. t. u. v. w. x. y. z.
70. 80. 90. 100. 110. 120. 130. 140. 150. 160.

L e N a p o l e o n
20. 5. 40. 1. 60. 50. 20. 5. 50. 40.
E m p e r e u r
5. 50. 60. 5. 80. 5. 110. 80. } 666.

Q u a r a n t e d e u x.
70. 110. 1. 80. 1. 40. 100. 5. 4. 5. 110. 140. } 666.

(31) *Имѣетъ седмь главъ и роговъ десять.* Апокалипс. гл. 17, ст. 3. Подъ главами разумѣются здѣсь семь Королей, поставленныхъ Наполеономъ, какъ-то: *Неаполитанскій*, *Вестфальскій*, *Виртембергскій*, *Саксонскій*, *Голландскій*, *Испанскій*, *Баварскій*, а подъ рогами, десять народовъ, ему подвластныхъ, а именно: *Австрійскій*, *Прусскій*, *Саксонскій*, *Баварскій*, *Виртембергскій*, *Вестфальскій*, *Италіянскій*, *Испанскій*, *Португальскій*, *Польскій*, какъ въ манифестѣ отъ 3 Ноября сего 1812 года явствуетъ.

(32) *Вельфегоръ идолъ* — разумѣется здѣсь Наполеонъ, которому Государь не причастился, или союзникомъ не былъ.

(33) *Возстанетъ Михаилъ Князь Великій.* У пророка Даніила гл. 1. — Замѣчательно, что фельдмаршалъ Кутузовъ, при порученіи ему въ предводительство арміи, какъ бы нарочно, пожалованъ княземъ, чтобы сблизиться съ Священнымъ Писаніемъ; впрочемъ онъ избранъ былъ общимъ голосомъ въ начальники всеобщаго ополченія.

(34) По нѣкоторымъ извѣстіямъ видно благочестіе Князя Кутузова, что онъ предъ Бородинскимъ сраженіемъ, предъ иконою Божіей Матери, съ генералами въ виду всего войска присягнулъ, чтобы ни шагу съ мѣста не отступать.

(35) *Вавилонъ великій, мати любодѣйцамъ и мерзостямъ земскимъ.* Апокалипс. гл. 17, ст. 5 и гл. 18, ст. 2 и 3. Развратъ, соблазнъ, нечестіе и самое безбожіе Французскаго народа, не упоминая о бывшихъ въ послѣднюю революцію, видны въ Исторіи самыхъ давнихъ вѣковъ Христіанства. Ихъ упрекаютъ, что они во время обладанія Испаніею и Франціею Готѳами, при королѣ Вамбо, совокупясь съ нѣкоторымъ похитителемъ престола, Павломъ Грекомъ, какъ нынѣ съ Бонапартомъ, поругали Христіанскую Вѣру разными безчиніями; во время четвертаго Крестоваго похода, въ Константинопольскомъ Софійскомъ Соборѣ плясали съ распутными дѣвками, изъ коихъ одна припѣвала сквернословную пѣсню. — То жъ и въ лучшіе дни своего просвѣщенія, при Людовикѣ XIV, въ Голландіи, какія Французы дѣлали жестокости и варварства, того безъ омерзѣнія къ нимъ напомянуть не можно. — Потомство и о нынѣшнихъ поступкахъ ихъ въ Москвѣ не лучше отзовется.

(36) Якобинцы.

(37) Извѣстно по Исторіи, что всегда сѣверные народы одолѣвали западныхъ, и самый Римъ палъ отъ нихъ.

(38) Двѣнадцати-лѣтнія даже дѣти тайно отъ своихъ родителей убѣгали въ ополченіе, какъ то: сынъ покойнаго тайнаго совѣтника Муравьева, и проч.

(39) Генералъ Раевскій выводилъ впередъ на сраженіе своихъ дѣтей.

(40) Когда по оклеветанію нѣкоторыхъ крестьянъ въ убійствѣ Французовъ, приговорены они были къ казни, то простясь между собою, выходили безъ всякой робости подъ ружейные выстрѣлы, ознаменовавъ себя только крестнымъ знаменіемъ. Смотри журналъ Сынъ Отечества, № 6, стр. 224.

(41) Увѣряютъ нѣкоторые, что будто въ Москвѣ выбита была, по приказанію Наполеона, монета, или медаль, на которой изображенъ его портретъ, съ надписью: *Мой міръ и моя воля.*

(42) Отзывъ Наполеона въ разговорахъ о мирѣ при вступленіи въ Россійскія границы.

(43) Извѣстно, что при Бородинскомъ сраженіи, при осмотрѣ Россійской арміи княземъ Кутузовымъ, видѣнъ былъ парящій надъ его главою орелъ. Сѣверная Почта № 71.

(44) Нѣкоторые скрытные недоброхоты, при полученіи извѣстій о побѣдахъ, хотя показывали радость, но всегда предвѣщали ужасы отъ Рейнскаго Союза.

(45) *Нѣманъ*, извѣстная пограничная рѣка; а *Обь*, протекающая въ Сибири, куда отсылаются преступники.

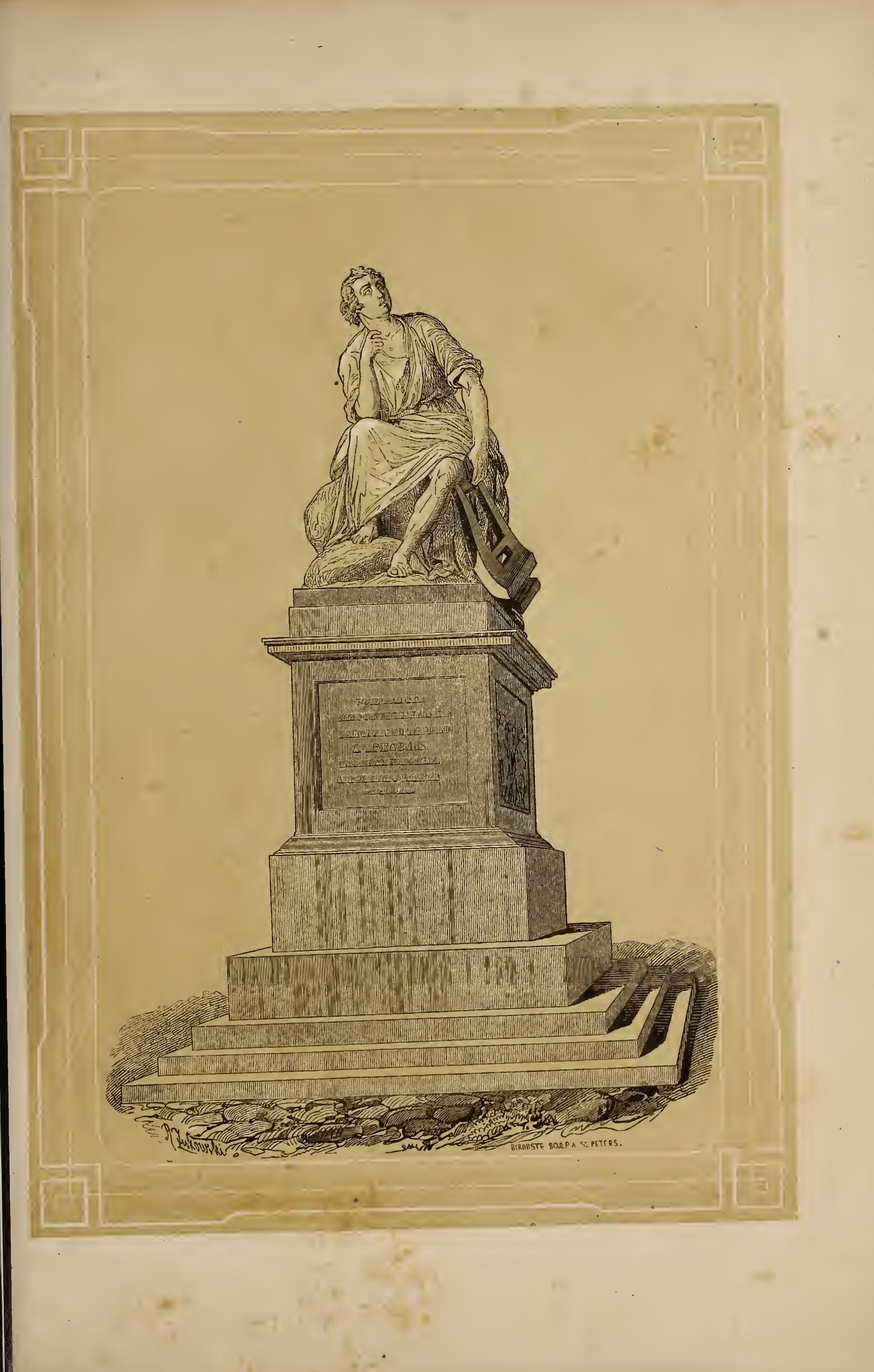
(46) *Гесперія* и *Албіонъ*, древнія имена Испаніи и Англіи.

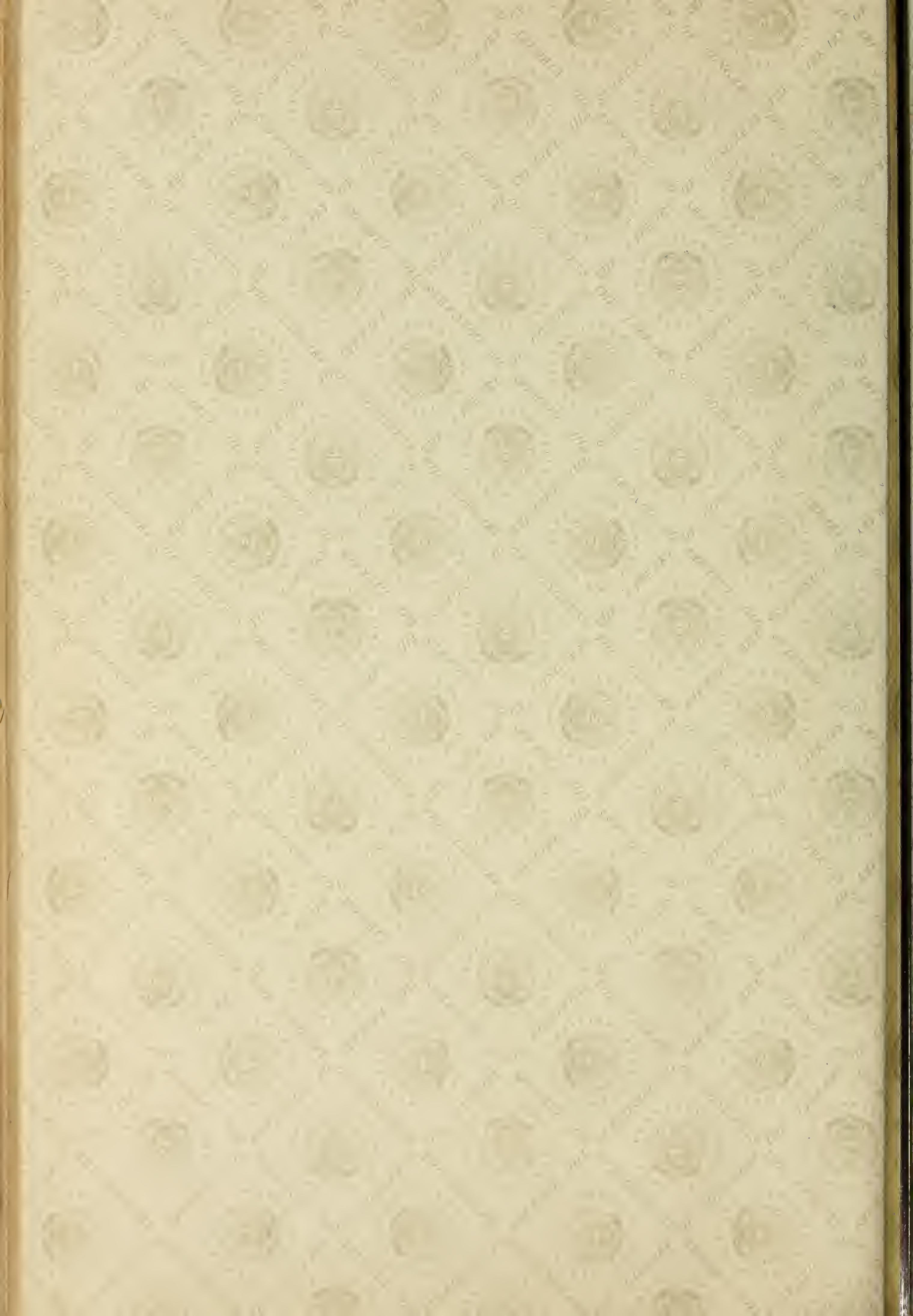
(47) Изъ реляціи отъ 23 Августа видно, что князь Кутузовъ предсказалъ, съ котораго мѣста Наполеонъ атаковать его будетъ, и что вступивъ въ Москву, онъ его истребитъ. Смотри Сѣверную Почту, № 70 и 75.

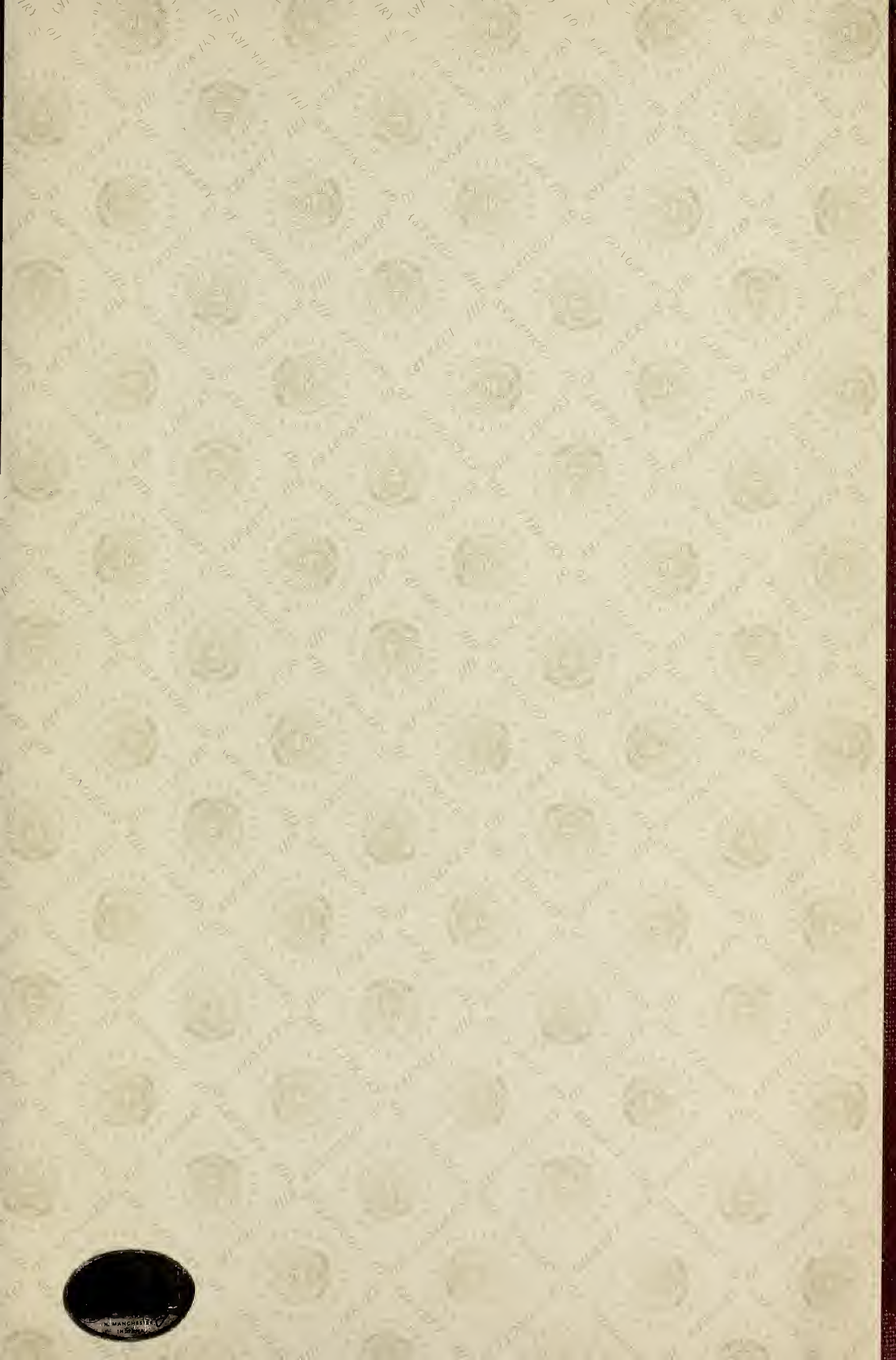
(48) Въ одномъ донесеніи графа Витгенштейна видно, что легче ему было побѣждать Французовъ, нежели отъ нихъ ретироваться.

(49) Никто столько не безпокоилъ Наполеона, какъ сей генералъ своими казаками, такъ, что Французы названія ихъ боялись. Журналъ Сынъ Отечества № 9, стран. 128.

(50) Багратіонъ получилъ тяжкую рану при Бородинѣ, отъ которой скончался.


BIROUSTE SCULP A ST PETERS.




N. MANCHESTER